

Фарли Моуэт

ТРАГЕДИИ МОРЯ

Фарли Моуэт

ТРАГЕДИИ МОРЯ

*Перевод с английского
Л. С. Богданова*

*Редакция,
послесловие и комментарии
профессора С. М. Успенского*

*Москва
Прогресс
1988*

Sea of Slaughter

Farley Mowat

McClelland and Stewart
Toronto, Canada
1984

Моуэт Ф.

Трагедии моря: Пер. с англ./Науч. ред., авт. послесл. и коммент. С. М. Успенский.— М.: Прогресс, 1988.— 352 с.

Многие книги Фарли Моуэта — прогрессивного канадского общественного деятеля, биолога и писателя — хорошо известны нашим читателям. Новая книга пронизана болью за судьбу животного мира Океана, беззащитного перед все возрастающей технической мощью его эксплуататоров.

М 1603000000-738 66-88
006(01)-88
ISBN 5-01-001079-8

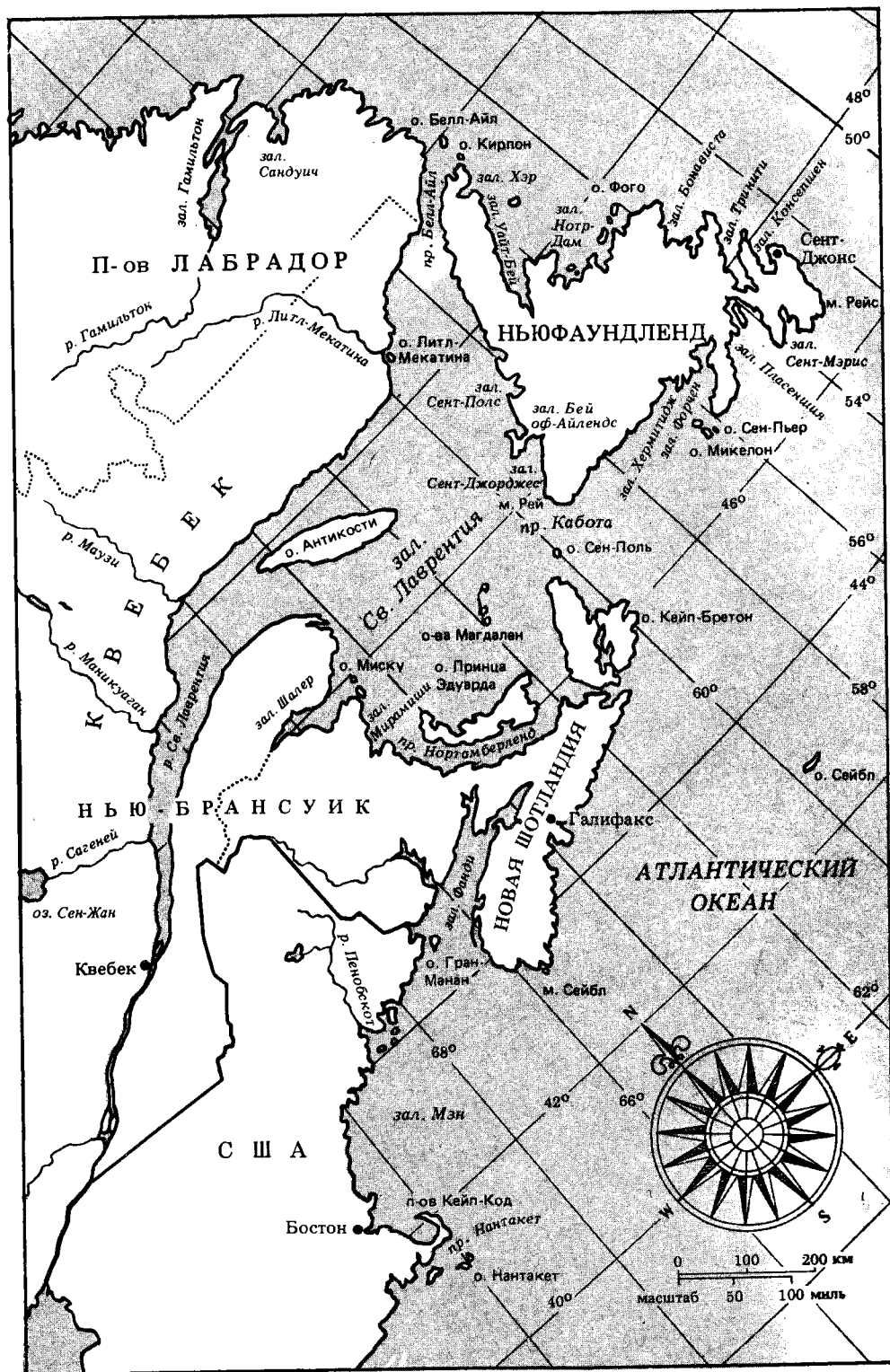
ББК 28.68

*Редакция литературы по географии, экологии
и народонаселению*

Заведующий редакцией О. Д. Катагощин

© 1984 by Farley Mowat Limited

© Перевод на русский язык, послесловие, комментарии
издательство «Прогресс», 1988

Как и почему возникла эта книга

Пароход «Бломмерсдик» принадлежал к типу «Либерти»: в доке военного времени из покрытых ржавчиной стальных листов сварили нечто, внешним видом отдаленно напоминающее морское судно. В 1945 году, в середине сентября, он вышел из Антверпена с грузом экспонатов, относившихся к недавнему катаклизму и предназначенных для военно-исторического музея в Канаде. Я, двадцатичетырехлетний ветеран, номинально ответственный за этот невеселый груз, возвращался домой, преисполненный решимости стряхнуть с себя годы антижизни на войне и вернуться в мир живой природы, где все еще пели птицы, в лесах сновали большие и малые звери, а безмолвные воды океана бороздили морские исполины.

Это был медленный осенний переход через океан. Я — единственный пассажир на борту, — пользуясь приглашением почтенного капитана, много времени проводил на мостике. Капитан Де Витт проявлял живой интерес к животному миру морских вод и, узнав, что я разделяю его увлечение, предложил поразвлечься. Он при-

думал особую «охоту». Стоя на разных крыльях мостика, мы часами не отрывали глаз от биноклей, стараясь первым увидеть и опознать кита, морскую свинью или какую-нибудь птицу. И довольно часто зоркий старый моряк оставлял в дураках своего молодого гостя.

На четвертые сутки по выходе из Ла-Манша капитан внезапно приказал рулевому взять лево руля и крикнул мне: «Вон он пускает фонтаны! Сам Старый Кашалот!»

Словно зачарованный, смотрел я на стадо кашалотов, к которому медленно приближалось наше судно. Они плавали на поверхности, сигнализируя о своем присутствии водяными струями, видневшимися на широкой дуге горизонта. Мы провели среди них около часа, и капитан с большой неохотой лег на прежний западный курс.

Через пару дней перед самым носом парохода проплыла небольшая стая синих китов, таких лоснящихся океанских «бегемотов», размером и величием не имеющих равных среди других животных, как сухопутных, так и морских. В другой раз нас обогнала стая морских свинок, которые

принялись кувыркаться в волне, образуемой форштевнем судна.

На подходе к Большой Ньюфаундлендской банке я первым заметил к северу от нас дымок ветвящихся струй; капитан снова изменил курс, направив судно на перехват, и мы вскоре оказались в компании полусотни китов-бутылконосов. Не уклоняясь от встречи, они поплыли прямо на судно и настолько приблизились к борту, что один крупный самец даже обдал нас своим выдохом, насыщенным запахом рыбы.

Время для нас текло незаметно. Недалеко от подводных скал Вирджин-Рокс мы за один только день насчитали одиннадцать видов морских птиц, определив их общее число в пределах нескольких сот тысяч. У входа в пролив Белл-Айл мы миновали целую процессию финвалов, величественно направлявшуюся в открытое море, и капитан Де Витт с восторгом отсалютовал им хриплым гудком нашего парохода. Огибая восточную оконечность острова Антикости в заливе Св. Лаврентия, мы шли в густом тумане при мертвом штиле сквозь нескончаемые массы птиц. В большинстве это были гаги и турпаны попеременно со стаями куличков-плавунчиков, как по волшебству взлетающих из-под самого форштевня, чтобы тут же, едва касаясь поверхности, унести прочь в туманную мглу.

К тому времени, когда судно отдало швартовы в Монреале, мы с капитаном уже занесли в вахтенный журнал тридцать два вида морских птиц и десять видов морских млекопитающих, а также несколько диковинных созданий, таких, как меч-рыба, гигантская медуза и гигантская акула. Для меня это было путешествие из долгой тьмы... к свету жизни.

Восточное побережье вновь немолимо тянуло меня к себе. Весной 1953 года мы с отцом плыли на его старом солидного вида кече* «Скотч

Боннет» по реке Св. Лаврентия в сторону залива. Сразу же за Квебеком нам показалось, что вернулась зима: травянистые островки и обширные, заросшие рогозом болота ниже Кейп-Турманта белели снежным покровом тысяч белых гусей, накапливавших силы перед долгим перелетом к своим арктическим гнездовьям. Миновав Гаспе, мы прошли мимо подобных башням уступов острова Бонавантур, где нас накрыло живое облако олушей. На какое-то время мы остановились у ловца омаров на западном мысе острова Принца Эдуарда и с изумлением наблюдали, как он вытаскивает из ловушек в лодку до трехсот пойманных за один раз созданий, одетых в зеленый панцирь.

В этом плавании мы также часто встречали китов. Однажды темной ночью во время «собачьей вахты»* нас настигла стая косаток, называемых также китами-убийцами. Отец как раз дремал у штурвала, когда одна из них высоко выпрыгнула из воды у самого борта. Когда ее семивосьмитонная туша снова шмякнулась в воду, вызванное этим сотрясение было похоже на трубный глас начала Страшного суда. Думаю, что после этого случая мой отец уже никогда не спал на вахте.

Когда наше судно выходило в Атлантику через пролив Кансо, его настиг «хвост» урагана и нас отнесло к острову Сейбл, где мы сразу же оказались в центре внимания десятков пар блестящих глаз любопытных тюленей. По мере того как наш «Скотч Боннет» держал обратный путь к берегам Новой Шотландии, а затем на пути к проливу Лонг-Айленд пересекал залив Мэн, мы почти постоянно общались с обитателями океана.

Последующие три десятка лет я большей частью жил в районе залива Св. Лаврентия или на Атлантическом побережье, где круг моих обязанностей расширялся с каждым годом. Около двух лет я проплавал с ко-

* Небольшое двухмачтовое парусное судно.— *Прим. перев.*

* С 16.00 до 18.00 и с 06.00 до 08.00 (у англичан); с 00.00 до 04.00 (у нас).— *Прим. перев.*

мандами на океанских спасательных буксирах в угрюмых штормовых водах Северной Атлантики, намереваясь написать о жизни и работе спасателей. Этому региону я также посвятил несколько других своих книг, в том числе и своим путешествиям на парусных судах, древним норвежским исследователям, роли людей в истории тюленьего промысла и жизни далеких рыбацких поселков.

Потом мы с женой на несколько лет поселились на Ньюфаундленде, где занялись исследованием побережья и окружающих вод. На нашей небольшой шхуне мы плавали к острову Сен-Пьер, посетили и Лабрадор. Много времени провел я и на рыбных промыслах на борту всевозможных рыболовных судов — от четырех-весельной плоскодонки «дори» до шестисоттонного кормового траулера, наблюдая, как на борт поднимают нескончаемую массу сверкающей чешуей рыбы, от мойвы величиной с карандаш до стокилограммового палтуса размером с дверь сарая.

В 1967 году мы отправились на нашей шхуне вверх по Большой реке* к озеру Онтарио. Однако там нам не разрешили находиться во внутренних водах, и мы были вынуждены вернуться и разбить лагерь на песчаном, кривом, как турецкий ятаган, берегу одного из островов Магдален в середине залива Св. Лаврентия. Там я подружился с огромными серыми тюленями, которые позволяли мне принимать солнечные ванны на одном с ними участке пляжа. Потом я расширил район своих исследований, включив в него остров Антикости, а также берега мыса Гаспе и острова Принца Эдуарда. В этих местах я обнаружил множество гренландских тюленей; когда-то этот вид тюленей размножался неисчислимыми тысячами на паковых льдах в заливе Св. Лаврентия и в районе северо-восточного побережья Ньюфаундленда. Я посетил эти лежбища... и стал свиде-

телем кровавой бойни, которую учинили появившиеся там охотники на тюленей.

В 1975 году мы с женой перебрались на остров Кейп-Бретон — еще одно пристанище возле несмолкаемого моря. В его гуле теперь нам слышались мрачные тревожные ноты. Несколько лет меня не покидало тягостное ощущение, что некогда привычное богатство и разнообразие животного мира в океане и у его берегов продолжает идти на убыль. Заметно уменьшилось число тюленей, морских птиц, омаров, китов, морских свинок, лисиц, выдр, лососей и многих других представителей животного мира, существование которых я привык считать само собой разумеющимся. Какое-то время я пытался убедить себя в преходящем, возможно периодическом характере этого явления. Но, проверив собственные записи, сделанные в этих прибрежных районах на протяжении трех десятилетий, я нашел в них мрачное подтверждение своей интуитивной тревоги. За эти тридцать лет численность почти всех крупных и мелких видов животных сильно сократилась.

Глубоко озабоченный, я обратился к памяти местных рыбаков и охотников, из которых иные прожили в этих краях до девяноста лет. Конечно, их воспоминания были подернуты дымкой времен и приукрашены в силу привычки, но все же они убедили меня в том, что произошло и продолжает происходить массовое сокращение численности и многообразия животного мира.

Расширив рамки своих исследований, я обнаружил, что не одно Атлантическое побережье пострадало от недопустимого опустошения животного мира. Со всех концов земли встревоженные естествоиспытатели и ученые сообщали о почти повсеместной, по мнению многих, нарастающей убыли животных. Приведу высказывание секретаря Смитсоновского института: «Если современная тенденция будет продолжаться, то к середине двадцать первого века

---

* Река Св. Лаврентия. — Прим. перев.

в мире останутся считанные единицы диких зверей размером «больше хлебницы», если не считать тех, которых мы сохраним в собственных, эгоистических интересах».

К восьмидесятым годам меня все больше беспокоили три вопроса. Если живой природой восточного побережья был нанесен столь ощутимый урон в течение жизни одного человеческого поколения, то каковы же ее потери со времени завоевания континента европейцами? И если они сравнимы по масштабам с нынешними, то чем это грозит существованию всего живого на нашей планете, включая человека, ведь в конечном счете живая природа неделима? Наконец, если до сих пор человек продолжает нести гибель живым существам, то что мы могли бы предпринять для прекращения этой бойни, пока еще не слишком поздно?

Наше умение понимать настоящее и наша способность мудро планировать будущее опираются на твердое знание прошлого. Поэтому в поисках ответов на эти вопросы мне надлежало изучить историю диких животных на континенте с того времени, когда на него впервые ступила нога человека из Западной Европы. В настойчивых поисках необходимого источника я находил книги об истреблении отдельных видов животных, например странствующего голубя и степного бизона. Попадались книги с перечнем животных, которым грозит вымирание, однако не было среди них хроники общего сокращения животного мира.

В 1979 году я, к собственному неудовольствию, обнаружил, что сам составляю такую хронику. Уже в самом начале этой работы, которой суждено было затянуться на целых пять лет, я понял, что должен поставить себе определенные границы. Одной книги (или одной жизни?) не хватило бы даже для поверхностного описания ущерба, нанесенного Североамериканскому континенту со времени появления там европейцев — носителей за-

падноевропейской культуры — в отличие от ущерба, причиняемого животному миру коренным населением.

В основном я ограничил свое исследование районом северо-восточного побережья Атлантики, который я знаю лучше других. Хотя по своим размерам он представляет сравнительно небольшую часть земной поверхности, естественная история этого края удивительно богата, и уничтожение его животного мира отражает в миниатюре историю эксплуатации последнего на всех территориях, где господствует современный человек, а сфера его господства сегодня включает почти всю поверхность нашей планеты. То, что имело место в выбранном мной регионе, происходит в наше время на любом континенте и в любом океане.

Этот регион включает побережье, острова, соседние внутренние районы и воды, омывающие восточную часть Северной Америки; он протянулся примерно от середины Лабрадора на юг до полуострова Кейп-Код и на запад, охватывая залив Св. Лаврентия и низовья реки под тем же названием. Именно сюда проникли в конце X века первые европейские путешественники — древние скандинавы, приплывшие из Гренландии и Исландии. Они показали дорогу другим, и к середине XV века в воды Нового Света прокладывали пути искатели приключений уже из самой Европы. К 1500 году португальцы, англичане, французы и баски успели обследовать большую часть побережья и положили начало не прекращающейся и поныне эксплуатации открытых ими земель. Так что временные рамки этой книги — с 1500 года до наших дней.

История человеческого общества в этот период была и в основе своей остается историей эксплуатации живой природы. Именно поэтому я избрал ее своей центральной темой, но подхожу я к ней как бы с позиций самих жертв. Среди нас, людей, находится предостаточно защитников для оправдания наших действий, у прочих же живых существ таких защит-

ников до обидного мало. Если, выступая в роли их адвоката, я покажусь в какой-то мере мизантропом, то извинений за это приносить не собираюсь. Скажу лишь, что в мою задачу не входит предлагать даже подобие оправдания или извинения курса на биоцид, взятого современным человеком, курса, которым... он все еще продолжает следовать.

Я ограничился повествованием о судьбах млекопитающих, птиц и рыб, уделив основное внимание морским млекопитающим. Последним я отвел больше места главным образом потому, что если мы все-таки изменим свое отношение к «братьям нашим меньшим», то морские млекопитающие имеют, по-видимому, наилучшие шансы выжить и восстановить свое поголовье в мире, из которого мы их физически вытесняем, разрушая среду их обитания и удовлетворяя свой непомерный аппетит.

Эта книга — не об исчезновении тех или иных видов животных, а о повсеместном сокращении животного мира как единого целого, со всеми его взаимосвязями. Хотя в ряде глав рассказ идет о животных, которые были фактически уничтожены, большая часть книги посвящена тем видам, которые все еще существуют как самостоятельные формы, хотя и понесли

страшнейший урон. Многие из них низведены до размеров едва ли не реликтовых популяций, продолжающих существовать с разрешения и благословения человека, вольного казнить или миловать.

Некоторые из тех, что прочитали мою книгу в рукописи, нашли ее сюжет столь отталкивающим, что не могли понять, зачем я целых пять лет добровольно окунался в эти ужасы. Чего я надеялся достичь? Действительно, эта книга повествует о кровавой драме прошлого, фиксируя то, что мы натворили в одном регионе за пятьсот лет господства человека — самого смертоносного хищника из тех, что когда-либо существовали на нашей опустошаемой планете. Но может быть, если мне будет сопутствовать удача, сия летопись возмутительного безобразия в «Море Кровопролития» и на его берегах поможет нам осознать пагубные последствия нашей необузданной жадности, с которой мы расправляемся с миром животных. Быть может, она поможет изменить наши взгляды и действия, с тем чтобы в будущем мы окончательно не превратились в разрушителей мира живой природы, частью которого являемся сами.

1

*Морская дичь:
бескрылая и крылатая*

Еще ребенком я страстно увлекался загадками живой природы и однажды получил в подарок от родственника набор красочных репродукций картин птиц, выполненных более века назад известным американским орнитологом Одюбоном. Это были очаровательные иллюстрации, особенно одна, которую я хорошо запомнил: странное, похожее на пингвина создание стояло на краю неприступной скалы. Из надписи под картинкой (появившейся уже после того, как Одюбона не стало), помимо названия птицы, я узнал лишь о том, что эта птица — нелетающая и что она вымерла.

Слово «вымерла» тогда мне мало что говорило, разве что это была птица, которую я никогда не увижу живой. Многие годы зловещий смысл этого слова в моем сознании был неразрывно связан с ярким образом одюбоновской бескрылой гагарки.

Поскольку бескрылая гагарка, или «копьенос», как ее называли те, кто жил в то время, стала первой жертвой человека в «Море Кровопролития», я начну с рассказа о ее судьбе, прежде чем перейду к тому, что случилось с другими морскими птицами, обитавшими в том же океане.

Затем, контраста ради, речь пойдет о птицах, которые собирались там, где океан встречается с сушей. Один их представитель — эскимосский кроншнеп — был уничтожен через сто лет после того, как ушла в небытие бескрылая гагарка. Обе истории охватывают период в целых пять веков после начала истребления европейцами пернатых Северной Америки. В четвертой главе будет рассказано о судьбе выживших родственников эскимосского кроншнепа, а в заключительной — о разной участи многих других птиц, когда-то в изобилии водившихся в северо-восточных районах Нового Света.

Глава 1

Копьенос

«Апреля 12-го дня, на 27-й день после выхода из Пула*, измерив глубину ручным лотом, мы установили, что находимся у Ньюфаундлендской банки. Мы могли бы догадаться об этом и по другим признакам: казалось, будто сюда слетелись пернатые со всего света. Глазам было больно от постоянного мелькания прилетающих и улетающих птиц, количество которых не поддается описанию. Не много найдется на нашей Земле мест, где можно увидеть подобное проявление плодотворности божественного созидания».

Этот комментарий XVIII века выразительно передает изумление первых европейских путешественников от встречи с астрономическим числом морских птиц на подходах к северо-восточной Америке. Действительно, это был целый мир крылатых. Люрики и похожие на ласточек малые качурки; отличные ныряльщики кайры, тупики и чистики; мастера высотного парения моевки и асы высшего пилотажа буревестники, глу-

пыши и поморники и большие белокрылые олуши — все они сливались в одну огромную массу. В шторм и штиль, днем и ночью, зимой и летом возникали на поверхности моря живые острова из океанических птиц, и само небо над ними, казалось, дрожало от взмахов бесчисленных крыльев.

Все они были прирожденными рыболовами и большую часть своей жизни проводили на море: на, над и под соленой водой, лишь ненадолго посещая берег «для продолжения рода». Океан был их общим домом. Но среди них существовала одна-единственная в своем роде птица, навсегда расставшаяся с воздушным простором.

Большая и элегантная, сверкающая черным глянецом верхнего и белизной нижнего оперения, она была совершенно бескрылой: ее крылья превратились в мощные, похожие на обрубки оперенные плавники, более подходящие для рыбы, чем для птицы. И в самом деле, они помогали ей разрезать водную толщу быстрее и проворнее большинства рыб. Словно торпеда, ныряла она в темную стометровую глубину и могла оставаться

---

* Пул (Poole) — порт на берегу Ла-Манша, в бухте Пул-Бей. — *Прим. перев.*

под водой четверть часа. Горделиво и бесстрашно плавала она, четко видимая на поверхности моря, не опасаясь врагов с воздуха.

Супружеские пары жили на бескрайних просторах Северной Атлантики, временами собираясь в многотысячные стаи, обычно там, где море изобиловало пищей. Раз в году они выбирались на сушу, чаще всего это была какая-нибудь одинокая скала или необитаемый остров, чтобы вывести своего единственного птенца. На берегу эти птицы выглядели весьма внушительно: стоя во весь рост, они были по грудь взрослому человеку. Шагая по земле, держались прямо и передвигались мелкими шажками вразвалочку, словно бывалые моряки. Чрезвычайно общительные в сезон размножения, они собирались в колонии, где от сотен тысяч примитивных гнезд было так тесно, что взрослые птицы с трудом пробирались между ними.

Многие века эта необычная птица называлась по-разному. Древние скандинавы именовали ее «гейрфугель» — птица-копье, а еще более древние баски величали ее «арпоназом» — копьеносом. Обоим названиям она обязана своему большому желобчатому клюву¹. Испанские и португальские путешественники называли ее «пингином»-толстяком (*pinguin*), намекая на толстый слой подкожного жира. К началу XVI века большинство мореходов разных стран остановились на одном из вариантов последнего наименования: *reppegoün* по-французски и *ringwen* по-английски. Да, эта птица была первым настоящим пингвином. Однако в конце XIX века ее лишили всех первоначальных названий и она канула в вечность, именуясь по-научному... бескрылая гагарка, как значилось на бирке, прикрепленной к пыльному музейному экспонату. Но я все-таки буду называть ее именами, данными ей теми, кто жил в ее эпоху.

В далекие геологические эры, когда на берегах Европы мирно жили разрозненные группы доисторических

людей, благоденствовали и копьеносы. Наскальные изображения их сохранились в пещерах Испании, а каменные изваяния — в Норвегии; кости их находили при раскопках в кухонных отбросах времен неолита на юге Европы вплоть до Средиземноморского побережья Франции. Ясно, что более 10 000 лет тому назад копьенос помог человеку выжить; в то же время хищничество наших далеких предков почти не влияло на численность и ареал копьеносов. Не влияло. Но только до тех пор, пока простой охотник не превратился в промысловика. Тогда их число мгновенно сократилось.

К 900 году н. э. мясо копьеноса уже не служило главным стимулом для убийства. Копьеноса промышляли ради жира и мягких эластичных перьев, ставших ценным товаром во многих странах Европы. С той поры люди с таким рвением начали преследовать эту птицу на побережье Европы, что к середине 1500-х годов только редкие гнездовые колонии Восточной Атлантики не были полностью истреблены. А столетием позже осталась всего одна колония — на неприступном суровом острове Сент-Килда, к западу от Гебридских островов. В 1697 году этот остров посетил некий мистер Мартин, оставивший нам кое-что о том свидетельством:

«Гейрфаул* — самая крупная и величавая [морская птица] черного цвета с красным ободком вокруг глаз и большим пятном под каждым из них, с длинным уплощенным клювом; стоит, вытянувшись во весь рост, крылья ее — короткие, и она совсем не летает; кладет яйцо на голую скалу, и если его убрать, то в этом году она их уже больше не отложит... Она появляется в первых числах мая, а покидает остров в середине июня».

Незадолго до 1800 года птица покинула остров Сент-Килда в последний раз... и больше не вернулась.

---

* Английский вариант норвежского «гейрфугель». — *Прим. перев.*

А теперь давайте перенесемся мысленно в те времена, когда угроза вторжения европейцев еще не нависла зловещей тенью над Новым Светом.

Маленькая кучка людей собралась в темноте вокруг двух челнов, вытасненных на каменистый берег суши, которая в один прекрасный день будет названа Ньюфаундлендом. Они внимательно вглядываются в предрассветное небо. Постепенно светлеет, и высоко на западном небосклоне вырисовываются ниточки перистых облаков. Ничто не предвещает ветра. Люди довольно улыбаются друг другу и высокому смуглому мужчине, который в этот июньский день ведет их за собой.

Пока они преодолевают полосу прибой, тщательно оберегая свои хрупкие суденышки от ударов о скалы, покрытые слизью бурых водорослей, за их спинами встает солнце. Едва вырисовывающаяся на морском горизонте темная полоска начинает приобретать очертания низменного архипелага. Легкий бриз покрывает воду мелкой рябью, пока челны уходят в открытое море в направлении отдаленных островов, оставляя позади себя медленно исчезающий из виду берег с редкими хижинами соплеменников на фоне темной стены леса.

В ослепительном блеске пробудившегося утра острова кажутся окутанными дымкой от мелькающих крыльев: их обитатели отправляются в море за дневным уловом. Фаланга за фалангой быстрых как стрелы кайр и буревестников устремляются ввысь, где, мерно взмахивая крыльями с черной оторочкой на концах, пролетают белоснежные олуши. Выписывая в небе причудливые узоры, носятся крачки, моевки и более крупные чайки. Кажется, что весь небосклон до самого горизонта заполнен крылатыми созданиями.

Море, по которому быстро скользят челны, также бурлит жизнью. От невысоких островов «летят» не по воздуху, а по воде бесчисленные стаи больших черно-белых гагарок.

Вот первая стая, подпрыгивая, промчалась мимо челнов. Гребцы оставили весла, а их предводитель притронулся к висящему на шее амулету — костяной пластинке, на которой вырезано изображение птицы с длинным копьеобразным клювом.

Прошла половина утра, прежде чем гребцы подошли к намеченному острову. И вот уже заволновались его многочисленные обитатели, сидящие на яйцах или воспитывающие птенцов. Вскоре с острова поднимается такое множество птиц, что кажется, будто небо затмило снежной выюгой. Взлетевшая в воздух армия так велика, что солнце тускнеет, а море кипит от дождя падающего сверху помета.

Как только челны подходят к острову, они попадают в воронку смерча из налетевшей сверху крылатой тучи. Шум рассекающих воздух жестких крыльев и резкие крики птиц заглушают голоса людей, прыгающих через борт и вытаскивающих лодки в безопасное место на отлогих прибрежных скалах.

Люди идут вперед, согнув плечи, будто съездившись под тяжестью навалившейся сверху живой массы, сознавая, что самое тяжелое испытание еще впереди... В каких-нибудь шести-семи метрах от места высадки людей выстроились плотные, плечом к плечу, шеренги копьеносов; вот она, их армия, численностью в сотни тысяч бойцов, занявшая почти всю территорию острова около двух километров длиной. Каждая из птиц здесь высиживает одно-единственное громадное яйцо в лунке, вырытой в вонючей массе гуано, покрывшей этот древний скалистый остров. Все ближайшие к незванным гостям птицы как одна поворачиваются навстречу опасности, встав во весь рост и устрашающе вытянув вперед клюв.

Люди продвигаются осторожно, каждый держит перед собой, как пикку, заостренное весло. Вожак наваливается, снова трогает свой амулет и едва различимым сквозь птичий гам голосом просит прощения за то,

что он и его товарищи готовы совершить.

Внезапно весла превращаются в цепи. С первыми же глухими ударами передние ряды копыеносов дрогнули и начали отступать, тесня стоящих сзади. В возникшей давке птицы заднего ряда выталкивают своих соседей за невидимые границы их крохотных территорий. Защита собственных владений становится важнее обороны от наступающих врагов, и в плотных шеренгах возникают сумятица и хаос.

Пока часть отряда добывает три-четыре десятка ближайших птиц, остальные его члены поспешно набивают яйцами заплетенные сумки из тюленьих шкур. Не проходит и десяти минут с момента высадки, как люди уже начинают отходить к вытаскиваемым на берег лодкам, волоча за шею убитых птиц и горбясь под тяжестью набитых яйцами мешков. Быстро, словно воры, они грузят добычу в лодки и стаскивают их на воду. Каждый хватает свое весло, и, полуоглохшие от шума и полузадохнувшиеся от вони птичьего помета, они бешено гребут от острова, как будто за ними гонятся тысячи чертей. Ни один не оглядывается назад на неутраченное столпотворение на Острове Птиц.

Подобное описанному могло произойти на полуострове Порт-о-Шуа на западном берегу Ньюфаундленда в заливе Св. Лаврентия. Здесь археологи обнаружили богатые остатки аборигенных культур, существование которых в сильной степени зависело от моря.

Копыенос играл особую роль в питании аборигенов, свидетельством чему является огромное количество его костей, обнаруженных в кухонных отбросах на местах очагов бывших жилищ и даже в местах захоронений. В одной из могил нашли более двухсот нижних челюстей, в другой обнаружили кость с вырезанным на ней изображением копыеноса.

Жители Порт-о-Шуа были отнюдь

не единственными людьми, чья жизнь была связана с копыеносом. Его кости находят в кухонных отбросах почти повсюду от острова Диско у северо-западной части Гренландии до Флориды на юге. Эти большие птицы снабжали яйцами и мясом обитателей западного побережья Атлантики не только летом, но и зимой. Гренландские инуиты (подобно скоттам XVII века на Гебридах) вытапливали жир копыеносов и запасали его на зиму в мешках, сделанных из надутых воздухом пищеводов тех же самых птиц. Индейцы, населявшие район от Лабрадора до Кейп-Кода, коптели или сушили мясо копыеносов, после чего оно могло сохраняться месяцами. Беотуки — последние коренные жители Ньюфаундленда — растирали высушенное содержимое яиц копыеносов в некое подобие муки и готовили из нее свои зимние пудинги.

В течение тысячелетий эта птица служила жизненно важным источником пищи для многих поколений людей, но это, видимо, не оказывало ощутимого влияния на популяции копыеносов. Древние люди, помня о будущем, не облагали птицу непосильной данью, они брали ровно столько, сколько им было нужно для пропитания. Поэтому неудивительно, что первые появившиеся здесь европейцы обнаружили колонии копыеносов по всему побережью от Лабрадора до Кейп-Кода. В ранних хрониках не было другого эпитета, кроме как «неисчислимые», для описания множества бескрылых гагарок на некоторых рыбопромысловых банках в открытом море.

...Апрельским утром 1534 года два бретонских шмака*, из тех, что обычно использовались для лова трески в водах *Terre Neuve***, вышли из порта Сен-Мало в открытое море. Однако они не намеревались ловить

* Одномачтовое парусное судно. — Прим. перев.

** Новая Земля (фр.). — Прим. перев.

рыбу; их зафрахтовал некий Жак Картье — сорокадвухлетний предприниматель с ястребиным лицом, чтобы узнать, чем можно пожить в во внутреннем море, которое французы называли *La Grand Baie** — ныне залив Св. Лаврентия.

Эти два небольших шестидесятитонных судна успешно пересекли Западный** океан и открыли мыс Бонависта в северо-восточной части Ньюфаундленда. Там они натолкнулись на язык арктического пакового льда, дрейфующий на юг с Лабрадорским течением, и были вынуждены искать убежища в рыбацкой гавани Санта-Каталина. В ожидании, когда лед выпустит их из плена, моряки собрали и оснастили два рыболовных парусных барка десятиметровой длины, перевезенных через океан в разобранном виде. Как сообщает летописец этого путешествия, ветер наконец изменил направление и, отогнав льды в море, освободил проход на север вдоль побережья Ньюфаундленда:

«На 21-й день мая мы вышли из гавани... и плыли до самого Острова Птиц, который со всех сторон окружал ледяной барьер. Несмотря на это, два наших барка направились к острову, чтобы пожить птицей, которой там было столько, что не поверишь, пока не убедишься собственными глазами; хотя сам остров не больше лиги*** в окружности, он кажется битком набитым птицей [словно трюм корабля].

А в воздухе и на воде вокруг птиц было во сто крат больше, чем на самом острове. Некоторые из них, размером с гуся, имеют черно-белую окраску и клюв, как у баклана. Они все время держатся на воде, так как не умеют летать: у них очень маленькие, с человеческую ладонь, крылышки, с помощью которых они, впрочем, также быстро передвигают-

ся по воде, как другие птицы летают по воздуху. Диву даешься, до чего они жирные. Мы называем их “*Arponatz*” и меньше чем за полчаса набиваем ими, словно камнями, оба барка; на каждом барке засолили по четыре-пять бочек мяса этих птиц, не считая тех, которых мы употребили в пищу в свежем виде».

Весной следующего года Картье совершил вторую экспедицию в залив Св. Лаврентия и вновь заходил на Остров Птиц. Об этом, дополняя первый рассказ, с не меньшим удивлением повествует другой очевидец:

«Этот остров столь изобилует птицей, что ею можно было бы загрузить все суда Франции, даже не заметив убыли. Мы увезли с собой два барка птицы, чтобы пополнить наши запасы».

Таковы первые сохранившиеся свидетельства о встречах европейцев с копыеносами в Северной Америке; очевидно, что такие встречи случались и раньше. Курс, проложенный бретонцами Картье в залив Св. Лаврентия, был знаком мореходам еще до 1505 года, и его Остров Птиц уже тогда служил им навигационным знаком на пути в залив. Остров Фанк — таково его современное название — представляет собой гранитную двенадцатиметровой высоты плиту длиной в девятьсот и шириной в четыреста с лишним метров, расположенную примерно в тридцати милях от берегов Ньюфаундленда. На древнем английском языке его название означает «ужасное зловоние». Остров Фанк лежит на проторенном пути в залив Св. Лаврентия через пролив Белл-Айл, в стороне от опасных рифов, окаймляющих материковый берег и прибрежные острова. Именно поэтому возвращавшиеся из плавания суда предпочитали заходить туда, чтобы наполнить бочки солониной из тушек копыеноса; но эта колония была далеко не единственной в районе. В со- рока милях к востоку у входа в залив Бонависта лежат два острова, которые раньше также назывались островами Фанк, но теперь их стали

* Большой Залив (фр.). — Прим. перев.

** Атлантический. — Прим. перев.

*** Лига — примерно 5,5 км (морская лига). — Прим. перев.

называть Вонючими островами*. Примерно на таком же расстоянии к юго-западу находятся два острова-близнеца под названием «Пингвины». Еще несколько птичьих островов принадлежат соседнему архипелагу Уэдхэм; на одном из них местные рыбаки нашли целый склеп частично обугленных костей и посчитали их за останки убитых и перетопленных на жир «пингинов». Северо-восточнее Ньюфаундленда имеются и другие Северные и Южные Пингвиньи острова в заливе Масгрейв и еще один Пингвиний остров — по соседству с островом Баккальё.

Колонии копыеносов заполняли, по-видимому, почти все девятидесяткилометровое побережье Ньюфаундленда. В 1536 году его южный берег посетила одна английская экспедиция. Вот что говорится о ней в сокращенной выписке из «Главных путешествий... английских подданных» Ричарда Хэклута**:

«Некий капитан Хор из Лондона уговаривал разных джентльменов сопровождать его в морской экспедиции по исследованию северо-восточных районов Америки, причем делал это так убедительно, что многие охотно составили ему компанию в этом предприятии.

После выхода в море они проплавали больше двух месяцев, пока не прибыли в [район острова] Кейп-Бретон. Оттуда, следуя курсом на северо-восток, они добрались до Пингвиньего острова, где обнаружили множество больших, размером с гуся, бело-серых птиц, а также бесчисленное количество их яиц. Они загнали большое число птиц в свои лодки и прихватили много яиц. Разделав тушки [птиц], они съели их, найдя мясо вкусным и питательным».

---

* В настоящее время остров Фанк упоминают во множественном числе. Когда-то «Фанки» было общим названием многих птичьих островов, населенных копыеносами, особенно вдоль северо-восточного побережья Ньюфаундленда.

** Ричард Хэклут (1522? — 1616) — английский историк и географ. — *Прим. перев.*

Остров, на котором побывал Хор, находится в пятнадцати милях от мыса Кейп-ла-Хьюн центральной части южного берега Ньюфаундленда. Первооткрывателями этого острова были португальцы, которые и дали ему сохранившееся до нашего времени название «Пингвиний». Как и в случае с островом Фанк на северо-западном побережье Ньюфаундленда, этот Пингвиний остров служил удобной стоянкой для судов, возвращавшихся из Европы в залив Св. Лаврентия южным путем*. Здесь можно было наполнять тушками копыеносов бочонки из-под солонины.

Третья известная колония птиц существовала на островах в самом заливе Св. Лаврентия, которые Картье посетил в 1534 году.

«Мы подошли... к двум островам... отвесным как стена, и невозможно было взобраться наверх. Они, словно поле травой, были покрыты живым птичьим ковром... Мы высадились на южном берегу острова поменьше размером и убили там больше тысячи кайр и копыеносов, из коих взяли на борт барка столько, сколько нам было нужно. Вообще-то можно было бы в течение часа нагрузить битой птицей тридцать таких барков».

Эти две возвышающиеся над морем скалы с плоскими, но почти недоступными вершинами лежат в заливе Св. Лаврентия примерно в десяти милях северо-восточнее островов Магдален. Во времена Картье они именовались островами Марго** ввиду огромных стай олушей, гнездившихся на их высоких вершинах. Копыеносы выбрали себе место для гнезд на меньшем по величине острове, окруженном широкими барами, выступавшими из воды над уровнем штормового нагона.

Кроме важного навигационного знака, острова Марго (ныне Бэрд-Рокс***) служили удобным «базаром морской дичи», где проходящие суда

---

* Через пролив Кабота. — *Прим. перев.*

** Слово «марго» по-французски означает олуши. — *Прим. перев.*

*** «Птичьи скалы» (англ.). — *Прим. перев.*

могли пополнять запасы мяса и яиц. Но они были лишь частью многих окрестных островов, приютивших птичьих колоний. Несколько птичьих колоний, по-видимому, находились на пустынных в то время островах Магдален. О плотности популяций можно судить хотя бы по тому факту, что одной из них, несмотря на ежегодные нападения, удалось выжить в течение ста с лишним лет на очень небольшом незащищенном островке группы Бэрд-Рокс. Самюэль де Шамплейн*, посетивший его в 1620 году, обнаружил там «такое количество птиц, что их можно было убивать палкой». А уже в конце 1600-х годов Шарлевуа отмечал, что на островах нашли убежище «многие дикие птицы, которые не умеют летать».

Установить местонахождение колоний копыеносов в других районах северо-восточного побережья — задача трудная, однако ее решению способствует тот очевидный факт, что большие птицы никогда не выходят на берег и даже редко приближаются к нему, если не считать четырех-шести недель весны или начала лета, когда они откладывают яйца и высиживают птенцов. Следовательно, когда мы наталкиваемся на подходящий в других отношениях остров под названием, похожим на «Пингвиний», то это уже дает нам серьезное основание полагать, что в свое время на нем существовала гнездовая колония копыеносов.

Есть и другие соображения.

В районах гнездовий, очевидно, не обитали такие крупные хищники, как волки или медведи, а также и люди; впрочем, изредка совершавшиеся набеги кого-то из них (а нам известно, что как индейцы, так и белые медведи бывали на острове Фанк), вероятно, не приносили большого вреда колониям, насчитывавшим сотни тысяч птиц. Млекопитающие помельче, на-

пример лисица и норка, представляли значительно меньшую опасность для птицы величиной с гуся, да еще и вооруженной большим грозным клювом.

Конечно, места гнездовий должны быть достаточно удобными для птиц, которые не могут летать, однако для этого пологие спуски к воде необязательны. Антарктические пингвины, например, могут выскакивать из воды со скоростью, необходимой, чтобы преодолеть трехметровую высоту от подошвы припая и спокойно приземлиться на верхнем уступе. Требуется только достаточно ровная и свободная от густой растительности площадка. Поскольку бескрылые птицы были вынуждены плыть, а не лететь туда, куда им было нужно, они предпочитали места гнездовий, не очень удаленные от мест добычи рыбы; взрослые птицы в таких случаях не тратили слишком много времени и сил на поиски пищи для своих малышей.

И конечно, последнее: бескрылые гагарки подвергались нападениям местных жителей *только* на гнездовьях; поэтому любое количество птичьих костей, найденных в местах обитания человека, можно считать верным признаком достаточно близкого расположения колонии.

Копыеносы, вероятно, не находили Атлантическое побережье Лабрадора удобным местом для гнездовий, ибо летом там громоздились паковые льды. В то же время заливы на севере Ньюфаундленда были идеальными для размещения порой весьма многочисленных колоний (их число могло доходить до двух десятков).

В районах западного побережья Ньюфаундленда их колонии находились, по-видимому, на острове Ларк, островах Стэаринг неподалеку от Кау-Хед, на острове Грегори в заливе Бей-оф-Айленд (там, где выступающий в море мыс и глубоководная бухта именуются «Пингвиньими»), острове Грин близ Флауэрс-Коув, острове Шэг у входа в Порт-Бей и на островах залива Сент-Джонс.

Острова вдоль южного побережья

* Французский путешественник и исследователь (1567—1635). Основатель и генерал-губернатор Новой Франции (будущей Канады). — *Прим. перев.*

Ньюфаундленда были буквально усеяны колониями копыеносов, включая Вирджин-Рок в заливе Пласеншия (где, по дошедшим до нас сведениям, французские рыбаки и солдаты в XVII веке запасались мясом и яйцами этих птиц), остров Грин близ острова Сен-Пьер и остров Микелон, которые, согласно преданию, служили прибежищем для нескольких «пингинов» до самого конца XVIII века, остров Бэрд у входа в залив Форчен, уже упоминавшийся нами Пингвиний остров и, наконец, группу островов Рамеа, где, как мне рассказывал один старый индеец-метис с соседнего острова Бергео, последние «пингины» были убиты на острове Оффер-Рок после ухода его предков из племени микмак с Кейп-Бретона на Ньюфаундленд, что могло иметь место где-то около 1750 года.

Северный берег залива Св. Лаврентия был для морских птиц исключительно удобной территорией; когда-то его многочисленные прибрежные острова служили пристанищем для многих десятков птичьих колоний и гнездовий. Точное число заселенных копыеносами островов установить невозможно, однако к концу XVI века эти большие бескрылые птицы были, по-видимому, уже перебиты на большинстве островов баскскими китобоями, для которых истребление копыеносов было всего лишь незначительным попутным кровопролитием.

В южной части залива Св. Лаврентия, за исключением острова Бонавантюр, мало мест, пригодных для гнездования морских птиц. В 1593 году английское судно «Мэриголд» наткнулось на «пингинов» в сезон размножения на острове Кейп-Бретон; сведения о встречах такого рода все еще поступали из этого района в 1750 году. Среди индейцев племени микмак с Кейп-Бретона ходило предание о том, что их предки привозили копыеносов и их яйца на остров Сен-Поль в проливе Кабота с неизвестного острова в бухте Чедабукто, а также с острова Си-Вулф.

Возможно, что вдоль Атлантиче-

ского побережья Новой Шотландии птичьих колоний было сравнительно немного, поскольку там было меньше удобных мест для гнездовий. Однако сам факт их существования подтверждается тем, что еще в 1758 году местные индейцы продолжали поставлять «пингинов» колонистам в Галифакс.

Отличные места для колоний копыеносов имелись в районе южной оконечности Новой Шотландии и лежащих напротив берегов провинции Нью-Брансуик у входа в залив Фанди. Когда Шамплейн в начале лета 1604 года посетил Тускетские острова, он обнаружил там массу гнездящихся птиц, которых его люди убивали палками. Он называл их «tangeux». По мнению некоторых орнитологов, под tangeux подразумевались олуши; Впрочем, уже из первых страниц его отчета ясно, что Шамплейн описал не что иное, как колонию олушей на высоком острове, расположенном в одиннадцати милях севернее Тускетских островов, который ныне зовется Ганнет-Рок*. Шамплейн называет этих птиц «margos» («margeux»), что и является французским наименованием олушей. Возможно, что острова Нодди и Девилс-Лимб к югу от Тускетских островов также были местом обитания колоний копыеносов, как и остров Мачайас-Сил и по крайней мере часть островов группы Гран-Манан.

В ранних отчетах упоминаются значительные скопления копыеносов еще южнее — вдоль побережья залива Мэн. Однако некоторые современные специалисты считают, что все эти сообщения о птичьих колониях в действительности относятся к перелетным птицам, которые гнездились в какой-нибудь более северной колонии, например на острове Фанк. А то, что многих птиц видели и убивали в сезон гнездования, они объясняют тем, что это были неполовозрелые или негнездящиеся перелетные птицы.

Однако, когда в 1603 году капитан

* Скала Олушей (англ.). — Прим. перев.

Джордж Уэймут сошел на берег небольшого острова у входа в залив Мусконгус (штат Мэн), он был просто поражен, увидев «очень большую, крупнее гусиной, яичную скорлупу». Вполне возможно, что это были яйца копыеноса (одни из самых крупных яиц, откладываемых птицами Северной Америки), которые индейцы собирали на гнездовьях островов Монхиган или Манана, расположенных милях в десяти от берегов залива, так же как беотуки собирали яйца на острове Фанк.

Один английский матрос по имени Дэвид Ингрэм был высажен в 1568 году на необитаемый берег Мексиканского залива и прошел пешком до Новой Шотландии. Он рассказывал о встрече с незнакомой ему птицей, «внешностью и размером напоминающей гуся, с неоперившимися крыльшками и не умеющей летать. Вы можете гнать птиц перед собой, как овец». Этот образ вполне подходит к копыеносам и их поведению в колонии. Описывая свое путешествие в Новую Англию* примерно в 1670 году, Джосселин упоминает о некоей «утице» — нескладно скроенной птице, не имеющей длинных перьев в крыльях и потому не летающей». Единственной бескрылой птицей, с которой столкнулся Джосселин, мог быть копыенос, и слово «утица» удачно изображает его походку на суше, а поскольку копыеносы никогда не выходили на берег, кроме как для гнездования, я считаю этот факт серьезным указанием на бывшее существование колоний копыеносов на побережье Новой Англии. Одюбон вспоминал слова одного старого охотника из района Бостона о том, что в годы его юности бескрылые гагарки еще водились на острове Наханта и других близлежащих островах.

Находки костей копыеносов при раскопках очагов древних индейцев на побережье Новой Англии и южнее

вплоть до Флориды говорят о том, что эти птицы когда-то встречались гораздо южнее той области распространения, которая приписывается им многими биологами.

Колонии морских птиц имели огромное значение для моряков, участвовавших в переходах через Атлантический океан. Этим людей считали способными выжить в условиях изнурительного труда и скудного питания, состоявшего главным образом из солонины и сухарей. Мясо выдавалось, как правило, в виде постной и жилистой говядины или конины, а вместо хлеба они получали твердые как камень и обычно изъеденные долгоносиком галеты. Но даже этих основных, почти несъедобных продуктов питания подчас не хватало из-за скупости судовладельцев, полагавших, что матрос вполне может прокормиться за счет «воздуха и воды». Считалось обычным делом снабжать суда солониной в количестве, достаточном лишь на рейс в одном направлении, предоставляя измученным полуголодным людям по прибытии на место самостоятельно добывать себе пищу. Кроме рыбы (большинство видов рыб при постоянном употреблении их в пищу вызывает в холодных широтах хроническое недоедание из-за низкого содержания в них жира), наиболее доступным источником питания были птицы в период гнездования.

Первоначально колонии на прибрежных островах и скалах насчитывали не меньше десятка видов морских птиц. Большинство из них хорошо летали и могли гнездиться (и нередко гнездились) на труднодоступных уступах скал и береговых обрывах. К тому же взрослые птицы при вторжении пришельцев обычно взлетали в воздух, и поэтому их редко удавалось добывать в количестве, оправдывающем расход дробы и пороха. Вот почему основными жертвами хищных европейцев оказались самые доступные виды. Особенно им приглянулся копыенос своей большой, жирной и мясистой тушкой. Яйцам копые-

* Северо-восточные штаты США: Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут. — *Прим. перев.*

носа также отдавалось предпочтение не только из-за большого размера (с человеческую ладонь), но и потому, что их легко было собирать. Несомненно одно: пока копыенос продолжал существовать, он был «лучшим товаром на прилавке».

Собеседники Картье и его современников дают нам некоторое представление о масштабах ущерба, нанесенного колониям копыеносов. Десятиметровые рыболовные барки Картье были рассчитаны на перевозку примерно четырех тонн груза, поэтому при весе взрослого копыеноса 5,5—7,0 килограмма каждый барк с полной нагрузкой мог перевозить до 650 птиц. Груз двух таких барков мог бы с трудом разместиться в трюме шестидесятитонного судна, и, как говорят, именно таким количеством птицы и загружались суда. В то же время некоторые плававшие в этих водах суда басков имели водоизмещение до 600 тонн и могли спокойно вместить в себя несколько тысяч тушек копыеносов, что вполне достаточно для пропитания матросов в течение всего летнего сезона, а может быть даже, и обратного рейса к своим берегам.

В 1570-х годах капитан Антони Паркхёрст писал: «На острове, называемом Пингвиний, мы можем загонять их по доске на судно, пока оно не наполнится до отказа... На каждой птице мяса больше, чем на гусе. Французы, которые рыбачат в районе Большого залива, берут из дома лишь небольшой запас мяса и все время питаются этой птицей».

Через несколько лет Эдвард Хейс, капитан одного из судов сэра Хамфри Гильберта*, писал об «острове, называемом Пингвиний [из-за] дикой птицы, размножающейся там в невероятных количествах и не умеющей летать... которую французы добывают без труда для засолки в бочки».

Около 1600 года Ричард Уитбурн

отмечал: «Эти пингвины больше, чем гуси и ... размножаются на каком-нибудь плоском острове в таких количествах, что люди сгоняют их оттуда на борт своих судов сотнями за раз, как будто господь бог нарочно создал это совершенно незащитное нечастное существо для пропитания человека».

Мысль о том, что бог сотворил все живые существа на потребу людям, принадлежала, разумеется, не одному Уитбурну. Она имеет глубокие корни в иудейско-христианской философии и продолжает питать одно из главных рационалистических объяснений массового уничтожения людьми других представителей животного мира.

Оправданно или нет, массовое опустошение колоний копыеносов в Новом Свете продолжалось с невероятной быстротой. Птицы служили основной пищей как рыбакам, так и поселенцам. В своих записках по поводу пребывания французов в этом регионе примерно в 1615 году Лескарбо сообщает нам, что «наибольшую добычу [люди] привозят с некоторых островов, где утки, олуши, тупики, чайки, бакланы и другие птицы водятся в таком множестве, что невольно удивляешься их изобилию [и] для многих оно кажется почти невероятным... мы заходили на такие острова [близ Кансо], где в течение четверти часа доверху загружали птицей наш барказ. Нужно было только молотить их палками, пока хватало сил». В 1705 году в своем описании северного берега залива Св. Лаврентия Куртеманиш сообщал о птичьих колониях, где «они целый месяц убивали птиц в немыслимых количествах обитыми железом дубинками».

По мере того как в начале XVIII века ружья и порохи становились все дешевле и доступнее, истребление копыеносов приобрело новый размах, о чем свидетельствует такая запись, сделанная на острове Кейп-Бретон примерно в 1750 году: «Весной великое множество птиц летит к местам кладки на птичьих островах. Во время этой чудовищно-кровавой бойни мы

* Английский мореплаватель и исследователь (1539—1583).— *Прим. перев.*

ежедневно делаем до тысячи выстрелов».

С каждым новым столетием росли масштабы опустошения, причиненного «охотой» на взрослых птиц, как на подлете к гнездовьям и вылете с них, так и на самих гнездовьях. Уже в 1900 году охотники за один день настреливали с плоскодонок на северном побережье залива Св. Лаврентия «по полбарказа птицы, что означало около четырех-пяти сотен гаг, турпанов, буревестников, чаек и т. п.».

Помимо уничтожения взрослых особей и части подросткового молодняка, что уже было достаточно страшным злом для морских птиц, охотники продолжали грабить и их гнездовья, забирая оттуда яйца. Начался этот грабеж в относительно небольших размерах с нерегулярных посещений птичьих колоний судовыми командами и рыбаками с целью добыть себе пропитание. Примерно в 1620 году Джон Мэйсон писал о жизни на Ньюфаундленде: «Морская дичь — это белые и серые чайки, пингвины, атлантические чистики, полярные чайки, тупики и прочие виды птиц... [и] все они щедро одаряют нас своими яйцами, такими же вкусными, как индюшачьи или куриные; запасы яиц на острове непрерывно пополняются».

Обстановка начала меняться с наступлением XVIII века: к этому времени быстрый рост населения на Атлантическом побережье стимулировал создание товарного рынка для многих «продуктов» суши и моря, включая... яйца морских птиц. Сбор яиц на продажу стал теперь прибыльным делом, и профессиональные сборщики прочесывали берега, обирая каждое обнаруженное ими гнездовье. Примерно к 1780 году американские сборщики яиц до такой степени разорили колонии птичьих островов восточного побережья Соединенных Штатов, что они уже не могли больше удовлетворять растущий спрос на яйца в таких городах, как Бостон и Нью-Йорк. В результате прибыльный экспорт яиц морских птиц перешел в руки

дельцов из северных британских колоний.

Как и следовало ожидать, копыенос оказался главной жертвой в те далекие времена, когда он еще водился в изобилии. Аарон Томас оставил нам следующее краткое описание сбора пингвиных яиц в районе Ньюфаундленда:

«Если вы отправляетесь за яйцами на остров Фанк и хотите наверняка заполучить их свежими, придерживайтесь следующего правила: вы сгоняете с места, убиваете и сгребаєте несчастных пингвинов в кучу. Затем вы сгребаєте в кучу все их яйца так же, как вы это делаете с опавшими яблоками в вашем саду... эти яйца, пролежавшие какое-то время, уже несвежие и непригодные, однако, очистив от них участок земли... вы покидаете его на день-другой... а вернувшись после этого на прежнее место, находите там много яиц, наверняка свежих!»

Если, как утверждали на острове Сент-Килда, самка копыеноса откладывает всего лишь одно-единственное яйцо и в тот год, когда оно было уничтожено, кладки больше не происходит, то нетрудно себе представить результат подобного массового опустошения.

Один английский капитан, изучавший промысел яиц в районе Ньюфаундленда, сообщал в своем рапорте: «Отряды отправляются [на острова Фанк] на добычу яиц и пера. Раньше этот промысел приносил порядочный доход, однако в последнее время в результате кампании истребления эти доходы здорово сократились. Впрочем, говорят, что на каком-то судне за один рейс выручили чистыми двести фунтов стерлингов».

Постскриптумом к этому звучит еще одно сообщение, сделанное Уильямом Палмером после посещения острова Фанк в 1887 году:

«Какое же множество птиц должно было обитать на этом пустынном острове в прежние годы, когда он, вне сомнения, кишмя кишел бескрылыми гагарками, кайрами, гагарками,

тупиками, полярными крачками и олушами и ничто не нарушало их безмятежного существования, разве что случайные набеги ныне исчезнувших индейцев с Ньюфаундленда. Но как все изменилось после того, как его начали грабить белые рыбаки; сегодня, если не считать полярных крачек и тупиков, остров кажется необитаемым. [Если] раньше здесь за один раз набирали по шестнадцать бочек яиц кайр и гагарок для отправки в Сент-Джонс*, то мы не увидели и дюжины яиц».

Именно Джону Джеймсу Одюбону мы обязаны наиболее ярким описанием «яичного» бизнеса. В июне 1833 года Одюбон посетил Новую Шотландию, где он встретил компанию сборщиков, которые, собрав что-то около сорока тысяч яиц морских птиц, продавали их перекупщику в Галифаксе по двадцать пять центов за дюжину. Несколькими днями позже во время визита на один из птичьих островов он встретил там двух сборщиков, которые «набрали восемьсот дюжин яиц кайр, а всего наметили собрать две тысячи дюжин... Множество разбитых яиц распространяли по всему острову невыносимое зловоние». Однако лишь в 1840 году, когда Одюбон провел несколько недель на северном побережье залива Св. Лаврентия, он до конца ощутил весь ужас этого омерзительного бизнеса. Ниже приводится его отчет в сокращенном варианте:

«Заветное желание сборщиков — разорить каждое гнездо, неважно где и невзирая ни на какой риск. Они налетают, словно чума, на пернатое племя, утоляя свою звериную склонность к уничтожению несчастных тварей, уже после того, как они их ограбили. Но я не мог полностью верить рассказам об этих ужасах, пока не увидел их собственными глазами.

Их судно — жалкая развалюха, из ее трюма, как из склепа, разносится тлетворное зловоние. Команда, насчи-

тывающая восемь человек, спускает за борт шлюпку и рассаживается в ней, каждый держит в руках ружье старого образца. Один матрос гребет к острову, веками служившему мириадам птиц местом рождения. При приближении подлых ворюг птицы тучей взлетают со скалы и, заполняя все окружающее пространство, с громкими криками носятся над головами своих недругов.

Слышатся звуки выстрелов нескольких мушкетов, заряженных крупной дробью, и вот уже тяжело падают на скалу и в воду убитые и раненые птицы. Остальные в паническом страхе мечутся над врагами, которые между тем высаживаются на берег и с выражением ликования на лице устремляются вперед. Вы только посмотрите на них! Продвигаясь вперед, они давят птенцов в скорлупе и топчут каждое яйцо на своем пути. И когда они наконец убираются с острова, там не остается ни одного целого яйца.

Вернувшись на свою мерзкую посудину, они гребут к находящемуся в нескольких милях отсюда соседнему острову. По прибытии туда повторяется та же картина: они беспощадно давят все попадающиеся под ноги яйца. Так они бродят по островам в течение недели, пока не дойдут до последнего гнездовья на берегу. Затем отправляются в обратный путь, заходя по дороге на каждый остров подряд и забирая свежие яйца, отложенные после их предыдущего визита.

На барке, до половины загруженной свежими яйцами, они направляются к главному острову — месту их первой высадки. Но что это? — они застают там бесцеремонно хозяйничающих чужаков. Охваченные яростью, они бросаются на непрошенных собирателей яиц. Первым вопросом звучит мушкетный залп, в ответ раздается встречный. Одного из членов команды уносят на лодку с пробитым черепом, другой ковыляет, получив заряд дроби в ногу, третий шупает, сколько зубов у него вылетело через продырявленную щеку. Однако в кон-

---

* Столица Ньюфаундленда. — *Прим. перев.*

це концов ссора улажена и предстоит дележ награбленного добра.

Эти люди также собирают весь падающийся на их пути гагачий пух, но им и этого кажется мало: они безрассудно уничтожают вообще всех подвернувшихся под руку птиц. С особым пристрастием ищут яйца чаек, чистиков, кайр и уток; ради перьев безжалостно убивают тупиков и других птиц. Они так настойчиво и упорно занимаются своим ремеслом, что все виды птиц [в большинстве своем] уже покинули родные гнездовья. Подобная война на уничтожение не может продолжаться вечно».

Массовое истребление птиц продолжалось, не утихая, пока на всем побережье от Лабрадора до Флориды не осталось (вернее — почти не осталось) лишь несколько доступных для людей гнездовий морских птиц. В 1919 году доктор Артур Бент так резюмировал результаты этого варварского опустошения в своем монументальном труде «Жизненный цикл птиц Северной Америки»:

«Их самые жестокие враги, вне всякого сомнения, — это люди, веками убивавшие их в огромных количествах и безжалостно кравшие их яйца, пока птицы не были практически полностью истреблены».

Не довольствуясь возраставшим с неимоверной скоростью истреблением взрослых копыеносов и уничтожением множества их яиц ради «прокорма человека», европейские пришельцы быстро придумали новые способы практического использования этих птиц.

К началу второй половины XVI века спрос на животный жир значительно опережал предложение и цена на ворвань была высокой*. К несчастью для

копыеноса, толстый слой подкожного жира, спасавший его от холода в водах Северной Атлантики, легко перетопливался в первосортное животное масло. Баски, вероятно, первыми воспользовались возможностью пополнить свои барыши от массового китобойного промысла в водах Нового Света; впрочем, получение ворвани очень быстро стало побочным промыслом для рыбаков и китобоев многих других стран.

К 1600 году производство ворвани стало обычным делом в большинстве рыбных портов. Ее вытапливали всюду, где рыбаки имели время и возможность случайно раздобыть какую-нибудь пригодную для этого живность. Так пришел черед тюленей, моржей, китов, морских свиней... и морских птиц. Главной мишенью в племени морских птиц были и оставались до конца своих дней копыеносы, славившиеся своей величиной, большим содержанием жира и доступностью.

Примерно в 1630 году, как поведал нам Николя Дени, французские суда, промышлявшие треску, нередко увозили по десять-двенадцать больших бочек «пингвиньей» ворвани. Для производства такого количества ворвани требовались тысячи тушек копыеносов, и, очевидно, оно было отнюдь не мелким побочным промыслом. С не меньшим размахом вытапливали ворвань английские, испанские и португальские ловцы трески, также интенсивно истреблявшие птиц ради получения жира, причем некоторые из них специально совершали рейсы на обособленные гнездовья в сезон размножения копыеносов и устанавливали там временные выварочные котлы. Они могли вытапливать ворвань даже на совершенно лишенных растительности скалах, поддерживая огонь шкурками и тушами убитых птиц, лишенных жирового слоя. Находились и такие лихие и безжалостные «маслоделы», которые использовали в качестве топлива всю птицу целиком, утверждает Аарон Томас в своем описании острова Фанк конца XVIII века:

* Минеральные масла еще не были широко известны, а растительные масла дефицитны и неоправданно дороги. Поэтому все товарные жиры получали из животных. Одним из главных их источников было море: жир, полученный из морских животных, назывался ворванью. Как мы увидим далее, ворвань была одним из важнейших и прибыльных продуктов, изготовленных из животных, обитавших в водах Нового Света.

«Все время, пока вы живете на острове, вы постоянно совершаете ужасные жестокости, ибо вы не только сдираете шкуру с *живых* [пингвинов], но вы также *заживо* сжигаете их ... Вы устанавливаете котел и разводите под ним костер из самих несчастных пингвинов».

Вытапливание ворвани из тушек не истощало способов, с помощью которых европейцы извлекали дополнительные выгоды из истребления популяций морских птиц. Хотя массовый летний ход мелкой стайной рыбы — сельди, мойвы, макрели, — а также кальмара снабжал рыбаков необходимой наживкой, однако случались нарушения в периодичности ходов и «подходов» рыбных косяков к берегам. И прибрежные рыбаки вскоре нашли способ восполнять временный дефицит наживки, особенно ощутимый в июне-июле. Высадившиеся на берег рыбаки прочесывали птичьи острова, уничтожая и взрослых птиц, и молодняк. После этого тушки птиц раздирались на куски, использовавшиеся в качестве приманки для лова трески, которую в те времена ловили в основном на уду.

В дни своего процветания «пингвины» чаще других птиц шли на наживку, что в дополнение к истреблению их ради мяса и жира привело к неизбежному результату. Ни один вид, каким бы многочисленным он ни был вначале, не смог бы выдержать бесконечное кровавое избиение. К середине 1700-х годов уцелела лишь горстка поредевших и уже находящихся в осаде колоний. И в это время их постигло новое бедствие.

В последнюю половину XVIII века предприимчивые дельцы, большей частью из Новой Англии, воспользовались растущим спросом на перо и пух в Америке и в Европе для изготовления постельных принадлежностей и обивки мебели. Каждую весну множество шхун, некоторые даже с юга, из Чесапикского залива, прибывали к берегам Ньюфаундленда и залива Св. Лаврентия с целью грабежа

гнездовой морских птиц на островных колониях. Сначала грабители набросились на гаг, однако, помимо сбора пуха, которым были выстланы гагачьи гнезда, они также отстреливали и ловили сетями бесчисленные тысячи взрослых птиц. Подобная жестокость привела к тому, что вскоре от ранее казавшихся неистощимыми гагачьих стай остались буквально «рожки да ножки». Затем настал черед гнездовой других морских птиц, включая последние оставшиеся колонии копынсов.

В 1775 году власти Ньюфаундленда обратились к Великобритании с петицией о прекращении резни: «К северной части нашего острова прилегают многочисленные острова, где в изобилии водятся птицы, весьма полезные местным жителям зимой — для пропитания и летом — для заготовки наживки для рыбной ловли... их [эти жители] теперь почти совсем лишились, поскольку большая часть птиц была за несколько лет уничтожена командами судов, которые убивают их в сезон размножения ради перьев, используемых ими как предмет торговли... мы просим положить этому конец, разрешив добычу птиц только для еды и наживки».

Десятилетием позже колонист Джордж Картрайт занес в свой дневник следующие пророческие строки: «С острова Фанк пришло судно с грузом птицы, главным образом пингвинов... Каждое лето [там] плодятся бесчисленные стаи морских птиц, что приносит огромную пользу местным жителям, которые плавают туда, чтобы загрузить свои лодки птицей и яйцами... однако в последние годы для команд нескольких судов вошло в привычку жить на острове все лето с единственной целью убивать птиц ради их перьев; они причинили невиданное разорение. Если этой практике не будет положен скорый конец, то все птичье потомство будет сведено на нет, *особенно пингвины, ибо сейчас это единственный остров, оставшийся у них для размножения*; что касается всех других островов близ

берегов Ньюфаундленда, то их грабят постоянно». (Курсив мой.)

Возмущение коммерческой аристократии Ньюфаундленда не было бескорыстным. Это видно из замечания преподобного Филипа Токе, который незадолго до 1800 года писал о том, что «пингвины» «в изобилии водились на острове Фанк, [где] их убивали в невероятных количествах... Целые кучи их сжигали вместо топлива... которого на острове не было. [До разорения, вызванного торговлей пером], купцы с Бонависты продавали беднякам эту птицу центнерами»*.

Особенно мрачное описание действительности оставил нам Аарон Томас:

«На расстоянии нескольких лиг от северного берега лежат острова Фого, Вонючий и Фанк. Обычно их вместе называют островами Фанк за зловонный запах, бьющий в нос при высадке на любой из них. Я буду говорить только об одном острове Фанк, но мои наблюдения равным образом годятся и для других островов этой группы.

Остров Фанк представляет собой пустынное место, населенное только пингвинами и другой птицей, которой здесь столько, что просто не верится. Как только вы ступили ногой на берег, вас окружают тысячи птиц, они путаются у вас под ногами и настолько ленивы, что даже не пытаются уйти с вашей дороги.

Если вы пришли за пером, то вам нет нужды их убивать, надо просто схватить птицу в руки и выщипать у нее перья получше. После этого вы оставляете несчастную птицу на произвол судьбы, полуголую, с разодранной кожей — пусть себе не спеша издыхает. Не очень гуманный способ, но такова общепринятая практика.

Я получил от одного человека из Сент-Джонса следующую информацию: «Лет двадцать назад я совершил два рейса на остров Фанк, когда подобный промысел считался законным.

За эти рейсы мы с моим компаньоном собрали полтонны перьев и столько яиц, что выручили за них в Сент-Джонсе целых тридцать фунтов!

Теперь,— продолжал Аарон Томас,— сдирать кожу с птиц и собирать яйца на острове Фанк запрещено, а забивать птицу можно только для наживки, на которую ловят рыбу. [Но] года три назад несколько человек попались на запрещенном грабеже, их привезли в Сент-Джонс и там выпороли плетью. Тем не менее я слышал, что с этих островов [еще] вывозят ежегодно значительное количество пера».

В это время стали раздаваться и другие жалобы по поводу уничтожения «пингинов». Дело в том, что эти поразительной внешности птицы в течение почти трех столетий служили возвращающимся из плавания морякам безошибочным указателем прибытия на Большую Ньюфаундлендскую банку и, следовательно, близости материка, чьи небезопасные для мореплавателей берега часто скрыты за непроходимой пеленой тумана. Издавна в «Путевые карты и лоции», которыми пользовались при пересечении Атлантики в западном направлении, вносился тот или иной вариант следующей выписки из «Английского Лоцмана»:

«Вы можете узнать, что находитесь на Большой банке, по огромному количеству птиц, особенно и прежде всего «пингинов», ибо в отличие от других птиц они никогда не покидают Банку». Но уже к 1792 году сэр Ричард Бонникастл сообщал английским властям о том, что «этот верный навигационный указатель теперь совершенно исчез в результате безрассудной торговли яйцами и перьями». Двумя годами позже лондонский министр по делам колоний запретил наконец уничтожать «пингинов» для торговли пером, ибо «они дают пищу и наживку и предупреждают суда о приближении к земле».

Помимо того что этот запрет пришел слишком поздно, его фактически проигнорировали на Ньюфаундленде,

* 1 англ. центнер = 112 фунтам = 50,8 кг; 1 амер. центнер = 100 фунтам = 45,3 кг.— *Прим. пер.*

где местные купцы давно решили, что если уж им не удалось заставить янки отказаться от выгодного бизнеса, то наилучшим выходом будет самим участвовать в нем. В результате к 1802 году на пустынном острове, именуемом Фанк, была уничтожена последняя колония «пингвинов» в Северной Америке.

Если нашим предкам потребовалось больше тысячи лет, чтобы разделаться с копыеносами в европейских водах, то современному человеку для уничтожения их в Новом Свете хватило и трехсот. И хотя это была безусловная победа в нашей непрекращающейся войне с остальным животным миром, виновникам торжества, как и нам, их наследникам, как-то неловко ставить ее себе в заслугу.

Едва последние североамериканские копыеносы были отправлены в небытие вслед за своими европейскими собратьями, как тут же их исчезновению было дано привычное объяснение: дескать, эти пугливые от природы птицы должны были «выбирать себе другие места», редко посещаемые людьми. Некоторые апологеты утверждали даже, что эти птицы извечно обитали в высоких арктических широтах. Так, один американский орнитолог писал в 1824 году:

«Бескрылая гагарка, или северный пингвин, волей случая или инстинкта обитает только в самых высоких широтах земного шара, оказываясь среди ужасов покрытого вечным льдом региона, где ее обычно можно видеть на дрейфующих ледяных полях студеного океана».

Когда же ни одному исследователю Арктики не удалось встретить в «студеном океане» ни малейшего следа копыеносов, живых или мертвых, была предпринята совсем уже удивительная попытка похоронить саму память об этой птице. Было высказано предположение, что «птица, известная в истории под именем бескрылой гагарки, по всей вероятности, — мифическое создание, выдуманное безграмотными матросами и рыбаками». В качестве дополнительного до-

казательства фиктивности ее существования сообщалось об обнаружении поддельных яиц, сделанных из гипса, и чучел, склеенных, как оказалось, из шкур разных видов морских птиц. Подделки предназначались для продажи легковерным коллекционерам.

Этому интуитивному побуждению выкинуть копыеноса из истории, а заодно и освободиться от угрызений совести помешало открытие в конце XIX века на острове Фанк множества «пингвиных» клювов и костей и даже нескольких тушек, частично сохранившихся в гуано. Когда эти останки доставили в Европу, они произвели сенсацию в научном мире, представители которого, желая их приобрести, бешено конкурировали друг с другом на торгах. Как сообщалось в одной из публикаций того времени, «большое количество останков, собранных профессором Мильне на острове Фанк, было закуплено многими музеями и частными коллекционерами, что помогло им удовлетворить насущную потребность пополнить свои коллекции».

«Потребность» называлась страсть к стяжательству, охватившая немало состоятельных людей XIX века, для которых древности естественной истории были все равно что картины Моне или Гогена для ценителей современного искусства. Целые состояния тратились на поиски по всему миру редких экземпляров. Развернулась острая конкурентная борьба во имя науки и просвещения; она-то и явилась последней причиной уничтожения десятков и сотен видов животных, которым и так уже грозило вымирание. Этот «бизнес» продолжается — с аналогичными результатами — и в наши дни с участием неразборчивых в средствах зоопарков и музеев естественной истории.

Безусловное признание того, что бескрылая гагарка — никакой не миф, а существо из плоти и крови, которое когда-то, [и не так давно], было живым организмом, вновь поставило вопрос о том, как и почему она исчезла. Большинство авторитетов про-

должали утверждать, что человек тут ни при чем, но были и несогласные с этим мнением. К числу последних принадлежал выдающийся датский ученый, профессор Я. Стинstrup, который в 1855 году заявил о том, что «исчезновение гейрфугеля не должно рассматриваться как миграция и еще меньше — как естественное вымирание, но как следствие истребления его людьми — главными виновниками опустошения».

Впрочем, свое честное признание горькой истины добрый профессор постарался подсластить такой вот оговоркой: «Тем не менее эта исчезающая птица помогла добиться более высокой цели, способствуя в течение долгого времени процветанию рыбного промысла на Ньюфаундлендских банках». Вряд ли можно было найти ей более достойное предназначение! Несомненно, что подобные аргументы все еще находят поддержку у тех, кто считает, что гибель любого животного или вида животных ради удовлетворения человеческих потребностей не только оправдана, но даже имеет оттенок благодеяния.

Хотя вскоре после 1800 года копынос как будто навсегда исчез из поля зрения человека, *он еще не был вымершим видом*. Оставалась одна, малоизвестная колония. Эта оставшаяся колония, насчитывавшая, пожалуй, не более сотни особей, сумела избежать заклания на «более высокие цели». Она выжила прежде всего благодаря изолированности ее от внешнего мира: колония случайно обосновалась на скалистом острове, названном Эльдей, — крайнем в цепи вулканических островов в Атлантике, протянувшейся на юго-запад от исландского мыса Рейкьянес. Скала, окруженная со всех сторон морем и непрерывно разрушаемая штормами и прибоем, служила ненадежным убежищем столь небольшому количеству гейрфугелей, что даже местные жители больше не считали их достойным внимания объектом для своих грабительских набегов.

Как бы там ни было, ни одно место в мире не могло укрыться от внимания истинно преданных своему делу коллекционеров, и слух об этой последней, забытой богом колонии каким-то образом дошел до чутких ушей европейцев. Примерно в 1830 году купцы-экспортеры в Рейкьявике стали получать письма с просьбой о поставке гейрфугелей и их яиц и обещанием щедро расплатиться за любое поставленное количество. Нашелся по крайней мере один торговец, который быстро ухватился за эту счастливую возможность. Звали его Сиемсон, да будет памятно это имя.

Сиемсон сговорился с рыбаками из поселков Стадур и Хафнир, расположенных на конце полуострова Рейкьянес, после чего каждую весну, если позволяла погода, местные рыбаки совершали набеги на Эльдей. К 1843 году через руки Сиемсона прошло от пятидесяти до семидесяти пяти гейрфугелей и неуставленное количество их яиц, осевших в ревниво оберегаемых сокровищницах коллекционеров по всей Западной Европе.

Там они и хранились в тиши кабинетов, пока времена не изменились и часть владельцев не были вынуждены распродать свои коллекции природного антиквариата. Четвертого марта 1971 года директор Исландского музея естественной истории присутствовал на знаменитом лондонском аукционе Сотби, где он предложил и заплатил 33 000 долларов за чучело гейрфугеля, убитого предположительно на острове Эльдей. Деньги были собраны по публичной подписке, причем директор, по его словам, мог бы собрать вдвое больше этой суммы, настолько велико было желание исландцев вернуть своей островной республике этот запыленный образец утраченного наследия.

Другие специалисты из стран, также причастных к истреблению копыноса, проявили меньше заинтересованности в восстановлении памяти об этой птице. В 1960-х годах ньюфаунд-

лендский биолог д-р Лесли Так, признанный в мире авторитет по Alcidae (семейство чистиковых, к которому наука относит и копьеноса), предложил человечеству... новую версию вымирания копьеноса. По мнению д-ра Така, бескрылая гагарка уже была реликтовым видом, когда европейцы впервые обнаружили ее у берегов Северной Америки; завершив свой эволюционный цикл, она оказалась буквально в тупике. Ее вырождение в древности зашло так далеко, утверждал он, что еще 3000 лет до нашей эры в Новом Свете оставалась одна-единственная колония на острове Фанк, и к моменту появления там людей она уже переживала последнюю стадию естественной дегенерации. Чем это не поистине элегантное алиби, позволяющее с легкостью переложить ответственность с преступников на их жертвы?

Другая канадская точка зрения была высказана чиновником федерального Министерства рыболовства и морской среды. Она проливает свет на его сегодняшнее отношение к судьбе остающихся морских птиц в канадских водах. «Как бы ни велико было их количество, бескрылые гагарки должны были погибнуть. Ясно, что они поглотили тысячи тонн морских организмов, от которых зависит состояние промысловых запасов рыб. Для них не было места в любом хорошо организованном рыбном промысле. Лично я считаю, что мы должны благодарить наших предков за то, что они решили за нас эту проблему».

Время от времени я продолжаю сталкиваться с подобной приверженностью к старомодной теории, оправдывающей истребление «бесполезных» видов животных ради гипотетического блага других, которых мы ценим как товар.

...Раннее утро 3 июня 1844 года выдалось безоблачным и безветренным. Улеглась наконец тяжелая волна, много дней подряд бившая о бе-

рег с оглушительным грохотом. Трое рыбаков из Стадура — Кетил Кетилссон, Йон Брандссон и Сигурдур Ислефссон — спустились к вытяженному на берег беспалубному судну, внимательно взгляделись в небо и море, обменялись несколькими короткими замечаниями и пришли к выводу, что денек вроде подходящий, чтобы попытаться счастья на острове Эльдей.

Отсутствие ветра было сомнительным благом: им предстояло грести на тяжелой лодке миль пятнадцать в открытом море, но безветрие вселяло уверенность в то, что по прибытии они смогут без помех высадиться на крутой склон конусообразного острова. Тихая погода стояла все утро, и незадолго до полудня они уже карабкались на изъеденные морем базальтовые скалы. О том, что с ними произошло потом, рассказал через несколько лет с их слов один их друг — исландец:

«Когда они взобрались наверх, они сразу увидели пару гейрфугелей, сидящих в окружении многих других морских птиц, и тотчас же бросились в погоню за ними. Гейрфугели не выказали ни малейшего желания сопротивляться, но засеменили прочь по высокой скале, вытянувшись во весь рост и расправив маленькие крылышки. Обе птицы двигались короткими шажками со скоростью пешехода, не издавая никаких тревожных криков. Йон, растопырив руки, прижал одну из них к скале и быстро ее связал. Сигурдур и Кетил погнались за второй и поймали ее у самого края скалы. Затем Кетил вернулся к полному уступу, откуда птицы начали свое отступление, и увидел яйцо, лежащее на глыбе застывшей лавы. Он знал, что это было яйцо гейрфугеля, поднял его, но тут же бросил, увидев, что оно разбито. Происшествие заняло гораздо меньше времени, чем этот рассказ о нем».

Разбитое яйцо на голой скале. Точка, обозначающая конец.

Глава 2

Морская дичь

Массовое истребление морских птиц не ограничилось, разумеется, одним копьеносом. Этот несчастный просто до конца испил горькую чашу своих страданий. Многие другие виды пострадали не меньше копьеноса, но избежали полного уничтожения благодаря своей первоначально астрономической численности, широкому распространению и способности к размножению в отдаленных или же недоступных местах. Настоящая глава коротко повествует об истории преследования этих океанических птиц современным человеком в зоне северо-восточного побережья Северной Америки.

Европейские рыбаки стали пользоваться мясом морских птиц в качестве наживки сразу же после того, как начали ловить рыбу в водах Нового Света. Уитборн писал в 1500-х годах:

«Морские птицы не только кормят тех, кто продает их [на Ньюфаундленд], но и способствуют развитию рыбного промысла, поскольку их здесь так много, что рыбаки наживляют на крючок по четверти тушки морской птицы; некоторые суда из

года в год используют такую приманку во время промысловых рейсов».

Добывать наживку было довольно просто.

Николя Дени, участник нападения на гнездовья острова Самбро, что неподалеку от Галифакса, обнаружил «такое множество всяческих видов [морских птиц], что вместе с командой мы, вооружившись дубинками, убили их столько... что не смогли унести всех с собой. При этом много уцелевших птиц поднялись в воздух, образовав плотную тучу, сквозь которую с трудом пробивались солнечные лучи».

Натиск на птичьи колонии в погоде за наживкой неумолимо нарастал. В 1580 году в прибрежной судоходной зоне Северо-Восточной Атлантики вели промысел уже более 300 европейских судов, а к 1700 году их стало вчетверо больше. В 1784 году в регионе промышляли 540 судов, ловивших рыбу только в открытом море, причем большинство их, по крайней мере часть промыслового сезона, обходилось наживкой из птичьего мяса. К 1830 году еще одна флотилия в несколько сот шхун из Новой Англии ловила рыбу у побережья

Лабрадора и залива Св. Лаврентия, широко используя такую наживку.

Наряду с развитием морского рыбного промысла росло число частных владельцев лодок — плантаторов и рыбаков-любителей, ловивших рыбу в бесчисленных небольших бухтах и гаванях; они также регулярно пользовались птичьим мясом как наживкой. Подобная практика продолжается и в наши дни, особенно на Ньюфаундленде и Лабрадоре.

Д-р Артур Бент, посетивший остров Бэрд-Рокс архипелага Магдален в 1904 году, обнаружил, что на них постоянно совершают налеты охотие до наживки рыбаки, которые с помощью лестниц и веревок взбираются на скалы и за какой-нибудь час убивают до пятисот олушей². По словам Бента, сорок рыболовных судов снабжались птицей с островов Бэрд-Рокс. С олушей «варварски сдирали кожу, а мясо рубили на крупные куски». Другим «методом» (применявшимся уже в нашем столетии на Кейп-Сент-Мэри, где колония олушей защищена от вторжений неприступными отвесными скалами) было оставлять на плаву поблизости от птичьих колоний притопленные доски или бревна с привязанной к ним селедкой. Олуши, пикируя с высоты, не успевали замечать обмана и десятками ломали себе шею. Множество олушей, кайр, гагарок и других прирожденных ныряльщиков попадались в мелочайшие сети и тонули.

На наживку использовались даже бакланы. Если раньше колонии бакланов встречались по всему побережью вплоть до южного штата Джорджия, то к 1922 году их осталось так мало, что одно время большого баклана считали «обреченной на вымирание птицей в Северной Америке».

До конца XIX века успех промысла трески американскими и канадскими судами, обычно совершавшими дальние рейсы к банкам открытого моря, зависел от наличия на борту наживки из мяса взрослых океанических птиц, главным образом таких созданий, как грациозные буревестники³ и глу-

пыши. Птицу добывали с плоскодонок с помощью линия длиной в пять-шесть саженей*, к которому крепилось множество макрельных крючков с наживкой из печени трески. Вот как эта технология описана в отчете от 1884 года в адрес Рыболовной комиссии США:

«Рыбаки испытывают большое удовольствие от этой охоты не только в связи с вызываемым ею возбуждением, но и в предвкушении будущей выгоды от хорошей порции птичьей наживки. Когда жертва попадает на крючок, она энергично пытается подняться в воздух или, растопырив лапы, старается удержаться на воде, когда ее тащат в лодку. Бывает, что птица срывается с крючка, но обычно загнутый конец крепко удерживает птицу, пока ее не затащат в лодку. Рыбак прокусывает ей череп зубами либо разбивает его ударом матросской дубинки. Так продолжается до тех пор, пока не будут пойманы сотни две птиц».

Бывало также, что буревестников брали на суда живьем.

«Около дюжины их запихивают в большую бочку** на палубе судна, затем рыбаки, помешивая палкой внутри бочки, вызывают среди них междоусобную войну: птицы набрасываются на соседей, очевидно вообразив их своими злостными врагами, возникает общая драка и страшное смятение, во время которого — к вящему удовольствию всей команды — только перья летят. Случается, что рыбаки связывают за лапы двух птиц вместе: они плавают в этой страшной связке и дерутся друг с другом до тех пор, пока одна из них или обе не погибают».

Убийство буревестников и глупейшей ньюфаундлендскими рыбаками ради добывания наживки продолжалось вплоть до 1949 года.

В дело пошли даже маленькие, ве-

---

* Морская сажень = 1,829 м. — *Прим. перев.*

** Емкостью от 285 до 635,6 л. — *Прим. перев.*

личинной с дрозда, качурки. «Самым простым и эффективным орудием их убийства был кнут из нескольких плетей лinya*, прикрепленных к палке длиной в 1,5—1,8 метра. Качурки слетались на выброшенную для них приманку — большой кусок тресковой печени — и скучивались вокруг нее в плотную массу; тут же свистящие удары кнутов обрушивались на сбившуюся в кучу стаю, калеча и убивая до двадцати и более птиц за один взмах кнута. Эта зверская расправа продолжалась до тех пор, пока число убитых не достигало 400—500 штук».

Хотя предпочтение отдавалось взрослым морским птицам, чье мясо лучше держалось на рыболовном крючке, однако запасов наживки часто не хватало. Так что убивали и молодняк. Поэтому на некоторых гнездовьях в отдельные сезоны с трудом можно было обнаружить половозрелую птицу. Один рыбак из залива Бонависта на Ньюфаундленде рассказал мне о рейде за наживкой, в котором он сам участвовал:

«Это было в конце июня месяца, и молоденькие кайры уже здорово подросли. Нас было семеро взрослых и с полдюжины юнцов на борту двух лодок для заготовки наживки. Мы захватили с собой окованные железом матросские дубинки. Причалив к скале сразу после восхода солнца, мы тут же принялись за работу. Куда бы мы ни шли, нас везде встречали густые, как собачья шерсть, стаи молодых кайр. Над головой кружили тысячи и тысячи моевок и взрослых кайр, и с восходом солнца поднялась такая вонь, что задохнулась бы и акула. Ну что ж, мы сразу принялись за дело — «размахнись рука, раздудись плечо» — и молотили птиц, пока рукам не стало больно и они уже почти не держали дубинку. Я был с ног до головы в крови, слизи и перьях, отлетавших от птиц под моими ударами. Мы быстро покончили с ними, и наши молодые парни полными меш-

ками тащили на лодки битую птицу. Островок был махонький, и мы очистили его весь за неполный день. Во всяком случае, не скажу, что после нашего ухода местные лисицы могли бы чем-то поживиться. Наши лодки были рассчитаны на пятьдесят центнеров груза [две с половиной тонны], и мы их загрузили по планширь. Этой наживки спокойно хватит недели на две лова для каждой лодки в нашем заливе».

Теперь посмотрим, в каком положении находятся некоторые виды морских птиц северо-восточного побережья Америки, которым больше других угрожает опасность исчезновения.

Часто называемые качурками, обыкновенные крачки⁴ и собственно качурки⁵, словно некие бесплотные духи океана, без устали носятся по воле ветра и волн вдаль от берегов, ненадолго посещая их для продолжения рода. Своих птенцов они выводят в неглубоких ямках, вырытых ими в дерне или земле, а также в расклинах скал, покидая гнездовья и возвращаясь обратно, только когда уже стемнеет. Их гнездышки надежно укрыты от постороннего взора: можно пройти по сплошь продырявленному ими дерну, даже не заметив под ногами сотни и тысячи гнезд. Когда-то северная качурка в огромных количествах размножалась на островах и надводных скалах по всему побережью, по крайней мере до Кейп-Кода на юге, однако вторжение человека и сопутствующих ему животных лишило ее всех бывших гнездовых, за исключением одного на Ньюфаундленде. По мнению д-ра Дэвида Неттлшипа из Канадской службы охраны диких животных, состояние популяций северной качурки, за исключением Ньюфаундленда и Лабрадора, где положение неясно, во всех остальных районах Восточной Канады и Новой Англии продолжает ухудшаться.

Одна из самых прекрасных морских птиц — северная олуша⁶ — когда-то встречалась по всему восточному по-

* В 12 или 18 нитей.— *Прим. перев.*

бережью, восхищая людей своим белоснежным оперением и огромными — размахом более полутора метров — крыльями с черной каймой по краям. В 1833 году, даже после того, как этот вид пережил три столетия непрерывающейся бойни, Одюбон все еще мог любоваться этими птицами во время своего летнего путешествия на острова Бэрд-Рокс в заливе Св. Лаврентия:

«Наконец-то мы увидели белеющую вдаль точку, которая, как заверил нас лоцман, и была нашей желанной скалой. Нам показалось, что она покрыта снегом толщиной в несколько футов. Когда мы приблизились, мне почудилось, что все воздушное пространство вокруг наполнено снежинками, но... меня убедили, что в поле зрения ничего не было, кроме олушей и их островного жилища. Я протер глаза, достал свой бинокль и увидел впереди удивительную дымку, образованную бесчисленной массой птиц... Когда мы подошли совсем близко, можно было легко рассмотреть сверкающее белизной покрывало из тысяч плавающих олушей: одни птицы стремительно взлетали в небо, другие снижались, чтобы воссоединиться с остальной пернатой массой и снова сразу же ускользнуть куда-то в сторону по глади океана».

Во времена Одюбона считалось, что колония олушей на Бэрд-Рокс насчитывает свыше 100 000 особей. Когда европейцы впервые появились на Североамериканском континенте, на этих островах существовали десятки таких колоний, причем многие из них насчитывали столько же, если не больше, олушей. Но уже к середине XIX века во всей Северной Америке оставалось уже только *девять* колоний олушей. К 1973 году на шести сохранившихся колониях насчитывалось всего 32 700 пар взрослых птиц, что было примерно на 20% меньше по сравнению с численностью 1966 года. К 1983 году численность популяции сократилась еще на 10%, в основном за счет отравления ядовитыми химикалиями рыб, которыми

питалась колония олушей на острове Бонавантюр.

Небольшие размеры и ограниченный ареал оставшихся популяций олушей делают этот вид чрезвычайно уязвимым для дальнейшего, возможно неизбежного, сокращения численности птиц, вызываемого загрязнением воды ядовитыми веществами, интенсивностью рыболовного промысла и периодическим загрязнением нефтью, неизбежным при добыче ее в открытом море.

Два вида бакланов — большой⁷ и ушастый⁸ — раньше гнездились не только вдоль морского побережья южнее центрального Лабрадора, но также и по берегам пресноводных озер и рек. Изобилие их в XVII веке объяснялось, возможно, тем, что европейцы находили жирное мясо бакланов противным на вкус и непригодным в пищу. Однако стоило птицам стать главной наживкой в промысле трески, как бакланы обоих видов начали нести колоссальные потери. Их молодежь, собиравшийся большими колониями на голых скалах или среди частых деревьев, был легкой добычей. Подросших птенцов убивали в огромных количествах, поскольку их волокнистое мясо хорошо держалось на крючке.

Истребление бакланов продолжалось и тогда, когда птичья наживка утратила свое бывшее значение. К началу XX века произошло заметное сокращение запасов многих промысловых рыб, и рыбаки решили, что одними из главных виновников были бакланы. Это и привело к преднамеренной попытке окончательно раздаться с ними. Большей частью разоряли их гнездовья — яйца и птенцы затаптывались ногами, а большое число взрослых птиц, возможно, погибало под ружейными выстрелами. Позднее нашел применение еще один «усовершенствованный» метод: лежащие в гнездах яйца обливались керосином, от чего микроскопические поры в скорлупе закупоривались, и находящийся внутри зародыш погибал

от удушья. Взрослые птицы не понимали, что птенец уже никогда не вылупится из яйца, и продолжали высидывать его, в то время как сезон подходил к концу и было уже поздно пытаться отложить яйца во второй раз.

Антибакланная кампания велась столь успешно, что к 1940 году в канадских водах осталось всего около 3000 больших бакланов. Робкие попытки по восстановлению вида, принятые после второй мировой войны, не оправдали ожиданий главным образом из-за продолжавшегося злонамеренного преследования бакланов профессиональными рыбаками и спортсменами-любителями. В 1972 году я был очевидцем одного такого налета на большую колонию ушастых бакланов на островах Магдален. Пяттеро людей, вооруженных мелкокалиберными винтовками, целое утро отстреливали взрослых птиц около гнезд в еловом лесу, усеяв землю их трупам. Однако гораздо более ужасным было зрелище множества погибших или умирающих птенцов как в гнездах, так и на земле — жертв голодной смерти после гибели их родителей.

В связи с продолжающимся сокращением рыбных косяков следует ожидать усиления «вендетты» против бакланов и других питающихся рыбой животных, которая ведется при молчаливом попустительстве некоторых чиновников, ведающих вопросами охоты и рыболовства и все еще придерживающихся дискредитировавшего себя мнения о том, что бакланы представляют реальную угрозу рыболовству.

Четыре вида изумительно красивых черноголовых крачек⁹ прежде жились многочисленными колониями на островах, пляжах и песчаных косах как пресноводных, так и морских бассейнов по всему побережью Атлантики. Они, видимо, не подвергались преднамеренным нападениям людей до середины XIX столетия, когда их колонии были опустошены

охотниками — поставщиками пера для изготовителей дамских шляп. В то время женские шляпки украшали крыльями, хвостами, а то и целыми птичьими шкурками; растущий спрос на них породил такую интенсивную бойню, что крачки всех видов стали попадаться сравнительно редко. Кроме того, немалую роль в продолжающемся сокращении их численности играют и такие факторы, как вытеснение с гнездовых людью, разрушение берегов, ранее служивших им местами размножения, а также отравление ядовитыми химикалиями. Все четыре вида крачек находятся в опасности, причем розовая и каспийская — на грани полного исчезновения, а некогда многочисленная полярная и обыкновенная крачки переживают самое серьезное падение численности.

Что касается чаек, то они, по-видимому, остались в выигрыше от человеческой активности, за исключением черноголовой смеющейся чайки¹⁰, которая раньше водилась на всем побережье Атлантики к югу от залива Св. Лаврентия, а теперь также считается редкостью. В то же время серебристая, делавэрская и большая морская чайки, а также моевки¹¹ переживают удивительный расцвет после периода векового упадка, когда они и их яйца в огромных количествах шли в пищу людям. Как ни парадоксально, они в немалой степени обязаны своим благополучием массовому опустошению, которое причинил морским организмам современный рыбный промысел, снабжающий чаек уймой требухи и падали, не говоря уже об огромном количестве съедобных кухонных отходов, выбрасываемых в море нашим обществом.

Чистики, кайры и тупики образуют семейство Alcidae*, члены которого — *par excellence*** морские животные —

* Чистиковые. — *Прим. перев.*

** В высшей степени (*фр.*) — *Прим. перев.*

основную часть своей жизни проводят на воде и под водой и гораздо меньше времени — в воздухе или на суше. Большинство предпочитает размножаться в гнездовых колониях, многие из них также склонны образовывать в море огромные скопления. Именно это семейство больше всех других морских птиц пострадало, и продолжает страдать, от рук человеческих.

Гагарка¹², внешне очень похожая на бескрылую гагарку, отличается от последней лишь втрое меньшей величиной. И хотя ей удалось пока избежать несчастной участи ее кузины в основном благодаря своей способности летать, тем не менее она сейчас представляет одного из двух самых малочисленных членов своего семейства; эту печальную участь она делит с атлантическим (обыкновенным) чистиком¹³.

Гагарка ранее встречалась примерно до Кейп-Кода на юге, образуя обычно смешанные колонии с родственной кайрой, но теперь ее ареал ограничен Атлантическим побережьем Канады и западным берегом Гренландии. На пятидесяти семи гнездовьях, существующих сейчас в Канаде, обитают всего 15 000 пар гагарок — жалкие остатки вида, который до первого нашествия европейцев насчитывал, вероятно, в сотню раз больше особей.

Два вида кайр, взятые вместе — тонкоклювая (длинноклювая)¹⁴ и толстоклювая¹⁵, — представляли, вероятно, самые многочисленные виды морских птиц в североамериканских водах до первого появления там европейцев. Толстоклювые кайры встречались в районе от северных берегов залива Св. Лаврентия и восточного побережья Ньюфаундленда до моря Баффина. До недавнего времени они чувствовали себя в безопасности от людей в своей арктической зоне обитания, и их популяция при снижении общей численности все еще насчитывает более трех миллионов особей. Для сравнения напомним, что численность взрослых толстоклювых кайр,

населяющих десять сохранившихся колоний на восточном побережье Атлантики, составляет в общей сложности не более 2500 пар.

По данным Неттлшипа, толстоклювая кайра понесла «наибольший численный урон во всей Северной Атлантике за последние тридцать-сорок лет (вероятное 30—40%-ное сокращение численности в восточной арктической зоне Канады)». Главные причины этого будут рассмотрены несколько ниже, однако сами цифры свидетельствуют о том, что даже таким хорошо изолированным от прожорливых людей животным, как толстоклювые кайры, не гарантировано будущее существование в разрушаемом нами мире.

Недавно стало известно, что каждую зиму охотники на моторных катерах убивают из современных дробовиков в водах Ньюфаундленда и Лабрадора до 400 000 кайр (в большинстве — перелетных толстоклювых кайр). Кроме того, по имеющимся данным, не менее 200 000 кайр уничтожаются жителями Гренландии. А это означает, что теперь птиц этого вида убивают *больше*, чем когда-либо убивали в прошлом.

Тонкоклювая кайра раньше обитала почти в тех же местах, что и гагарка. По берегам заливов Мэн и Св. Лаврентия, а также по побережью приморских провинций Канады можно было насчитать до 200 ее гнездовых колоний. А сейчас в районе, ограниченном северной частью залива Св. Лаврентия, Ньюфаундлендом и южным Лабрадором, осталось всего 26 гнездовых да еще одна крохотная колония численностью в 50 пар — в заливе Фанди.

Похожий на гнома тулик¹⁶, чья смешная фигурка долгое время удостоивалась внимания карикатуристов и сказочников, сегодня оказался в опасном положении. В Западной Атлантике его гнездовья встречаются ныне только в районах от центральной части Лабрадора до северной части залива Мэн; редкие небольшие колонии попадают также на западном

побережье Гренландии. Почти 70% всех сохранившихся популяций, насчитывающих вместе около 700 000 взрослых особей, сосредоточены на трех островах в заливе Уитлесс в юго-восточной части Ньюфаундленда. Теперь там создан орнитологический заказник, где отстаивают свои последние рубежи оставшиеся в живых морские птицы — последние представители когда-то многомиллионного вида (тупика).

Как и малые качурки, тупики — типичные колониальные птицы, обычно гнездящиеся в норах, обеспечивающих хоть какое-то укрытие — сначала от диких хищников, а затем от охотников за яйцами и наживкой; впрочем, последние наносили им более ощутимый урон. Если бы только этим ограничивались их беды от рук человека, они, наверное, сумели бы продержаться. Однако, как и в случае с малой качуркой, большинство колоний тупиков были уничтожены завезенными людьми чужеземными животными. Одиравшие кошки и собаки раскапывали птичьи норы, а овцы, козы и крупный рогатый скот затапывали их. Свиньи, выпускаемые на птичьи острова, чтобы выискивать гнезда и нагуливать жир, пожирали как молодняк, так и взрослых птиц.

Был среди них и другой мародер, завезенный в Северную Америку европейцами. В начале лета 1959 года я посетил обрывистый островок под названием Колумбьер, почти отвесно поднимающийся из моря неподалеку от острова Сен-Пьер. Крутые пологие склоны и плоская середина островка были сплошь изрыты норами тупиков, и было трудно идти, не наступая на них. Воздух был полон птицами: одни стремительно вылетали из-под ног с потревоженных гнезд, другие прилетали с моря, чтобы выразить протест против моего вторжения. А внизу на воде стая за стай сменяли друг друга в ожидании моего ухода с острова. Какой бы призывительный ни была моя оценка количества птиц на острове, я уверен, что их было не меньше десяти тысяч.

Зимой того же года к острову пришла старая, кишевшая крысами ньюфаундлендская шхуна. Команда села в шлюпки и направилась на остров Сен-Пьер, а крысы тем временем высадились на Колумбьере. Посетивший этот остров в 1964 году орнитолог нашел там всего несколько дюжин тупиков, пытавшихся вывести своих птенцов. Остальных прогнали или сожрали крысы, которых там развелось превеликое множество.

Хотя уничтожение морских птиц первыми европейцами осуществлялось в умопомрачительных масштабах, оно не идет ни в какое сравнение (разве что оно было более явным) с тем разорением, которое выпало на их долю в наше время.

Катастрофический урон популяции морских птиц принесло применение в рыбном промысле жаберных сетей из моноволокнистых синтетических материалов. Такие сети практически невидимы в воде, и пикирующие сверху птицы, не замечая их, запутываются в ячейх и тонут.

Со времени внедрения в 1960-х годах плавных сетей в промысел лосося у западных берегов Гренландии ежегодно гибнут в среднем около 250 000 кайр, причем был год, когда их погибло в сетях от 500 000 до 750 000. Профессиональные рыбаки Ньюфаундленда были вынуждены убрать эти сети из прибрежных вод по соседству с колониями морских птиц, поскольку выборка из них мертвых птиц занимала слишком много времени. Впрочем, некоторая часть «неполнотью» занятых на промысле рыбаков, наоборот, умышленно устанавливают сети вблизи колоний, «добывая» птицу вместо трески. Список жертв включает все виды водоплавающих морских птиц, но особенно большие потери понесли тупики и кайры. И кажется, нет конца этому бессмысленному истреблению. Чиновники из Министерства рыболовства, с которыми я консультировался по этому поводу, говорят, что «с этим ничего не поделаешь».

Бессчетное число морских птиц гибнут от разливов нефти и нефтяных пятен. Когда зимой 1978 года у юго-западного побережья Ньюфаундленда разбился танкер «Курдистан», большое количество его груза — жидкого топлива — вылилось в море и несколько месяцев плавало на поверхности моря по воле ветра и течений. Из того, что я видел собственными глазами и слышал от наблюдателей, обследовавших берега Кейп-Бретона и Южного Ньюфаундленда, я прихожу к выводу, что в результате загрязнения моря нефтью после одного этого кораблекрушения погибло от 150 000 до 300 000 морских птиц, включая уток. Морские страховые общества считают неизбежной в водах Северо-Западной Атлантики по крайней мере одну подобную катастрофу каждые четыре-пять лет и разливы поменьше — каждое полугодие. Но даже небольшое загрязнение способно погубить 100 000 особей морских птиц.

Если планируемый объем танкерных перевозок нефти в Арктике станет реальностью, то над оставшимися крупными колониями морских птиц Северо-Западной Атлантики нависнет смертельная опасность. Согласно подсчетам экологов, одна большая утечка нефти у загроможденного плавающими льдами прохода в пролив Ланкастер могла бы уничтожить, и, по всей вероятности, уничтожила бы, самую крупную обособленную гнездовую колонию морских птиц, пока еще существующую в Северной Америке. Кстати, те, кто имеет отношение к таким перевозкам, признают, что статистика кораблекрушений говорит о неизбежности подобных катастроф.

Однако это еще не все.

В последние несколько десятилетий воды океана — особенно в узких проливах — все более интенсивно загрязняются ядовитыми химикалиями, в том числе пестицидами. Многие специалисты убеждены, что главной причиной быстрого уменьшения численности популяций рыбоядных морских птиц в заливе Св. Лаврентия

(служащем речным стоком для всех бассейнов Великих озер) является увеличение концентрации ядовитых химикалиев в тканях, в частности органов размножения, которая делает птиц (или их яйца, если они вообще сумеют их отложить) бесплодными¹⁷. Неопровержимые доказательства такого рода ущерба были представлены в результате исследований в 1960-х годах действия ДДТ, однако подобные свидетельства обычно игнорируются. Причина достаточно очевидна: если публично признать, что рыба отравлена и в свою очередь отравляет ее потребителей — птиц или людей, — то кто из нас будет ее покупать?

И это еще не все.

Как показали обследования крутых, выступающих в море мысов, пляжей, рифов, островов и островков вдоль побережья от центральной части Лабрадора на севере до Флориды на юге, в настоящее время на каждые сто пригодных для заселения птицами мест приходится около трех колоний, включая реликтовые. Число колоний продолжает уменьшаться по мере того, как люди вытесняют птиц с мест обитания или делают их непригодными для гнездования, например размещая на них чисто «человеческие» военные объекты или превращая их в полигоны для учебных стрельб ВМС и ВВС.

Наконец, мы подошли к самой страшной опасности из всех — голодной смерти.

В конце 1960-х годов в одной из самых больших сохранившихся в мире колоний тупика на острове Рёст у северо-западного побережья Норвегии стали явственно ощущаться признаки этого ужасного явления: хотя каждую весну там вылуплялось по полмиллиона птенцов, с каждым годом все меньше и меньше их доживало до подъема на крыло. Загадочная смертность продолжала расти, пока к 1977 году, согласно оценке, стал выживать лишь один птенец из тысячи. Тогда за изучение этой проблемы взялись норвежские орнитологи, которые и раскрыли тайную причину этого явления. Раз-

гадка оказалась удручающе простой: чрезмерный лов сельди и других мелких промысловых рыб в Северо-Восточной Атлантике вызвал резкое сокращение их популяций, и все питающиеся ими животные, включая более крупных рыб и таких морских птиц, как тупики, погибали от голода. В 1980 году почти весь приплод тупиков на острове Рёст погиб голодной смертью. Согласно отчету, написанному в то время, «их место заняли миллионы жуков-могильщиков. Колонии были усеяны десятками тысяч высохших как мумии птенцов тупиков... желудки мертвых птиц забиты гравием и землей — свидетельство острого голодания». Трагедия повторилась летом 1981 года, когда большинство вылупившихся весной птенцов так и не поднялись на крыло и остались на острове, чтобы сгнить или превратиться в высохшие мумии.

Трагедия острова Рёст повторяется в Северо-Западной Атлантике в результате истребления мойвы коммерческим рыбным промыслом*. К 1979 году стаи мойвы в открытом море, которые прежде были «хлебом насущным» для бесчисленных других морских животных, обитающих неподалеку от Североамериканского континента, потеряли всякое промысловое значение в результате перелова. Тот же процесс опустошения коснулся и прибрежных стай мойвы, с исчезновением которой голод подкрался к колониям морских птиц, особенно семейства чистиковых. Жестокое испытание голодом постигло последнюю колонию тупиков в Северной Америке — в заливе Уитлесс. В 1981 году менее 45% вылупившихся птенцов оперились, но и они были настолько истощены, что вряд ли вы-

несли бы жестокие холода своей первой зимовки на море. Эта массовая гибель от голода, вероятно, берет свое начало в 1978 году, хотя тогда на островах не было тому свидетелей. Нет никакого сомнения в том, что если человек радикально не сократит лов мойвы, то тупики, гагарки, кайры и другие виды морских птиц приблизятся еще на один шаг к полному вымиранию. Многие виды морских животных, менее приметных человеческому глазу, в том числе по крайней мере десятка два видов рыб, понесут также серьезные и трудновосполнимые потери.

К сожалению, людей, занимающих руководящие посты в промышленности и правительственных органах, кажется, вполне устраивает исчезновение морских птиц. Они рассуждают просто: если и когда мойва сумеет оправиться от страшного опустошения 1970-х и 1980-х годов, то к тому времени очень мало морских птиц останется в живых. Следовательно, опять будет больше мойвы для увеличения прибылей рыболовных корпораций.

В течение последних десятилетий Канадская служба охраны диких животных и Министерство рыболовства и морской среды вели междоусобную войну за судьбу всех тех животных, которые могут считаться в каком-то смысле конкурентами человека в деле же «морского урожая».

Это — битва Давида с Голиафом, только в нашем случае Давид не располагает ни смертоносной пращей, ни поддержкой бога коммерции нашего времени. Канадская служба охраны диких животных делает все, что может, а Министерство рыболовства уничтожает сделанное. Если оно возьмет верх, то некогда многочисленные популяции морских колониальных птиц северо-восточного побережья имеют очень мало шансов уцелеть.

---

* Подробнее об этой бойне см. в главе II о пелагических рыбах.

Глава 3

Быстрокрылые

Индейцы племени наскопитов из Унгавы* звали их «быстрокрылыми» в знак признания их высочайшего летного мастерства. Прочие местные жители величали эту птицу по-разному, но ни одно название не подходило ей лучше того, которым нарекли ее коренные жители Патагонии. Они именovali ее словом, переводимым лучше всего как «чудо-облако»: прилетавшие осенью стаи огромным облаком затемняли патагонские небеса.

На диаметрально противоположном краю Земли она была также известна инуитам арктической тундры, граничащей с Северным Ледовитым океаном от залива Батерст-Инлета на востоке до пролива Коцебу на западе Аляски. Они звали ее «пи-пи-пьюк», имитируя ее нежный резонирующий посвист, который служил им верным предвестником весны. Сравнительно недавно, в 1966 году, один старый инук с побережья залива Франклин рассказывал мне, на что это было похоже, когда «пи-пи-пьюк» возвращалась из далекого неведомого края, предъявлявшего на нее свои права в течение долгих зимних месяцев.

«Они нагрянули внезапно, навалив-

шись на нас, как густой снегопад. Когда был жив мой отец, говорили, что в тундре их было так много, что они тучами, как комары, поднимались впереди идущего человека. Их гнезда и яйца были в каждом пучке травы. В конце лунного месяца появлялся выводок, и, казалось, сам мох оживал от множества суесящихся птенцов. Как же их было много! Но я был еще ребенком, а их уже осталось совсем мало. А однажды весной они вообще не прилетели».

Старик объяснил мне, что это случилось в том же году, когда люди его племени впервые услышали о непонятной бойне, в которую мы, белые, сами себя втянули,— первой мировой войне. «Пи-пи-пьюк» не вернулась и в последующие годы, и инуиты подумали, уж не мы ли уничтожили ее в одной из необъяснимых вспышек кровавой бойни.

«Не нужно далеко искать причину уничтожения эскимосского кроншнепа¹⁸. На Дальнем Севере его гнездовья остались непо потревоженными, и я не могу поверить, что во время миграции над морем его постигло какое-то большое несчастье, которое могло бы послужить причиной его гибели... несколько других видов птиц благополучно совершали подобные длительные перелеты над океаном.

* Часть провинции Квебек к востоку от Гудзонова залива.— *Прим. перев.*

Нет признаков и болезни или нехватки корма. Нет, тут существует только одна причина, это — бойня, учиненная людьми в конце лета и осенью на Лабрадоре и в Новой Англии, зимой — в Южной Америке, и наихудшая из всех — весной от Техаса до Канады».

Так писал в 1920-х годах патриарх американских орнитологов, д-р Артур Бент. Чтобы высказать подобное суждение, ему, вероятно, потребовалось определенное мужество, ибо сам добрый доктор в свое время застрелил десятки тысяч птиц, включая эскимосских кроншнепов, как на охоте, так и во имя науки.

Кроншнепы, как и чибисы, относятся к куликам — птицам, известным под общим названием болотных или прибрежных, поскольку большинство из них обитают на берегах и мелководье. Тем не менее стройные, длинноногие и длинношеие кроншнепы с изящно загнутым книзу клювом одинаково хорошо себя чувствуют как у моря, так и на заболоченных равнинах, в пампасах, прериях и просторах тундры.

Эскимосский кроншнеп, которого я в дальнейшем буду называть по имени, данному ему наскопитями, был самым маленьким из трех представителей кроншнепов Северной Америки. Длиной около 30 см и весом меньше полкилограмма, он, несомненно, был самым преуспевающим из этой троицы. Объединяясь в пары один раз и, по-видимому, на всю жизнь, эскимосский кроншнеп был в то же время крайне общительным, сосуществуя с миллионами себе подобных, объединенных, по сути дела, в единую сплоченную «нацию».

Поскольку ни один отдельный район не мог прокормить такую массу птиц в течение длительного времени, это были кочевники, владевшие секретами полета и навигации, способные использовать кормовые ресурсы двух континентов во время ежегодных миграций, феноменальных по протяженности и сложности.

Их путешествие начиналось от гнездовой в тундре, где круглосуточный дневной свет в течение короткого лета способствовал буйному размножению насекомых и прочих мелких живых существ. Появление птенцов быстрокрылых на свет божий совпадало по времени с пиком размножения насекомых, так что уже через несколько минут после появления из яйца они могли самостоятельно обеспечить себя обильным кормом. И все-таки для птенцов и миллионов их родителей пищи не хватало. Как правило, взрослые птицы в период устройства гнезда, кладки и высиживания яиц несколько недель не питались, обходясь запасами жира, накопленного во время миграции на север; однако ко времени появления птенцов эти внутренние резервы истощались и их нельзя было пополнять за счет местных ресурсов, не ставя под угрозу выживание молодняка.

В процессе эволюции быстрокрылые нашли решение этой проблемы. Не успевали птенцы опериться, как родители собирались в огромные стаи и улетали с гнездовой. Нам это могло бы показаться проявлением бессердечия, даже жестокости, однако все было не так. Хотя птенцы не могли еще летать, они вполне уже могли позаботиться о себе, пока вокруг их было обилие пищи. Отлет родителей с гнездовой вселял в птенцов уверенность в том, что пищи хватит.

А уже в середине июля весь горизонт заполнялся птичьими стаями, улетающими на поиски пищи. Огромной массе птиц требовались огромные, сосредоточенные в одном месте кормовые ресурсы как для удовлетворения насущных потребностей, так и для накопления жира — необходимого топлива для продолжения их одиссеи.

Искомые щедрые кладовые находились не близко. Чтобы добраться до них, нужно было пересечь континент с запада на восток, преодолев расстояние более 5500 километров. Их целью были Лабрадор и Ньюфаундленд, где на обширных открытых про-

странствах произрастал (и сейчас произрастает) низкорослый кустарник с сочными, величиной с горошину, ягодами, поспевающими к середине июля. Это обильно плодоносящее растение, густым ковром покрывающее территорию на многие тысячи квадратных километров, известно под названием вороники или шикши (*Empetrum nigrum*), но для жителей Лабрадора и Ньюфаундленда оно было и остается «кроншнепной ягодой». В конце лета она была главной пищей быстрокрылых, набрасывавшихся на нее с таким удовольствием, что их клюв, лапки, голова, грудь и даже перья крыльев покрывались багрянцем ягодного сока.

Прибытие птичьих стай на кормежку производило неизгладимое впечатление на наблюдателей. В 1833 году свидетелем их прилета на южный берег Лабрадора был Одюбон. «Они прибывали... такими густыми стаями, что вспоминались странствующие голуби... стая за стаей пролетали рядом с нашим судном, направляясь к расположенному поблизости нагорью». В 1864 году некий д-р Пакард наблюдал прилет одной большой стаи, которая «растянулась, наверное, на целую милю в длину и почти на столько же в ширину... [крик птиц] порой напоминал ветер, свистящий сквозь снасти тысячетонного парусника, порой — звон множества бубенчиков». А в 1884 году острым глазом художника отмечал прилет птиц на Северный Лабрадор Люсьен Тэрнер. «Каждая стая летела клином, крылья которого колебались словно клубы дыма... или вытянувшись в длинную качающуюся цепочку, которая то поднималась вверх, то закручивалась в спираль... Иногда их вожак вдруг ныряет вниз, за ним изящным волнообразным движением устремляется вся стая, постепенно сбиваясь в плотную массу, чтобы затем опять рассыпаться тонким слоем... выписывая в небе причудливые, не поддающиеся описанию узоры... [стаи] опускаются на равнинные участки от Девисова пролива до за-

лива Св. Лаврентия; каждый день число прибывших увеличивается, и вскоре сама земля кажется живой от кишаших на ней птиц. Они питаются созревшей ягодой и в несколько дней становятся удивительно жирными».

«Удивительно жирные» — точная характеристика. Уже через неделю пребывания на диких ягодниках птицы становились такими упитанными, что если в них стреляли на лету, то, бывало, их тела разлетались во все стороны, как переспелые персики при ударе о землю. А стреляли в них во всех местах, где жил человек по берегам Лабрадора и Ньюфаундленда.

В 1770-х годах, отмечал в своем дневнике капитан Картрайт, каждый охотник, вооруженный примитивным шомпольным ружьем, мог убить 150 кроншнепов за один день. Столетием позднее охотники с Лабрадора с одного выстрела из усовершенствованного оружия запросто убивали по тридцать кроншнепов. Большинство рыбаков имели в своих лодках заряженное ружье и во время промысла «стреляли без разбора в кружившие над ними большие птичьи стаи».

Местные «живодеры», как они сами себя называли, были не единственными охотниками на кроншнепа. В конце XIX века поохотиться на него приезжали на Лабрадор многие иностранцы. Вот как описывал в 1874 году развлечение такого рода орнитолог д-р Элиот Куэс: «Хотя шесть или восемь стрелков, заняв боевую позицию, непрерывно поливали огнем несчастных птиц, последние продолжали кружить над нашими головами, сколько бы их ни падало убитыми каждую минуту».

Когда местные жители считали порохов слишком дорогостоящим или его не хватало, они подкрадывались к местам ночевки кроншнепов, ослепляли их светом фонарей (с увеличительными стеклами), приводившим птиц в состояние оцепенения, и затем валили их на землю «в огромном количестве» ударами дубинок и цепов. В морских портах на побе-

режье Ньюфаундленда и Лабрадора вряд ли можно было найти семью, которая не заготовила бы на зиму несколько бочек кроншнепа, соленого или в масле из собственного перетопленного жира.

Убивали и для продажи. Рабочие консервного завода в заливе Сандуич, принадлежавшего Компании Гудзона залива, ежедневно упаковывали в герметические банки десятки тысяч кроншнепов, поставлявшихся в Лондон и Марсель в качестве гастрономического деликатеса. Один крупный чиновник, посетивший Сандуич в начале 1800-х годов, рассказывал, что видел своими глазами 2000 кроншнепов, висевших огромными гроздьями на товарном складе компании,— итог однодневной охоты.

Ну а что же было с покинутым родителями молодым? Как только их маховые перья и мышцы достаточно окрепли, молодые птицы поднимались в поднебесье, чтобы совершить поистине удивительный подвиг — воссоединиться со своими родителями на тундровых ягодниках Лабрадора и Ньюфаундленда.

К концу июля объединившиеся стаи начали покидать ягодные места и потянулись к югу, временами делая короткие остановки на островах Магдален (где однажды, судя по отчетам, видели миллионы птиц) и на острове Принца Эдуарда, перед тем как двинуться на юг вдоль полуострова Новая Шотландия.

Повсюду их поджидали стрелки. В 1760-х годах охотники люнебургской общины, бывало, с одного выстрела из мушкета убивали столько птиц, что ими можно было наполнить бочку емкостью в бушель*. Птиц убивали как для пропитания, так и на продажу. Столетием позже ряды стрелков пополнила новая порода «спортсменов», как они сами себя называли. И хотя, по мнению одного из английских визитеров на острове Принца Эдуарда, кроншнеп не пред-

ставлял «достойного объекта перво-классной охоты», эта публика не отказывала себе в удовольствии пострелять. «Погода стоит отличная, работа легкая, а птица восхитительна на вкус, так что охота стоит того, тем более что заманиваемые приманками птицы сами подставляют себя под выстрелы. Однажды я убил одну на болоте: ее спутник, едва взлетев, тут же сел рядом с убитой птицей и спокойно ждал, пока я перезаряжу ружье и возьму его на мушку. Эта простодушная пара, по-видимому, только что прилетела с далекого Севера, куда еще не ступала нога кроважного монстра в образе человека. Короткая остановка на острове Принца Эдуарда послужит этим птицам хорошим уроком». Много еще таких уроков предстояло им выучить, и цена учения была ужасающе велика.

В начале августа направлявшаяся на юг птичья струйка превращалась в могучий поток, и, если не было коротких остановок из-за непогоды, эта крылатая река держала непрерывное течение до начала сентября, когда Лабрадор и Ньюфаундленд покидали последние молодые птицы.

От берегов Ньюфаундленда и Новой Шотландии миллионные стаи быстроскрылых следовали на юг обычно не вдоль побережья Новой Англии, а открытым морем, напрямик к той части Южной Америки, которая лежит между устьями Амазонки и Ориноко, пролетая почти три тысячи миль над Атлантическим океаном. Превосходные летуны, они, видимо, обходились без отдыха, но если их даже заставляла в пути непогода, то в этом ничего страшного не было, ибо они могли опуститься на воду, чтобы затем снова продолжить полет после того, как погода изменится к лучшему. Сильные восточные ветры порой относили высоко летящие стаи к побережью Новой Англии, заставляя быстроскрылых иногда приземляться на берегах, болотах и даже на лугах фермеров.

Жители Новой Англии считали

* 1 бушель = 35,2 л. — Прим. перев.

такие визиты манной небесной и называли пришельцев за их упитанность «живым тестом». Из одного из сообщений XIX столетия мы узнаем, что «их прибытие служило сигналом для каждого охотника — любителя или профессионала — браться за работу, и они убивали всех птиц, долетавших до наших берегов». Однажды осенью в 1840-х годах они приземлились на острове Нантакет в таком огромном количестве, что только нехватка дрови и пороха, к большому разочарованию местных жителей, «помешала» им завершить кровавую бойню. Один «спортсмен», раздраженный активностью охотников-профессионалов, выразил недовольство тем, что «эти птицы», когда они прилетают к нам, не могут оставаться у нас дольше, чем это им абсолютно необходимо, ибо их стараются уничтожать сразу после приземления; поэтому, как только погода становится благоприятной для их дальнейшего перелета, они тотчас же улетают. Д-р Бент вспоминал, что примерно в 1870 году, когда он был еще маленьким мальчиком, его отец «рассказывал ему о днях большой охотничьей удачи. Поскольку отец теперь охотится в раю, я не могу назвать точных цифр, но, помнится, он сказал, что видел, как добытым за день «тестом» загрузили полный фургон».

Охотники-спортсмены того времени мало чем отличались от современных, разве что у них было больше живых мишеней для стрельбы. Они верили, как в это верят и современные охотники, что охота ради удовольствия не только не заслуживает упрека, но и совершенно необходима для всякого, кто хочет называться настоящим мужчиной.

Многие из них опубликовали книги с описанием успехов и восхвалением добродетели тех, кто посвятил себя «этому естественному и здоровому досугу на открытом воздухе». И все же они старались писать уклончиво, избегая употреблять глагол «убивать». Кровь не текла на страницах этих книг: добычу «ловили»,

«собирали» или, на худой конец, «подстреливали». Акцент делался на ловкость, чувство честной игры и джентльменское поведение автора, его искреннюю любовь к природе и восхищение ее божественной красотой — истинные причины его пристрастия к охоте.

Спортсмены-охотники тех дней вели тщательный учет своих охотничьих трофеев, занося их в собственные «охотничьи регистры» либо в книги регистрации рекордов охотничьих клубов, членами которых были многие охотники. Большинство таких клубов содержали или сдавали в аренду собственные гостиницы и контролировали обширные береговые или заболоченные угодья, предназначенные исключительно для охоты. Примером такого рода клуба был отель Чатем на острове Лонг-Айленд, посещавшийся охотниками-спортсменами из Нью-Йорка. Клуб предоставлял почти неограниченные возможности для проверки умения и спортивной ловкости стрелков на огромных стаях морских птиц, включая кроншнепов, которые во время миграций часто залетали на восточные берега. Президент клуба гордился тем, что его богатые завсегдатаи могли создавать себе и поддерживать репутацию «первосортных охотников высшего класса». Одним из них был некий г-н Джеймс Саймингтон, оставивший в Книге рекордов клуба следующую опись своих трофеев, добытых всего за три осенних дня 1897 года:

«болваны» (тулеса)	393
кроншнепы	55
золотистые ржанки	18
красногрудые бекасы (американский бекасовидный веретенник)	674
гаршнепы	37
камнешарки	7
исландские песочники	149
мелкие песочники и зуйки	382

Итого:	1715
	штук

Не все охотники убивали болотных птиц из столь честолюбивых побуждений. Иные убивали — если можно поставить это им в заслугу — ради *тренировки* перед состязаниями в стрельбе по глиняным «голубям» в тире. Как говорил один из них: «У меня вошло в привычку пострелять несколько часов на берегу, прежде чем включиться в соревнование в стрельбе по движущимся мишеням. Нет лучшей тренировки для выявления ваших способностей, чем в соревновании с этими быстрыми, увертливыми птицами, особенно из семейства ржанок».

Когда мощный поток летящих на юг быстрокрылых достигал наконец берегов Южной Америки, он исчезал из виду. Ничего не было известно о его дальнейшем маршруте, пока птицы снова не появлялись над Парагваем и Уругваем, неуклонно продолжая свой полет на юг к местам зимовья в продуваемой ветрами холмистой пампе, простирающейся от Центральной Аргентины до Патагонии. Здесь быстрокрылые наконец-то обретали покой после почти 18 000-километрового перелета от мест своих арктических гнездовий.

К XIX веку их отдых был нарушен. От Фолклендских островов к северу до Буэнос-Айреса огромные стаи птиц металась с места на место, гонимые скотоводами, поселенцами и охотниками, убивавшими их не только ради пищи и развлечения, но и для откорма своих свиней.

С приближением северной весны уцелевшие птицы вновь восстанавливали свои ряды, и в небе опять мелькали их крылья. Мы мало знаем о том, какими путями пролетали птичьи стаи на север после отлета в конце февраля из Аргентины, пока через несколько недель они плотной тучей не закрывали предрассветное небо над техасским побережьем Мексиканского залива. Я думаю, что их весенние и осенние миграции проходили через центр Южноамериканского континента, где птицы кор-

мились на обширных равнинных прериях в глубинных районах, таких, например, как бразильские саванны, и где их не так уж часто подстерегали ружья пришельцев европейского происхождения.

После возвращения на Североамериканский континент птичьи стаи постепенно перемещались к северу вслед за наступающей весной, заливавшей зеленью пространства Великих равнин. Здесь было достаточно пищи, чтобы восстановить силы после длительного перелета из Аргентины и накопить энергетические запасы, крайне необходимые для успешного гнездования в высоких широтах Арктики. Основной их пищей служили насекомые, в основном саранча, в уничтожении которой кроншнепы зарекомендовали себя большими специалистами, о чем свидетельствует следующая выдержка из доклада от 1915 года:

«Эскимосский кроншнеп был птицей, отличавшейся такой особенностью питания, что если бы он вдруг исчез, то это было бы ощутимой потерей для нашего сельского хозяйства. Во время нашествия саранчи со Скалистых гор [в 1870-х годах] кроншнепы блестяще выполнили работу по уничтожению саранчи и их яиц. Г-н Уилер отмечает, что эти птицы в конце 70-х годов скапливались на еще не вспаханной земле, где были отложены яйца саранчи, протыкали почву своим длинным клювом и вытаскивали из нее яйцевые капсулы, которые затем поедали вместе с содержащимися в них яйцами и вылупившимися личинками; так продолжалось, пока все поле не было очищено от вредителей... В желудке одного кроншнепа, исследованного в 1874 году, обнаружили 31 саранчу... Птицы также часто садились на вспаханную землю и кормились личинками хруща и совками».

Некоторое представление о том, как аппетит кроншневов содействует уничтожению вредных насекомых, можно почерпнуть из сообщения профессора Лоуренса Брюнера о ве-

личине стай, залетающих в Небраску в конце 1860-х годов:

«Обычно самые многочисленные стаи прилетали к началу посева кукурузы; птицы садились на только что вспаханные поля и на луга, где они усердно выискивали насекомых. Стаи напоминали поселенцам странствующих голубей [которых они видели у себя в восточных штатах], и они называли кроншнепов «голубями прерий». Тысячи птиц сливались в плотную массу, растягиваясь на полмили в длину и на сотню ярдов в ширину. Когда вся стая приземлялась, она занимала пространство в 40—50 акров земли».

Поселенцы, пытавшиеся возделывать равнинные земли в Оклахоме, Канзасе и Небраске, мягко выражаясь, «отплатили» кроншнепам за их жизненно важную деятельность: эти три штата, вместе с Техасом, превратились для бистрокрылых в сплошную бойню. Там, где они приносили и могли бы и дальше приносить огромную пользу сельскому хозяйству, усилиями поселенцев их раса была в конце концов уничтожена.

Вот как это осуществлялось по словам профессора Мирона Свенка: «Во время [весенних] перелетов эти несчастные птицы подвергались жестокой, почти невероятной бойне. Навезавшие из Омахи охотники безжалостно убивали их до тех пор, пока не наполняли ими полные доверху фургоны. Временами, когда стаи были особенно большими, а у охотников хватало патронов, фургоны наполнялись слишком легко и быстро; тогда весь груз вываливался на землю, и груды мертвых птиц размером с двухтонную угольную кучу гнили на земле, пока охотники продолжали набивать фургоны новыми жертвами, утоляя свою страсть к убийству. Плотность стай и пассивное поведение птиц способствовали охоте: одним выстрелом можно было сразить целую дюжину кроншнепов. Был случай, когда одним выстрелом из старого, шомпольного ружья убили сразу 28 кроншнепов, да еще после этого

на протяжении полумили из стай тяжело падали на землю смертельно раненные птицы... Поднимавшиеся с земли стаи были настолько густыми, что брось в них куском кирпича или камнем — не промахнешься».

Совсем не трудно было подойти к сидящим птицам ярдов на 25—30, после чего охотники обычно ждали, когда птицы встанут на ноги — это и было сигналом для первого залпа. Испуганные птицы взлетали с земли, но вместо того, чтобы улететь, кружили в воздухе, позволяя охотникам сделать еще несколько смертельных выстрелов, или даже садились на то же поле, и тогда охотники снова открывали огонь. Некий Уилер из своего автоматического ружья убил за один раз на взлете 37 птиц. Если охотники видели, что стая села на поле за две-три мили от них, они тут же направлялись туда на запряженной лошастью повозке и, отыскав место, где приземлились птицы, возобновляли смертельную пальбу».

Подумать только, подобное смертоубийство совершалось исключительно ради развлечения! Однако к 1870-м годам пришел черед и для профессиональных охотников, которые в восточных районах столь жестоко обошлись со странствующим голубем (основным товаром на рынке пернатой дичи, запасы которого считались неистощимыми), что стало невозможно далее удовлетворять покупательский спрос на съедобных диких птиц.

Примерно в это же время проникновение железных дорог в штаты, находящиеся в районах прерий, подтолкнуло «находчивых парней» из Уичито в Канзасе к тому, чтобы восполнить образовавшийся дефицит странствующих голубей тушками «голубей прерий». Первые вагоны с охлажденными на льду убитыми весной кроншнепами прибыли в Нью-Йорк в 1872 году, и птица была быстро распродана по таким высоким ценам, что с этого момента судьба ос-

тававшихся в живых быстрокрылых была предreshена.

Весной 1873 года истребление кроншнепов на Великих равнинах приняло столь чудовищные масштабы, что к 1875 году в техасском небе уже нельзя было увидеть летящих большими стаями кроншнепов. Последние такие стаи в Канзасе видели в 1879 году, а к 1886 году уже пришла очередь охотников Лабрадора, Ньюфаундленда, Новой Шотландии и Новой Англии удивиться, куда могли запропасться громадные стаи быстрокрылых.

Быстрое исчезновение некогда одной из самых распространенных птиц Северной Америки в большинстве случаев объясняли тем, что фермеры западных штатов уничтожали кроншнепов отравленной приманкой, дабы защитить кукурузу от «опустошения, причиняемого этими ненасытными вредителями». То была одна из наших типичных попыток оправдать массовое уничтожение людьми других форм жизни. Как и в большинстве подобных случаев, это была явная ложь. Отнюдь не поедая фермерских семян, кроншнепы, напротив, оказывали фермерам существенную помощь в выращивании урожая.

Уничтожение быстрокрылых ради сиюминутной выгоды наряду с резким сокращением некогда многомиллионных сообществ насекомоядных птиц, которые прежде сдерживали вспышки массового распространения вредных насекомых на западных равнинах Канады и США, стоило фермерам-землевладельцам убытков на сумму от 10 до 15 миллионов долларов, понесенных непосредственно от нашествий вредителей, а также от уплаты стоимости химикатов и других средств борьбы с такими массовыми нашествиями.

Эти расходы несут и, видимо, постоянно будут нести в будущем не только фермеры Великих равнин, саванн и пампасов Южной Америки, но и мы с вами. Бессмысленное истребление эскимосского кроншнепа являет собой классический при-

мер не только жестокости современного человека, но и его непреходящей глупости.

В последние годы XIX века лишь очень немногие стаи быстрокрылых избегали ружей охотников во время перелетов на север над прериями Dakoty и Канады к относительно безопасному коридору — долине реки Маккензи. Напрасно ждали их на Арктическом побережье инуиты, недоумевая, что же случилось с «пи-пи-пьюками», которые раньше кружили в воздухе и опускались на тундру, подобно снегопаду.

На рубеже двух веков индейцы наскопиты, пересекая Земли Карибу* по лодыжку в ковре из спелых «кроншнеповых» ягод, также удивлялись, куда подевались полчища быстрокрылых любителей полакомиться на этих безлесных равнинах.

Последних кроншнепов видели на городском рынке Галифакса осенью 1897 года, а к 1900 году ньюфаундлендские и лабдорские рыбаки уже сетовали на то, что «кроншнепом нигде даже не пахнет». В 1905 году один охотник по фамилии Грин, десятки лет охотившийся на острове Миску в заливе Шалёр, выражал «сожаление, разделяемое всеми натуралистами, охотниками и эпикурейцами по поводу исчезновения кроншнепов».

В пампасах Патагонии гаучо напрасно пытались разыскать неприлетевшие стаи, которые когда-то садились на землю такой плотной массой, что одним броском связки свинцовых шаров можно было убить целую дюжину птиц.

Быстрокрылые стремительно исчезали из жизни, однако, как заметил д-р Бент, «никто и пальцем не пошевелил, чтобы защитить их, пока не стало слишком поздно». В действительности коллеги Бента по профессии поступали как раз наоборот. Чем реже встречались в жизни кроншне-

---

* Карибу в Америке называют дикого северного оленя. Прим. ред.

пы, тем стремительнее росли цены на «образцы», и орнитологи бешено соревновались друг с другом в приобретении нескольких оставшихся шкурок. Согласно данным известного американского натуралиста д-ра Чарльза Таунсенда, стая из восьми кроншнепов появилась осенью 1912 года над заливом Сандуич. Семь из них тут же подстрелили, и шкурки пяти птиц были с благодарностью от науки приняты в Гарварде другим известным орнитологом, д-ром Уильямом Брюстером, пополнившим ими огромную университетскую коллекцию «учебных образцов». Вот еще одна цитата из д-ра Бента: «Последние трофеи были добыты в Небраске в 1911 и 1915 годах. 11 марта 1911 года... две птицы были убиты г-ном Фредом Гиегером... в настоящее время они хранятся в коллекции г-на Августа Эйхе... В 1914 году эскимосские кроншнепы вообще не появлялись, а утром 17 апреля 1915 года в штате Небраска южнее Норфолка была подстрелена одна-единственная птица. Она перешла во владение г-на Хоагланда, который сделал из нее чучело».

К 1919 году цена одной шкурки кроншнепа достигла 300 долларов, и, конечно, при такой цене за свою голову несколько уцелевших птиц имели мало шансов продлить собственное существование. В 1924 и 1925 годах два последних экземпляра кроншнепов, залетевших в район

Буэнос-Айреса, дополнили коллекцию аргентинского Национального музея естественной истории.

К тому времени д-р Бент закончил свой конспект «естественной истории» быстрокрылых. «История эскимосского кроншнепа,— писал он,— это всего лишь одна из наиболее печальных историй кровавой бойни невинных животных. Прискорбно сознавать, что эта прекрасная птица, огромные стаи которой когда-то проносились над нашими краями, навсегда ушла от нас, став жертвой ненасытной жадности человека».

Ушла навсегда? Не совсем так... пока что. В 1932 году для коллекции Мичиганского университета была убита птица у Батл-Харбора на побережье Лабрадора. Еще одну подстрелили в 1963 году на острове Барбадос. Кроме того, зарегистрированы несколько визуальных наблюдений, в основном в Северо-Западных территориях и в Техасе, где одну птицу даже удалось сфотографировать в 1962 году.

Остается по крайней мере возможность того, что какая-нибудь горстка кроншнепов все же уцелела, может быть даже особой двадцать, как считают некоторые специалисты; однако это не более чем призрачные существа, не способные заполнить воздушное пространство взмахами своих быстрых крыльев, так же как мертвые птицы не могут вновь подняться в небо.

Глава 4

Охотничий азарт

Какой бы жестокой ни казалась судьба загубленного эскимосского кроншнепа, он был не единственной жертвой трагедии, постигшей большую семью прибрежных и болотных птиц. Во времена первого появления европейцев восточные берега Северной Америки часто посещали около сорока видов птиц — перелетных или постоянных обитателей летних гнездовий, — от миниатюрного песочника до импозантного американского длинноклювого кроншнепа. Все они без исключения попадали под выстрелы, в сети или уничтожались иными способами в огромных количествах.

Из трех видов кроншнепов, обитавших в Северной Америке, наиболее многочисленным был эскимосский кроншнеп, однако самым внушительным был «серпонос», известный ныне как американский длинноклювый кроншнеп¹⁹. Хотя главные места его размножения находились в прериях Запада, большие стаи мигрировали вдоль Атлантического побережья.

Возвышаясь более чем на полметра над землей на длинных ногах, он быстро вертел из стороны в сторону

15-сантиметровым изогнутым клювом, гордо выделяясь среди других прибрежных птиц своим ростом и пронзительными криками. На его беду эти отличительные свойства плюс вкусное мясо сделали его главной мишенью неразборчивых охотников за призами. В XVI и XVII веках он все еще мигрировал большими стаями из залива Св. Лаврентия вдоль побережья на юг к Флориде, однако к концу XVIII века стал редкостью, а в последней половине XIX века на востоке Северной Америки был фактически истреблен.

Птиц, доживших до лучших времен любительской охоты, упорно преследовали охотники за почетными трофеями. «„Серпонос“, — писал д-р Бент, — слыл отменной охотничьей дичью. Его большой рост делал его соблазнительной мишенью, он охотно снижался на звуки, имитирующие его посвист; крик раненой птицы привлекал других птиц, которые кружили над ней, пока сами не падали, сраженные выстрелами».

Слетаться к раненому товарищу — инстинктивное свойство семьи прибрежных птиц, которое до появления охотников сослужило им хоро-

шую службу: галдящая стая отвлекала внимание хищников и намеченная жертва могла ускользнуть от преследования. Когда же подобная защитная тактика применялась против человека с ружьем, она ничего не приносила птицам, кроме новых жертв. Как писал один охотник из Торонто в 1906 году, «сильное желание прибрежных птиц прийти на помощь раненому родственнику — действительно удачное свойство их поведения, позволяющее даже неопытному охотнику, если он того хочет, настрелять полный ягдташ этой дичи».

К 1920-м годам д-р Бент, видимо, понял, что «серпонос» может разделить судьбу эскимосского кроншнепа. Его опасения, возможно, справедливы и для наших дней: хотя большие американские кроншнепы еще и встречаются в некоторых районах равнин Запада (где я любовался ими в мои юные годы), наша сельскохозяйственная деятельность настолько сократила места их размножения, а браконьерская охота так поубавила их численность, что перспектива их дальнейшего выживания весьма туманна.

Третий вид — гудзонский, или «морской», — так называют его охотники (ныне известный как «средний кроншнеп») ²⁰, — был схож с несколько меньшим эскимосским кроншнепом, но по сравнению с ним был более широко распространен. Его гнездовья находились на всей арктической территории Северной Америки, а пути его миграций на юг пролегали как вдоль Тихоокеанского и Атлантического побережий, так и через внутренние части материка. Поэтому ему менее угрожало массовое уничтожение, чем его сородичам.

Впервые я увидел его в Черчилле на западном берегу Гудзонова залива, где он встречался настолько редко, что лишь через несколько дней хлюпанья по сфагновым болотам мне удалось вспугнуть одну самку с ее гнезда на мшистой кочке.

Впоследствии я беседовал с одним из ветеранов торговой Компании Гудзонова залива, который еще в 1870 году учеником-подростком приехал в Черчилл с Оркнейских островов. Он вспоминал, что в его молодые годы гудзонских кроншнепов было так много, что на пару с другим подмастерьем они набирали целые бочки птичьих яиц, которые сохраняли на зиму в желатине. По его словам, в начале августа на илстых мелководьях собиралось такое множество птиц, что с помощью индейца из племени кри* они однажды на утренней охоте убили более тысячи. Он даже показал мне дневник, в котором отмечал все добытые им трофеи в период, когда он работал на фактории на озере Мус. Тонким почерком были обозначены в дневнике цифры убитых им в 1873 году кроншнепов — от 200 до 300 штук в день. «В основном — ради удовольствия. Даже [ездовые] собаки не могли съесть всех этих несчастных птиц...»

И все-таки каким бы ужасным ни казалось уничтожение птиц белыми людьми в арктических районах, оно не идет ни в какое сравнение с бойней, которая происходила на юге. Многое из того, что написано мной об истреблении эскимосского кроншнепа, в полной мере применимо к его гудзонскому собрату, однако с той существенной разницей, что «морской» кроншнеп встречался, как правило, меньшими по размеру стаями на большем пространстве; это позволяло ему избежать огневого шквала, обрушившегося на его сородича. Пострадал он ужасно, но не смертельно.

Возможно, что выжившая популяция пока сохраняет свои позиции. Во всяком случае, гудзонский кроншнеп был частым гостем на Ньюфаундленде, когда я жил там в 1960-х годах. Каждую осень с пустошей слышался дикий посвист: небольшие стаи в тридцать—сорок птиц объеда-

---

* Из группы алгонкинов, ранее обитавших в Манитобе и Саскачеване. — *Прим. перев.*

лись кроншнеповой ягодой — горькое напоминание о прошлых временах, когда само небо над Ньюфаундлендом и Лабрадором затемнялось огромными стаями пролетающих быстрокрылых и «морских» кроншнепов.

На Ньюфаундленде и на островах Магдален мне иногда удавалось видеть небольшие стаи — четыре-шесть птиц в каждой — другого представителя «больших болотных птиц» — канадского веретенника. Два вида веретенника обнаружили в восточной части Северной Америки прибывшие туда европейцы. Они отметили, что по виду и поведению эти птицы схожи с кроншнепами, только клюв у веретенника загнут вверх, а не вниз.

Чуть поменьше «серпоноса» самый крупный из двух — пятнистый веретенник²¹ — встречался и, возможно, гнезвился к югу от залива Св. Лаврентия до Флориды, однако его так активно добывали, сначала на пропитание, а затем просто как всякую другую охотничью дичь, что к 1900 году он практически исчез из заливов и проливов восточного побережья Североамериканского континента. Но на Великих равнинах еще существует одна остаточная популяция.

Канадский (или гудзонский) веретенник²² величиной и образом жизни напоминает быстрокрылых. Оба вида размножаются в арктических районах, и оба мигрируют по одной и той же эллиптической дуге на юг. Не приходится говорить, что оба вида одинаково подвергались уничтожению. Однако канадский веретенник — более осторожная птица, чем эскимосский кроншнеп, и летает не такими большими стаями; кроме того, часть его популяции, очевидно, зимует в не заселенных людьми районах. Хотя в середине 1920-х годов веретенник был официально объявлен вымершим видом (примерно тогда же посчитали уничтоженным эскимосского кроншнепа), он сумел все-таки выжить. Сейчас большинство зна-

токов птиц считают его редкостью и если встречают его, то стараются регистрировать каждый такой случай. К сожалению, канадского веретенника до сих пор бьют браконьеры во время весенних миграций, особенно в долине реки Миссисипи. Хуже того, охота на веретенника разрешена в отдельных районах его зимовий в Южной Америке, где охотники продолжают пользоваться его привычкой спешить на помощь раненым товарищам. «Не однажды от выстрела моего ружья падало по нескольку птиц из пролетающей стаи», — писал один посетивший Аргентину англичанин, — после чего стая возвращалась и кружила над водой, куда упали [раненые] птицы, издававшие громкие печальные крики; невзирая на мое присутствие и на возобновившуюся пальбу... птицы сгрудились в такую плотную массу, что стрельба «по выводку» калечила их без счета».

Отдельные орнитологи надеются, что этот вид птиц еще способен восстановить свою численность. Как бы там ни было, канадский веретенник, представленный не более чем несколькими тысячами оставшихся особей, пока еще близок к полному вымиранию.

Одной из больших болотных птиц, проводивших лето в северо-восточном морском регионе, был перепончатопалый улит²³ — птица величиной с эскимосского кроншнепа, но с ярким черно-белым оперением крыльев, за которое его прозвали «знаменосцем». В 1830-х годах она все еще появлялась летом на Атлантическом побережье к югу от Ньюфаундленда, хотя до этого поселенцы по крайней мере два столетия систематически собирали ее съедобные яйца и убивали взрослых птиц в сезон размножения. В конце концов промысловая и любительская охота решила исход дела, и к 1900 году, как писал д-р Бент, «эта большая яркая прибрежная птица, по-видимому, была обречена на исчезнове-

ние, по крайней мере в северной зоне своего ареала. К тому времени она совершенно перестала размножаться на многих прежних своих гнездовьях, а на других была почти полностью уничтожена».

К счастью для «знаменосца», гонения на него прекратились незадолго до его полного истребления, и в настоящее время он постепенно восстанавливает свою популяцию. В последние годы небольшие гнездовые колонии появились на севере до острова Кейп-Бретон. Маловероятно, что перепончатопалый улит полностью возродит свою былую численность, но хорошо уже то, что ему больше не грозит вымирание.

Конечно, самая замечательная из больших болотных птиц — это устричник (кулик-сорока)²⁴. Почти такой же большой, как «серпонос», он поражает яркой красотой своего черно-белого оперения и черной головки с длинным темно-оранжевым клювом. Этот красавец, чей пронзительный свист слышен чуть ли не за километр, когда-то гнезвился большими колониями на песчаных берегах от Лабрадора до Мексиканского залива, доминируя среди других прибрежных птиц почти во всех районах его обитания. Устричник высоко ценился рыбаками, а позднее и поселенцами за вкусное мясо и крупные, величиной с куриные, яйца. Охотники-спортсмены и любители стреляли в него и просто потому, что он был слишком заметной мишенью.

Одюбон сообщал о появлении устричника на северном берегу залива Св. Лаврентия уже в 1830-х годах, но большинство современных орнитологов полагают, что он ошибался, поскольку эта птица сегодня встречается крайне редко и только в самой южной части своего бывшего ареала. Но это не так. Еще в 1620-х годах Шамплейн отмечал нерегулярное появление *ruë de mer** (так до на-

стоящего времени называют во Франции близкого с нею европейского устричника) в заливе Св. Лаврентия; в 1770-х годах Картрайт причислял морскую сороку к обитателям южного Лабрадора — района, находящегося неподалеку от тех мест, где ее позднее наблюдал Одюбон.

Одним из главных мест обитания морской сороки был остров Кобб в Виргинии, где к 1900 году она была почти полностью уничтожена. Вот как это происходило по словам Г. Х. Бэйли: «Эти большие яркие птицы весной были легкой мишенью для стрелков, размножаясь в самый разгар весенней миграции [других прибрежных птиц] ... они устраивали гнезда среди удаленных от океана дюн, по которым ежедневно тягело ступали ноги охотников; птицы неминуемо попадались им на пути, и охотники либо убивали их, либо растаптывали их гнезда».

Поскольку устричники встречались все реже и реже, ученые-коллекционеры вторгались в несколько оставшихся колоний и, не довольствуясь сбором яиц для своих «кабинетов», занимались «сбором» и взрослых птиц, причем так энергично, что сейчас эта редко встречающаяся в жизни птица очень хорошо представлена в «учебных» коллекциях североамериканских музеев.

Отдельные пары устричников и даже несколько маленьких колоний выжили и гнездятся южнее Виргинии, однако, за исключением природных заповедников, во всех других местах им приходится переживать трудные времена в связи с возрастающим посягательством современного человека на берега их предков. Вездеходы, суда на воздушной подушке и другие виды транспорта, а с ними целые орды отдыхающих захватили большинство мест их бывших гнездовий. Поэтому у этой птицы мало шансов вновь стать нечто большим, чем экзотической редкостью на Атлантическом побережье Северной Америки.

* Морская сорока (фр.). — Прим. перев.

Примерно до 1800 года охотники не слишком донимали меньших по величине прибрежных («береговых», как их обычно называют) птиц. Их малые размеры не оправдывали затрат дрови и пороха, пока можно было добывать в требуемых количествах их более крупных родственников. Но к концу XVIII века ситуация стала быстро меняться. Большие длинные болотные птицы попадались все реже, а народонаселение, а следовательно, и товарный рынок росли быстрыми темпами; одновременно снижались цены на ружья, дробь и патроны.

С наступлением нового века к беде, готовой разразиться и поглотить сообщество береговых птиц, добавился еще один элемент. Североамериканцы богатели, а богатство развивает праздность и спортивный азарт. Для многих, если не для большинства, американцев «спорт» означал убийство животных.

Так было положено начало «спортивно-развлекательному» кровопусканию, продолжающемуся по сей день. В отношении береговых птиц оно приобрело в XIX веке невиданный размах, который невозможно повторить по той простой причине, что большинство мишеней уже расстреляно.

Поселенец на Кейп-Коде в XVII столетии имел возможность дважды в год любоваться величественным зрелищем появления береговых птиц. В начале апреля бесконечные пески Кейп-Кода начинали исчезать под белым покровом перьев, который ширился с каждым уходящим днем, принимая самые причудливые очертания. Пестрые птичьи нити на бледном весеннем небе постепенно сворачивались в запутанный клубок; все новые и новые массы прибывающих птиц от горизонта до горизонта застилали небо, как «дымы лесных пожаров», по выражению одного из первых колонистов Нантакета.

Береговые птицы устремлялись на север, и не меньше месяца над песками бушевал крылатый ураган; даже

летом берега колыхались от взмахов крыльев некоторых видов птиц, оставшихся на месте, чтобы устраивать гнезда. Конечно, оставшихся было меньше, чем улетевших на север, но все же достаточно, чтобы устойчиво снабжать яйцами и мясом поколение за поколением прибрежных жителей Массачусетского залива.

А что творилось осенью! Начиная с середины августа, сюда возвращались стая за стайей, растворяясь среди народившегося молодняка и их родителей, не принимавших участия в весеннем перелете. Судя по рассказам современников, в сентябрьские дни 1780 года при восточном ветре шум крыльев и крики миллионов качающихся на воде птиц заглушали даже грохот разбивающихся о берег волн.

Грандиозный наплыв птиц отмечали не только на Кейп-Коде. Песчаные бары в Тадуссаке на реке Св. Лаврентия не являются и никогда не являлись обязательным местом отдыха пролетающих птиц, тем не менее Шамплейн еще в начале 1600-х годов видел там огромные скопления перелетных птиц.

«Здесь такое обилие ржанок, кроншнепов, бекасов, вальдшнепов и прочих видов, что бывали дни, когда три-четыре охотника убивали больше трехсот дюжин этих очень жирных и вкусных птиц... вместе с другими я увлекался охотой на бекасов, ржанок, кроншнепов и песочников, которых мы настреляли более двадцати тысяч». К сему следовало дополнение иезуита отца Сагарда: «Одним выстрелом из аркебузы можно убить очень большое количество птиц, особенно когда стреляешь на уровне земли: песок убивает их больше, чем порох и дробь; это подтвердил мне человек, который одним выстрелом убивал по триста и более птиц».

Живое покрывало из птичьих перьев струилось по всем берегам Северной Америки до тех пор, пока пришедшие европейцы не разорвали его в кровавые клочья. Ниже следуют чисто конспективные выписки, касаю-

щиеся лишь нескольких видов птиц, вовлеченных в одно из самых отвратительных зверств нашего времени. Многие цитаты взяты непосредственно из монументального труда д-ра Бента «Цикл развития североамериканских птиц».

Начнем с красноспинного песочника (называемого ныне чернозобиком²⁵) — птицы со скворца величиной, гнездящейся в Арктике и зимующей, как многие другие прибрежные птицы, в Южной Америке.

«Эти птицы вместе с несколькими другими временами собираются в такие большие стаи, что на расстоянии они кажутся огромной тучей густого дыма... создавая великолепное захватывающее зрелище. В это время охотники устраивают поистине чудовищную бойню: нередко вслед за падающими дождем убитыми товарищами опускается на землю вся остальная стая, оставаясь на ней до тех пор, пока охотник не настреляется до пресыщения».

В сумятице беспорядочных движений в воздухе птицы сбиваются в такую плотную кучу, что многих убивают с одного выстрела... По словам Брашера, он убил выстрелом из обоих стволов 52 штуки... и я слышал о случае, когда один армейский офицер одним выстрелом сразил 96 птиц.

По рассказам современников, в прежние годы грандиозных перелетов (на южных берегах озера Эри) из одноствольного ружья можно было настрелять несколько бушелей этой птицы... 29 октября 1897 года мне самому удалось убить 53 птицы из двух пролетающих стай... это был самый большой перелет за последние годы».

Большинство охотников отказывались верить тому, что исчезновение береговых птиц каким-то образом связано с охотой на них. Типичным в этом смысле было мнение охотников из Торонто, объяснивших исчезновение ранне огромных стай тем, что их «распугали паровозы».

В XIX веке вдоль всего Атлантического побережья Северной Америки

мигрировали большие стаи исландского песочника²⁶, которого охотники называли «береговым дроздом» или «заряжкой». До 1850 года, писал Джордж Маккей, «огромные стаи, пытаясь подсчитать которые было бы пустым занятием, собирались в Чатеме, Наусете, Уэлфлите, на Кейп-Коде... островах Такернак и Маскигет. Нередко на Кейп-Коде можно было наблюдать из дилижанса, как с земли поднимались тучи птиц. Именно в те времена получила распространение порочная практика ночной охоты с фонарем, когда на отмелях было убито множество птиц... С наступлением ночной темноты люди по двое отправлялись на отмель в половину прилива; один, держа в руках зажженный фонарь, ослеплял птицу его светом, другой тут же подбирал ее, перекусывал ей шею и бросал в мешок... они подкрадывались к птицам на четвереньках... Один человек, которому можно верить, рассказывал, как однажды весной на борт пакетбота, следовавшего в Бостон, погрузили шесть бочек птиц, добытых за один раз указанным способом. Он видел также, как протухшие тушки птиц выбрасывали за борт в бостонской гавани. В то время цена этой птице была 10 центов за дюжину. Вперемежку с песочниками попадались камнешарки и ржанки. Ни одна из птиц не была застрелена, все они были добыты с помощью охоты с фонарем».

Подвергался преследованию и американский бекасовидный веретенник²⁷, которого профессиональные охотники и «спортивная» братия называют «бурospинкой». Д-р Бент писал: «В прошлом было убито огромное число этих птиц... наименее пугливых из всех прибрежных видов... они легко идут на манок... и держатся плотной массой. Они садятся тесной кучей, и многие погибают от первого выстрела; уцелевшие отлетают на небольшое расстояние, но, услышав свист, который они принимают за зов покинутого товарища, поворачивают назад и смело несутся навстречу гибели... выстрел следует за выстрелом... в оставших-

ся птиц, не пожелавших покинуть погибших и умирающих сородичей, [пока] одной-двум не удастся улететь от смерти.

Их число быстро уменьшается, и сегодня мы встречаем [только] одиночные экземпляры или небольшие группки из 10—12 птиц».

Одной из немногих прибрежных птиц, до сих пор числящихся в списках «охотничьей промысловой дичи» и поэтому подлежащих законному отстрелу, является «бекас Уилсона», или гаршнеп²⁸. «Чрезвычайно многочисленный вид в последней половине 1800-х годов», — подтверждает неизвестный Джеймс А. Прингл. Он не был профессиональным охотником, но как истинный джентльмен, занимался охотой из спортивного интереса, стреляя птиц в свое удовольствие и раздавая трофеи своим друзьям. Интересно звучат его извинения за чрезмерное кровопролитие и оправдания в том, что не убил больше, чем убил: *«Поскольку птицы прилетали в страну на короткое время, я не испытывал сострадания к ним и убивал всех подряд, ибо ускользнувший бекас может больше никогда не появиться снова»*. В период между 1867 и 1887 годами он застрелил на своих излюбленных охотничьих угодьях в Луизиане 69 087 бекасов, однако количество добытых им трофеев в последующее десятилетие сократилось: общий счет убитых бекасов составил «всего лишь» 78 602. Своим самым счастливым днем он считал 11 декабря 1877 года, когда в течение шести часов убил 366 бекасов — чем не мировой рекорд?

Желтоногий улит²⁹ — сравнительно небольшая длинноногая болотная птица, о которой д-р Бент говорит: «По моему мнению, она не должна классифицироваться как дичь, хотя я должен признать за ней определенные качества таковой. Временами она кажется до абсурда доверчивой: очень легко идет на манок, снова и снова возвращается к месту кровопролития; ее тушка так невелика, что надо убить много птиц, чтобы наполнить ими при-

личный ягдташ. Тем не менее охота на нее доставляет большое удовольствие: приятно, сидя на болоте в хорошо замаскированной засидке с искусно расставленными ловушками, пробовать свое умение имитировать свист этих быстрых и отзывчивых птичек. В конце концов [спортивная] стрельба — это не столько способ наполнить погреб птичьим мясом, сколько повод выйти на открытый воздух, чтобы насладиться красотами природы и поведением ее диких тварей». Бент не преминул добавить, что один известный охотник «убил 106 желтоногих улитов, выстрелив из обоих стволов по сидевшей на берегу стае».

Желтоногих улитов уничтожали не только на Севере. Еще сравнительно недавно, в 1925 году, Стюарт Данфорт наблюдал миграции этих птиц в Пуэрто-Рико, где они вели себя «удивительно пассивно и стрелять в них — это не охота, а настоящая бойня... охотники одним выстрелом убивают до двадцати птиц». Д-р Александр Уэтмор, посетивший Аргентину в 1926 году, сообщал о «стаях перелетных птиц, многие из которых имели печальные следы невежливого обращения с ними аргентинских стрелков — покалеченные или оборванные лапки».

Пример желтоногих улитов, как, впрочем, и всех других прибрежных птиц, подтверждает со всей очевидностью тот неприятный факт, что маскированная стрельба «по стае» может покалечить не меньше птиц, чем убить или смертельно ранить. Большинство раненых птиц суждено было погибнуть в течение нескольких дней, хотя иным из них удавалось продержаться подольше. Даже единственная дробинка, попавшая в мягкую ткань, рано или поздно вызывает гибель своего хозяина от отравления свинцом.

Пегий улит³⁰ крупнее своего желтогого собрата, но, по мнению д-ра Бента, является более «законной» охотничьей мишенью: «Пегие улиты — превосходная охотничья дичь. В последние годы ее добывали в больших количествах... один охотник из

Ньюпорта, штат Род-Айленд, за восемь месяцев застрелил 1362 улита... Я знаю другого старого охотника, который несколько лет назад отметил свой восьмидесятилетний день рождения, подстрелив 40 желтоногих улитов.

Жаль, что пришлось ограничить количество дней чудесной охоты на птиц в заливе, которая доставляла столько радости. Те славные дни мы обычно проводили на Кейп-Коде... где в старые добрые времена водились прибрежные птицы и нам разрешали на них охотиться; по всему побережью на болотах и низинах устраивались засады с расставленными поблизости в песке или в иле чучелами из дерева или жести, раскрашенными под желтоногого улита или ржанку. Здесь, в удобном укрытии, стрелок мог понежиться под мягкими лучами раннего солнца, выкурить трубку и погрузиться в размышления или понаблюдать за многими интересными вещами вокруг... внезапно его мечтания прерывал свист пролетающего пегого улита... охотник свистел, подражая свисту птицы, та отвечала и, сужая круги, скользила вниз в поиске компаньона... прямо в ловушку — навстречу своей трагической судьбе... случается, что и вместе со всей стаей... На болоте перед вашими глазами развевалась беспрестанно меняющаяся панорама птичьей жизни, наполняющая душу любителя природы чувством удивления и восторга.

Одним из таких источников «удивления и восторга» была группа береговых птиц, получивших кличку «пипсы» за похожие на цыплячьи призывные звуки, издаваемые их кормящимися стаями. К пипсам относят всякую «мелюзгу», включая такие виды, как песочник-крошка, перепончатопалый и бонапартов песочник, перепончатопалый и поющий зуек, а также песчанка⁸¹. Большинство их тяготеют к обществу друг друга и образуют стаи, которые когда-то были столь многочисленными, как заметил один наблюдатель в начале XIX века, что «просто не хватает духу прикинуть

их число, чтобы не прослыть уклоняющимся от истины человеком».

Стаи были огромными, хотя сами пипсы не отличались величиной и весили каждая не больше одной-двух унций*. Можно было бы надеяться, что подобный клубочек перьев избежит кровопролития, устроенного его более рослым сородичам, однако по мере усиливавшегося истребления последних ружья всех видов охотников — любителей и профессионалов — с не меньшей жестокостью падали и по пипсам.

«Если не было больших птиц, охотники убивали огромное количество этих крохотных пичужек, которые, надо признаться, были отменно вкусной едой. Сидя в своем укрытии, [охотник] свистел в жестяной свисток, призывая спуститься на землю любую пролетающую стаю. Выступающая илистая отмель... казалась пипсам удобным местом для посадки и ... оборачивалась для них смертельной ловушкой: их начисто сметал оружейный огонь. Испуганные и сбитые с толку уцелевшие птицы взмывали вверх и начинали кружиться над своими мертвыми и умирающими товарищами, подставляя себя под не менее удачные выстрелы, дождем валившие в ил и воду все новые жертвы. От стаи оставались лишь жалкие остатки.

Одним выстрелом можно было убить так много этих птиц, сочных и жирных для хорошего жаркого или пирога, что охотники специально гонялись за ними. Охота на пипсов также все больше входила в привычку у спортсменов-охотников по мере того, как исчезали большие прибрежные птицы и было все труднее наполнять охотничий ягдташ.

Не требовалось большого умения, чтобы подстрелить пару десятков птиц из пролетающей стаи... Я выходил на охоту, чтобы настрелять их к обеду, и однажды сумел пятью выстрелами сразить 82 птицы».

* 1 унция = 28,3 г.— *Прим. перев.*

В те дни чувство удивления и восторга казалось беспредельным, но, пожалуй, сильнее всего оно ощущалось на охоте на золотистую ржанку³². Размером с голубя, близкая «компаньонка» и почти второе «я» эскимосского кроншнепа, золотистая ржанка была, что называется, на расстоянии перышка от того, чтобы разделить его трагическую судьбу. Выражаясь словами д-ра Бента, ее история «являла собой удручающую картину беспощадной бойни, уничтожившей наше прежнее богатство пернатой дичи».

Как и в случае с эскимосским кроншнепом, первоначальная численность золотистой ржанки казалась просто невероятной. Но такой же была и бойня. Одюбон привел пример одной такой типичной расправы близ Нового Орлеана весной 1821 года: «Стрелки собрались в местах пролета ржанок группами по 20—50 человек... При приближении стаи стрелки, расположившиеся цепью примерно на равном расстоянии друг от друга, зашвыстели, подражая призывному зову ржанок; птицы тут же снизились и начали описывать круги, попав под шквальный оружейный огонь. Ружья палили одно за другим с таким успехом, что стая в сотню и более ржанок на моих глазах быстро уменьшалась до пяти-шести птиц... Такая охота продолжалась в течение всего дня, и, покидая на закате шеренгу стрелков, я видел, как они с той же решимостью продолжали убивать птиц, которая владела ими, когда я впервые подошел к ним [до рассвета]. Стрелок, находившийся поблизости от меня, убил 63 дюжины птиц. По моим подсчетам, в поле находилось 200 стрелков и, допуская, что каждый из них убил только 20 дюжин, получалось, что всего за этот день было уничтожено 48 000 золотистых ржанок».

Эдвард Форбуш описывал подобную бойню на острове Нантакет, где в 1840-х годах «двое мужчин убили за один день столько птиц, что наполнили ими на две трети большую опро-

кидывающуюся повозку [около 1000 птиц]». Через 20 лет, в августе 1863 года, «золотистые ржанки и эскимосские кроншнепы огромными стаями сажались на остров, затмевая солнце. Было убито от шести до семи тысяч». К 1890 году популяция золотистой ржанки на восточном побережье была настолько опустошена, что там эта птица уже почти не вызывала интереса у охотников, но в том же году два бостонских оптовика получили с Запада сорок плотно утрамбованных бочек кроншнепов и ржанок, причем ржанок было больше, чем кроншнепов.

Вот как описывал охоту на стаи птиц на острове Лонг-Айленд Роберт Рузвельт в 1860-х годах: «Несколько акров пространства перед нами были буквально усеяны несравненной и долгожданной золотистой ржанкой... их было тысячи три, скученных в плотную массу... С оглушительным шумом они поднимаются в воздух, и тут же их достает залп из наших четырех стволов. И вот уже мы спешим подобрать наши трофеи».

Известный натуралист У. Г. Хадсон* встречал золотистую ржанку в Аргентине (где ее называли «чорло») в последней половине XIX столетия. «В сентябре соседние с моим домом равнины заполняли огромные стаи этих птиц... Каждый полдень ржанки посещали [близлежащее] болото, слетаясь туда со всех концов, подобно тому, как сороки в Англии слетаются к месту большой ночевки. В эти дни я седлал своего пони и веселым галопом направлялся к болоту, чтобы полюбоваться великолепным зрелищем. Их гвалт встречал меня задолго до того, как они появлялись в поле моего зрения. Подъехав к болоту, я осаживал мою лошадь и, сидя в седле, с удивлением и восхищением наблюдал за бесчисленной массой птиц, устилавшей болотистую землю сплошным темно-ко-

---

* Уильям Генри Хадсон, писатель и натуралист (1841—1921).— *Прим. перев.*

ричневый ковром... который жил, шевелился и звучал, словно море, [или] скорее, словно ветер, пронзительно гудевший в тысячах туго натянутых проводов... Но нет, описать это невозможно, не хватает воображения... [Однако] с ростом населения подобные массовые скопления птиц в пампе встречаются все реже и реже. [В мои мальчишеские годы] считанные единицы были владельцами собственных ружей, и, если нужно было добыть «чорло», подросток-гаучо мог убивать их сколько хотел с помощью веревки длиной в ярд со свинцовыми шарами на концах».

Хадсон наблюдал золотистую ржанку в ее «золотой век». Но уже в последние десятилетия прошлого века аргентинские охотники уничтожали ее в масштабах, сравнимых разве с бойней, которая вершилась на Великих равнинах Северной Америки во время весенних миграций ржанок к арктическим берегам. К 1910 году некоторые американские орнитологи почувствовали, что ржанке угрожает опасность вымирания. К счастью, она избежала этой печальной участи в результате запрещения в 1916 году охоты на ржанок в США и Канаде

весной, а позднее — и в течение круглого года.

Золотистые ржанки, пипсы и другие прибрежные птицы выжили. Из малых прибрежных птиц непосредственная опасность грозит только поющему зуйку, когда-то встречавшемуся повсюду на восточном побережье от залива Св. Лаврентия до Виргинии. Во время бесконтрольной охоты его численность сократилась до размера крохотной популяции. Правда, в дальнейшем зук стал успешно восстанавливать свою численность, но в последние годы человек так настойчиво вытеснял его с родных гнездовий, что в настоящее время он снова оказался в списке исчезающих птиц. На Атлантическом побережье Канады его еще можно встретить, но всего существует не более 300 пар этих птиц.

Выживание отдельных видов прибрежных птиц может вселять в нас какую-то надежду, однако, ощущая таящегося внутри нас зверя, нам следует быть постоянно начеку и помнить, что бойня, учиненная в недавнем прошлом прибрежным птицам, может быстро вспыхнуть снова, на сей раз угрожая какой-нибудь другой форме живых существ.

Глава 5

И прочие крылатые

Когда европейцы высадились на северо-восточном побережье континента, они не ожидали встретить там такого множества уток, гусей и лебедей среди несметного числа других птиц. Некоторое представление об их изобилии в 1620-х годах дают следующие строки Николя Дени: «Все мои люди настолько пресытились охотой... что не желают больше никаких диких гусей, уток, чирков, ржанок, бекасов... [даже] наши собаки лежат рядом с птичьим мясом, [не притрагиваясь к нему], настолько они наелись... Так велико здесь изобилие диких гусей, уток и черных казарок, что просто не верится, и ночами они поднимают такой шум, что мешают спать».

Среди этого множества птиц были два вида лебедей. Один — лебедь-трубач³³ — гнезвился на всем континенте до Новой Шотландии на юге и до Ньюфаундленда на востоке. Сегодня его не встретишь восточнее Манитобы, а вся его популяция уменьшилась примерно до 2000 пар, нашедших себе убежище в основном в отдаленных озерах в долинах Аляски и Британской Колумбии. Другой, поменьше — трубача, — американский лебедь³⁴, огромные стаи которого

когда-то совершали перелеты вдоль Атлантического побережья, теперь уже редкий гость на восточном берегу.

Лебедей убивали не столько ради мяса, сколько из-за густого оперения нижней части тела, высоко ценившегося в то время в качестве «лебединой шкуры» для изготовления дамских шляп и платья. Известен случай, когда было убито и ощипано более тысячи американских лебедей, ободренные тушки которых были брошены догнывать на земле.

По всему северо-восточному побережью, особенно в сезоны миграций, в изобилии встречались канадская и черная казарки и белые гуси³⁵. В настоящее время белого гуся там больше не увидишь; быстро исчезает и черная казарка, отчасти из-за загадочного исчезновения (возможно, вследствие загрязнения моря человеком) там морской травы — ее главной пищи в зимнее время. «Старая кряква» — канадская казарка — еще встречается, хотя и в заметном, но, к сожалению, в значительно меньшем, чем прежде, числе.

Если верить истории, раньше в северо-восточном регионе жило или мигрировало через него огромное ко-

личество уток, до двадцати четырех различных видов. Благодаря своему первоначальному изобилию большинство этих видов сохраняли сравнительно большую численность до начала XIX века. Затем кровавая бойня, устроенная профессиональными и непрофессиональными охотниками, свела многие виды почти на нет, а один вид уток был вообще полностью уничтожен.

Часто охотники-любители, так же как и охотники-профессионалы, использовали подсадных птиц (живую приманку) и устраивали на болоте так называемые «охотничьи домики», приотпеленные или плавающие на воде. В 1800-х годах из такой засады один профессиональный охотник одним выстрелом убил сорок четыре черные казарки, а всего за зиму он настрелял их от одной до полутора тысяч.

В прибрежных укрытиях прятались целые батареи дробовиков, а в тростнике или в камышах — флотилии плоскодонок, на низких бортах которых крепились вращающиеся крупнокалиберные (восьмого — чуть поменьше пушечного — калибра) гладкоствольные ружья. Некоторые из этих ружей заряжались патронами, содержащими до четверти фунта пороха, одним зарядом из них можно было убить или ранить сотни водоплавающих птиц.

Д-р Бент описал излюбленный способ, применявшийся охотниками из Новой Англии для охоты на птиц из «утиного лагеря»: «Это — небольшой домик или хижина с несколькими койками для спанья... Вдоль берега ставится забор или частокол... в котором прорезаются отверстия, чтобы несколько человек могли вести стрельбу, оставаясь невидимыми для птиц. Домик и забор маскируются свежесрубленными сосновыми и дубовыми ветками... практически скрывающими весь лагерь... Такой лагерь разбивается на самом берегу или напротив берега... На некотором расстоянии на воде устанавливаются заякоренные деревянные западни... Внутри лагеря содержится большой

запас живых приманок: полудомашних черных американских уток, крякв и канадских казарок; нескольких птиц оставляют на берегу на привязи или пускают без привязи. После всей этой тщательной подготовки стрелки — язык не поворачивается называть их охотниками — проводят время внутри домика: разговаривают, играют в карты, курят, иногда выпивают, оставив одного снаружи наблюдать за обстановкой... Если стая спускается на воду, наблюдающий вызывает охотников из домика и все они занимают места у своих амбразур, приготовив для бойни свои тяжелые ружья. Заслышав кряканье подсадных уток, стаи диких птиц постепенно подтягиваются к берегу... Каждый охотник знает, в какую часть стаи он должен стрелять, и ждет, пока она не приблизится плотной группой на удобное расстояние. И вот раздается команда открыть огонь. Если все хорошо продумано, то после первого же залпа большинство птиц остаются на воде убитыми или покалеченными, а уцелевшие в страшной сумятице поднимаются в воздух и попадают под второй залп, после которого спасаются лишь единицы».

Рассказ д-ра Бента о том, что случилось с каролинской уткой³⁶, является типичным примером судьбы многих ее сородичей, обитающих в удаленных от моря районах:

«Каролинская утка всегда сохраняла свои позиции под натиском своих естественных врагов, но не смогла устоять перед разрушительной силой рук человеческих и вторжением цивилизации. Повсеместная вырубка лесов и осушение заболоченных лесных массивов лишили ее привычных гнездовий и укрытий. Ее яркое оперение всегда притягивало внимание охотников, коллекционеров и набивщиков чучел, а перья пользовались спросом для изготовления искусственных мух для лова форели. Почти каждый, кто находил гнездо каролинской утки, испытывал искушение забрать домой ее яйца и вывести птенцов, зная, что эта птица хорошо приручается и легко становится домашней. Она настолько

пассивна и доверчива, что ее промышленяют без особого труда в больших количествах, а для отлова широко используют ловушки. Сейчас от ее былого изобилия, отмечавшегося всеми авторами, осталось одно воспоминание; во многих местах, прежде богатых каролинской уткой, она теперь почти не появляется, и мы повсеместно видим признаки ее исчезновения. К счастью, люди успели обратить внимание на эти факты... пока не стало слишком поздно, и в настоящее время, когда вступили в действие законы по ее охране... она спасена от полного вымирания».

Люди не пощадили даже маленького зеленокрылого чирка³⁷ — самую миниатюрную из уток восточного побережья. Об этом поведал нам Одубон: «Ничто так не радовало американского охотника-спортсмена, как прибытие стай этой красивой маленькой утки... Вот он видит приближающуюся издали... стаю зеленокрылых чирков... Ба-бах! — гремят один за другим два выстрела, и вот уже тут и там подергивают лапками сбитые чирки, а один крутится на воде в предсмертной агонии; несколько птичек с подбитыми крыльями молча спешат спрятаться в каком-нибудь укрытии; какой-то чирок, получивший единственную дробинку в голову, пытается, неровно взмахивая крыльшками, подняться вертикально вверх, но тут же с плеском шлепается в воду. Охотник вгоняет в оба ствола новые патроны... перепуганные насмерть чирки снова выравнивают свои ряды и начинают кружить то выше, то ниже, пытаясь, видимо, отыскать то место, где остались их товарищи. Вот они снова пролетают над этим опасным местом и снова получают двойную порцию свинца. Только наступившие сумерки прерывают кровавую бойню, которая обычно продолжается до тех пор, пока охотники не потеряют интерес к поредевшей стае... Я сам был очевидцем того, как один охотник в течение одного дня убил шесть дюжин этих птиц».

В XIX и начале XX века спортивная

охота превратилась в не что иное, как разнузданную бойню. Мой родной дед по отцовской линии вместе с тремя компаньонами однажды за субботу и воскресенье настреляли из двухстволок десятого калибра 140 (североамериканских) нырков³⁸, 227 (американских) красноголовых уток, около 200 чернтей, 84 черных (американских) утки³⁹, около пяти дюжин чирков, а также много другой птицы, чтобы наполнить четырехколесный фургон, который и доставил компанию домой вместе с трофеями. Я храню дома несколько коричневых фотографий, запечатлевших результаты этого далеко не единственного опустошения.

Хотя такая спортивная охота была настоящим бедствием, она все же не могла тягаться с кровавым побоищем, устроенным профессиональными охотниками. В течение 80-х годов прошлого столетия городские рынки и частные мясные лавки в городах Канады и США продали миллионы диких уток и лебедей; к ним следует прибавить еще миллионы протухших из-за нехватки холодильников или не обнаруженных убитых и раненых птиц. В этом большом бизнесе были заняты тысячи профессиональных охотников, оптовых торговцев и прочих посредников. Неплохо наживались и изготовители ружей, дробы и патронов.

Согласно подсчетам, в пик этого поставленного на промышленную основу разбоя ежегодно истреблялось восемь миллионов водоплавающих птиц. К началу первой мировой войны эта бойня — весенняя и осенняя — настолько подорвала численность водоплавающей дичи, что не менее чем десятку видов грозило полное вымирание. В этот критический момент Канада и США совместно разработали законопроект, получивший название Конвенции по охране перелетных птиц. Введение после первой мировой войны запрета на весеннюю охоту и лимитов на отстрел дичи позволило большинству видов уток и гусей в какой-то степени восстановить свои популяции.

Один вид уток — ослепительно яр-

кая каменушка не сумела этого сделать, и ее выживание остается под вопросом. Опоздали защитные меры и для пестрой лабрадорской утки⁴⁰. Эта большая черно-белая птица, прозванная «сорочьей уткой», в отличие от всех других уток селилась *только* на северо-восточном побережье. Гнездилась она на островах залива Св. Лаврентия, на берегах Лабрадора и, возможно, Ньюфаундленда, а зимовала на берегах Новой Англии, вероятно до мыса Хаттерас на юге. Близкая родственница семейства гаг, она вела подобный им образ жизни и равным образом страдала от набегов охотников за яйцами и перьями из Новой Англии и Канады, которые вначале крали птичьи яйца с островных колоний, а затем разоряли гнезда и убивали самок ради их ценного пуха.

По поводу гаг⁴¹, первоначально изобиловавших на восточном побережье, натуралист Чальз Таунсенд в начале XX века был вынужден отметить, что «если этому бессмысленному разбою [сбору яиц и торговле пером] не будет положен конец, то количество гаг будет продолжать сокращаться вплоть до их полного исчезновения. В 1905 году на самом южном [существующем] гнездовье на побережье штата Мэн было меньше десятка пар этих птиц... Севернее... на берегу Новой Шотландии, осталось не больше одной-двух [пар] на всем гнездовье; очень мало гаг мы видим на берегах Ньюфаундленда и Лабрадора... где раньше они гнездились в огромном числе... До прихода белого человека — злейшего врага живой природы — индейцы, эскимосы, а также лисицы и белые медведи без церемоний угощались обильной пищей... почти не причиняя вреда... такое естественное изъятие природных излишков не отражалось в целом на численности птиц. Однако в XIX веке разорение этих чудесных птичьих питомников приобрело такой размах, что сейчас от их прежних многочисленных хозяев осталась лишь жалкая кучка».

Казалось, популяции гаг и «сорочь-

их уток» в Западной Атлантике обречены на вымирание: люди отнимали у них яйца, в погоне за пухом разоряли островные гнездовые колонии, а промысловые охотники и охотники-спортсмены убивали их во время весенних и осенних миграций по всему южному побережью.

К счастью для гаг, отдельные их популяции существовали в арктических районах Канады, в Гренландии и Северо-Восточной Атлантике. Эти популяции после вступления в силу Конвенции по охране перелетных птиц стали источником пополнения прибрежных популяций Северной Америки. «Сорочья утка», увы, не имела подобных родственных популяций ни в одной другой части мира.

По информации из США, последняя лабрадорская утка была застрелена в штате Нью-Йорк в 1875 году, во всяком случае ссылки на более поздние сроки в научной литературе отсутствуют. Правда, имеется несколько сообщений жителей Лабрадора о том, что они видели ее там в 1880-х годах, но после этого сведений больше не поступало. Сегодня все, что осталось от «сорочьей утки», — это примерно сорок четыре чучела в разных музеях и частных коллекциях, в основном в США.

Ушли в прошлое промысловая заготовка яиц и торговля птичьим пером, но будущему выживших нырков угрожают те же опасности, что нависли над всеми морскими птицами: потеря гнездовий, сокращение кормовых ресурсов, загрязнение среды, незаконный промысел яиц, а также нерегулируемый охотничий промысел в отдаленных арктических и южноамериканских регионах.

Ежегодно продолжается и «законная бойня». В 1982 году только охотникам-спортсменам Ньюфаундленда, Новой Шотландии, Нью-Брансуика и Квебека разрешили убить 800 000 уток и 100 000 гусей. К этому числу следует добавить еще 20—30% птиц, погибших от ран или от отравления свинцовой дробью, подобранной ими со дна прудов, озер или на болотах.

Еще в середине XIX века по меньшей мере по одной паре гагар гнезилось почти на каждом озере или средней величины водоемах по всей северо-восточной части континента от Кентукки и Виргинии до Северного полярного круга включительно. Нескольким видам полярной гагары⁴² выделялись из всех не только своей величиной и броской внешностью, но прежде всего громкими голосами, нарушавшими царившее вокруг безмолвие.

Осенью взрослые птицы знакомили свое молодое поколение с морем, где по всему побережью от Ньюфаундленда до Флориды собирались на зимовку миллионы пернатых. Там-то их и подстерегала беда. В последнюю половину XIX века, когда охота ради спорта превратилась в фанатическую страсть, гагары стали популярной воздушной мишенью (хотя вообще-то они не считались съедобной дичью). Быстро пикируя сверху, они, казалось, успевали после ружейного выстрела скрыться под водой, опережая пулю; они были настолько сильны и стремительны в полете, что вызывали у охотников непреодолимое искушение посостязаться в ловкости с ними; кроме того, эту жизнестойкую птицу можно было сразить с одного выстрела только самым крупным зарядом. Словом, это была, *rag excellence*, первоклассная во всех отношениях охотничья мишень. Если требовалось какое-то разумное оправдание, чтобы узаконить эту бойню, то можно было сослаться — кстати, совершенно обосновательно — на то, что эти птицы, питающиеся рыбой, являются врагами молоди лосося и форели и посему должны быть уничтожены. Охотники старались повсю. Не отставали от них и рыболовы-спортсмены, которые специально выискивали гнезда и давили в них птичьи яйца.

Выжившие темноклювые (полярные) гагары — это лишь малая толика тех, что сто лет назад наполняли летние вечера своими назойливыми криками. Не видно их больше на бесчисленных озерах и прудах; с каждым

уходящим годом их остается все меньше и меньше. За две недавние зимы на Атлантическом побережье были обнаружены тысячи мертвых гагар — жертв отравления хлороводородными соединениями, ртутью и прочими ядами, проникшими сначала в планктон, затем в питающихся планктоном рыб и, наконец, в поглощающих рыбу гагар. Эти яды накапливаются в тканях птиц, пока их концентрация не станет смертельной. Есть основания опасаться, что вскоре крик гагары будет слышаться так же редко, как в наши дни редко слышится волчий вой на большей части Североамериканского континента.

Одними из самых импозантных птиц были большие, длинноногие цапли, а также ибисы. Настоящим проклятием для многих из них оказалось их яркое оперение, неотразимо привлекавшее внимание охотников-спортсменов и охотников за трофеями, не говоря уже о представителях презренной профессии торговцев птичьим пером. В XIX — начале XX века бесчисленное количество этих птиц было уничтожено ради украшения дамских шляп и удовлетворения других капризов моды. Хотя большинство их видов обитают южнее региона, о котором идет речь, несколько видов когда-то жили и на северо-восточном побережье.

Походящий на цаплю белый ибис⁴³, великопный в своем снежно-белом одеянии с черной оторочкой на кончиках крыльев, уже не гнездится севернее штатов Северная и Южная Каролина. Однако исторические данные свидетельствуют о том, что так было не всегда. В 1536 году члены экспедиции Хора к южному Ньюфаундленду и острову Кейп-Бретону «видели также больших птиц с красным клювом и красными лапами, размером побольше цапли» — этими птицами могли быть только ибисы. Из отчета о плавании «Мэриголд» на остров Кейп-Бретон в 1593 году мы также узнаем, что, «знакомясь с местностью, они видели... больших птиц

с красными лапами». Бесспорно, что один белый ибис был убит в 1959 году в Новой Шотландии. Его гибель зарегистрирована как «случайная».

Бросающаяся в глаза краснокрылая американская колпица^{4,4}, о существовании которой в Канаде научная литература вообще не упоминает, — это еще одна большая болотная птица, которая раньше по крайней мере посещала залив Св. Лаврентия. В середине 1600-х годов Никола Дени описал и справедливо классифицировал ее как «*Palonne* [колпица], у которой клюв длиною около фута закручен на конце, как угольный совок».

Величественная большая голубая цапля^{4,5} — одна из самых заметных птиц восточного побережья, однако то, что мы видим сегодня, — всего лишь слабое подобие ее бывшего изобилия. Еще в середине XIX века она селилась на верхушках деревьев большими колониями в сотни гнезд по берегам многих рек и озер, а также на многих морских островах к югу от залива Св. Лаврентия. Еще в 1870-х годах нередко можно было наблюдать, как многотысячные стаи цапель собирались на прибрежных илстых отмелях (ваттах) залива Фанди. По берегам Новой Англии затопляемые приливами марши и заболоченные земли кишели перелетными птицами и местными обитателями гнездовий.

Люди не слишком досаждали цаплям, по-видимому, до середины прошлого столетия, когда спортивное рыболовство стало модным увлечением. Запасы промысловых рыб истощились, и рыболовная братия реагировала на это, как всегда, беспощадной расправой с теми животными, которых они считали конкурентами в своем промысле. Поскольку большая голубая цапля питалась мелкой рыбой (хотя и почти исключительно непромысловыми видами) и была, что называется, вся на виду, против нее развернули яростную кампанию. Охотники-спортсмены помогали своим сотоварищам-рыбакам убивать ее при первой возможности. Гнездовые колонии

цапель подвергались систематическим налетам, во время которых уничтожались яйца, птенцы и взрослые птицы. В одном случае был даже подожжен лес на острове в заливе Пенобскот с единственной целью уничтожить их гнездовья. Несмотря на действующий официальный запрет, налеты на оставшиеся колонии продолжают.

Когда-то вдоль северо-восточного побережья пролетали, а может быть там и гнездились, два вида журавлей. Один, больше — американский журавль^{4,6}, — вполне возможно, был самой замечательной птицей Северной Америки. Ростом в полтора метра, эта длинноногая и длинношееея птица, вся белая, кроме черных кончиков крыльев и малиновых участков на голове, сегодня вызывает особый интерес в связи с решающей битвой, разгравшейся за ее спасение от полного вымирания.

То, что американский журавль и его меньший собрат — канадский журавль^{4,7} — вначале встречались повсюду в северо-восточном регионе, подтверждается многими историческими свидетельствами, восходящими к середине 1500-х годов. Оба вида были достаточно многочисленными, чтобы служить людям основным продуктом питания в XVI и XVII веках. Даже в начале XVIII века Шарлевуа смог записать: «У нас были журавли двух цветов, одни совершенно белые, другие — светло-серые. Из них получается превосходный суп».

Эти большие симпатичные птицы не имели никаких шансов избежать преследований прожорливых пришельцев из Европы. Профессиональные охотники и охотники-спортсмены уничтожали их без пощады, и к середине 1800-х годов американский журавль исчез, а канадский стал редким гостем в восточной части континента.

В результате тридцатилетних самоотверженных усилий американской и канадской служб охраны диких животных удалось восстановить популяцию американского журавля,

увеличив ее численность примерно в три раза по сравнению с тридцатью одной особью в 1955 году. Выжившие журавли размножаются в основном на непроходимых сфагновых болотах Национального парка Вуд-Баффало на северо-западе Канады, а зимуют в заказнике Аранзас в Техасе. Несмотря на заботу и меры по охране обоих видов журавлей, их выживание в долгосрочном плане остается под угрозой.

На суше, так же как на болотах и морях, всюду обитали многочисленные птицы, на которых можно было поохотиться ради пищи, удовольствия или прибыли или ради всего этого, вместе взятого. Наиболее известный пример наземной птицы, ранее встречавшейся, вероятно, неисчислимыми стаями,— странствующий голубь⁴⁸, о котором уже столько написано, что мне вряд ли нужно продолжать эту тему. Тем не менее один аспект его истории остался без внимания: во время первого появления европейцев странствующий голубь водился в изобилии как по всему восточному побережью, так и в удаленных от моря районах.

Картье видел его на острове Принца Эдуарда в 1534 году. В 1605 году Шамплейн посетил несколько островов в заливе Мэн, «на [которых] растет столько красной смородины, что за ней во многих местах не видно ничего другого, и полным-полно голубей, которых мы добыли изрядное количество». В начале 1600-х годов Джосселин из Новой Англи писал: «Миллионы миллионов голубей. Весной я видел пролеты голубей в Микаэльмассе, когда они возвращались на юг, [растянувшись] на четыре-пять миль такой плотной массой, что она представлялась мне без начала и конца и загораживала свет солнца; их гнезда тесно примыкают друг к другу, занимая подряд все деревья в Пайн-Три на протяжении многих миль. Но в последнее время их здорово поубавилось — англичане ловят их сетями. В Бостоне

я купил на три пенса целую дюжину голубей, ощипанных и выпотрошенных».

В 1663 году Джеймс Йонге видел «бессчетное» множество голубей на полуострове Авалон на Ньюфаундленде. А примерно в 1680 году Лакхонтэн писал: «Мы решили объявить войну, горлицам обыкновенным, которых в Канаде развелось такое множество, что епископ не единожды был вынужден отлучать их от церкви за ущерб, наносимый ими плодам земным».

Их плотно заселенные колониальные гнездовья были совершенно беззащитны от нападений европейских пришельцев, которые стреляли в голубей из ружей, отравляли их газами, взрывали пороховыми зарядами, палили огнем, ловили сетями, молотили дубинами и уничтожали любыми другими способами, которые приходили им на ум, пока примерно к 1780 году северо-восточный район не был полностью очищен от странствующего голубя. Я рад, что мне не нужно повторять здесь мрачную историю его полного уничтожения в центрально-восточных штатах Америки. Похоже, что убийство последнего странствующего голубя было зарегистрировано в Пенетангишене (Онтарио) в 1902 году. Самый же последний странствующий голубь на Земле, единственный уцелевший из миллиардов голубей, встречавших европейцев, когда они начинали грабить Североамериканский континент, умер в неволе в зоопарке города Цинциннати в сентябре 1914 года.

Дикая индейка⁴⁹ — предок нашей домашней индейки — прежде в изобилии водилась на востоке Северной Америки, по крайней мере до юго-восточных районов Нью-Брансуика на севере. Будучи лесным обитателем, дикая индейка сумела выстоять против луков и стрел, но оказалась беспомощной против ружей. По мере продвижения поселенцев на запад вновь прибывшие истребляли одну

популяцию индеек за другой, сначала ради получения мяса и перьев, а затем с целью получения прибыли от продажи птицы. В результате к середине 1800-х годов этот вид вообще исчез из северо-восточных районов Северной Америки. Были предприняты попытки снова заселить дикими индейками различные места их прежнего обитания, но такие попытки обычно удаются только в отношении полудомашних птиц в так называемых охотничьих хозяйствах и заказниках.

Первые европейцы неожиданно натолкнулись на два вида охотничье-промысловых птиц, неизвестных и в то же время смутно напоминавших им кого-то. Один вид — его англичане называли так же, как шотландскую куропатку: "grouse", — имел две разновидности, известные ныне как воротничковый рябчик и американская дикуша⁵⁰; второй они называли «тетеревом» или «фазаном».

Вересковый тетерев⁵¹, как его стали называть впоследствии, был величиной с европейского, или обыкновенного, фазана, которого он напоминал и внешним видом. Он встречался южнее Кейп-Бретона, по крайней мере до Виргинии, в вересковых пустошах или степях, занимавших в те времена огромные пространства, особенно в прибрежной зоне. В 1670-х годах эти большие мясистые птицы, чьих с трудом выживших западных родственников называют луговыми тетеревами, были столь многочисленны в заросшей кустарником части старого Бостона, что рабочих и служивый люд ставили своим нанимателям условие, что эти птицы будут «подаваться к столу не чаще нескольких раз в неделю». Тем не менее легкие воздержания не мешали продолжавшейся массовой бойне верескового тетерева, и уже в последней половине XVIII века он становится редкостью.

К 1830 году тетерев практически вымер на Североамериканском континенте; уцелели лишь несколько сотен птиц на острове Мартас-Винь-

ярд в штате Массачусетс. Однако сохранить их там не удалось. Погубивший травянистый покров и лес пожар 1916 года и постоянное браконьерство довели их популяцию до такого уровня, что восстановление ее уже оказалось невозможным. К 1930 году в живых оставался единственный представитель некогда огромной популяции тетеревов. Он вызывал жадное любопытство туристов и ученых, собиравшихся посмотреть на него такими толпами, что он едва успевал увертываться от колес их автомобилей. Зимой 1932 года этот тетерев внезапно и безвозвратно исчез. Есть подозрение, что он закончил свой жизненный путь в «научной» коллекции одного из ненасытных «натуралистов».

На Ньюфаундленде, Лабрадоре и вдоль северного берега залива Св. Лаврентия в прежние времена в больших количествах водились тундровая и белая куропатки⁵². Зимой они собирались в гигантские стаи, пролетавшие над промерзшими бесплодными землями и еловыми лесами. В 1626 году один колонист настрелял за один день 700 куропаток в Реньюсе на восточном берегу Ньюфаундленда. В 1863 году одна семья за два месяца застрелила 1100 тундровых куропаток в проливе Белл-Айл. Еще в 1885 году Наполеон Коме сообщал о стае «в полмилю длины и в 60—100 ярдов ширины», летевшей над северным берегом близ устья реки Св. Лаврентия; в ту зиму малочисленные жители этого района убили около 60 000 куропаток. Еще 30 000 были убиты зимой 1895 года в районе между Минганом и Годбу.

На Ньюфаундленде их уничтожали в ошеломляющих количествах местные и профессиональные охотники, ряды которых пополняли наезжавшие из Канады и США охотники-спортсмены, располагавшие свои лагеря вдоль пересекающей остров железнодорожной линии. В конце 1800-х годов охотники нередко убивали по 300—400 куропаток за раз.

Оба вида куропаток, хотя и сравнительно редко, еще встречаются на Ньюфаундленде, причем тундровая куропатка обитает, по-видимому, лишь в нескольких местах западных горных массивов. Возможно, что куропатки еще обитают во внутренних районах Лабрадора, однако на берегах залива Св. Лаврентия уже не видно огромных стай, ранее прилетавших сюда на зимовку.

Со времен первых поселений европейцев хищные птицы рассматривались ими как враги. Многие считали и продолжают считать орлов «крылатыми волками», потенциальными убийцами любых живых существ, начиная от человеческих младенцев и кончая небольшими телятами. За исключением самых маленьких, всех ястребов считают «куропедками», обвиняя их в пропаже каждой курицы. Сову считают закоренелой убийцей всех ночующих на насесте птиц, включая домашних индюшек. Этот перечень грехов, приписываемых им фермерами, дополняется еще более тяжкими обвинениями со стороны охотников, готовых убить всех ястребов и сов на свете за их предполагаемое пристрастие к водоплавающей и прочей дичи, а также скоп за их склонность к питанию промысловой рыбой. Все крупные виды сов и ястребов, а также орлов беспощадно уничтожались по всей Северной Америке, и не в последнюю очередь — в восточном морском районе; их стреляли, ловили в сети и травили как вредителей.

Изумительно красивый беркут⁵³, обитавший ранее по всему региону, практически исчез из восточных районов и находится на грани вымирания в других местах Северной Америки.

Больше повезло белоголовому орлану⁵⁴, поскольку он питается в основном дохлой рыбой, которой его обильно снабжают промысловые рыбаки. До конца второй мировой войны довольно большое количество орланов обитало на Атлантическом

побережье, однако после войны эти большие птицы начали быстро исчезать. Орнитологи подметили, что, если в устроенных птицами гнездах и откладывались яйца, из них редко вылуплялись птенцы, а если и появлялись на свет, то такие хилые, что часто погибали. Никто не мог докопаться до причин, пока из нашумевшей книги Рейчел Карсон «Безмолвная весна» не стало ясно, какой вред окружающей среде приносят пестициды и прочие яды, применяемые человеком в наш современный индустриальный век.

Пестициды, особенно ДДТ, стали причиной бесплодия белоголовых орланов. И не только их. Жестоко пострадали почти все основные виды хищных птиц, а некоторые, например сокол сапсан, оказались на пороге полного вымирания. Красавца сапсана можно считать практически вымершим видом в восточной части Северной Америки, если не принимать во внимание несколько пар, выращенных в инкубаторе и выпущенных на волю в слабой надежде восстановить исчезающий вид в среде, постоянно наводняемой пестицидами, гербицидами и прочими смертельными химикалиями.

Отметим начавшееся возрождение популяций белоголового орлана в южной части Ньюфаундленда и на острове Кейп-Бретон. Администрация Новой Шотландии летом 1984 года подарила правительству США шесть молодых орланов из Кейп-Бретона в знак «поддержания численности птицы, чье изображение служит национальной эмблемой Соединенных Штатов». Сегодня из сотен тысяч белоголовых орланов первобытной популяции сохранилось всего лишь около 1600 пар в первых сорока восьми штатах США.

Отравление птиц пестицидами и браконьерство, в первую очередь рыболовов-спортсменов, привели к почти полному исчезновению ястреба-рыболова, называемого скопой⁵⁵, с восьмидесяти процентов ее бывшего ареала в восточной части Север-

ной Америки. И хотя этот вид подает надежду на возрождение, любые такие проявления следует считать временными, пока мы продолжаем насыщать сушу и море все новыми загрязняющими веществами.

Значительно меньше стало ширококрылого канюка⁵⁶, ранее свободно парившего над всеми лесами и вырубками. Его продолжают преследовать невежественные люди, не понимающие, что эти небольшие хищники, для которых грызуны являются повседневным хлебом насущным, всегда были первыми помощниками фермера. Быстрокрылый ястреб Купера⁵⁷ сегодня встречается так редко, что его следует считать вымирающим видом. По-видимому, не лучше положение и у североамериканской совы — бородатой неясыти.

Некоторым, хотя и немногим видам птиц вторжение европейцев пошло на пользу, особенно тем, что питаются семенами и гнездятся на распаханых полях и очищенных от леса участках, представляя слишком крохотную мишень для охотничьих ружей. Вместе с тем большинство мелких птиц северо-восточного региона, питающихся в основном насекомыми, в последние годы понесли страшные потери от распыления инсектицидов и пестицидов. Многие мелкие птицы погибают от прямого контакта с вредными химикалиями, но если даже прямой контакт оказывается несмертельным, то птицы все равно погибают, поедая зараженных химикалиями насекомых. А хищники и стервятники в свою очередь гибнут, поедая отравленных птиц.

Ясным весенним утром 1973 года я шел через смешанный лес в центральной части провинции Нью-Брансуик, не встречая на своем пути буквально ни одного живого существа. Не слышалось ни жужжания пчел в цветах, ни беличьего цоканья в ветвях деревьев. В течение нескольких часов напряженного поиска мой слух не уловил ни одной ноты птичьего пения. Впоследствии я узнал, что

тот лес был действительно немой могилой: двумя днями раньше Служба охраны лесов Нью-Брансуика обработала его с воздуха инсектицидом с целью сдержать предпологаемую вспышку размножения гусеницы листовертки-почкоеда елового. Инсектицид убил большинство насекомых, и либо погубил, либо прогнал из леса всех птиц без исключения.

Подобные распыления ежегодно проводятся на огромных площадях в Нью-Брансуике, на Ньюфаундленде и в Новой Шотландии, несмотря на подавляющий перевес доказательств, подтверждающих, что они в огромной степени разрушают жизнь (в том числе, возможно, человеческую) и по сути своей порочны, ибо убивают естественных врагов тех самых насекомых, против которых они применяются. После тридцати лет ежегодного распыления инсектицидов проблема гусеницы листовертки-почкоеда елового в Нью-Брансуике остается достаточно острой. И почти не слышно пения птиц.

В истории взаимоотношений человека с птицами немало черных страниц. И все-таки не угасает луч надежды: в последнюю половину нашего столетия все больше и больше людей проникаются любовью к живой птице в ее собственном мире живой природы. По весне многие тысячи мужчин, женщин и детей устремляются на Атлантическое побережье — в леса, на болота и к морскому берегу — не убивать, а любоваться и восхищаться постоянными отливами и приливами мигрирующих птичьих стай.

Хотя и с опозданием, мы учимся любить эти существа ради их самих, а не ради их перьев или мяса. Может быть, мы начинаем сужать пропасть между *Homo sapiens* и крылатой братией, унаследованную нами от наших близких предков. Если это так, то есть надежда, что нам удастся отыскать дорогу в тот утраченный мир, в котором жизнь была единой и неделимой.

2

Мясо, шкуры и мех

Птицы улетают от человека в небо. Рыбы уплывают в глубины океана. А у наземных млекопитающих нет путей, чтобы избежать преследования представителем их собственного класса, ставшим самым жестоким, не поддающимся перевоспитанию разрушителем во все времена. Поэтому не удивительно, что список исчезнувших и исчезающих животных включает так много видов млекопитающих.

Они понесли такие тяжелые потери, что один современный биолог был вынужден в оправдание людей написать: «Ни один вид крупных млекопитающих не выжил в восточной части Северной Америки без помощи человека». Перефразируя это изречение, чтобы избежать подобного обходного маневра, позволяющего нам уйти от признания последствий наших деяний, выразим его следующим образом: все виды крупных млекопитающих в восточной части Америки были уничтожены современным человеком, за исключением тех, которых он взял под защиту в собственных корыстных интересах. Исключений, как мы убедимся, не так уж много.

Впрочем, причиненное нами опустошение коснулось не только крупных животных. Большие или малые, все они подвергались истреблению, если это приносило нам хоть какую-то прибыль или нам казалось, что они могут помешать удовлетворению нашей неумемной алчности. Мясо, шкуры и мех были первыми наградами в бойне, учиненной большинству животных, о которых пойдет наш рассказ. Сегодня эти устаревающие стимулы уступают место новым побуждениям: кровавая бойня продолжается во имя отдыха и развлечения человечества.

Глава 6

Белый призрак

Мне, начинающему натуралисту, в четырнадцать лет посчастливилось совершить экскурсию к побережью Гудзонова залива в северной части провинции Манитоба. Я отправился туда с братом моего деда Фрэнком Фарли, известным орнитологом. В те годы орнитологи тратили почти все свое время на собирание образцов для коллекций, и дедушка Фрэнк не был исключением: он собрал замечательную коллекцию птичьих яиц, и мне, как его помощнику, предстояло ее пополнить.

Ранним июньским утром он отправил меня на берег залива поискать гнезда ястребов. Их оказалось немного, и они находились далеко друг от друга. Лишь после полудня я набрел на скалу с большим выступом, который мне показался идеальным местом для гнезда хищной птицы. И действительно, в расселине скалы на высоте больше пятнадцати метров над берегом виднелось нехитрое сооружение из прутьев и водорослей, принадлежащее паре мохноногих канюков. Пока эти большие птицы в тревоге кружились над моей головой, я завладел яйцами и, завернув

их в вату, уложил в заплечную сумку. Покончив с этим, я огляделся вокруг.

Подо мной, закручивая воронки, бурлила ледяная вода, а с восточной стороны на фоне свинцового моря маячил какой-то предмет ржаво-красного цвета. Воспользовавшись полевым биноклем, я разглядел разбитые обломки выброшенного на берег судна. Тотчас же я позабыл про ястребов и яйца — немногие вещи способны так ярко разжечь мальчишеское воображение, как кораблекрушение. Это была носовая часть небольшого грузового судна прибрежного плавания. Я взобрался наверх по искореженным листам обшивки и очутился на палубе торчащего из воды бака. И сразу понял, что я здесь не один.

Метрах в ста ко мне легким шагом двигались три медведя. Цвет их шкуры напоминал слоновую кость. Глава этого трио казался неправдоподобно огромным, правда, его ведомые были, пожалуй, не крупнее пары спаниелей. Не требовалось быть натуралистом, чтобы сообразить, что передо мной — медведица с двумя медвежатами. Ужас охватил меня! «Всег-

да держись подальше от медведицы с детенышами» — эту заповедь мне настойчиво вдолбливали в голову трапперы* и обитатели лесной глуши, с которыми мне приходилось встречаться. И хотя все они имели в виду сравнительно небольшого черного медведя — обитателя северных лесов, я почувствовал, что их предостережение в полной мере относится и к чудовищному призраку, с плавной легкостью направляющемуся в мою сторону.

Первым моим побуждением было дать деру. Но, сдвинувшись с места, я выдал бы себя, а у меня не было ни малейшего желания состязаться с медведицей в скорости. Легкий бриз дул в мою сторону, и я в душе надеялся, что грозное трио проследует мимо, не заметив, как я распластается от страха на баке погибшего судна.

Звери уже находились метрах в десяти от меня, когда вдруг, без всякой видимой причины, медведица остановилась и поднялась на свои мощные задние ноги, вытянув вперед для равновесия огромные передние лапы с длинными изогнутыми когтями. Наверное, я шевельнулся: медведица подняла голову, и наши взгляды на мгновение встретились. Наморщив черный нос, она громко фыркнула, затем с поразительной для такого громадного зверя гибкостью повернулась и галопом припустилась в обратном направлении; за ней, не отставая ни на шаг, неуклюже подпрыгивали малыши.

Мое отступление было почти столь же стремительным, и, когда я снова предстал перед дядюшкой Фрэнком, яйца в моем рюкзаке превратились в омлет. Он был весьма удручен этим обстоятельством и с большим недоверием выслушал мой рассказ о встрече с медведями. Но когда я уговорил его пойти (прихватив ружье) со мной к останкам потерпевшего

крушение судна, отпечатки следов на пляже, каждый величиною с суповую тарелку, убедили его в правдивости моей истории. По его словам, ему не приходилось слышать, чтобы белый медведь с детенышами забирался так далеко на юг. Он даже захотел сообщить об этом случае в какой-нибудь специальный научный журнал.

Для него мое неожиданное столкновение с медведями было всего лишь необычным происшествием, для меня же — первой, навсегда запечатленной в памяти встречей с одним из самых великолепных, наименее изученных и наиболее преследуемых животных на Земле.

Весом до 600 килограммов и длиной до 3,5 метра, белый медведь — один из самых крупных сохранившихся наземных хищников. Он не имеет себе равных в ловкости и силе. Эрнест Сетон-Томпсон описал случай, когда белый медведь поймал в воде тюленя весом в пятьдесят килограммов и прыгнул на край плавающей льдины со своей добычей в зубах, «подобно норке, вытаскивающей на берег форель». Говорят, видели, как однажды белый медведь, убив белуху весом около двух тонн в ее родной стихии, выволок затем тушу за границу прилива.

Животное-долгожитель, белый медведь может прожить до сорокалетнего возраста. Он чувствует себя как дома и на твердой земле, и на плавающих льдах, где передвигается своим плавным шагом со скоростью до пятидесяти километров в час. Белый медведь способен перепрыгнуть через трехметровую трещину и взобраться на почти отвесную скалу или ледяной зубец. В воде он также движется с удивительным изяществом. Слой подкожного жира не только защищает его от холода и помогает держаться на плаву, но и позволяет неделями обходиться без пищи в голодное время; густой водоотталкивающий мех дает ему возможность подолгу находиться в ледяной воде,

---

* Траппер (англ.) — охотник, ставящий капкан. — Прим. перев.

гибельной для любого другого члена семейства медведей. Огромные ласто-видные лапы до тридцати сантиметров в диаметре сообщают его гладкому, обтекаемому туловищу движение в воде со скоростью до шести узлов. Нередко с кораблей, находившихся за 500 километров от ближайшей суши, наблюдали белых медведей, плававших без видимых признаков усталости.

Большинство из нас знакомо с этим существом по избитому клише: фото белого медведя, сидящего с печальным видом в жаркий день в бетонном бассейне городского зоопарка. Это изображение, видимо, должно облегчить самочувствие обливающегося потом человечества, внушая ему уверенность в том, что его страдания — ничто по сравнению с муками животного, привыкшего к царству вечного льда и снега. Поскольку, как гласит надпись под снимком, перед вами — *полярный* медведь.

Это название — исторически ошибочное употребление термина, вошедшего в обиход лишь в начале XIX века. Ранее это животное было известно как «белый медведь»*. В I-м веке н. э. римляне называли его так, чтобы отличить от бурого собрата, обитавшего по всей Евразии. Еще задолго до христианской эры из наиболее ценных приобретений, тешивших гордое тщеславие царей и вождей племен, считались содержащиеся в неволе белые медведи. Во времена средневековья их держали в своих великолепных дворцах даже христианские епископы. С незапамятных времен белые медведи считались олицетворением сверхчеловеческой мощи во всей умеренной климатической зоне Евразии. В хрониках японской империи 658 года н. э. говорится о том, что в Японии

и Маньчжурии при императорских дворах белых медведей почитали как носителей сверхъестественной силы. Владыки рангом поменьше удовлетворялись шкурой, зубами или даже изогнутым когтем. Каждый из этих предметов считался ценным талисманом.

Откуда же попадали в неволю эти белые медведи? Определенно не из арктических регионов, где они обитают ныне, ибо в те далекие времена эти места были *Terra incognita**. Вполне очевидно, что европейские белые медведи, еще будучи детенышами, отлавливались на норвежском побережье вплоть до Бергена на юге или на берегах Ботнического залива в Балтийском море. Медведи восточного происхождения поставлялись, по-видимому, с Курильских островов, где остаточная первичная популяция просуществовала до 1690-х годов. Меньше повезло медвежьим кланам Норвегии и Балтики. Обе эти популяции были истреблены еще до начала X века. Потом пойманные медведи (или их шкуры) доставлялись сначала из Исландии, а позднее из Гренландии. В 1253 году король Генрих III держал живого белого медведя в лондонском Тауэре и дорожил им как одним из своих ценнейших сокровищ.

В прошлом ареал белого медведя, очевидно, не ограничивался полярными областями Европы и Азии. Он обитал также и в Америке. В самом деле, первые путешественники, направляющиеся к северо-восточному побережью Нового Света, наиболее часто выделяли в своих описаниях именно белого медведя. И не потому, что он был в диковинку. Напротив, исторические данные свидетельствуют: белый медведь принадлежал к числу наиболее часто встречающихся крупных млекопитающих того времени.

* Некоторые жители приморских стран называли его также «морским» или «водяным» медведем. Когда наука впервые признала его существование в 1774 году, ему присвоили латинское наименование *Ursus maritimus* (морской), а не *Ursus polaris* (полярный).

* Нечто неизвестное, неизведанная область (лат.). — Прим. перев.

В сагах северных викингов, плававших у побережья Лабрадора и Ньюфаундленда около 1000 года н. э., упоминается именно (и только) этот вид медведя. Торфин Карлсефн даже назвал «Белым Медведем» один из островов, расположенных к юго-востоку от Лабрадора.

Все другие документы, относящиеся к плаванию Джона Кабота* 1497 года, были утрачены, но до нас дошла все-таки карта того периода, на которой изображена его *Prima Terra Vista***. На карте надпись: [Здесь] *много белых медведей*. Еще одно упоминание такого рода содержится в отчете о последующем плавании сына Кабота, Себастьяна. «Он [Себастьян] говорит, что там очень много медведей, которые питаются тресковой рыбой... медведи ныряют в гущу тресковой стаи и... гонят ее к берегу... это полагают причиной того, что такое множество медведей не беспокоит население страны [потому что они имеют так много рыбы для еды]».

Большинство открытий первых португальских мореплавателей тоже известны лишь по древним картам. Например, на так называемой Мюнхен-Португальской карте к западу от Ньюфаундленда имеется пометка: «Эту землю *Гаспар Корте Реал...* впервые открыл [в 1501 году] и привез домой лесных обитателей и белых медведей».

Самый ранний отчет о встрече здесь с белыми медведями содержится в описании плавания Жака Картье 1534 года. Один белый медведь был обнаружен на острове Фанк, где он питался, видимо, бескрылыми гагарками. На другой день после этой встречи судно Картье нагнало в открытом море еще одного белого медведя, и его люди убили зверя. Затем,

исследуя залив Св. Лаврентия, Картье обнаружил медведей на острове Брион изолированного архипелага Магдален. Медведи, по всей вероятности, были белые, питались тюленями, моржами и морскими птицами, в изобилии водившимися тогда на островах Магдален.

Спустя два года после первого плавания Картье английское экспедиционное судно капитана Хора потерпело крушение в одном из фиордов южного побережья Ньюфаундленда. Ричард Хэкют, беседовавший с несколькими членами экипажа, пережившими кораблекрушение, рассказывает нам, что они видели «множество медведей, как черных, так и белых, из коих они несколько убили и употребили в пищу их мясо, оказавшееся совсем не плохой пищей». Примечательно, что это было первым упоминанием в ранних анналах о черных медведях, которые, будучи лесными обитателями, лишь случайно встречались на берегу. В то же время люди Хора проникли, по-видимому, довольно далеко в глубь страны по фиорду, который, возможно, был тем самым местом, что ныне зовется заливом Белого Медведя.

И это название не единственное. На карте Ньюфаундленда до настоящего времени не меньше двадцати заливов, озер, рек, бухт и островов значатся под названием «Белого Медведя». Вместе с еще большим количеством подобных географических названий на Лабрадоре они свидетельствуют о былом изобилии великолепного зверя в этом регионе.

Существование белых медведей на северном берегу залива Св. Лаврентия в прошлом подтверждается описанием злоключений Маргериты де ля Рош. Эта знатная юная француженка сопровождала своего родственника де ля Рок де Роберваля в 1542 году на судне, следовавшем в Квебек, чтобы основать там поселение. Однако «аморальное» поведение Маргериты и ее любовника в течение длительного перехода через Атлантику разгневало Роберваля, и он высадил

* Джон Кабот (примерно между 1450 и 1455—1499?) — итальянский мореплаватель, состоявший с 1490 года на английской службе. Достиг берегов Североамериканского континента в 1497 и 1498 годах. — *Прим. перев.*

** Первая увиденная земля (лат.). — *Прим. перев.*

преступную пару вместе со служанкой на острове Демонов — одном из островов Мекатина. Два года спустя Маргериту нашли там французские рыбаки, узнавшие, что ее любовник, служанка и рожденный ею на острове ребенок умерли. В дошедшем до нас описании упоминаются «белые, как яичная скорлупа, медведи», доставлявшие им немало хлопот.

Остров Демонов не был западной границей ареала белого медведя, встречавшегося по крайней мере до устья реки Св. Лаврентия. Интересно, что уже в 1930-х годах в прессе prominently сообщено: вблизи озера Св. Жанны в верховьях реки Сагены застрелена старая самка белого медведя.

О том, как далеко на юг расселялись белые медведи, можно судить по сообщению «о медведях, как черных, так и белых», Дэвида Ингрема, хотя сам он, по-видимому, никогда не бывал севернее Новой Шотландии. Даже на заре колониальных времен белые медведи обитали, видимо, южнее залива Делавэр, а уже в XVIII веке один медведь был застрелен в заливе Мэн.

Андре Тевет в своем описании залива Св. Лаврентия, датированном приблизительно 1575 годом, сообщает, что много белых медведей «совершало набеги на хижины [коренных] жителей и те были вынуждены рыть ямы, которые они покрывали ветками и листьями», вероятно пытаясь спрятать и сберечь свои съестные припасы.

Не одни коренные жители страдали от набегов белых медведей. В середине XVI века они здорово досаждали баскским китобоям, промышленным в Гудзоновом заливе: звери бродили в поисках добычи вокруг мест переработки китового жира, бесцеремонно хватая китовое мясо и ворвань, считая, видимо, что эти продукты принадлежат им по праву. Но, как сообщал Антони Паркхерст из Ньюфаундленда в 1574—1578 годах, избыток белых медведей имел и свои преимущества. Их было, писал он,

«так много вокруг... что вы могли убивать их столько, сколько хотели, и мясо их по вкусу напоминало телячье». Однако, продолжал он, «такие же нахальные, [как местные лисы], медведи среди бела дня без стеснения тащили у вас из-под носа вашу рыбу, хотя, как мне кажется, они не причиняли никому вреда, если только их не вынуждали к этому». Что Паркхерст имел в виду именно белых медведей, очевидно не только из его описания их поведения, а также из показаний Стефана Пармениуса после кратковременного путешествия его в восточную часть Ньюфаундленда в 1583 году, который писал: «Медведи также появляются у рыбацких стойбищ, где их иногда убивают. Они кажутся мне белыми, судя по цвету их шкур».

Смелость белых медведей всегда была отличительной и, как считали европейцы, наиболее опасной чертой их поведения. Однако в основе их самонадеянной дерзости лежит, по-видимому, не столько грубая сила, сколько спокойная уверенность, что у них нет врагов и что они могут бродить там, где им заблагорассудится. Подобная уверенность казалась вполне оправданной в те дни, когда их контакты с людьми ограничивались местными жителями. Хотя первобытные люди могли убивать и убивали белых медведей, они все же старались избегать стычек с ними, исходя отчасти из убеждения, что осторожность — храбрости не помеха, и отчасти из чувства восхищения этими животными, которое было сродни благоговейному почитанию.

Со своей стороны медведи отвечали людям таким отношением, которое можно выразить формулой: живи и давай жить другим. Отсутствие агрессивности у белых медведей весьма удивляло первых исследователей, хотя, как правило, они не отвечали им взаимностью.

В ранних цивилизациях иудейско-христианского вероисповедания ученилось, как само собой разумеющееся, представление о всех круп-

ных плотоядных животных как о врожденно свирепых и жестоких хищниках, которых следует считать вредными тварями и уничтожать, где придется. Не был исключением и белый медведь. Еще в XVI веке он приобрел недобрую репутацию людоеда, предпочитающего черепам тюленей человечески черепа. Подобных небылиц было предостаточно, хотя на самом деле достоверными доказательствами подтверждается лишь несколько случаев неспровоцированных нападений белых медведей на человека, причем в ряде случаев сама достоверность этих доказательств сомнительна.

Если медведи мирно сосуществовали с аборигенами, то этого не скажешь о их взаимоотношениях с прибывающими на судах контрабандистами. Насытившись по горло (вполне буквально) рыбой, и соленой, и свежей, европейские рыбаки, промышлявшие летом у берегов Нового Света, страстно жаждали отведавать мяса, и наиболее доступным источником его был белый, или, как они его еще называли, «водяной», медведь. Встречавшийся в изобилии на побережье от Новой Шотландии до Лабрадора, где промышляли рыбу, он привлекал внимание людей не только цветом своей шкуры, но и тем, что совсем их не боялся и при появлении человека не прятался и не пускался в бегство. Наоборот, медведь будто нарочно выискивал береговые рыбацкие поселения, которые его чуткий нос улавливал за несколько километров. Там он бесцеремонно угощался рыбой из сушилок, чем приводил в ярость их владельцев. Все эти причины, а также интерес, проявляемый европейцами к косматой медвежьей шкуре, сразу же сделали его мишенью для уничтожения.

Можно лишь удивляться, насколько живучим оказался белый медведь в подобных условиях. Тем не менее его популяции в южной части Ньюфаундленда резко сократились уже к концу XVII века, когда о нем стали ходить всякие небылицы. Барон Ла-

хонтан, например, писал в 1680 году: «Белые медведи — это чудовищные звери... они настолько свирепы, что нападают в море на шлюпку с семью-восемью рыбаками на борту... Я никогда не видел их, за исключением одного медведя... который определенно разорвал бы меня на куски, если бы я не выследил его на приличном расстоянии и не имел достаточно времени, чтобы убежать под укрытие Форта-Луи в Пласеншии [на юго-восточном берегу Ньюфаундленда]».

Как ни парадоксально, уничтожение европейцами «водяных» медведей в южном и восточном районах залива Св. Лаврентия привело к противоположному результату на северном берегу залива. К западу от пролива Белл-Айл лежала Страна Белых Медведей. Их было там множество, чему способствовало обилие пищи: зимой и ранней весной — легкодоступные стада гренландского тюленя и хохлача, в течение всего года — длинномордого и обыкновенного тюленя, а также молодых моржей. Поздней весной на бесчисленных прибрежных островках медведи лакомились яйцами и птенцами морских птиц. В реках весной и осенью косяками ходил лосось, а в устьях рек можно было пожить треской и камбалой. На суше медведи питались ягодами и другой растительной пищей. Во времена аборигенов случалось, что белые медведи устраивали грандиозные пиршества у выброшенных на берег китовых туш.

В XVI веке китовым промыслом у северного побережья залива Св. Лаврентия стали заниматься баски. На берегу появилось такое количество китовых туш, что даже все белые медведи восточного побережья Северной Америки не смогли бы справиться с этим даровым угощением. Образовавшийся избыток пищи, видимо, и привел к «демографическому взрыву» популяции белого медведя. Их там развелось столько, что весь этот регион стал приобретать репутацию опасной зоны.

Если эта репутация и не была при-

думана хитроумными басками, чтобы отпугнуть конкурентов от мест чрезвычайно выгодного китобойного промысла, то, уж во всяком случае, баски способствовали ее распространению. Особенно дурной славой из-за белых медведей пользовался остров Антикоста в самом центре китобойного промысла басков. В первой четверти XVII века, как поведал нам о том Шамплейн, даже местные жители избегали появляться вблизи этих мест, ибо, «по их словам, там встречаются очень опасные белые медведи». Другой француз, преподобный отец Сагард, проплывая мимо острова в 30-х годах XVII века, отмечал: «Как говорят, на острове Антикосты обитают огромного роста белые медведи, которые едят людей».

Так или иначе, бесплатные завтраки, которыми баски в течение столетия снабжали белых медведей, обернулись для последних сомнительным благодеянием. Когда в начале 1600-х годов количество китовых туш поубавилось, белые медведи были вынуждены начать борьбу за существование. К тому же изобилие зверей пробудило меркантильные интересы французов, которые к этому времени снабдили ружьями индейцев северного побережья и склонили их к занятию пушным промыслом. С ружьями в руках аборигены одолели белых медведей, быстро отвыкнув относиться к ним с традиционным уважением после того, как поняли, что медвежьи шкуры можно обменять на безделушки и бренди на французских факториях. К началу XVIII века местные белые медведи как с острова Антикосты, так и со всего побережья залива были преданы забвению вслед за их собратьями с острова Ньюфаундленд.

Несколько дольше они смогли продержаться в районе пролива Белл-Айл. Еще в 1707 году французский коммерсант Куртеманш считал, что белые медведи — обычное для этих мест явление. Однако уже к 1766 году все, что мог услышать о белых медведях побывавший в этом районе известный английский натуралист Джозеф

Бэнкс, — это рассказ о том, как однажды видели самку с двумя детенышами по Ньюфаундлендскую сторону пролива.

Белые медведи еще удерживали свои позиции по Атлантическому побережью Лабрадора, пока его не наводнили европейцы. В 1775 году купец из Моравии Йенс Мунк, плававший вдоль этого побережья до Дейвис-Инлет, сообщал: «На этой земле изобилие оленей, лисиц, белых и черных медведей». Однако один из лучших отчетов о жизни белого медведя на Атлантическом побережье Америки оставил нам капитан Джордж Картрайт; он первым из европейцев создал на юге Лабрадора «колонию» — факторию с почтой, заготовкой рыбы и тюленей и прочими делами, на которых можно было заработать лишний фунт.

Картрайт эксплуатировал несколько лососевых промыслов, один из них — в заливе Сандвич на реке Белого Медведя, названной им так не случайно: здесь белые медведи вели свой, не менее интенсивный промысел рыбы. Вот сокращенный вариант его отчета о посещении соседней речки Игл 22 июля 1778 года:

«Примерно в полумиле вверх по реке я набрел на стремнину. Отсюда я увидел, как несколько выше по течению белые медведи ловили рыбу. Я подождал, пока они подплывут поближе, и вскоре самка с маленьким медвежонком, проплыв мимо меня, вышла несколько ниже на противоположный берег. Медведица сразу направилась к лесу, а медвежонок уселся на камень. Я выстрелил в него с расстояния около ста двадцати ярдов, и он свалился на землю, но тут же поднялся и пополз в лес, откуда до меня донеслись его жалобные стоны: я понял, что жить ему осталось недолго.

Звук выстрела моего ружья заставил еще нескольких медведей пуститься вплавь вниз по течению, и вскоре передо мной проплывала другая самка с полуторагодовалым детенышем. Я убил ее выстрелом в голову. Медве-

жонок, увидев меня и поняв, что я явился причиной гибели его матери, яростно бросился в мою сторону. Но прежде чем он успел отомстить за гибель своей матери, я всадил поряdochный заряд дроби в его правый глаз, что заставило его закрыть и левый. Не успел он снова его открыть, как опять бросился на меня, обезумев от ярости и боли. Как только он приблизился к берегу, я выстрелил из второго ствола. Заряд почти ослепил его, теперь вся его голова была в крови; натываясь головой на камни и деревья, медвежонок удалился в лесную чашу.

Тут я увидел еще одну пару медведей — самку с детенышем, только что вылезших из воды в ярах шестидесяти выше по берегу и свирепо оглядывавшихся по сторонам. Пока медведи прошли несколько ярдов по направлению к лесу, медведица не спускала с меня строгого взгляда. Я знал, что стрелять в нее значило подвергнуться серьезному риску — ведь ее сопровождал полторагодовалый медвежонок, но не смог воспротивиться соблазну. Мне повезло: пуля попала ей прямо в сердце и свалила ее на землю. Однако она нашла в себе силы снова подняться на ноги и добежать до леса, где я вскоре нашел ее мертвой и без детеныша.

От подошедших ко мне капитана и матроса я узнал, что они стреляли в первую проплывшую мимо меня медведицу, после чего она добралась до небольшой пустынной возвышенности недалеко от леса, где и умерла от полученной раны.

Оставив их свежевать тушу убитой медведицы, я направился вверх по реке и набрел на большой живописный водопад. Там я удобно расположился на голых камнях, чтобы полюбоваться красивым зрелищем и наблюдать за несколькими белыми медведями, попавшими в поле моего зрения.

Непродолжительное наблюдение было прервано появлением белого медведя: старый самец вылез справа от меня из ольховника и медленно

направился в мою сторону, опустив глаза к земле и едва не касаясь ее носом. Опершись локтями о камень, я нацелил на него свое ружье и, позволив ему приблизиться ко мне на пять ярдов, нажал на спусковой крючок. Пуля, попавшая в самую макушку, убила его наповал, но, упав, он скатился вниз по гладкому каменистому берегу в реку.

Оглядевшись вокруг, я увидел еще одного такого же громадного медведя, который осматривался, наполювину высунувшись из воды. Заметив меня, он тотчас же изо всех сил поплыл в мою сторону. Я был не готов к этой встрече и кинулся в лес, чтобы там перезарядить мое безотказное ружье. Пока я был занят этим делом, медведь нырнул в воду и поймал лосося, которого он затем пару раз подбрасывал в воздух, чтобы снова поймать его в воде. Когда я вышел из леса с заряженным ружьем в руках, я увидел, что медведь стоит в воде и, опираясь передними лапами о камень, с жадностью пожирает пойманного лосося. Прокравшись через кусты, я вышел прямо на него и прервал его завтрак, свалив зверя выстрелом пониже правого уха. Какое-то время мне казалось, что медведь находится в состоянии агонии, однако в конце концов он пришел в себя настолько, чтобы выйти на берег и уйти, пошатываясь, в лес.

Никогда в жизни я так не жалел, что не захватил с собой достаточно патронов, как в этот день самой великолепной охоты, которая когда-либо выпадала на долю охотника. Я уверен, что мог бы с легкостью уложить еще четыре-пять пар медведей. Их было очень много — мне самому удалось насчитать тридцать два, хотя их наверняка было намного больше, ведь после обильной трапезы они обычно отправляются в лес спать.

Располагая всего двумя оставшимися зарядами, не считая тех, которыми было заряжено мое ружье, я счел благоразумным вернуться на судно и подождать там прихода остальных людей. Вскоре они вернулись, так и не

сумев освежать плавающую на воде тушу второго убитого медведя: они не смогли даже приподнять с плоского камня его мертвую голову. Нам показалось, что этот медведь весил никак не меньше 1200 фунтов: величиной он превосходил самого большого быка, которого мне когда-либо пришлось видеть. Да, таким вот разочарованием закончился самый большой охотничий день в моей жизни: нам досталась всего лишь одна шкура, хотя мы и убили шестерых белых медведей».

Картрайт встречал белых медведей во все сезоны года. В конце апреля 1776 года один из его спутников «видел следы почти ста белых медведей, недавно переправившихся через залив Сандуич». Он сообщал также, что одиночные звери все еще попадались на Ньюфаундленде. Вероятно, медведи производили на свет детенышей в южной части Лабрадора, поскольку Картрайт не только правильно указывает на время появления приплода, но и упоминает про самок с медвежатами. Рассуждая о возможности возделывания земли на Лабрадоре, он замечает, что было бы трудным делом «защититься от нападений белых медведей и волков», которые, очевидно, были главными хищниками в этом районе. Интересно отметить также не только большое число белых медведей, обитавших на Лабрадоре во времена Картрайта, но и факт их сосуществования с шестьюстами инуитами (индейцами) и с еще более многочисленным племенем индейцев наскопитов. Однако, как и в других местах, сосуществовать им здесь с европейцами оказалось весьма затруднительно.

По мнению ортодоксально мыслящих биологов, все белые медведи, обитающие по Атлантическому побережью к югу от Гудзонова залива, относятся к *полярным* медведям, то есть к обитателям арктической зоны. Привычная логика подсказывает им, что эти медведи волей-неволей дрейфуют на юг с арктическим паком

(многолетним льдом), охотясь на тюленей вдали от суши до тех пор, пока лед под ними не растает, после чего им приходится вплавь добираться до ближайшего берега. Согласно такому сценарию, медведи, ступив на твердую землю, отправляются, послушные инстинкту, обратно к своему арктическому дому. В случае неудачной высадки на берег, скажем в Новой Шотландии, им предстоит пройти по суше более полутора тысяч километров, если мерить это расстояние пролетом диких гусей.

Подобная гипотеза странствий медведя выглядит в какой-то мере правдоподобной, поскольку в наше время медведи, встречающиеся вдоль Атлантического побережья, почти наверняка являются пришельцами из арктических или субарктических регионов — по той простой причине, что их эндемическая популяция на Атлантическом побережье давным-давно истреблена.

Следует начисто отвергнуть возможность «ледовых дрейфов» белых медведей по пути действительной миграции их далеких предков, ибо сегодня они были бы сразу же уничтожены по прибытии на место. Более того, упомянутое ортодоксальное объяснение обилия белых медведей в былые времена на юге еще менее приемлемо, поскольку оно подразумевает циркуляцию большой массы медведей, каждый год несколько месяцев бесцельно дрейфующих со льдами на юг лишь для того, чтобы затем снова столько же месяцев с трудом пробираться обратно на север по скалистому побережью. Круглогодичная карусель подобных масштабов, свойственная пернатым, оказалась бы губительной для таких больших животных, как белые медведи, не говоря уже о недостатке в этом случае времени и условий для продления их рода.

Шаткость аргументации, отвергающей южную популяцию, заключается, во-первых, в утверждении, что полярный медведь приспособлен исключительно к жизни в северных регионах и, следовательно, не мог бы аккли-

матизироваться где-либо еще; во-вторых, в сложившемся убеждении, что раз он сейчас обитает только в полярных районах, значит, это всегда было именно так, а не иначе. Но как тогда быть с этой специфической арктической адаптацией? Возьмем, например, окраску. Белый цвет дает очевидное преимущество животным, которые проводят большую часть своей жизни среди льдов и снегов. Зимой полярный медведь *действительно* белый. Но ведь зимой белые и американский заяц-беляк, и ласка, а летом они, как известно, меняют окраску своего меха на коричневую. При этом их ареал простирается на юг до Новой Шотландии. И у белого медведя летом мех приобретает грязновато-желтый оттенок, хорошо маскирующий его у береговой линии как на бесснежном летнем севере, так и на юге, куда охотники прокладывают путь следом за медведями.

Другой фактор, предположительно ограничивающий адаптацию белого медведя, — то, что он может обитать только там, где в изобилии водятся тюлени (подразумевается, что такие условия существуют лишь в Арктике и Субарктике). Но в том-то и дело, что с апреля по декабрь тюлени появляются почти в неисчислимых количествах у Ньюфаундленда, южного побережья Лабрадора и в заливе Св. Лаврентия. Далее, белые медведи питаются любыми видами тюленей, а во времена аборигенов серый и обыкновенный тюлени в изобилии водились не только в упомянутых водах, но даже южнее полуострова Кейп-Код. Здесь уместно упомянуть, что в рацион белого медведя вовсе не входят одни лишь тюлени. На деле белый медведь — один из самых неразборчивых едоков в царстве животных.

Выдвигается также довод, что для беременных самок белых медведей нужны глубокие сугробы, чтобы они могли устроить в них берлоги, и поэтому, мол, за пределами арктических регионов их воспроизводство совершенно невозможно. Но, как мы вскоре

убедимся, белый медведь всегда был не большим пленником Арктики, чем, скажем, кит, морж, белуха, тундровый волк, песец или десятки других видов животных, уцелевших в наше время в районах арктического пояса лишь потому, что в других местах мы их просто истребили.

Весной 1969 года орнитологи Канадской службы охраны диких животных, занимавшиеся поиском с воздуха гнездовий диких гусей примерно в сорока милях от Черчилла в провинции Манитоба (вблизи места, где я впервые познакомился с белым медведем), с удивлением обнаружили «полярных медведей в таком количестве, что казалось, будто они заполнили собой всю эту территорию». А следующей зимой исследователями были обнаружены пятьдесят вырытых в земле берлог, занятых самками медведей с детенышами.

Это было только началом одного из самых необычайных открытий нашего времени из жизни млекопитающих. Серия аэрофотосъемок обнаружила существование «зон» полярного медведя, простирающейся более чем на 800 километров к югу от мыса Черчилла почти до нижней оконечности залива Джеймс, где постоянно обитали не менее 1500 этих животных, включая 600 кормящих самок с детенышами. Столь массовое скопление белых медведей было само по себе удивительным, но еще большее удивление вызывало то, что они жили на юге Лабрадора, находящегося на той же широте, что и город Калгари в зоне прерий.

Не менее поразительно, что такая огромная популяция — а она составляла около одной десятой мировой численности белых медведей — оставалась незамеченной столь долгое время. Отчасти это объясняется тем, что никто не ожидал встретить *полярных* медведей так далеко на юге. Однако главной причиной являлась сама природа заболоченных земель, известных под названием Низины Гудзонова залива. Это — заболочен-

ная полоса береговой тундры, граничащая с западным побережьем залива Джеймс и простирающаяся на север почти до мыса Черчилл. В ее глубине можно встретить места, поросшие черной елью; равнинный ландшафт перемежается отдельными озами, древними намывными береговыми террасами и мерзлотными буграми пучения, в которых белые медведи роют свои берлоги. Практически недоступный летом из-за своей заболоченности, этот район со стороны моря окаймлен неприступной полосой илистых и каменистых низменностей, периодически заливаемых приливами. Местами они простираются в глубь суши от «берега» километров на пятнадцать. В прошлом даже местные жители относились к Низине так же, как бедуины относятся к безводной аравийской пустыне. Европейские торговцы и трапперы обходили Низину, считая ее никчемной пустошью.

С июля по декабрь включительно, когда залив Джеймс и Гудзонов залив свободны ото льда, медведи остаются на берегу и ведут праздный образ жизни: спят, играют, устраивают берлоги, питаются ягодами, травой, бурыми водорослями, мелкими членистоногими, не вставшими еще на крыло утками и гусями, рыбой, а также дарами моря, которые они подбирают на обширных низменностях.

Наиболее плотно населяют медведи побережье, хотя случается, что отдельные особи удаляются километров за 160 от моря, и тогда там с вертолета можно увидеть забавное зрелище: белые медведи, пытающиеся спрятать свою массивную тушу за тощими стволами елей.

В ноябре почти все взрослые особи, за исключением беременных самок, направляются к берегу. Там они собираются в группы и ожидают ледостава, чтобы начать охоту на тюленей. В ноябре 1969 года авиационная фотозаписка насчитала около трехсот медведей у мыса Черчилл и еще несколько сотен у береговой линии

южнее — рекордное количество медведей, когда-либо замеченное в одном районе.

Беременные самки встречаются зимой в безопасных материнских берлогах, нередко используемых медведями уже не одно столетие. Эти вырытые в земле логовища часто имеют несколько камер с отверстиями для вентиляции. В них в конце декабря — начале января рождаются детеныши — обычно двойняшки, — голые, еще не сформировавшиеся существа размером с морскую свинку; им предстоит подрастать в берлоге до конца марта.

Зимой медведи кочуют в погоне за тюленями (преимущественно лактаком и нерпой), однако радиосигналы от датчиков, укрепленных на медвежьих ошейниках, показали, что эти путешествия можно считать кочевьями лишь условно, поскольку они ограничены в основном ледяными полями южной части Гудзонова залива, и меченые животные лишь в редких случаях удаляются в поисках пищи за несколько сот километров от своего «дома». При очевидном изобилии пищевых ресурсов эти «южане» обычно крепче и здоровее своих полярных собратьев и образуют популяции большей плотности.

Отдельные маммологи, принимавшие участие в исследованиях медведей Низины, в частных беседах допускают, что в свое время белые медведи постоянно обитали в Охотском море, в западной части Тихого океана (известно, что они размножались на Курилах, Сахалине и Камчатке), а также в районах Алеутских островов, юго-восточной части Аляски и даже северо-восточного побережья Атлантики, включая залив Св. Лаврентия. Собранные факты подтверждают обоснованность такого заключения⁵⁹.

В первое десятилетие XVII века европейцы устремились к северу от своего континента в алчном желании добыть ворвань — черное золото той эпохи. Вскоре был открыт архипелаг Шпицберген, и к середине столетия его воды уже бороздили десятки кито-

бойных судов. Это были предшественники набиравшего силу флота, залившего в последующие века северные воды кровью морских млекопитающих в результате беспримерной бойни, о которой речь пойдет в следующих главах.

В списке жертв на первом месте оказались киты, моржи и тюлени. Однако китобои и зверобои, промышлявшие тюленя, быстро усвоили, что из туши взрослого белого медведя можно получить до двенадцати галлонов хорошей ворвани. Кроме того, огромная лохматая шкура уже давно вошла в моду европейских аристократов, жаждавших устлать коврами из медвежьих шкур холодные каменные полы своих дворцов и замков. Поэтому уже с самого начала северного мореплавания зверобои стали убивать белых медведей при первой возможности. Но систематическая охота на них началась не ранее конца XVIII века отчасти потому, что огнестрельное оружие того времени еще было довольно примитивным, чтобы без опаски вступать в единоборство с таким громадным зверем, как белый медведь. Тем не менее уже к началу 1800-х годов появление новых, более смертоносных видов оружия «помогло» белому медведю приобрести статус главного охотничьего трофея.

По мере истребления других морских млекопитающих возрастал интерес к охоте на белых медведей. Опытные капитаны направляли свои суда в облюбованные этими животными места и систематически убивали всех попадавшихся на их пути медведей. Излюбленным приемом была засада хорошо вооруженных людей возле туши убитого кита. Однажды во льдах возле восточного побережья Гренландии команда зверобойной шхуны ухитрилась за один раз убить тридцать белых медведей, используя в качестве приманки тушу мертвого кита.

Год от года ширились масштабы бойни. Китобои из Новой Англии, промышлявшие в 1790-х годах у берегов Лабрадора, убивали каждого встре-

ченного ими белого медведя, а также скупали шкуры белых медведей у лабрадорских инуитов, которых они снабдили ружьями, превратив их тем самым в охотников, промышляющих медведей круглый год. К началу 1800-х годов сие возымело двойное действие: племя инуитов сократилось наполовину вследствие подхваченных от китобоев болезней, а *нанук*, как называли инуиты белого медведя, стал вымирающим видом на всем побережье Лабрадора, где всего за полсотни лет до этого Картрайт удивляло их изобилие.

Повинны в том были не только инуиты. Рыбаки, трапперы, торговцы и даже миссионеры лавиной хлынули на Лабрадор, и каждый из них стремился убить каждого увиденного им медведя. К 1850 году видели лишь нескольких белых медведей, да и те, что называется, были взяты на мушку. Сохранилось упоминание о паре детенышей, пойманных живыми на острове Скуэр-Айлендс в южной части Лабрадора. Это позволяет сделать вывод, что в 1850 году немногие оставшиеся в живых медведи еще приносили потомство. Впрочем, вскоре там не осталось в живых ни одного медведя.

Некогда многочисленная и полнокровная популяция белого медведя на северо-восточном побережье была полностью истреблена. В ту пору началось массовое уничтожение белых медведей почти во всех районах их обитания. После того как добытчики ворвани прикончили гренландских китов в Арктике, они переключились на белых медведей. Последствия были поистине ужасными. В 1906 году команда одного норвежского судна всего за одно лето уничтожила в водах Гренландии 296 белых медведей. В «промысловые сезоны» 1909 и 1910 годов британские китобои убили в арктических водах у берегов Канады 476 белых медведей, перетопив их жир в ворвань. Тем временем китобой-янки произвели подобное же опустошение среди белых медведей в северной части Тихого океана.

Прекращение китобойного промысла в Арктике не принесло заметного облегчения оставшимся в живых медведям. Норвежские, шотландские и ньюфаундлендские промысловики в погоне за стадами гренландского тюленя и тюленя-хохлача у Ньюфаундленда, Лабрадора и Гренландии убивали каждого попадавшегося на их пути медведя. Но это было не единственной причиной постигшего белых медведей бедствия.

Еще в 1820 году Европу и Америку охватила мания арктических исследований. Экспедиция за экспедицией отправлялись на Север: одни хотели отыскать легендарные Северо-Западный и Северо-Восточный проходы, другие пытались достичь Северного полюса, одни — во имя науки, другие — ради спортивного интереса. И все они считали себя вправе делать все, что им заблагорассудится с любым представителем животного мира, встретившимся на их пути.

Вот как в 1909 году Эрнест Сетон-Томпсон характеризовал их отношение к белым медведям: «У арктических путешественников стало привычкой убивать всех попадавшихся им полярных медведей. Причем не имело значения, нужны ли им были медвежьи туши или нет. В последние годы масштабы этого бессмысленного кровопролития еще более возросли, поскольку возросло число путешественников и их оружие стало еще более смертоносным. Один арктический исследователь рассказал мне, что он сам убил 200 полярных медведей, а воспользовался лишь несколькими».

Типично и поведение Роберта Пири, одного из двух американцев, претендовавших на открытие Северного полюса. В качестве главных источников пищи, топлива и одежды он использовал для нужд экспедиции таких крупных животных, как карибу (северных оленей), моржей, овцебыков и медведей. На заключительных этапах экспедиции он насильственно привлекал к себе на службу целые отряды инуитов вместе с сотнями собачьих

их упряжек и заставлял как членов экспедиции, так и инуитов ставить капканы или отстреливать любого и каждого пушного зверя, чью шкуру можно было продать в Соединенных Штатах, в том числе и в первую очередь белого медведя.

Опустошение арктическими экспедициями и без того не слишком многочисленных млекопитающих северо-западной Гренландии и острова Элсмир было столь велико, что в некоторых районах не осталось крупных животных, вследствие чего от голода вымерли несколько племен инуитов. Только экспедициями Пири было уничтожено не менее 2000 медведей. Добыть как можно больше белых медведей стало уже само по себе заветной целью многих так называемых «исследователей». Вооруженные ружьями богачи из Европы и Соединенных Штатов проникали на частных и зафрахтованных судах в места, где еще скрывались белые медведи, стреляя в любого из них при первой встрече.

Некоторые «охотники» описывали свои «героические» подвиги и «отчаянную храбрость» при столкновении со «свирепым белым убийцей с Севера». Это в свою очередь подхлестнуло новую моду. С наступлением XX века шкура белого медведя с головой, ощерившейся длинноразюбой пастью, стала для тщеславных богачей символом преуспевания и стимулировала развитие нового вида коммерческой охоты. Она продолжается и поныне, только, пожалуй, стала более интенсивнее ввиду ее исключительной прибыльности. В 1964 году невыделанная шкура полярного медведя хорошего качества стоила 1000 долларов. В наше время за такую шкуру платят много больше.

К 1964 году коммерческая и «трофейная» охота на белых медведей с самолетов, снабженных лыжами, и аэросаней приняла такие размеры, что даже у самых тупых бюрократов из правительственных учреждений зародилась смутная тревога — что же будет с медведями, ставшими к тому времени *полярными* не только по на-

званию, но и по существу. Исключение составляет побережье Гудзонова залива — единственное место, где они еще сохранились.

В следующем, 1965 году было созвано первое Международное совещание по охране полярного (белого) медведя странами, в которых он обитает, — Канадой, Советским Союзом, США, Данией (от Гренландии) и Норвегией (от Шпицбергена), чтобы выяснить, есть ли реальные основания для беспокойства. Среди других важных выводов, к которым пришли эксперты, был и такой: «Интенсивная охота на белого медведя китобоями и зверобоями, которую они вели начиная с XVII века, вероятно, привела к сокращению его популяции». Эксперты не пришли к единой оценке размеров сокращения и — что важнее — количества оставшихся в живых белых медведей. Американские ученые называли цифру 19 000, советские — около 8000.

Еще менее точной была статистика ежегодной добычи. Канадская делегация полагала, что в пределах канадской территории «добывается около 600». Американцы считали, что их профессиональные охотники и охотники-спортсмены ежегодно убивают на паковом льду у берегов Аляски — в основном с самолетов — около тысячи белых медведей. Норвежские эксперты откровенно признались, что они не имеют представления о количестве медведей, истребляемых их соотечественниками.

За единственным исключением, ни одна из стран не считала, что существование белых медведей находится под угрозой. Исключением был Советский Союз, десятилетием раньше убедившийся в том, что белому медведю грозит опасность исчезновения, и с 1956 года взявший его под полную защиту.

В первые десять лет после упомянутого совещания уничтожение белых медведей продолжалось с прежней интенсивностью на Аляске, в Гренландии, Канаде, на Шпицбергене и особенно — в международных водах.

Согласно признанной оценке, к 1968 году ежегодно добывалось 1500 животных, хотя фактическая добыча, вероятно, превышала 2000. Подобное истребление этого вида животных, чьи самки рожают лишь через два года на третий, а в целом популяция во всем мире насчитывает менее 20 000 особей, ведет к их полному вымиранию. Несмотря на это, большинство стран, где обитают белые медведи, оставались безучастными к их дальнейшей судьбе.

В 1976 году правительство Канады опубликовало заявление о том, что белых медведей все еще «много и вполне хватает... Несмотря на международные споры относительно сокращения их популяций, в Канаде имеются излишки для промысла». Тем не менее, отмечалось с раздражением в заявлении, «для канадцев становится все труднее экспортировать ценные медвежьи шкуры из-за ограничений, введенных другими странами» (имелось в виду эмбарго на ввоз шкур животных, существование которых находится под угрозой). К их числу многие западные государства причисляют и белого медведя⁶⁰. «Позиция Канады, — говорилось в заключение этого документа, — акцентирует предпочтительность принципов рационального ведения промысла жестким формам охраны».

Ответственный за программу изучения полярного медведя специалист Канадской службы охраны диких животных добавил, что, по его мнению, запрет на отстрел белых медведей явился бы «чрезмерным протекционистским противодействием». Такой курс, пояснил он, затруднил бы проведение полезных научных исследований, отвечающее требованиям использования и воспроизводства запасов, препятствуя ученым в сборе биологических образцов (читай: убитых медведей). В данной ситуации, подчеркнул он, Канада занимает передовые позиции, определяя будущее полярного медведя.

Сущность этого будущего была раскрыта в другом официальном доку-

менте того же периода. Каждая невыделанная шкура белого медведя, с ликованием отмечалось в документе, приносит на международном рынке от 500 до 3000 долларов дохода. Следовательно, рекомендуемый канадскими учеными ежегодный отстрел 630 белых медведей в Канаде даст свыше миллиона долларов дохода только на одних шкурах плюс не меньше половины этой суммы будет выручено за продажу лицензий и обслуживание охотников из США, Европы, Японии и Среднего Востока. Чувство экономической выгоды и поддержка со стороны науки диктовали необходимость продолжать «сбор урожая».

И он продолжался. Хотя в 1972 году США запретили охоту на полярного медведя на Аляске, за исключением охоты местных жителей, необходимой для их существования, а год спустя и Норвегия по примеру Советского Союза полностью запретила охоту на белых медведей на своей территории, Канада, как и Гренландия, продолжает «собирать жатву». С 1973 года эти две страны фактически держат монополию на коммерческий — весьма прибыльный — промысел белого медведя. На 1984 год Канада установила квоту на отстрел 700, а Гренландия — 300 белых медведей. Япония, закупаящая до 95% «новомодных» мехов, платит за самую лучшую шкуру до 5000 долларов, а Южная Корея за один высушенный желчный пузырь белого медведя, используемый ими в медицинских целях, — до 3000 долларов. Кроме того, каждый охотник-спортсмен платит в среднем по 15 000 долларов за разрешение убить медведя*.

Но есть и хорошие вести. Провинция Онтарио, контролирующая большую часть побережья Гудзонова залива, учредила заповедник полярного медведя на западном берегу залива

Джеймс, и обитающие там медведи взяты под полную охрану. Провинция Манитоба, получающая хороший доход от туристов, приезжающих в Черчилл посмотреть на диких белых медведей, запретила охоту на них, сделав исключение только для местных жителей.

В Советском Союзе популяция белых медведей увеличилась настолько, что в отдельных местах, например на острове Врангеля, их численность приближается к первоначальной. Эмблема большого белого медведя стала символом благоразумного подхода к проблеме охраны животных в СССР, где, как и повсюду в мире, те, кто признает за животными право на существование, часто оказываются не в ладах с теми, кто считает, что животные на Земле предоставлены в их полное распоряжение и они могут чинить им добро или зло по своему усмотрению.

Белый медведь на северо-восточном побережье Америки сегодня не более чем быстро исчезающий призрак. С 1960 года, похоже, десятка два медведей проследовали по паковому льду в южном направлении, но не менее пятнадцати из них были перехвачены норвежскими зверобоями и убиты «в порядке самозащиты». Весной 1962 года один медведь, ускользнувший от промысловиков, забрел в припортовый поселок Роз-Бланш на юго-западном берегу Ньюфаундленда. Внезапно появившись со стороны сельского кладбища, он вызвал такую панику, что все жители быстро разбежались по домам. Не обратив на них никакого внимания, медведь добрался до воды и поплыл к входу в гавань, где встретил двух человек в рыбацкой плоскодонке. Пронзительными криками и ударами весел о планширь им удалось заставить медведя изменить направление — он решил было плыть к противоположному берегу гавани. Но люди определили его. Бешено работая веслами, рыбаки быстро добрались до амбара, схватили ружья и все-таки успели убить медведя, который

* К откровенному возмущению Канады США объявили теперь полярного медведя видом, существование которого находится под угрозой, и запретили импорт медвежьих шкур, что, возможно, умерит рвение американских охотников — любителей трофеев.

в нерешительности стоял в воде, не зная, в какую сторону ему податься.

Еще одна встреча произошла 9 мая 1973 года на восточном побережье Ньюфаундленда. Молодой раненый медведь забрел на окраину поселка Нью-Челси поблизости от Хартс-Контента. Он никому и ничему не угро-

жал, но тем не менее был встречен, как уже много лет подряд встречают его сородичей, ружейным огнем.

«Он брел вон по той дороге, словно большой окровавленный призрак», — вспоминал один из очевидцев его гибели.

Воистину. Большой Белый Призрак.

Глава 7

Бурые и черные

Жили-были три медведя: белый, бурый и черный...

Что произошло с белым, нам известно. Посмотрим теперь, что же случилось и происходит с остальными.

Если история замалчивает факт былого существования белого медведя на Атлантическом побережье, то о его собрате — другом медвежьем гиганте — забыли вообще. В те времена, когда европейцы впервые появились в Новом Свете, огромные бурые медведи водились на территории от Мексики до Аляски. Бурого бродягу можно было встретить и на Великих равнинах до Миссисипи и Манитобы на востоке и по всему арктическому региону от Тихого океана до Атлантического. Его не было лишь в лесах на востоке, и белые пришельцы, вторгшиеся в южную часть континента, столкнулись с ним, только когда проникли в район Миссисипи, около 1800 года. Однако еще за сто лет до этого в районе Гудзонова залива торговцам попадался на глаза громадный зверь, которого они прозвали «серым медведем» или «медведем гризли». С тех пор ему давали различные имена: «серебристый», «рыжий»,

«серый», «гризли», или «седой»*, но прочнее всего к нему пристала кличка «гризли»⁶¹: так его прозвали за светло-серую меховую мантию, украшающую его большую круглую голову и массивные бугристые плечи.

Подобно своему белому собрату, гризли — самый крупный хищник на континенте. Взрослый самец достигает полтонны веса и может показаться довольно страшным зверем, если он встанет на задние лапы, чтобы посмотреть с высоты своих двух с половиной метров на какого-то недомерка в образе человека.

Обычно гризли относится к людям терпимо, если только его не ранят, не преследуют или не вынуждают встать на защиту своих детенышей; тем не менее большинство коренных жителей до появления у них огнестрельного оружия побаивались гризли и старались его не раздражать. Поселенцы же из Европы считали всех медведей без исключения врожденно коварными и опасными хищниками, которых следовало убивать

* Даже в ограниченных районах окраска бурых медведей очень различна — от почти черной до светло-палевой. — *Прим. перев.*

при первой встрече, причем именно гризли вызывали у поселенцев особую враждебность.

Хозяева ранчо безжалостно расправлялись с гризли — стреляли, ставили на них капканы и травили ядами, считая их виновными в гибели овец и крупного домашнего скота. Подобные обвинения были и остаются сильно преувеличенными. Когда их проверяли, то часто выяснялось, что гризли довольствовался тушами животных, павших от естественных причин или убитых другими хищниками. Но если бы поселенцы даже признали это обстоятельство, они вряд ли изменили бы свое отношение к гризли. Медвежий гигант навлек на себя злейшую ненависть современного человека, нетерпимого к любому другому существу, которое, как ему кажется, может бросить вызов его владычеству.

На западе страны гризли был уничтожен менее чем за сто лет с того времени, когда его обнаружили в местах фермерских поселений. Сегодня он продолжает существовать разве что в национальных парках или в далекой дикой местности. Он и поныне считается одним из самых желанных призов охотников за трофеями — этого странного племени, для которого, похоже, самое большое удовольствие — убить крупного зверя ради украшения гостиной его головой в качестве мрачного свидетельства склонности ее обладателя к махизму.

Другой довольно веской причиной уничтожения большого числа этих громадных животных было убийство их в «научных целях». Печальная участь гризли представляет, пожалуй, непревзойденный пример бесчеловечности во имя науки.

В последней половине XIX века и еще долгие годы в XX «высшим авторитетом» по североамериканским медведям считался американский маммолог д-р К. Харт Мерриам. Находясь на Службе биологических исследований США, он завоевал это признание, посвятив всю свою научную карьеру сбору и изучению шкур и черепов медведей гризли с целью разра-

ботки сложной систематики их видов и подвидов. Результаты своих исследований он опубликовал в 1918 году.

«В моем «Предварительном обзоре» [я выделил] восемь медведей гризли и больших бурых медведей, в том числе пять — [доселе неизвестных науке]. Я не подозревал, что число тех, которых мне предстояло определить, окажется столь велико. Постоянный приток образцов благодаря усилиям Службы биологических исследований и поддержке со стороны охотников пролил свет на многие неясности... и начиная с весны 1910 года в мое распоряжение был выделен фонд, позволивший в достаточной мере вознаграждать охотников и трапперов за сбор необходимых образцов. В результате национальная [американская] коллекция медведей гризли непрерывно пополнялась... и в настоящее время значительно превосходит все остальные коллекции мира, вместе взятые.

Тем не менее... изучение этих больших медведей далеко не завершено... Потребуется убить еще многих скитающихся в дикой местности медведей и отправить их черепа и шкуры в музеи, прежде чем будут полностью установлены их признаки и разновидности и станет возможным составить точные карты районов их обитания. Лица, обладающие средствами и мечтающие поохотиться на крупного зверя, могут не сомневаться в абсолютной необходимости поставки обширного дополнительного материала для разрешения остающихся сомнений [в отношении рас и видов]».

В чем преуспел добрый д-р Мерриам, так это в разделении всех медведей гризли на семь видов и семьдесят семь подвидов, пятьдесят восемь из которых получили название по имени ученого. Увы — амбиции ради. Современные ученые опровергли большинство его открытий, а карты районов обитания гризли, которые, по мнению Мерриама, можно составить с необходимой точностью, только если убить много животных для сбора «образцов», стали картами кладбищ,

где догнивают безымянные кости основной массы североамериканской популяции гризли.

Зато свыше 9000 «образцов», добытых с помощью «охотников-натуралистов» и тщательно хранимых в научных запасниках, дожидаются того дня, когда еще какой-нибудь д-р Мерриам предпримет новую ревизию видов и подвидов исчезнувшего животного.

Несколько веков подряд из бескрайних диких просторов полуостровов Лабрадор и Унгава доходили слухи о каком-то существе, которым, судя по описаниям, мог быть не кто иной, как гризли. Слухи подтверждались фактическими отчетами торговцев мехами о скупке у прибрежных инуитов или у индейцев глубинных районов шкур «серых», «грисли» или «медведей гризли». Однако, поскольку ни одна из этих шкур не попала в руки ученых или в музейные коллекции, накопившиеся доказательства существования гризли остались без внимания.

В 1954 году Ч. С. Элтон — эксперт из Оксфорда по вопросам динамики численности популяций животных — опубликовал свою работу, доказывающую, что гризли не только действительно *обитали* на большей части полуостровов Лабрадор и Унгава в прежние времена, но что они, возможно, существуют там и поныне. К сожалению, говорит Элтон: «Ни один белый человек ни разу не видел на этих просторах живого гризли, о котором рассказывают туземцы... [поэтому ученые] часто просто откладывали в долгий ящик проблему его существования и идентификации».

Решительное несогласие с точкой зрения Элтона высказал в 1948 году д-р Р. М. Андерсон, главный маммолог Национального музея Канады. «Полагают,— говорит он,— что в северном Квебеке или в Унгаве существует какой-то вид гризли или «большого бурого медведя», однако... ни одна особь... никогда не была изучена, поэтому я не могу быть уверенным [в его существовании], пока мне не

будет представлена его шкура с черепом и лапы с когтями, причем такой образец должен иметь родословную или выписку из документа, доказывающего его происхождение».

Сие саркастическое предписание Андерсона отстаивал и его преемник по должности д-р А. У. Ф. Бэнфилд. В 1974 году он выразил свое «хорошо продуманное мнение» о том, что в исторические времена в районе полуостровов Лабрадор и Унгава не было ни одной местной разновидности медведей гризли. «Доказательства по поводу существования гризли, основанные на слухах,— говорил он, рикшетом кивая на Элтона,— больше дезориентировали, чем направляли на истинный путь ученых, особенно это относится к рассказам о возможном существовании медведей на полуострове Унгава в северном Квебеке и на Лабрадоре».

Давайте мы все-таки коснемся вкратце доказательств, столь бесцеремонно отвергнутых Андерсоном и Бэнфилдом. У нас нет письменных сведений о том, что именно было известно первым поселенцам из Европы о большом буром медведе, но на карте мира, составленной Дессельером примерно в 1550 году, есть четкий рисунок двух медведей на припае у берега Лабрадора, сопровождаемый надписью на французском языке: «Медведи на льду». Оба зверя одинаковой величины, но один белый, а другой бурый. Третий медведь, тоже бурый, изображен на лабладорском массиве. Известно, что гризли тундры центральной арктической зоны довольно часто выходят на морской лед, где белые медведи чувствуют себя как дома, а черные если и появляются, то крайне редко.

Один из первых английских поселенцев на Лабрадоре, капитан Джордж Картрайт, отмечал, что там обитал один вид медведей, отличавшийся от белых и черных. Сам Картрайт никогда не проникнул в глубь Лабрадора и не видел этого странного медведя собственными глазами, однако, основываясь на том, что его пере-

ся убить медведя, приносят его шкуру в Форт-Шимо. А вообще-то они стараются его не трогать, питая к нему большое уважение и побаиваясь его крутого нрава и огромного роста».

К 1894 году в живых оставались, наверное, немногие гризли. Во всяком случае, с этого года Компания Гудзонова залива, кажется, не выменяла ни одной шкуры, а моравы — всего одну. Тем не менее около 1900 года частный торговец по имени Мартин Хантер, державший факторию на острове Антикости, приобрел несколько больших шкур бурого медведя. По словам Хантера, это были шкуры «огромных и очень свирепых животных. Одна шкура, которую я измерил, была размером 7×9 футов и имела не меньше одиннадцати дырок от пуль». Вполне возможно, что эти шкуры поступили из южного Лабрадора. Гарольд Хорвуд, писатель и натуралист из Ньюфаундленда, сообщил мне, что «местные жители Лабрадора, как белые, так и индейцы, определенно утверждают, что медведи [гризли] раньше встречались в юго-восточном направлении до хребта Мили, протянувшегося прерывистой цепью между городами Гус-Бей и Картрайт».

Американский путешественник Дилон Уоллес, прошедший часть зимы 1905/06 года в Форт-Шимо, прежде чем отправиться по суше к заливу Гамильтон, сообщал, что «очень большой и коварный бурый медведь, согласно преданию, обитает в тундре восточнее реки Джордж. Мистер Питер Макензи рассказал мне, что много лет назад, когда он работал в Форт-Шимо, индейцы принесли ему одну из медвежьих шкур, а Форд, торговый агент [фактории] «Джордж-Ривер», говорил, что лет двадцать спустя он видел кусок одной из этих шкур. Оба они утверждали, что шерсть на шкуре была очень длинной, светло-коричневого цвета с серебристым отливом, совершенно отличной по цвету от шерсти других медведей — белого или черного... Индейцы говорят о нем со страхом и убеждены, что он еще существует, хотя никто из них

не мог с уверенностью утверждать, что видел хотя бы одного медведя за последние десять лет».

Как полагает Элтон, остатки первоначальной популяции гризли после 1900 года владели жалкое существование в почти непроходимом треугольнике горной тундры в северной части Лабрадора к западу от хребта Торнгат. Этот район вполне мог служить «поставщиком» медвежьих шкур для моравских факторий зимой 1913/14 года. Шкуры обменивали инуиты, которые охотились в этой местности на карибу.

Этот огромный зверь, возможно, в последний раз попался на глаза людям в 1946 году в арктической тундре, когда экипаж низко летевшего самолета канадских ВВС обнаружил трех медведей примерно в полтора-два километра северо-западнее Шимо. Трио состояло из «одного довольно крупного бурого медведя и двух медведей поменьше». Пилот и штурман-наблюдатель, знакомые с северной фауной, утверждали, что это были не черные и не белые медведи.

Несмотря на эти и другие доказательства, ученый истеблишмент продолжал отрицать существование в далеком или недавнем прошлом местной популяции медведей гризли в районе Гудзонова залива. Впрочем, после 1975 года ученые перестали оспаривать этот факт. В том году, раскапывая остатки поселения инуитов конца XVIII века в Окак-Бей на Лабрадоре (неподалеку от места расположения моравской миссии и фактории), антрополог Гарвардского университета Стивен Кокс обнаружил хорошо сохранившийся череп медведя гризли.

Череп из Оаки принадлежал молодой самке и имел ряд странных особенностей, заставивших некоторых специалистов предположить, что продолжительное существование гризли в районе Лабрадора — Унгавы отдельно от их родственников, обитавших к западу от Гудзонова залива, привело к образованию какой-то новой расы. Скорее всего, мы так и не узнаем точ-

но, означала ли гибель наскопитского «мехташуи» конец новой разновидности. В чем мы действительно можем быть уверены, так это в том, что большой медведь гризли Унгава и Лабрадора канул в вечность.

Как полагал американский зоолог, ныне покойный д-р Франсис Харпер, много путешествовавший по Лабрадору, различимый вид северо-восточного гризли вымер в районе Унгава и Лабрадора после проникновения туда огнестрельного оружия. С одной стороны, индейцы и инуиты получили (от торговцев) средства для нападения на больших медведей, которые ранее чувствовали себя практически неуязвимыми. С другой стороны, появление огнестрельного оружия привело к массовому истреблению карибу в арктической тундре, и оставшиеся в живых медведи, питавшиеся в основном павшими оленями, понесли неизбежные потери от голода и сопутствующих ему болезней.

Какими мы были, такими и остаемся.

Немало медведей гризли все еще живут в национальных парках и на других охраняемых территориях. Однако даже там этот вид медведей не может чувствовать себя в безопасности перед лицом нарастающих требований «изгнать медведей» с обширных площадей многих национальных парков. Считается, что они представляют опасность для полчищ людей, направляющихся в парки, чтобы «вступить в контакт с природой».

Эти люди, видимо, хотят стерильного контакта с природой. И кажется, они его получают: национальные парки США и Западной Канады спешат «распорядиться» десятками и даже сотнями гризли. Иногда их просто отстреливают, порой заманивают в ловушки и вывозят в отдаленные районы, где кормовых ресурсов хватает только для сохранения местной популяции медведей. Бывает, что их изгоняют из национальных парков, за пределами которых с ними быстро расправляются профессиональные охотники, причем часть охотников

довольствуется лишь желчным пузырем, за который, как и в случае с белым медведем, покупатели с Востока платят большие деньги.

Везде, где только еще существуют популяции диких гризли, их уничтожают охотники-спортсмены или охотники-профессионалы. Уничтожают не только ради добычи, а и в соответствии с правительственными программами, рассчитанными на умиротворение охотников на карибу, лося, вапити и других оленей, снежную козу и снежного барана. Перебив чересчур много этих животных, охотники теперь сваливают вину за плохую добычу на медведей гризли и волков и требуют их полного истребления.

Угроза уничтожения нависла даже над остатками медвежьего клана в арктической тундре западнее Гудзона залива. Хотя на медведей номинально распространяется законодательство об охране природы Северо-Западных территорий Канады, их все еще разрешается убивать «в порядке самозащиты». Учитывая определенную репутацию, которой мы наделили гризли, любой охотник, белый или краснокожий, пожелавший убить медведя, может чувствовать себя свободным от преследований законом. В 1967 году, когда я путешествовал по западной Территории Канадской Арктики, я слышал о том, что восемь медведей гризли и какое-то число белых медведей были убиты, надо думать, в порядке «самозащиты». Разумеется, ни один такой случай властями расследован не был.

Оставшаяся популяция медведей арктических тундр насчитывает, возможно, не более 300 особей. Они не могут или не хотят жить возле мест активной человеческой деятельности, а в дальнейшем им еще предстоит испытать массовое «освоение природных ресурсов» в районах их традиционного обитания. В последние десятилетия часть медведей, по-видимому, переселится из арктических тундр в каменистую, дикую, сходную с лунным ландшафтом местность, расположенную севернее залива Честерфилд-

Инлет. Здесь они смогут обрести хотя бы временный покой. Однако этот весьма суровый край земли способен прокормить лишь очень немного животных.

Интересно, не будут ли в скором времени ученые-эксперты утверждать, что гризли арктических тундр, каково бы ни было его происхождение, является не более чем плодом досуговой фантазии?

В своей лоснящейся черной шубе грузный, но вместе с тем проворный барибал⁶³ играет двойную роль в придуманном современным человеком сценарии из жизни диких мест. С одной стороны, он кажется слегка комичным и довольно симпатичным существом, способным в то же время пощекотать нервы туристу-фотолюбителю, с другой — свирепым потенциальным убийцей, каким его видит через телескопический прицел своей мощной винтовки охотник-спортсмен, воображающий себя таким Даниэлем Буном*.

Таким образом, как ни парадоксально, черный медведь является одной из основных туристических достопримечательностей и в то же время он играет главную роль в «добычливой» охоте на крупного зверя.

Когда европейцы впервые появились на Североамериканском континенте, черные медведи в изобилии встречались на всей территории между Атлантическим и Тихим океанами, от верхней границы древесной растительности субарктики до Мексики включительно. Они населяли все Атлантическое побережье, за исключением острова Сейбл и островов Магдален, расположенных слишком далеко от материка, чтобы туда могли добраться эти, в сущности, наземные животные. Кроме того, на занимаемой барибалами территории их было так много, что первые поселенцы порою называли их «медвежьей чумой».

В 1750 году некто Томас Райт провёл несколько месяцев на необитаемом в то время острове Антикости. Позднее он поделился своими впечатлениями в небольшой книжке, в которой, в частности, говорилось, что «медведи — основные обитатели острова — столь многочисленны, что всего за шесть недель мы настреляли пятьдесят три штуки и могли бы при нужде настрелять вдвое больше... Эти животные так мало сталкивались с людьми, что не испытывали никакого страха, когда мы иной раз проходили совсем близко от них; да и сами они никогда не выказывали намерения напасть на нас, за исключением самок, которые защищали своих малышей».

Наблюдения Райта позволяют нам четко представить, каким был черный медведь — один из обыкновенных в те времена крупных млекопитающих — во времена первого появления европейцев: безопасный для человека и в то же время не боявшийся его. Что касается его былого изобилия, то оно подтверждается не вызывающими сомнения ранними свидетельствами из тех частей Новой Англии, которые стали нынешними приатлантическими провинциями Канады, а также с территории бывшей Новой Франции. Еще в 1802 году поселенцы, вновь прибывшие на берега реки Сент-Джон в провинции Нью-Брансуик, жаловались, что медведей было слишком много («леса просто кишат ими»), и в безотчетном страхе загоняли свою скотину на речные острова; женщины и дети отказывались покидать свои жилища без сопровождения мужчин, вооруженных ружьями или топорами.

Можно прикинуть примерную численность первоначальной популяции черного медведя. Около 1500 года к востоку от линии, проходящей с севера на юг через города Бостон и Квебек, обитало от 100 000 до 120 000 медведей. Будучи, по существу, лесными жителями, они, по-видимому, сохраняли стабильную численность в первые годы исследований прибреж-

* Американский исследователь и колонист (1735—1820). — *Прим. перев.*

ных районов и развития морского промысла. Но, когда люди начали интенсивно заселять этот район, число медведей в нем стало быстро идти на убыль.

Поселенцы и колонисты убивали медведей не только ради мяса, жира и шкуры. Они видели в них угрозу сельскому хозяйству. Если коренные жители относились к этим животным с уважением, граничащим с почитанием, то пришельцы приберегли *свое* уважение для их убийц. Наиболее удачливые охотники на медведя пользовались авторитетом как спасители поселений наравне с охотниками на индейцев. Они равнялись на Даниэля Буна, этого кровожадного мясника, уничтожившего ни много ни мало 2000 черных медведей и заработавшего на этом надлежащее место «героя» в американской мифологии.

Как и многие другие животные, черный медведь был постоянным объектом людской клеветы и злословия, хотя статистических данных, которые подтверждали бы его беспричинные нападения на человека, очень мало. Что же касается угрозы сельскому хозяйству, то согласно подтвержденным данным об ущербе, нанесенном фермерским хозяйствам округа Пис-Ривер провинции Альберта медведями одной из немногих сохранившихся стабильных популяций, он ежегодно составляет в среднем порядка одной десятой цента на доллар прибыли. Убытки происходят главным образом за счет разорения пчелиных ульев немногими животными, не способными противиться своему пристрастию к меду. Подавляющее большинство сообщений о нападениях *любых* видов медведей на домашний скот не выдерживало проверки, которая обычно подтверждала, что медведи питались уже павшими домашними животными.

Считая медведей закоренелыми убийцами их бедных овечек, жители острова Кейп-Бретон систематически доводили некогда огромное количество местных черных медведей до размера небольшой группы, огра-

ничивая ее распространение пределами национального парка. Но странное дело: медведей уничтожали, а потери овец не только не уменьшались, но достигали таких размеров, что овцеводство на Кейп-Бретоне стало практически убыточным занятием. Позднее выяснилось, что настоящими преступниками были (как, видимо, и прежде) одичавшие собаки.

Словом, и сейчас невозможно предъявить черному медведю обоснованное обвинение как виду, который-де серьезно препятствует хозяйственной деятельности людей. Несмотря на это, его продолжают преследовать. В 1956 году в провинции Квебек правительственные вознаграждения в размере 10 долларов за голову были выплачены за 4424 убитых черных медведей. Кроме того, охотникам, убившим наибольшее количество медведей, были вручены премии на общую сумму 9000 долларов. Большинство из них были убиты в отдаленных районах полуострова Гаспе и южной Унгавы, где они не могли причинить людям никакого вреда. Так или иначе, премии послужили приманкой для многих иностранных охотников-спортсменов, главным образом из Соединенных Штатов.

По щедрой оценке специалистов государственной Службы охраны диких животных, в настоящее время популяция черного медведя на всем восточном побережье Канады, включая большую часть восточного Квебека и всю Унгаву, насчитывает около 10 000 особей. Этот вид медведей считается полностью исчезнувшим на острове Принца Эдуарда и практически исчезнувшим в большинстве других населенных районов.

Каково будущее черного медведя? Цитирую брошюру, изданную недавно правительством Канады: «Использование и воспроизводство запасов охотничье-промысловых животных должно быть нацелено на поддержание популяций в отдаленных районах в интересах охоты и на ограничение их численности в более населенных районах, где возникает проблема

хищничества. Прежде считавшийся нежелательным хищником, причинявшим большие неудобства, черный медведь сейчас быстро завоевывает популярность в качестве призового охотничьего животного... Многим охотникам — любителям крупной дичи особенно импонирует весенняя охота — она дает им возможность поохотиться на крупного зверя, когда охота на других животных запрещена... В дальнейшем статус черных медведей как охотничье-промысловых животных будет, несомненно, укрепляться по мере роста людского населения и увеличения спроса на промысловые виды животных».

Небольшой, но яркий пример действительности подобной политики привела одна торонтская газета в августе 1981 года. Она писала: «В центральных и северных районах провинции Онтарио должностные лица Службы охраны природных ресурсов были вынуждены убить более 36 черных медведей, поскольку поздний урожай [диких ягод] вынудил медведей выйти из лесов и приблизиться к населенным районам». Вот так прилежные «хранители природы» заботятся о запасах охотничье-промысловых животных. Не мудрено, что эта должностная порода людей

не выходит у вас из головы и порой становится поперек горла.

«Более населенные районы», очевидно, включают в себя национальные парки. В период между 1950 и 1979 годами зрителями канадских национальных парков Джаспер и Банф были убиты 523 и насильственно изгнаны 547 черных медведей. Популяция черного медведя этих двух огромных парков в настоящее время «оценивается» всего в 300 голов. Принятая практика подчеркивает неизбежность господства людей в этих «природных заповедниках», а слишком большое количество медведей, черных или гризли, очевидно, вредит «активному отдыху гостей национальных парков». Вред, причиняемый диким животным человеком, разумеется, не в счет.

Воспользовавшись текущей оценкой канадской «потенциальной добычи» в 30 000 черных медведей в год, предложенной экспертами провинциальных и федеральных служб, охотники, надо полагать, смогут пролить достаточно крови в свое удовольствие... пока что. Но когда последние черные медведи уйдут вслед за своими белыми и бурыми собратьями, на кого же тогда обратят свой взор наши бедные охотники?

Глава 8

Носители мускуса

Почти все виды ценных пушных зверей северо-восточной Америки переживают падение численности, но, пожалуй, лучше всего будет рассказать об этом на примере так называемых мускусоносов (большинство из них — обладатели ароматических желез, выделяющих мускус): куницы, рыболова, горноста, выдры, росомахи и норки⁶⁴. Едва ли не все они высоко ценились за густой короткий мех, изделия из которого пользовались большим спросом у европейской буржуазии. Именно эти зверьки издавна обеспечивали постоянный приток пушнины из Нового Света.

Из всего этого семейства сначала наибольший интерес вызвала у покупателей куница. Величиной с небольшую кошку, она блистала роскошным одеянием из мягкого густого меха различных оттенков — от темно-желтого до красновато-коричневого, порой почти черного. Шкурки всех куниц всегда были в хорошей цене, особенно редкой американской куницы, мех которой стоил так дорого, что был доступен разве что членам королевской семьи.

Куница встречалась повсюду, где южнее границы тундры росли хвой-

ные леса, в том числе в большинстве штатов Новой Англии. Для хищника она отличалась необычайно высокой численностью, разумеется, пока ее добыча — в основном это были белки, кролики и другие мелкие млекопитающие — водилась в лесах в достаточном количестве.

В середине XVIII века Джосселин сообщал о «бессчетном» числе куниц в Новой Англии; в 1749 году два канатца с двумя индейцами добыли за одну зиму в районе реки Норт-Уэст-Ривер на Лабрадоре 400 куниц. Даже в 1902 году траппер-одиночка добыл 300 куниц в той части острова Антикости, которую еще не посещали охотники.

К середине 1700-х годов французы ежегодно экспортировали от 30 000 до 40 000 шкурок куниц, в большинстве своем попавшихся в капканы индейцев в Новой Шотландии и Нью-Брансуике. В то же время большие партии куных шкурок шли на экспорт из Ньюфаундленда и из колоний Новой Англии. В 1768 году капитан Картрайт писал о куницах Ньюфаундленда: «Эти создания заполонили весь остров, они чаще других зверей становятся добычей охотников на пушного

зверя... они следуют за людьми по каждой протоптанной ими тропинке; запах провизии привлекает их в людские жилища, [и таким образом] они становятся легкой добычей человека».

К началу XIX века куница, казавшаяся ранее неисчислимой, стала исчезать в результате хищнического промысла, и к концу 1800-х годов она была уже редким зверьком в восточной части Северной Америки, даже во внутренних районах Лабрадора. Джон Роуан рисует нам печальную картину истребления в 1870-х годах оставшихся экземпляров этих проворных маленьких хищников:

«В последние годы трапперы добывают куниц с помощью яда, закатанного для предохранения от непогоды в катышки жира. Случается, что какая-нибудь ворона взлетает с одним из таких катышков... и падает замертво на землю, где ее подбирает лисица. Таким образом, помимо животных, найденных трапперами, погибает много и других». В тот же период Токе сообщал с Ньюфаундленда: «Хотя раньше индейцы [из племени микмак] добывали их в огромном количестве, сейчас они встречаются редко».

В первые десятилетия XX века куница уже считалась исчезнувшей на острове Антикости и совершенно исчезнувшей с острова Принца Эдуарда. В 1950-х годах она пропала на острове Кейп-Бретон, почти со всей остальной территории Новой Шотландии и большинства районов Новой Англии и стала редкостью в восточном Квебеке и на Лабрадоре.

После этого были приняты некоторые меры по спасению куницы от полного ее истребления. Животное было взято под защиту на Ньюфаундленде и в Новой Шотландии, где, возможно, еще сохраняются остаточные популяции численностью в несколько десятков или сотен особей. Кроме того, пробовали вновь завезти этот вид в некоторые другие районы, включая Нью-Брансуик, где он ранее был полностью уничтожен. Однако,

лишившись привычных мест обитания, куницы уже в силу одной этой причины вряд ли смогут когда-нибудь восстановить свою численность или хотя бы приблизиться к ее первоначальному уровню.

Гибкая грациозная выдра — одна из самых привлекательных представителей млекопитающих нашего края. Сейчас ее встретишь не часто, не то что во времена первых контактов с людьми, когда этот многочисленный доверчивый зверек служил одним из главных источников пищи как рыбакам, промышлявшим летом треску, так и первым поселенцам. На восточном побережье нашего приморского региона обитают, по-видимому, две разновидности выдры, хотя официальная наука этого не признает. Та, что поменьше — обычно с коричневым мехом, — редко достигает более 1,2 метра в длину и водится в пресных водоемах. Другая — длиной 1,5 метра живет в морской воде и имеет такую темную окраску, что кажется порой совсем черной. Мои соотечественники с Ньюфаундленда и Лабрадора четко различают их не только по внешнему виду, но и по повадкам и качеству меха⁶⁵.

Во всяком случае, одна большая «морская» выдра вот уже несколько лет живет в моем владении на мысе острова Кейп-Бретон или рядом с ним. Она редко попадаетея мне на глаза, но зимой, по-видимому охотясь за кроликами, она пользуется тропами, проложенными в снегу моими снегоступами; следы, оставленные ею, почти вдвое крупнее следов «обыкновенной» выдры. Однажды летом 1977 года она вышла из леса на открытый берег и очутилась в сотне метров передо мной, когда я вышел на прогулку с моими тремя собаками. Они тут же рванулись за ней, но выдра не двинулась с места и, привстав на задние лапы, ожидала их приближения. Собаки в замешательстве остановились в нескольких метрах от нее, после чего выдра — сама величиной с собаку — с равнодушным видом спусти-

лась к берегу и, войдя в воду, неторопливо уплыла в море. Этот индивидуум, как и другие ему подобные, удаляясь от берега, ныряет на глубину в несколько сажень* за мидиями и гребешками. Чтобы разгрызть раковину и съесть моллюска, выдра располагается в уединенном местечке на продуваемой ветрами галечной отмели, где она и, конечно, ее предки оставили целую кучу пустых раковин. Подобного поведения я никогда не наблюдал у обыкновенных выдр.

Похоже, что первой от рук европейских пришельцев пострадала «морская» выдра. Приблизительно в 1578 году Антони Паркхёрст сообщал: «Выдру мы [рыбаки] можем добывать повсюду, ее здесь [так же много, как и медведей], — убивайте, сколько вашей душе угодно». В начале следующего столетия Дени писал: «Внешне она очень смахивает [на французскую выдру], но отличается от нее тем, что она... длиннее и темнее». Почти все ранние толкователи, говоря о выдре, употребляли слова «весьма обычна», «широко распространена» или «имеется в изобилии», причем, судя по контексту, речь идет о «морской» выдре. В 1768 году Картрайт писал о том, что выдра населяет острова, расположенные севернее Ньюфаундленда; в конце столетия охотники на пушного зверя, живущие на берегу залива Иксплойтс-Бей, усиленно ставили на нее капканы.

Пресноводная, или обыкновенная выдра привлекла внимание французов с самого начала их проникновения в глубь континента через систему реки Св. Лаврентия. По всей вероятности, своей численностью она не уступала морской. Примерно в 1680 году Лахонтан рассказал о месяце, проведенном им с отрядом индейцев в местности, где течет река Сагеней. За это время «дикари добыли 250 штук канадской выдры, лучшие шкурки которой... продаются во Франции по четыре-пять [крон]».

Данные о доходах торговцев мехом за XIX век свидетельствуют о том, что добыча речной выдры велась довольно интенсивно. В то же время промысел «морской» выдры настолько сократился, что несколько ее шкурок, появившихся на европейских пушных аукционах, посчитали за особые крупные и темные экземпляры канадской выдры. А к началу XX века оба вида выдр стали редкостью.

Трудно надеяться, что эта ситуация изменится в лучшую сторону. Дело не только в том, что продолжается преднамеренное уничтожение выдр ради добычи ценного меха. А в том, что их вытесняли и продолжают вытеснять с изначальных мест обитания и в настоящее время осталось мало таких уголков, где они могли бы чувствовать себя в безопасности. Как подметил в 1975 году один канадский маммолог, «каждый год много выдр уничтожают охотники на пернатую дичь или лосей, рыскающие на лодках по озерам и вдоль морского побережья или поджидающие свою добычу на берегу. Эта бессмысленная пальба по выдрам, а также ставящиеся на них многочисленные капканы могут привести к сильному сокращению вида, вплоть до его полного истребления в отдельных районах».

Однако это явная недооценка сложившейся ситуации. К 1975 году выдра полностью исчезла на острове Принца Эдуарда и стала столь редко попадаться в Новой Шотландии и Нью-Брансуике, что годовая добыча в этих двух провинциях сократилась с нескольких тысяч в начале века до 560 шкурок. В 1976 году в Канаде в общей сложности было добыто 16 000 выдр, и федеральная Служба охраны диких животных пришла к выводу, что промысел этого вида животных достиг «потенциального уровня» — понимайте это, как хотите.

Всякий, кто сегодня встретит выдру в дикой местности, может считать, что ему повезло. Что же касается наших потомков, то им, возможно, вообще не придется увидеть живую выдру, разве что рядом с другими,

* Морская сажень = 6 футам = 182 см.—

Прим. перев.

когда-то многочисленными в природных условиях, скучающими обитателями городских зоопарков.

Размером примерно с лису так называемый рыболов представляет собой более крупную разновидность куницы. Подобно своей меньшей кунице, этот быстрый и проворный зверек также привычно чувствует себя в кронах лесных деревьев, но еще более неуловим, чем она; рыболов редко показывается на глаза человеку. В то же время он очень любопытен и по этой причине так же, как и куница, легко попадает в капкан. Питаясь в основном древесными дикобразами и зайцами, рыболов, как ни странно, не ловит рыбу, больше того, он испытывает прямо-таки кошачье отвращение к воде.

Неправильное употребление названия «рыболов» уже долгое время смущает натуралистов. Я думаю, что дело здесь в путанице названий родственных видов. И мы в этом сейчас убедимся. Первоначально на северо-восточном побережье обитали два похожих друг на друга вида куниц. Один из них — самый что ни на есть настоящий рыболов — первым попался на глаза европейским пришельцам. Другой вид обитал в густых лесах, и о его существовании почти ничего не было известно, пока поселенцы основательно не обжили территорию. Когда первый вид — *настоящий* рыболов⁶⁶ — был уничтожен, его название, как я полагаю, перешло к сходному по виду животному, которое и носит его по настоящее время. Этот обитатель лесов, называемый рыболовом, был издавна известен индейцам и первым французским и английским торговцам под именем «пéкан» или «пéкан».

Неуловимый пекан слабо представлен в исторических анналах, если не считать статистических данных о закупке пушнины, свидетельствующих, между прочим, о том, что шкурка самки шла с наценкой — обстоятельство, усугубившее проблему выживания вида в условиях интенсивной охоты. Эти же отчетные данные говорят о

таком размахе охоты на рыболова при помощи капканов, который к концу XIX века привел к его фактическому исчезновению во всей северо-восточной зоне его обитания.

Скудные сведения о биологии рыболова не содержат четких доказательств его обитания на Ньюфаундленде до появления там европейцев. Если он когда-то и жил на острове, то в настоящее время его там нет. До 1900 года рыболов исчезает с островов Антикости и Принца Эдуарда, а до начала 1930-х годов — из Новой Шотландии. Сегодня это животное в северо-восточных штатах США считается почти полностью истребленным. На полуострове Гаспе и в Нью-Брансуике рыболов уже давно стал такой редкостью, что еще в 1935 году некоторые биологи высказывали опасения по поводу его полного истребления во всей северо-восточной части его прежнего ареала.

Наверно, пекану не удалось бы избежать ожидавшей его участи и он был бы полностью истреблен, если бы не удивительное прозрение людей — они вдруг поняли, что это животное полезно. Дело в том, что в первые годы после второй мировой войны на северо-восточном побережье региона наблюдалось бурное развитие целлюлозно-бумажной промышленности, сопровождавшееся громадной вырубкой деревьев. К концу 1950-х годов стало очевидно, что потребление древесины обгоняет естественное возобновление лесов. Но, поскольку о сокращении или стабилизации целлюлозно-бумажного производства не могло быть и речи (наоборот, считалось необходимым расширять его), нужно было изыскивать дополнительные ресурсы для увеличения поставок древесного сырья.

В связи с этим было решено сократить количество отходов путем «большего использования» сырья. Для достижения этих идеальных производственных целей попытались уничтожить те живые организмы, которые — как бы это ни было естественно — могли существовать за счет древесных

пород, необходимых для промышленности. Так начался крестовый поход против «лесных вредителей».

Вредители — это те существа, которые, по нашему мнению, мешают нам получать прибыль от эксплуатации природных ресурсов. Следовательно, такие насекомые, как, например, гусеница листовертки-почкоеда елового, которая с незапамятных времен являлась частью находящегося в естественном равновесии лесного сообщества, являются паразитами. Одновременно паразитами считаются и листовые породы деревьев, например клен или береза, безрассудно произрастающие среди елового и соснового древостоя, дающего заветное сырье для наших целлюлозных заводов. Всех их следует уничтожить.

Война на уничтожение предполагаемых врагов целлюлозного производства на приатлантической территории Канады и Новой Англии ведется уже более трех десятков лет. Главным средством борьбы с ними служило и служит до сих пор распыление с воздуха химикатов. Тысячи тонн таких ядов, как ДДТ и других инсектицидов, были сброшены на леса, поля, реки и озера. В последнее время их губительное воздействие подкрепляется применением дефолиантов, содержащих ингредиенты, входившие в состав стяжавшего позорную славу «оранжевого агента», с помощью которого во Вьетнаме уничтожали флору и фауну, а заодно и людей.

По поводу результатов этой непрекращающейся химической войны следует заметить, что в Нью-Брансуике, например, гусеница листовертки-почкоеда елового упорно живет и здравствует, несмотря на тридцатилетние интенсивные атаки с воздуха, и в то же время ядовитыми дождями нанесен неисчислимый урон позвоночным животным.

Насекомыми и листовыми породами деревьев отнюдь не исчерпывается перечень виновных в уменьшении количества древесной массы, поступающей на целлюлозные заводы. К числу вредителей относят также древес-

ного дикобраза и зайца, поскольку они питаются корой деревьев, особенно в зимнюю пору, когда трудно добывать другую пищу. Но ведь ими в свою очередь питаются пеканы! Сделав такое открытие, целлюлозно-бумажная промышленность потребовала, чтобы правительственные ведомства Новой Шотландии, Нью-Брансуика и Квебека взяли под защиту пекана, и, по-другому, рыболова, на всех участках товарного леса и снова вселили его туда, где его уже успели уничтожить.

Повеление промышленных кругов было исполнено, и пекан вновь появился на острове Антикости и в отдельных районах Новой Шотландии и Нью-Брансуика. К сожалению, эти большие куницы не оправдали своего существования в качестве орудия истребления древесных дикобразов и зайцев, и, естественно, целлюлозно-бумажная промышленность потеряла к ним всякий интерес. Тем временем вновь появившиеся, правда в умеренном числе, рыболовы пробудили интерес к ним в других кругах. Пойдя им навстречу, провинциальные ведомства охоты и рыболовства открыли сезон охоты на этих животных с капканами. В 1976 году были «законно» отловлены 64 пекана в Новой Шотландии и 172 — в Нью-Брансуике, что, как полагают, составляет до 80% от общего числа родившихся в этом году животных.

Если пекан не найдет столь же могущественного покровителя, как целлюлозно-бумажная промышленность, то вероятность, что он выживет, будет в лучшем случае сильно поколеблена.

Если пекан имел пусть хотя бы бывших защитников среди современных ему людей, то у росوماхи⁶⁷ их не было вовсе. Величиной со среднюю собаку, этот неуклюжий зверь внешне напоминает медвежонка. Природа наделила росوماху крепкими когтями, острыми зубами, удивительно прочной шкурой и стальной мускулатурой. Все это, вместе взятое, служит ей защитой от возможных врагов.

Первобытный человек не угрожал ее

существованию. Аборигены относились к «маленькому медведю» с невольным почтением, видя в нем олицетворение хитрого духа, постоянно норовившего сыграть с ними злую шутку. Росомаха удивительно умело отыскивала и успешно растаскивала запасы провианта, спрятанные людьми или животными. Индейцы реагировали на это по-своему: не пытаясь уничтожать расхитителей, они сооружали на деревьях бесхитростные тайники, добраться до которых животным было не под силу.

Не столь пассивны были европейцы. Владельцы складов приходили в ярость, когда росомахи, преодолевая массивные заграждения из бревен, земли и даже камней, растаскивали запасы их провизии. Особенно эти люди свирепели в начале сезона пушного промысла, когда убеждались, что расставленные ими капканы первыми навещали росомахи, которые не только пожирали попавшихся в капканы животных, но, казалось, в знак особого презрения к охотникам спускали пружину с поставленных капканов и оставляли на них свои испражнения.

В глазах европейцев росомаха не обладала какими-либо привлекательными свойствами. Ее жесткое и пахучее мясо считалось почти несъедобным, а довольно грубый мех ценился невысоко. Пришельцы окрестили ее «индейским дьяволом», видя в ней свирепого зверя, наделенного сатанинским коварством. Приписываемые ей кровожадность и ненасытная прожорливость (среди других кличек и такая, как «обжора»*) сделали росомаху объектом беспощадной мести. Однако в силу ее сообразительности и умения избегать охотничьих капканов и ружей одолеть росомаху никак не удавалось, пока человек в конце концов не нащупал слабое звено в ее обороне. Большая любительница падали — чем гнилее, тем лучше, — росомаха оказалась особенно незащищенной от применения ядов.

Важно понимать, что слово «трап-

* Glutton (англ.) — обжора, росомаха. — Прим. перев.

пер» часто вводит людей в заблуждение. С самого начала, как только европейцы начали торговлю мехами в Северной Америке, трапперов можно было бы с успехом именовать «отравителями». Капканы и силки, конечно, были существенной частью смертоносного снаряжения трапперов, однако последние не менее часто пользовались мышьяком и стрихнином, да и другими ядами, которые они могли достать. Они продолжают ими пользоваться и поныне. Несмотря ни на какие запрещающие законы, некоторые современные «трапперы» перешли к использованию новых усовершенствованных ядохимикатов страшной разрушительной силы, которые обычно применяются правительственными организациями Канады и США против «лесных вредителей и хищников».

Примерно с 1700 года яд считался и считается по сей день единственным надежным средством уничтожения росомах. Зимой 1948/49 года я какое-то время провел в северной Манитобе в компании одного белого траппера. Однажды он обнаружил что-то похожее на расплывчатый след росомахи, пересекавший систему его капканов. Траппер немедленно среагировал на это, соорудив для нее несколько «приманок» из куч протухших внутренностей карибу, обильно присыпанных цианидом. В последующие дни, обходя вместе с ним его капканы, я заметил валяющиеся возле «приманок» трупы погибших животных: трех лисиц, рыси, сорока—пятидесяти ворон и кукш, а также двух ездовых собак из ближайшего индейского лагеря. Это были обычные «побочные» продукты ремесла трапперов-отравителей. Однако саму росомаху мы так и не нашли — возможно, ее просто не было поблизости. В ту зиму было выменено только пять шкур росомах по всей Манитобе к северу от озера Олень на территории площадью более 500 000 кв. км. А прежде она считалась главным местом обитания этих животных.

Вначале росомаха населяла большую часть северной половины конти-

нента от Тихого океана до Атлантического, проникая на юг от берегов Северного Ледовитого океана по меньшей мере до штатов Орегон и Пенсильвания. Это был один из самых распространенных и процветающих хищников. Сегодня росомеха исчезла из более чем двух третей района прежнего обитания. Ее истребили на острове Принца Эдуарда, в Новой Шотландии, Нью-Брансуике и в северных штатах США. Росомеха считается редким, практически исчезнувшим видом и в большинстве остальных мест ее обитания, включая Лабрадор и большую часть провинций Квебек и Онтарио. В течение охотничьего сезона 1976/77 года не было отмечено ни одного случая добычи росомехи восточнее Квебека, хотя к тому времени ее мех уже считался ценным товаром.

Волос росомехи обладает уникальной способностью препятствовать образованию на нем кристаллического инея. Инuitы и индейцы, зная это свойство, отделявали мехом росомехи капюшон своей парки. Растущая популярность подбитой мехом парки перешла в 1960-х годах в моду, и такая парка стала в наше время почти неизменным атрибутом зимнего отдыха на свежем воздухе, особенно для путешествий на аэросанях и т. п. средствах передвижения. Поэтому шкура росомехи, прежде не представлявшая почти никакой ценности, стала пользоваться повышенным спросом. Если к 1980 году за шкуру хорошего качества платили 200 долларов, то в настоящее время высококачественная невыделанная шкура росомехи может стоить до 500 долларов. А завтра... кто может сказать?

Ясно одно. Поскольку росомеха стоит на грани вымирания, ее шкура будет считаться все большей редкостью и, следовательно, будет расти ее рыночная стоимость. И если мы не воспрепятствуем этому, смертельная спираль взвинченных цен сделает свое дело.

Согласно высказанной мною выше гипотезе, название «рыболов», кото-

рое носит сейчас пекан, возникло, вероятно, в применении к родственному, но совершенно другому виду, ныне стертому с лица Земли. Оно могло бы исчезнуть и из памяти людей, если бы не найденные в XX веке в штате Мэн остатки костей неизвестного науке животного в кухонных отбросах древних индейских поселений. По своему строению они напоминали кости норки, хотя и превосходили их размером. Поэтому зоологи и окрестили неизвестное животное «гигантской норкой». Ниже я сделал попытку разобраться в истинной природе этого создания и, хотя бы частично, восстановить историю исчезнувшего вида.

Первые европейские торговцы обнаружили в Новом Свете многих уже известных им животных, а одно из тех, которых они не знали, казалось, сочетало в себе признаки нескольких знакомых им видов. Формой тела и походкой оно напоминало борзую, в то время как своими повадками и проворством походило скорее на кошку. Рыжий, как у лисицы, мех был короче и гуще лисьего, напоминая скорее куний, а формой головы он был похож на выдру. Зверек вел водный образ жизни, охотясь за рыбой вдоль скалистого морского побережья и у отдаленных от берега островов.

Этот прибрежный житель, вероятно, одним из первых пушных зверей привлек внимание европейцев. Его шкурка была, видимо, в хорошей цене, поскольку превосходное сочетание свойств меха выдры и куницы дополнялось уникальным рыжеватым оттенком. Нам неизвестно, как европейские первопроходцы называли это необычное создание. Похоже, что некоторые первые путешественники действительно затруднялись сказать, что это за зверь.

Возможно, самая ранняя ссылка на него имеется в датированном концом XVI века предложении сэра Хамфри Гильберта* о создании колонии в Новом Свете. Известно, что в своем предложении он перечислял таких до-

* Английский мореплаватель и исследователь (1539? — 1583). — *Прим. перев.*

ступных для промысла животных западных морей, как тюлени, киты и «водяные лошади» (под ними он подразумевал серых тюленей). Он также включил в этот список «рыбу, похожую на борзую». Не сумев отыскать среди рыб вида, хотя бы отдаленно напоминающего борзую, и позабыв, что для человека XVI века все, что обитало в морской воде, включая млекопитающих, было «рыбой», ученые отмахнулись от загадочного существа, посчитав его плодом авторского воображения. Однако не кто иной, как известный английский авторитет — натуралист Джозеф Бэнкс сделал следующее наблюдение в проливе Белл-Айл во время своего путешествия в 1766 году на остров Ньюфаундленд с целью изучения местной фауны:

«Примерно в середине [сентября] месяца Фиппс заметил необычное животное... размером, хотя и ненамного, побольше лисы, образом и подобием напоминавшее итальянскую борзую, с длинными лапами и длинным, сужающимся к концу хвостом... [оно] возникло из моря».

Ни Фиппс, ни Бэнкс не смогли определить, что это было за животное, хотя оба были образованными зоологами, знакомыми с фауной умеренной зоны северного полушария. Сходство с джильбертовской «рыбой, похожей на борзую», представляется слишком разительным для простого совпадения.

Возможно, что именно это животное было известно в Новой Англии в начале XVII века под названием «водяной куницы». Уильям Вуд, описывая местную фауну, называет среди «живущих в воде зверей» выдру, ондатру и разновидность «куницы», обладающую «хорошим мехом для своей величины», очевидно имея в виду ценность шкуры животного, превосходящего размером обыкновенную куницу. Что это было за животное? Им не могла быть известная нам сегодня куница — помимо того, что она мала ростом, она еще и избегает всякой воды. Непохоже, чтобы это была и норка, — она ведь меньше любой

ницы и весит не больше килограмма*.

По-видимому, знали о нем и первые французы, но они путали его с выдрами. В своем описании пушных зверей Акадии** Лахонтан говорит о «зимней и коричневой выдрах» стоимостью «4 ливра 10 су» и «рыжей и гладкой выдрах» стоимостью «2 ливра». Из других источников известно, что черноватая морская выдра иногда шла за «зимнюю» выдру, поэтому похоже, что Лахонтан, говоря о «зимней и коричневой выдрах», имел в виду морскую и пресноводную формы. Что же в таком случае означали «рыжие и гладкие выдры», ценившиеся вдвое дешевле предположительно из-за меньшей величины? Может быть, под этим названием кроется подлинный рыболов?

Это создание, по-видимому, сохраняло тождество с рыболовом, или «котом-рыболовом», в Новой Англии, пока основной центр торговли пушниной не сместился с опустошенного промыслом побережья на запад в глубь континента, где эти животные пока еще водились в изобилии. Возможно, что еще в 1800 году торговцы-трапперы перенесли название «рыболов» на пекана, обитавшего в глубине суши, поскольку пекан напоминал им полузабытый образ обитателя побережья, которому вскоре предстояло вовсе изгладиться из людской памяти. Видимо, именно на этом временном рубеже подлинного рыболова, популяция которого сократилась до минимума по сравнению с его первоначальной численностью, стали называть «морской норкой», и это название сохранилось за ним до конца его существования.

«Рыба, похожая на борзую», «водя-

---

* Благодаря своей малой величине, неуловимости и широкому распространению двум самым маленьким мускусосомам — ласке и норке — удалось более успешно пережить вторжение европейцев, чем их более крупным собратьям. И тем не менее популяции обоих видов, по-видимому, не сохранили своей первоначальной численности.

** Французское название Новой Шотландии.— *Прим. перев.*

ная куница», «рыжая выдра», «кот-рыболов», «морская норка». Все это разнообразие наименований настолько стерло индивидуальность животного, что, может, и не стоит удивляться тому, что наука не хотела признавать его существования, пока находка его костей не оставила ей другой альтернативы. И все же трудно понять, как естествоиспытатели и этнографы могли столь долгое время игнорировать сам факт его существования. Ведь так легко было установить, что когда-то он обитал на более чем 16 000-километровой прибрежной полосе Атлантики — от полуострова Кейп-Код до центрального Лабрадора. О прежней жизнеспособности его популяции можно судить хотя бы по тому факту, что, несмотря на интенсивный промысел европейцев с начала их вторжения на континент, оставшаяся популяция рыболова сумела продержаться до второй половины XIX века.

Мы располагаем данными о том, что в конце 1700-х годов белые жители Новой Шотландии и индейцы племени микмак регулярно промышляли морскую норку на островах от залива Мэн на юге до Галифакса на севере, куда ее шкурки доставлялись на продажу. Известен случай, когда у одной индианки из племени микмак там выменяли несколько шкурок морской норки и одну медвежью шкуру на одну кварту вина.

Меньше известно о ее существовании в северной части ареала, но в 1766 году французские поселенцы на северной оконечности острова Ньюфаундленд говорили Джозефу Бэнксу, что «время от времени они видят этих животных в заливе Хэр, а один старый торговец пушниной вспомнил про шкурку, проданную им за пять гиней».

Побережье залива Мэн было, по-видимому, излюбленным местом обитания этих животных. На тамошние острова, часто посещаемые морской норкой, люди со специально обученными собаками время от времени совершали регулярные вылазки. Они

появлялись там днем, возможно, потому, что многолетнее преследование животных вынудило их вести преимущественно ночной образ жизни. Они искали пищу по ночам, а днем прятались в пещерах, расщелинах скал и других укрытиях. Собаки быстро брали след будущей своей жертвы, пользуясь оставленным ею сильным, но не противным мускусным запахом, и вели за собой охотников к ее убежищу. Если убежище не удавалось вскрыть с помощью кирки, лопаты или лома, охотники могли выкурить зверька из укрытия горячей серой или смолой, а если расщелина была неглубока — выпустить в нее заряд черного перца из шомпольного ружья. Если эти или другие подручные средства не срабатывали, охотники без колебаний закладывали в убежище пороховой заряд и взрывали его, хотя при этом в большинстве случаев животное было так искалечено, что его шкурка уже не могла иметь большой ценности.

Несколько шкурок морской норки ежегодно поступали на продажу в Бостон вплоть до 1860 года, однако после этой даты живая морская норка или ее шкурка встречались исключительно редко. В заливе Мэн последний случай добычи морской норки был отмечен на острове около Джонспорта в 1880 году. Известно, что самый последний из выживших представителей данного вида был убит на острове Кампобелло в провинции Нью-Брансуик в 1894 году.

Так погибло уникальное и, как отмечал Джозеф Бэнкс, удивительное животное, подобного которому уже больше не увидишь. Впрочем, на время какое-то воспоминание о нем останется. По всему скалистому побережью Атлантики от залива Мэн до Ньюфаундленда разбросаны островки, когда-то служившие желанным приютом как птицам, так и млекопитающим.

Каждый из них носит название в честь того или другого представителя животных, которое... теперь ничего не говорит нашим современникам.

Как, например, *остров Норки*.

Глава 9

Смертный час бизона

Первым большим источником наживы, которым воспользовались европейцы на северо-востоке Нового Света, была ворвань. Следующим — рыба. Третьим по счету был не мех, как мы привыкли думать, а всего-навсего шкуры крупных млекопитающих, пригодные для выделки кожи.

Жители века пластиков, мы уже позабыли об универсальном и первостепенном значении кожи в жизни наших предков. Древние моряки использовали кожу для изготовления бегучего такелажа, а иногда обшивали кожей борта своих лодок. С глубокой древности кожа так или иначе обувала человечество. В течение тысячелетий она служила одеждой как аристократам, так и крестьянам. Она была необходима для тысячи кустарных и сельскохозяйственных ремесел и служила неоценимым материалом в быту, где ей находили самое разнообразное применение, начиная от мехов для раздувания огня в очаге и кончая узорчатыми сафьяновыми переплетами на редкостных книгах.

До XV века в походы выходили армии обутой в кожу пехотинцев и конников, восседавших на кожаных седлах с кожаными поводьями в руках; отдельные солдаты были снабже-

ны кожаными щитами или одеты в доспехи из толстой кожи. За прочность и долговечность кожа оставалась в почете у воинов даже после того, как огнестрельное оружие свело на нет ее защитную функцию. В XIX веке кожа еще долго и широко использовалась в вещевом снабжении армии.

Еще до открытия обеих Америк кожа для военной амуниции была известна в разных местах Западной Европы как особый товар под названием "buffle", "buffle" или просто "buff"*. Это была очень прочная, хотя и мягкая кожа светло-желтого цвета. Название ее происходит от греческого слова, означающего «дикий бык»**, отражая предпочтение, которое древние отдавали шкурам туров — диким предкам крупного рогатого скота.

К середине XV века как тура, так и единственного другого европейского представителя дикого быка — зубра (а позднее — бизона) — охотники уже уничтожили, и за неимением

---

* Buffle (фр.) — буйвол, американский бизон; буйволовая кожа; buff (англ.) — буйволовая или толстая бычья кожа. — Прим. пер.

** Это слово означает различных представителей семейства быков: буйвола, бизона, зубра, тура и пр.

другого сырья кожа выделялась из шкур домашних быков гораздо худшего качества. Так было повсюду, за исключением Португалии, где продолжали выпускать продукцию не хуже прежней из ввозимых извне шкур загадочного животного, которого португальцы называли "bufalo". Его происхождение и местообитание они держали в строжайшей коммерческой тайне.

Португальцы обнаружили его, когда в 1415 году направили свои корабли к берегам Западной Африки. Этим таинственным животным был в действительности африканский дикий буйвол. Португальские охотники привозили буйволодые шкуры домой, где из них выделяли отличную кожу, продававшуюся по повышенной цене по всей Европе.

Этому первому буйволу предстояло разделить свое название с другим видом после того, как Васко да Гама, обогнув в 1498 году мыс Доброй Надежды, взял курс на восток и приплыл к Малабарскому побережью Индии. Там он обнаружил азиатского дикого буйвола, чья шкура обладала желанными качествами, присущими африканской разновидности. Шкуры азиатских буйволов, которых для отличия от первого вида называли «водяными буйволами», закрепили монополию португальцев на выделку буйволодых кож.

Третий вид дикого быка также был открыт португальцами — возможно, в то же время, что и второй, — на западном побережье Атлантического океана.

Этим третьим был североамериканский бизон. Огромное животное — взрослый бык весил больше тонны и достигал четырехметровой длины и двухметровой высоты в холке — беспрепятственно кочевало по континенту, чувствуя себя как дома от Северного полярного круга до берегов Мексиканского залива.

Американский бизон приспособился к существованию в самых разнообразных условиях природной сре-

ды. Границы района его обитания включали и субарктические болота с порослью черной ели, альпийские луга, Великие равнины, массивы густых лиственных лесов на востоке и субтропических — на юге. Здесь были бизоны по крайней мере четырех различных разновидностей: степной бизон; лесной бизон — более крупный и более темный, обитавший в лесах Северо-Запада; оregonский бизон — горная разновидность степного, и, наконец, восточный бизон — самый крупный и самый темный из всех, родной обителью которого была покрытая лесами восточная половина континента⁶⁸.

С какой стороны ни посмотреть, все эти разновидности развивались в исключительно благоприятных условиях. Пережив двух равных им по силе доисторических хищников — саблезубого тигра и гигантского волка, они в течение от двадцати до сорока тысячелетий без особых трудностей сосуществовали с коренными жителями Северной Америки. К 1500 году их насчитывалось, вероятно, более 70 миллионов — пожалуй, это был самый многочисленный вид крупных млекопитающих на Земле.

История кровавой бойни степного бизона известна сравнительно хорошо, чего не скажешь о восточном бизоне, история истребления которого была предана полному забвению. Ни историки, ни биологи, кажется, не имеют никакого представления об истинной численности его первичной популяции до пришествия европейцев или о преобладании этого вида среди прочих крупных травоядных Атлантического побережья.

Покрытый черной шерстью лесной великан — восточный бизон — выделялся среди своих сородичей не только громадным ростом и парой самых больших изогнутых рогов, но и исключительно толстой шкурой, которую могло проколоть разве что очень острое оружие. Для местных пеших лучников и копьеносцев (вспомним, что домашние лошади появились в Америке лишь с приходом испан-

цев) охота на восточного бизона была неимоверно трудным делом. По этой причине и отчасти в связи с обилием более доступной дичи лесные индейцы редко нападали на восточных бизонов. Тем не менее северо-восточные племена иногда шли на такой риск, чтобы заполучить огромную, косматую шкуру — лучшего одеяния для сна на зимнем холоде нельзя было придумать. Вполне возможно, что несколько таких шкур, украденных или выменянных первыми португальцами у индейцев восточного побережья, и положили начало весьма доходной торговле бизоньими шкурами в Новом Свете.

В течение первой трети XVI века монополию на торговлю шкурами североамериканских бизонов держали португальцы, но затем про бизонов проводили французы. После своего путешествия в 1542 году вверх по реке Св. Лаврентия де Роберваль отметил, что местные жители «питаются также мясом оленей, кабанов, бизонов и дикобразов...». В следующее десятилетие французы уже сами вели бойкую торговлю бизоньими шкурами, а к середине столетия фактически вытеснили из торговли португальцев. В районе залива Св. Лаврентия два племянника Жака Картье «из года в год продолжали выменивать у туземцев шкуры взрослых бизонов [и] их телят». Сферу своей торговли французы распространили и на юг. Педро Менандез* раздраженно писал своему властелину — испанскому королю Филиппу II — о вторжении французов на побережье: «В 1565 году, как и в предшествующие годы, индейцы привозили шкуры бизонов на каноз по реке Потомак для французов, обосновавшихся на побережье залива Св. Лаврентия. За два года французам доставлено 6000 шкур».

В скором времени выделанные во Франции шкуры бизонов уже пользовались отменной репутацией. Как писал Шарлевуа, «в нашем мире нет

ничего лучше [этой шкуры]; она легко поддается выделке, и кожа из нее получается необыкновенно прочная, но вместе с тем мягкая и нежная, словно замша». По словам бристольского купца Томаса Джеймса, по прочности она не уступала моржовой и в большом количестве поставлялась в Англию, где целые полки облачались в мундиры из этой кожи. По крайней мере один из них — знаменитые «буйволы» — получил свое название благодаря кожаной экипировке своих солдат.

Вначале англичане отставали в деле этого богатства. Тем не менее к 1554 году они по крайней мере узнали со слов Джона Лока, что слон «больше трех диких быков, или бизонов». А к 1570-м годам им уже было известно, что представляет собой настоящий американский бизон. «Эти животные размером с корову, их мясо очень вкусное; из шкуры получается хорошая кожа, а из волос — шерсть... уже десять лет, как слухи о их полезных свойствах дошли до ушей англичан».

Антони Паркхёрст, ловивший рыбу в ньюфаундлендских водах с 1574 по 1578 год, завязал дружеские отношения с несколькими португальскими рыбаками, которые обещали провести его судно к острову Кейп-Бретону и в «Канадскую реку» (Св. Лаврентия). К его сожалению, они не сдержали своего обещания, но, кажется, ему удалось от них узнать о наличии «в соседних с Ньюфаундлендом местах [буйволовых] кож, которые там [на материке] имеются в большом количестве».

Примерно в то же время другой английский моряк, Джон Уокер, предпринял плавание — похоже, с пиратскими намерениями — к Норембеге на побережье заливов Мэн и Фанди, где утверждали свое влияние французы. Уокер обследовал нижнее течение реки Сент-Джон, где он и его люди «обнаружили... в жилище одного индейца... триста высушенных шкур, большинство размером восемнадцать футов в квадрате». Из его рассказа

* Испанский адмирал, колонизатор Флориды (1519—1574). — *Прим. перев.*

следует, что эти шкуры были содраны с «каких-то животных гораздо крупнее [домашнего] быка» и что Уокер отвез украденные шкуры во Францию, где и продал их по сорок шиллингов за штуку — большие деньги по тем временам. В заключение он добавил: «Это подтверждает Дэвид Ингрэм и [он] описывает это животное как чудовищно громадное, полагая, что оно является разновидностью буйвола».

Дэвид Ингрэм был английским моряком, которого Джон Хоукинс высадил в 1568 году на безлюдный берег Мексиканского залива. После высадки Ингрэм целых два года шел пешком на север, в основном по берегу Атлантического океана, в надежде отыскать земляков-европейцев, не пренебрегая по пути помощью местных жителей. В конце концов в центре нынешней Новой Шотландии он повстречал одного французского торговца и вместе с ним добрался на судне до Франции, откуда затем вернулся в Англию. Там в 1582 году он рассказал торговым агентам сэра Хэмфри Джильберта о том, что «в прибрежных районах, [через которые пролегал его путь], в изобилии встречаются буйволы размером с двух больших быков... с длинными, как у собаки-ищейки, ушами, обросшими свисающими волосами и с закрученными, как у барана, рогами; у них черные глаза и длинная черная, грубая и косматая, как у козла, шерсть. Шкуры этих животных стоят очень дорого». В другом контексте цитируются слова Ингрэма о том, что «[Норем]-Бега — деревня или поселок под этим названием... где имеется много шкур [диких] быков».

Историки утверждают, что украденные Уокером шкуры (которые индейцы из Нoremбеги сохраняли, вероятно, для обмена с французами) были лосиными, однако такое заключение неоправданно, имея в виду размер шкуры «восемнадцать футов в квадрате». «В квадрате» означает перемноженные размеры двух смежных сторон, то есть измерение в квадратных футах, применяемое в торговле. Шку-

ры самых крупных американских лосей даже в растяжку не больше пятнадцати квадратных футов, в то время как шкуры лесных бизонов — самых больших из сохранившихся пород — действительно достигают восемнадцати футов, хотя лесные бизоны по величине уступали восточным бизонам*.

Сэр Хэмфри Джильберт проявлял особый интерес к истории плавания Ингрэма в связи с тем, что в 1570-х годах он готовил экспедицию, чтобы колонизовать и установить сюзеренитет** над Ньюфаундлендом, Нoremбегой и Новой Шотландией. Ему необходимо было убедить своих компаньонов в прибыльности рискованного предприятия, и он рассчитывал, что в этом ему поможет молва о буйволо-вых шкурах. В 1580 году он отправил португальца Симона Фердинандо в путешествие к берегам Нoremбеги, откуда тот привез «много больших шкур», которые по всем признакам были буйволовыми.

К этому времени французы забеспокоились, как бы англичане не посягнули на их монопольную торговлю бизоньими шкурами. В 1583 году Этьен Беланжер проплыл с отрядом французов от Кейп-Бретона на юг до Кейп-Кода — возможно, это была попытка опередить англичан, которые в следующем году, по словам Хаклута, уже выменивали бизоньи шкуры у индейцев на побережье Виргинии. Кроме описанных двух, были, вероятно, и другие попытки нажиться на шкурах бизонов, как это удалось, к примеру, Джону Уокеру в Нoremбеге.

Однако вряд ли эти попытки были столь же удачными. К 1590 году, после столетия набиравшей силу охоты, большинство бизонов, ранее обитавших в районе между рекой Гудзон, долиной озера Шамплейн и берегом

---

* Ошибка историков объясняется тем, что после истребления бизонов на восточном побережье французские торговцы шкурами переклонились на торговлю лосиными шкурами, оставив за ними название «буйволо-вых».

** Власть феодального властелина, сюзерена. — *Прим. перев.*

океана, было, по-видимому, уже уничтожено. К концу столетия кончились и дни процветания этого вида животных на просторах, лежащих к востоку от Аппалачских гор. Для коренных жителей восточного побережья XVI века бизоны шкуры были тем, чем позднее станут бобровые шкуры для племен, живших дальше к западу, — валютой для приобретения ружей, металлической посуды, безделушек и спиртного. Величественные дикие черные быки восточных лесов, которым прежде не причиняли заметного вреда люди, вооруженные деревянными палками с каменными наконечниками, теперь буквально рядами валились от рук тех же людей, но вооруженных смертоносными ружьями. Запах от гниющих трупов убитых животных был первым вестником зловония, которое вскоре пронеслось через весь континент.

В первые десятилетия XVII века большие стада восточных бизонов еще встречались, но только на удаленных от побережья территориях. В 1612 году сэр Самюэль Арголь прошел более 300 километров вверх по течению реки Потомак до южной части нынешней Пенсильвании, откуда он «направился пешком в глубь страны и обнаружил там большие стада крупных, как коровы, животных, из которых мои проводники-индейцы убили двух; их мясо оказалось довольно вкусным и питательным, и убивать их совсем не трудно, поскольку они неповоротливы и медлительны и не так свирепы, как другие дикие животные». «Совсем легко убивать *из ружей*» — вот что хотел сказать Арголь.

Слишком легко: после 1624 года бизоны уже не встречались не только на берегах Потомака, но и значительно севернее — в районе озера Гурон в Новой Франции. По словам иезуита отца Сагарда, к 1632 году «некоторые братья видели шкуры» этих животных, но ни один из них за последние годы не встречал живого бизона. Даже Самюэль де Шамплейн, который еще в 1620 году называл *буйволов* вместе с лосями и оленями вапити в числе

ценных ресурсов Новой Франции, и тот, видимо, не успел застать живого бизона. Приблизительно в 1650 году Пьер Буше сообщал: «Что касается животных, называемых буйволами, то [сейчас] их можно встретить только... за сорока-пятью лиг западнее и севернее Квебека».

Правда, остатки стад восточных бизонов все еще удерживали свои позиции в центральных и южных районах их обитания. Так, в 1680 году де ля Саль отмечал, что они еще встречаются в районе нынешнего Нью-Йорка, Пенсильвании, в некоторых западных районах Новой Англии, а также к югу до штата Джорджия. А Куртеманш примерно в 1705 году сообщал о неисчислимых стадах «бывков» в долине реки Иллинойс.

К западу от горной цепи Аппалачей бизоны продержались до конца XVII века, а затем туда через перевалы хлынули орды европейцев, воспользовавшихся глубокими тропами, вытоптантыми самими бизонами. Даниэль Бун был в первых рядах этого нашествия, и, как и его современники, он говорил о местах, таких, как Блу-Ликс, где на поверхности земли выходит соль (солонцы) и куда сходились со всех сторон бизоньи тропы, «глубоко прорезавшие землю, словно улицы большого города».

Основную массу этих «отважных пионеров», как их нередко величают в исторических книгах, составляли не поселенцы, а бродячие браконьеры, у которых на уме было не столько освоение земель, сколько добыча шкур. Быстро продвигаясь на запад, они столь успешно истребляли всех крупных представителей животного мира, что к 1720 году лишь несколько небольших стад восточных бизонов остались нетронутыми в узких ущельях и глухих местах Камберлендского и Аллеганского плато. Нью-Йоркское Зоологическое Общество констатировало, что к 1790 году стадо бизонов на Аллеганском плато «уменьшилось до 300—400 животных, которые искали убежище в горах Се-вен-Маунтинс, окруженных со всех

сторон поселениями. Там они в течение непродолжительного времени скрывались в малодоступных местах».

Это было действительно короткое время. Суровой зимой 1799/1800 года стадо, в котором осталось меньше пятидесяти голов, окружили охотники на снегоступах. Животные, застрелявшие по брюхо в снежных сугробах, были убиты на месте. Следующей весной в том же районе обнаружили еще трех бизонов: самца, самку и теленка. Самку с теленком застрелили сразу. Самец убежал, но вскоре его убили у Баффало-Кросроудс около Льюистона.

Конец был скорым. В 1815 году ходили слухи о том, что в окрестностях Чарлстона был убит одинокий бизон. Никаких других сообщений о бизонах не поступало вплоть до 1825 года, когда в «цитадели» Аллеганского плато была обнаружена самка с теленком. Обнаружены — значит убиты. Так погибли последние реликты не только восточных бизонов, но и вообще всех диких бизонов, обитавших восточнее реки Миссисипи.

Исчезновение восточных бизонов не вызвало никаких толков, вероятно, этот факт остался просто незамеченным. В ту пору новейшие конкистадоры — «покорители Запада» уже втянулись в новую бойню, которой вскоре предстояло пронестись разрушительным смерчем по всему континенту.

По оценке писателя-натуралиста Эрнеста Сетона-Томпсона, примерно к 1800 году в Северной Америке оставалось в живых около сорока миллионов бизонов — почти все они обитали в основном к западу от долины реки Миссисипи. Для уничтожения первых нескольких миллионов вооруженным европейцам потребовалось три столетия. Чтобы отправить на тот свет остальных, понадобилось менее ста лет одного из самых бессмысленных проявлений необузданной жестокости, пополнившей длинный список преступлений, совершенных человеком против мира животных.

Степные, оregonские и лесные биозоны подвергались систематическому истреблению по трем взаимосвязанным причинам. Первая — уничтожение индейского населения на Западе страны (само существование которого зависело от наличия бизонов); вторая — получение прибыли; третья — утоление неумемной страсти к убийству.

Первый из упомянутых мотивов с солдафонской откровенностью изложил в одном из своих заявлений генерал Филип Генри Шеридан, выразивший основную линию правительственных и военных кругов США: «Охотники на бизонов за два истекших года сделали больше для решения надоевшей «индейской проблемы», чем вся регулярная армия за последние тридцать лет. Они разрушают продовольственную базу индейцев. Снабжайте их порохом и свинцом и дайте им убивать бизонов, сдирать с них шкуры и торговать ими до тех пор, пока не останется ни одного живого бизона!» Позднее Шеридан советует конгрессу отчеканить медаль в честь охотников-шкуродеров с изображением убитого бизона на одной стороне и мертвого индейца — на другой.

Примерно к 1800 году было полностью, или почти полностью уничтожено большинство имеющих промысловое значение стад крупных наземных млекопитающих восточных районов Северной Америки, включая бизонов, оленей вапити, лесных карибу и даже — в большинстве районов — американских лосей*⁶⁹. Однако никогда прежде кожи всех сортов

* Олени вапити, когда-то широко распространенные по всему Атлантическому побережью, в настоящее время считаются вымершими. Лесные олени карибу, в свое время столь же многочисленные и широко распространенные, практически исчезли из восточных районов своего обитания. В результате жестокого преследования охотниками за шкурами, а позднее — охотниками-спортсменами исчез из большинства прибрежных районов и американский лось, сохранив умеренную численность в отдельных местах, например на Ньюфаундленде. Однако лось полностью исчез примерно с трех четвертей своего прежнего ареала в восточных районах.

не пользовались столь стремительно растущим спросом, а наличие огромных стад бизонов в западных районах сулило великолепную возможность для быстрого обогащения. В частности, этому способствовал повышенный спрос на верхнюю одежду из выделанной бизоньей шкуры с оставленным на ней густым волосатым покровом. Дубленки были в большой моде и в Европе, но особенным спросом пользовались в восточных районах Северной Америки, где они вызвали массовый покупательский ажиотаж. К тому же каждому, казалось, позарез нужна была одна или несколько мохнатых бизоньих полостей для санных выездов.

Массовое истребление бизонов на равнинах Запада в купе с массовым производством кожизделий в восточных районах способствовало насыщению рынка разнообразной продукцией из бизоньей кожи — от ременных передач для машинного оборудования до форменной одежды для полицейских. В период 1840-х годов в восточных районах Канады и США продавалось ежегодно до 90 000 предметов одежды из бизоньей кожи, не считая другой продукции. И тем не менее в общей картине истребления бизонов это составляло только верхушку айсберга.

По подсчетам Сетона, шкуру сдирали лишь с одного из каждых трех убитых степных бизонов. Больше того, многие из содранных шкур использовались на местах невыделанными, чтобы укрыть стога сена от непогоды, для ограждения загонov для мелкого домашнего скота или в качестве легко заменяемого кровельного или обшивочного материала.

Потенциальными источниками доходов были не только предметы одежды и другие кожизделия. Многие сотни тысяч животных уничтожались исключительно ради получения жира для последующей переработки его на мыло и свечи на предприятиях восточных районов. Несчетные тысячи других истреблялись лишь только для того, чтобы добыть бизоньи язы-

ки, считавшиеся большим деликатесом. Однако второе место по масштабам опустошения вслед за охотниками за шкурами держали охотники за мясом — основным продуктом питания строительных бригад, расплывавшихся по равнинам словно армии муравьев и оставлявших за собой сверкающие стальные полосы новых железнодорожных путей, которым предстояло соединить противоположные берега континента.

По сведениям Сетона, к 1842 году в целом ежегодно убивали два с половиной миллиона бизонов, и огромные стада на Западе таяли на глазах во всепоглощающем огне истребления. В 1858 году Джеймс МакКей — торговец и траппер с реки Ред-Ривер — целых двадцать дней пробирался верхом с караваном мулов сквозь сплошное стадо бизонов. «Со всех сторон, куда только достигал взгляд, прерии чернели от множества бизонов», — вспоминал он потом. А через каких-то пять лет в районе, где пролегал путь МакКея, бизоны были уже «историческим прошлым».

Железная дорога компании «Юнион пасифик» проникала все дальше на юг и в 1867 году дотянулась до Шайенна — самого сердца последней обители бизонов. «Железный конь» привез с собой бесчисленных белых охотников и одновременно разрезал оставшееся бизонье стадо на две части — южную и северную.

«В 1871 году, — рассказывает нам Сетон, — железная дорога Санта-Фе пересекла Канзас — летнюю территорию южного стада, сократившегося к тому времени до четырех миллионов голов». И сразу же последовала кровавая бойня, учиненная охотниками за шкурами и охотниками-спортсменами, которые теперь пришли на Запад, чтобы принять участие в убийстве исключительно ради удовольствия. В период между 1872 и 1874 годами эти две армии разбойников с большой дороги записали на свой счет 3 158 730 убитых бизонов! Один из «спортсменов» — некий д-р Карвер — хвастался тем, что за двадцать минут

верховой погони он убил сорок бизонов, а всего за одно лето уничтожил пять тысяч этих животных.

Сетон подытожил фактический конец южного стада бизонов. Несколько разрозненных групп еще влачили жалкое существование в отдаленных районах, но и их неумолимо преследовали охотники. Самую последнюю группу из четырех особей обнаружил в 1889 году отряд охотников на мустангов. Бизоны, почувствовав тревогу, понеслись в западном направлении. После нескольких миль погони охотник по фамилии Аллен четыре раза выстрелил в самку. Она пробежала еще километра три до озера и, загнанная на глубину, беспомощно стояла в ожидании смерти. Потом фотограф сделал снимок торжествующего отряда с трофеями — шкурой и мясом убитой коровы. Немного позднее были убиты остальные три бизона.

Не менее горькая участь ожидала северное стадо. Если раньше суровые зимы и враждебно настроенные индейцы сдерживали пыл белых охотников, то после того, как в 1876 году войска США «усмирили» индейцев, охотники за шкурами и мясом перешли в решительное наступление на бизонов. Затем в 1880 году северотихоокеанская железная дорога открыла доступ к центральному району и это было концом последнего крупного стада бизонов на Земле.

К 1885 году уже ничего не было слышно об оставшихся в живых на воле бизонах, но тем не менее такие еще были. В 1887 году английский натуралист Уильям Гриб проезжал на Запад по Канадской Тихоокеанской железной дороге. «Во все стороны, — писал он, — на земле пересекались следы бизонов и белели на солнце черепа и кости этих славных животных. У некоторых водяных цистерн, где мы делали остановки, кости и черепа были сложены в кучи для последующей отправки в цивилизованные края на сахарные заводы и на фабрики, где делают удобрения». Для извлечения прибыли бизоны годились, что называется, до последней косточки.

В период между 1850 и 1885 годами через руки американских торговцев прошло более 75 000 000 бизоньих шкур. Большинство их отправлялось на восток по железным дорогам, которые, прямо или косвенно, внесли свой весомый вклад в истребление бизонов. Вильям Коди по прозвищу «Баффало-Билл», нанятый Канзасской Тихоокеанской железной дорогой в качестве охотника за мясом бизонов для снабжения им железнодорожных рабочих, прославился главным образом тем, что за восемнадцать месяцев убил 4280 бизонов.

Железнодорожные компании использовали бизонов и для развлечения своих пассажиров. Когда поезд приближался к стаду на расстояние ружейного выстрела, он замедлял ход или совсем останавливался, окна вагонов опускались и пассажиров приглашали поразвлечься, для чего им раздавали ружья и патроны, предусмотрительно заготовленные компанией. Мужчины, да и женщины тоже, охотно пользовались этой возможностью приятного времяпрепровождения. При этом люди даже не пытались воспользоваться тушами убитых животных, разве что проводник иногда вырезал несколько языков, которыми в награду за меткую стрельбу угощались леди и джентльмены во время очередного приема пищи.

Защитники идеи уничтожения бизонов, выражая свое сожаление по поводу такого исхода, настаивают на том, что он был якобы неизбежен. Бизоны, утверждают они, должны были погибнуть, чтобы освободить землю для более полезного ее использования. Вот вам еще один пример резонерства современного человека для оправдания истребления им других видов. Недавно специалисты, занимающиеся вопросами продуктивности и пастбищного скотоводства, пришли к выводу, что продуктивность скотоводческих хозяйств на равнинах Запада не только не превышала, но даже не достигала уровня естественного воспроизводства мяса. Все, чего люди добились, уничтожив бизонов

и заменив их домашним скотом,— это подмены более ценного и более стойкого дикого животного менее полезным и менее стойким домашним животным.

В любом случае бизоны были уничтожены не ради освобождения земель, пригодных для фермерских хозяйств. Этот предлог еще не был при-

думан во время массовой бойни. Жестокая правда заключается в том, что уничтожение одной из самых прекрасных и жизнеспособных форм животного мира на нашей планете невозможно объяснить никакими другими причинами, кроме как стремлением уничтожить индейцев Равнин и страстью к наживе... и кровопролитию.

Глава 10

Дикie кошки и собаки

Дикie кошки

Большая североамериканская кошка — желтовато-коричневая длиннохвостая пума (кугуар)⁷⁰ — достигает в длину 2 метров 75 сантиметров от кончика морды до кончика хвоста и весит около ста килограммов; ее душевраздирающий визг в брачный период может до смерти напугать людей неосведомленных.

До прибытия на континент европейцев пума (на Западе ее называли «горным львом», на Юге — «пумой») по сравнению с другими млекопитающими населяла обширнейшую территорию Нового Света, простирающуюся от севера Британской Колумбии и Юкона до Новой Шотландии на востоке, а в южном направлении охватывающую все Соединенные Штаты, Центральную Америку и Южную Америку до самой южной оконечности Патагонии. Ее восточная разновидность обитала также в лесах всех атлантических провинций Канады (кроме Ньюфаундленда) и юга Североамериканского континента вплоть до Мексиканского залива и Флориды.

Этих животных очень боялись в Новой Англии в прежние времена. В

1620-х гг. Хиггинсон называл их даже «львами», о которых Уильям Вуд примерно в 1634 году напишет: «Касательно львов не скажу, что мне пришлось их увидеть собственными глазами, однако люди говорят, что видели одного у Кейп-Анн не далее шести лиг от Бостона. Другие, заблудившись в лесу, также цепенели от страха, слыша ужасный рев, присущий только дьяволам или львам... Кроме того, [на этих берегах] люди из Плимута* прежде торговали львиными шкурами».

К 1720 году это животное уже было хорошо известно французам по рассказам индейцев. Шарлевуа описывает его под индейским наименованием "carcajou"***:

«Кроме индейцев, у американского лося есть и другие враги... Самый грозный из них — «каркажу», зверь типа кошки с таким длинным хвостом, что он закручивает его несколько раз

---

* Старейший (1620 г.) город Новой Англии на востоке Массачусетса. — *Прим. перев.*

** На современном французском языке carcajou — американский барсук, а на английском — росомаха. — *Прим. перев.*

вокруг своего туловища... Как только этот хищник нагоняет лося, он тотчас же прыгает ему на шею, обвивая ее своим длинным хвостом, и перегрызает яремную вену своей жертвы. У лося нет другого способа спасения, кроме как броситься в воду в момент нападения... [если это лося удастся], каркажу, который не выносит воды, тут же отпускает свою добычу... Этот зверь, не обладая острым обонянием, берет с собой на охоту трех лисиц, которых он посылает на разведку. Почувяв след лося, две из них располагаются по сторонам, а третья забегает сзади; вся троица так хорошо знает свое дело, что они заставляют испуганное животное подойти к месту, где остался каркажу, с которым они потом... делят добычу. Среди других уловок каркажу есть и такая: он взбирается на дерево и, затаившись на суку, поджидает, когда под ним появится проходящий лось, чтобы прыгнуть сверху ему на шею... В каком другом месте земного шара можем мы найти неразумных зверей, наделенных столь сильным инстинктом и старанием, как лисицы... и каркажу?»

Ссылка на предполагаемые совместные действия каркажу и лисиц, возможно, говорит о Шарлевуа как о чересчур легковверном человеке, однако известно, что лисицы постоянно питаются падалью убитых пумой животных.

Несмотря на репутацию свирепого зверя, каркажу оказался бессильным против оружия и коварства европейцев. Спасаясь бегством от преследующей его собачьей стаи или даже от одинокого пса, он нередко забирался на дерево. Оттуда его легко было свалить выстрелом даже из примитивного ружья XVII века. Профессиональные охотники на диких кошек считали его трусливым, хотя он просто старался избегать столкновений с людьми. Однако уклониться от встреч с ними оказалось невозможно, и как северо-восточные каркажу, так и юго-восточные подвергались жестокому преследованию и травле, поскольку обычно за каждое убитое животное

полагалось вознаграждение. Так продолжалось до тех пор, пока последние их прибежищем не стали огромные флоридские болота, несколько уединенных мест в Аппалачах и чащобы громадных лесных массивов полуострова Гаспе и провинции Нью-Брансуик.

Последнего каркажу в Квебеке убили близ Сореля в 1863 году, и вместе с ним ушло в прошлое даже само название животного, которое впоследствии, правда, снова появилось в северо-западных районах Канады, но так стали называть уже другого зверя — росомуху. Последняя пума в провинции Онтарио была убита в 1884 году. К концу прошлого столетия пума считалась исчезнувшей на всей восточной территории Канады и США, за исключением полуострова Флорида, где в глуши заболоченного района Эверглейдс укрывалось небольшое число этих животных*.

После второй мировой войны начали ходить странные слухи (сначала очень редкие и неопределенные, а затем буквально наводнившие почти всю восточную часть Северной Америки) о пумах, появившихся вновь на территории от Джорджии до Нью-Брансуика. Однако из сотен таких сообщений подтвердились всего четыре случая. Начиная примерно с 1950 года в восточном районе действительно были убиты четыре кугуара, но три из них, по-видимому, случайно забрели туда из флоридских болот, а четвертый оказался одичавшим полудомашним животным. Тем не менее вера в существование восточного кугуара пустила такие глубокие корни, что заставила задуматься даже скептически настроенных ученых.

С 1948 года Брюс Райт, в то время директор станции по охране

---

* Флоридская пума (кугуар) представляет собой отдельную разновидность, отличную от кугуара восточных районов. Принято считать, что по состоянию на 1984 год в живых осталось не более двух-трех десятков флоридских кугуаров.

диких животных в Нью-Брансуике, стал изучать сообщения о появлениях кугуаров и продолжал заниматься этим до самой своей кончины в 1975 году. За этот период он собрал триста сообщений и, как ему казалось, даже напал на след кугуара. В опубликованной в 1959 году книге он утверждал, что восточная форма «большой дикой кошки» не только сохранилась, но и насчитывает, возможно, с сотню особей, обитающих в основном в штатах Мэн и Нью-Брансуик, но также встречающихся к западу до полуострова Гаспе и к востоку до острова Кейп-Бретон.

Лично я отдал бы многое, чтобы убедиться в обоснованности оптимизма Райта. Однако, несмотря на большой размер животного и интенсивную охоту в предполагаемых районах его обитания, а также многочисленные сообщения о визуальных наблюдениях даже в таком невероятном месте, как окрестности Труро, остается неоспоримым факт, что в нашем столетии не известно ни одного случая, чтобы где-либо в восточной Канаде или штате Мэн был убит кугуар или бы там были обнаружены хотя бы кусочек мяса, шкуры или косточки этого животного. С чувством сожаления я вынужден констатировать, что, несмотря на нашу убежденность, продиктованную желанием, «большая кошка» восточных лесов сегодня — не более, чем призрак.

Согласно Ле Клерку, примерно в 1680 году в районе полуострова Гаспе водилось «три вида волков. [Один из них], *Loup cervier*, отличался сербристым мехом и двумя маленькими черными кисточками на голове. Его мясо, привлекательное на вид, противно на вкус. Этот странный с виду волк не так свиреп, как кажется».

Три типа «волков» Ле Клерка — хороший пример путаницы, мешавшей воссозданию естественной истории Североамериканского континента. В то время как на полуострове Гаспе действительно обитали три

вида семейства собачьих, ни *Loup cervier*, ни другой вид из трио Ле Клерка — *Loup marin* — не имеют к нему отношения. На деле его *Loup marin** является тюленем, а *Loup cervier* — рысью.

Плотно сбитая, длинноногая и короткохвостая рысь⁷¹, вероятно, никогда не была животным, характерным для южных районов. Основной ее ареал включает северную треть территории США и простирается до границы произрастания древесной растительности в Арктике. Рысь мало интересовала первых торговцев пушиной, поскольку на европейских рынках отдавалось предпочтение шкурам животных с коротким и густым мехом. Не вызвала она у европейцев и особой враждебности — люди редко сталкивались с этим осторожным, ведущим ночной образ жизни хищником, чаще всего они даже не подозревали о его присутствии.

Однако позже рысь стала жертвой абсурдного имени, которым нарекли ее люди. Английские колонисты, не имевшие для нее своего названия, приняли французское — *Loup cervier*, но переименовали его по созвучию на *Lucifer***. Вскоре после этого оправдалась поговорка о дурной репутации собаки*** (в данном случае — кошки). Благочестивые пуритане рассудили, что любое животное, прозванное сатаной, следует считать врагом человека. Естественно поэтому, что «люцифер», наделенный отныне сатанинскими свойствами, вместе с рыжей рысью пополнил список опасных животных.

Если в начале нашествия европейцев «люцифер», по-видимому, широко встречался на восточном побережье, по крайней мере до Чесапикского

* *Loup marin* (фр.) — морской волк. — Прим. перев.

** *Lucifer* — Люцифер, демон (фр.); сатана (англ.). — Прим. перев.

*** Give a dog a bad name and hang him (англ.) — считать кого-то плохим, потому что о нем идет дурная слава, оклеветать кого-либо с тем, чтобы погубить его. — Прим. перев.

залива, то к середине 1800-х годов в результате короткой расправы он был истреблен поселенцами почти повсеместно, если не считать лесных дебрей северной части США. Правда, к этому времени животное лишилось названия «люцифер» и носило имя рыси, первоначально данное его европейскому сородичу. Тем не менее снятие дьявольского клейма не освободило рысь от преследования человеком, ибо с течением столетий ее мягкий, пастельного оттенка мех приобрел такую ценность, что к концу XIX века рысь стала объектом охотничьего промысла на всем севере Американского континента.

К началу второй мировой войны рысь в США практически исчезла, если не считать нескольких десятков особей, широко рассеянных на севере Новой Англии. Она была полностью уничтожена на острове Принца Эдуарда и стала столь редким обитателем в других приморских провинциях Канады, что, какой год ни возьми, в капкан попадались лишь единицы. А ведь цена за шкуру рыси, даже в годы кризиса, поднималась до сорока долларов.

На Ньюфаундленде события развивались по-другому. Впервые в истории этой провинции рысь упоминается в 1500—1501 годах братьями Корте Риал, обнаружившими там присутствие «тигров». К 1505 году по крайней мере одна рысь была отправлена из Ньюфаундленда через океан в подарок английскому королю Генриху VII. Из других источников явствует, что «люцифер», или «люзарн», как иногда называли зверя, обитал на Ньюфаундленде вплоть до XIX века, когда он как бы внезапно исчез из виду. Его неожиданное исчезновение было столь ошеломляющим, что некоторые биологи пришли к заключению, что рыси вообще не водились на Ньюфаундленде до последней половины столетия, когда они перешли на остров из Лабрадора по замерзшему проливу Белл-Айл.

Сие ошибочное мнение возникло, видимо, из бытующего представления

о зависимости существования рыси от американского зайца-беляка. Считалось, что рысь не могла бы выжить на Ньюфаундленде, пока туда в 1880-х годах не завезли этого зайца. Истина же заключается в том, что до прибытия европейцев ньюфаундлендская рысь (уже сформировавшаяся как отдельный подвид) прекрасно обходилась местными полярными зайцами⁷², а также, хотя и в меньшей степени, оленями, оставшими от бродивших по острову огромных стад карибу. Массовое истребление белыми людьми именно этих двух видов животных едва не привело местную рысь к гибели, от которой ее спас плодовитый американский заяц-беляк⁷³, по иронии судьбы завезенный на остров человеком.

На Ньюфаундленде рысь сохранилась, но в других местах ее участь была трагической. Лет двадцать тому назад законодатели мод вознесли рысий мех до высот «роскошного натурального выходного меха». Цены на рысьи шкуры резко подскочили. К концу 1970-х годов шкура хорошего качества стоила 200 долларов. Рыночный спрос на рысьи шкуры повысился настолько, что предприниматели фрахтовали самолеты для доставки трапперов в незатронутые охотой места, где рысей уничтожали на огромных пространствах при помощи капканов, ловушек и ядов. Эта бойня достигла такого размаха, что уже к 1982 году «производство» рысьих мехов резко сократилось. В соответствии с экономическими законами дефицит повлек за собой столь же резкий рост цен. В 1983 году, когда добыча рыси в Канаде снизилась вдвое по сравнению с 1982 годом, цена за шкуру подскочила в среднем до 400—500 долларов, а временами доходила и до 1000 долларов.

Сокращение популяций рыси было столь разительным, что власти провинции Онтарио ввели запрет на добычу рыси в сезон 1985 года. В районе восточного побережья, где раньше рысь водилась в большом количестве, она встречается теперь так редко,

что в Нью-Брансуике, например, ее объявили охраняемым видом. В Новой Шотландии вы еще можете поохотиться на рысь, если только сумеете ее найти. За последние несколько лет в этой провинции было добыто лишь несколько шкур.

На острове Кейп-Бретон, который, по предположению извечных оптимистов из отдела землепользования и лесного хозяйства Новой Шотландии, служит местообитанием «сильного поколения рыси», я лишь однажды напал на след этого зверя, а за последние три года ни разу не слышал, чтобы его там видели. Трапперы говорят мне, что этот вид вымер не только на Кейп-Бретоне, но и на всей остальной территории провинции. Рысь потеряла промысловое значение во всех районах восточного побережья Северной Америки, за исключением, возможно, Лабрадора. Не многим лучше ее положение и на западе континента.

Короткохвостая рыжая рысь⁷⁴, весом всего около девяти килограммов, была самой маленькой и, вероятно, самой многочисленной из трех диких кошек, первоначально обитавших в этом регионе. В отличие от северной рыси она предпочитала более теплый климат и водилась в районах, ограниченных с севера рекой Св. Лаврентия и заливом того же названия.

Ее довольно грубый мех с ломким волосом никогда не был в большой цене на рынке пушнины, но это не спасло ее от вендетты европейских пришельцев, убивших себя в том, что эта дикая кошка является кровавым врагом не только диких животных, на которых они охотились, но и домашнего скота.

Если еще в 1727 году власти штата Массачусетс выплачивали за каждую убитую рыжую рысь премию в размере тридцати шиллингов, то в 1930 году премия продолжала выплачиваться, но уже в размере десяти долларов. Подобная практика, применявшаяся почти везде, где селились

европейцы, в конце концов привела к сокращению численности популяций рыси до ничтожно малых размеров в большинстве обширных районов ее прежнего обитания. На востоке континента рыжая рысь была истреблена фактически полностью и сегодня ее можно встретить разве что в нескольких лесных заповедниках, которые пока продолжают функционировать в восточных штатах США и приморских провинциях Канады.

Несколько веков преследования научили рыжую рысь так хорошо скрываться от людей, что только в конце 1960-х годов удалось обнаружить сравнительно большую популяцию в диких пустынных районах центральной части Новой Шотландии. Это «открытие» было сделано в результате инспекционного обследования мест обитания пушных зверей, проведенного провинциальным отделом землепользования и лесного хозяйства. Эти неожиданные «ресурсы» было решено использовать для привлечения охотников в провинцию.

Во исполнение принятого решения была организована «общественная охота на рыжую рысь» с центром в городе Труро, где, как гласило рекламное объявление, широко опубликованное в охотничьих журналах, «всегда в избытке дикие кошки для вашей своры гончих псов». Первая «общественная охота на рыжую рысь» имела шумный успех: что-то около 600 гончих собак, принадлежавших в основном охотникам из восточных и центральных американских штатов, было выпущено в леса Новой Шотландии. Охотники следовали за ними на автомашинах с двумя ведущими осями и на вездеходах, а кто побогаче — на вертолетах. Подобно большинству кошек, рысь, убегая от преследующих ее собак, быстро взбирается на дерево. Оттуда ее легко снять выстрелом, но многие охотники предпочитали только ранить ее, чтобы, когда она свалится на землю, гончие псы могли бы заживо растерзать ее на части.

Кульминационный момент ежегод-

ного охотничьего спектакля наступает, когда железную клетку с пойманной рысью подвешивают на сук дерева, вокруг которого кружит до сотни обезумевших от ярости собак. Стоит заметить, что отдел землепользования и лесного хозяйства Новой Шотландии запрещает гражданам содержание в неволе рыжей рыси, и в то же время его собственные должностные лица поставляют ритуальную жертву для упомянутого спектакля.

Охотничья кампания с центром в Труро пользовалась потрясающим успехом. Согласно имеющимся данным, за зимний сезон 1969/70 года в Новой Шотландии были убиты 1729 рыжих рысей; в сезон 1975/76 года добыча в провинции составила 1862; еще 752 были добыты в соседней провинции Нью-Брансуик, в основном охотниками-спортсменами. Тем не менее великие дни «общественной охоты на рыжую рысь» приближаются к концу по мере систематического уничтожения последней цитадели рыжей рыси в районе восточного морского побережья ради... удовольствия и наживы.

Дикие собаки

Когда европейцы впервые появились на восточном побережье, среди его обитателей насчитывалось три диких члена семейства собачьих и несколько пород домашних собак. С тех пор два диких и большинство местных домашних видов исчезли, зато — и это можно считать уникальным событием — появился новый вид, который, вероятно, получит свою экологическую нишу в той части мира, где его сородичи погибли от рук современного человека.

Давайте сначала посмотрим, что случилось с домашними собаками. К их числу принадлежали так называемые лайки инуитов, несколько пород малорослых охотничье-ездовых собак индейцев с материка и загадочный «водолаз» — собака черной

масти, похоже, типичная для Ньюфаундленда.

Местную породу лаек можно было встретить на Лабрадоре еще в 1890 году. Судя по фотографиям, она была похожа на арктических эскимосских собак, но отличалась от них большей стройностью и менее мохнатой шерстью, что было свойственно животным зоны более умеренного климата. Распад аборигенной культуры положил конец существованию лайки. До 1940-х годов в нескольких поселках на Лабрадоре, например в Найне, еще держали лаек в качестве ездовых и вьючных животных, но в последние годы их заменили мотонарты, и теперь там можно встретить разве что нескольких выродившихся собак, чья кровь вобрала в себя наследственные линии столбых пород, что распознать их совершенно невозможно.

Аналогичная судьба постигла собак с материка, принадлежавших индейцам. Явных признаков продолжения их рода, после того как минули первые десятилетия нашего века, не существует. Только одна из трех пород, и то претерпев изменения, могла сохраниться до наших дней. Первое упоминание об этом удивительном животном я нашел в отчете о плавании судна «Мэриголд» в 1593 году в район пролива Кабота, где команда повстречала «туземцев с их собаками черной масти, размером поменьше борзой, которые следовали за ними по пятам». Хотя историки утверждают, что беотуки (ньюфаундлендские туземцы) не держали собак, я нашел достаточно много доказательств, свидетельствующих об обратном. Более того, в дошедших до меня описаниях их неизменно называли «черными» собаками, отличными от пород, принадлежавших племенам с материка.

Несомненно одно: черная ньюфаундлендская собака (вероятно, местного происхождения) является главной родоначальницей современных лабрадоров, ньюфаундлендов и нескольких других пород охотничьих

собак. Вплоть до 1950-х годов собак, имеющих отчетливые признаки родоначальной породы, можно было встретить в некоторых дальних портах на побережье Ньюфаундленда, где их попросту звали «водолазами». Может быть, несколько чистопородных особей сохранилось где-то и сейчас, но главное в том, что основная генетическая линия от ньюфаундлендского «водолаза» продолжается, чего нельзя сказать о ее хозяевах — индейцах племени беотуков, уничтоженных ньюфаундлендскими поселенцами и рыбаками до последнего мужчины, женщины и ребенка.

В XVI веке на северо-восточном побережье встречались две разновидности лисиц: рыжая лисица и серебристая (черная или черно-бурая). Они в изобилии водились во всех лесных районах побережья, причем имеющиеся сведения указывают на то, что «черная» лисица встречалась не реже, чем рыжая. Во всяком случае, Паркхерст сообщал с Ньюфаундленда в 1570-х годах только о черной разновидности. В конце XVI столетия Шамплейн поведал о том, что охотники на моржей на острове Сейбл «добыли большое количество отличных черных лисиц, шкурки которых они тщательно хранили». Джон Роуз, отмечая изобилие лисиц в районе Бостона, упоминал, что «некоторые были совершенно черными». Уже в 1780 году среди лисиц, добытых Картрайтом на Южном Лабрадоре, оказалось шестнадцать черно-бурых, двадцать восемь промежуточных разновидностей и только девятнадцать рыжих лисиц. В то время, как, впрочем, и сейчас, шкурки серебристо-черных или черных лисиц были в хорошей цене, поэтому неудивительно, что теперь в остаточной популяции диких лисиц в восточной части Северной Америки эти разновидности почти не встречаются.

Лисиц рыжей масти еще можно увидеть в большинстве первоначальных районов обитания, но уже не так часто, как раньше, поскольку в

результате растущего в последние годы спроса на лисий мех со стороны торговцев модными товарами численность рыжих лисиц заметно сократилась.

Менее удачно сложилась судьба меньшего по величине (немногим больше рослой кошки) белого песца. Его, как и белого медведя, считают теперь исключительно арктическим видом и официально именуют «арктической лисой». А ведь во времена первых европейцев песец был обычным обитателем побережья залива Св. Лаврентия на Лабрадоре и даже на Ньюфаундленде.

Песцы были двух цветов — белый и так называемый «голубой», а в действительности — серый. Паркхерст сообщал о том, что на Ньюфаундленде встречаются «черные, белые и серые лисицы». О черных мы уже говорили. Белыми могли быть животные типа современного песца. «Серые» могли относиться либо к «голубым» песцам в зимнее время, либо к белым или голубым песцам в летнем одеянии, ибо песец с любой окраской шерсти весной линяет, одеваясь в серовато-коричневый мех с преобладанием того или другого оттенка.

Песец отличается ненасытным любопытством и доверчивостью по отношению к людям, что делает его чрезвычайно уязвимым животным. Я знал одного траппера из Киватина, который за зиму добывал в арктических тундрах до сотни песцов, не удаляясь за пределы нескольких десятков метров от своей хижины. Ранней осенью он оставлял несколько туш убитых оленей на небольшом расстоянии от своего «двора», достаточно, чтобы он мог выдержать злобные, распространившиеся от гниющих туш. На запах падали с сотен квадратных километров вокруг сбегались десятки песцов (осенью и зимой песцы ведут кочевой образ жизни). «Они путались под ногами, словно кошки, и казались совсем ручными», — говорил мне охотник. Затем, в ноябре — начале декабря, когда, по его мнению, мех становился самого луч-

щего качества, он закладывал в туши таблетки стрихнина и «пожинал урожай».

Скупщики мехов уничтожили большую часть местной популяции песцов северо-восточного побережья, и тем не менее в 1779 году Картрайту удалось добыть в заливе Сандуич 27 песцов — 30% от общего количества песцов, добытых им в том году. Картрайт отмечал также, что в его время песцы еще размножались в заливе Сандуич. Даже в 1895 году А. П. Лоу писал о том, что песцы «в изобилии водятся в районе залива Гамильтон, но южнее — ближе к проливу Белл-Айл — встречаются гораздо реже».

Некоторые биологи утверждают, что песец никогда не был постоянным обитателем этого района и лишь в отдельные зимы он был вынужден мигрировать к югу из Арктики, когда там ощущалась нехватка пищи. Это утверждение перебивается с официальным мнением относительно первоначальных границ районов обитания белых медведей и моржей и столь же ошибочно. В то же время несомненно, что значительные миграции песцов на юг, хотя и с большими интервалами, действительно имели место. Последний раз это случилось в особенно суровую зиму 1922/23 года, когда множество этих маленьких зверьков вновь появилось на южном побережье Лабрадора и на севере Ньюфаундленда, где они отсутствовали в течение нескольких десятков лет*. Однако они не были мигрантами в точном смысле этого слова — скорее, это были беженцы, которые, вероятно, не попытались вернуться в Арктику с приходом весны и оставались в районе залива Св. Лаврентия и на Ньюфаундленде до тех пор, пока последний из них не попался в капкан несколько лет спустя. Имеются веские основания полагать, что песцы могли бы снова заселить покинутый ими южный район, если бы этому не помешали два обстоятельства. Первым из них было непосред-

ственное преследование песцов человеком. Другим — вторичный результат разрушительной деятельности современного человека. Последнее, видимо, явилось одной из причин исчезновения песцов, в первую очередь — из южных районов⁷⁵.

В своей книге «Млекопитающие Северной Америки» зоолог Виктор Кахалан пишет, что голубые песцы на островах Прибылова «питаются летом преимущественно птицами [особенно морскими] или птичьими яйцами. [Поскольку] эти птицы живут на скалах, песцы взбираются по почти отвесным голым стенам на высоту в сотни футов над бурунами... они часто уносят с собой как мертвых птиц, так и птичьи яйца и прячут их... для прокорма подрастающих щенят. Колонии птиц столь велики, что наносимый песцами урон, кажется, совсем не отражается на их огромной численности». Тем же занимаются песцы в восточных областях канадской Арктики и рыжие лисицы на Ньюфаундленде. Можно не сомневаться в том, что летнее питание песцов южных районов сильно зависело от птичьих колоний и что опустошение большинства их современным человеком нанесло чувствительный удар по выживаемости песцов.

В любом случае факт остается фактом — песец исчез на юге его бывшего ареала и в настоящее время обитает в арктических и субарктических районах. Исключение составляют случайные особи, дрейфующие на юг на паковых льдах (сопровождая белых медведей в роли шакалов) лишь затем, чтобы оказаться чужаками на чужой земле почти без надежды избежать ожидающих их там ружей и капканов.

В книге, которая в значительной мере состоит из эпитафий животным, не сумевшим пережить вторжение в их мир европейцев, хочется отвести душу историей об одном приятном исключении.

«Маленький волк» — так именовали индейцы Великих равнин живот-

* По меньшей мере один песец проник на юг до Кейп-Бретона, где попал в капкан.

ное, известное под названием «койот»⁷⁶. Во времена аборигенов койоты обитали исключительно на Западе; особенно изобиловали ими Великие равнины, где эти животные существовали с серыми волками. Однако было бы неправильно считать, что койоты владели жалкое существование. Несмотря на высокий уровень смертности, этот вид — благодаря своей пластичности — продолжал обитать даже после того, как там были уничтожены серые волки. В борьбе за выживание со своим главным врагом — человеком — койот должен был сначала научиться тому, как убежать от яда, западни, капкана и ружья, а уж потом начать восполнять свои огромные потери. Ниже следует еще один отрывок из книги Кахалана, написанной, заметьте, в 1947 году:

«Койот — это мусорщик, санинспектор и истребитель падали, причем все эти функции он выполняет бесплатно, лишь за «квартиру и стол»... Он быстро расправляется с дряхлыми, ранеными или голодающими животными. Будучи одним из заклятых врагов грызунов, койот сдерживает их распространение, снижает потери урожая зерновых и уменьшает опасность возникновения эпизоотий. На протяжении столетий койоты истребляют больных животных и заставляют держаться настороже выживших. Это благодаря койотам и другим хищникам, олени, антилопы и прочие копытные млекопитающие стали быстрыми, грациозными и жизнеспособными животными. Если бы не они [эти хищники], то они не только перенаселили бы районы своего обитания и вызвали бы чрезмерную нагрузку на местные пищевые ресурсы, но и разленились, растолстели и заболели бы циррозом печени.

Согласно подсчетам, в США, Канаде и на Аляске*... ежегодно отстреливают, ловят в капканы и травят ядами в общей сложности сто два-

дцать пять тысяч койотов... Несмотря на такое преследование, койоты заметно увеличили свою численность и расширили районы обитания за счет высокой плодовитости, ловкости и пластичности... Они достигли берегов Северного Ледовитого... и Тихого океанов. Временами койоты появляются даже на таких удаленных от их родных мест территориях, как Мэн и Флорида. Время от времени в местных газетах восточных штатов появляются сенсационные сообщения о том, что там застрелены или попали в капканы «странные собакоподобные животные», в которых в конце концов опознавали «кустарникового волка»**.

«Несмотря на свои пороки, койот в самом худшем случае — всего лишь хитрый воришка, а чаще — полезный и достойный внимания член общества млекопитающих. Без него Запад был бы иным: равнины и пустыни онемели бы без его заунывного воя. Что бы ни случилось, я все же надеюсь, что «маленький волк» и его потомки всегда будут с нами».

Надежда Кахалана не находит сочувствия у земледельцев, охотников-спортсменов, охотоведов и политиканов, которые в большинстве своем питают постоянную и неразумную враждебность к «маленькому волку». Как я подозреваю, она отчасти вызвана тем, что все они видят в койоте не только конкурента, но и самого гнусного преступника, бросающего успешный вызов нашим притязаниям на единоличную власть над всеми жизненными формами. Если бы они могли сделать *по-своему*, койоты давно бы вымерли. Сам факт выживания и продолжения их существования на огромных пространствах нашего континента, где наши современники сумели уничтожить большинство других хищников, кажется этим людям невыносимым оскорблением.

К середине 1970-х годов «маленький волк» добрался до Новой Шотландии, а в 1982 году проник по насыпной дамбе на остров Кейп-Бретон. Един-

* Аляска стала одним из штатов США в 1959 году. — Прим. перев.

** Так называют койота. — Прим. перев.

ственными канадскими провинциями или территориями, где он пока не обнаружен, остаются остров Принца Эдуарда и Ньюфаундленд, но я не поручусь за то, что койот когда-нибудь не доберется и до этих островов. В южном направлении «маленький волк» достиг Атлантического побережья на всем протяжении от Мэна до Флориды. И невзирая на нашу смертельную вражду, он повсюду оседает прочно и надолго.

Секрет успеха койота, видимо, так и не получил своего объяснения, но мне кажется, что я знаю, в чем здесь дело. «Маленький волк» восточных районов заметно крупнее и темнее родственного ему койота на Западе, причем эти различия настолько разительны, что вряд ли могли развиться в ходе обычного эволюционного процесса всего лишь за одно столетие с начала распространения его на восток. Однако давно известно, что койоты легко спариваются с подходящими по росту домашними собаками. Я сильно подозреваю, что «кустарниковый волк», как его окрестили жители восточных районов, является продуктом скрещивания между собственно койотом, обыкновенным волком* и одичавшей собакой и что нынешний «маленький волк» есть не что иное, как новый вид, соединивший в себе гибридную силу с пониманием человеческого поведения, присущим домашней собаке. Если это так, то секрет успеха «маленького волка» кроется в следовании им старой как мир поговорки: с кем поведешься, от того и наберешься.

Но в чем бы ни заключался секрет его успеха, я вслед за Кахаланом желаю благополучия сильному, умному и выносливому «маленькому волку», чей протяжный полуночный вой я снова услышал прошлым летом на Кейп-Бретоне — впервые после того, как полвека назад покинул западные равнины моего отрочества.

Около десяти тысячелетий тому назад волк был вторым после человека наиболее распространенным и процветающим млекопитающим в северном полушарии. Многочисленные разновидности и подвиды *Canis lupus* — серого волка — встречались, начиная от Японии, по всей Азии, Индии, Европе, Северной Африке и Северной Америке. При этом волки нигде не отличались большой численностью в смысле образования крупных популяций, ибо, подобно первобытным людям, они жили семейными группами, или кланами, в пределах собственных охотничьих участков, разбросанных на огромных пространствах и включающих в себя острова высоких широт, болота и джунгли субтропиков, лиственные леса зоны умеренного климата, иссушенную солнцем пустыню Гоби и вздымающиеся в высь хребты Альп, Гималаев и Скалистых гор.

Есть много доказательств того, что раньше не питавшие взаимной вражды волки и охотники не только терпимо относились друг к другу, но и вели образ жизни, напоминающий симбиоз, когда жизнь одного зависела от благополучия другого. Охота на волков по необходимости помогала людям выжить в борьбе с голодом; в то же время общеизвестно, что массовое уничтожение человеком других животных по мере усовершенствования огнестрельного оружия пошло волкам на благо. Сравнительно недавно, в 1940-х годах, оленеводы-инуиты районов центральных и арктических областей Канады сами способствовали тому, чтобы волки жили и устраивали свои логова на охотничьих участках племени. Они были уверены, что эти большие дикие собаки способны «призывать» стада мигрирующих оленей карибу. Волки, видимо, охотно «пошли» на это, пользуясь остатками с охотничьего стола оленеводов.

Когда человек, становясь фермером или пастухом, зависимым от домашних животных, начал освобождаться от своих охотничьих привычек, он перестал приписывать волку свой об-

---

* Timber wolf (англ.) — обыкновенный («серый») волк. — *Прим. перев.*

раз мышления и со временем стал считать бывшего товарища по охоте своим закоренелым врагом. В конце концов цивилизованному человеку удалось полностью вытравить из своей памяти образ *реального* волка и заменить его придуманным образом животного с массой дурных наклонностей, вызывавших почти патологический страх и ненависть.

В начале освоения Нового Света европейцам всюду попадались волки. Однако, не вполне еще «цивилизованные», будущие земледельцы на первых порах не обращали на них особого внимания. Антони Паркхерст как бы вскользь упоминает о волках приблизительно в 1574 году: «Я забыл было сказать о множестве волков». Джеймс Йонге, посетивший Ньюфаундленд в 1663 году, также мимоходом упоминал о «медведях и волках ... которыми изобилует эта страна». Даже в 1721 году Дени де Ля Ронд, описывая остров Принца Эдуарда, заметил с видимым безразличием, что «[там] в изобилии водятся большие волки».

Действительно, примерно до середины XVIII века чужеземцы вели себя пассивно в отношении волков, за исключением, может быть, районов поселений. Первопроходцы, трапперы и даже рыбаки, по-видимому, не боялись волков, не считая их смертельными врагами. Страшная легенда о всепожирающем волке с клыкастой, брызжущей слюной пастью и налитыми кровью глазами появилась на свет на нашем континенте только после поселения европейцев, задавшихся целью «превратить эту дикую пустыню в истинно райский сад для улады и пользы человека» (каковым, надо полагать, она теперь и является).

Примерно к 1750 году волк успел превратиться в сознании людей из естественного обитателя Нового Света в прожорливого монстра, которого поселенцы Новой Англии нарекли «порождением дьявола в наказание человечеству». Люди свято верили, что они не смогут превратить «дикую пустыню в рай» и «покорить» Новый

Свет, пока волки рыщут по лесам, равнинам, тундре и горным долинам. Так началась одна из самых беспощадных войн за преднамеренное уничтожение современным человеком братьев своих меньших.

В 1877 году преподобный Филип Токе докладывал об успешном ходе этой войны на Ньюфаундленде: «Несколько лет тому назад эти звери были довольно обычными обитателями окрестностей Сент-Джонса... Был принят закон... о вознаграждении за отстрел волков в пять фунтов... Соразмерно с ростом [народо] населения эти властители лесов будут постепенно уничтожаться, [пока не] будет забыто само их существование. История почти каждого народа свидетельствует о том, что по мере расширения своих владений человек вторгается в царство животных, сея смерть и разрушение».

Как показывает история Ньюфаундленда, некоторые обитатели океана и стаи пернатых [уже] погибли от разящей десницы человека».

Великолепный почти чисто белый ньюфаундлендский волк — уникальный подвид арктического происхождения — имел пророческое латинское название *Canis lupus beothucus*, которое говорит нам о его связи с ньюфаундлендскими коренными жителями — индейцами племени беотуков. Белый волк ненадолго пережил своего тезку беотука — еще одну жертву «разящей десницы человека». Известно, что последний оставшийся в живых зверь был убит в 1911 году.

По существу, та же история повторялась и повторяется во всех других районах континента. Поощряемые государственными субсидиями и вознаграждениями, наши современники с помощью ядов, капканов, петель и ружей, а также передовой технологии и новейшего вооружения вели и продолжают вести смертельную войну против волков — кампанию, которая, очевидно, закончится полным истреблением этих животных в Северной Америке, если не во всем мире.

По состоянию на 1984 год *Canis*

lupus был полностью уничтожен на Ньюфаундленде, острове Принца Эдуарда, в Новой Шотландии, Нью-Брансуике, на юге Онтарио и Квебека, в канадской прерии* и в значительной мере в Мексике и в граничащих с Канадой американских штатах, за исключением Миннесоты и Мичигана, где под угрозой истребления доживают несколько сотен сохранившихся особей. В период с 1850 по 1900 год правительственные вознаграждения были выплачены примерно за два миллиона убитых, пойманных в капканы или отравленных волков в США (без Аляски). В то время один «волчатник», снабженный мешочком стрихнина, мог за один сезон записать на свой счет до 500 отравленных волков. В настоящее время из двадцати четырех подвидов и разновидностей *Canis lupus*, обитавших в Северной Америке в начале нашествия европейцев, семь уже исчезли, а большинство из оставшихся находятся под угрозой полного уничтожения.

Репутация волка сложилась из различных мнений — «за» и «против». Достаточно сказать, что, по мнению большинства самостоятельных мыслящих ученых, волки жизненно необходимы для благополучия как раз тех видов животных, которые составляют их добычу; волки не представляют опасности для жизни людей; наконец, они наносят лишь незначительный урон домашним животным и, как правило, стараются держаться подальше от людских поселений и сельскохозяйственных предприятий. Мы приговаривали их к смерти не за то, чем они являются на самом деле, а за их нами же вымышленный образ свирепых убийц, который, по правде говоря, отражает нашу собственную сущность.

Еще один недавний пример систематического истребления волков под тем же постыдным предлогом помощи процветанию «более подходящих» видов подала провинция Британская

* Центральная часть провинции Альберта. — Прим. перев.

Колумбия, где войну за уничтожение этих животных возглавил министр, ответственный за охрану природных ресурсов. Вот что он заявил:

«Эти „красивые звери“ могут приятно выглядеть в книге, на фотографии или картине. Они могут произвести впечатление в зоопарке или в ловко сделанном кинофильме. В жизни же, в кустарниковых зарослях они — одни из самых опасных, злобных и жестоких убийц, какие только существуют. Вопреки версии Фарли Моуэнта, они убивают вовсе не выборочно. Стая волков убьет всех животных в стаде, которых сможет убить, зачистую лишь вспарывая им шкуру и обрекая их на медленную смерть».

Такой вот приговор был вынесен волкам в ноябре 1983 года министром по охране окружающей среды Британской Колумбии Тони Брумметтом. Избирательный округ Брумметта включает район реки Пис-Ривер в северо-восточном углу провинции — один из немногих глухих уголков, где пока еще водятся волки. Этот район с центром в Форт-Нельсоне — настоящий рай для охотников на крупную дичь и любителей трофеев, приезжающих туда в основном из Японии, ФРГ и США. Приятное времяпрепровождение богатых леги и джентльменов приносит немалый доход мотелям, ресторанам и лавкам Форт-Нельсона. Особенно большой доход получают заведения, снабжающие охотников снаряжением и егерями.

Когда в середине 1983 года Брумметт (сам заядлый охотник) узнал, что увеличивающийся наплыв иностранцев в районе реки Пис истощает запасы крупной дичи, он был встревожен этим обстоятельством не меньше своих избирателей. Поскольку ограничивать охоту было бы по политическим причинам нецелесообразно, Брумметт решил уничтожить единственного в природе конкурента человека в охоте на лося, снежного барана, карибу и прочую крупную дичь. Такой образ действий был выгоден еще и тем, что отвлекал внимание общественности от истинных преступ-

ников. Короче говоря, выход из положения он видел в том, чтобы признать волка виновным и сделать его мишенью как во плоти, так и в сознании людей.

Первым делом Брумметт поручил биологам из своего министерства собрать необходимые «научные» доказательства для предъявления обвинения волкам района реки Пис. Затем эти государственные служащие взяли на себя роль судей и присяжных заседателей и, признав волка виновным, вынесли ему смертный приговор. После чего Брумметт поручил привести приговор в исполнение д-ру Джону Эллиоту из Службы охраны рыб и диких животных — главному обвинителю на «волчьем процессе», который, кстати сказать, возглавлял в Форт-Нельсоне местную Службу охраны диких животных.

Из политических соображений было решено наметченную программу действий не публиковать и выделить на ее выполнение не больше 30 000 долларов за счет налогоплательщиков. Но поскольку Эллиот ни в коем случае не должен был испытывать нехватку средств, местное отделение Канадской федерации охраны диких животных и Ассоциация егерь северных областей Британской Колумбии обеспечили дополнительные ассигнования на фрахтование вертолета, при помощи которого Эллиот имел возможность произвести разведку и уничтожить популяцию волков северной части района реки Пис.

Здесь уместно будет сказать пару слов об упомянутой Канадской федерации охраны диких животных. Основанную в 1960 году обществами рыболовов и охотников с целью защиты их интересов, Федерацию не следует путать (хотя это так и напрашивается) ни с Канадской службой охраны диких животных — федеральной правительственной организацией, ни с Канадской федерацией по охране природных ресурсов и окружающей среды. Чтобы получить государственные средства и поддержку общественности, Канадская федерация охраны

диких животных провозглашает своей целью «увеличение численности популяций диких животных». При этом Федерация умалчивает о том, что «увеличение численности» в немалой степени направлено на обеспечение поставки живых мишеней для охотников-спортсменов — членов Федерации.

Не так давно я получил от упомянутой Федерации пакет почтовых марок с красочными изображениями цветов, бабочек и певчих птиц. Сопроводительное письмо с просьбой о пожертвованиях содержало следующее трогательное увещание: «Эти марки выполняют важнейшую миссию, когда Вы наклеиваете их на отправляемую Вами открытку, письмо или бандероль. Они напоминают о красоте, которую мы унаследовали и должны сберечь общими усилиями. Пользуйтесь этими марками, чтобы люди не забывали о важном значении дикой природы, охраны природных ресурсов и здоровой окружающей среды».

Помощь администрации Британской Колумбии д-ру Эллиоту в осуществлении его программы «увеличения численности» диких животных включала сотрудничество с Фондом охраны диких баранов Северной Америки — аналогичной организацией, основанной в Вайоминге с целью «увеличения» численности диких баранов для развития охоты. Ее президент похвастал, что в 1983 году Фонд истратил 800 000 долларов, «солидная часть» которых была использована в Канаде на истребление волков, выжигание лесов и прочие мероприятия, направленные на улучшение условий охоты на диких баранов. Примерно 200 000 долларов из общей суммы расходов были выделены на поддержку программы д-ра Эллиота и г-на Брумметта по «регулированию» численности волков.

Кроме того, Канадская федерация охраны диких животных организовала сбор дополнительных средств на осуществление работ д-ра Эллиота, выпустив специальную лотерею в тысячу билетов стоимостью сто долларов

каждый. Самым крупным выигрышем было участие в десятидневной охотничьей экспедиции — сафари в Зимбабве, где счастливый обладатель выигравшего билета имел возможность вдоволь поохотиться на африканских животных.

Сначала все эти мероприятия намечалось провести, так сказать, «негласным образом». Однако в январе 1983 года слухи о планах использования лотерейной выручки просочились наружу, и в воздухе запахло крупным скандалом. Одному дотошному репортеру удалось пронюхать не только о намерениях Брумметта, но и о том, что Эллиот уже всюю занимается выполнением порученного ему задания.

Уединившись на ранчо одного из богатейших местных охотников — щедрого жертвователя на нужды правящей партии социального кредита, которую представлял Брумметт, Эллиот командовал оттуда ударными силами, состоявшими из вертолета и нескольких легких самолетов поддержки. Эти пилотируемые «добровольцами» личные самолеты прочесывали местность в поисках волков. Когда кто-нибудь из «своры воздушных гончих», как они себя в шутку называли, засекал волчье семейство, он радировал об этом Эллиоту, и тот направлял свой вертолет к обнаруженной цели. Самолеты сгоняли волков в кучу, не давая им возможности убежать, а Эллиот на бреющем полете в упор расстреливал их из автоматического оружия. Когда это считали удобным, убитых волков подбирали, а их шкуры стоимостью каждая от 75 до 100 долларов отдавали «добровольцам» в награду за оказанные ими услуги. Когда эта история получила огласку, уже было убито около 35 волков.

Протесты организаций по охране природы нашли широкую поддержку со стороны возмущенной общественности. Эллиот был спешно вызван в столицу провинции Викторию, где Брумметт устроил пресс-конференцию. Назвав свою программу обычным

мероприятием по «использованию запасов промысловой дичи», министр подтвердил, что целью программы является «увеличение численности диких животных для развития охоты». Он сравнил эту деятельность с выращиванием домашнего скота. «В сельском хозяйстве мы также стремимся вырастить побольше животных, с тем чтобы побольше их забивать», — сказал он. Затем откровенно заявил, что его министерство само финансирует всю программу, и представил аудитории Эллиота. С подкупающей простотой Эллиот пояснил, что он выполняет научно обоснованную программу охраны природных ресурсов, в соответствии с которой 80% от 500 волков в охваченном программой районе будут «отбракованы» для того, чтобы обеспечить устойчивое здоровое состояние популяций крупной дичи, *включая популяцию самих волков*. Щеголяя фактами и цифрами собственных исследований и другими данными, подтверждающими его выводы, Эллиот производил впечатление блестящего молодого ученого, преданного своему делу. Тем не менее его «обоснованные данные» тут же были подвергнуты критике назависимыми экспертами, поставившими под сомнение как его методы, так и заключения. Особенно остро критиковалось отсутствие сведений, подтверждающих существование подсчитанных Эллиотом пятисот волков, 80% которых он намеревался уничтожить. Специалисты, указывая на явно завышенную Эллиотом оценку численности местной популяции, подчеркивали, что если он действительно обнаружит и уничтожит около 400 волков, то ему удастся прикончить вообще всю популяцию волков в этом обширном районе.

Нимало не смутившись, Эллиот улетел обратно, чтобы продолжить выполнение своей программы «увеличения численности» волков, а Брумметт отправился в отпуск на Ямайку, вероятно рассчитывая на то, что в его отсутствие страсти постепенно улягутся. Однако эти расчеты не оправ-

дались. Кампания протеста против истребления волков охватила Канаду, США и распространилась на Европу. Пытаясь заглушить всеобщее возмущение, министерство Брумметта объявило, что «по соображениям безопасности» район, где происходит «отбраковка», будет отныне закрыт для репортеров. В конце концов, из-за отсутствия информации о положении дел в этом районе, протесты общест-венности стали постепенно ослабевать, а уничтожение волков тем временем не прекращалось.

Шел уже апрель, а Эллиот все еще был занят своей бойней с воздуха и успел убить к этому времени 363 волка. Нет причин сомневаться в том, что он уничтожил практически *всех* волков в районе операций.

Канадская Федерация охраны диких животных имеет все основания быть довольной, зная (а она не может этого не знать), что усилиями Службы рыболовства и охраны диких животных Британской Колумбии за зиму 1983/84 года в других частях провинции были отравлены, убиты или пойманы в капканы еще 400 волков. В ходе этих операций по «регу-лированию численности» вкупе с промысловой и «спортивной» охотой было уничтожено, вероятно, не менее 1400 «самых опасных, злобных и жестоких убийц в природе».

Весной 1984 года власти террито-рии Юкон — северного соседа Бри-танской Колумбии — начали под-готовку к интенсификации собствен-ной долгосрочной программы «ре-гулирования численности волков», официально предупредив родителей об опасности нападения волков и о том, что с наступлением темноты детей нельзя выпускать из дома даже в окрестностях столичного города Уайтхорс. Юконские ученые, за-нимающиеся проблемами диких жи-вотных, предлагают ликвидировать эту опасность путем эскалации своей программы «регулирования числен-ности волков». Тем же путем идет и провинция Альберта — восточная соседка Британской Колумбии. В сво-

ем интервью в январе 1984 года био-лог Джон Гансон — руководитель секции использования и воспроизвод-ства плотоядных животных высказал-ся следующим образом: «Я не вижу ничего плохого в регулировании чис-ленности волков ради развития охоты на крупную дичь. Волки не платят налогов, а люди платят... проблема состоит в том, что если ты хочешь иметь хорошую охоту на крупную дичь, то ты должен разделаться с вол-ками».

Те же мотивы прозвучали и на Аляске. Биологи этого штата разрабо-тали более современный метод «регу-лирования численности волков». Вол-ка, обычно одного из стаи или семьи, отлавливают живьем с помощью кап-кана и надевают на него ошейник с радиопередатчиком. Зимой воз-душные охотники «отбраковывают» волков, легко выходя на них по ра-диосигналам, посылаемым «волком-предателем» на гибель своему се-мейству. Да и в Миннесоте — един-ственном из первоначальных сорока восьми штатов, где еще сохраняется жизнеспособная, пусть даже оста-точная популяция волков, местные и федеральные власти, подстрекаемые охотничьими обществами, готовятся открыть сезон охоты на животное, которого сам глава Департамента по охране природных ресурсов Миннесо-ты величает «великолепным трофе-ем».

К концу 1984 года стало ясно, что в районах, где популяции волков все еще существуют, принимаются согла-сованные усилия для окончательного решения «волчьей проблемы». Можно предсказать с большой долей вероят-ности, что эти усилия увенчаются успехом, если только они не встретят массовый отпор со стороны обще-ственности, который нейтрализовал бы зловещий альянс правительствен-ных охотоведов, корыстных политика-нов и самозванных организаций по «охране природных ресурсов», стре-мящихся «увеличить» запасы крупной дичи.

3

Море без рыбы

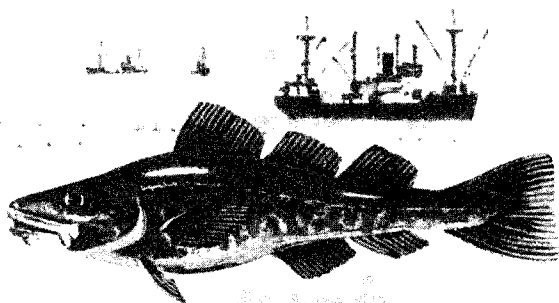

Известная поговорка гласит: сколько бы рыбы ни вытащили из моря, в нем всегда останется больше. Когда-то, возможно, такие времена и были.

Но они давно прошли. Лет десять назад Жак Кусто, выражая мысль тех, кто озабочен будущим обитателей моря, высказал опасения, что человек уже уничтожил почти треть всего живого в Мировом океане в результате использования (или разбазаривания) морских ресурсов. За минувшее десятилетие ситуация стала еще хуже. Вполне возможно, что в не столь отдаленном будущем моря вообще превратятся в безжизненные водные пустыни.

Рыбы и морские беспозвоночные редко рожают отклик в душе человека. Тем не менее они являются одним из важнейших звеньев в сложном узоре взаимосвязей живого мира на нашей планете. И лишь рискуя подорвать собственные шансы на выживание, мы можем игнорировать то зло, которое мы причинили и продолжаем причинять морским обитателям. Сказать правду о судьбе, ожидающей рыб, нас вынуждает еще одна причина. Уже полвека люди, наживающиеся на уничтожении жизни в море, упорно отрицают свою вину, обвиняя в этом других животных. В части «Море без рыбы» названы истинные виновники опустошения моря и кое-что сказано об участии, на которую мы обрекли обитателей глубин и прибрежных вод Моря Кровавопролития.

Глава 11

Королева треска и царственный лосось

Нашим современникам невероятно трудно представить себе огромное количество рыб в водах Нового Света в начале прихода европейцев. Наверное, так же трудно было поверить в это изобилие первым путешественникам. Судя по воспоминаниям, которые они нам оставили, такой избыток рыбы приводил их в состояние крайнего изумления.

В 1497 году Джон Кабот писал про Ньюфаундлендскую банку: «Она так кишит рыбой, [что] ее можно ловить не только сетями, но и корзинами, опускаемыми в воду [и утяжеленными] грузилами из камней». В 1535 году Жак Картье сообщал о низовьях реки Св. Лаврентия, что «эта река... самая богатая всеми видами рыб, о которых помнит любой, кто когда-либо видел или слышал о них: от устья до верховий вы встретите там в нерестовый сезон большинство разновидностей морских и пресноводных рыб... огромное количество макрели, кефали, каменного окуня, тунца, крупных угрей... миног и лососей... [в верхнем течении реки] много щуки, форели, карася, леща⁷⁷ и другой пресноводной рыбы».

С не меньшим энтузиазмом приносил рыбную ловлю в Новой

Англии капитан Джон Смит* в 1614 году: «Даже подросток юнга мог с кормы своего судна наловить столько голубых окуней, чопов и других вкусных рыб, что их хватало, чтобы кормить целый день до десятка матросов, а сетью [он мог поймать] тысячи штук трески, менька, палтуса, скумбрии, скатов и им подобных; на удочку матросы ловили какую угодно рыбу... здесь нет такой речки, где бы не водились в большом количестве осетры, или лосося⁷⁸, или те и другие вместе; всех их можно было иметь в изобилии».

Завершим картину отрывком из одного описания залива Св. Лаврентия, относящегося примерно к 1680 году: «Здесь также можно встретить великое множество рыб любых видов: треску, лосося, сельдь, форель, окуня, скумбрию, камбалу, шэда, осетра, щуку, устриц, корюшку, ската, сига...»⁷⁹

Настоящая глава вскрывает сущность морского промысла, начавшегося с массового лова нескольких видов рыб в Северо-Западной Атлан-

* Джон Смит (1580—1631) — английский капитан, основатель Виргинии.— *Прим. перев.*

тике и теперь, после пяти столетий, в течение которых человеческая алчность беспрестанно возрастала, приближающегося к своему неизбежному концу.

Вначале королевой рыб считалась треска. Однако она была лишь наиболее ценным видом из целой группы рыб, известных рыбакам под общим названием «донных». Рассказ о том, что мы сделали с запасами донных рыб, составляет первую часть этой главы. Во второй части речь идет о мелких «кормовых»* рыбах — маленьких существах, бесчисленные стаи которых в конечном счете играли решающую роль в питании донных рыб и множества других обитателей моря. Заключает главу рассказ об истреблении одной из самых прославленных рыб Северной Америки — атлантического лосося.

Первые путешественники обнаружили в судоходной береговой зоне северо-восточной части Америки два рода суши: одну — надводную береговую твердь — они называли «Материком», другую — погруженную в зеленые воды на глубину от 30 до 150 морских саженей — «Банкой»**. Воды континентального шельфа от полуострова Кэйп-Код до острова Ньюфаундленд образуют бесподобное по размерам и плодородию морское пастбище — трехмерную водную толщу, достаточную, чтобы покрыть весь Североамериканский континент слоем воды почти метровой высоты. В 1500 году эти воды по объему биомассы морских организмов не имели себе равных в мире. Здесь было царство королевы трески.

В 1497 году Кабот называл Ньюфаундленд именем, присвоенным ему португальскими первопроходцами, — «Баккальё» (Baccalaos), которое в переводе означает не что иное, как «царство трески». А Петер Мартир

(примерно в 1516 году) сообщал о том, что «в море, примыкающем к [Ньюфаундленду, Кабот] обнаружил столько... большой рыбы... называемой «баккальё»... что она иногда даже мешала движению его кораблей».

Банки Нового Света и особенно Большую банку к востоку от Ньюфаундленда ловцы считали своей «землей обетованной». К 1575 году там собирали богатейший урожай более трехсот французских, португальских и английских рыболовных судов. Члены колонизаторской экспедиции сэра Хамфри Джильберта не уставали превозносить изобилие «баккальё». «Треска, писал один из пришельцев, встречалась там в таких невероятных количествах, что ее лов приносил солидные барыши: стоило только опустить в воду крючок, как можно было тут же вытаскивать попавшуюся на него крупную рыбину». Один из спутников добавил: «Когда море ненадолго заштилело, мы закинули в воду удочки и яруса, чтобы наловить трески, и меньше чем за два часа добыли столько крупной рыбы, что много дней только ею и питались». Третий пришелец так резюмировал сказанное: «В этом море невероятное множество разных рыб, [особенно] трески, которая уже сама по себе притягивает суда многих стран в эти места самого знаменитого рыбного промысла на свете».

Каждый новоприбывший на эти феноменально богатые рыбой угодья заставал там ту же картину и примерно так же на нее реагировал. В 1594 году, когда судно «Грейс» из Бристоля стало под прикрытием острова Сен-Пьер, команда «положила судно под ветер и в течение двух часов наудила три-четыре сотни штук крупной трески, пополнив свои запасы провианта». Чарльз Лей, обследуя острова Магдален в 1597 году, отмечал: «Вокруг острова такое множество трески, какое только можно найти где-нибудь в одном месте. За час с небольшим мы наудили удочками 250 штук».

* «Baitfishes» (англ.). Bait — приманка, наживка; fishes — рыбы. — *Прим. перев.*

** Большая Ньюфаундлендская банка (близ острова Ньюфаундленд). — *Прим. перев.*

В конце XVI века до 650 судов, используя лишь крючковую снасть, добывали в водах Нового Света тысячи тонн трески. Как сообщал Джон Мейсон — шкипер английского рыболовного судна, базировавшегося на Ньюфаундленде, «у берега было столько трески, что мы едва гребли сквозь нее. Я убивал эту рыбу копьем... Трое рыбаков, выходя в море на шлюпке, — несколько других остаются на берегу для разделки и вяления рыбы — за месяц обычно добывают 25—30 тысяч штук, которые, вместе с извлекаемым [из печени] жиром, приносят 100—200 фунтов дохода».

Ловля велась с таким же размахом и в других местах региона. По словам Николая Дени, на острове Кейп-Бретон и в заливе Св. Лаврентия «едва ли [найдется] гавань, где не стояло бы несколько рыболовных судов... добывающих ежедневно от 15 000 до 30 000 рыб... эта рыба — словно неисчерпаемая манна небесная».

В конце XVI столетия Ричард Уитборн — капитан еще одного рыболовного судна — писал, что каждое промысловое судно брало на борт в среднем по 125 000 штук трески. Это были рыбы из ранее не тронутой промыслом популяции, достигавшие двухметровой длины и весящие до девяти килограммов. Ныне средний вес трески менее трех килограммов, хотя во времена Уитборна он еще находился в пределах семи—девяти килограммов, причем годовой улов трески на северо-восточном побережье континента достигал примерно 368 000 тонн.

К 1620 году промысел трески вели уже более тысячи судов, многие из которых совершали по два рейса в год: летом они заготавливали вяленую рыбу, а из зимнего рейса привозили в Европу присоленную «свежую» треску. Но, несмотря на огромный объем вылавливаемой рыбы, треска не убывала. На рубеже XVII века путешественники, например барон Лахонтан, продолжали сообщать о «неистощимой» популяции трески:

«Вы не можете себе представить, сколько трески наши матросы вылавливают всего за четверть часа... Не успевает крючок коснуться дна, а рыба уже попалась... [рыбакам] остается только без устали забрасывать и вытаскивать снасти... Однако в компенсацию за богатый улов, оставшаяся в море рыба получила опущенные за борт трупы одного из командиров и нескольких солдат, умерших от цинги».

О том, что такой вылов может оказаться чрезмерным, первым написал в 1720-х годах Шарлевуа. Отметив сначала, что «треска кажется нам неисчислимой, как морские песчинки», он добавляет, что «более двух столетий ею загружались ежегодно [на Большой Банке] две-три сотни [французских] судов без видимого уменьшения количества рыбы в море. Тем не менее было бы неплохо время от времени прерывать этот промысел [на Большой Банке] и особенно в заливе [вместе с рекой] Св. Лаврентия на протяжении шестидесяти лет, а также на побережье Акадии... у Кейп-Бретона и Ньюфаундленда, где запасы трески пополняются не хуже, чем на Большой Банке. Эти места — настоящие сокровища, которые в промысловом отношении более ценны и требуют меньше затрат, чем сокровища Перу или Мексики». То, что Шарлевуа не преувеличивал выгодность трескового промысла, подтверждается тем, что в 1747 году 564 французских судна с 27 500 рыбаками на борту привезли домой трески на миллион фунтов стерлингов — гигантскую сумму по тем временам.

Примерно в то же время жители Новой Англии, успев опустошить менее обильные косяки трески на южных банках, начали вести промысел в более северных районах. Они действовали столь энергично, что к 1783 году в заливе Св. Лаврентия уже более 600 американских судов вылавливали треску, а также огром-

ное количество сельди. В том же году североамериканскую «тресковую жилу» всю разрабатывали не менее 1500 судов всех наций.

К 1800 году французских и английских промысловых судов в регионе заметно поубавилось, однако это сокращение было с лихвой перекрыто ньюфаундлендскими, канадскими и американскими судами. В 1812 году в заливе Св. Лаврентия вели промысел 1600 рыболовных судов, в основном американских. Не меньшее количество судов с Ньюфаундленда и из Новой Шотландии промышленно ловили треску в открытом море и у Атлантического побережья Лабрадора.

То было время огромных «белокрылых» флотилий, паруса которых, казалось, заполняли от края до края весь морской горизонт. Помимо них, тысячи жителей прибрежных районов ловили треску с небольших лодок в каждой маленькой бухте или гавани. И рыбаки на шхунах, и прибрежные рыбаки на лодках пользовались преимущественно крючковой снастью — «избыток трески» был так велик, что не стоило применять более изощренные орудия лова.

В 1876 году Джон Роуан поднялся на борт «шхуны, занятой ловом трески невдалеке от берега... Рыбаки ловили рыбу на глубине около трех морских саженей, и мы могли видеть дно, буквально усеянное треской. Примерно за четверть часа я поймал дюжину рыб, а [рыбак], стоящий рядом со мной на палубе шхуны, наловил втрое больше, не переставая ворчать на самый плохой на его памяти рыболовный сезон».

В период между 1899 и 1904 годами ежегодный улов трески (и пикши⁸⁰, которую при поселе засчитывали как треску) приближался к миллиону тонн. Один только Ньюфаундленд экспортировал каждый год около 1 200 000 центнеров вяленой трески, что соответствует 400 000 тоннам свежей рыбы. К 1907 году годовой улов в водах Ньюфаундленда достиг

430 000 тонн; в водах Большой банки вели промысел около 1600 рыболовных судов из разных стран.

Однако интерес к Банке постепенно поостыл, но причина этого была не в туманах, которые держатся здесь почти постоянно. С каждым годом ловить треску становилось все труднее, и рыболовецкие рейсы занимали все больше времени. Тогда еще никто не подозревал, что запасы рыбы на Банке истощены вследствие перелова. Вместо этого рыбаки повторяли стародавнее объяснение: треска изменила свои пути и ушла, надо надеяться, что временно, куда-то в сторону.

Обнаруженные в начале XIX века огромные скопления трески у берегов Лабрадора, даже в такой далекой его северной точке, как Кейп-Чидли, казалось бы, подтверждали тот факт, что рыба может менять места своего обитания. На самом же деле лабдорская треска представляла собой совершенно другую, незатронутую популяцию. Но и тут промысловики не заставили себя долго ждать. К 1845 году на севере рыбачили уже 200 ньюфаундлендских судов, а к 1880 году их число возросло до 1200. До 30 000 ньюфаундлендских рыбаков («сезонных», если они были заняты морским промыслом со стоящих на якорю судов, и «постоянных», если лов велся с береговой базы) только на одном лабдорском побережье заготовили в 1880 году почти 400 000 центнеров соленой трески.

Вскоре лабдорская треска разделила участь всех остальных промысловых животных. Уловы ее неуклонно снижались, и к середине XX века знаменитый лабдорский рыбный промысел потерпел полный крах. Люди снова попытались приписать причину исчезновения трески одной из загадочных миграций. Но, увы, на этот раз такой довод не сработал. Жизнь показала, что Ее Величество Треска появляется все реже и реже на просторах своих североатлантических владений. В 1956 году уловы трески, добытой в водах Большой Ньюфаундлендской банки упали до

80 000 метрических тонн, то есть до одной пятой того, что добывалось там всего лишь пятьдесят лет назад.

Когда в природе происходит сокращение какого-либо вида животных, то обычно оно сопровождается уменьшением количества хищников, питающихся этими животными, что дает возможность последним восстановить свою численность. Но в наш индустриальный век человек стоит вне закона природы. Чем меньше становилось трески, тем интенсивнее велась добыча. Почти повсеместно на смену традиционным методам лова пришли новые — большие и мощные суда с донными тралами, которые, подобно гигантским бородам, скребут дно океана, уничтожая на своем пути икринки и другие живые организмы. Дефицит рыбы взвинчивал на нее цены, что в свою очередь привлекало к промыслу все больше и больше рыбаков. В 1960-х годах целые флотилии больших траулеров и плавучих рыбозаводов из десятка европейских и азиатских стран устремлялись к Большой Ньюфаундлендской банке, чтобы включить в бездумное уничтожение того, что оставалось от популяций трески. В результате в период между 1962 и 1967 годами добыча трески резко возросла и к 1968 году превысила два миллиона тонн. Вскоре после этого тресковый промысел во всей северо-западной Атлантике прекратил свое существование за неимением рыбы.

Канада расширила зону своего экономического контроля за промыслом до расстояния двухсот миль от берега и тем самым спасла треску в своих водах от полного уничтожения. Ее запасы, уменьшившиеся, по самым осторожным подсчетам, до двух процентов от первоначального уровня, снова начали постепенно расти, хотя, конечно, не в том темпе, что был предсказан статистиками, обязанными оправдывать действия правительственных и промышленных кругов. Совершенно очевидно, что помышлять о восстановлении за-

пасов трески, чтобы приблизиться к прежнему уровню, нельзя, пока мы не прекратим промысловую добычу мелкой рыбы, которой питается треска. Но об этом — чуть позже.

После второй мировой войны рыболовный бизнес, в котором раньше участвовали в основном мелкие компании, стал обнаруживать признаки «гигантизма», захлестывавшего промышленно развитые страны. К началу 1960-х годов почти весь коммерческий промысел оказался в руках мощных картелей или правительств. Их реакция на хищническое опустошение когда-то «неисчерпаемых» запасов трески была типичной для приверженцев принципа «черпай до дна». Вместо того чтобы, используя свои капиталы, власть и влияние, добиться контроля и ограничения хищнического истребления трески, и тем самым обеспечить будущее тресковому промыслу, они кинулись в яростную конкурентную борьбу за добычу еще уцелевшей рыбы. В тех случаях, когда уловы не обеспечивали устойчивую «прибыль» от промысла, они старались загрести в свои сети буквально все что угодно, лишь бы скрыть истинное положение дел. В результате началась и продолжается по сей день настоящая оргия истребления, беспрецедентная по своим масштабам за всю историю хищнической деятельности человека на море.

Поразмыслив над тем, что случилось с треской, давайте поговорим о том, что произошло и происходит с другими важнейшими промысловыми видами рыб, относящихся к разряду донных. Учитывая обширность этой темы, я ограничусь видами, встречающимися в водах Ньюфаундленда и Большой Ньюфаундлендской банки, хотя причиненное им здесь опустошение вообще-то характерно почти для любого другого рыбопромыслового района.

Ближайшая родственница трески — пикша всегда уступала ей в численности, и тем не менее она приняла

на себя главный удар генерального наступления на донных рыб Атлантики, начавшегося с истощением запасов трески. Считавшаяся прежде приловом (более или менее случайно попадавшимися в уловах трески) пикша к 1952 году уже добывалась в количестве около 40 000 метрических тонн в год. Вначале на ее ловле специализировались португальские и испанские траулеры. Рыбаки на этих судах применяли траловые сети с такой мелкой ячейей, что вместе со взрослой пикшей в них попадались целые косяки молоди, и, поскольку эта мелочь не имела никакой ценности, ее просто-напросто выбрасывали за борт — уже мертвую.

Один летчик канадских ВВС, патрулировавший в 1950-х годах прибрежные воды Канады, описал мне картину промысла пикши, какой она ему виделась с воздуха:

«Однажды утром мы обнаружили сорок-пятьдесят испанских близнецовых траулеров [два спаренных траулера тащат за собой один огромный трал], промышлявших на Грин-Банке. Стоял чудесный ясный день, и нам было четко видно, что они уходили с банки. За некоторыми судами тянулся следом какой-то шлейф в пару миль длиной, сверкающий на солнце словно лента фольги. И мы не могли понять — что это. Отклонившись с курса, чтобы поближе рассмотреть, что это за чертовщина, мы прошли над траулерами на высоте около 2000 футов и увидели дохлую рыбу. Казалось, миллионы штук их тянулись за кормой тех траулеров, на которых рыбаки только что вытянули сеть и занимались на палубе сортировкой добычи. Маломерную рыбу высыпали за борт словно конфетти. Это было довольно красивое зрелище, но наш любивший выпить радист родом из Люненбурга [одного из главных портов Новой Шотландии], будучи сильно на взводе, посчитал, что надо было бы разбомбить этих ублюдков. Ведь они выбрасывали за борт молодь пикши, и это было сущим расточительством;

впрочем, подобная практика, очевидно, была обычным делом в испанском рыбопромысловом флоте».

В 1955 году промышлявшие на Большой Ньюфаундлендской банке суда добыли 104 000 тонн пикши и, вероятно, столько же погубили и выбросили обратно в море. И хотя все, кто имел отношение к этому делу, знали, что происходит, никто не старался что-либо изменить — бессмысленное истребление молоди пикши продолжалось. К 1961 году траловый улов упал до 79 000 тонн. А вскоре после этого промысел пикши потерял свое значение и к 1969 году был полностью прекращен. Эпитафией ему звучит заявление канадского правительства по этому поводу:

«Большинство возрастных групп [молоди, рожденной в любом данном году] начиная с 1955 года, оказалось совершенно неудачным. Это наряду с интенсивным промыслом... привело к снижению запасов пикши до чрезвычайно низкого уровня... и перспектив для улучшения положения в ближайшем будущем нет».

И действительно, никакого улучшения, даже в отдаленном будущем, не предвидится, поскольку и в 1984 году промысловых запасов пикши в водах Ньюфаундленда и Большой Ньюфаундлендской банки, как, впрочем, и в большинстве других промысловых районов, не наблюдалось.

Морской окунь⁸¹, эта большеглазая глубоководная живородящая рыба, отличается медленным ростом и поздно наступающей половозрелостью. До 1953 года его не промыслили, и только в 1956 году, когда на банках открытого моря начался массовый лов, его добыча достигла 77 000 тонн. Появившись на рынке под названием океанского окуня, эта рыба оказалась столь прибыльным товаром, что на места ее промысла двинулись целые соединения рыболовных судов ряда стран. За один 1959 год улов морского окуня составил 330 000 тонн. Но затем в 1962

году уловы упали, чего и следовало ожидать, до 82 000 тонн. Этот промысел должен был вскоре прийти в упадок, если бы не внедрение новых типов разноглубинных тралов и открытие сравнительно малозатронутой промыслом популяции морского окуня в заливе Св. Лаврентия. Эти обстоятельства вызвали новую войну, которая в свою очередь стала идти на убыль в начале 1970-х годов за нехваткой жертв.

К этому времени были уже уничтожены почти все крупные и активно размножающиеся косяки морского окуня. По мнению ведущего канадского эксперта в этой области д-ра Э. Дж. Сандемана, «перспективы на последующие несколько лет неважные и можно ожидать дальнейшего падения уловов морского окуня».

Предсказание оказалось точным. Во время написания настоящей книги морской окунь занимал одно из последних мест в статистике уловов промысловых рыб. И на сколько-нибудь значительное восстановление его запасов надеяться очень трудно.

Камбаловые рыбы включают несколько промысловых видов донных рыб. Самый большой урон был нанесен таким широко распространенным в северо-западной Атлантике видам, как огромный атлантический палтус, камбала-ерш, желтохвостая камбала и длинная камбала⁸².

Все они подверглись чрезмерному лову, начиная примерно с 1962 года, когда пришла их очередь наполнять прожорливые трюмы траулеров и плавучих рыбозаводов. Ранее этих рыб практически не ловили, и даже палтус, достигающий почти трехметровой длины и более четырехсот килограммов веса, до последнего времени представлял для промысла второстепенный интерес. Было даже время, когда его считали досадной помехой тресковому промыслу — случалось, что он срывал предназначенную для трески наживку и повреждал рыболовные снасти, отнимая у рыбаков драгоценное промыс-

ловое время. Лейтенант военно-морского флота Великобритании Чэппел, патрулировавший акваторию Большой Ньюфаундлендской банки в 1812 году, докладывал, что «ньюфаундлендские рыбаки приходят в ярость всякий раз, когда какому-нибудь горемыке палтусу случается схватить наживку: в таких случаях они срывают злобу на бедной рыбе, просовывая ей под жабры кусок дерева и выпуская ее в таком виде в море. Бесплодные попытки измученной рыбы уйти под воду доставляют рыбакам злорадное удовольствие».

До 1960 года прибрежные рыбаки добывали в водах Ньюфаундленда небольшое количество палтуса для продажи в маринованном или соленом виде, и так продолжалось до 1963 года, когда ловом палтуса начал заниматься промысловый флот. С 220 тонн, добытых в 1964 году, уловы к 1970 году подскочили по меньшей мере до 40 000 тонн. Однако после этого, как всегда в подобных случаях происходит, они стали снижаться, и сегодня палтус лишь изредка попадает в водах, где он раньше водился в изобилии.

Несколько видов более мелких камбаловых рыб северных вод не представляли товарной ценности, и до второй мировой войны их вообще не ловили, разве что ради добычи наживки для лова трески и омаров. Однако после второй мировой войны, когда появилась новая эффектная морозильная техника, положение изменилось. Если в 1962 году общий улов камбаловых составлял менее 33 000 тонн (причем большая часть ее попадалась как прилов), то уже в следующем году начался целенаправленный промысел камбалы-ерша и в список промысловых видов вошли также желтохвостая и длинная камбалы. К 1966 году улов этих трех видов камбалы превысил 154 000 тонн. Последовавшее затем катастрофическое падение уловов вызвало в 1976 году следующую настороженную реакцию одного канадского ихтиолога:

«Интенсивный облов камбалы-ерша на Большой Ньюфаундлендской банке привел к резкому падению улова на час траления... Имеются все основания ожидать в ближайшее время резкого снижения общего уровня изъятия [читай: уловов] и желтохвостой камбалы... Уменьшение биомассы ранее необлавливаемого вида [длинной камбалы] привело к значительному снижению улова на час траления».

Все это в переводе на общедоступный язык означает крах промысла камбаловых рыб.

Продолжение следует. Сегодня представители промышленных кругов и научные консультанты превозносят потенциальную рентабельность промысла целого ряда новых видов рыб, которые могли бы заменить виды, практически уничтоженные промыслом. Среди них называют такие глубоководные виды, как полосатую зубатку, обыкновенную (атлантическую) сельдевую акулу, а также мелкую акулу, известную под названием «колючей». Рекомендуются для промысла также звездчатый скат и макрурус (известный в просторечии как «крысиный хвост»⁸³), обитающие в морской пучине на почти полторакилометровой глубине. Конечно, для «сбора урожая» этих «природных богатств» потребуются новая промысловая техника, но разве это проблема для технократов, способных совершать полеты на Луну и обратно? Любопытно будет посмотреть, какие ассоциации вызовут у потребителей названия этих рыб на витринах рыбных магазинов.

Здесь уместно будет рассмотреть одно из главных соображений, которыми рыбная промышленность старается оправдать осуществляемый ею биоцид. Оно заключается в том, что промышленность *должна и обязана* постоянно увеличивать добычу рыбы ради улучшения снабжения животным белком населения, большая часть которого живет на грани голодного существования.

Это — явное лицемерие. На самом деле рыбная промышленность, как одна из самых крупных, оснащенных самой разрушительной техникой отраслей, достигает как раз противоположного результата. Большинство видов выпускаемой ею продукции идут не голодающим народам, а тем, кто и так питается лучше других и может себе позволить покупать дорогостоящие продукты. Чтобы изготовить высококачественную (и высокоприбыльную) продукцию, в основном филе, рыбная индустрия Запада применяет такую технологию переработки уловов, при которой до 40% того, что *могло бы* использоваться для питания людей, либо полностью идет в отходы, либо перерабатывается на кормовую муку или удобрения. Всего важнее то, что современное промысловое рыболовство, истребляя самых многочисленных ценных пищевых рыб, фактически предопределяет дальнейшее обострение проблемы питания в тех странах, где еще есть голод.

Раньше такого не было. До 1939 года до 90% съедобных донных рыб, добываемых в северо-западной Атлантике, продавались в соленом виде по ценам, доступным для беднейших слоев населения, обеспечивая их постоянным источником богатой белками пищи. Конечно, и в те времена прибыль была одним из главных побудительных стимулов в работе рыбной промышленности, однако не столь всемогущим, каким она стала с тех пор.

Несомненно, самыми многочисленными рыбами в водах, омывающих восточный берег Северной Америки, пока остаются мелкие виды рыб, объединяемые условным названием «кормовых». Это название они получили не столько потому, что рыбаки использовали их в качестве наживки, сколько потому, что они служили основным кормом другим морским обитателям: терпугам, лососям, треске, палтусам, тунцам и целому ряду прочих морских животных, вплоть

до тюленей, белух и китов.

«Кормовые» рыбы собираются огромными стаями. Из них наиболее известны в северо-западной Атлантике такие виды, как кальмары*, а также макрель, атлантическая сельдь, шэд, корюшка, пузанковая сельдь, или менхаден, и мойва⁸⁴. Макрель размножается в открытом море; сельдь и кальмары обычно подходят на нерест ближе к берегу; некоторые популяции мойвы нерестятся на банках в открытом море, другие откладывают икру на прибрежных отмелях; остальные виды поднимаются на нерест вверх по течению больших и малых рек.

Какое-то представление об огромной численности «кормовых» рыб можно, пожалуй, почерпнуть из следующих выборочных наблюдений за период с 1600 года до наших дней:

«Для ныне покойного месье де ля Тура делали сетную запруду, в которую попадалось большое количество пузанковой сельди, засаливаемой на зиму. Порой сельди попадалось так много, что ему приходилось выпускать ее в море, чтобы она не засоряла и не разрушала запруду».

«Идя на веслах вниз по реке Рестигуш, можно видеть удивительное зрелище: фермеры вычерпывают корюшку сачками. Рыбы там — девать некуда, и большую часть своего картофеля они выращивают на почве, удобренной рыбой».

«Вода кишит бесчисленными стаями сельди. Тот, кто не знаком с северными водами, сочтет меня выдумщиком, если я скажу, что видел, как после одного замета невода рыбаки рыбой заполнили 600 бочек. Порой соли для засолки не хватало, и рыбу приходилось пускать на удобрения».

«Одна американская рыболовная шхуна наткнулась на косяк макрели... и до полуночи рыбаки наловили крючковой снастью рыбы на сто бо-

чек... Рыбу истребляют и разбазаривают самым безрассудным образом, однако она не убывает. Весной в течение недели корюшка непрерывным потоком идет вверх по каждой реке».

«Люди не старше среднего возраста рассказывают, что у их берега временно собирались на лов сельди по триста судов... В водах бухты Плезант-Бей сельди было так много, что рыбакам оставалось лишь вычерпывать ее на борт, пока судно не наполнилось ею».

«Когда мойва подходила на нерест к берегам залива Консепшн, мы, стоя по колено в гуще рыбы, вычерпывали ее ведрами и нагружали телеги так, что лошади с большим трудом увозили их с берега. Ноги вязли по лодыжку в песке, становившимся особенно зыбким от множества икринок мойвы. Мы наловили уже, сколько нам было нужно для наживки и на удобрение наших огородов, а казалось, что мы будто и не трогали мойву — так много ее было».

«Кальмары шли так плотно, что мы без всякой приманки вычерпывали их из воды. При малой воде на побережье оставался слой кальмаров толщиной в фут на расстоянии ста шагов от отметки уровня полной воды... а однажды их появилось такое множество, что задние вообще вытесняли из воды передних и нам пришлось отгребать их от наших лодок и сетей по всему берегу».

«На реке Потомак ежегодно добывали два миллиона фунтов шэда и четыре миллиона фунтов менхадена... В 1890-х годах из залива Фанди в США ежегодно отгружали до двух млн. фунтов соленого шэда».

«Весной 1953 года наш сейнер одним комплектом кошелькового невода добыл в заливе Св. Лаврентия миллион штук сельди — в то время это было обычным делом».

* Головоногие моллюски. — *Прим. перев.*

Несмотря на беспощадное истребление корюшки, шэда и менхадена во время нерестового хода и хищнический лов их в другие сезоны, не это явилось решающим фактором сокращения их численности до 4—5% от прежнего высокого уровня. Окончательный удар им был нанесен, скорее всего, строительством плотин и отводных каналов, загрязнением и прочими видами человеческой деятельности, отрицательно сказавшимися на состоянии нерестилищ. Во всяком случае, ни один из этих видов рыб не встречается теперь в достаточном для прибыльного промысла количестве, да и нет уже у них прежней способности устоять против многочисленных морских хищников. Единственный луч надежды в этой мрачной картине опустошения — это попытка американских государственных органов восстановить запасы шэда в некоторых реках США. Предварительные результаты хорошие. И остается лишь надеяться на дальнейшее улучшение состояния запасов этой рыбы.

До начала текущего столетия само существование многих промысловых рыб в наших северо-восточных водах зависело от наличия сельди, макрели и мойвы. Смертность этих видов рыб, естественной причиной которой было поедание их другими видами хищных рыб, намного возросла в результате вылова их человеком, сначала чтобы добыть себе пищу, затем чтобы добыть приманку для лова других рыб и, наконец, для изготовления различной промышленной продукции от рыбьего жира до искусственного «жемчужного блеска», получаемого из чешуи сельди. И тем не менее эти три вида рыб продолжали встречаться в огромных количествах вплоть до 1960-х годов, когда были найдены новые пути извлечения прибыли от их добычи, развернувшейся в невиданных дотоле масштабах.

Прежде всего началось массовое производство рыбной кормовой муки и удобрений. Первой жертвой, из-

бранной для заправки зловещих «перерабатывающих» установок, неожиданно появившихся на северо-восточном побережье, была сельдь*. В начале 1960-х годов, примерно в то время, когда Служба промышленного развития (СПР) Ньюфаундленда пришла к заключению о «недоиспользовании» местных запасов сельди, сельдяной промысел на Тихоокеанском побережье Канады пришел в упадок в результате перелова. Цитирую слова директора СПР: «Что могло бы быть рациональнее, чем пригласить поработать на нас бездействующие сельдевые сейнеры Британской Колумбии?»

Первый завод по производству рыбной муки и жира на южном берегу Ньюфаундленда был построен в 1965 году, и один из сейнеров Британской Колумбии пришел туда кружным путем через Панамский канал, чтобы, так сказать, «прощупать» местные воды. Проверка оказалась на редкость удачной. К 1969 году пятьдесят самых больших современных сейнеров Британской Колумбии уже вели круглогодичный промысел на южном и западном берегах Ньюфаундленда, а полдюжины жиromучных заводов коптели небо черным маслянистым дымом своих труб. Уловы сельди на Ньюфаундленде, прежде не превышавшие 4000 тонн в год, теперь подскочили до 140 000 тонн. Тем временем годовая добыча в южной части залива Св. Лаврентия также увеличилась с 20 000 до 300 000 тонн.

Затем в начале 1970-х годов сельдь стала исчезать. Представители рыбной промышленности уверяли, что эти мелкие рыбы, очевидно, изменили пути своих миграций и вскоре непременно должны вернуться. Сельди же были, видимо, не в курсе этих опти-

---

* Аргументы в пользу производства рыбной муки противоречат всякой логике. В качестве продукта питания животных для получения привеса в один фунт мяса требуется около центнера рыбы (в живом весе). Два центнера удобрения из рыбной муки дают менее полутора килограммов растительного белка.

мистических прогнозов — их некогда огромные стаи до сих пор еще не вернулись. Скептики сомневаются в том, что они в состоянии это сделать.

Сельдь была не единственной жертвой. В 1960-х годах у южных берегов Новой Англии начался массовый промысел макрели для производства жира, удобрений и корма для животных (включая питание для кошек). К 1972 году добывалось колоссальное количество — 390 000 тонн в год, но вскоре после этого макрель загадочно исчезла. Хищническое истребление макрели у берегов Новой Англии и аналогичное опустошение ее запасов в канадских водах привели к тому, что от некогда сказочно богатого хода этой рыбы вдоль северо-восточного побережья от Кейп-Кода до Лабрадора осталось жалкое подобие.

В 1960-е годы к промыслу мойвы в водах Большой Ньюфаундлендской банки приступили японские сейнеры. Когда слух об этом дошел до канадского Министерства рыболовства, его руководители пришли к заключению, что на мойве можно подзаработать, и решили поэтому «развивать промысел мойвы в широких масштабах». То, что являлось традиционно прибрежным промыслом с уловом менее 10 000 тонн рыбы в год, теперь превратилось в международный промысел в открытом море с огромными квотами на вылов, предоставляемыми как иностранным, так и отечественным рыболовным флотилиям. Кстати сказать, иностранцы в большинстве своем ловили мойву для еды, а канадцы — в основном для переработки на муку. Согласно официальным данным, а они определенно занижены, в 1976 году общий улов мойвы достиг 370 000 тонн. К весне 1978 года запасы мойвы в открытом море были катастрофически опустошены.

Ну и что? Ведь для «развития промысла» оставались еще прибрежные популяции, нерестившиеся у берегов Ньюфаундленда. Эти косяки и в на-

стоящее время опустошаются канадским промыслом, но не ради добычи пищи для людей, и даже не для переработки на муку, а для поставок на рынок деликатесов. В сети попадают миллионы особей мойвы обоего пола, однако для продажи на японский гастрономический рынок берется лишь икра от икраных самок. Поэтому большая часть улова просто выбрасывается за борт.

К 1983 году большинство прибрежных популяций мойвы сократилось до остаточного уровня. По мнению некоторых биологов, это опустошение задержало восстановление запасов донных рыб и несет, возможно, гибель немногим оставшимся большим колониям морских птиц на побережье Ньюфаундленда, чья жизнь во многом зависит от существования мойвы. Другие океанологи считают, что истребление «кормовой» рыбы, вообще говоря, серьезно снижает жизнеспособность сохранившихся стад тюленей: длинномордых, обыкновенных и хохлачей, а также нескольких видов китов, которые за последние годы подверглись безжалостному уничтожению людьми.

Несколько месяцев тому назад я спросил одного из «недовольных» ихтиологов (число которых, видимо, растет), что он думает по поводу применяемой промышленностью практики истощения не только популяций промысловых рыб, но также запасов «кормовых» видов. Того, что ему хотелось сказать по этому поводу, бумага не выдержит, но суть можно выразить в следующих словах:

«Послушайте! Для этих ублюдков завтра не существует. А если бы оно и настало, они вложили бы свои капиталы во что-нибудь вроде переработки людского населения третьего мира на пищу для собак. Неважно, что вам говорят представители промышленности или министерства, у них на уме только одно — делать деньги... как можно больше, пока океанический промысел не провалится в тартарары... Как будто вы не знаете, что моря умирают!»

Если среди обитателей моря треска (в глазах человека) выглядит просто-людиной, то атлантический лосось⁸⁵ принадлежит к настоящим аристократам. Впрочем, это не спасло его от плачевной участи.

В период с 1865 по 1910 год один канадец французского происхождения по имени Наполеон Комо нес службу по охране лососей на небольшой речке Годбу, что протекает на северном берегу эстуария реки Св. Лаврентия, примерно в трехстах километрах ниже Квебека. Его хозяевами были монреальские дельцы и политики, получившие монопольное право на добычу лосося в этой реке. В обязанности Наполеона входило следить за тем, чтобы никто не мог вытащить хотя бы одну корюшку из воды, принадлежавшей самозванным «хозяевам Годбу».

Сорок три года подряд он и его помощники вели войну по всей реке Годбу и в прилегающих водах эстуария реки Св. Лаврентия против «этих заклятых врагов царственного лосося: белух, морских свинок, тюленей, медведей, норок, выдр, крохалей, зимородков, скоп и гагар». Стражи сурово обходились с любыми пойманными ими браконьерами, а также с коренными жителями этого региона — индейцами, чьи предки испокон веков добывали лосося в реке Годбу для своего пропитания.

Комо был не только беспощадным сторожевым псом, но и верным слугой, поваром и проводником своих обожаемых повелителей, о которых он (или пишущий за него автор-невидимка) говорил: «Пусть себе на здоровье хозяева Годбу еще долгие годы наслаждаются роскошной рыбной ловлей, состязаясь в хитрости, ловкости и силе с царственным лососем!»

С превеликим усердием Комо вел тщательный учет рекордов своих хозяев. Хотя они проводили на реке не больше двух-трех недель в году и редко пользовались более чем шестью «удочками» одновременно, за годы службы Комо они наловили 14 560 лососей в среднем по восемь с лишним

килограммов каждый, что в общем составляет более 116 000 килограммов этой «королевской» рыбы.

Типичным был сезон 1903 года. За две недели господа Джон и Джеймс Мэнюзл, Джеймс Лоу и полковник Э. А. Уайтхед убили* 543 крупных лосося общим весом более 3000 килограммов, из которых по 25 килограммов из улова каждого рыбака заготовили, чтобы потом отвезти на пароходе обратно в Монреаль как «вещественное доказательство» их спортивной доблести. Что же касается остального — трех тонн «королевской» рыбы, то они остались гнить в речной долине, а частично их использовали как приманку для черных медведей, которых ловили в капканы или убивали из ружей, дабы эти звери не таскали из реки живую рыбу.

Нет ничего необычного в этой промелькнувшей перед нашим взором картине, изображающей рыболова-спортсмена в действии. Во второй половине XIX и в начале XX века более 400 подобных клубов для любителей добычи лососей занимались рыбной ловлей на реках северо-восточного побережья, от Мэна до Лабрадора. Многие из них, имея лицензии, получали исключительное право убивать «царскую рыбу».

Членами клубов были представители общественной, финансовой, военной и политической элиты Северо-американского континента, а также высокопоставленные заокеанские визитеры, нередко — представители аристократических кругов. Все они «убивали» лосося с не меньшим рвением, чем это делали «владельцы Годбу», — по крайней мере до тех пор, пока в реке оставалось хоть несколько рыбешек. И все-таки они появились там уже к концу лососевой бойни.

Самое первое упоминание в Северной Америке об атлантическом лососе можно найти в саге о путешествии Лейфа Эйриксона в страну Вин-

---

* «Убивать лосося» — этот термин традиционно использовался как рыбаками-любителями, так и промысловиками.

ланд* в 995 году, когда ему пришлось перезимовать где-то на берегу Нью-фаундленда. «Лососей там хватало, и это были самые крупные лососи, каких они когда-либо видели раньше».

Лососи не только были здесь крупнее — само их обилие не поддавалось описанию. Судите сами: в те времена, когда началось нашествие европейцев в Америку, чуть не каждая река, включая даже самую малую, впадающая в Атлантический океан, начиная от северного и центрального Лабрадора до реки Гудзон на юге, а также реки, впадающие в речную систему Св. Лаврентия вплоть до Ниагарского водопада на западе, служили домом для бесчисленных кланов лососей. Все члены каждого клана появлялись на свет и проводили свою молодость в родной реке и в нее же они возвращались после нескольких лет возмужания в море, чтобы дать жизнь следующему поколению. По самым скромным оценкам, не менее 3000 таких лососевых рек предоставляли несколько сот тысяч нерестилищ для атлантической популяции лосося, которая по своей численности, вероятно, намного превосходила несколько популяций различных видов лососей, обитавших на Тихоокеанском побережье Северной Америки.

По дошедшим до нас из прошлого описаниям мы можем лишь в какой-то степени судить о былом изобилии лососей, и тем не менее они достаточно впечатляющи. Вот что писал Николай Дени в начале XVII века о реке Мирамиши: «В реку входит такое множество лососей, [что] почти невозможно уснуть из-за шума, который они поднимают, преодолевая речные отмели, [когда] они стремительно выпрыгивают из воды и шлепаются обратно... [Вблизи залива Шедабакто

на острове Кейп-Бретон] я обнаружил небольшую речку, которую я назвал Лососевой... Поблизости от устья я забросил невод, в который попало столько лососей, что десятеро мужчин не могли вытащить его на берег и... если бы невод не порвался, то лососи его бы утащили. Мы наловили полную лодку лососей, самые мелкие из которых были длиной в три фута... [А у залива Шалёр] есть маленькая речка, где встречаются необычайно большие лососи, до шести футов длиной». В отчете о своих путешествиях по Новой Шотландии, острову Принца Эдуарда, Нью-Брансуику и полуострову Гаспе Дени перечисляет десятки подобных больших и малых рек, отмечая изобилие лососей в каждой из них.

Джон Смит сообщал, что в районе (будущей) Новой Англии нет реки, «в которой не было бы множества лососей». Подобного рода сообщения из этих мест поступали и от первых английских журналистов. Французы вторили в том же духе. Пьер Буше примерно в 1650 году с изумлением писал о «многих прекрасных реках, изобилующих рыбой, особенно лососями, которые водятся там в огромном количестве». Г-н де Курtemanш, описывая свое путешествие вдоль северного берега залива Св. Лаврентия где-то около 1705 года, превозносит до небес лососевые реки: «Залив Масквэр-Бей, в который впадают две реки, чрезвычайно богат лососями... Не меньше лососей и в заливе Вашикути-Бей... Река Этамаму полна лососями... Река Эскимо изобилует лососями необычайных размеров... В реке Блан-Саблон множество хороших лососей».

На такое изобилие лососей смотрели как на заслуживающий внимания аспект жизни Нового Света, не придавая этой рыбе большого коммерческого значения, пока после 1700 года не обнаружилось, что соленая лососина пользуется рыночным спросом в Европе. После этого коммерческая ценность царственной рыбы неуклонно растет. Сначала лосося добывали с помощью сетных запруд, перего-

---

* Лейф Эйрикссон (Лейф Счастливый) — историческая личность, по-видимому, около 1000 года достиг Северной Америки.

Винланд (Vinland) — Страна винограда — название, данное норманнами части северо-восточного побережья Северной Америки. — Прим. перев.

раживая ими нерестовые реки и выбрасывая вилами на берег попавшуюся в сети рыбу. Позже стали перегораживать сетями устья рек, хотя в первые годы промысла лососей было так много и они были такими огромными, что под напором рыбы сети часто лопались. На не тронутых промыслом реках вообще не было необходимости устанавливать запруды или сети. В 1755 году один из жителей Новой Англии по фамилии Аткинс поставил свое судно на якорь в устье одной из рек Лабрадора и ловил всех лососей, на которых у него хватало соли, заставляя членов своей команды стоять на мели и багрить всех проплывающих мимо серебристых рыбин.

В 1770-х годах Джорж Картрайт добывал лососей на экспорт на нескольких реках юго-восточной части Лабрадора. Он писал, что рыба шла в реке Уайт-Бэр настолько плотно, что «нельзя было, выстрелив в воду, не попасть в лосося». На одной из рек он с тремя помощниками за один сезон убил 12 396 лососей, причем сожалел, что у него кончилась соль для посола рыбы, иначе он легко мог бы убить и 30 000 лососей. В 1799 году он отмечал: «На Игл-Ривер мы добываем по 750 лососей в день и могли бы убивать еще больше, если бы у нас было больше сетей... На реке Парадайс я один мог бы засолить тысячу двухсотлитровых бочек лососей средним весом от 15 до 32 фунтов каждый». Одна такая бочка вмещала около 140 килограммов соленой рыбы, что в пересчете на живой вес соответствует приблизительно 230 килограммам лосося. К концу XVIII века с одного только Ньюфаундленда вывозилось по 5000 бочек соленой лососины в год, а весь североамериканский промысел, согласно подсчетам, ежегодно поставлял на экспорт свыше 14 000 килограммов лосося в пересчете на живой вес. Помимо этого промысла, многие тысячи тысяч килограммов лосося ежегодно добывали местные жители для откорма своих свиней, для питания законтрактованных рабочих и удобрения своих полей.

К началу XIX века численность лососей в районах более населенных заметно поубавилась не только из-за преднамеренно хищнического промысла, но также вследствие строительства мельничных запруд и загрязнения рек сточными водами промышленных предприятий, особенно сыромятен и железоплавильных заводов. Раньше всего последствия этого сказались на восточном побережье США. «Перед отделением от штата Мэн,— жаловался один бостонец в 1820-х годах,— воды залива Массачусетс собирали множество лососей; после 1818 года там не было ни одного... Строительство плотин и промышленных предприятий... почти покончило с ними в нашем государстве».

В XIX веке масштабы промысла лосося возросли непомерно. К прежним основным видам копченой и соленой продукции добавилась консервированная и свежая лососина. К 1872 году из одного только Нью-Брансуика каждое лето отгружалось до 0,7 млн. килограммов свежего, охлажденного во льду лосося на рынки Бостона и Нью-Йорка, которые к этому времени могли получать лишь символические количества лосося из опустошенных рек Новой Англии. Уже тогда консервы из лосося поставлялись не только во все восточные и центральные районы Северной Америки, но и целыми пароходами отгружались в Европу. Вот мимолетный взгляд очевидца на рыбоконсервный бизнес в заливе Шалёр в 1870 году:

«Здесь лососи исключительно крупны и нежны на вкус. У входа в залив ловится рыба средним весом в 20 фунтов. Промысел, весьма значительный и выгодный... продолжается два месяца; в течение этого короткого периода один рыбак, с которым я познакомился, добыл 20 000 фунтов лосося... Было бы затруднительно подсчитать общее количество экспортируемого из залива лосося, но оно должно быть очень велико. Большая часть уловов идет на консервы. Одна американская компания за сезон выпускает до 280 000 фунтов консерви-

рованного лосося. Довольно интересно наблюдать, как на рыбоконсервный завод поступает рыба утреннего улова. Одно за другим суда выгружают только что пойманных серебристых красавцев. Случается, что весь улов состоит из рыб, весящих в среднем 25 фунтов, но здесь мне приходилось видеть и экземпляры весом до 56 фунтов».

Развитию промыслового рыболовства сопутствовал быстрый рост любительского лова, который с легкой руки власть имущих стал занятием любого лица, желающего подражать их светским манерам и имеющего средства для приобретения тростниковой удочки. Все это, вместе взятое, вело к неуклонному сокращению численности популяций лососей, хотя мало кто желал признавать данный факт. Один из немногих, кто его признавал, был прозорливый англичанин Джон Роуан, повторно посетивший побережье Канады в 1870-х годах:

«Тридцать лет тому назад Новая Шотландия славилась своим замечательным лососевым промыслом. Но там, где природа так щедра своими дарами, человек редко дорожит ими. Как, например, лесами или рыбой. Порою кажется, что в Новой Шотландии лосося ненавидят. Перелов плох сам по себе, но не пускать рыбу в реку — это уже граничит с безумием. И тем не менее большие и малые реки и озера на протяжении сотен миль перегорожены плотинами мельниц, многие из которых не имеют производственного значения. Со временем, когда леса будут вырублены, а реки опустошены промыслом, канадцы будут вынуждены тратить большие суммы денег, возможно, в бесплодных усилиях вернуть то, что они сейчас могли бы легко сохранить».

Роуан был проникновенным, но он не всегда был политиком. «Наиболее расточительные любители рыбной ловли — это американцы... Их удочки, спиннинги и блесны — настоящие произведения искусства; к тому же это очень дорогие изделия, о чем они спешат вас информировать. Они

всегда самодовольны, всегда чудаковаты и всегда гостеприимны. Они никогда никуда не ходят без револьверов и шампанского».

В конце XIX века появились безосшибочные признаки исчезновения атлантического лосося. В 1898 году близ Торонто попался в сети, по-видимому, последний выживший потомок тех миллионов лососей, которые нерестились в реках, впадающих в озеро Онтарио. К 1900 году с лососями было успешно покончено в Коннектикуте, Массачусетсе и в большинстве рек Нью-Гэмпшира и Мэна. Там, где предприятия химической, металлургической или обрабатывающей промышленности спускали свои отходы в близлежащие воды, лососи уже не плавали. И все больше дальних рек на северном берегу залива Св. Лаврентия лишались своих лососей, потому что их нерестилища оказывались погребенными под слоями опилок, коры и щепы — отходов лесопильных заводов и лесосплава. Последние прибрежища лососей все сильнее ощущали натиск рыболовов, как спортсменов, так и промысловиков, все туже затягивавших петлю смертельного промысла. Чем меньше оставалось рыбы, тем выше поднималась цена на нее и тем больше ее ловили, а значит, тем меньше ее оставалось и тем дороже она становилась...

Если подумать о том, чего только ни испытывали и продолжают испытывать лососи, то сам факт их продолжающегося существования покажется чудом жизнестойкости. Но и этого чуда оказалось недостаточно, чтобы спасти королевскую рыбу от человеческой жадности.

Нет нужды подробно рассказывать, как человечество истребляло атлантического лосося в первой половине нашего века. Достаточно отметить, что, несмотря на отдельные полумеры (всегда недостаточные и запоздалые) по его охране, он продолжал неуклонно двигаться навстречу своей гибели. Пока спортсмены и промысловики препирались, употребляя все более язвительные выражения по поводу то-

го, кто должен получить оставшуюся рыбу, современная технология обрушила на сохранившиеся косяки лососей два еще более сокрушительных удара.

В конце 1950-х годов военно-морской флот США стал направлять подводные лодки на север. И одна такая лодка, проходя под арктическими льдами, сделала поразительное открытие. Под кромкой паковых льдов в море Баффина она наткнулась на косяки светлых крупных рыб, в которых, после некоторого замешательства, моряки опознали атлантического лосося. Это открытие имело важное значение, поскольку до тех пор никто не знал, где лососи проводят свое время после того, как они покидают родные берега для долгого пребывания в море.

Первыми на этом открытии нажили капитал датчане, за которыми тут же последовали норвежцы. Вскоре целые флотилии морских сейнеров и дрейфтеров начали массовое истребление лососей — впервые на местах зимовки. При этом погибали не только лососи Северной Атлантики — местами зимовок в море Баффина пользовались все еще уцелевшие атлантические лососи, включая и остатки европейских лососей.

К этому времени почти все североамериканские лососи собирались в канадских водах, где беда подстерегала их уже с двух сторон. Согласно опубликованным официальным данным, уловы в водах западной Гренландии в зимний период между 1962 и 1982 годами составляли 2000—3000 тонн лосося в год, хотя известно, что фактически было выловлено по крайней мере на 50% больше. В то же время канадские рыбаки ставили на подходах к речным нерестилищам, а также в устьях по берегам рек дрейфтерные сети и ловушки и добывали по 2000 тонн этой рыбы в год. Такое массированное наступление было для лососей непосильным испытанием. Однако оно было не единственным бедствием, которое им пришлось перенести.

В 1950-е годы лесная промышлен-

ность и федеральные и провинциальные власти приступили к повсеместной обработке инсектицидами северо-восточного побережья Канады с воздуха. Эти смертоносные вещества, первоначально содержавшие ДДТ, до такой степени отравляли реки, где нерестился лосось, что возрастные группы лососей погибали целиком. Постоянно расширяющееся применение пестицидов, дефолиантов и прочих химических веществ продолжает оказывать пагубное воздействие на лососевые реки, усугубляемое падающими с небес кислотными дождями.

Те, кто регулярно читает газеты, должны знать, что кислотные дожди уже превратили сотни, если не тысячи озер северо-восточной Америки в фактически безжизненные водные пространства. Не приходится сомневаться в том, что если кислотные дожди в ближайшее время не прекратятся и вред, причиненный ими, не будет в какой-то мере компенсирован, то в большинстве больших и малых рек, где лосось еще пытается нереститься, жизнь для него станет невозможной. Жертвой кислотных дождей уже стали двенадцать лососевых рек Новой Шотландии и еще большее их число находится под серьезной угрозой отравления.

Между тем в Канаде, в провинции Квебек, недавно против индейцев племени микмак были брошены полицейские подразделения. Индейцы, видите ли, хотели ловить лосося в реках, где его ловили из поколения в поколение их предки. Но на добычу рыбы в устьях этих рек претендуют промысловики, а на речных берегах — рыболовы-спортсмены. Впрочем, несмотря на то что индейцам запрещено, — по выражению представителя общества рыболовов-спортсменов — «применяя неизвестного происхождения нестандартные сети, лишая себя в будущем изобилия лосося», последний стал столь редкой и дефицитной рыбой, что в Новой Шотландии, Нью-Брансуике и в ряде районов провинции Квебек браконьерство преврати-

лось в хорошо организованный прибыльный бизнес. Немногие оставшиеся в живых лососи — слишком ценная рыба, чтобы позволить ей жить дальше: ведь на черном рынке в 1983 году за нее платили по 10 долларов за фунт.

Данные, опубликованные федеральным правительством в конце 1983 года, свидетельствуют, что в Мирамиши — одной из последних самых богатых лососем рек Канады — за один этот год популяция лосося сократилась на 34%, а с середины 1960-х годов — на 87%. Нерестовые ходы в канадских реках сократились в среднем на 50%, и, согласно неофициальному прогнозу, эта королевская рыба исчезнет до конца текущего десятилетия из всех лососевых рек к югу от пролива Белл-Айл.

Впрочем, возможны и исключения.

Одним из них может стать река Рестигуш, где аристократический Рестигушский клуб любителей ловли лосося владеет участком протяженностью в сорок пять километров. Члены клуба, среди которых были в свое время Кэботы из Бостона, Морганы, Уитни и Уинтропы из Нью-Йорка, а ныне находятся такие именитые «спортсмены», как президент нефтяной компании «Эксон», вероятно, сумеют и дальше «наслаждаться королевской рыбной ловлей, противопоставляя свои знания и сноровку хитрости, ловкости и силе королевского лосося». Однако этих рыб, скорее всего, придется выращивать на рыбоводных заводах, которые будут служить двойной цели: ублажать гурманов деликатесной пищей и помогать спортивному братству и далее наслаждаться «спортом» королей.

Глава 12

В море стало больше рыбы?

Со времени первого появления европейцев в водах Нового Света немало живых существ, попадавших на глаза нашим предкам, почти исчезло из нашей памяти, или в лучшем случае сохранилось воспоминание о них как о неких полумифических созданиях.

О таком загадочном существе, вероятно породившем первые слухи о русалках и водяных, мы узнаем из рассказа очевидца Ричарда Уитборна. В 1610 году он заметил в водах гавани Сент-Джонс «неведомое существо с ниспадающими на шею волосами». Очевидно, это был не морж и даже не тюлень, с которыми старые рыбаки были хорошо знакомы. Приблизившись к шлюпке, в которой находились матросы из команды Уитборна, оно испугало гребцов, и один из них «нанес ему сильный удар по голове». Но и после этого оно подплывало к другим шлюпкам. «Была ли это русалка или что-то другое, я не знаю. Пусть об этом судят другие», — писал Уитборн. Джосселин описывал встречу с «трионом»* или водяным в заливе Каско

в 1670-х годах, а уже в 1870-х годах, если верить рассказу одного миссионера, близ островов Сент-Джонс в проливе Белл-Айл некий рыбак поймал в сеть русалку, которую он засолил и показывал любопытным.

Русалки как таковые никогда не существовали в природе, но породившие их образ морские млекопитающие были вполне реальными существами. Они относятся к отряду так называемых сирен, который включает дюгоней и ламантинов. Выжившие представители этого отряда встречаются теперь только в водах умеренного и тропического поясов, однако северный вид сирен — так называемая морская, или стеллерова, корова⁸⁶ — жил в Беринговом море до 1760-х годов, а затем ее уничтожили охотники за ворванью (в течение тридцати лет после того, как ее открыли). Английский натуралист Пеннант в своем труде «Зоология Арктики», опубликованном в 1784—1787 гг., высказал предположение, что это или похожее на него животное «проникло через один из северных проливов в воды Гренландии, о чем свидетельствует найденная в этой стране г-ном Фабрикусом полусъеденная голова животного

---

* По греческой мифологии — морское божество, сын Посейдона и владычицы морей Амфитриты. — *Прим. перев.*

го с зубами, полностью схожими с зубами [ламантина]».

Столь доверчивая сирена, как «русалка» Уитборна, имела, разумеется, мало шансов пережить вторжение европейцев. Если таковая и обитала в действительности в водах северо-восточного побережья, то это было в давно забытом прошлом.

Еще одно почти столь же уязвимое морское животное, которое *действительно* существовало, и притом в большом количестве, было уничтожено до начала XVIII века. 6 сентября 1535 года суда второй экспедиции Жака Картье встали на якорь под прикрытием острова Иль-О-Кудре в бухте Сен-Поль на реке Св. Лаврентия. Отметив присутствие в бухте белух, писарь добавил, что «вокруг острова встречаются несчетные количества de grande tortures — огромных морских черепах. Когда Сэр Хэмфри Джильберт писал проспект своей книги о богатстве морской фауны северо-восточного побережья, он в числе первых назвал «треску, лососей, тюленей, макрель, черепах, китов и моржей». Бреретон, посетивший побережье Новой Англии в 1602 году, писал, что обнаружил «черепах» на суше и на море. Черепахи, которых он видел на суше, вероятно, были морскими черепахами, вышедшими на берег для кладки яиц. Приблизительно в 1656 году Дю Крё включает в перечень «рыб» прибрежных вод Квебека черепах, тюленей и китов. Наконец, Джоселин не только насчитал в Новой Англии пять видов «морских черепах», но и наблюдал с борта судна, как «матросы... спустили на воду шлюпку и наловили разных черепах, встречавшихся в неисчислимых количествах в тех местах, куда проложило курс наше судно».

К концу XVII века подобные наблюдения были уже делом прошлого, а в наше время появление в этом регионе в любое время года хотя бы одной черепахи — обычно ложной каретты или кожистой черепахи⁸⁷ — вызывает большую шумиху, особенно когда массивную тушу несчастного гиганта,

убитого из ружья или загарпуненного, вытаскивают на берег, чтобы поглазеть на диковину.

Мы рассказали только о двух из многих возможных утрат, понесенных в прошлом сообществом морских животных. Расскажем теперь об огромном уроне, который люди нанесли или продолжают наносить другим животным. Вполне вероятно, что жестокой судьбой им также предопределено раствориться в мифологической мгле вслед за русалками и морскими черепахами.

Еще в 1610 году Шамплейн различал в водах Нового Света три вида представителей древнего семейства рыб — осетров. Одним из них был озерный осетр, изобиловавший в озерах Онтарио и Шамплейн и их речных системах, а также в эстуарии реки Св. Лаврентия. Это была крупная рыба от полутора до двух с половиной метров в длину и нередко весившая пятьдесят килограммов.

Два других вида были морскими осетрами. Взрослые осетры жили в море и заходили в реки только для размножения: небольшой обитатель эстуарий — короткорылый осетр, редко достигавший метровой длины, и действительно огромный атлантический осетр⁸⁸, некоторые экземпляры его весили до полутонны.

С давних пор соленая осетрина была распространенным блюдом в Европе. Еще в 1520 году французские рыбаки, промышлявшие в водах Нового Света, засаливали большие количества осетрины для внутреннего рынка. Одновременно осетрина служила одним из основных продуктов питания для рыбаков и первых поселенцев, да и для местных жителей. Осетры повсюду были в изобилии. По словам Джона Смита, в Новой Англии не было речки, чтобы в ней не водилось «великое множество» этой рыбы. Шамплейн отмечал, что «[в водах Новой Франции] было такое изобилие атлантических осетров, что от продажи этой рыбы в Германию и другие страны, где она пользовалась большим

спросом, можно было бы ежегодно выручать по 100 000 фунтов».

Николя Дени, перечисляя богатства Нового Света, особо выделил осетра: «Некоторые экземпляры достигают в длину восьми, десяти, одиннадцати и двенадцати футов и имеют толстое, как у овцы, туловище... покрытое бляшками величиной с небольшое блюдечко... Их мясо вкусом напоминает говядину... Эти рыбы подходят к устью реки [и] выпрыгивают из воды на высоту, равную длине своего тела. Их добывают с помощью гарпуна... Есть также рыба другого вида, размером поменьше, но зато вкусом получше». Дени отмечал также, что плавательный пузырь осетра — прекрасный источник желатина — прозрачного клейкого вещества, считавшегося весьма полезным в медицине.

В 1630-х годах Уильям Вуд, находясь в Новой Англии, писал о том, что «осетры встречаются здесь повсюду, но лучше всего ловить их на мелководье у Кейп-Кода и на реке Мерримак, где их в большом количестве добывают, солят и отправляют в Англию. Некоторые рыбыны достигают двенадцати, четырнадцати или восемнадцати футов длины». Несколько десятилетий спустя Джосселин напишет про тот же район, что «рыбы здесь так много, что по некоторым рекам даже опасно плавать на каное или другом легком суденышке подобного рода».

Приблизительно в 1650 году Пьер Буше писал об озерном осетре: «Его добывают в Квебеке [в верховьях рек]; в огромном количестве он встречается во всех крупных озерах... все рыбы большие — четырех, шести или восьми футов длины; я видел, как много осетров добывали перед Монреалем... соленая осетрина очень вкусна и долго не портится».

Несмотря на интенсивное истребление всех трех видов, даже в XIX веке осетров было так много и они были столь плодовиты (каждая самка откладывала до трех миллионов икринок), что вплоть до 1850 года их счи-

тали одной из самых распространенных рыб на Атлантическом побережье. Однако затем было обнаружено, что икра североатлантического осетра почти не уступает по вкусу икре его русского собрата. Одновременно возник немалый спрос на технический желатин, а в крупных американских городах возросло потребление свежей осетрины. Такое неудачное стечение обстоятельств не смог одолеть даже плодовитый осетр.

Рыбаки, используя сети, ружья, гарпуны и даже гранаты, так яростно нажились на больших атлантических осетров и их меньших собратьев во время их нерестового хода, что в 1890 году на одной только реке Делавэр было добыто около двух с половиной миллионов килограммов осетра. В 1897 году группе рыбаков удалось за одну тоню* поймать у Амагансета 335 больших, шедших на нерест осетров. Поголовно истребляя осетров, люди не щадили даже икраных самок, лишая вид возможности размножаться, и поэтому вскоре осетры начали исчезать.

Несмотря на то что к 1920 году все три вида осетров, по выражению одного ихтиолога, стали «столь же редкими, как и уникальными», никаких действенных мер по их сохранению не принималось. Правда, в последние годы некоторые мероприятия по охране осетров были проведены, однако они не в состоянии восполнить тот ущерб, который уже нанесло многим нерестовым рекам и эстуариям загрязнение вод, несущее гибель личинкам осетровых рыб.

Никто не знает, сколько осетров осталось в живых в северо-восточном регионе, но, по общему мнению, количество выживших особей представляет ничтожную долю процента от огромного числа их предков, населявших воды этого региона до вторжения людей.

---

* Один заброс невода.— *Прим. перев.*

Названный первыми французскими поселенцами «barse», полосатый морской окунь⁸⁹ был одним из самых распространенных обитателей морей Нового Света. Редко уходя от берега дальше пяти-семи километров и предпочитая плавать в прибрежных водах, гоняясь за своей добычей в пенных бурунах, морской окунь первоначально встречался в акватории от залива Св. Лаврентия до Флориды и входил на нерест почти во все крупные и сотни мелких рек. Эта крупная и сильная рыба, часто достигавшая более двадцати килограммов веса (а при длине около двух метров нередко и семидесяти), считалась не менее, если не более вкусной, чем атлантический лосось. И было ее невероятно много.

Для первых поселенцев она казалась манной, ниспосланной морем. Картье отмечал ее «огромное количество» у Квебека, а Шамплейн — на нерестилищах рек залива Фанди, где «ею можно загружать целые суда».

Что же касается Новой Англии, то вот что счел необходимым сказать по этому поводу капитан Джон Смит: «Морской окунь — отменного вкуса рыба, как свежая, так и соленая. Она так велика, что одной ее головы хватит на обед хорошему едоку; к тому же она вкуснее лучшей говядины. Ее здесь так много, что я видел, как она запрудила собой всю реку... во время прилива ею можно было бы загрузить стотонный корабль... при смене прилива [я] видел такое множество вываливающихся из [сетной] ловушки рыб, что можно было бы пройти по их спинам, не замочив ног».

В 1634 году Уильяму Вуду едва хватило слов, чтобы воздать ей должное: «Морской окунь — одна из лучших рыб в этой стране, и если другие рыбы скоро приедаются людям, то окунь — никогда; эта превосходная, чуткая и быстрая, притом и жирная рыба имеет в своей голове кость, содержащую порядочное количество мозга... [он описывает различные способы ловли окуня в течение круглого года, заканчивая свой рассказ описанием сетного лова во время ве-

сенне-нерестового хода]... на полной воде англичане действительно перекрывают реки длинными неводами или окуневыми сетями... и во время отлива на месте остаются иногда до двух-трех тысяч [окуней], которых засаливают или отдают тем, кто... использует их для [удобрения] своих земельных участков».

В северных водах окуни, похоже, и раньше были помельче. Возможно также, что многовековое уничтожение морских окуней отразилось на состоянии их запасов в наши дни. Так или иначе, к 1870 году Джон Роуан обнаружил в реке Сент-Джон только «20—30-фунтовых» рыб: «Превосходная вещь — охотиться на окуня с гарпунном... тихими июньскими вечерами в нескольких милях выше Фредериктона можно видеть десятки каноэ, несущихся по широкой речной глади... в погоне за стаями окуней, то поднимающихся к поверхности, то уходящих в глубину... Весла яростно шлепают по воде и остроконечные гарпуны врезаются в самую гущу стаи... [на реке Сент-Джон] морских окуней убивают ради развлечения... [но] на некоторых канадских реках много окуней промышляют подледными зачерпывающими сетями. Мне говорили, что на одной лишь реке Мирамиши за зиму его добывают более 100 тонн». Роуан не говорит, как использовалась пойманная рыба, но, судя по другим источникам, она в основном шла на удобрение.

Джон Коул в своей книге «Страйпер»*, опубликованной в 1978 году, предлагал нам взглянуть на причину истребления этого вида рыб другими глазами: «Кто вообще способен считать, сколько этой рыбы добыли... флотилии, впервые открывшие для себя берега Нового Света с их гаванями, кипящими всплесками серебристых страйперов? И сколько этих страйперов погибло в перегороженных сетями бухтах, где после отлива оставались

---

* Striper — «полосатик» — сокращенное название морского окуня “striped bass” (англ.).— Прим. перев.

лежать тысячи сверкающих тел... в ожидании, когда колонисты-фермеры погрузят их на свои тачки и отвезут к месту погребения — на кукурузные поля? И кто когда-либо считал растущие с ростом населения уловы рыбопромысловиков, применявших всяческие орудия лова: удочки, яруса, переметы, сети жаберные, ставные, дрейфтерные и кольцевые; невода, волокуши, сетные запруды, тралы, зачерпывающие сети, трехстенные обметные сети и сети в виде мешков, специально скроенных для подледного лова окуня, собирающегося зимой в огромные стаи на дне реки?... И кто [может] оценить ущерб, нанесенный в течение двух столетий теми, кто с борта пятидесятифутового катера или стоя с удочкой в руках в полосе прибоя добывал рыбу ради удовольствия или ради пропитания?»

Поскольку никто не может ответить на эти вопросы, не будет никогда и статистической оценки. А вот мораль из всего этого извлечь необходимо. Морской окунь исчез из большинства рек и прибрежных участков, где раньше эта рыба водилась в изобилии, и ее остаткам грозит полное вымирание, впрочем, не столько от нашего хищнического промысла, сколько от неразумных действий, которыми мы превращаем водное царство в мертвое болото. Здесь мы снова представим слово Коулу.

«После бесчисленных столетий обитания на восточном побережье нашей страны морской окунь уходит из жизни. Эта рыба, когда-то столь многочисленная, что закупоривала речные дельты... подвергается истреблению... Никто не оспаривает того, что популяции морского окуня переживают падение численности. О том же говорят... результаты ежегодных исследований темпов воспроизводства окуня в водах Чесапикского залива и реки Гудзон... Эти два водных бассейна, в которых находятся 99% нерестилищ [сохранившихся] окуней северо-восточного побережья, становятся все менее продуктивными.

«Почему, — спрашивает Коул, — в

водах, мутных от миллиардов икринок... почему не выживает ни одна возрастная группа? Отчего до настоящего времени падает численность популяций окуня и каждый апрель лишь небольшие группы взрослых рыб собираются в реках и море на бесплодный ритуал воспроизводства?»

И он объясняет, почему это происходит. Потому (и этому есть неопровержимые доказательства), что воды реки Гудзон и Чесапикского залива, как и большинство остальных вод нашего побережья, настолько отравлены отходами промышленности, бытовыми и сельскохозяйственными стоками, что молодь морского окуня, вместе с молодью бесчисленных других животных, просто не может в них существовать. «Через десяток лет, — говорит Коул, — при современных темпах падения численности морской окунь исчезнет как жизнеспособный вид из прибрежных вод Атлантического океана».

Гигантская скумбриевая рыба — синий (обыкновенный) тунец⁹⁰ — одна из самых больших, наиболее процветающих и достойных внимания представителей рыбного царства. Достигая более четырех метров длины и около семисот килограммов веса, она способна плыть со скоростью близкой к ста километрам в час благодаря превосходной форме своего обтекаемого мускулистого тела. В известном смысле тунца можно считать «теплокровной» рыбой — это единственная рыба, способная регулировать температуру собственного тела. Синий тунец может маневрировать в воде с легкостью птицы, лавирующей в воздухе. В море, пожалуй, не найти никого, кто мог бы поймать тунца или... ускользнуть от него. Некоторые современные биологи называют его суперрыбой, однако уникальность тунцов признавалась людьми еще в глубокой древности. Наскальные изображения, выполненные древними живописцами микенской цивилизации античного Крита, полны трепетного восхищения перед тунцом.

Древние морские охотники добывали тунцов при первой возможности, и на протяжении многих веков другие поколения продолжали делать то же самое. Тем не менее благодаря своей жизнеспособности тунец сохранял свои позиции примерно до конца пятидесятих годов нашего столетия.

Синие тунцы Западной Атлантики размножаются в Мексиканском заливе, но весной и летом уходят на север, по крайней мере до Ньюфаундленда. До 1939 года рыбопромысловые флотилии вылавливали в североамериканских водах тунцов только младших возрастных групп, главным образом от двух- до пятилетнего возраста весом от четырех с половиной до сорока пяти килограммов. Сравнительно небольшой объем вылова в несколько сот тонн тунца в год обеспечивал устойчивые уловы. Что же касается гигантских особей, возраст которых мог достигать до тридцати пяти лет, то их ловили спиннингом в основном те, кто имел достаточно средств, чтобы купить или арендовать крупные моторные баркасы.

В 1950-х годах дает себя знать новая опасность, угрожающая тунцам: на мировом рынке начинает завоевывать признание консервированный тунец в качестве пищевого продукта как для людей, так и для собак и кошек, принадлежащих богатым людям Северной Америки. Тунцовый промысел стал быстро расширяться, но он все еще был ориентирован в основном на рыб молодых возрастов. Между тем великовозрастные гиганты, от существования которых зависит успешное воспроизводство и сохранение самого вида синего тунца, стали главным стимулом бурного развития любительского лова, в котором теперь участвуют тысячи мужчин и женщин, поднакопивших деньги и получивших возможность поразвлечься добычей трофеев.

К 1960 году в море ежегодно выходили на зафрахтованных судах свыше 11 000 «спортсменов» в надежде поймать на крючок и вытащить «трофейного» тунца, с которым можно будет

сфотографироваться. Один из них установил в 1979 году мировой рекорд, поймав в водах Новой Шотландии тридцатидвухлетнего синего тунца весом в 680 килограммов. С тех пор таких тунцов люди уже больше не видели и вряд ли когда-либо увидят.

В 1950-е годы максимальный улов промыслового флота в Северной Атлантике достигал 150 000 крупных синих тунцов в год; однако к 1973 году общий улов снизился до 2100 крупных тунцов. В 1955 году один только норвежский промысловый флот добыл 10 000 тонн мелкого тунца, но в 1973 году его добыча составляла лишь чуть больше сотни рыб. В прежние годы португальские рыбаки регулярно вынимали из больших сетных ловушек по 20 000 тунцов в год, а в 1972 году они поймали всего лишь *двух*. В Гибралтарском проливе начиная с VI века устанавливалась огромная сетная ловушка; если в 1949 году в нее попались 43 500 тунцов, то в 1982 — уже всего 2000, да и то сплошь маломерки.

В конце 1950-х годов в Японии возникает весьма доходный рынок сбыта тунцов, которых сначала поставляли иностранные рыбопромысловые компании. Однако по мере усовершенствования технологии быстрой заморозки и модернизации океанских морозильных рыболовных судов Япония сама включилась в тунцовый промысел. Когда в 1958 году вступил в эксплуатацию первый американский сейнер-тунцелов (чудо техники) «Сильвер Минк», быстро завоевавший репутацию самого лучшего рыбопромыслового судна, которое когда-либо было спущено на воду, рыбопромысловые компании Японии, США и многонациональные корпорации поспешили подхватить инициативу. Они конкурировали между собой в строительстве наиболее крупных и наиболее эффективных современных рыболовных судов, способных обнаружить и успешно истреблять тунцов в любой точке Мирового океана.

Последним словом тунцеловного судостроения был «Запата Пасфайн-

дер» — суперсейнер длиной более 75 метров, скорее похожий на прогулочную яхту какого-нибудь греческого пароходного магната, чем на рабочее судно. Тунцелов стоимостью в 10—15 миллионов долларов был оборудован спутниковой навигационной системой и имел на борту вертолет для поисковой разведки тунцов. Капитанские покои включали гостиную с баром, роскошную спальню и ванную комнату с позолоченными кранами. Судно предназначалось для лова, заморозки и транспортировки тунцов. Выручка за один промысловый рейс планировалась в сумме пяти миллионов долларов, а капитан мог заработать 250 000 долларов в год. Однако общую сумму прибыли, полученной от промысловых операций судна, установить невозможно, как невозможно назвать и его истинных владельцев, представлявших различные, в том числе смешанные, компании. Тем не менее, по оценке осведомленных обозревателей тунцеловного промысла, «Запата Пасфайндер», вероятно, приносил сто процентов чистой прибыли на вложенный капитал *каждый год* промысловой эксплуатации. В погоне за столь соблазнительной прибылью «Запата Пасфайндер» и однотипные с ним суда учинили такую кровавую бойню мировой популяции тунца, что к концу 1970-х годов все эти суперсейнеры вынуждены были выйти из промысла, поскольку тунцов больше не стало.

Помимо строительства сейнеров-тунцеловов, японцы делали большие успехи в области ярусного лова тунцов и к 1962 году добывали до 400 000 тонн этой рыбы в год. Однако к 1980 году улов всех трехсот японских судов ярусного лова составлял лишь 4000 тонн синего тунца.

В середине 1960-х годов было установлено, что эта огромная рыба в течение своей долгой жизни накапливает в своем организме опасное количество ртути, содержащейся в загрязненной морской среде. Это открытие привело к запрещению продажи мяса тунца в большинстве стран

Запада, и какое-то время сторонники охраны природы тешили себя надеждой, что оставшиеся в живых гигантские рыбы смогут избежать гибели и продолжить воспроизводство вида. Надежда оказалась напрасной. К 1966 году лов тунца приобрел такую популярность среди любителей-рыболовов, что в том году только в водах Ньюфаундленда было добыто 388 гигантских тунцов. Поскольку тунцов ловили лишь ради «спортивного интереса», то после обязательных «трофейных» фотосъемок огромные туши тунцов, как правило, выбрасывались за борт.

Вместе с тем к 1968 году с расширением японского рынка национальных гастрономических продуктов увеличился спрос на «jumbo tagu» — сырое мясо синего тунца. Не обращая внимания на содержание ртути (если они даже знали об этом), японские эпикурейцы стали платить до 25 долларов за фунт «jumbo tagu», и североамериканское сообщество «рыболовов-спортсменов» сразу же ухватилось за возможность получить непредвиденную прибыль.

В 1974 году компании по фрахтованию рыболовных судов в Норт-Лейке (на острове Принца Эдуарда) — самозваной «тунцеловной столице мира» — помогли своим клиентам добыть 578 гигантских синих тунцов, а затем продали большинство свежемороженых туш в Японию. Экспедиторы и судовладельцы едва могли поверить в свою необыкновенную удачу. Если не хватало «спортсменов», способных ловить «большую рыбу», пускались в ход тунцеловные тралы, применение которых, с точки зрения рыбаков, приблизительно соизмеримо с ночным ловом форели в пруду при помощи перемета.

В 1978 году в Японию было поставлено для переработки на «jumbo tagu» 3000 гигантских тунцов, но уже к 1981 году «тунцеловная столица мира» сумела добыть всего 55 штук. Как мне сказали в мотеле для «спортсменов» в Норт-Лейке, синие тунцы «изменили» пути своих миграций, но

должны скоро вернуться». Ко времени сдачи в набор настоящей книги они еще не вернулись, а судовладельцы уже продавали свои суда или отчаянно пытались соблазнить энтузиастов — любителей рыбной ловли новыми объектами — как насчет акулы, а?

Бизнес с «jumbo maguа» приносил японским предпринимателям такие солидные барыши, что в 1974 году они организовали финансирование «рыбо-разводного хозяйства» в Новой Шотландии при содействии и поощрении Министерства рыболовства Канады. Хозяйству разрешалось отлавливать в сетные ловушки, установленные вблизи залива Сент-Маргарет, всех крупных тунцов, которых затем переводили «на откорм» в отгороженные сетями подводные загонь. Там их кормили «на убой» макрелью, пока они не достигали нужного веса и кондиции. Затем их забивали, охлаждали льдом и отправляли самолетами в Японию. Если в 1974 году такой процедуре подвергались пятьдесят гигантских тунцов, то уже в 1977 году было поймано, откормлено, забито и поставлено, на радость японским гурманам, около тысячи штук. В настоящее время в «хозяйстве» кончаются «запасы», поскольку за последние несколько лет ему за год не удавалось поймать больше двух десятков крупных рыб. По-видимому, они опять ушли куда-то в сторону!

Такая же горькая судьба ожидает и многих других членов рода тунцов. Эпитафией синим тунцам звучат слова из недавно вышедшей из печати книги ихтиологов Джона и Милдред Тиль «Саргассово море»: «Мелких синих тунцов от пяти- до восьмилетнего возраста и еще более мелких моложе пяти лет, живущих большими стаями, ловят крючковой снастью в Восточной Атлантике и кошельковыми неводами — в Западной... Ловится большое количество даже очень мелких тунцов весом меньше килограмма. Крупные синие тунцы исчезли, и этот вид рыб утратил свое промысловое значение... Опустошать за-

пасы тунца нецелесообразно, однако подобное соображение никогда не мешало нам уничтожать других «доходных» обитателей моря — китов, омаров и пикшу».

В Северной Атлантике были уничтожены многие другие виды рыб, включая малоизвестную меч-рыбу⁹¹. О ней в начале XVII века так писал Николя Дени: «Меч-рыба большая, как корова, имеет шесть-восемь футов в длину... у нее на рыле меч длиною в три фута и шириною почти в четыре дюйма... Очень хороша на вкус в любом виде. Ее глаза — величиной с кулак».

Первоначально обитавшая в большинстве мест рыбного промысла, она не вызывала в былые времена особого интереса у рыбаков. Однако к 1900 году ее вкусное мясо стало пользоваться спросом у жителей прибрежных штатов США, а затем по мере совершенствования холодильной техники свежемороженое филе меч-рыбы завоевало признание на всем континенте. Сначала ее добывали главным образом с помощью гарпуна, но после второй мировой войны спрос на меч-рыбу стал неуклонно расти, и рыбаки перешли к применению ярусов. К началу 1960-х годов запасы меч-рыбы, никогда не отличавшейся большой численностью и медленно восстанавливающей свои потери, были доведены до полного истощения. Затем ученые обнаружили, что ее мясо содержит такую высокую концентрацию ртути и других токсических веществ, что употреблять его в пищу людям опасно. Продажу меч-рыбы в США запретили, в результате чего ее промысел сократился, и она продается только на «черном рынке».

Нам ничего не известно о том, как влияют вредные химикаты на организм самих рыб, хотя то, что вредно для нас, очевидно, не может быть полезным для уцелевших от промысла рыб. Так или иначе, но численность меч-рыбы, видимо, продолжает сокращаться.

Если вообще стоит беспокоиться

о судьбе, ожидающей акул, то ниже-
следующий пример должен по край-
ней мере вызвать сочувствие к этим
постоянно преследуемым людьми су-
ществам. Гигантская акула⁹² — это
действительно огромное животное,
второе по величине из всех морских
обитателей. Отдельные убитые особи
превышали в длину десять с полови-
ной метров и весили около 15 тонн.
Гигантская акула — сколь огромна,
столь и загадочна. Мы почти ничего
о ней не знаем, разве что она не опасна
для людей, предпочитает стайный
образ жизни и питается планктонны-
ми рачками, которых она отфильтро-
вывает через частокोल жаберных ты-
чинок. Это гигантское медлительное
чудовище получило свое название*
благодаря привычке, выставив спину
вровень с поверхностью воды, медлен-
но плыть по воле течения. Именно
эта привычка и оказалась для нее
гибельной при контактах с современ-
ным человеком.

Мясо гигантской акулы не пред-
ставляет для нас никакой ценности,
иное дело печень. Ее печень весит око-
ло полутонны и очень богата витами-
нами. После второй мировой войны
в Восточной Атлантике гигантскую
акулу преследовали с таким усердием,
чтобы добыть ее печень, что она фак-
тически была уничтожена в этом ре-
гионе Мирового океана. Во времена
колонистов гигантские акулы в изоби-
лии водились в заливе Мэн и тысяча-
ми истреблялись поселенцами в водах
залива Кейп-Код ради получения жи-
ра для светильников. Кончилось тем,
что эти безвредные существа навсегда
исчезли с восточного побережья
США.

Гигантская акула встречалась в изо-
блии и в водах восточного побережья
Канады, где она не считалась цен-
ным промысловым объектом. Тем не
менее рыбаки считали ее вредной ры-
бой, поскольку она иногда запутыва-

лась в их сетях. Именно это обстоя-
тельство побудило канадское Мини-
стерство рыболовства в 1940-х годах
объявить гигантской акуле войну.
(Сначала на борьбу с ней в воды Тихо-
океанского побережья вышли воору-
женные гарпунами суда службы охра-
ны рыболовства. После того как гарпу-
ны были признаны недостаточно убой-
ным и не очень сподручным оружием,
начали пробовать ружейный и даже
пулеметный огонь. Но и пули, каза-
лось, не могли достаточно быстро
и эффективно убивать этих гигантов,
поэтому министерство придумало бо-
лее хитроумное устройство — зазуб-
ренный стальной таран с искривлен-
ным острием, заточенным до остроты
бритвенного лезвия. Патрульные су-
да, вооруженные этим смертоносным
приспособлением, гонялись за стаями
гигантских рыб и таранили их одну
за другой, разрывая на части или, при
удаче, разрубая их пополам. Одному
патрульному судну удалось за один
день изрубить восемнадцать испо-
линов.)

Численность гигантских акул со-
кратилась настолько, что ныне счи-
тается удивительным, если в течение
любого взятого года на северо-восточ-
ном побережье континента отмечает-
ся хотя бы два десятка визуальных
наблюдений.

В 1616 году, когда капитан Джон
Смит превозносил достоинства Но-
вой Англии — «Вы едва ли найдете
здесь какой-нибудь залив, мелководье
или бухту с песчаным дном, где бы вы
не могли в свое удовольствие насоби-
рать двустворчатых моллюсков или
омаров, или тех и других вместе», —
он, сам того не зная, обрисовал кар-
тину, характерную для всего Atlan-
тического побережья от мыса Хатте-
рас до южного Лабрадора.

На мелководье Атлантического по-
бережья обитали около двух десятков
видов двустворчатых моллюсков —
устриц, мидий и гребешков⁹³, обеспе-
чивавших, казалось, неистощимый
источник легко доступной пищи. Этим
богатством охотно пользовались мест-

* "Basking shark" (англ.) — гигантская
акула (буквально: «греющаяся на солнце»). —
Прим. перев.

ные жители, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней заросшие травой груды раковин, оставленных аборигенами на многих местах их прежних жилищ. Тем не менее пришельцы из Европы вначале очень редко употребляли в пищу эти щедрые дары природы, предпочитая использовать их в качестве приманки во время лова трески.

На западном и южном берегах Ньюфаундленда устрицы исчезли из лагун с соленой водой еще до начала XVII века. На французском острове Микелон толстый слой устричных раковин подстилает груды раковин двустворчатых моллюсков. Эти скопления раковин двустворчатых моллюсков, когда я был там в 1960-х годах, на моих глазах пополняли новыми раковинами искавшие наживку рыбаки. Но никто уже не помнит, когда в последний раз в огромной лагуне Микелона видели живую устрицу. То же самое можно сказать и об островах Магдален, где зимними штормами наносятся на берег отложения раковин, вымываемых со дна, увы, безжизненных устричных отмелей.

Биологи — специалисты по моллюскам, размышляя о причине исчезновения устриц со столь обширного их ареала в Северной Америке, склонны видеть ее в изменении климата. Они, видимо, не учитывают, что легко доступные устрицы издавна использовались в рыбном промысле в качестве приманки. Им не только не приходит в голову мысль о возможности преступного расточительства того, что сегодня считается лакомством, они даже не понимают, как такое скользкое, водянистое создание вообще могло бы удержаться на крючке. Ответ достаточно прост: рыбаки отваривали устриц — этой уловке они, возможно, научились у индейцев племени микмак, которые и сейчас иногда пользуются устричной наживкой, считая ее самой неотразимой приманкой для рыб.

Неутомимый Николя Дени поведал нам из середины XVII века о щедрых устричных банках в водах Новой

Шотландии и Нью-Брансуика, где сейчас устриц нет и в помине. «В солонowodных лагунах этой бухты [Порт-Малгрейв] обитает множество прекрасных крупных устриц и других двустворчатых моллюсков... здесь [в Гавр-Буше] такое же изобилие устриц и моллюсков... [в Антигонише] отличные устрицы и еще больше их на левобережье речного устья... они громоздятся друг на друга, словно скалы... [в Пикту] огромные скопления отменных устриц... некоторые из них больше ботинка... они очень мясисты и приятны на вкус...» И в том же духе — по всему южному берегу залива Св. Лаврентия до самого Гаспе. Когда-то эти устричные банки были действительно богатыми. Теперь их нет или почти нет.

Баснословно богатыми были устричные банки у острова Принца Эдуарда, где они сохранились и поныне, хотя площадь их сильно сократилась, а «население» здорово поредело. В прежние времена в залив Бра-д'Ор на Кейп-Бретоне заходили за наживкой одновременно до тридцати рыболовных шхун.

Устрицы были не единственными беспозвоночными, которых использовали в качестве наживки. В дело шли также и мидии. В XIX веке отдельные рыболовные шхуны добывали за один рейс на банках до десяти тонн двустворчатых моллюсков. Мидии выполняли двойную функцию: балласта на пути к рыбопромысловым банкам и наживки по прибытии на банку. Однако наибольший урон наносили моллюскам прибрежные рыбаки, обжившие в местах прибрежного промысла трески каждую бухточку и заливчик. Наживка была под рукой — только копай и сгребай, сколько тебе нужно, моллюсков и пускай в дело приманку, благо что она очень нравилась треске и доставалась... задаром.

Этим, однако, не ограничивался ущерб, причиняемый обитателям литорали «прибрежными рыбаками» — колонистами и поселенцами. Часто на заливаемые приливами отмели выго-

няли на откорм стада свиней; они выкапывали из ила двустворчатых моллюсков всех видов и размеров. В 1848 году представители индейцев Новой Шотландии возмущенно жаловались на то, что в результате таких действий были «истреблены все лучшие моллюски и ракообразные на наших берегах». Фермеры толпами устремлялись на отмели, где нагружали свои повозки илом вместе с молодью и взрослыми моллюсками и отвозили все это на свои поля для известкования и удобрения почвы.

Но настоящее опустошение запасов моллюсков началось лишь в конце XVIII века, когда их стали употреблять в пищу и когда во многие крупные и мелкие города Канады и США начали отправлять огромные партии устриц и других моллюсков. И все же самый губительный урон моллюскам и ракообразным нанес не промысел. Было подсчитано, что на 80% банок, существовавших в XVI веке, моллюски погибли из-за бытовых, промышленных и сельскохозяйственных сточных вод, мелиорации заболоченной суши приливно-отливной зоны и насыпных работ, а также массовых наносов обломочных пород (результат вызванной деятельностью человека эрозии). Жители прибрежных районов очень хорошо знают, что даже сохранившиеся банки бывают настолько загрязнены, что добытые на них моллюски непригодны или небезопасны для употребления их в пищу.

Один вид моллюсков оставался вне жадного внимания людей до самого XX века. Это был гребешок, в огромных количествах обитавший вплоть до 1960-х годов на более южных рыбопромысловых банках. Если до этого времени ему не придавали особого значения, то в последующие десятилетия интенсивный промысел гребешка подорвал его запасы, и теперь добыча этого моллюска упала до угрожающе низкого уровня. В последние годы нет никаких признаков ослабления темпов добычи гребешка, запасы которого в недалеком

будущем потеряют свое промысловое значение. Согласно прогнозам, это может случиться к 1990 году.

Когда во второй половине XVI века Антони Паркхерст находился на восточном берегу Ньюфаундленда, его команде удавалось «меньше чем за полдня добыть [с помощью трезубца для ловли угрей] достаточно омаров⁹⁴, чтобы обеспечить триста человек едой на целый день». Примерно тогда же Чарльз Лей писал об острове Кейп-Бретон: «Здесь видимо-невидимо омаров: за одну закидку мы поймали небольшой вершей больше 140 штук». По словам Хиггинсона, та же картина наблюдалась в Новой Англии в 1629 году: «Здесь [столько] омаров, что каждый мальчишка в колонии может наловить и съесть, сколько захочет. Что до меня, то я пресытился ими — этими большими, жирными и приторными омарами. Я своими глазами видел экземпляры весом в шестнадцать фунтов... а другим попадались омары и покрупнее, весом в двадцать пять фунтов». Уильям Вуд, говоря о том же времени и месте, добавлял: «Из-за их множества их не очень ценят и редко употребляют в пищу [за исключением индейцев, которые] ловят их ежедневно и помногу для наживки на крючковую снасть, а то и для еды, когда им не удастся наловить окуней».

Использование омаров в качестве приманки сулило вновь прибывшим хорошие барыши, и они взялись за дело с большим рвением. В 1720-х годах рыбаки побережья от Ньюфаундленда до Кейп-Кода обычно во время отлива посылали на берег мальчишек, вооруженных острой с двумя зубцами, чтобы заготовить дневной запас наживки, и те выискивали и убивали омаров, укрывшихся под обломками потерпевшего крушение судна или в расщелинах между скалами. Аарон Томас, посетивший Ньюфаундленд около 1794 года, сообщал: «Омаров здесь такое множество, что их пускают на приманку для ловли трески... Чтобы убедиться в этом собствен-

ными глазами, я вышел в море на небольшой шлюпке... Не прошло и полчаса, как один рыбак поймал на крючок пятьдесят девять омаров». Томас рассказал также, что омары были у поселенцев привычным кормом для домашней скотины, включая «кур, коров, уток, коз, гусей, кошек, лошадей, телят, свиней, прирученных чаек [употребляемых в пищу], овец и собак... Когда я кинул кошке клешню омара, к ней бросились козел и свинья... а когда за клешней последовал сам омар, то к ним присоединились домашние птицы, коровы, чайки и овцы». Так было на всем северо-восточном побережье. В некоторых отдаленных районах Ньюфаундленда свиней откармливали омарами практически до 1940 года.

Но не только прибрежные рыбаки использовали омаров на наживку. Еще в 1760-х годах рыбопромысловые шхуны добывали на банках тонны ракообразных, и так продолжалось до середины XIX века. На берегу многие колонисты и поселенцы отказывались есть то, что они называли «пищей бедняков», и находили омарам другое применение. В 1852 году один канадский чиновник отмечал, что «везде по побережью омары... встречаются в таком исключительном изобилии, что тысячами употребляются на удобрение земли. Каждое картофельное поле там усеяно их панцирями, под каждый картофельный куст закладываются по два, а то и по три омара».

В Новой Шотландии омары считались не имеющими коммерческой ценности вплоть до 1876 года. В то время Джон Роуан писал, что колонисты охотились за омарами для развлечения. «Среди жителей Галифакса стало привычным в тихие летние вечера выходить с острогой сообщая на охоту за омарами. Зажженный на носу шлюпки факел из березовой коры позволяет охотникам видеть ползающих по дну между водорослями омаров». Добыча омаров была пустяковым делом. «Я видел, как двое мальчишек, пробираясь между скалами, наловили

за один раз две сотни омаров с помощью палки с прикрепленным к ней крючком для лова трески». Роуан отмечает также использование омаров в сельском хозяйстве. «Однажды я наблюдал, как ими удобряли несколько акров поля, отведенного под посадку картофеля. Чтобы показать, как мало ценились омары, могу сказать, что поселенцы готовили из них варево для своих свиней, однако сами стеснялись есть омаров на глазах у соседей. На выброшенные у дома панцири омаров смотрели как на признак нужды и нищеты».

Подобное отношение к омарам изменилось в середине XIX века, когда было обнаружено, что из мяса омаров, сваренного в гигантских котлах, можно с небольшими затратами изготавливать консервы и что для такого продукта имеются доходные рынки сбыта не только на собственном континенте, но и в Европе. То, что следовало за этим открытием, иногда называют «Омаровым Клондайком». Но это была «золотая лихорадка» иного рода.

Консервные заводы возникли на побережье Новой Англии в таком количестве, что говорили, будто дым их высоких труб, соперничая с туманом, застилал береговые ориентиры — если это и преувеличение, то не слишком большое. К 1860-м годам на американском побережье почти не оставалось места хотя бы еще для одного завода по производству консервированных омаров, и поэтому ненасытные дельцы устремились на север и соорудили там столько заводов, что они вместе с канадскими, английскими и французскими предприятиями покрыли из конца в конец все побережье Ньюфаундленда и все Атлантическое побережье Канады. Для примера расскажу, что затем произошло на западном берегу Ньюфаундленда.

Первый консервный завод был построен там в 1873 году, а к 1888 году на 26 консервных заводах работали уже 1100 рыбаков, каждая пара которых должна была наловить за день

до 1000 омаров — за это полагалось «щедрое» вознаграждение в пять долларов. В тот год рыбаки западного берега Ньюфаундленда поставили на консервные заводы столько омаров, что их хватило для заполнения трех миллионов однофунтовых консервных банок.

Сырье использовалось весьма расточительно — на консервы шло лишь мясо с хвоста и двух больших клешней. Туловища омаров, среди которых попадались икраные самки, выбрасывались обратно в море и, вымываемые волнами на берег, распространяли зловоние на многие километры вокруг. В 1870-х годах для заполнения одной консервной банки достаточно было в среднем двух омаров, но по мере истребления крупных взрослых омаров для заполнения банки уже требовалось сначала три, а затем четыре и, в конце концов, до восьми штук «мелких» омаров, которые к тому времени составляли основной улов.

К 1898 году на восточном побережье вели жестокую конкурентную борьбу семьдесят консервных заводов, с ранней весны до глубокой осени заставлявших небо черным дымом своих труб. Однако к тому времени все они вместе производили лишь один миллион банок консервов. Популяция омаров таяла на глазах. Четыре года спустя общий объем производства консервированной продукции сократился до 310 000 банок — примерно одной десятой уровня 1888 года.

По существу, то же самое наблюдалось на всем северо-восточном побережье, а в некоторых районах — особенно в южных штатах Новой Англии — омары были практически уничтожены. Ушли в прошлое те времена, когда они были одними из самых распространенных и доступных промыслу представителей животного мира на Атлантическом побережье Америки. Добыча омаров в Канаде и на Ньюфаундленде от максимального уровня в 140 000 тонн в 1885 году упала к началу 1920-х годов до 43 000 тонн. К 1970-м годам годовая

добыча была на уровне 20 000 тонн*. И хотя с тех пор этот последний показатель удвоился, по мнению ряда биологов, популяция омаров ныне все еще находится на грани полного вымирания, неизбежного в случае увеличения естественной или промысловой смертности.

Омар представляет собой классический пример зависимости самого существования вида от опасного балансирования ведомств по «воспроизводству природных ресурсов» между желанием расширить производство продукции в угоду своим политическим и промышленным боссам и необходимостью сохранения и даже восстановления серьезно подорванной промыслом популяции. Проблема опустошения запасов омаров привлекла к себе внимание еще в 1870-х годах, когда один дальновидный консультант администрации Новой Шотландии рекомендовал запрещать промысел омаров хотя бы в разгар нерестового сезона. Его предложение было отвергнуто местными законодателями, «вероятно, [потому что] установление запретного сезона привело бы к большому снижению добычи омаров, являющихся значительным источником дохода, поэтому они приняли альтернативное решение, запретив вылов маломерных омаров и икраных самок. [Однако] это постановление не было приведено в исполнение, и процесс уничтожения источника собственного благосостояния продолжается: как и в случае промысла лосося или вырубки лесов, убивают курицу, несущую золотые яйца». Примечательно, что эти комментарии, написанные более ста лет тому назад, с тех

---

* Эти цифры приведены в пересчете на живой вес. Согласно имеющимся данным, в 1885 году было изготовлено 100 млн. однофунтовых банок консервов, но на каждую банку шло не меньше трех фунтов омаров в живом весе. Оценка объема общего вылова в 1920 году основана на производстве примерно 30 млн. банок консервов плюс реализации около 5 млн. фунтов омаров в живом виде. Статистика современных уловов дается, как правило, в живом весе.

пор не потеряли своего значения и остаются актуальными и в наше время.

Анализируя современное состояние промысла омаров, Гарольд Хорвуд сигнализирует об опасном развитии событий: «На 1982 год добыча достигла почти 40 млн. фунтов омаров, в основном весом до одного фунта; омары большего веса попадаются в уловах настолько редко, что даже не учитываются статистикой. Доля этих однофунтовых, изымаемым промыслом из популяции, слегка колеблется в отдельные годы, но цифра в 80% близка к среднему показателю для всего этого морского региона.

Из 20% однофунтовых, избежавших вылова в любом данном году, на следующий год выбирается промыслом еще 80% полуторафунтовых омаров — *еще не половозрелых*. Практически самка омара должна избежать вылова в течение трех лет подряд, прежде чем у нее сформируется икра. Следовательно, в среднем *только четыре особи из каждой тысячи* однофунтовых омаров доживут до половой зрелости, необходимой для воспроизводства вида. Однако в некоторых регионах половая зрелость наступает на год позже, так что количество икраяных самок уменьшается в среднем *до восьми особей на каждые десять тысяч*.

На основании надежных экспериментальных доказательств биологи, специализирующиеся на изучении омаров, пришли к выводу, что увеличение на 50% допустимого для промысла минимального размера омаров повысило бы в течение пяти лет уровень канадских уловов вдвое. Трудность заключается в том, что вам необходимо убедить в этом политиков, а они обычно предпочитают долгосрочному планированию кратковременные выгоды, устраивающие их избирателей.

Потребовалось бы всего пять лет, чтобы удвоить численность популяций омаров и спасти их от вымирания... но кого из тех, кто в силах осуществить эту программу, по-настоящему

трогает то, что случится через пять лет?»

Когда я писал эту книгу, я беседовал с морскими биологами, представлявшими три континента, — экспертами, которые могли позволить себе рассуждать свободно и независимо. Все они были единодушны в том, что количество живых организмов в море сокращается с вызывающей тревогой интенсивностью. И это относится не только к крупным организмам. В последнее время как рыбопромысловые стратеги на Западе, так и планировщики государственных организаций на Востоке внедряют в практику методы массового вылова планктона — основной пищи, от которой в конечном счете зависит жизнь всех морских организмов. Планктон — это огромное множество мельчайших растительных и животных организмов, как видимых простым глазом, так и микроскопических. Япония и Советский Союз уже находятся на пути к массовому промыслу криля⁹⁵ — рачков всего нескольких миллиметров длиной — одной из самых крупных форм планктона. Почти неисчислимые запасы криля служат первичным источником питания для тысяч крупных живых организмов, начиная от рыб и морских птиц и кончая самыми большими созданиями на Земле — синими китами. Планируемые в настоящее время объемы «сбора урожая» криля приведут к невосполнимому ущербу, который будет нанесен популяциям бесчисленных животных, занимающих более высокое место в общей пищевой цепи.

Возможные долговременные последствия крупномасштабной добычи планктона представляются столь ужасными, что один из ведущих ученых канадского Министерства рыболовства и морской среды в частной беседе со мной выразил опасение, что такой промысел может послужить причиной практического вымирания большинства видов рыб, которых мы добывали в прошлом и рассчитываем добывать в будущем.

«Хотя он явился бы невообразимым бедствием вообще для всех морских организмов,— добавил он,— подобный промысел представляется вроде бы наиболее рациональным с точки зрения использования пищевого потенциала Мирового океана. Его достоинство видится в том, что мы можем получать белок и другие вырабатываемые планктоном питательные вещества без затрат энергии на первоначальную переработку и накопление их рыбами, морскими мле-

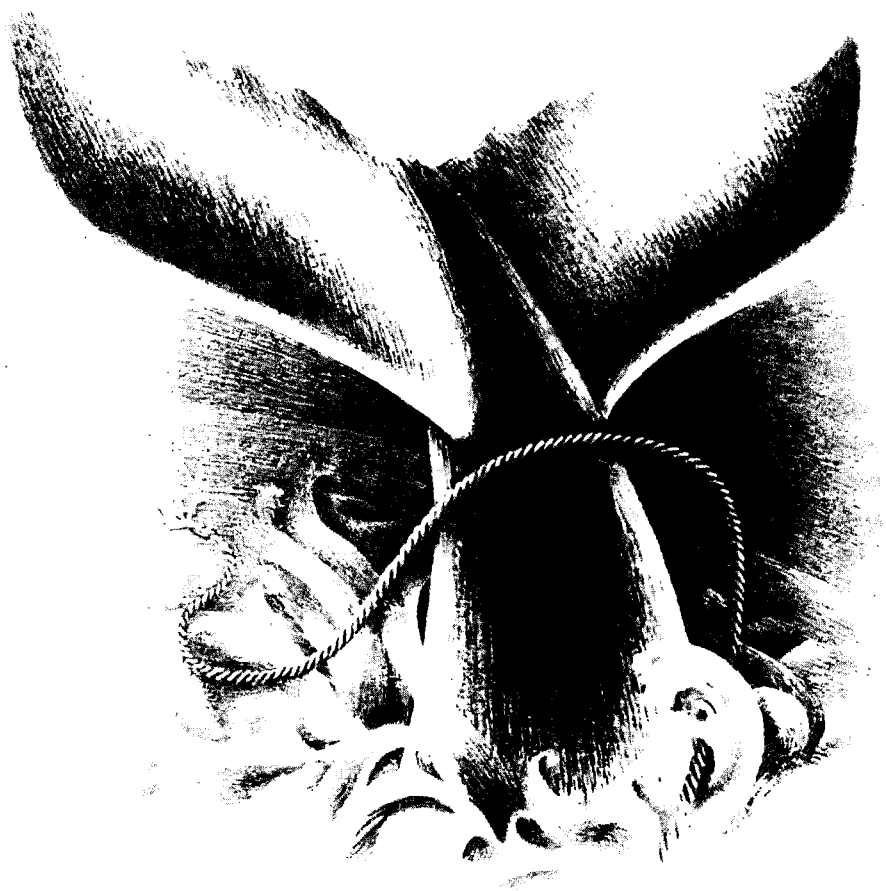
копитающими и даже птицами для нашего последующего потребления».

Его заключительные слова прозвучали почти зловещим пророчеством: «Произойдет ли это в действительности или останется плодом научной фантастики? Вспомните о наших прошлых успехах в промысловом рыболовстве. И никогда не забывайте о том, что мы можем сделать и обязательно сделаем, если подвернется случай заработать лишний доллар».

4

Исчезнувшие морские исполины

Многие историки считают, что треска была главной приманкой, неудержимо притягивавшей европейцев к северо-восточному побережью Америки. И хотя это справедливо, когда речь идет об англичанах и, пусть в меньшей степени, о большинстве таких искателей приключений, как французы, на уме у первых появившихся здесь португальцев, испанцев, басков, а также французов с берегов Бискайского залива было нечто поважнее трески. Этим нечто была ворвань — жир, добываемый из морских животных.

Предваряя современную эпоху, Европа уже в конце XV века почувствовала растущую нехватку горючего. В те времена его добывали главным образом из жира наземных животных или из растений, но эти источники уже не удовлетворяли возросших потребностей. Однако многие мореплаватели, особенно с Пиренейского полуострова, знали, что море хранит, по-видимому, неисчерпаемые запасы горючего. Природа щедро одарила тюленей, моржей и китов подкожным салом, из которого легко было получать горючее. На заре XVI века ворвань стала еще более ценным и необходимым продуктом, и для всё большего и большего числа судовладельцев из стран Юго-Западной Европы ее добыча была основным источником доходов.

Прежде чем мы превратили море в бойню, оно было настоящим Морем Китов. Тридцать—сорок миллионов лет назад прародители современных китов безмятежно жили в глубинах океана, куда их далекие предки вернулись после нескольких эр, проведенных на суше. За много веков до появления на Земле безволосой обезьяны киты уже превратились в одну из самых сложных и вместе с тем наиболее жизнеспособных групп животных, населяющих нашу планету. Не появившись на ней род человеческий, они, вне всякого сомнения, продолжали бы господствовать в океане, как это и было, пока европейцы не пересекли Северную Атлантику и не начали завоевывать Новый Свет и прилежащие к нему моря.

Многие из них пришли туда за ворванью. По сравнению с потрясающей историей алчного истребления ими китов многие другие жестокости, совершенные современным человеком, кажутся довольно безобидными.

Глава 13

Лучшие из них

Над проливом Белл-Айл низко нависло хмурое ноябрьское небо. Северо-восточный штормовой ветер с воём обрушивает заряды дождя со снегом на гавань северного берега, по форме напоминающую сосуд из тыквы. От резких порывов ветра гремит красная глиняная черепица на крышах двух десятков деревянных лачуг, прилепившихся к самому берегу. Ветер жалобно завывает в снастях едва видных судов, стоящих на якоре, и, прежде чем вырваться в пролив, проносится над песчаной банкой, выступающей из воды и подобно пробке запирающей гавань.

Время — 1565 год, место действия — Бутерус — так его называли баски, прибывшие сюда из городов Гипускоа и Бискайи, что на севере Испании. Бутерус — лишь одно из многих похожих друг на друга поселений (возможно, впрочем, самое крупное из них), основанных людьми на берегах узкого пролива, отделяющего северный «палец» острова Ньюфаундленда от Лабрадора.

Заряды мокрой снежной крупы то и дело проносятся над гаванью, разгоняя насквозь пропитавшее поселок зловоние от прогорклого китового жира и гниющих отбросов. Погода ужас-

ная, и ни один матрос не осмеливается высунуть голову за порог барака без окон, приютившего членов команды. И никто из них даже не подозревает, что стоящий на якоре пятисоттонный «Сан Хуан» под напором ветра начинает дрейфовать. Немного спустя, выдернув якоря из грунта, тяжело-весная высокобортная карака*, нагруженная до предела бочками китового жира и вязанками китового уса, поворачивается лагом к ветру и, набирая ход, направляется к пенным бурунам на наветренной стороне песчаной банки.

Теперь ее уже ничто не может остановить. Слышится треск от удара дубовой обшивки о скалы, затем шторм, делая свое дело, накрывает судно, пока планширь не оказывается на уровне воды. В глубине трюма полные бочки жира срываются с места и с грохотом катятся к подветренному борту. Крен все увеличивается, и вот уже карака ложится на борт, и вода затопляет все ее помещения от носа до кормы. Оседая на корму, она плавно скользит к своей послед-

---

* Испанское или португальское вооруженное купеческое судно.— *Прим. перев.*

ней стоянке на девятиметровой глубине.

Там она покоится по сей день.

Осенью 1978 года археологи нашли на удивление хорошо сохранившийся корпус затонувшего «Сан Хуана» на дне лабрадорской бухты Ред-Бей*. Так назвали это место обосновавшиеся там в XIX веке ньюфаундлендские рыбаки, обнаружив разбросанные на побережье куски мягкой красной глины, которым они приписали естественное происхождение и которыми их дети пользовались вместо мела, разрисовывая близкие гранитные утесы. Новые поселенцы не могли знать о том, что эти куски красного камня были выветренными осколками глиняной черепицы, столетия назад привезенной через Атлантику из Испании, чтобы покрыть ею крыши хижин, сараев и жиротопец, от которых уже давно и следа не осталось. Им было невдомек, что на дне бухты сложил свои «кости» «Сан Хуан» за компанию с костями тысяч огромных китов, убитых в этих местах ради обогащения людьми из другого мира и другого времени.

Баски — это народ, окутанный тайной. Уходя своими корнями в неолит, они жили, бросая вызов чередующимся столетиям, под защитой изрезанного побережья и западных отрогов Пиренеев. В течение тысячелетий страна Басков оставалась уцелевшим осколком забытой эпохи, в то время как в других частях Европы их современников поглощали чередующиеся волны нашествий иноземцев с востока. И они никогда не были ассимилированы индоевропейскими захватчиками.

Сквозь подернутые дымкой времени века баски пронесли чувство близости с морем и, вступая в новую историческую эпоху, сохранили с ним тесную связь и сопричастность к жизни его обитателей. Чрезвычайно

скрытные и замкнутые по натуре, они продолжают жить в мире (оставаясь вне его), который привык считать чуждыми и странными как их самих, так и их непонятный язык. Лишь недавно историки начали осознавать, что баскам принадлежала важная роль в раннем использовании морских ресурсов, а также и то, что именно баски разожгли пламя алчности, в котором впоследствии суждено было сгореть могущественному китовому племени.

Война басков с морскими исполинами началась по крайней мере шестнадцать тысячелетий назад — уже тогда «прибрежные контрабандисты» Бискайского залива («Залива Басков») вели активную охоту на китов с небольших выдолбленных из бревен челноков или обтянутых шкурами лодок. Их гарпуны или копья с костяными или каменными наконечниками были сродни тем, что принесли в нашу эпоху такие «неолитические» культуры, как чукчи и инуиты. Действительно, само название «гарпун» пришло к нам через испанское слово «агрон», образованное от баскского «агрои», что означает «каменное острие».

На протяжении тысячелетий баски существовали за счет добычи китов, обеспечивавших им необходимое пропитание. Но уже в V веке н. э. они начали обменивать продукты китового промысла на изделия, изготавливаемые другими народами, и к X веку добились в этом деле больших успехов. Так баски стали, по существу, первыми промысловыми китобоями, и это первенство им суждено было сохранять за собой в течение последующих шестисот лет.

Доисторические баски обучались своему ремеслу китобоев, преследуя китов, которых они называли «отта сотта» («otta sotta») — вид, известный нам, как серый кит⁹⁶. В отличие от других китов, это было сравнительно небольшое животное длиною до пятнадцати метров и весом не больше сорока тонн. Предпочитая прибрежные воды, он порой так близко подходил к берегу, что над поверхностью

* Red Bay (англ.) — Красная Бухта.—
Прим. перев.

воды можно было видеть спину кита, лежащего брюхом на дне. Серые киты давали жизнь своему потомству в тепловодных лагунах или заливах. Весной они отправлялись на откорм на север, и к середине лета большинство отта сотта, наверное, уже бороздили холодные воды Норвежского моря и Северной Балтики. Ранней осенью они снова возвращались на юг.

Можно предположить, что вначале лишь немногие из самых смелых жителей побережья отваживались нападать на этих неуклюжих чудищ, преодолевая буруны Бискайского залива во время весенних и осенних миграций, но по мере того, как успех сопутствовал их усилиям, число китобоев постепенно увеличивалось, и, наконец, китобойный промысел стал постоянным занятием большинства прибрежных общин. На протяжении многих веков этот промысел велся с таким усердием, что еще в начале XIV века отта сотта были практически уничтожены в европейских водах.

Истребление серых китов не означало конца занятия, ставшего неотъемлемой частью жизни прибрежных басков. Предвосхищая уловки наших современников, они принялись искать новый объект для промысла. Они нашли его в животном, известном под названием «sardak baleac» — стадный кит, прозванный так за его привычку собираться в определенные сезоны в огромные стаи. «Сарда», или как мы его сейчас называем черный гладкий⁹⁷ кит, был настоящим гигантом длиной в 20 и более метров и весом до 70 тонн. Из его толстого слоя подкожного сала можно было получить в три раза больше ворвани, чем от серого кита, да и китового уса он давал побольше и качеством получше. Сарда чаще, чем серый кит, обитал в открытом море, но он так же, как и отта сотта выискивал прибрежные отмели для рождения детенышей и спаривания.

Вначале баски охотились на сарду таким же способом, как и на отта сотта, — с легких и удивительно быстрых беспалубных лодок. После

того как кит был успешно загарпунен и насмерть забит копиями, его тушу отбуксировывали для разделки на ближайшую из двух десятков береговых баз, разбросанных по побережью Бискайского залива. Однако такой промысел был ограничен во времени тремя-четырьмя месяцами в году, пока сарда находился вблизи берега. Поэтому по мере того, как в Европе увеличивался спрос на продукты китобойного промысла, баски постепенно начали пользоваться небольшими парусными судами, способными по нескольку дней оставаться в море и уходить от берега на расстояние в сотню и больше миль. И хотя им по-прежнему приходилось буксировать туши китов для разделки домой, промысел этот оказался настолько эффективным, что в погоню за сардой далеко в открытое море стали выходить суда грузоподъемностью до трехсот тонн.

К 1450 году уже более 60 китобойных судов басков промыслили сарду в обширном районе открытого моря от Азорских островов до самой Исландии на севере. Они произвели там такое опустошение, что еще до начала следующего столетия сарда в европейских водах оказался на грани вымирания. На этом критическом для их китобойного промысла рубеже баски узнали про еще не тронутые промыслом, «коммерчески выгодные» стада китов на дальних просторах Северной Атлантики.

Требуется довольно богатое воображение, чтобы представить численность и многообразие китов, коими изобиловали моря Нового Света в начале вторжения туда европейцев. Пожалуй, подобную картину можно было наблюдать в граничащих с Антарктикой морях, пока они не побагровели от крови китов, убитых китобоями XX века.

В водах северо-восточного побережья Америки китов было так много, что они создавали проблему для первых мореплавателей. В середине 1500-х годов неизвестный моряк сето-

вал в своих записях на то, что настоящую опасность для мореплавания в водах New Founde Land* представляли не туман, льды или не нанесенные на карту скалы, а множество гигантских китов, столкновений с которыми следовало постоянно остерегаться. В начале 1600-х годов один французский миссионер с раздражением писал о том, что в заливе Св. Лаврентия все еще находилось столько китов, что «они нам порядком надоели, мешая нашему отдыху постоянными передвижениями и шумным дыханием».

Когда «Мейфлауэр» в 1620 году стоял на якоре в заливе Кейп-Код, члены его команды каждый день «видели китов, проплывавших у самого борта судна; если бы у нас была возможность и необходимые орудия охоты, мы могли бы здорово на них подзаработать». Вновь прибывший в залив Массачусетс в 1635 году Ричард Мазер сообщал о «множестве огромных китов... пускающих, словно дым из трубы, фонтаны водяных брызг и вспенивающих вокруг себя воду... это [зрелище] уже стало привычным для созерцания». Даже в 1705 году г-н де Куртеманш все еще мог отметить, что на северном берегу залива Св. Лаврентия китов было «такое множество и они так близко подходили к берегу, что их можно было бы бить гарпуном прямо со скал».

Во времена первых путешественников залив Св. Лаврентия и богатые жизнью воды континентального шельфа от Кейп-Кода до Лабрадора были одним из главных регионов Мирового океана по сосредоточению морских млекопитающих. Эти воды служили прибежищем не только для самых больших на Земле скоплений моржей, но и для неисчислимого множества нескольких видов тюленей. Однако все они казались пигмеями рядом с китами, среди которых находились почти все известные нам виды крупных китов и многие малые формы китообразных. Неспроста первые ев-

ропейцы в Новом Свете называли северо-восточные подступы к новому континенту «Морем Китов».

Хотя к отряду китообразных принадлежат и дельфины, слово «кит» имело более ограниченное значение в давние времена, когда им называли тех морских великанов, которые могли приносить коммерческую выгоду. Поэтому «китами» считались лишь недостаточно проворные животные, которых можно было догнать на парусных или гребных судах; которые были уязвимы для ручных гарпунов или копий; были «выгодны» в смысле количества добываемого жира и китового уса и, наконец, которые, будучи мертвыми, оставались на плаву. Последнее обстоятельство было существенным, ибо первые китобои не располагали способом вылавливать тонущих китов и удерживать их на поверхности воды во время обдирки или буксировки на береговую базу. Вот почему баски XVI века, построившие Бутерус и пославшие туда людей на разделку китов, ограничивались промыслом четырех признанных ими видов. Они называли их китами «лучшего сорта».

Сарда

Когда в нашу эпоху первое европейское судно рассекало своим тупым носом воды Нового Света, его команда наверняка распознала те виды китов, которые раньше составляли основу промысла басков — отта сотта и сарду.

Но если даже это первое судно и не принадлежало баскам, то до их ушей все равно должен был дойти слух о китах, обнаруженных его экипажем. Так или иначе, где-то около 1500 года китобойные суда басков уже совершали рискованные путешествия через просторы Северной Атлантики, а их гарпунеры уже пускали кровь западной сарде.

Сарда, или черный гладкий кит, несмотря на его огромные размеры, был

* Ньюфаундленда. — *Прим. перев.*

сравнительно легкой и потому стоящей хлопот добычей. Поскольку огромное туловище делало его неуязвимым для большинства естественных хищников, ему не нужны были агрессивные позы или защитные приспособления. Не нуждался он и в большой скорости. Медленно бороздя планктонные пастбища, этот кит пропускать целые реки морской воды через бахрому пластин китового уса, свисавший с огромного нёба. С их помощью он отфильтровывал необходимый для поддержания жизни планктонный «суп». Эту функцию китовый ус выполняет настолько эффективно, что сарда мог накапливать колоссальный запас энергетического «топлива». Слой подкожного жира (толщиной до 50 сантиметров) не только обеспечивал плавучесть кита даже после его гибели, но и давал до 14 тонн первосортной ворвани. Во всех отношениях сарда оказался одним из лучших, если не самым лучшим из китов.

Богатые планктоном воды Моря Китов служили для сарды основным летним пастбищем. Поздней осенью киты медленно продвигались к югу, собираясь в большие стада для размножения в удобных бухтах Флориды и Мексиканского залива. Когда они прибывали на зимовку, у них уже были накоплены такие запасы энергии в виде подкожного жира, с которыми они могли, не питаясь, ожидать возвращения весны, производя на свет и выкармливая потомство, занимаясь ухаживанием и любовью.

В конце марта — начале апреля огромные зимние стада распадалась на небольшие семейные кланы, которые неспешно, со скоростью трех-четырех узлов, начинали двигаться на север. Их путь пролегал через весенние пастбища на банках открытого моря, где ежегодно цветение планктона превращало холодные воды в питательный бульон. Со временем большинство сард поворачивали на запад, проходя через пролив Белл-Айл или через пролив Кабота в залив Св. Лаврентия, чтобы воспользоваться там цветением планктона в конце

лета. С приходом осени заметно округлившиеся и пресытившиеся планктоном киты снова собирались в огромные стада (которые, возможно, несли некую общественную функцию — что-то вроде осеннего китового празднества), прежде чем снова начать медленное движение на юг.

Мы не знаем точно, когда баски впервые появились на Североамериканском континенте, однако нам известно, что еще до широко известных грабительских набегов Картье в залив Св. Лаврентия в 1534 и 1535 годах Бутерус уже фигурировал на французских картах под названием «Hable de la Ballaine» — «Китовая Гавань», а северо-западная оконечность острова Ньюфаундленда — наиболее известный ориентир для прибывающих из Европы кораблей — уже носила название «Karpont» от искаженного баскского «Cap Arpont» — «Гарпуний Мыс». Больше того, в муниципальных архивах Биаррица хранится королевская грамота от 1511 года, разрешающая французским баскам бить китов в Новом Свете, а ряд других источников содержит намеки на присутствие басков в заливе Св. Лаврентия еще в 1480 году. Таким образом, мы, вероятно, не будем далеки от истины, если представим, как на закате XV века потрепанные морем, пропитанные солью каравеллы басков, преодолевая ветра и течения, упорно прокладывали путь к берегам южного Лабрадора, Ньюфаундленда и острова Кейп-Бретон (который, кстати, берет свое название от древнего порта баскских китобоев Cap Breton).

Как бы там ни было, но вскоре после этого их можно было встретить во всем регионе. На современных картах сохраняются более двух десятков названий, свидетельствующих о былом присутствии басков на морских просторах, а остатки их береговых сооружений, поросшие мхом, разрушаемые ветрами и подчас заливаемые морскими приливами, до сих пор можно обнаружить далеко на западе в устье реки Сагены в каких-нибудь

полтора-два километра от города Квебека.

Сам Бутерус выглядел типичной ба-зой испанских басков. Какой год ни взять, в нем летом находилось до ты-сячи человек. Ежедневно перед рас-светом десятки вельботов под малы-ми парусами или — если не было вет-ра — на веслах расходились из него вдоль берега в обоих направлениях и в открытое море и, образовав дугу радиусом в 18—20 километров с цент-ром с Бутеруса, ожидали наступления рассвета. Команды внимательно всма-тривались в окружающее простран-ство, надеясь увидеть V-образный фонтан водяных брызг, выдававший присутствие сарды. Как только в ут-реннем воздухе зависал первый про-зрачный фонтан, к нему устремлялись ближайшие два-три вельбота. Каждое судно направлял к цели гарпунер, и ведомая им команда отчаянно налега-ла на весла, надеясь, что именно он поразит ее первым.

Намеченная жертва обычно встре-чала приближающиеся суда чуть ли не с дружелюбным любопытством, пока в лучах восходящего солнца... не мелькал железный гарпун и его раздвоенное зазубренное жало, прой-дя сквозь толстый слой подкожного жира, не вонзалось глубоко в плоть животного. Атакованный кит нырял на дно, но тут же ощущал себя на при-вязи у судна над его головой. Когда он всплывал на поверхность, чтобы набрать в легкие воздуха, он рисковал быть пронзенным вторым, а то и третьим гарпунами. Вероятно, впер-вые в жизни ему пришлось испытать чувство панического страха, усугуб-ленное мучительной болью от разди-рающего пораженные мышцы железа.

После многочасовой титанической борьбы силы даже такого могучего кита, как сарда, постепенно угасали. Тогда суда сближались, и люди уда-рами тонких копий загоняли живот-ное под воду, не давая ему наполнить воздухом сжавшиеся легкие. Наконец, смертельно раненный лилипутами гиг-гант беспомощно покачивался на волнах, испуская фонтаны малиново-

красного пара. Море вокруг потемне-ло от крови. В последний раз судо-рожно взметнулись вверх и упали в во-ду лопасти могучего хвоста, и жизнь кончилась.

Два-три судна буксировали свер-кающую на солнце, сопровождаемую тучей слетевшихся чаек тушу в гавань Бутеруса и ставили ее на одну из швартовых бочек в сотне метров от жиротопен завода. Там кит оставал-ся среди других своих мертвых сопле-менников в ожидании, пока деревян-ный стапель на берегу не освободится от предыдущих жертв и его можно бу-дет с помощью шпиля втащить наверх по засаленному скату*.

Дни и ночи напролет «мясники», освещаемые факелами коптящей вор-вани, карабкались на гигантские ту-щи, пронзая и разрезая их разделоч-ными ножами, в то время как другие рабочие таскали нарезанные пласти сала к порогу жиротопен. Здесь их разрубали на куски, которые сбрасывали вилами в стоящие рядами кипящие и брызжащие жиром вароч-ные котлы. Чтобы поддерживать реву-щее под котлами пламя, люди то и де-ло вылавливали из котлов и бросали в огонь обрывки соединительной тка-ни, заставляя самих китов служить топливом для собственного жертво-приношения.

Ободрав с туловища подкожное сало и вырубив из пасти китовый ус, разделщики отпускали тормоз ле-бедки, и ободранная туша соскаль-зывала обратно в море. Лишенная жира, она тем не менее оставалась на плаву — разлагающиеся ткани внутренних органов быстро напол-няли ее таким количеством газа, кото-рое превращало тушу в напоминающее по форме аэростат зловонное чудо-вище. Брошенная на милость ветра и волн, она пополняла множество та-ких же разлагающихся туш, изры-гаемых двумя десятками бухт, где

---

* В местах, где приливы были достаточно высокими, туши часто оставляли на грунте у берега при полной воде и разделявали их, когда они просыхали после отлива.

орудовали разделщики китов. Большинство этих похожих на привидения чудовищ в конце концов прибывало волнами к берегу, где они пополняли кладбище китов, протянувшееся на сотни километров вдоль берегов «Большого Залива».

Г-н де Куртеманш оставил нам свои мрачные впечатления о берегах этого залива в 1704 году, когда у входа в небольшую бухту в нескольких километрах от давно заброшенного Бутеруса он наткнулся на «похожие на горы плавника нагромождения костей... судя по внешним признакам, там были останки не менее двух-трех тысяч китов. В одном месте мы насчитали девяносто черепов огромной величины».

Вещественные доказательства масштабной бойни сохранились и до наших дней. Один инженер, прокладывавший шоссейную дорогу на западном берегу Ньюфаундленда в 1960-х годах, рассказывал мне, что, где бы его бульдозеры ни вгрызались в береговую галечник, они всюду выворачивали такую массу китовых костей, что часть дорожного покрытия была «уложена больше из костей, чем из камня». «Череп», — говорил он, — шли по десять центов за дюжину, причем некоторые из них были величиной с бульдозер типа Д-8». После окончания строительства дороги я сам обследовал некоторые из этих выемок грунта и убедился в том, что гигантские останки относятся к сравнительно недавнему прошлому, а не являются результатом многовекового накопления.

В первой половине XVI столетия в заливе Св. Лаврентия водилось такое множество сард, что китобоям оставалось лишь отбирать китов и забивать нужное число из, казалось, неисчерпаемых запасов. Пожалуй, это можно сравнить с выборкой домашнего скота из гигантского загона для отправки на скотобойню. Ограничивающим фактором служило не наличное поголовье, а производственные мощности по переработке китов.

Бутерус, в котором работали не менее трех жиротопен, являлся одной из примерно двух десятков баз, цепочкой протянувшихся на запад от входа в пролив Белл-Айл вдоль берега залива Св. Лаврентия и реки Св. Лаврентия до самой реки Сагены. Еще большие баз располагались на берегах залива Шалёр и полуострова Гаспе, островов Магдален, пролива Нортамберленд и на южном и восточном берегах острова Кейп-Бретон. Около дюжины заводов затемняли дымом своих труб небосклон южного берега Ньюфаундленда. В периоды пика баскского промысла на берегах и в окрестностях Моря Китов работали, вероятно, от сорока до пятидесяти заводов по разделке китов. На севере и востоке заводы эксплуатировались в основном испанскими басками, на юге и западе — французскими. Вместе они вконец истребили сообщество гладких (настоящих) китов.

Можно прикинуть масштабы этого побоища. Нам известно, что жиротопенные заводы в XVI веке вытапливали в среднем около 3000 галлонов, или двенадцать тонн, ворвани из каждой взрослой особи сарды; при этом гарпунеры убивали только крупных взрослых китов. Мы также знаем грузоподъемность баскских судов. Они были двух типов: каравеллы, на которых каждую весну на базы доставлялись люди, вельботы и снаряжение и которые могли увозить на родину от 250 до 500 тонн китового жира, и караки, ходившие в середине лета на запад с единственной целью забрать ворвань и перевезти ее в Европу. Эти тогдашние «танкеры» обладали огромной по тем временам грузоподъемностью — некоторые из них могли перевозить почти тысячу тонн груза.

Из сохранившихся документов XVI века явствует, что в любом взятом году объединенная китобойная флотилия басков насчитывала от 40 до 120 судов. Если взять среднее число в 80 судов средней грузоподъемностью 350 тонн каждое, то общая годовая добыча составляла около 2300 китов. Однако этот показатель ни в коей

мере не отражает общегодовую смертность. К нему еще нужно накинуть не меньше 20% на гибнувших от голода детенышей после гибели кормящих самок, а также на смертельно раненных, но не найденных взрослых особей. Приблизительным, возможно заниженным, можно считать показатель годовой смертности, равный 2500 китов в период пика промысла сарды (около 1515—1560 годов).

В середине XVI века большая часть ворвани (которой в Западной Европе заправляли светильники, а также использовали как сырье для производства смазочных веществ и мыла, применяли для обработки кожи и джута и даже для изготовления пищевого масла) добывалась из сард, обитавших в Море Китов. Кроме того, западное стадо сарды давало большую часть китового уса, тысячи различных способов применения которого включали султаны для военных шлемов, корсеты, набивку для мягкой мебели и матрасов, волос для бритвенных кисточек, материал для изготовления ширм и решет, рукояток для ножей, роговых ложек и даже заводных пружин для механических игрушек и научных приборов.

Это был исключительно прибыльный промысел. Один удачный промысловый сезон в Море Китов мог не только окупить все затраты судовладельца на приобретение судна и снаряжения, оплату жалования команде и стоимости провианта, а также другие издержки, но и принести изрядную прибыль. Это был не просто выгодный, а очень выгодный бизнес. К 1570 году баски открыли во многих странах Европы собственные независимые консульства с единственной целью вести торговые дела, связанные с китобойным промыслом. К тому времени сеть их предприятий и компаний стала сродни современному монополистическому объединению «Эксон».

Бойня велась с таким размахом, что примерно к 1570 году западное стадо сарды сократилось до ничтожной величины. Время сарды истекло,

как, впрочем, и время китобоев из числа испанских басков. Дело в том, что в 1588 году попытка испанской армады напасть на Англию закончилась гибелью значительной части составлявших ее судов. Среди десятков кораблей, пущенных на дно залпами английских пушек и свирепыми штормами, оказалась и основная часть китобойных судов испанских басков, призванных на службу королю Филиппу и ставших жертвой его амбиций. Поражение было столь сокрушительным, что испанские баски никогда уже больше не обладали былым могуществом в Море Китов.

За разгромом армады последовал другой, еще более чувствительный удар по китобойному промыслу басков в водах Нового Света, когда в первом десятилетии XVII века в холодных водах около Шпицбергена были обнаружены ранее неизвестные фантастически богатые китами места. Это открытие положило начало новому китобойному промыслу, который скоро затмил промысел в Море Китов и навсегда покончил с вековой китобойной монополией басков.

По мере перемещения центра тяжести бойни на восток ослабевал натиск на западную популяцию сарды. Ослабевал, но не прекращался: сарду продолжали убивать французские баски и все больше рыбаков из Нормандии и Бретани, которые постепенно превращали залив Св. Лаврентия в нечто вроде французского озера. Более того, мигрирующие стада сарды стали подвергаться нападениям промысловиков из Новой Англии, разворачивающих свой собственный «прибрежный» промысел в заливе Св. Лаврентия.

Вначале их основной добычей был отта сотта, однако промысловики с побережья Новой Англии, как мы вскоре убедимся, убивали при первой возможности и более крупных и жирных сард. По мере того как в промысел сарды вовлекалось все больше жителей Новой Англии, этот кит лишался последних убежищ у побережья континента. Не исключено, что

уделевшие киты искали спасения зимой в водах, омывающих необитаемые островки и рифы Вест-Индии, и осваивали новые пути миграций с юга на север и с севера на юг подальше от берегов Северной Америки. Если и так, то все равно в этом было мало толку, поскольку китобойи из Новой Англии неуклонно расширяли район своих действий. К 1720 году они уже выходили на небольших шлюпах* с неполной палубой за пределы видимости земли и могли оставаться в море от трех до четырех суток. Но хотя команды этих маленьких быстроходных судов убивали сард, где бы они им ни попадались, к тому времени как отта сотта, так и сарда встречались уже настолько редко, что промысловики Новой Англии были вынуждены переходить на добычу китов иного «сорта».

Баски называли его «трумпа» (“trumpa”) и ставили его на третье место в ряду четырех китов «лучшего сорта». Поколениям китобоев-янки он стал известен как “sperm” (кашалот)⁹⁸. Кашалот — это млекопитающее открытого океана, питающееся кальмарами на больших глубинах и редко приближающееся к суше. Довольно легко подпускающий к себе человека, кашалот обладает достаточно толстым слоем жира, который удерживает его на плаву после гибели и из которого можно получить ворвань посредственного качества.

Кашалот относится к зубатым китам, и у него нет того, что называется китовым усом, однако этот недостаток, по мнению китобоев, компенсируется наличием в его голове уникального вещества⁹⁹, состоящего частично из легкого масла и частично из воска, которое какой-то невежда принял некогда за сперму — отсюда и возникло название этого кита**. Впрочем, как бы это вещество ни называлось, оно было и остается исклю-

чительно ценным источником сверхчистого машинного масла. Кашалот вырабатывает также еще одно ценное вещество, о котором в начале XVII века кто-то писал в несколько беспристрастной манере: «В ките такого сорта можно обнаружить и янтарный жир*, содержащийся в его кишках и внутренностях, по форме и цвету напоминающий коровий навоз». Несмотря на непрезентабельный внешний вид, амбра оказалась столь драгоценным фармацевтическим и парфюмерным материалом, особенно в качестве основы для изготовления духов, что даже в XIX веке она ценилась буквально на вес золота.

Большое количество кашалотов в открытом океане привлекло жадное внимание китобоев из Новой Англии, и к 1730 году их полнопалубные шлюпы и шхуны уже преследовали этих китов на всем пространстве от самых Бермудских островов на юге до Большой Ньюфаундлендской банки на севере. Поскольку их суда первоначально были недостаточно велики для размещения на них жиротопен, китобойи на первых порах убивали кашалотов фактически ради добычи нескольких сот галлонов «спермацета», которые можно было выкачать из головы кита. Одно из последствий этой опустошительной практики — появление временами большого количества расплывших туш брошенных кашалотов в окутанной туманами акватории Большой Ньюфаундлендской банки — представляло серьезную опасность для трансатлантического судоходства. Другим было то, что стадо трумпы северо-восточной судоходной зоны было настолько подорвано, что на какое-то время почти полностью исчезло.

Добывая трумпу, промысловики Новой Англии стали настоящими китобоями открытого моря. К 1765 году до 120 китобойных судов Новой Англии, в большинстве своем уже оснащенных жиротопными установ-

* Одномачтовое парусное судно. — Прим. перев.

** Sperm (acet) whale (англ.) — кашалот. — Прим. перев.

* Amber grease (англ.) — янтарный жир; ambergris — амбра. — Прим. перев.

ками, промыслили китов в водах пролива Белл-Айл, Большой Ньюфаундлендской банки и залива Св. Лаврентия. В то время китобой убивали в основном горбатых китов (о них разговор еще впереди); часть добычи составляли кашалоты, а также гладкие (настоящие) киты, которым всегда отдавалось предпочтение перед остальными. В тот же период другие промысловики Новой Англии в поисках горбачей ходили в южные воды, убивая попутно всех попадавшихся им гладких китов.

К началу XIX века во всей Северной Атлантике оставалось в живых не более нескольких тысяч особей сарды. Около сотни из них в течение нескольких лет укрывалось в диких фиордах южного Ньюфаундленда. В 1820-х годах их обнаружили ньюфаундлендские и американские китобой, и уже к 1850 году удалось обнаружить и убить только одну-единственную особь — самку кита. После этого в течение ста лет не поступало никаких сообщений о сардах в водах залива Св. Лаврентия, Ньюфаундленда и Лабрадора, хотя можно предположить, что несколько десятков особей, которых жизнь заставила быть сугубо осмотрительными, сумели избежать кровавой бойни.

В 1889 году один норвежский паровой китобоец, вооруженный новой гарпунной пушкой большой убойной силы, наткнулся в водах к югу от Исландии на небольшое стадо сарды — кита, ставшего уже почти легендой. Китобой успели убить лишь одного из семи обнаруженных китов до того, как непогода укрыла остальных, но на следующий год злопамятный китобоец вернулся в те же воды, отыскал оставшихся в живых шестерых сард и прикончил их всех до одного.

К 1900 году живой сарда был известен жителям лишь нескольких рыбацких поселков, разбросанных по побережью пролива Лонг-Айленд — китобоям, которые все еще придерживались старого метода охоты на китов с беспалубных судов, как это делали их предки почти три столетия на-

зад. Один-два раза в год, а может быть в несколько лет, китобоям «по пути» попадался гладкий кит, и, если им сопутствовала удача, они убивали его.

В 1918 году с борта парового сейнера, ловившего менхэдена, был убит последний из гладких китов. Преследуемых им китов было всего два — самка с детенышем, направлявшиеся на север от Амагансетта вдоль побережья Лонг-Айленда. Один из китобоев, Эверетт Эдвардс назвал этот эпизод в своей биографии «увеселительной прогулкой». Я привожу ее описание в сокращенном виде.

«Летом 1918 года нам подвернулся, вероятно, самый последний кит в этих водах. Для Берта и меня это была самая дорогостоящая в нашей жизни охота — ведь она произошла в разгар рыбопромыслового сезона. Берт в то время ловил рыбу на сейнере «Оушн вью». На рассвете он увидел за баром у берега пару китов. Спустив шлюпку, Берт отправился на берег и, когда взошло солнце, под окном моей спальни раздался его голос: «Эв, хочешь поохотиться на китов?»

Мы взялись за весла и вскоре были на борту сейнера. Нам удалось нагнать китов как раз напротив «Египетского пляжа». Вероятно испугавшись шума винта нашего судна, киты повернули в открытое море. Немного погодя один из них всплыл прямо перед носом нашего сейнера. Берт метнул в него ручной гарпун с взрывающейся гранатой на конце. Большой кит метнулся было на мелководье, но затем пустился прочь от берега. Видели бы вы, как он всплывал на поверхность, испуская струи крови. Мы сумели нагнать обоих китов напротив спасательной станции Непиг. У нас было шесть — восемь гранат. Берт, Феликс и я по очереди метали их с носа судна в того из двух китов, который находился ближе, пока не израсходовали весь запас. После этого мы воспользовались копьями для охоты на меч-рыбу... к тросику копия был прикреплен буюк, который постоянно был на виду.

Когда, видимо, уже уставший дете-

ныш стал двигаться медленнее, я спустил на воду плоскодонку, чтобы добить его ручным гарпуном. Не успели мы с ним покончить, как к борту лодки подплыла отяжелевшая от ран мать. Ее голова виднелась над водой, и наш старый буфетчик с удивившей меня ловкостью метнул в нее свое копье. Однако веревка оборвалась, и мы лишились последнего копья, застрявшего в теле уплывавшей прочь самки. Затем на поверхность всплыл мертвый китенок.

Еще шесть миль вдоль берега мы преследовали раненую самку, оставлявшую за собой струю густой крови. Смеркалось, и мы решили вернуться к нашему китенку и отбуксировать его к пристани «Земля обетованная». Толпы людей, многие из которых видели кита впервые в жизни, пришли на причал, чтобы поглазеть на диковинную добычу. Мы натопили около тридцати бочек жира, однако реализовать его не смогли, так как в то время он уже не пользовался рыночным спросом».

Теперь, когда с сардой было успешно покончено по обе стороны Северной Атлантики, оставались еще другие моря и другие стада разбросанных на широком пространстве китов, которых китобой-янки называли «черными гладкими», а южнее экватора — «южными» китами.

В течение столетия со времени зарождения китобойного промысла Новой Англии маршруты ее китобойных флотилий опоясали весь земной шар, и среди их глобальных мишеней были и стада сарды, бороздившие воды Южной Атлантики, Тихого и Индийского океанов. Китобой уничтожали их с превеликим усердием и ненасытной алчностью; в период между 1804 и 1817 годами было убито, в основном у берегов Южной Америки, более 200 000 китов. Опустошение распространялось с быстротой лесного пожара, и за какие-то полсотни лет черные гладкие киты были почти полностью уничтожены во всем мире.

О масштабах и характере этой бойни можно составить представление

из письма, написанного в 1852 году безымянным капитаном американского китобойца: «В начале промысла [черных] гладких китов единственным стоящим местом были банки бразильского побережья... потом пошли острова Тристан-да-Кунья, Ист-Кейп, Фолклендские острова и побережье Патагонии. Таким образом, промысел охватил всю Южную Атлантику. Иногда суда наполняли трюмы за невероятно короткое время. Киты встречались в огромных количествах, их многочисленные стада сотни лет беспрепятственно бороздили океанские просторы. И вот гарпуны и копья быстро опустошили эти стада, разогнав немногих уцелевших... которые стали пугливыми, как преследуемые охотниками олени. Разве можно поверить, что они когда-нибудь снова появятся в прежних количествах? Или что они размножаются так же быстро, как уничтожаются?»

После того как были выбиты южные [атлантические] киты, китобойные суда проникли в Индийский океан и южную часть Тихого океана... Кажется, прошло не более двадцати лет с начала китобойного промысла в этих районах, но куда же подевались эти киты, которых прежде было там так много. Думаю, что большинство китобоев согласятся с тем, что добрая половина из них давным-давно уничтожена... Затем пошли слухи о множестве огромных китов в северной части Тихого океана... и через несколько лет наши суда полностью очистили от них широкие просторы Тихого океана, включая воды камчатского побережья. Обогнув Японию, они обнаружили там больше китов, чем когда-либо раньше. Однако эти левиафаны были изгнаны из лона океана; лишь редкие уцелевшие особи в страхе разбежались кто куда».

К началу 1900-х годов почти завершилась кровавая сага о жизни и смерти больших черных гладких китов — самых многочисленных и самых распространенных представителей китового племени до того, как они стали объектом человеческой алчности.

Почти... но не совсем. То тут, то там на бескрайних просторах Мирового океана продолжали существовать несколько небольших стад и отдельные особи. Но и этих в океанах оставалось так мало, что их поиск и добыча уже себя не оправдывали.

Тем не менее, даже находясь на краю гибели, киты не знали пощады. Китобои нашего времени безжалостно уничтожали сарду при первом удобном случае. Типичным примером такого отношения явилось убийство одинокого сарды у северных берегов Ньюфаундленда в 1951 году китобойцем, не имевшим лицензии на добычу гладких китов. Когда об этом случае появилось сообщение в прессе, должностные лица канадской промысловой компании заявили, что капитан китобойца просто слегка ошибся. Компания обработала убитую сарду и реализовала продукты разделки, не удостоившись даже публичного порицания со стороны канадских властей.

Промысел гладких китов продолжался и после того, как Международная комиссия по китобойному промыслу (МКК) наконец-то занесла их в список охраняемых видов. В 1962 году одна японская морская китобойная флотилия наткнулась в водах, омывающих далекий южноатлантический остров Тристан-да-Кунья, на самое крупное из виденных за многие десятилетия стадо гладких китов. Несмотря на то что Япония являлась членом МКК, все до последней особи этого стада были убиты и разделаны прямо на месте. Виновные в этом никакого наказания не понесли, а МКК даже не сделала официального заявления по поводу случившегося.

До сего дня китобои стран, не являющихся членами МКК, продолжают убивать гладких китов, где бы они их ни встретили, используя японское снаряжение и финансовую поддержку японцев. Точно так же поступают и китобои, занимающиеся пиратским промыслом в открытом море и сбывающие большую часть контрабандной добычи в ту же Японию.

По состоянию на 1984 год, продажа в Японию продукции, получаемой с одного шестидесятитонного черного гладкого кита, приносила до 50 000 долларов дохода.

Роберт Мак-Налли в своей книге «Столь безжалостное опустошение» хорошо описал деятельность таких, с позволения сказать, предпринимателей: «Пиратские китобойцы — это суда неопределенной принадлежности и подозрительной регистрации, промысляющие китов, где им угодно и как им заблагорассудится... Самым отвратительным пиратом зарекомендовал себя китобоец «Сьерра»... Владелец «Сьерры» был южноафриканец, действовавший через корпорацию, зарегистрированную в Лихтенштейне; судно плавало под кипрским флагом, его капитаном был норвежец, а замороженное на нем китовое мясо маркировалось ярлыком «Изготовлено в Испании».

Команда «Сьерры» убивала китов с жестокостью, беспрецедентной даже в таком отвратительном промысле, как китобойный. Чтобы «сберечь» как можно больше мяса, команда пользовалась заостренными металлическими гарпунами без взрывающейся гранаты. Пораженные киты часами агонизировали, истекая кровью и разрывая внутренности в попытке избавиться от гарпуна. Когда кит умирал, с него срезали только лучшие куски мяса, а это значит, что сорока-пятидесяти-тонное животное губили ради каких-то двух-трех тонн отборного мяса.

К счастью, «Сьерра» больше не плавает. Взрывом [произведенным одной антикитобойной организацией] это судно было отправлено на дно лиссабонской гавани в 1979 году. Тем не менее сегодня еще больше пиратских китобойцев следуют в кровавом кильватере за «Сьеррой».

31 августа 1981 года специалист по китообразным и давний друг китов д-р Петер Бимиш заметил удивившее его существо, выплывшее на поверхность залива Бонависта на Ньюфаундленде. О том, что было дальше, расска-

жем словами самого Бимиша:

«С берега мы увидели, как в глубину нырнул какой-то очень большой кит. Мы быстро спустили на воду наш «Зодиак», запустили мотор и на тихом ходу пошли к центру залива. Прошло минут десять после погружения кита. Мы заглушили мотор. Настала полная тишина.

И вот ближе чем в десяти футах от нас, словно гигантская скала, медленно всплыло на поверхность огромное животное и выдохнуло фонтан водяной пыли. Оно смотрело прямо на нас, обдаваемых брызгами его фонтана. Почти не веря своим глазам и еле оправившись от изумления, мы поняли, что рядом с нами лениво и беззаботно плавают одинокий черный гладкий кит — одно из редчайших животных на Земле!

И хотя охватившее меня чувство восторженного восхищения должно было уступить профессиональной потребности сделать фотоснимки и описать в подробностях мои наблюдения, радость, испытанная мною от этой встречи, осталась навсегда... Мы медленно следовали за китом вдоль скалистого берега на запад, и кит не только не боялся нас, но, казалось, даже выказывал нам свое расположение. Когда с наступлением вечерних сумерек мы потеряли его из виду, я почувствовал реальную горечь утраты».

В последующие два дня целая флотилия судов с двумя самолетами безуспешно пытались [с наилучшими намерениями] снова отыскать этого кита. Бимиш высказал предположение, что одинокий сарда пытался найти смутно помнившееся ему родовое летнее пастбище и, не обнаружив там своих соплеменников, отправился, томимый одиночеством, на их поиски в другие места.

За наблюдением Бимиша последовали новые, более обнадеживающие сообщения. В течение 1982—1983 гг. с воздуха были обнаружены до семидесяти гладких китов во время летней кормежки в районе залива Фанди. А в мае 1984 года было объявлено,

что в результате дополнительных поисков было открыто место размножения китов. Помня о китобоях-браконьерах, ученые не указали его точных координат, ограничившись сообщением, что оно находится «где-то» у берегов Джорджии и Флориды. Наблюдения зафиксировали наличие пятнадцати взрослых особей сарды, сопровождаемых четырьмя новорожденными детенышами.

Не вполне ясно, указывают ли эти наблюдения на восстановление почти полностью вымершей популяции, или речь идет о запоздалом открытии остаточной группы животных. Как бы там ни было, в Северной Атлантике, по-видимому, продолжают существовать до сотни сард и примерно столько же — в Южной Атлантике. Что же касается последней, третьей группы, обитавшей в северной части Тихого океана, то современные ученые считают ее полностью вымершей.

Северо-восточное побережье пока еще не лишилось всех своих исполинов, которые назывались “sardak baleas”, однако дальнейшее существование гладких китов будет оставаться под угрозой, если мы не сможем обеспечить их надежной защитой. Помимо браконьеров, им угрожает современное судоходство: один молодой кит был убит близ побережья Нью-Джерси в 1983 году, когда его хвост был отрублен винтом проходящего судна — скорее всего, быстроходного военного корабля. Большую озабоченность вызывает загрязнение среды и усиление интенсивности судоходства, поскольку сочетание этих двух факторов может лишить китов последних мест их размножения. Тем не менее сколько-то черных гладких китов еще живы, и это позволяет нам надеяться на лучшее.

*Кит,
которого никогда не было*

Сегодня на Тихоокеанском побережье Северной Америки наибольшей известностью из всех китов пользуется

ся серый кит. Серые киты ежегодно совершают миграции от тепловодных лагун Калифорнийского залива до моря Бофорта и Чукотского моря, покрывая расстояние свыше 16 000 километров большей частью в пределах видимости берега. Тысячи любителей «боя китов» собираются на выступающих в море мысах и скалах, испытывая благоговейный трепет и восхищение при виде медленно проплывающей мимо величественной процессии морских исполинов.

Но так было не всегда.

Когда в 1846 году американские китобойи обнаружили тихоокеанское стадо серых китов, последние еще не знали страданий от рук современного человека и сохраняли огромную численность. Китобойи быстро исправили положение. За последующие несколько десятилетий серых китов убивали тысячами, в основном в лагунах мексиканского побережья, где самки китов собирались в огромные стаи, чтобы произвести на свет потомство.

Лагуны были мелководными и почти отгороженными от моря, и поэтому китобойи не очень-то нуждались в гарпунах или копьях. В основном они полагались на пушки, стреляя в китов разрывными снарядами либо с берега, либо со стоящих на якоре китобойцев. При этом не нужно было, как это делалось в открытом море, закреплять китовые туши, поскольку почти каждое животное, пораженное снарядом, было рано или поздно обречено на гибель от потери крови, поврежденных внутренних органов или обширного заражения, а мертвому киту деться все равно было некуда. Китобойцам оставалось лишь время от времени прочесывать лагуну, подбирая плавающие или лежащие на мели туши и отбуксировывать их на жироопенные заводы. На этих заводах всем было ясно, что основными жертвами были беременные или недавно родившие детеныша кормящие самки. Никого из китобоев не трогала судьба осиротевших сосунков, не имевших коммерческой ценности, и их просто оставляли подыхать с голода.

Избиение серых китов в лагунах шло с таким размахом, что к 1895 году этот вид китов потерял свое значение как промысловый объект на Тихоокеанском побережье Северной Америки. Немногим лучше была судьба родственного стада, обитавшего в азиатских водах. С ним жестоко расправились корейские китобойи, быстро усвоившие технические достижения западных коллег.

И тем не менее какое-то количество серых китов оставалось в живых, и, воспользовавшись передышкой во время первой мировой войны, они отчасти восстановили свою численность. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания китобоев послевоенной поры, которые к тому времени в основном уже были оснащены китобойными судами и плавучими заводами, построенными специально для океанического промысла. Бойня возобновилась. К 1938 году норвежские, японские и корейские китобойцы уничтожили в западной части Тихого океана почти всех серых китов. Успехи норвежских и американских китобойцев, орудовавших в восточной его части с американских и канадских береговых баз, были несколько скромнее, и в начале второй мировой войны там оставалось в живых, возможно, до 2000 китов. После войны серые киты несколько утратили былую ценность, и промысел на них в восточной части Тихого океана начал сокращаться. Однако этот спад промысловой активности восполнила... наука. В период между 1953 и 1969 годами Канада, США и Советский Союз выдали официальные разрешения на добычу более 500 серых китов для научных целей. 316 китов были забиты с целью получения данных для двух ученых американской Службы рыболовства и охраны диких животных, с тем чтобы они смогли выполнить исследование, абсурдно озаглавленное «Цикл развития и экология серых китов».

В начале 1970-х годов, как всегда с опозданием, серые киты были взяты под защиту Международной комис-

сией по китобойному промыслу. Впрочем, передышка была недолгой. В 1978 году под давлением США, Японии и СССР уцелевшие серые киты были лишены статуса охраняемого вида.

Во многом благодаря энергичным протестам большого количества людей, которым довелось хоть раз в жизни видеть серого кита, этот вид был снова взят под защиту, по крайней мере в восточной части Тихого океана. Но если мы действительно нашли в себе достаточно сострадания, чтобы спасти серых китов от вымирания на Тихоокеанском побережье Северной Америки то это вряд ли послужит искуплением нашей вины в том, что мы сделали с родственными ему видами, некогда обитавшими в водах Атлантического побережья Америки.

До недавнего времени многие зоологи отрицали факт существования серых китов в Атлантике в ранние исторические эпохи, а некоторые из них и по сей час не склонны признавать доказательств их бывшего изобилия по обе стороны Атлантического океана, ни даже их благополучного существования на восточном побережье Северной Америки до самого конца XVII века. Для таких авторитетов, как они, серый кит остается китом, которого никогда не было.

В середине 1800-х годов на берегах одного шведского фиорда были обнаружены несколько очень крупных костей, несомненно принадлежавших киту, хотя никто не мог сказать, какого именно вида, ибо в то время серые киты были вообще неизвестны науке. Лишь значительно позже, когда внимание натуралистов привлек тихоокеанский серый кит, было установлено его тождество с обнаруженными в Швеции костями. Тем временем похожие останки были обнаружены в осушенной зоне Зейдер-Зе* и тем самым выявлено обитание в прошлом серых китов в европейских водах.

Но в сколь далеком прошлом? По

мнению экспертов, отсутствие документальных доказательств их существования в европейских водах в исторически обозримый период говорит о возможности такого лишь в какую-то отдаленную доисторическую эпоху. Естественно поэтому, что найденные кости отнесли к категории «субфоссильных» древностей, исчисляя их возраст несколькими тысячелетиями. Так был предан историческому забвению кит отта сотта — излюбленная добыча баскских китобоев (пока они с ним не покончили). Подобным же образом обошлись с серым китом Нового Света, несмотря на наличие более убедительных доказательств в пользу его существования и изобилия в исторические времена.

Для начала вернемся назад в 1611 год, когда английская «Московская компания»¹⁰⁰ отправила судно, называвшееся «Мэри Маргарет», в первый рейс на добычу китов в холодные воды на севере Европы. Поскольку англичане были в этом деле новичками, «Мэри Маргарет» взяла на борт шестерых опытных баскских гарпунеров из Сен-Жан-де-Люза. Из рассказа капитана мы узнаем, что в их задачу входило научить англичан «отличать лучшие сорта китов от худших, с тем чтобы бить хороших и не трогать плохих».

В перечне баскских названий представлены различные киты и четвертым в порядке «сортности» назван отта сотта. О нем говорится, что он «той же окраски, что и трумпа (кашалот), в пасти у него пластины (китового уса), чисто белые, но не больше полметра длиной, толще, но короче, чем у трумпы. Он дает наилучший жир, но не более тридцати больших бочек».

Это описание подходит для серого кита, но не годится для любого другого известного нам вида. Более того, все другие виды больших китов имеют видовые названия и точные описания, поэтому наше определение не вызывает сомнения. Но атлантический серый кит в европейских водах давным-давно вымер. Как же в таком случае объяснить описание его баска-

* Отгороженный дамбой залив Северного моря у берегов Нидерландов.— *Прим. перев.*

ми как вида, представлявшего промысловый интерес для китобоев того времени? Славившийся своими гарпунерами Сен-Жан-де-Люз был тогда основным китобойным портом французских басков, а нам известно, что местные китобои большую часть столетия промыслили китов почти исключительно в водах северо-восточного побережья Нового Света. Очевидно, что одним из китов «лучшего сорта», за которыми они охотились, был отта сотта.

В более поздние времена, когда жители Новой Англии осваивали китобойный промысел, они называли первых добытых ими животных «тощами» китами. Досточтимый Поль Дадли — натуралист и член верховного суда штата Массачусетс в 1740-х годах — оставил нам единственное сохранившееся с тех времен описание этого кита: «Этот близкий родственник полосатика, но вместо спинного плавника у него по заднему краю спинного хребта выступают с полдюжины бугорков; по форме [внешнему виду] он напоминает гладкого кита... его роговые пластины [китового уса] — белые, но соединены в сплошной ряд». Но и это описание подходит *только* для отта сотта.

То, что «тощие» киты были широко распространены и хорошо известны у восточного побережья в давние исторические времена, по-моему, подтверждается названиями на старых географических картах, включающими слово «скрэг»*. Я насчитал сорок семь островов, скал, рифов и заливов под названием Скрэг по берегам Новой Шотландии, залива Мэн и вдоль побережья американских штатов вплоть до Джорджии на юге. Сэг-Харбор — некогда известный китобойный порт, а ныне модный курорт, первоначально назывался Скрэг-Харбор. Столь многочисленные случаи присвоения и сохранения видового названия кита — явление исключительное. Оно объясняется тем, что серые киты

были и остаются обитателями прибрежных вод, где их часто видели, преследовали и, как мы увидим, убивали первые европейские поселенцы, а до их прибытия — коренные жители.

Несчетные поколения местных алгонки* называли его «Нантикатом» — «дальним местом», названием, вполне заслуженным этим заброшенным в Атлантике островом неподалеку от Кейп-Кода. Низкий, продуваемый ветрами песчаный остров с редкими вкраплениями почвы, на которых пустили корни песколоуб песчаный, низкорослые дубы и сосны, казался совершенно непригодным для заселения. Однако те, кто поселился на нем в древние времена, рассчитывали добывать себе средства к существованию не на самом острове, а из окружающего его моря.

В ноябре с окончанием полнолуния после осеннего равноденствия люди пребывали в нетерпеливом ожидании предстоящих событий. Молодежь взбиралась на высокие дюны северного побережья, чтобы взглянуть в гонимые осенним штормовым ветром волны или в сверкающую водную гладь в редкие солнечные дни. Выйдя из покрытых древесной корой хижин, мужчины, женщины и дети включались в ритуальные танцы и заклинания в надежде, что они помогут привлечь к ним долгожданные дары природы.

В один прекрасный день наблюдатели на дюнах заметили, как из угрюмого моря появились сначала один-два, затем полдюжины, а потом и два десятка фонтанов. Они как дым рассеивались в воздухе, но тут же им на смену возникали все новые и новые, пока к концу дня от них, казалось, стал колыхаться весь морской горизонт. Плывущие на юг колонны морских исполинов, которых индейцы называли «паудри», наконец-то достигли Нантиката.

* Scrag (англ.) — тощее животное, живой скелет. — *Прим. перев.*

* Группа индейских племен Северной Америки (оджибве, могикане, делавары, кри, монтанье, наскапи, чейены и др. — *Прим. перев.*

Неделя за неделей нескончаемая вереница китов находилась в поле зрения островитян. Властелины моря выплывали на поверхность, выпускали фонтаны, покачивались на разбиваемых отмелями волнах и подплывали так близко к берегу, что люди могли различить китовых вшей и усконогих раков на темных лоснящихся шкурах животных. Денно и ночью они непреклонно и величаво продолжали свой путь на юг.

Нельзя сказать, что киты проходили свой путь без потерь. В первый же погожий день после их появления от берегов острова отплывал целый рой челноков. О том, что за этим следовало, мы узнаем из рассказа очевидца, капитана Джорджа Веймаута, исследовавшего побережье залива Мэн в 1605 году:

«Интересно то, как они убивают кита, которого называют паудри; [они] расскажут вам, как он выглядит и как пускает фонтаны; что его туловище двенадцати саженей длины; как вместе с вождем они всем скопом пускаются в погоню за китом на своих лодках; как они бьют кита костяным гарпуном с привязанной на конце веревкой из лыка; как затем их лодки окружают всплывшего на поверхность кита и люди стрелами забивают его насмерть, после чего тушу оттаскивают к берегу, созиывают всех главных вождей и запевают победную песню; и как эти главные вожди, которых они зовут сагаморами, делят добычу, отдавая каждому мужчине его долю; после того как куски розданы, их вывешивают рядом с хижинкой и вялят впрок на открытом воздухе».

Индейцы с острова Нантакет, как он теперь называется, не были единственными, кто заготавливал большую часть пищи на зиму из мяса паудри. Очевидно, так же поступали многие прибрежные племена на всем 7000—8000-мильном пути мигрирующих животных. Однако, принимая во внимание страшную опасность, с которой была сопряжена охота на китов с легких челноков, маловероятно, чтобы жители какого-либо селения добыва-

ли за сезон больше одного-двух животных. Впрочем, одного кита было вполне достаточно, чтобы обеспечить на всю зиму копченым мясом и перетопленным жиром 40—60 индейцев.

Оставив позади Нантакет, процессия серых китов, которыми, как я полагаю, и были паудри, медленно двигалась на юг, преодолевая за сутки 55—75 километров, неизменно держась вблизи берега. К концу декабря голова колонны появлялась около островов Флорида-Кис, но куда киты направлялись оттуда — этого никто точно сказать не может.

Одно мы знаем твердо: к тому времени самки, готовые разрешиться от бремени, должны были искать теплое мелководье, достаточно просторное для свободного передвижения, но в то же время защищенное от штормовых волн. Такие лагуны с морской водой имеются на восточном берегу Флориды, но больше всего их на восточном и северном берегах Мексиканского залива и на западном берегу Флориды, где условия для размножения китов столь же благоприятны, как и в лагунах Калифорнийского залива. Я убежден, что именно в тех местах большинство самок паудри разрешались от бремени и вскармливали своих детенышей.

В начале февраля семейные стада китов начинали двигаться на север к летним «пастбищам» буйно цветущего планктона. К середине апреля они снова проходили мимо Нантиката, а в начале мая головная часть внушительной процессии должна была приближаться к южному берегу Ньюфаундленда. Здесь она делилась на две колонны, одна из которых направлялась через проливы Кабота и Кансо в залив Св. Лаврентия, а другая поворачивала сначала на восток, затем на север в направлении Большой Ньюфаундлендской банки.

Куда потом направлялись плывшие на северо-восток паудри — опять же остается загадкой. Если они следовали маршрутом миграций своих тихоокеанских собратьев, то должны были продолжать свой путь вдоль побе-

режья Лабрадора в поисках мелководий в северных морях, кишевших мириадами придонных ракообразных, которые являлись их основной пищей. Возможно, что их излюбленные пастбища находились на отмелях Гудзонова залива (особенно в бассейне Фокс), а также на банках близ южной Исландии. Конкретных доказательств использования ими Гудзонова залива нет, зато имеются свидетельства присутствия отта сотта в XVII веке в исландских водах.

Вначале баскские китобои, вероятно, добывали небольшое количество отта сотта в заливе Св. Лаврентия. Из подкожного сала этих китов получалась первосортная ворвань, но ее количество составляло менее трети того, что давали сарды, и, как мы убедимся в дальнейшем, еще до окончательного опустошения запасов сарды баски уже нашли им стоящую замену в лице гренландского кита. Тем не менее факт остается фактом — паудри действительно сгинул в небытие. Кто же его туда отправил?

Мы можем получить ответ, если вернемся к истории появления первых европейцев на востоке Соединенных Штатов, освободив ее от ошибок, которыми грешит часть этой истории. В материалах прошлого столетия о жизни Новой Англии справедливо подчеркивается значение для нее китобойного промысла. Вместе с тем в них утверждается, что добыча китов в прибрежной зоне, положившая начало этому промыслу, касалась в основном черных гладких китов, а это уже просто неверно.

К середине 1600-х годов, когда жители Новой Англии начали всерьез заниматься китобойным промыслом, западная популяция сарды была уже настолько ослабленной, что ее уцелевшая часть не могла служить сырьевой базой для отрасли таких масштабов, которых она достигла в то время. Очевидно также, что поселенцы Новой Англии втянулись в китобойный промысел благодаря обилию и доступности китов, которые подходили так близко к берегу, что на них могли

успешно нападать люди, не обладавшие большим опытом и знаниями в мореплавании. Не приходится сомневаться, что эти люди научились добывать китов, как этому раньше научились предки басков, когда «рыба-кит» подплывала к ним, а не они к ней.

Первое письменное свидетельство о попытке охоты на китов в водах восточного побережья теперешних Соединенных Штатов дошло до нас от голландца по фамилии Де Вриез, который в 1632 году привел два судна к Новой Голландии — колонии голландских поселенцев на берегу пролива Лонг-Айленд. В проливе оказалось много китов, и после прибытия туда люди Де Вриеза за несколько дней убили семь животных в водах обособленной бухты Саут-Бей. Что это были за киты? Со всех семи натопили около 150 больших бочек ворвани, хотя с одной особи сарды средней величины получали не меньше 80 бочек жира. Так что киты, добытые людьми Де Вриеза, не могли быть сардой. С другой стороны, количество полученного жира соизмеримо с тем, которое можно было бы получить из серых китов. Небольшой объем полученной продукции разочаровал Де Вриеза, который сетовал на то, что «промысел обходится слишком дорого, когда попадают только такие тощие животные». Кончилось это тем, что он отказался от продолжения своего американского эксперимента, и в дальнейшем голландцы больше не пытались бить китов в водах Нового Света. Они предпочли сосредоточить свои усилия на быстро развивавшемся и чрезвычайно доходном промысле гренландских китов в арктических водах.

Хотя для голландцев местные киты оказались лишь «мелкой рыбешкой», они сумели разбудить алчность английских поселенцев. В 1658 году двадцать семей поселенцев во главе с Томасом Мейси «выкупили» у местных индейцев остров Нантакет в надежде на сдачу в аренду его скудных земель. В том же году или весной следующего поселенцы обнаружили плававшего в

мелководной бухте кита. Не мешкая, они набросились на него, но вели свои атаки так неумело, что им потребовалось целых три дня, чтобы прикончить животное. Тем не менее, перетопив сало на ворвань, они поняли, что овчинка стоит выделки.

Обедя Мейси, один из потомков Томаса Мейси, рассказывает нам в своей «Истории Нантакета» о том, что тем первым китом был «скрэг» и что именно таких китов в течение многих лет до этого промыслили коренные жители острова. Действительно, не кто иной, как местные индейцы, как и в других местах побережья, научили англичан добывать этих китов. Да и в течение большей части следующего столетия для добычи большинства китов, поставляемых на растущие как грибы береговые перерабатывающие заводы, нанимали (вернее сказать, принуждали) местных китобоев.

К 1660 году прибрежные китобой промыслили скрэгов на всем пути их миграций между Новой Шотландией и Флоридой. Во время зимней миграции 1669 года один Самюэл Маверик добыл тринадцать штук у восточной оконечности Лонг-Айленда. Он отмечал, что китов было так много, что ежедневно несколько животных заходили в гавань. В 1687 году семь небольших заводов, расположенных на саутгемптонском и истгемптонском берегах Лонг-Айленда, натопили 2148 бочек китового жира, а в 1707 году на Лонг-Айленде было заготовлено 4000 бочек жира. Хорошей добычей считался кит, из которого вытапливали 46 бочек жира; обычной нормой считалось 36 бочек. При этом следует помнить, что с одного черного гладкого кита получали до 160 бочек жира.

Последние дни настали для паудри к 1725 году, то есть всего лишь через три четверти столетия с начала их добычи промысловиками Новой Англии. И хотя не они одни были виновны в истреблении паудри — французские баски, несомненно, «получили» свою долю, восполняя в летние сезоны

утрату почти исчезнувшей из моря сарды,— именно промысловики Новой Англии предопределили печальную участь серых китов.

Сделав свое дело, они оказались вынужденными отказаться от прибрежного промысла и привыкать к «глубоководным» видам китов открытого моря. В номере от 20 марта 1727 года «Бостонский вестник» сообщал, что, «по сведениям из Кейп-Кода, прошлой зимой, как и в предыдущие сезоны, промысел китов был неудачным, но для того, чтобы заняться им в открытом море... промысловики нынешней весной спешно снаряжают несколько судов на это опасное дело». Эти «несколько судов» явились предвестником ужасного опустошения морей грабительской китобойной флотилией янки, которая впоследствии будет рыскать по просторам Мирового океана, безжалостно истребляя многие виды китов.

Серых китов уничтожали в большинстве районов Атлантического побережья, которое в будущем станет побережьем Соединенных Штатов Америки, но куда более кровавая бойня совершалась в районах Кейп-Кода и Лонг-Айленда, где из-за обширных отмелей, лежащих на путях миграций китов, последние были особенно уязвимы для китобойных судов. Вот почему этот регион имеет полное право считаться колыбелью американского китобойного промысла. Он также заслужил право на известность как место, где человек Запада приступил к первому массовому уничтожению животных в Северной Америке к первому... но далеко не последнему.

Гренландский кит

Осень 1947 года я провел в Черчилле — конечном пункте железной дороги на севере провинции Манитоба,— расположенном на берегу обширного внутреннего моря, называемого Гудзоновым заливом. Над беспорядочно разбросанным небольшим

городом довлела громада бетонного элеватора, казавшегося небоскребом, по ошибке заброшенным в первозданный мир волнистой тундры и скованных льдом морей. Элеватор поражал своим величием, однако в моей памяти наиболее яркий след оставил великан совсем иного рода.

Однажды, когда штормовой восточный ветер метался по вздыбившемуся волнами заливу, застияя дневной свет снежной мглой, я укрылся от непогоды в баре местной гостиницы. Сидя за столиком, я безмятежно потягивал пиво, как вдруг какой-то краснотлицый парень, топая ногами, ворвался в помещение.

«У губернаторского пирса! — вопил он. — Сам видел! Громадина с товарный вагон! Нет, с пару вагонов, будь я проклять! Давай, скорее наружу, ребята!»

Спустя двадцать минут на зернопогрузочном пирсе, протянувшемся в уже оледеневшую по берегам гавань, толпилось почти все мужское население Черчилла. Там же стоял и я, натянув на голову капюшон парки, чтобы защититься от замерзавших на лету колючих брызг морской воды. Рядом со мной, вобрав голову в плечи, сутулились три инуита. Они были родом из городка Понд-Инлета на далекой Баффиновой Земле. Здесь их собирались обучить вождению грузовиков для работы на американской радиолокационной станции. Когда я раньше встречал эту троицу, они казались мне замкнутыми и нелюдимыми парнями, но сейчас они были вне себя от волнения. Когда я спросил, видели ли они гостя, из-за которого мы собрались на пирсе, они замахали в ответ руками и закричали:

«Ну да, еще бы! *Арвек*, сам большой *Арвек*! Погляди-ка вот туда!»

Вода вспучилась, и из нее показалась отливающая синевой спина огромного, словно перевернутый корабль, чудовища, маячившего в штормовой мгле метрах в тридцати от бетонного выступа, где мы стояли. Великан казался не меньше двадцатиметрового буксира, пришвартованного к

пирсу. До моего слуха донеслось приглушенное «хууффф», и я увидел взметнувшиеся вверх метров на семь две разветвленные струи; опадая, они обдали нас тепловатым запахом тухлой рыбы. Инуиты ликовали:

«Дыши хорошенько! Набирайся сил! Плыви на Север! Передай ему от нас привет!»

Три раза выпустив фонтаны, кит, выгнув спину, нырнул в морскую глубь — казалось, туда покатилося гигантское колесо. Повалил густой снег, и вскоре все вокруг исчезло в месиве бурана. Кит больше не появлялся... но я запомнил его (или ее) на всю жизнь.

Инуиты, еще не остывшие от возбуждения, составили мне компанию, и мы за кружкой пива обсудили неожиданный визит. Кит, которого мы видели, сказали они мне, был самым большим существом в знакомом им мире. Во времена их отцов арвек встречался повсюду: «В каждую бухту, в каждый залив их заходило так много — не сосчитать». А потом, по их словам, у берегов Баффиновой Земли появились большие корабли, и белые люди принялись убивать огромных китов. Сейчас их осталось так мало, что инуиты Понд-Инлета почитают себя счастливыми, если за несколько лет увидят хотя бы одного кита.

Я считаю, что мне тоже повезло. *Арвек*, или *Balaena mysticetus*, как он известен в научном мере, он же «усатый», «гренландский», «гладкий арктический», «полярный» и т. д., как его называли из поколения в поколение китобои, сейчас одно из редчайших животных на Земле, возможно, даже более редкое, чем его собрат сарда.

Великан среди великанов, гренландский кит достигал более двадцати метров длины и до девяноста тонн веса, хотя в последнее время — после того как мы обрекли его на вымирание — лишь редким уцелевшим особям удавалось дорасти до пятнадцати метров и до веса в шестьдесят тонн. Внешне он напоминает гигантского голова-

стика, а слой его подкожного сала более 60 сантиметров толщиной — толще, чем у любого другого вида китов, что позволяет получить до 28 тонн горючего. Вдобавок также по сравнению с другими китами у него самая большая «голова», дающая до двух тонн «китового уса».

Эти киты были так огромны, что до недавнего времени вызывали у своих преследователей чувство благоговейного страха, о чем свидетельствует, например, такая запись, сделанная в XIX веке: «Представьте себе его пасть вместимостью в триста баррелей... почти десяти футов высотой, двадцати футов длины и пятнадцать футов ширины и губы толщиной в четыре фута. Из одних только губ и глотки можно натопить 60 бочек жира. Когда кит кормится, его губы растягиваются на тридцать футов, так что за один «глоток» кит процеживает до четверти мили океанской воды, вылавливая крошечные организмы, составляющие его пищу. Баррели крови с температурой свыше ста градусов*, движимые сердцем объемом до трех баррелей, циркулируют по мощным кровеносным сосудам, самые крупные из которых достигают до фута в диаметре».

Добыча гренландского кита сулила огромные количества китового уса и ворвани, что сделало его самой желанной добычей китобоев. Как только китобой узнали о его существовании, они тут же с присущей им алчностью бросились за ним в погоню. Но обнаружили гренландского кита на удивление поздно.

Летом гренландские киты проникали в бухты и проливы, расположенные на широком пространстве от Земли Франца-Иосифа в восточной части Баренцева моря до Шпицбергена, северо-восточной Гренландии, Девисова пролива, моря Баффина и восточных островов Арктического архипелага Канады на западе. В октябре,

когда в высоких широтах начинали темнеть небеса, а арктический пак, утолщаясь, покрывал все большие пространства моря, эти великаны, лопавшиеся от жира, накопленного во время летнего нагула на планктонных пастбищах, начинали свое величественное шествие на юг. Те, которые возвращались из вод восточной Гренландии, спускались к югу через отделяющий ее от Исландии Датский пролив. Идти в европейские воды киты не могли, поскольку если бы они двинулись в том направлении, то натолкнулись бы на теплое течение Гольфстрим, где им, одетым в суперзащитный слой жира, было бы не «по себе» в воде с температурой на несколько градусов выше точки замерзания. Обогнув мыс Фарвель, неисчислимые армады китов из Гренландского моря, как мне думается, продолжали двигаться на юго-запад через море Лабрадор и к концу ноября выходили с холодным Лабрадорским течением к проливу Белл-Айл; через него они затем проникали в залив Св. Лаврентия, где и проводили зимние месяцы. Тем временем их многочисленные собратья, прошедшие лето в Девисовом проливе, море Баффина и в водах Арктического архипелага, держали путь на юг к Гудзонову проливу или проливам Фьюри и Хекла, чтобы через один из них войти в бассейн Фокс и Гудзонов залив, где они зимой производили на свет и растили свое потомство в разводьях, очищенных от льда неистовыми ветрами и мощными приливными течениями.

Киты же, зимовавшие в заливе Св. Лаврентия, возможно, оставались там до начала марта — времени, когда самки давали жизнь почти пятиметровым детенышам и спаривались. Затем киты снова пускались в путь на север, следуя вдоль кромки обширного языка льда, спускающегося в конце зимы на юг по побережью полуострова Лабрадор. За лето стада китов «растекались» на север, восток и запад вслед за отступающим плавучим паковым льдом, иногда даже проникая в его гущу, чтобы полакомиться

---

* Дано по Фаренгейту (около 37,8° C). —
Прим. перев.

обильным планктоном во время «цветения воды» на тающих льдах под воздействием солнечных лучей. Так завершался годичный цикл, о котором европейцы не ведали вплоть до середины XVI века.

Открыв Новый Свет, европейцы не сразу обнаружили там полярного кита, потому что примерно до середины XVI века они в основном посещали Северную Америку только летом. Их не приводила в восторг зима этого края, так же как и перспектива отдать судно на растерзание осенним штормам Северной Атлантики.

Но, рано или поздно, какие-то суда и их экипажи должны были быть застигнуты местной зимой, то ли в результате кораблекрушения, то ли оказавшись в ледовом плену в какой-нибудь гавани, замерзшей из-за ранних морозов. Из исторических документов известно, что подобные несчастья действительно случались с первыми баскскими китобоями в проливе Белл-Айл. Вероятно, многие из них, попав на необитаемую землю, погибали от голода и холода, зато китобою, сумевшему пережить жестокие холода и изнурительную цингу и вернуться домой, было что рассказать, чтобы разжечь аппетиты любой ассоциации китобойных дельцов.

Например, он мог поведать о встречавшихся там зимой огромных по количеству и размерам китах. Мы можем составить некоторое представление об их изобилии, если вспомним, что для успешного истребления гренландских китов потребовались целых триста пятьдесят лет непрекращающейся промысловой деятельности мощных китобойных флотилий басков, англичан, шотландцев, голландцев, немцев и американцев. Эта бойня сравнительно хорошо подтверждается документами после примерно 1610 года, и, анализируя имеющиеся данные, я прихожу к выводу, что североатлантическая популяция гренландских китов перед началом ее истребления насчитывала до 150 000 особей. Даже если только часть этих китов проводила середину зимы в заливе

Св. Лаврентия, то и в этом случае де-кабрьское «шество» китов через узкий пролив между Ньюфаундлендом и Лабрадором являло бы собой ни с чем не сравнимое зрелище.

Но действительно ли гренландские киты зимовали в заливе Св. Лаврентия? Большинство специалистов либо почти ничего, либо вообще ничего не могут сказать по этому поводу. Например, д-р Ф. Банфилд в своей недавней публикации «Млекопитающие Канады» описывает миграцию на юг китов этого вида только до юго-восточной оконечности Баффиновой Земли, после чего его многочисленные мигранты куда-то загадочно исчезают. Возможность зимовки многих из них в заливе Св. Лаврентия, который мог бы обеспечить им необходимые места для выращивания потомства, по-видимому, не рассматривалась в силу возникшего от взгляда на карту убеждения, что он находится слишком далеко на юге, чтобы быть удобным для таких «арктических» животных, как гренландские киты.

В действительности же этот залив был не менее удобным для них, чем для таких номинально арктических животных, как белые медведи, моржи и белухи, которые в изобилии водились там в прежние времена. Когда зима вступала в свои права, он частично покрывался льдом (никогда, впрочем, не замерзая полностью), но это отнюдь не мешало гренландским китам, которые только радовались привычному виду льдов. Способные держаться под водой в течение часа, киты без всякого труда проплывали под толстым паком Северного Ледовитого океана от одного разводья до другого. Дрейфующий пак мог служить им также защитой от ненастья и бурного моря в критический период, когда на свет появлялись их детеныши. Не следует при этом забывать, что гренландский, или, иначе, полярный, кит предпочитал холодные воды и редко стремился в теплые, что было свойственно многим другим видам китов. Воды северной части залива Св. Лаврентия при-

влекали его тем, что они охлаждались Лабрадорским течением, проникающим туда через пролив Белл-Айл. Если мы сравним условия в заливе Св. Лаврентия с условиями на местах зимовок и размножения тихоокеанского стада гринландских китов в Охотском море, то обнаружим ряд сходных черт, убедительно указывающих на наличие идеальных мест для зимовки гринландских китов Северной Атлантики в заливе Св. Лаврентия.

Веские тому доказательства появились недавно, когда производились раскопки китовых костей вокруг стоянок древних баскских китобоев на северном берегу залива. Среди костей сарды попадались много костей и гринландских китов.

И наконец, последний аргумент. В перечне капитана «Мэри Маргарет» из четырех китов «лучшего сорта» первенство отдано киту, которым, вне всякого сомнения, является гринландский кит; однако до плавания «Мэри Маргарет» ни баски, ни китобои других национальностей не занимались промыслом китов в арктических водах Европы, где они могли бы встретить гринландских китов. Каким же образом баски узнали про этих китов и почему они ставили их выше других? Единственное объяснение — этот кит был им знаком по охоте за ним в Море Китов. Подтверждением может служить обстоятельство, что вначале он был известен французам и англичанам как «кит Большого Залива» — по названию Grand Bay или La Grande Baie, данному северному рукаву залива Св. Лаврентия английскими и французскими моряками.

В 1560-х годах сезонный характер китобойного промысла в северной части залива Св. Лаврентия претерпел существенные изменения. Китобои, как и прежде, выходили в море из испанских портов с расчетом пройти узкий пролив Белл-Айл в начале июля, после того как он очистится от паковых льдов. Добравшись до своих баз на северном берегу залива, они начинали охоту на сарду, как делали это

в течение полувека. Однако если раньше промысловые флотилии имели обыкновенные сниматься с якоря и отправляться в свой порт перед концом октября (когда сарда уже отправлялся на юг), то теперь баски не спешили с отплытием. Даже ночные морозы с инеем и грозные норд-осты не могли заставить их уйти. Они все чего-то ждали, всматриваясь в Море Китов, хотя добыча из него вроде бы ушла.

Наступал ноябрь. Гавани уже начали покрываться ледяной шугой, а баски все еще выжидали. Но вот наконец наблюдатели замечали с самого высокого места у самого восточного лагеря Ксато (ныне Шато-Бей) приближающийся авангард «китов Большого залива», идущих на юг вместе с лабрадорским течением. Киты то и дело показывались на поверхности, выдувая фонтаны водяных брызг, и вскоре небо казалось подернутым легкой морозной дымкой.

Со всех стоянок одна за другой навстречу приближающейся китовой армаде выходили флотилии вельботов. Бросая вызов тонкому льду с острыми, как у бритвы, краями, ледяному туману, снежным шквалам и морозному ветру, гребцы налегали на весла, преследуя китов с неистовым усердием, заставлявшим забывать все, кроме одного — упрямого желания убивать. Перед одержимыми жаждой убийства людьми не было выбора: они должны были либо успеть забить кита, сварить ворвань и быстро уйти домой, либо остаться на мрачных берегах Лабрадора наедине со смертельной зимней стужей на вмерзшем во льды судне.

Опасность была вполне реальной. В 1577 году зима началась в первых числах декабря и сильные холода держались до самой весны. Быстро достигший большой толщины береговой припай преградил выход из гавани большинству судов китобойной флотилии басков. Едва ли половина китобойцев сумела прорваться из гавани на юго-запад в залив Св. Лаврентия, а оттуда через пролив Кабота — в Атлантику. Для остальных же 25—30

судов и более 2000 моряков путь к отступлению был отрезан. В течение долгих пяти месяцев они были вынуждены терпеть жестокий холод и, голодая, мучиться от приступов цинги. Прежде чем весна освободила суда из ледового плена, умерли 540 человек. Но даже такой жестокий удар судьбы не умерил алчности стремившихся к наживе ассоциаций китобойных дельцов; в следующем, 1578 году в эти места вернулась более мощная, чем обычно, флотилия басков, рискуя людьми в азартной декабрьской погоне за жирными китами Большого Залива*.

Когда истребление западного стада сарды за недостатком жертв пошло на убыль, волна опустошения обрушилась на северные подступы к Моря Китов. Еще до разгрома в 1588 году армады испанские баски уже всю истребляли китов Большого Залива с той беспощадной целеустремленностью, которую воспламеняет в людях страсть к обогащению. Получив свою долю, они вышли из промысла, и их место заняли французские баски, которые, согласно данным Шамплейна, в первые десятилетия XVII века получали с добываемой ими ворвани ежегодно по 200 000 ливров. Но, как мы уже знаем, баски к тому времени быстро теряли свою монополию в китобойном промысле.

Началом конца этой монополии явилось событие, которое произошло в 1607 году, когда отважный исследователь Генри Гудзон направил свое судно в практически неисследованные арктические моря в поисках прохода в Китай вокруг Азии. Гудзон преодолел сотни миль арктического пака, открыв далекий остров, который он назвал «Гудзоновым берегом» (остров Ян-Майен), и исследовав часть островов архипелага Шпицберген. Гудзону не удалось найти того, что

он искал, зато он сообщил об «огромных запасах китов» громадной величины, которыми, казалось, были переполнены арктические моря.

Известие об этом открытии быстро облетело столицы Северо-Западной Европы, вызвав большой ажиотаж в деловых кругах — ведь если бы эти сведения оказались верными, то это означало бы существование нового источника ворвани, по крайней мере не беднее того, которым по преимуществу распоряжались в Западной Атлантике баски. В конце концов сначала англичане, а затем голландцы отправили свои суда на разведку в арктические воды. К 1612 году там развернулась новая лихорадочная конкуренция в погоне за ворванью.

Вначале в новом районе китобойного промысла господствовали англичане, которые неточно нарекли его Гренландским морем, включив в него все воды между Восточной Гренландией и Новой Землей. Затем на штурм китов бросились голландцы. В холодных фиордах Шпицбергена между соперниками происходили стычки и даже ожесточенные сражения. Впрочем, они не шли ни в какое сравнение с их общей войной против исполина, которого они впоследствии назовут гренландским китом.

К 1622 году одни только голландцы отправили на охоту за китами в ледяные воды Шпицбергена триста судов и от пятнадцати до восемнадцати тысяч моряков. На одном лишенном растительности островке они построили летний поселок, дав ему подходящее название Сmeerенбург — «город китового жира». Каждый год в его вонючую гавань привозили на буксире до 1500 туш гренландских китов на разделку и вытапливание ворвани. Неизмеримо больше китов было уничтожено как англичанами, так и голландцами с временных береговых баз, разбросанных по всему архипелагу.

Через несколько лет монополия басков была «смыта» хлынувшим на европейские рынки потоком арктической ворвани. Какое-то количество

---

* В 1983 году землекопы обнаружили на месте бывшей стоянки басков в Ред-Бей скелеты двух десятков людей, причину смерти которых установить не удалось. Скорее всего, они умерли от цинги.

французских басков продолжали, хотя и в значительно меньшем масштабе, бить китов в водах Нового Света, но большинство бывших китобоев занялись промыслом трески или нанялись гарпунерами на голландские или английские суда, промышлявшие китов в новых районах Гренландского моря.

Киты Большого Залива получили подобие передышки на местах их зимовок, но холодные арктические воды летних пастбищ по-прежнему адели от пролитой крови. К 1640 году гренландского кита (он же кит Большого Залива) преследовали во всей европейской Арктике. Вскоре старая история повторилась заново. С усилением интенсивности промысла сокращалось поголовье и обострялась конкурентная борьба за добычу китов, оставшихся в живых. В 1721 году — спустя столетие после начала бойни в Арктике — в водах Гренландского моря вели промысел 445 китобойных судов из полдюжины стран и каждому из них удалось добыть в среднем пару китов. К 1763 году среднегодовая добыча на судно сократилась до одного кита, но и с убитых китов теперь получали от двух третей до половины того количества ворвани, которое раньше давали исполины, добытые в водах Шпицбергена.

Киты — животные-долгожители. При благоприятных условиях гренландский кит мог дожить примерно до шестидесятилетнего возраста и, не прекращая расти все это время, достичь 23-метровой длины. К концу XVII века такая долговечность если и была «пожалована», то лишь немногим уцелевшим китам. К 1770 году кит длиной в 18 метров уже считался «большим», и из года в год все более привычной становилась добыча еще более мелких и молодых китов. В конце концов это привело к тому, что свыше половины добычи составлял «молодняк» — вскармливаемые матками первородки.

Покончив с самыми отборными китами в Гренландском море, голландцы отправились в поисках добычи в даль-

ние края, и некоторые из их судов, обогнув мыс Фарвель, вошли в Девисов пролив. Там они наткнулись на не тронутую промыслом популяцию гренландских китов, и началась новая бойня. Голландцы попытались монополизировать промысел китов в новом районе, но, влекомые обещающим наживу запахом ворвани, сюда устремились и английские китобои. Тем временем молодой, но энергичный китобойный промысел Новой Англии также почуял, что с севера тянет ворвань. Примерно в 1740 году ее китобои обнаружили места зимовки китов, которых они окрестили «головастыми», однако первые попытки воспользоваться этим открытием успеха не принесли, поскольку в то время район залива Св. Лаврентия все еще оставался французским, закрытым для англичан. Поэтому промысловики из Новой Англии прибегли к тайному промыслу, скрытно захватывая в сезон охоты некоторые старые стоянки басков или устраивая новые в небольших заливах Южного Лабрадора или полуострова Пти-Норд на Ньюфаундленде.

Поскольку промышлявшие треску французские рыбаки на этих берегах не зимовали, пользуясь ими и их гаванями только с июля по октябрь, промысловикам из Новой Англии нужно было лишь подождать, когда французская рыболовная флотилия отправится в Европу; после этого они могли высадить на берег своих китобоев на зимовку, в то время как их плавучие базы отправлялись в более теплые воды для охоты на кашалотов. Как можно раньше следующей весной, смело преодолевая дрейфующий на юг арктический лед, шхуны возвращались на север, чтобы успеть до возвращения французской флотилии снять и вывезти с берега зимовавшие команды и заготовленные ими ворвань и китовый ус. Французские баски или не знали, что происходит, или не придавали этому особого значения.

После того как в 1760-х годах англичане изгнали французов из этого региона, промысловики Новой Анг-

лии — в основном из Нью-Бедфорда — получили возможность бить китов в открытую. Они увеличили количество зимовий охотников на гренландских китов, но, не довольствуясь этим, направили весной своих китобоев на север вдоль кромки пакового льда по побережью Лабрадора, чтобы попытаться подстрелить китов, отставших от мигрирующей стаи. Отставшими в большинстве случаев были кормящие самки — они не могли так быстро продвигаться к северу из-за медлительности своих детенышей. Самки гренландских китов особенно уязвимы, поскольку они никогда не покидают детенышей — обстоятельство, которым рано научились пользоваться китобойи. Как только в поле их зрения попадала самка с детенышем, гарпунеры сначала атаквали детеныша, стараясь не убить его сразу, а только покалечить. После этого они могли не спеша расправиться с матерью.

Когда в 1775 году американские колонии вступили в войну с Великобританией, их китобоям запретили вести промысел в Море Китов, и поэтому многие из них отправились на север, чтобы составить конкуренцию англичанам и голландцам в Девисовом проливе. Не прошло незамеченным и их пребывание на побережье Лабрадора, где они проявили себя отнюдь не с лучшей стороны. В 1772—1773 годах в пролив Белл-Айл был направлен лейтенант британского военно-морского флота Куртис с заданием расследовать поступившие на них жалобы. По его словам, это была «шайка головорезов, провоцировавших ссоры между эскимосами и европейцами... они налетали на берег словно саранча и совершали с необъяснимой злобой любое преступление».

Их уход из региона принес облегчение местному населению, однако это уже не могло облегчить участь гренландских китов, от которых как на местах зимовок, так и на летних пастбищах осталось лишь несколько небольших стад. К концу столетия они уже настолько редко встречались

у побережья Лабрадора, что инуиты, которые долгие годы зависели от случайной добычи китов, теперь лишились этого источника существования.

В 1766 году состоятельный английский натуралист Джозеф Бэнкс посетил Шато-Бей — одну из главных баз китобойного промысла в проливе Белл-Айл чуть ли не с 1535 года. Там ему рассказали об одной замечательной находке. «В прошлом году во время земляных работ было сделано удивительное открытие — найдено большое количество китовой кости (уса), тщательно и надежно спрятанной в земле... настолько большое, что, если верить очевидцам, оно могло стоить 20 000 фунтов стерлингов... предположительно, этот клад был зарыт там датчанами, которые, обогнув на обратном пути Гренландию с юга, пристали к этому берегу и оставили на нем несколько китобойных команд, несомненно прельстившись большим числом китов, ежегодно проходящих через пролив Белл-Айл в залив Св. Лаврентия. Тут мы должны предположить, что удачливая команда, добыв это огромное количество китового уса, устроилась на поселение... до времени обычного возвращения судов, но в виду [опасности] нападения местных индейцев они для пущей сохранности зарыли китовый ус, после чего вся команда, вероятно, была вырезана до последнего матроса, так что их сокровища оставались нетронутыми, пока случай не привел нас к ним, но этот подарок уже сгнил»*.

Бэнкс, безусловно, ошибся, определив национальность людей, заложивших этот тайник. Датчане никогда не промышляли китов у берегов Лабрадора. Да и сам тайник был заложен, очевидно, незадолго перед тем, как его обнаружили, поскольку в отличие от кости китовый ус гниет в земле довольно быстро. По всей видимости, этот солидный клад был запрятан

---

* По оценке другого очевидца, количество обнаруженного китового уса составляло 45 тонн, что говорит о добыче 20—30 гренландских китов средней величины.

какой-нибудь зимовавшей командой китобоев из Новой Англии, боявшихся, как предполагал Бэнкс, нападения индейцев или, что представляется более вероятным, опасавшихся, как бы их не обнаружили летом французские рыбаки, если за ними не придет плавучая база.

К концу XVIII века голландцы, выручив бесчисленные миллионы гульденов за два столетия безжалостной бойни (только между 1675 и 1721 годами они продали продуктов китобойного промысла на 80 миллионов гульденов), ушли из региона, предоставив яростно соперничавшим друг с другом англичанам, шотландцам и янки добывать остатки стада гренландских китов в Девисовом проливе. Американцы, впрочем, недолго оставались в его переполненных китобойными судами водах.

В 1847 году один американский китобоец, преследуя остатки стада черных гладких китов на севере Тихого океана, вошел в Охотское море и «обнаружил целое скопище китов». Капитан судна никогда прежде не охотился в северных водах, и этот вид китов был ему неизвестен, но, когда двумя годами позже один китобоец из Сэг-Харбора, пройдя через Берингов пролив, натолкнулся на огромное количество таких же китов, он опознал в них близких родственников гренландского кита. Сначала их называли полярными, а на самом деле это были настоящие гренландские киты, но они принадлежали к другой популяции, обитавшей в северных водах Тихого океана, море Бофорта и Чукотском море в Северном Ледовитом океане.

Открытие дотоле неведомой «золотой жилы» привлекло в эти отдаленные воды чуть не все китобойные суда американцев. С присущим им отвагой, изобретательностью и ловкостью, а пуще всего — алчностью янки учинили там такую бойню, которая ужаснула бы даже выдавших виды голландцев из Сmeerенбурга. Всего пятьдесят лет потребовалось американцам, чтобы так эффективно истребить

гренландских китов в Тихом океане. Они безжалостно убивали всех китов подряд, не обращая внимания на возраст, величину или пол. Случалось, команды некоторых судов не гнушались убийством детенышей ради того, чтобы получить десяток бочек ворвани и совсем ничтожное количество китового уса, если его вообще удавалось получить. Вот как описал их действия один из американских капитанов в 1852 году:

«Огромный объединенный флот двигался на север, по направлению к полюсу, и вот уже суда всех [наших] китобойных портов совместно уничтожают [гренландских] китов, не щадя даже детенышей... Впервые я побывал здесь два года тому назад, с тех пор китов стало заметно меньше... а как могло быть иначе? Посмотрите, сколько флотилий охотятся за китами от Кейп-Таддеуса до [Берингова] пролива! Китов преследуют и уничтожают и днем и ночью... в прошлый сезон убили, наверное, не меньше трех тысяч полярных китов, однако в среднем [количество] добытой ворвани было вдвое меньше, чем два года назад. Факт говорит сам за себя, и скоро будет незачем отправлять суда в Арктику».

Капитан был, скорее всего, прав, если говорить о доходах с ворвани, которая и без того уже падала в цене, сбиваемой нефтью, но оставался еще китовый ус. В середине XIX века спрос на разнообразные изделия из китового уса — кнуты, зонтики, шляпы, подвязки, стоячие воротнички, трости, бортики для бильярдных столов, удочки, пруты для отыскания залежей подпочвенных вод или руд, зубочистки и т. п. — продолжал расти и соответственно стремительно возрастала стоимость китового уса. К 1855 году он шел по два доллара за фунт, а десять лет спустя уже стоил вдвое дороже. Истребление тысяч гренландских китов продолжалось *исключительно* ради их «усов».

Поскольку китобоям уже не нужно было тратить долгие часы на изнурительную работу — разделывать туши

и вытапливать ворвань, они могли посвятить почти все свое время убийству китов. Некоторые суда ухитрились за один промысловый рейс добывать до двадцати пяти тонн китового уса. Для этого нужно было убить не менее тридцати китов, ибо к тому времени редко какому-либо гренландскому киту удавалось дожить до возраста, в котором из него можно было добыть до тонны китового уса.

К 1910 году племя гренландских китов Берингова и Чукотского морей, а также моря Бофорта было почти полностью истреблено и потеряло всякое промысловое значение. Не лучше сложилась судьба и их восточных сородичей.

Уже в первые десятилетия XIX века китобойи почувствовали, что в результате интенсивного промысла запасы гренландских китов в Гренландском море начали сокращаться. Все больше и больше судов, в ту пору в основном английских, преследовало все менее часто встречающихся и все более мелких китов. Эти малыши еще не успели научиться осторожности, и китобойи без труда приближались к своим жертвам. В 1818 году китобойное судно из Гулля, нелепо названное «Херувимом», под командованием капитана Джексона наткнулось на несколько небольших стад таких молодых китов и учинило настоящую резню. Был момент, когда все пространство — и палубы, и трюмы — было забито китовым жиром, а к бортам «Херувима» оставались пришвартованными четырнадцать неразделанных туш молодых китов. В конце концов Джексон был вынужден обрезать швартовы и отдать туши на волю течений, «мучительно переживая огромные потери, причиненные таким образом судовладельцам». За один сезон Джексон с его командой убили сорок семь молодых китов.

Ни один вид млекопитающих не мог бы длительное время выдержать такое опустошение, и гренландские киты Гренландского моря не были исключением. В 1830-х годах этот вид китов был практически уничто-

жен, и только отдельные разрозненные группы, возможно, дожили до середины века. Тем временем их палачи уже занимались своим кровавым ремеслом в местах, которые они называли «Западными Банками».

Девисов пролив был районом китобойного промысла с середины XVII века, но к 1810 году гренландские киты стали там большой редкостью, и поэтому китобойи решили попытаться счастья подальше к северу. Они пробивались в опасные паковые льды южной части моря Баффина, добрались до острова Диско на западном побережье Гренландии и, к своему изумлению, обнаружили на севере моря Баффина свободное от льда водное пространство. В 1815 году некоторые китобойные суда, пройдя через эти воды, вышли к берегам канадского Арктического архипелага, который они назвали «Западной Землей». Здесь они обнаружили места летних пастбищ последнего уцелевшего стада гренландских китов атлантического региона.

Живую картину кровавой бойни в водах у Понд-Инлета на Баффиновой Земле нарисовал в 1823 году наблюдатель на борту английского китобойца «Камбриэн»: «Мы повернули на юг вдоль припая [и] по всей кромке льдов видели сотни разделанных туш китов. Воздух на милю вокруг был заражен тяжелым смрадом от массы разложившихся тел. К вечеру китовых туш на нашем пути стало еще больше и бьющее в нос зловоние сделалось просто непереносимым». Не надо забывать, что это происходило в холодном климате Арктики!

За один этот рейс команда «Камбриэна» убила двадцать три гренландских кита. А все вместе команды сорока одного китобойного судна уничтожили более 350 китов, да еще, наверное, потеряли с полсотни смертельно раненных.

И в этом случае произведенное опустошение оказалось невосполнимым. В 1850 году английские китобойные флотилии сумели обнаружить и убить в море Баффина всего-навсего

218 гренландских китов. После этого добыча резко сократилась из-за недостатка жертв.

В течение 1860-х годов китобойные суда с паровым двигателем вытеснили почти все устаревшие парусные суда. Большинство из них принадлежало шотландцам, но тем временем некоторые американские китобойцы, опустошившие воды северной части Тихого океана, вновь стали возвращаться в этот регион. В 1863 году два американских паровых китобойца пробились сквозь весенние льды в Гудзонов залив, где они обнаружили «множество китов... в северной части залива от острова Марбл до Кейп-Фуллертон» их было видимо-невидимо».

Это не было неожиданным открытием. С незапамятных времен гренландские киты из моря Баффина и вод Арктического архипелага зимовали, производили на свет детенышей и спаривались в водах Гудзона залива. Еще в 1631 году мореплаватели рассказывали, что встречали там этих морских исполинов. Один из торговцев, обосновавшийся на берегу Гудзона залива, писал в 1751 году: «Таких огромных стай китов [как в Гудзоновом заливе], не встретишь больше нигде на свете».

Компания Гудзона залива, никогда не упускавшая возможности нажить капитал, пыталась наладить промысел гренландских китов, но все ее попытки терпели неудачу, главным образом потому, что ее «сухопутные моряки» не имели достаточного опыта в китобойном промысле. Но стоило там появиться китобойным судам янки, как дело пошло на лад. Для них это была последняя возможность хорошо заработать, и они выжили из нее все, что смогли. Между 1863 и 1885 годами в воды залива были направлены 146 китобойных экспедиций, около ста из них — с зимовкой судов в заливе или с высадкой зимовщиков на берег. С одного добытого кита можно было получить ворвани на 3000 долларов и китового уса на 15 000 долларов, поэтому между ки-

тобоями началась жестокая конкуренция и охота была беспощадной.

Зимой киты собирались вместе с детенышами в разводах в основном в северо-западной части залива. Добраться до них на судне было нелегко, зато к ним можно было без особого труда подойти пешком по кромке льда. Поэтому охотники пользовались не гарпунами, а многозарядными ружьями с разрывными пулями, причинявшими тяжкие повреждения внутренним органам. Иногда раненый кит (если он не умирал сразу) мог нырнуть под лед и всплыть, если это ему удавалось, нередко — в дальней полынье, вне пределов досягаемости для охотника. По словам инспектора Моуди из Королевской канадской конной полиции Северо-Западных территорий, который был свидетелем нескольких заключительных дней охоты на гренландских китов, по меньшей мере три четверти китов, раненных разрывными пулями, так и не были найдены. Очевидно, большинство из них в конце концов погибало от полученных ран.

В результате Гудзонов залив был настолько опустошен, что к 1895 году в его водах оставалось лишь горстка китобойных судов, команды которых находили какой-то смысл в том, чтобы еще промыслить в этих водах. Последний китобоец ушел из залива в 1908 году с пустыми трюмами, не найдя ни одного гренландского кита.

Летом 1910 года десять шотландских паровых китобойцев прочесали почти все море Баффина и все вместе сумели добыть всего восемнадцать китов. Этого было недостаточно, чтобы покрыть издержки, и китобойщики решили «возместить убытки», убивая любых животных, что подвернутся под руку. В результате были убиты около 400 мелких китов, называемых белухами, 2000 моржей, 250 белых медведей и 5000 тюленей. Но даже эта новая бойня не принесла охотникам желаемой прибыли. Игра не стоила свеч. К 1914 году, когда человеческий род вверг себя в пучину са-

моу уничтожения, гренландские киты восточного побережья считались полностью истребленными.

В том, что это оказалось не совсем так, китобой не виноваты. Нескольким десяткам китов удалось избежать гибели, но и их не оставили в покое. В период между 1919 и 1976 годами было отмечено более сорока нападений на гренландских китов в восточных районах арктических вод Канады и в водах Западной Гренландии; иногда зачинщиками были местные жители, но чаще люди приезжие — правительственные чиновники и служащие торговых компаний. Обычно половину китов настигала смерть, а большинство остальных получали ранения. В настоящее время нет достоверных сведений о том, что крошечное стадо, уцелевшее из некогда многочисленного китового племени, начинает понемногу восстанавливать свою численность. Вполне возможно даже, что оно продолжает уменьшаться.

Отрадно, что этой участи избежала чуть большая часть северотихоокеанской популяции гренландских китов. В 1969 году во время моего визита в Магадан на берегу Охотского моря один советский ученый — специалист по китообразным сообщил мне, что предыдущей зимой воздушная разведка обнаружила в Охотском море 400 китов. По его оценке, общее количество гренландских китов в северной части Тихого океана не превышает 2000. Однако он полагает, что их число вряд ли может увеличиться, потому что от рук, алеутов и инуитов на северо-восточном побережье Аляски погибает слишком много этих животных.

Ряд общин коренных жителей Аляски, подобно их чукотским собратьям (и некоторые общины инуитов восточных районов Арктики), многие сотни, если не тысячи лет охотились на китов, являющихся основным источником их пропитания. Однако до прихода европейцев киты водились в изобилии, а примитивные орудия охоты, которыми пользовались

местные жители, не подрывали этого изобилия. Сейчас все изменилось.

В наши дни, когда во всем мире осталось самое большее несколько тысяч гренландских китов, коренные жители Аляски истребляют их намного активнее, чем они это делали в прошлом. Сейчас они убивают китов не только для пропитания, но чаще ради удовольствия и денег. К тому же благодаря достижениям современной техники они пользуются новейшими видами смертоносного оружия. На смену умиакам — обшитым шкурами древним челнокам — и ручным гарпунам пришли быстходные моторные шлюпки, скорострельные ружья с разрывными пулями и гарпуны, снабженные гранатами. Довольно часто они нанимают самолеты-разведчики для выслеживания китов, пробирающихся по разводьям в паковом льду на летние пастбища в море Бофорта и в Чукотское море.

Такое положение было и остается губительным для уцелевших гренландских китов. Доктор Флойд Дёрхэм, много лет изучавший на Аляске способы «местной» охоты на гренландских китов, пришел к заключению, что в результате применения современных методов и оружия 80% раненых животных «пропадают без вести», то есть просто-напросто тонут. Один раз он был свидетелем, как из тридцати убитых инуитами гренландских китов разного возраста и пола ни один не был вытаскен на берег! В 1973 году у него на глазах инуитам удалось убить семнадцатиметровую самку кита с новорожденным детенышем. Мертвая самка показала инуитам слишком громоздкой для разделки, и, срезав с нее не более десяти процентов китового жира, они пустили тушу на волю течений. В 1977 году на Аляске добыли двадцать девять гренландских китов и упустили еще восемьдесят четыре, раненных гарпунами с взрывным устройством.

В настоящее время Канада и Гренландия запретили всякую охоту на гренландских китов в своих территориальных водах. С тех пор как в пяти-

десятих годах в Охотском море были вновь обнаружены стада зимующих китов, Советский Союз взял их под свою полную защиту. Но Соединенные Штаты почему-то считают возможным потворствовать продолжающемуся разбою в водах Аляски.

Энвайронменталисты* весьма встревожены вредным воздействием, которое, по всей видимости, оказывает на уцелевших гренландских китов разработка месторождений нефти и газа в арктических водах. В ближайшие годы намечается усиленное движение гигантских танкеров через многие районы летних пастбищ гренландских китов. Более сотни скважин уже дают нефть. Вполне возможны случайные выбросы на нефтяных вышках и аварии танкеров — на это указывает статистика, — одно такое несчастье может случиться раз в десять лет. Как показывают исследования, одна большая утечка нефти

в покрытые льдами арктические воды может нанести ущерб окружающей морской среде и связанным с ней живым организмам на порядок больше, чем ущерб, причиненный катастрофами в южных морях, как, например, крушение супертанкера «Торри Каньон» или недавно происшедший огромный разлив нефти в результате прорыва скважины в Мексиканском заливе.

По иронии судьбы, уцелевшие гренландские киты снова оказались в трагическом положении. Потому что, хотя современный человек и отказался от преднамеренного уничтожения китов, его промышленная деятельность косвенным образом угрожает окончательно подорвать непрочную основу существования этих животных. Но что еще печальнее — китов продолжают убивать коренные жители, которые теперь сами переняли отношение «цивилизованного» человека к животному миру и... больше не нуждаются в гренландских китах... для поддержания собственной жизни.

---

* Специалисты по вопросам изучения окружающей среды. — *Прим. перев.*

Глава 14

Киты-полосатики

К концу XVIII века большинство китов «лучшего сорта» на северо-восточном побережье Америки было уже истреблено. Тем не менее в то время в этих водах все еще встречались в изобилии киты «худшего сорта», каковыми их считали китобои потому, что за такими обычно быстрыми и ловкими животными было трудно угнаться, трудно или невозможно подобрать убитых, ибо они тонули, или потому, что они были беднее жиром, чем гладкие киты.

Китами «худшего сорта» считали даже самых крупных из когда-либо существовавших на нашей планете животных — синих китов, отдельные особи которых достигали более тридцати метров длины и свыше ста тонн веса. И сегодня, вероятно, еще можно встретить несколько уцелевших двадцатисемиметровых китов. Но таких уцелевших великанов — раз-два и обчелся.

Наделенное почти невообразимой величиной, это создание отличалось и продолжает отличаться своим кротким нравом. Его пищу составляют небольшие, похожие на креветку рачки (крыль), которых он процеживает сквозь цедильный аппарат из 300—

400 пластин китового уса, расположенных в его огромной пасти. Полосатик обладает идеально обтекаемой формой тела и почти невероятной физической силой, что позволяет этакой громадине передвигаться в воде со скоростью восьми-девяти узлов, а при необходимости доводить ее до двадцати.

Синий кит — наиболее выдающийся представитель семейства полосатиков. Члены этого семейства удивительно похожи друг на друга, и лишь надавно ученые пришли к согласию о том, как разделить его на отдельные виды. Они включают синего кита, сельдяного полосатика (он же — финвал), достигающего почти двадцатисемиметровой длины, за которым следуют два почти идентичных вида — сейвал и полосатик Брайда длиной до двадцати метров — и, наконец, сравнительно малый (остромордый) полосатик — «кит Минке» длиной около двенадцати метров¹⁰².

Полосатики — наиболее поздние, то есть наиболее высоко развитые из всех усатых китов. По объему головной мозг полосатика не намного уступает человеческому, хотя, конеч-

но, он пользуется им совсем для других целей. Полосатики, до того как мы обрекли их на гибель, были также самыми многочисленными из больших китов.

Некоторые виды полосатиков трудно отличить друг от друга неопытным глазом, разве что по размерам (а у всех видов их верхние пределы отчасти перекрываются) и окраске. К примеру, кит Минке получил свое настоящее название после того, как один норвежский китобой по фамилии Мейнке по ошибке принял находившуюся поблизости стаю одного из таких мелких китов за отдаленную стаю синих китов. Ошибка, незаслуженно обессмертившая имя незадачливого китобоя.

Своим поведением и образом жизни все виды полосатиков, по существу, мало чем отличаются друг от друга, разве что синий кит ограничивает свой рацион крилем, в то время как другие виды могут при случае также питаться мелкой рыбой, например, мойвой, песчанкой и сельдью. Все полосатики — долгожители, некоторые доживают до восьмидесяти и более лет. Они быстрые и ловкие пловцы, причем сейвалы способны развивать под водой скорость, близкую к 25 узлам. По существу, все полосатики (за исключением полосатика Брайда) — бродяги открытого моря, зимующие в водах от умеренного пояса до тропического и мигрирующие весной в более холодные и даже в арктические воды. Благодаря своей сверхприспособленности к жизни в океане, они не особенно нуждаются в защищенных местах для размножения и в большинстве своем рожают детенышей в открытом море. Тем не менее многие из них подплывают весной и летом к берегу, чтобы воспользоваться обилием пищи на шельфовых и прибрежных банках. В свои лучшие времена полосатики собирались в большие, а значит, и более заметные стада. Еще в 1880-х годах нередко можно было видеть скопления финвалов, насчитывавшие более 1000 особей. Некий

капитан Милне, командир одного из парашедов компании «Кунард», проплывая сквозь одно такое стадо в Северной Атлантике, сравнивал его по величине с «полгграфством, заполненным паровозами, изо всех сил пыхтящими клубами пара, как будто от этого зависела сама их жизнь!»

Как водится, во многих сплоченных семьях не обошлось и без уroda. Таким в семействе полосатиков оказался горбатый кит¹⁰³, отличающийся от остальных видов не только внешностью, но и поведением. Одно из самых «игривых» животных, горбач, видимо, благодаря своей склонности к акробатике претерпел кардинальные изменения физического строения. Он известен также своим виртуозным умением «сочинять» и исполнять характерные для него одного замысловатые и повторяющиеся «мелодии».

В отличие от изящных обтекаемых форм его собратьев-полосатиков утолщенное тело горбача кажется спереди укороченным. Достигая 60 тонн веса и восемнадцати метров длины, он выделяется двумя крупными и очень гибкими плавниками, которые служат ему для сохранения равновесия и помогают при движении. Этими же плавниками самец и самка во время ухаживания восторженно обнимают и ласкают друг друга.

Горбач выделяется из других полосатиков и тем, что часто меняет направление и скорость своего движения под водой. Неторопливо плавая в обычной обстановке со скоростью пяти-шести узлов, он в случае нужды может довести ее до десяти-двенадцати. Первые китобой скорее принимали его за гладкого кита, чем за горбача из-за его округлой формы тела, невысокой скорости передвижения, стадного образа жизни, добродушия и пристрастия к прибрежным водам. К тому же, в отличие от других своих родственников, убитый горбач оставался на плаву.

Первыми, кому в голову пришла мысль о промысле горбачей, по видимому, были китобой Новой Англии из Нью-Бедфорда. Еще в 1740 го-

ду они выходили на небольших шхунах в воды Ньюфаундленда в погоню за черными гладкими, серыми и гренландскими китами, а также кашалотами. Но гладкие и серые киты попадались все реже и реже, гренландские киты вообще не часто посещали эти воды в летнее время, а кашалоты в подходящем числе встречались лишь в открытом море. Промысловики Новой Англии должны были испытывать недовольство, если не раздражение, от того, что, находясь в окружении бесчисленного множества полосатиков, они не могли поживиться ими. Мы, вероятно, никогда не узнаем, какой корыстолюбивый шкипер первым догадался о том, что из китов «худшего сорта» по крайней мере один мог бы составить исключение. Как бы там ни было, но примерно к 1750 году все китобойные флотилии уже гонялись за горбачами, если не подвергивалось ничего лучшего.

Китобой охотились на них даже летом, хотя они знали, что в это время года убитые горбачи тонут. А их суда не имели ни механического оборудования для подъема массивной туши кита на поверхность, ни средств, необходимых для ее удержания на плаву во время буксировки на береговую базу или разделки у борта судна. Но это не останавливало промысловиков из Нью-Бедфорда, которые считали, что туша убитого ими кита все равно попадет им в руки благодаря явлению, которое они называли «вспучиванием».

Когда любой взрослый кит умирает, температура его тела начинает быстро *повышаться*, а не понижаться, как можно было бы ожидать. Это происходит потому, что тепло, выделенное при разложении внутренних органов, остается внутри прослоенного жиром тела, превращенного в подобие скороварки. За два-три дня внутренние ткани действительно начинают «вариться», и выделяемого количества газа вполне достаточно, чтобы сообщить плавучесть даже стонной туше затонувшего кита. Она

всплывает на поверхность воды напоподобие подводной лодки. Но такая воючая туша не может держаться на поверхности бесконечно долго. В конце концов она ломается, иногда с такой силой, что куски мяса шрапнелью разлетаются в разные стороны. То, что после этого остается, снова погружается в воду, на этот раз навсегда.

Промысловики Новой Англии редко пытались держать загарпуненного горбача закрепленным. Они предпочитали пользоваться трех- или четырехметровыми копьями. Случалось, что ударами копий им удавалось смертельно ранить кита, а если прикончить сразу его не удавалось, то он все равно погибал от инфекции. Уйдя от своих преследователей, кит заболел и, умирая, опускался на дно, разлагался, а затем, «вспучившись», снова поднимался к поверхности и дрейфовал в океане по воле ветра и волн. Китобой рассчитывали обнаружить убитых ими или другими промысловиками «вспученных» горбачей и таким образом окупить затраченные усилия. Если они находили хотя бы одного из каждых трех пораженных копьями горбачей, то это уже считалось, по-видимому, достаточным вознаграждением.

Бизнес на китах был хотя и доходным, но чертовски расточительным. Когда через несколько лет после изгнания англичанами французов английские власти стали изучать потенциальные возможности вод в устье пролива Белл-Айл, они обнаружили там процветающий китобойный промысел. В 1763 году, согласно рапорту морского офицера, ответственного за проведение этих исследований, 117 шлюпов и шхун Новой Англии примерно с дюжиной матросов на каждом судне добыли в тридцати милях от входа в пролив 104 кита. Сколько еще они убили, но не нашли, мы никогда не узнаем. К 1767 году в заливе Св. Лаврентия, у берегов Лабрадора, Ньюфаундленда и Новой Шотландии китобойная флотилия Новой Англии уже насчитывала до 300 шлюпов и шхун с 4000 китобоев на

борту. Их главной целью были черные гладкие киты, кашалоты и серые киты (когда и если они попадались), хотя они нередко были вынуждены «компенсировать свои рейсы» за счет жира горбатых китов.

За исключением короткой пере-дышки во время Американской революции* и непосредственно после нее, масштабы бойни в Море Китов неуклонно возрастали вплоть до начала следующего столетия. К этому времени в заливе Св. Лаврентия серые и гладкие, а также гренландские киты были фактически уже истреблены и почти полностью уничтожены стада кашалотов на северо-восточных подступах к континенту. Численность горбачей настолько сократилась, что американцы сочли невыгодным продолжать промысел в «северных водах». Около 1820 года в кровавой бойне наступило некоторое затишье, вызванное тем, что запасы китов «лучшего сорта» уже были истреблены либо полностью, либо их осталось совсем мало, а китобои еще не нашли способа подобным же образом разделаться с большинством других полосатиков, многочисленные стада которых по-прежнему бороздили морские просторы.

Затишье длилось полстолетия. В эти годы в Море Китов китобои занимались сравнительно мелкими операциями — ловили в основном горбачей. Таким промыслом занималась, в частности, одна компания из Джерси в заливе Хермитидж на южном берегу Ньюфаундленда. Ее китобои добывали ежегодно по 40—60 горбачей, используя китобойные суда, снабженные новым страшным оружием — гладкоствольной пушкой, заряжаемой гарпуном Гринера с разрывной гранатой на переднем конце. Гарпун был без линя, поскольку предназначался для добывания уже загарпуненного кита. Однако китобои пользовались им и в качестве

основного оружия, рассчитывая убить с его помощью побольше горбачей и получить приличную прибыль с найденных после всплытия вспученных туш. Процент «возврата» убитых китов был значительно выше в узких заливах типа фиордов, таких, как Хермитидж, чем в водах открытого побережья. Тем не менее и там на каждого кита, убитого китобоями из Джерси, приходилось еще два-три убитых, но не найденных животных.

В то время как уничтожение горбачей шло своим ходом, остальные виды полосатиков оставались, по существу, недосыгаемыми для человеческой алчности почти до конца XIX века, когда наиболее жестокие и изощренные мародеры всех времен изобрели средства, несущие смерть не только полосатикам, но и вообще всем уцелевшим крупным китам на свете. Начало новому смертоубийству было положено норвежским гением в искусстве истребления по имени Свенд Фойн. Опытный охотник на тюленей и китов, Фойн так сильно переживал свою неспособность извлечь выгоду из огромного племени полосатиков, что с фанатической целеустремленностью потратил более десяти лет своей жизни на изобретение и усовершенствование нового способа убийства и «возврата» этих китов. В 1860-х годах он огласил свое тройное решение проблемы полосатиков.

Суть его заключалась в изобретении гарпунной пушки весом в тонну, из которой выстреливался массивный гарпун, проникавший глубоко во внутренние органы кита, после чего в передней части гарпуна взрывалась осколочная граната, раздирая внутренности жертвы острыми кусками шрапнели. Взрыв гранаты одновременно раздвигал утопленные в стволе гарпуна стальные лапы, которые прочно удерживали в теле кита гарпун с привязанным к нему тросом.

Эффект применения этого дьявольского орудия охоты на китов хорошо описал Ф. Д. Омманей, специалист по китообразным, участвовавший

---

* Война за независимость в Северной Америке 1775—1783 годов, носившая характер буржуазной революции. — *Прим. перев.*

в одной из нынешних китобойных экспедиций в Антарктику: «Наша жертва всплыла [после поражения гарпуном] на поверхность ярдах в пятистах от нашего судна и начала свою безмолвную битву за жизнь. Если бы киты могли издавать душевнораздирающие вопли, то их смерть казалась бы менее ужасной, чем эта безнадежная борьба, которую наш кит вел в тишине, нарушаемой лишь доносившимися издали визгливыми криками морских птиц. До нашего слуха не долетал шум бьющегося в темно-красной пене кита, который, изгибаясь от боли, погрузился в воду, испустив фонтан кровавых брызг; поток хлынувшей крови разлился по поверхности большим пузырящимся пятном... сопротивление кончилось, красная пена осела, и мы увидели тело, неподвижно лежащее на воде. Над ним и около него, пронзительно крича, кружили птицы».

Вторым зубцом в смертельном трезубце Фойна было небольшое быстрое и высокоманевренное паровое судно со специально упроченной носовой частью, где размещалась гарпунная пушка. Судно также было оснащено сверхмощной паровой лебедкой и блоком-амортизатором, позволяющим «водить» загарпуненное животное (подобно тому, как рыболов-спортсмен водит лосося) и поднимать на поверхность даже стонного мертвого кита с глубины в две мили. Первоначально эти суда открывенно называли «китоубийцами», но сегодня, щадя чувствительность публики, их называют «китобойными судами». Первые китоубийцы обладали скоростью, достаточной лишь для того, чтобы догнать спокойно плывущего полосатика, но в то время она была вполне приемлемой, поскольку киты еще не научились ускользать от этих смертоносных кораблей. С годами китоубийцы становились крупнее, быстрее и во всех отношениях смертоноснее. Некоторые из них могли вести промысел на расстоянии до 400 миль от своих береговых баз, догонять, убивать и достав-

лять на базу до дюжины самых крупных и самых быстрых полосатиков.

Третьим компонентом была полая металлическая пика, вставляемая в легкие или брюшную полость мертвого кита после того, как его подняли на поверхность. Через эту пикку накачивали сжатый воздух, а иногда пар, надвывая мертвое тело до тех пор, пока оно не обретало достаточную плавучесть, и буксировали его на разделочный завод.

Вооруженные изобретением Фойна, норвежцы положили начало тому, что в промышленных кругах с восхищением именуют современным китобойным промыслом. «Свенд Фойн начал крупномасштабный промысел у северного побережья Норвегии в 1880 году,— сообщает нам один из его почитателей,— и тотчас же добился успеха; по его следам пошли многие китобойцы, добывая каждый по пять-шесть полосатиков за день и быстро опустошая стада китов в северных районах. Промысел оказался настолько выгодным, что доблестные норвежцы, найдя занятие себе по душе, вышли на поиски еще «не кошенных лугов и новых пастбищ».

В период между 1880 и 1905 годами норвежцы «разделали» почти 60 000 североатлантических китов, в большинстве своем — синих китов и финвалов. Сколько китов они убили в действительности, можно оценить лишь приблизительно, тем не менее, учитывая характерное для того времени соотношение между китами теряемыми и добытыми, цифра в 80 000 китов будет, пожалуй, довольно скромной оценкой.

К концу XIX века норвежцы с такой неутомимой энергией занимались поисками «некошенных лугов и новых пастбищ», что их береговые базы, каждую из которых обслуживали несколько судов-китоубийц, словно зараза, расползлись по всем берегам, вдоль которых китобои рассчитывали встретить хотя бы несколько китовых стай. Одним из первых пострадало от вторжения Море Китов.

В 1897 году в Сент-Джонсе на Ньюфаундленде была зарегистрирована как корпорация «Китобойная компания Кабот». Типичная для компаний такого рода, она олицетворяла разрушительное сочетание алчности местных купцов с хищническими повадками норвежцев. В 1898 году в заливе Хермитидж была построена и начала действовать береговая база с поэтическим названием «Балаэна»* с приписанным к ней единственным судном-китобойцей. В первый сезон команда китобойца добыла 47 больших полосатиков. В следующем году — девяносто пять, в 1900 году — 111, а в 1901-ом к первому китобойцу добавили второй и они вместе доставили обдирищикам на базу 472 китов. В 1903 году с базы «Балаэна» выходили на промысел уже четыре китобойца, которые в тот год добыли 850 крупных полосатиков (примерно поровну синих китов, сейвалов и горбачей).

К 1905 году в неуклонно расширяющейся войне участвовали уже двенадцать норвежско-ньюфаундлендских перерабатывающих заводов. К 1911 году на берегах залива Св. Лаврентия и вдоль Атлантического побережья от южного Лабрадора до Новой Шотландии находились или действовали уже 26 заводов. Кровавое побоище, уготовленное китам множеством китобойцев, приобрело такой размах, перед которым поблекла прежняя бойня в Море Китов с участием басков, французов и американцев.

В августе 1905 года английский натуралист, художник и спортсмен-любитель Дж. Г. Миллэс получил приглашение посетить завод «Китобойной компании Св. Лаврентия» на ньюфаундлендском полуострове Бьюрин. Вот как он описывает свои впечатления от этого визита:

«Вечером уходил в рейс китобоец, и я, сделав необходимые приготовления, поднялся на борт судна. Эти не-

большие суда для охоты на полосатиков имеют грузоподъемность 100 тонн и длину 95 футов. Они быстры, ходны и могут двигаться со скоростью от 12 до 15 узлов и разворачиваться на месте. На носу имеется укрепленное на турели орудие с прицелом и мушкой, которое заряжается полфунтом пороха. Гарпун длиной 4,5 фута снабжен ромбовидной головкой, отлетающей от ствола при взрыве дистанционной трубки. Главный ствол гарпуна имеет четыре железных, закрепленных струной лапы, которые при взрыве гранаты раскрываются и удерживают ствол гарпуна в теле кита. Задний конец железного ствола — разъемный, и в этот разъем вделано железное кольцо, за которое закреплен прочный манильский трос диаметром в два-три дюйма.

Команда китобойца «Св. Лаврентий» состояла из капитана Нильсена (он же — главный комендор), его помощника Христиана Йоханесена, механика и четырех матросов, из которых каждый мог выполнять различную работу — от стрельбы по китам до варки обеда. Все они были норвежцы, веселые, бесхитростные ребята. Мне казалось, что я готов был бы плавать по любым неведомым морям и охотиться на любых диких зверей, взяв себе в спутники только норвежцев и никого другого. Они — лучшие товарищи, эти всегда добродушные и жизнелюбивые парни.

Капитан решил идти ночью на Гринбэнк (банка в 120 милях к югу от залива Св. Лаврентия). Ветер стих, и в 9 часов утра, читая за завтраком Диккенса, я вдруг почувствовал, что машина сбавила обороты. Я сразу понял, что это — киты, и выскочил на палубу.

Меня встретило чудесное солнечное утро и гладкое, без ряби, море. Вдалеке виднелись два фонтана серебристых струй. Когда судно подошло к ним поближе, я понял, что они выше тех, что бывают у финвалов.

«Да, это они — блювалы [синие киты], и мы сегодня славно поохотимся» — сказал Йоханессен.

* *Balaena* — гладкие киты (сем. *Balaenidae*). — Прим. перев.

Мы находились в трехстах ярдах от более крупного из двух китов, когда он, опрокинувшись на спину, показал свой огромный хвост и исчез, уйдя в «глубокое» погружение.

«Девяностофудовый самец», — сказал мне капитан, когда я встал рядом с гарпунной пушкой. С глазами, заблестевшими от предвкушения удовольствия, он принялся поворачивать ствол в разные стороны, проверяя исправность орудия уничтожения. По моим часам оба кита оставались под водой пятнадцать минут, затем они снова вынырнули примерно в четверти мили по носу, взметнув облако брызг футов на тридцать над водой.

Прозвучали команды «полный вперед», затем «[малый] ход», и мы подошли на расстояние в пятьдесят ярдов к быстро, но без спешки плывущим синевато-серым чудовищам. В тот момент, когда, казалось, вот-вот грянет выстрел, оба кита вдруг исчезли из виду... Мы с капитаном сосредоточенно вглядывались в прозрачно-зеленоватую глубину, и вот я увидел, как из нее стремительно поднимается прямо под наше судно свинцово-серая громадина. Капитан жестом руки дал знак штурвальному на мостике отвернуть на румб в сторону, как раз в то время, когда призрачное существо, быстро увеличившись до размера нашего судна, вынырнуло на поверхность в десяти ярдах по борту. В то же мгновение нас с головы до ног окатил каскад воды, выдохнутой китом прямо в нашу сторону. Я согнул руку, чтобы защитить мою камеру, и щелкнул затвором как раз в тот момент, когда капитан выстрелил из пушки, послав гарпун точно в легкие великолепного гиганта.

«Пришвартовались!» — заорал кок, выбежавший на палубу с котелком картошки в руке. О том, что выстрел оказался удачным, говорили темно-красные пятна, появившиеся на изумрудной поверхности моря. В наступившей тишине слышались лишь шлепки о воду разматывающегося троса, да быстрые шаги матросов, направлявшихся к своим постам у паровой

лебедки и вниз, к бухте троса.

«Смертельный выстрел?» — спросил я у капитана.

«Не знаю, сэр, — ответил он, — думаю, что он немного побегает».

Так и случилось. Трос сначала медленно, потом все быстрее и быстрее уходил в воду с носа судна, пока мне не стало казаться, что он вот-вот загорится от трения.

«Теперь он нас потаскает», — сказал Нильсен, отодвигая меня от дымящегося троса. — Не стойте здесь, если трос лопнет, вас может убить!»

Мы перешли на мостик, откуда было удобнее вести наблюдение.

«Стравили на два линя [около 500 ярдов], — сказал мой компаньон, — боюсь, что попал в него ближе к хвосту».

В этот момент взоры всех приковало волнение, поднявшееся на море в пятистах ярдах от судна, где через миг появился раненый кит. Сражаясь за свою жизнь, он кружил на воде, вспенивая ее ударами своих плавников, то и дело поднимая голову и раскрывая огромную пасть. Океанский левиафан мужественно боролся со смертью, но гарпун глубоко проник в его жизненно важные органы, и борьба за жизнь продолжалась не более двух минут. Силы быстро покинули кита, и, выпустив тонкую струю ярко-красной крови, он хлестнул напоследок хвостом и ушел в глубину, образовав мощный водоворот.

Чтобы поднять мертвого кита со дна, нужно сперва выбрать слабинку троса. Для этого один матрос закрепляет таль и пропускает трос через прочный подвижной блок, соединенный с установленным в трюме пружинным механизмом. Сначала трос идет легко, но затем, когда начинается подъем кита из глубины океана, на трос ложится огромная нагрузка.

Приводится в движение лебедка, и с каждым подъемом на волну мы чувствуем напряжение троса и ощущаем полезность пружины, предохраняющей его от внезапной или чрезмерной перегрузки. Полчаса стучит паровая лебедка, наматывая трос

на барабан, пока на борт не втягивается более тонкий гарпунный линь. В этот момент, глядяваясь в воду, вы видите, как из прозрачной глубины появляется желто-серый призрак. Еще мгновение, и загадочное существо обретает более четкие очертания, и вот на поверхность выплывает огромный Синий Кит с торчащим в боку гарпуном.

Теперь Йоханессен просовывает канат под хвост кита, и, пока он этим занят, я спешу сделать несколько цветных зарисовок и заметок — это очень важно для художника, поскольку тело мертвого кита быстро теряет свою яркую окраску.

Затянутый за хвост канат привязывают к прочной цепи, которой кита пришвартовывают к носу судна. Лопasti хвоста обрубаются. Поскольку мы приняли решение искать второго кита, нам следует оставить мертвое тело на плаву. Для этого надо накачать его паром, что и делается с помощью вставленной в желудок полой пик и прикрепленного к ней длинного резинового шланга, соединенного с судовой паровой машиной. Кита накачивают необходимым количеством пара, после чего железная трубка гарпуна выдергивается из тела, а дыра затыкается пробкой из пакли.

В спину кита втыкается длинный шест, на верхнем конце которого развевается норвежский флаг, и мертвое тело отдается на волю ветра и течений. В погожие дни флаг виден на расстоянии до двадцати миль.

Миллэс оставил нам также единственное дошедшее с того времени описание образа жизни синих китов, а также охоты на них у восточного побережья Америки.

«Они превосходят прочих полосатиков своей величиной и яркой окраской. Вся верхняя часть тела синего кита темно-серая с синеватым отливом; нижняя часть — иссиня-серая... В марте — апреле большие стада синих китов приближаются [с южной стороны] к заливу Св. Лаврентия, держась у самой кромки плавучих льдов. Здесь их основная масса раз-

деляется на две части, одна из которых после вскрытия реки [Св. Лаврентия] входит в устье, а другая поворачивает на восток вдоль южного берега Ньюфаундленда.

Пасущийся синий кит перемещается со скоростью восемь миль в час, но испуганный или пораженный гарпуном может развить скорость в 20 узлов и плыть так довольно долго. Питаясь на «крилевых» банках, он плавает на боку и, выставя спинной плавник, внезапно переходит на «полный вперед», не прекращая широко разевать и медленно закрывать свою пасть, захватывая ею до двадцати баррелей мелких рачков*. Когда пасть закрывается, вода выталкивается наружу, и можно видеть ее пенные струи, расходящиеся по сторонам китового уса; пища же остается по внутреннюю сторону «пластин», и ее можно глотать не спеша. Все полосатики питаются подобным образом, и я однажды сам был свидетелем, как один финвал без устали кружил вокруг нашего судна, с видимым удовольствием поглощая пищу огромными глотками и нимало не смущаясь нашим присутствием; нам же казалось чудом, что он ухитряется не задеть нас своей громадной пастью.

Синий кит, глубоко ныряя, остается под водой, по моим часам, от десяти до двадцати минут. Появившись на поверхности, он совершает «выдох-вдох», выпуская фонтан водяных брызг высотой от 20 до 30 футов... Затем в течение четырех минут он делает от восьми до двенадцати неглубоких погружений под самую поверхность воды... Именно в это время паровой китобоец включается в погоню и старается поразить цель. Раненный гарпуном с разрывным зарядом синий кит нередко тут же ныряет на морское дно или стремительно бросается прочь. Затем, всплыв на поверхность, он после непродолжительного «смятения» умирает.

---

* В Антарктике синие киты питаются более крупными рачками — черноглазками (5—6 см длины). — *Прим. перев.*

Впрочем, бывает, что кита ранят слишком близко к хвосту, или к позвоночнику (в таком случае граната не взрывается), и тогда начинается трудная и продолжительная, многочасовая погоня. Вообще-то этот довольно спокойный кит не считается опасным при условии соблюдения обычных предосторожностей. С него получаешь доход в 100—150 фунтов стерлингов.

По сравнению с любым другим видом китов синий кит обладает могучей силой и жизнестойкостью, и это подтверждают захватывающие приключения, выпавшие на долю китобоев во время охоты на синего кита. Наиболее яркий случай затянувшейся охоты произошел в 1903 году с паровым китобойцем «Пумой».

«Пума» выследила и «нанесла удар» по большому синему киту в девять часов утра в шести милях от Пласеншии. Кит сразу же «взбесился», и к нему нельзя было подойти на близкое расстояние, чтобы выстрелить в него другим гарпуном, когда он выныривал подышать на поверхность. Целый день он таскал за собой на буксире китобойца со скоростью шесть узлов, причем судовая машина в это время отработывала «средний назад». К вечеру на корме судна закрепили второй трос и нарастили им первый, которого уже вытравили целую милю. После этого китобоец развернулся и пошел полным ходом вперед. Это, казалось, привело кита в ярость и, направляя все силы, он потащил корму судна под воду, отчего затопило кормовой отсек и часть машинного отделения. Кормовой трос тут же обрубили топором, и опасность миновала. Всю ночь напролет храбрый кит таскал за собой судно на тяжеленном двухмильном тросе, причем машина в это время работала на «средний назад», и к девяти часам следующего утра это чудовище казалось не менее бодрым и сильным, чем прежде. Однако к десяти часам утра его силы, видимо, начали слабеть, к одиннадцати кит уже тяжело двигался на поверхности, а в 12.30 был окончательно

загарпунен капитаном. Эта тяжелая борьба длилась 28 часов, и кит потащил китобойное судно целых тридцать миль до мыса Сент-Мари».

Благодаря своей громадной величине и соответственно большому количеству жира, которое с него получали — до двенадцати тонн от взрослой особи, — синий кит был основной добычей норвежцев в Море Китов. Они с поистине хищнической хваткой сумели добыть еще в 1905 году 265 синих китов, однако к 1908 году их еще более мощной флотилии удалось обнаружить и убить всего лишь 36 штук. По существу, к тому времени синие киты потеряли в Море Китов всякое промысловое значение, и норвежцы стали переключаться на финвалов и недобитых горбачей. Миллэс оставил яркую зарисовку охоты норвежцев на горбатого кита:

«Эти киты проявляют необычайную привязанность к своим детенышам и остаются рядом, пытаясь защищать их, даже будучи сами серьезно ранеными. Детеныши на эту любовь отвечают взаимностью... Капитан Нильсен во время охоты в заливе Хермитидж наткнулся на огромную самку горбатого кита с детенышем. После того как он «пришвартовался» к матери и увидел, что она выдохлась, Нильсен приказал спустить на воду шлюпку и добыть китиху ручным гарпуном. Однако, когда шлюпка приблизилась к раненой самке, детеныш кружился вокруг тела своей матери, мешая шлюпке подойти к ней поближе. Всякий раз, когда помощник капитана пытался метнуть гарпун, китенок оказывался между шлюпкой и матерью, при приближении шлюпки он поворачивался к ней хвостом и с размахом бил им о воду, не давая убийцам подойти ближе к жертве в течение полчаса. В конце концов во избежание столкновения шлюпке был дан отбой, а мать расстреляли из пушки вторым гарпуном. Преданный детеныш подплыл к убитой матери и расположился рядом с ней. Здесь его тяжело, но несмертельно ранили ручным гарпуном. Поскольку занятая им по-

зиция не позволяла убить детеныша [ручным гарпуном], его также прикончили выстрелом из гарпунной пушки».

Когда со сцены почти исчезли синые киты, а за ними и горбачи, главный удар на себя приняли финвалы. Неутомимый Миллэс поделился с нами следующими воспоминаниями о том, как гибли финвалы:

«Около шести вечера мы неожиданно встретили крайних китов из большого стада финвалов, чьи фонтаны виднелись со всех сторон. Мы долго гонялись то за одним, то за другим китом, но все они казались пугаными, за исключением одного чудовища, которое прямо-таки прилепилось к нашему борту, не давая возможности выстрелить в него из пушки. Около семи часов вечера помощник капитана все же решился выстрелить, но промахнулся. Удрученный неудачей, он отправился в камбуз, чтобы подкрепить свои силы порцией картофеля и кружкой горячего кофе. В семь тридцать, когда холод пробирал до костей, капитан Стоккен вновь занял пост у гарпунной пушки, и мы опять пустились в погоню, на этот раз за большой самкой финвала, казавшейся спокойнее других китов. В конце концов на последнем «выныривании» китиха всплыла в десяти ярдах от нашего орудия, и китобой, направив ствол вниз, выстрелил и поразил жертву под позвоночник.

Сначала китиха отнеслась к этому довольно спокойно, но затем пустилась прочь со скоростью около 15 узлов, унося за собой прочный линь. Когда с носа судна ушли под воду примерно две мили линя, я спросил капитана:

«Какой длины у вас линь?»

«Около трех миль», — последовал короткий ответ.

«Ну, а если уйдет весь, что тогда?»

«Что ж, тогда я застопорю линь и посмотрим, кто крепче — кит или трос», — невозмутимо ответил капитан.

Не прошло и минуты, как он приказал застопорить линь. Теперь двух-

дюймовый линь стонал от предельного напряжения, и казалось, вот-вот лопнет. В тот же момент небольшой китобоец рвануло вперед, и он пошел на буксире у кита со скоростью около двенадцати миль в час. Чувство острого возбуждения охватило всех находившихся на борту китобойца, который, вспенивая носом тяжелые волны, несясь вслед за китом на север. Мне приходилось испытывать радость борьбы с храбрыми тридцати- и даже сорокафунтовыми лососями в бурных водах реки Тей* — незабываемые моменты в жизни рыбака, — но то были детские забавы в сравнении с чувством крайнего волнения, владевшего нами в течение трех часов. Быть на буксире у обезумевшего кита — такое не забудешь до конца своих дней. Ощущаешь себя живым участником поистине королевской охоты. Не удивительно, что норвежцы полны жизни и вся команда от капитана до кока, помимо своих прямых обязанностей, выполняет и другие, делая это с горящими глазами и горячими сердцами. Профессия китобоя, способная взбудоражить кровь самого скучного олуха, является самой жизнью и сущностью натуры этих викингов, которые все вместе и каждый в отдельности — лучшие в мире моряки.

Через три часа этой бешеной гонки, когда мужественный финвал, казалось, еще не подавал признаков усталости, капитан скомандовал «малый назад». Новое огромное напряжение троса, вспенившаяся вода за кормой — и скорость падает до десяти узлов. Сила животного просто удивительна: идут минуты и даже часы, а огромный кит, не останавливаясь, продолжает тащить нас своим курсом на север. Еще через три часа последовала команда «средний назад», и скорость нашего хода замедлилась до шести узлов, но битва кита с китобойцем еще продолжалась. Через час кит наконец обнаружил явные признаки усталости, и тогда команда «полный назад!» застопорила ход.

* В Шотландии. — Прим. перев.

Примерно час после этого механическая сила людей и природная сила животного боролись на равных, пока мы не почувствовали, что китобоец движется назад — с китом было покончено, он нас больше не тащил.

Теперь трос вытравили, посадили на «подающий» блок и затем на барабан мощной паровой лебедки, которая, подобно катушке рыболовной снасти, сразу же начала «выбирать слабинку». Целый час слышался лишь монотонный стук паровой машины и скрежет лебедки, но вот наконец ярдах в трехстах с наветренной стороны на гребне волны показался огромный финвал, переваливающийся с боку на бок и пускающий фонтаны, но уже не способный из-за потери сил двигаться ни вперед, ни назад, ни нырнуть под воду.

Капитан скомандовал: «Тали травить*, гарпун приготовить!» На море было довольно сильное волнение, но никогда прежде мне не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь так ловко, как эти норвежцы, спускал на воду свою плоскодонку и прыгал в нее с фальшборта. Оставшиеся матросы передали двум гребцам заранее приготовленные весла, помощник схватил длинный пятнадцатифутовый «убойный» ручной гарпун, и небольшой отряд быстро направился к раненому киту.

Гребцы, развернув лодку кормой, на которой стоял с гарпуном в руках помощник капитана Ганс Андерсен, медленно подвели ее к великану. Временами тяжелая волна скрывала их из виду, потом они снова появлялись рядом с морским чудовищем, чьи замедленные движения тут же сменялись пенящим воду судорожным рывком: кит, восстановив равновесие, бросался на своих преследователей, которые сразу же пускались наутек. Смелый помощник, чтобы нанести смертельный удар, пытался подойти к киту то с одной, то с другой стороны, но все безрезультатно. Всякий раз измученный кит собирался с последними

силами, чтобы поменяться местами с противником и перенести войну на его территорию. На море усиливалось волнение, над водой опускалась вечерняя мгла, а дуэль нападающей и обороняющейся сторон все не прекращалась. Когда наступившая темнота скрыла участников сражения, капитан Стоккен, обратившись ко мне, сказал: «Это очень дикий кит. Придется выстрелить по нему еще разок, иначе Андерсену не сдобровать».

Потянувшись к паровому гудку, он дал трехкратный сигнал, приказывающий лодке возвращаться на судно. Через несколько минут мы увидели в лодке весело улыбающегося Андерсена: с гарпуна, зажатого в его руке, струилась кровь.

«Ба! Ты все-таки проткнул его», — заметил Стоккен.

«Ну да, как только вы дали гудок», — улыбаясь ответил помощник.

Плоскодонку вместе с командой быстро подняли на судно, а кита привалили к борту и привязали за хвост. Вся охота заняла семь часов.

Так исчезли из Ньюфаундлендских вод огромные полосатики, но не удрав в какое-то отдаленное убежище, как уверяли сторонники этой версии их исчезновения, а угодив прямо в жиротопенные котлы, скороварки и мучные установки китобойной промышленности.

Первая мировая война дала китам передышку, пока люди направляли свою разрушительную энергию на уничтожение себе подобных. Особенно остро нуждались в такой передышке большие полосатики Северо-Западной Атлантики. С начала наступления на китов в 1898 году норвежцами было «добыто» свыше 1700 синих китов, 6000 финвалов и 1200 горбачей — таков был «урожай» в Море Китов. Не следует забывать, что в эти сведения вошли только те киты, которых доставили на перерабатывающие заводы. Они не включают потерянных смертельно раненных китов, умерших от голода детенышей и раненых животных, погибших затем от инфекций.

* Спустить лодку — *Прим. перев.*

Я обращаю особое внимание на эту последнюю причину потому, что киты, по-видимому, крайне восприимчивы к инфекциям, вызванным земными бактериями и вирусами, против которых у них нет или почти нет природного иммунитета. Этот фактор смертности редко упоминается в дискуссиях о китобойной практике и обычно игнорируется официальной статистикой, свидетельствующей о причиняемом китобоями ущербе. В то же время сами китобойи прекрасно знали о факторе инфекции и издавна им пользовались.

Еще в IX веке жители норвежских фиордов загоняли стаи малых полосатиков в глубину своих узких и длинных заливов, перегораживая затем выход из них сетями. Оказавшихся в ловушке китов они атаковали не гарпунами или копьями, а стреляли в них из самострелов специальными стрелами, которые они предварительно выдерживали в чанах с гнилым мясом. Микробы, занесенные в организм китов с помощью таких «инъекций», были настолько опасными, что кит умирал в течение трех-четырех дней, и его раздувшаяся туша, казалось, клочкотала от гангрены и сепсиса. Мясо такого кита было, естественно, непригодно для использования, но китовый жир не портился и шел на изготовление лампового масла, дегтя и т. п. продукции. В фиордах близ Бергена сейвалов убивали примерно таким же варварским способом вплоть до начала XX века*.

Опустошив к 1908 году стада больших полосатиков по обе стороны Северной Атлантики, хищные стаи норвежских судов-китоубийц хлынули через экватор в воды Южной Атлантики. Оттуда они быстро нашли доро-

гу сначала в Тихий океан, а затем в Индийский, оставляя за собой береговые базы и распространявшееся подобно миазмам зловонное дыхание смерти. Опустошение, причиненное китам Мирового океана в тропической и умеренной зонах, ранее показалось бы просто немыслимым по своим масштабам. В течение буквально нескольких лет история стала свидетелем фактического уничтожения остатков южной популяции гладких китов, массовой бойни не тронутых ранее стад горбачей и почти полного вымирания серых китов в северной части Тихого океана.

Но и этого оказалось недостаточно. Норвежская китобойная флотилия стала современным Молохом, обладающим ненасытным и неослабевающим аппетитом. Оставалось опустошить еще один большой океан. Флотилия китоубийц продвигалась все дальше на юг, пока за окончательностью Южной Америки она не обнаружила такое множество китов, какое не встречалось со времен первого плавания басков в Море Китов четыреста или более лет тому назад.

К 1912 году с береговых баз на Фолклендских и Южных Оркнейских островах выходили на промысел 62 китобойца, прочесывая окрестные воды с такой хищнической целеустремленностью, что за одно лето того года они поставили на перерабатывающие заводы более 20 000 китовых туш. Из них 80% составляли горбачи, а остальные — серые и синие киты и финвалы.

В условиях столь невероятного изобилия китов отдельные китобойцы могли свободно добывать за день дюжины, а то и больше этих животных, а раз *могли*, значит, нередко и *добывали*. Один китобоец с Фолклендских островов ухитрился за один день от рассвета до сумерек убить 37 китов. Тела убитых животных помечали флагами и оставляли дрейфовать, чтобы китобоец, после того как закончит свою кровавую бойню и будет готов вернуться на базу, мог их подобрать. Подобрать, если он

---

* В моей самой первой книге «Кит на заклание» (1972) описана гибель от сепсиса крупной самки финвала, которую заманили в небольшую лагуну на южном берегу Ньюфаундленда и использовали в качестве мишени для ружейного огня.

сможет их найти. Слишком часто потерянных в темноте или тумане или унесенных ветром и течением китов уже больше не видели. Если приплюсовать еще и эти потери, то, вместе с обычной смертностью раненых китов и осиротевших детенышей, масштабы бойни начинают потрясать воображение.

Не менее расточительной была разделка туш. Поскольку они поступали на завод в огромном количестве, разделщики срезали лишь самые толстые куски подкожного сала со спины и брюха, после чего, по словам Омменя, «скроттов», как называли остатки туши, пукали свободно дрейфовать в гавани. Их прибывало к берегу, где они и догнивали. «По сей день [1971] на берегах гавани Десепши-Бей на Южных Шетландских островах и во многих заливах и бухтах острова Южная Георгия встречаются валы из выбеленных солнцем костей, черепов, позвонков и ребер — свидетельства человеческой алчности и глупости».

Тяжелый смрад, царивший в этих гаванях, был притчей во языцех. Но как презрительно заявил управляющий одной из современных американских китобойных баз: «Какого дьявола! Здесь воняет деньгами, а для меня нет запаха лучше».

Деньгами пахло так сильно, что норвежцы сразу после окончания первой мировой войны направили несколько китобойцев еще дальше на юг в поисках мест для еще более прибыльной бойни. И когда в поле зрения китобоев появился сплошной антарктический пак, они открыли то, что Герман Мелвилл, автор знаменитого «Моби Дика», считал навеки неприкосновенным убежищем, где «киты смогут, наконец, укрыться в полярных твердых и, ныряя под последние ледяные барьеры, выплывать среди ледяных полей заколдованного царства вечного Декабря, презрев всякое преследование людьми».

Последнее убежище не осталось неприкосновенным. Капитаны вер-

нувшихся оттуда китобойцев рапортовали о почти астрономической численности обнаруженных там полосатиков, и ни отдаленность Южного океана от береговых баз, ни ледяная суровость местного климата не смогли уберечь китов от безграничной человеческой алчности.

Вначале проблемой были расстояния. Создавать береговые перерабатывающие заводы на самом ледовом континенте было невозможно, а островные базы находились далеко на севере. Однако в 1925 году некий капитан Сорль из норвежского города Вестфольда проявил, вслед за Свендом Фойном, гениальную сообразительность в деле уничтожения китов, изобретя самый современный вид оружия для превращения в звонкую монету остатков всемирного племени больших китов.

Он придумал океанический плавучий завод — очень большое судно, предназначенное для переработки китов в открытом море, с зияющим отверстием в корме и наклонным туннелем, по которому с помощью лебедки можно втаскивать на борт убитых китов для разделки и переработки. Уже первые такие плавучие заводы были достаточно большими и прочными для «обработке» китов на море почти в любую погоду и могли брать с собой необходимые припасы для продолжительных рейсов в шесть и более месяцев. Каждая такая китобойная матка становилась ядром целой флотилии, наводившей на мрачное сравнение ее с оперативным военно-морским соединением. Она включала в себя стаю судов-китобойцев, обладающих новым, еще более смертоносным потенциалом, катера для маркировки убитых китов сигнальными буями, буксирные суда для доставки туш на плавучий завод, танкерно-грузовые суда для снабжения флотилии на море и доставки накопившейся китовой продукции с плавучих заводов на территориально отдаленные рынки.

Даже сорлевский несовершенный прототип мог проникать на юг в Ан-

тарктику до кромки паковых льдов, а суда более поздних конструкций уже бороздили воды всего Южного океана, убивая и перерабатывая полосатиков и любые другие виды китов, которых можно было добыть для круглосуточно работающего конвейера переработки. В мире больше не оставалось места, где киты могли бы избежать предначертанной им судьбы.

Последовавшее побоище (другого слова не подберешь) оказалось беспримерным в истории эксплуатации человеком других живых существ. Скорее всего, оно навеки останется непревзойденным по своим масштабам хотя бы потому, что на нашей планете уже не найти такого огромного средоточия крупных животных.

В 1931 году, всего через шесть лет после первого рейса первого в мире плавучего завода антарктическое стадо полосатиков терзали уже сорок одно судно такого типа с приданными им 232 китобойцами. Они плавали под флагами нескольких государств, чьи бизнесмены спешили урвать свою долю с доходного предприятия. Среди них были американцы, норвежцы, англичане, японцы, панамцы, аргентинцы, немцы и голландцы. Однако доминировали в бою не именно норвежцы, либо сами по себе, либо их команды и суда, зафрахтованные или сданные в аренду.

В тот год на плавучих живодернях были разодраны на части 40 200 полосатиков, в основном синих китов... и холодные моря далекого юга потемнели от пролитой крови. Год оказался рекордным для китобойного промысла и для членов правлений китобойных компаний Лондона, Токио, Осло, Нью-Йорка и других бастионов цивилизации. Один лишь плавучий завод под благородным названием «Сэр Джеймс Кларк Росс», возвратившись из шестимесячной антарктической экспедиции, пришвартовался у нью-йоркского причала с грузом, частично состоявшим из 18 000 тонн китового жира стоимостью свыше 2,5 миллиона долларов.

Золотое время для китобоев.

Тяжелые времена для китов.

Только между 1904 и 1939 годами значительно более двух миллионов больших китов умерли смертью, уготованной им современной практикой деловой активности.

К 1915 году последний норвежский китобоец покинул опустошенное Море Китов, чтобы принять участие в южноатлантической бойне. Тем не менее немногие уцелевшие киты Северной Атлантики не чувствовали себя в безопасности в соседстве со смертельными орудиями человеческой войны. По мере возрастания угрозы со стороны немецких подводных лодок союзники спускали на воду все больше и больше противолодочных кораблей. Скоро в боевых действиях против смертоносных механических «китов» стали участвовать сотни не менее смертоносных стремительных эсминцев. Однако зеленую «салагу», которой были укомплектованы их экипажи, необходимо было обучить искусству стрельбы и бомбометания, и (люди есть люди) было решено для совершенствования умения убивать практиковаться... на живых китах. По неофициальным данным, в результате этой «практики» погибли тысячи китов. Большинство из них стали жертвами морской артиллерии, других превращали в бесформенную грудку мяса, используя их в качестве мишеней для отработки глубинного бомбометания. Известен также по крайней мере один случай, когда эсминец отрабатывал на китах технику таранного удара. Наверное, не меньше китов погибло от «случайных» нападений, когда их ошибочно принимали за вражеские подлодки. Как бы там ни было, никто не вел счет китам, принесенным в жертву ради Победы на Море.

Когда перемирие положило конец вызванному войной убийству людей и китов, промысловики-китобои поспешили взяться за старую работу. Главный удар был направлен против полосатиков Южной Атлантики и

Антарктики, однако сделанное в военное время открытие — переработка ворвани в основной компонент маргарина — настолько подняло ее цену, что китобойи не брезговали даже остаточными популяциями полосатиков Северной Атлантики. Так, в период между 1923 и 1930 годами на северном берегу Ньюфаундленда и на южном берегу Лабрадора возобновили работу три норвежские базы, которые за это время переработали 153 синих кита, 2026 финвалов, 199 горбачей, 43 сейвала и 94 кашалота.

Североатлантический промысел был менее доходным, чем китобойный промысел в южных водах, и тем не менее более полное использование каждой туши позволяло получать неплохие прибыли. После выварки жира из подкожного сала остатки туши, включая мясо, кости и внутренности, высушивались и перерабатывались на удобрение («навоз», как его называли). Перефразируя старую фермерскую шутку, ньюфаундленский компаньон китобойного завода в Хоукс-Харборе заявил газете «Сент-Джонс Ивнинг телеграм»: «Мы извлекаем прибыль из каждого дюйма кита, исключая только его фонтан».

Однако с наступлением в 1929 году Великой Депрессии прибыли упали ниже допустимого уровня. В связи с этим с 1930 по 1935 годы в Море Китов произошел еще один большой перерыв в китобойном промысле. Но уже в 1936 году возобновили работу две базы, одна на Лабрадоре, другая на севере Ньюфаундленда, и одна из них, а возможно и обе, действовала до 1949 года. В течение этого периода они сумели добыть и разделать 1100 финвалов, 40 синих и 47 горбатых китов.

Цифры обычно слабо действуют на наше воображение, но они, пожалуй, покажутся более весомыми, если подумать о том, что упомянутое количество китов по своей биомассе эквивалентно примерно 12 000 слонов, или горе мяса, жира, внутренностей и костей, весившей больше

лайнера «Куин Элизабет». Поэтому, как бы ни уступала эта местная бойня по своим масштабам той, что творилась в Антарктике, незначительной ее не назовешь.

Катаклизм второй мировой войны принес немногим уцелевшим полосатикам Северной Атлантики новые и еще более ужасные испытания по сравнению с теми, которые обрушились на них во время первой мировой войны. Темные воды «Западного Океана» бороздили тысячи корветов, эсминцев и сторожевых кораблей, куда более смертоносных, чем их предшественники четверть века тому назад. Гидролокаторы, выискивавшие подводные объекты, вместе со многими видами новейшего оружия, сделали их смертоносными охотниками не только за подводными лодками, но — случайно или преднамеренно — и за китами: дело в том, что отраженный от кита импульс, посланный гидролокатором, часто нельзя было отличить от импульса, отраженного подводной лодкой. Морская война становилась все более жестокой, и дрейфующие туши разбомбленных или подорванных глубинными минами китов становились привычным зрелищем для экипажей как военных, так и торговых судов.

Это побоище военного времени не прекратилось и с окончанием военных действий. Еще в середине 1940-х годов самолеты ВМС Соединенных Штатов, вылетая с арендованной базы в Арденншии на Ньюфаундленде, регулярно использовали китов в качестве учебных мишеней, атакуя их пулеметным и пушечным огнем, ракетами, глубинными бомбами и обычными авиабомбами. Когда в 1957 году об этом стало известно в результате расследования, проведенного Гарольдом Хорвудом из «Сент-Джонс Ивнинг телеграм», военно-морское командование было, похоже, озадачено и даже возмущено поднявшейся бурей протестов широкой общественности. Сославшись на то, что все военно-морские силы в порядке вещей использовали морских животных в ка-

честве мишеней для учебных стрельб и бомбометания, командование ВМС поставило под вопрос логику и даже мотивы тех, кто осуждал такие в высшей степени практичные действия. Крупные киты, указывали они, не только служили отличной имитацией вражеских подлодок, но абсолютно ничего не стоили налогоплательщикам. И уж конечно, заключали старшие офицеры ВМС, смерть нескольких китов была небольшой ценой за сохранение нашей свободы*.

Успехи военного искусства обернулись для китов еще более катастрофическими последствиями. Когда в 1946 году китобой вернулись в Антарктику, они были вооружены до зубов новейшими видами оружия. Гидролокаторы, радары, современное навигационное оборудование и электронные приборы — все это применялось для того, чтобы дезориентировать, пугать и приводить китов в замешательство. Переоборудованные из бывших корветов и сторожевых кораблей китобойцы были снабжены самолетами-корректировщиками или вертолетами, взлетающими с огромных, водоизмещением до 30 000 тонн, плавучих заводов. Самые крупные китобойцы имели водоизмещение 700 тонн и мощность двигателя в 3000 лошадиных сил, что позволяло им двигаться со скоростью 30 узлов, и были вооружены грозными гарпунными пушками большой убойной силы. Все эти вместе взятые средства не оставляли теперь почти никаких шансов остаться в живых для любого кита, оказавшегося в обширном районе действий той или иной китобойной флотилии. Китами было уготовано полное истребление.

---

* В 1960-х годах соединения американских ВМС, размещенные на базах в Исландии, похвалялись тем, что вели учебные стрельбы по косаткам с воздуха и надводных кораблей. Хотя в оправдание этого зверства они заявляли, что тем самым они приносили пользу исландским рыбакам, ему нет ни научного, ни экономического оправдания. Можно предположить, что в ходе таких «учений» были убиты несколько сотен китов, включая, разумеется, не только косаток.

К концу 1940-х годов 20—25 морских китобойных флотилий ежегодно добывали от 25 000 до 30 000 китов, в основном — синих, из антарктической популяции, численность которой уже и до этого сократилась почти до половины ее первоначального уровня. К 1950 году антарктическое стадо синих китов, ранее насчитывавшее от четверти миллиона до полумиллиона особей, было почти полностью уничтожено, и флотилии китоубийц переключились на промысел финвалов. Согласно подсчетам, к 1955 году от антарктической популяции финвалов, первоначально насчитывавшей свыше трех четвертей миллиона особей, оставалось не более 100 000; в 1956 году китобой добыли 25 289 финвалов — примерно четверть остаточной популяции.

Несмотря на то что даже официальная статистика, опубликованная китобойной промышленностью в конце 1950-х годов, с жестокой очевидностью свидетельствовала о том, что дни больших китов повсюду на Земле были сочтены, никаких шагов к прекращению бойни сделано не было. Транснациональные корпорации, а также деловые круги некоторых стран (США, Великобритания, Норвегия, Голландия, Япония и СССР) дали ясно понять, что они полны решимости не только продолжать бойню, но даже расширять масштабы кровопролития. Как заметил один обескураженный защитник природы, «они четко понимали, что киты были слишком ценными, чтобы им было позволено жить».

В эти годы в защиту китов не часто раздавались голоса милосердия или хотя бы здравого смысла. Напротив, мир наводнили романы, документальные и даже художественные фильмы, в которых не только оправдывалась, но *прославлялась* продолжавшаяся бойня, восхвалялись героические качества китобоев и финансовая прозорливость предпринимателей китобойной индустрии.

Одинаково гадким было прости-туирование науки, оправдывавшей

уничтожение китов. В 1946 году страны, наиболее активно занимавшиеся китобойным промыслом, образовали Международную Китобойную Комиссию (МКК) с целью, как они провозгласили, обеспечения охраны запасов китов и научно обоснованного регулирования размеров промысла. Что удивительно, многие ученые поддались на уговоры использовать свое имя и репутацию для самого циничного манипулирования.

С самого начала МКК была не более чем дымовой завесой, созданной корпоративной промышленностью при полной поддержке правительств и подбострастных ученых стран — членов МКК, под прикрытием которой велось систематическое истребление всемирной популяции китов. Подробное описание уверток, откровенной лжи, тошнотворных поучений и злоупотребления наукой, к которым прибегала МКК, выходит за рамки нашего повествования, но тем, кто сможет переварить несъедобные подробности, рекомендую почитать книгу Роберта Мак-Налли «Столь безжалостное опустошение».

Мак-Налли так резюмирует фальшивую сущность этой самообслуживающей политики: «Согласно избитой либеральной идеологии, предприниматель, извлекающий прибыли из эксплуатации каких-то ресурсов, будет стремиться сохранять эти ресурсы с тем, чтобы извлекать прибыль как можно дольше. Таким образом, развивалась аргументация, влияние рынка содействует сохранению окружающей среды. Может, это и хорошо для престижной деятельности корпоративных компаний, но капиталисту, вложившему деньги в китобойный промысел, равным счетом наплевать, будут ли в море киты через полсотни или сотню лет или нет. Его заботит одно — хватит ли китов на его век... Он не перестанет убивать, пока может получать хоть какую-то прибыль... Силы рынка не служат тормозом уничтожению; они фактически ему содействуют. Жадность сохраняет только саму себя».

Когда я жил на островах Бергео у Ньюфаундленда, моим другом и соседом был «дядя» Арт Бэггс, рыбачивший на юго-восточном побережье с 1890-х годов. Он вспоминал, что впервые увидел китов в восьмилетнем возрасте, когда они с отцом выходили на плоскодонке ловить треску в прибрежных водах Пингвиньих островов.

«Дело было зимой, и ловить рыбу было трудновато. Острова лежат миль в двадцати от берега... да и какие это острова — одни утесы да подводные рифы... Мы выходили туда по понедельникам и оставались там, пока хватало еды...

В те времена на побережье паслись тысячи большущих китов. Они стаями гонялись за сельдью, а мы ловили свою треску. Бывало, нам казалось, что нашу лодку, одну-единеньку, со всех сторон окружают киты, словно флотилия больших кораблей. Но киты нас никогда не трогали, и мы их тоже. Частенько какой-нибудь большой самец пускал фонтаны так близко от нас, что можно было доплунуть жвачку до его брюха. Мой старик говаривал, что это они нарочно нас дразнят — шутка, конечно, вы понимаете».

В 1913 году, как раз зимой, Артур стал свидетелем исчезновения полосатиков.

«Еще в 1900 году эти норвежцы построили жиротопню восточнее Кейп-ла-Хьюна. Они называли ее «Балаэна», и я скажу тебе, сынок, грязное это было место! У них было два-три небольших паровых китобойца с гарпунными пушками, и они никогда не стояли без дела. Чуть не каждый день они приволакивали по паре желтопузых [синих китов] или финвалов и на берегу их разделявали. Наплевать, что воняло на десять миль окрест.

А туши на воде! Содрав с дохлых китов все сало, они выбрасывали их в море, туши чернели и так распухали, что казалось, их выталкивает из воды. Бывали дни, когда я выходил в море порыбачить, и мне казалось, что за

ночь там выросла целая куча новых островов — штук пять-шесть сразу, и над каждым висело облако из тысяч чаек.

Зима тогда стояла суровая, и я выходил на Пингвиный острова реже, чем в хорошие зимы, но когда я выходил туда, я почти не встречал живого кита. Потом наступил февраль, и однажды морозным и ветреным утром, когда я рыбалил траловой сетью у Оффер-Рок, я вдруг услышал его шумное звучное дыхание. Плоскодонку даже вроде как затрясло.

Я повернул голову и увидел финвала. Такого огромного — с каботажное судно — я никогда раньше не встречал. Кит плыл поверх самой воды, тяжело дыша и выдувая вверх футов на двадцать кровавые фонтаны... в его боку зияла дыра, в которую вошла бы большая бочка.

Признаться, я здорово испугался... Я попытался как можно тише убрать весла в лодку, но он пошел прямо на меня, и мне ничего другого не оставалось, как схватить весло в руки и попытаться оттолкнуть его от лодки, но так близко к ней кит не подошел. Он отвернул в сторону и ушел под воду, и больше я его не видел... да и не вижу больше таких, как он, вот уже лет пятьдесят».

В середине 1950-х годов, к удивлению более молодых рыбаков, никогда раньше не видевших полосатиков, на юго-восточном побережье снова появились несколько финвалов. С полдюжины их даже остались зимовать в водах островов Бергео. Артур с энтузиазмом приветствовал их возвращение, и, когда мы с женой посетили эти острова в 1962 году, он показывал нам китов, радуясь так, будто они были его собственностью.

Эти местные финвалы питались сельдью в полосе прибой и в проливах между островами; в последующие пять лет каждую зиму с декабря по март я почти ежедневно мог наблюдать из выходящих на море окон нашего дома, как они выпускали в морозный воздух высокие струи водяного пара. Не знавшие столкновений с людьми,

они совершенно их не боялись и подпускали к себе на несколько метров моторные плоскодонки и даже большие сельдяные сейнеры. С годами они стали для меня такими же привычными, как пасущиеся на соседнем поле стада домашних животных. Но особенно примечательным из всех было зрелище, свидетелем которого мне посчастливилось стать в погожий июльский день в 1964 году.

Пилот гидросамолета типа «Бобр» взял нас с женой на прогулку над скалистым побережьем восточнее Бергео. День был безоблачный, и холодные воды под нами казались необычайно прозрачными. Пролетая над широким устьем одного из фиордов, наш пилот неожиданно заложил вираж и повел самолет на снижение. Когда на высоте менее ста футов он выровнял самолет, мы увидели, что летим параллельным курсом со стадом из шести финвалов.

Они плыли друг за другом в линию на глубине всего нескольких футов от поверхности воды и, как выражаются моряки, шли «форсированной тягой» со скоростью, которая, по нашей оценке, составляла около 20 узлов. Наш пилот сбавил обороты почти до нуля, и мы облетели их по кругу. Киты были видны так четко, как будто они висели в воздухе. Их могучие хвостовые лопасти (которые в отличие от хвостовых плавников рыб работают в вертикальной, а не горизонтальной плоскости) лениво, казалось, без всяких усилий поднимались и опускались, не создавая никаких завихрений. Впечатление было такое, будто эти шесть удивительно обтекаемых тел парят в зеленоватой воде, совершая волнообразные движения, словно они сделаны из какого-то более гибкого и податливого материала, нежели мясо и кости.

Они были просто великолепны.

Минут через десять после нашей встречи с ними, киты, не снижая скорости, как один вышли на поверхность, несколько раз выпустили фонтаны, затем снова ушли под воду.

На этот раз, мерцая и уменьшаясь на глазах, они нырнули на большую глубину, словно бы соскользнули по невидимой наклонной плоскости в бездонную пропасть.

В то время мы не могли знать, что финвалам и их собратьям по семейству полосатиков в скором будущем предстоит уйти в еще более мрачную бездну.

Возвращение финвалов на юго-западное побережье объяснялось тем, что в отличие от северных районов Моря Китов, в которых за ними охотились более или менее непрерывно в течение полувека, воды к югу от Ньюфаундленда после закрытия в 1914 году перерабатывающего завода в Балаэне* стали для стад полосатиков чем-то вроде райской обители.

Самки наиболее крупных видов полосатиков достигают половой зрелости в возрасте нескольких лет, после чего могут рожать по одному детенышу каждые два—четыре года. Поэтому те виды, численность которых была сведена почти до нуля, не смогли воспользоваться полувековой передышкой, чтобы полностью восстановить свои потери. Тем не менее благодаря тому, что в войне китов перед началом первой мировой войны уцелело довольно большое число финвалов, они смогли к началу 1960-х годов увеличить свою численность приблизительно до 3000. Кроме того, в южной части Моря Китов в большом количестве обитали кашало-

ты и горбачи, популяция сейвалов и малые полосатики, еще не тронутые промыслом.

К 1960 году лучшая пора китобойного промысла в Антарктике осталась позади. Синие киты были уничтожены. Быстро исчезали финвалы. Было очевидно, что переход на промысел «малышей»-сейвалов не сможет надолго удовлетворить зверский аппетит морских китобойных флотилий. К 1963 году многие плавучие заводы уже стояли на приколе или были переоборудованы для другой работы. Что касается китобойцев, то для них «мирной» работы не находилось, исключая тех немногих, которых продали странам «третьего мира» для использования их в качестве канонерских лодок в составе национальных ВМС. Тем не менее как норвежцы, так и японцы понимали, что пока в отдаленных зонах Мирового океана кое-где существуют небольшие районы с годящимися для промысла китами, китобойцы еще сослужат свою службу, прежде чем последнего из них придется продать на слом.

Зимой 1963/64 года холодные воды Северной Атлантики рассекало пришедшее из Антарктики судно-китобойца «Тораринн». Пунктом его назначения был Бландфорд в Новой Шотландии. Перед прибытием туда на борту спустили норвежский и подняли канадский флаг в знак того, что отныне китобоец будет работать на одну номинально канадскую компанию.

«Тораринн» был смертоносной машиной шестидесятипятиметровой длины, восьмисот тонн водоизмещением с дизель-электрическим главным двигателем мощностью 2000 лошадиных сил. Установленная на самом носу его гарпунная пушка уже унесла тысячи жизней больших китов в южных водах. Китобоец был способен уплыть за 300 миль от базы, убить, взять на буксир и доставить на берег восемь-девять больших китов и через несколько часов снова выйти в очередной разбойничий рейс.

Укомплектованный бывалыми нор-

---

* В 1945 году норвежско-ньюфаундлендский консорциум возобновил работу старого перерабатывающего завода в Хоукс-Харбор на Лабрадоре, а в 1947 году в Вильямспорте, в северной части Ньюфаундленда, начала действовать компания «Олсен» по добыче китов и тюленей. Никем не контролируемые, эти предприятия безжалостно истребляли китов, и к 1951 году флотилии их судов-китобойцев «очистили» от китов все районы, куда они смогли проникнуть. К тому времени эти две компании переработали 3721 финвала вместе с несколькими сотнями «прочих» китов и получили более 900% прибыли на вложенный капитал.

вежскими китобоями, «Тораринн» вместе с еще одним таким же судом принадлежали компании, действовавшей под фиктивной вывеской «Судоходная компания Карлсен». Как мы увидим ниже, руководил ею норвежец Карло Карлсен, приехавший в Канаду вскоре после окончания второй мировой войны для того, чтобы основать предприятие по добыче гринландских тюленей и экспорту их шкур в Норвегию. Основанное им дело процветало, и компания решила открыть филиал завода в небольшом поселке Бландфорд. Где-то в начале 1960-х годов компания узнала о существовании в южной части Моря Китов возрожденной популяции финвалов и неиспользуемых промыслом сейвалах и малых полосатиках. Кровавая развязка не заставила себя ждать.

В период между 1964 и 1972 годами завод Карла Карлсена в Бландфорде «законно» переработал 1573 финвалов, 840 сейвалов, 94 кашалота и 45 малых полосатиков. В придачу на заводе разделали запрещенных для промысла трех синих китов и большое число маломерных финвалов. Ни в одном из этих случаев компания не понесла наказания за нарушение канадских законов.

Ассортимент продукции завода включал отборную мороженую «говядину» и копченую «грудинку» из китового мяса для японского гастрономического рынка; «морской жир» (новое название китового жира), который в основном использовался для производства маргарина и в качестве основы при изготовлении косметических средств; костную муку для удобрений и большое количество такой немаловажной продукции, как низкосортное мясо и потроха, которые в виде корма для комнатных животных поставлялась на европейский и североамериканский рынок.

Предприятие Карлсена недолго оставалось в одиночестве, пожиная плоды этой последней «китовой лихорадки». Зловонный запах мертвых китов с привкусом наживы вскоре

дошел и до других «жнецов морских полей». В 1965 году укомплектованное норвежцами предприятие в Дилдо на Ньюфаундленде, созданное совместно с японской компанией «Киокуйо Хогей» для добычи малых полосатиков и обыкновенных гринд, переключилось на добычу крупных полосатиков. Его примеру последовала в 1967 году японская компания «Тайо Гиогио», которая в партнерстве с самой крупной ньюфаундлендской рыбоперерабатывающей компанией «Фишериз продактс лимитед» возобновила эксплуатацию старого завода по переработке китов в Вильямспорте.

Канада приветствовала новую эксплуатацию ее ресурсов с распростертыми объятиями, объявив ее началом отечественного (!?) промысла, который вскоре принесет большую экономическую выгоду ее приморским провинциям. Чтобы оно так и было, федеральное Министерство рыболовства объявило, что новая отрасль будет строго контролироваться и рационально управляться на основе таких здравых научных принципов, как «обеспечение максимально устойчивой добычи», в соответствии с которыми «урожай» будет сниматься только с избыточной популяции китов.

Как и следовало ожидать, никакого эффективного контроля не было, как не было и реальных попыток регулировать промысел. Научная основа, принятая якобы во имя рационального использования ресурсов, работала не на обеспечение выживания китов, а на узаконенное поощрение промысла, ведущего к истощению запасов китов вплоть до их полного уничтожения. Канада, целиком на свой страх и риск, предпочла сплестись под дудку Международной китовой комиссии... еще раз.

С 1964 по 1967 год китобоям не предписывалось никаких ограничений в отношении количества или видов добываемых полосатиков. В 1967 году им наконец-то запретили убивать синих и горбатых китов, которые и без того уже были практически истреблены, и ограничили добычу финвалов

квотой, рекомендованной учеными-рыбохозяйственниками на основе принципа «максимального устойчивого вылова», исходя из численности местной популяции, оцениваемой ими в пределах 7000—10 000 особей.

Эта первая квота разрешала убить 800 финвалов, однако даже очень большими усилиями трем китобойным компаниям удалось добыть всего лишь 748. Возможно, заключили ученые, квота оказалась несколько завышенной. На 1968 год они снизили ее до 700 китов, и на этот раз китобоям едва-едва удалось ее достичь. Может быть, она была опять слегка завышена? В 1969 году квота была уменьшена до 600 китов, но китобои сумели добыть только 576. Последовало новое снижение квоты — до 470, однако китобои смогли убить только 418. В 1972 году квота была уменьшена до 360 китов, и на этот раз ее удалось выполнить только благодаря титаническим усилиям судов-китоубийц.

После этого эксперты были вынуждены пересмотреть свои оценки и прийти к заключению, что первоначальная численность стада финвалов была порядка 3000, а не 10 000. Поэтому на 1973 год они предложили установить квоту добычи финвалов в размере 143 китов, по-видимому полагая, что все киты из первоначального трехтысячного поголовья все еще живы и деятельно воспроизводят свое потомство.

Китобои могли бы нарисовать им иную картину. Переработав за предыдущие восемь лет 4000 финвалов, 900 сейвалов, 123 кашалота, 46 горбачей, не меньше трех синих китов и одного черного гладкого кита (также вместе с сотнями мелких китов) и убив, но не найдя, наверное, еще несколько сотен других китов, они ясно почувствовали, что запасы китов кончаются.

«Новый многообещающий канадский китобойный промысел», как его представило прессе министерство рыболовства, оказался в беде. Весной 1972 года на мой запрос о его пер-

спективах, направленный в учреждение, ставшее тогда Отделом рыболовства министерства под странным названием «Министерство охраны окружающей среды Канады», я получил следующий ответ:

«Складывающаяся конъюнктура рынка в сочетании с ограниченной доступностью китов в водах Атлантического побережья могут сделать неэкономичным продолжение эксплуатации канадских [?!] баз. Текущая политика нашего министерства разрешает ограниченный промысел китов на основе устойчивого ежегодного вылова, рассчитанного в соответствии с научными данными».

Осенью 1972 года я имел встречу с министром по охране окружающей среды Канады достопочтенным Джеком Дэвисом как президент канадского отделения «Операции Иона» — одной из нескольких международных организаций, добивающихся всеобщего моратория на промысловый убой китов. Дэвис оказался на удивление приятным и отзывчивым собеседником. Он даже любезно пообещал, что Канада до конца года покончит с китобойным промыслом в своих территориальных водах. Я покидал его кабинет в состоянии эйфории. Правда, мой восторг несколько поостыл после беседы с одним из его ответственных сотрудников, который, насколько я помню, сказал:

«Вы пришли в удачное время. Компания Карлсена вот-вот закроется из-за нехватки китов; естественно, ему хотелось бы, чтобы ее прикрыло наше министерство — в этом случае мы были бы вынуждены выплатить ему компенсацию и позаботиться о его рабочих с береговых баз. Японцы? Они ни за что не уйдут из промысла, пока в живых остается хотя бы один проклятый кит. Но, разумеется, вы наверняка получите ваш запрет».

В конце 1972 года запрет был должным образом обнародован, однако он ограничивался только «большими китами» атлантического региона. К тому же в нем не уточнялось, какие

именно виды должны охраняться. Дверь оставалась открытой для продолжения истребления китов, чьи популяции могли считаться «коммерчески жизнеспособными». Как мы увидим в следующей главе, среди последних оказались не только малые полосатики, но и обыкновенная гринда и белуха.

Введение запрета в какой-то мере связало руки не только многим должностным лицам, но и некоторым ученым мужам. Последних, возможно, не устраивало то, что запрет лишил их возможности накапливать материал, служивший основой для множества «диссертаций», столь важных для прогресса науки*. Консервативное руководство отрасли было недовольно запретом потому, что он шел вразрез с его неизменной линией на максимально полное использование морских ресурсов Канады. Кроме того (как мы увидим в части пятой), традиционным был курс на уничтожение всех морских млекопитающих, которые, прямо или косвенно, могли составить конкуренцию рыбному промыслу. Именно за это были преданы анафеме ряд китов и дельфинов. Даже в столь органичном запрете руководящие должностные лица усматривали посягательство на внутренние прерогативы министерства, считая этот запрет опасным прецедентом для будущего. И они делали все, что могли, чтобы сорвать его.

В конце 1970-х годов один министерский эксперт вдруг обнаружил, что в канадских водах значительно восстановилась численность финвалов, а также существуют стада сейвалов, не утративших промыслового

значения. И хотя другой ученый-рыбохозяйственник опроверг оба эти утверждения, последовала «инициатива» по снятию запрета, чтобы позволить японской китобойной компании возобновить «эксплуатацию неиспользуемых ресурсов». Однако один из почитателей китов пустил слух о том, что затевается, и боязнь широкого общественного осуждения заставила заинтересованные круги если не отказаться, то по крайней мере повременить с предложением о снятии запрета по политическим соображениям.

В 1980 году министерство пустило еще один пробный шар, инспирировав жалобы ньюфаундлендских рыбаков на то, что киты наносят непоправимый вред сетям и сетным ловушкам, используемым в промысле трески, поэтому численность китов, дескать, следует «регулировать». Однако к тому времени общественное мнение стало почти полностью на сторону китов и предложенный проект регулирования их численности с помощью финансируемого японцами «сбора урожая» пришлось отложить до лучших времен.

Не менее показательным в позиции консервативного руководства министерства было то, что вплоть до 1982 года оно назначало уполномоченным Канады в Международной комиссии по промыслу китов представителя незначительного, но упорного меньшинства, которое в течение десяти лет упрямо отказывалось подчиниться рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН о всемирном моратории на китобойный промысел.

Подобная позиция и действия вызывают сомнения в обоснованности и пригодности научных данных, а также в объективности (если не искренности) основанной на них политики правительства и отрасли по «регуливанию» численности морских животных. Только благодаря тому, что в Канаде удалось отстоять запрет на добычу полосатиков, небольшие стада финвалов снова появились на юго-восточном побережье

---

* В период между 1969 и 1971 годами Министерство рыболовства выдало китобоям восточного побережья специальные разрешения на добычу «в научных целях» 70 атлантических горбачей, несмотря на действовавший в то время запрет. До того как эта «квота» была отменена благодаря энергичным протестам одного из министерских специалистов по китам, китобои успели убить 41 горбача.

Ньюфаундленда и в заливе Св. Лаврентия. Теперь семейные стаи горбачей опять встречаются от Кейп-Кода до южного Лабрадора. В водах северо-восточного побережья можно встретить дюжины три синих китов. Малые полосатики и сейвалы резвятся в заливе Фанди и в заливе Св. Лаврентия до самой реки Сагены.

Пока действует запрет, есть надеж-

да, что полосатики выживут. Однако те, что сегодня живы, представляют собой жалкие остатки от легионов им подобных, которые вместе со сгинувшим множеством черных гладких, гренландских и серых китов, белух и мелких китов когда-то вполне оправдывали данное водам Северо-Западной Атлантики название Моря Китов.

Глава 15

Мелкие киты

Весной 1954 года мы с отцом шли на его добротном старом кече из Монреаля вниз по реке к заливу Святого Лаврентия, направляясь в Атлантику через узкий пролив Кансо. Это был последний год, когда в океан еще можно было пройти через «Гат»*, как фамиллярно называют здесь этот пролив: рядом с ним разрушали гранитную скалу, чтобы построить массивную дамбу, соединяющую остров Кейп-Бретон с материком через Новую Шотландию. Когда мы подошли к проливу, от него оставалась узкая щель шириной около тридцати метров, через которую прорывались во время прилива воды океана. Ни одно судно не могло бы преодолеть этот грохочущий и пенящийся поток, бешено рвущийся внутрь пролива.

Мы бросили якорь, чтобы переждать время между приливом и отливом. Утренний воздух был наполнен свежестью, леса по обеим сторонам Гата отливали нежно-зеленым светом новой листвы. Налюбовавшись с благоговейным страхом за грохочущим водопадом, я вдруг заметил, как из вспенен-

ной воды выскочили блестящие, черные как смоль существа. Вынырнув, они тут же исчезли с такой быстротой, что я даже не успел понять, что это было. Я встал со своего места, чтобы лучше видеть происходящее, и в этот момент прямо у борта нашего судна вырвалась из воды дюжина белобрюхих коричневых торпед, каждая величиной с низкорослого человека, и, описав в воздухе дугу на высоте полутора метров, они снова нырнули в воду, войдя в нее с плавностью пули, проходящей сквозь масло.

То были обыкновенные морские свиньи¹⁰⁴ — одни из самых мелких членов отряда китообразных. Зачарованный, я следил, как они одна за другой прорывались через ревущую брешь и принимались описывать круги на спокойной воде затона, где мы стояли на якоре. Неожиданно десятка два этих животных, резко развернувшись на восток, направились обратно, навстречу бурному потоку ниспадающей воды.

Даже лососю — самому опытному специалисту по преодолению быстрин из всех полупроходных рыб — было бы трудно взобраться по бешеному каскаду, и я ожидал, что эти малень-

---

* Gut (англ.) — кишка. — Прим. перев.

кие киты будут в беспорядке отброшены напором падающей воды. Ничего подобного — ускорив движение, словно включив реактивные двигатели, они врзались в водяной каскад, и через мгновение, вырвавшись из него, описали в воздухе дугу и снова погрузились в быстро, но спокойно текущую воду по другую сторону стремнины. А затем, что совершенно меня ошеломило, одним плавным движением они развернулись в обратном направлении и снова ринулись вниз по стремнине.

Я увлеченно наблюдал, как они группа за группой взлетали над каскадом, делали быстрый круг, и снова устремлялись вниз. И только когда начался отлив и сила падения воды ослабла, они потеряли интерес к этой игре. И стая за стаяй поплыли на запад к выходу из Гата.

Морская свинья

Более шестидесяти видов морских свиней и дельфинов (названия, нередко взаимозаменяемые) населяют воды Мирового океана и нескольких пресноводных озер и рек. Большая часть тех, что обитают в водах северо-восточного побережья Америки, представлена пелагическими видами*, предпочитающими прибрежные воды, где они в течение многих веков были известны местным племенам, которые охотились на них, добывая себе пропитание.

В далекие исторические времена морские свиньи встречались в этом регионе в большом количестве. В середине 1530-х годов Жак Картье отмечал их изобилие в заливе Св. Лаврентия. В 1542 году Роберваль сообщал об «огромных стаях морских свиней» в нижнем течении одноименной реки. В 1605 году Шамплейн видел «такую массу морских свиней [у побережья Акадии], что я могу дать голову на

отсечение — не было дня или ночи, чтобы тысячи их не проплывали вдоль борта нашей пинассы*». Николя Дени писал о poursille**: «Они всегда ходят большими стаями и встречаются в море повсюду. В погоне за рыбой подходят к берегу. Они хороши на вкус. Из их внутренностей готовят черную колбасу и требуху; мясо с головы вкуснее баранины, но похуже телятины».

Пока местные жители или европейцы убивали их только для того, чтобы прокормиться, это не отражалось заметно на их популяциях. Однако, поскольку крупных китов становилось все меньше, цепкий и расчетливый взгляд дельцов неизбежно привлекали мелкие киты.

Коммерческий промысел морских свиней ради добычи жира начался в районе мыса Хаттерас, по-видимому, еще в 1780 году. С этого времени все больше и больше жителей побережья нападали с небольших лодок на стаи морских свиней, поливая их огнем из гладкоствольных ружей. Процент добычи был крайне низок — одно из каждого десятка или дважыны попадавших под обстрел животных, но их было так много, что даже при столь колоссальных потерях охота на них считалась выгодным делом.

К 1820-м годам уже сотни рыбопромысловых общин от Северной и Южной Каролин до Лабрадора занимались «ловом» морских свиней, часто в дополнение к рыбному промыслу. А в ряде мест этот промысел стал основным. Так, в установленных у Кейп-Кода и Гранд-Манана сети ежегодно попадались тысячи этих животных; еще больше погибали, когда, преследуемые небольшими лодками, они целыми стаями выбрасывались на берег, где их насмерть забивали копиями, чтобы содрать с них тонкий слой жира и отправить его на перетопку.

История развития промысла мор-

* Виды, населяющие толщу воды озер, морей и океанов.— *Прим. ред.*

* Легкое парусное судно (исп.).— *Прим. перев.*

** Морская свинья (фр.).— *Прим. перев.*

ских свиней у северных берегов залива Св. Лаврентия в XIX веке характерна для всего северо-восточного побережья. К 1870-м годам на каждом из двенадцати главных мест лова сетными орудиями в заливе добывали от 500 до 1000 морских свиней в год. Кроме того, промыслом занимались многие индивидуальные рыбаки. Наполеон Комо оставил нам описание того, как это делалось в 1880-х годах: «Два добрых молодца в лодке, вооруженных первоклассными ружьями, могли за сезон при благоприятной погоде добыть их от 50 до 100 штук. Жир морских свиней шел по 75—80 центов за галлон. Сдирали лишь подкожное сало, а туши выбрасывали. Они запаковали весь берег, распространяя неопишемое зловоние».

Бойня продолжалась до начала XX века, и прибрежные стада морских свиней могли бы вскоре исчезнуть, если бы дешевая нефть, буквально хлынувшая в страну в первые десятилетия нового века, не подорвала цену на ворвань.

К 1914 году коммерческий промысел почти полностью прекратился, но рыбаки и по сей день продолжают убивать морских свиней, полагая, что они не только являются их конкурентами в рыбной ловле, но и портят орудия лова*. Кроме того, в последние годы ежегодно уничтожается до 2000 морских свиней и других дельфинов, считающихся ненужным приловом в дрейфтерном промысле лосося в Атлантике и в промысле макрели в заливе Св. Лаврентия. Сотни гибнут в ставных сетях и сетных ловушках для лова трески. И еще сотни погибают от огнестрельных ран, наносимых «спортсменами», которые преследуют животных на быстроходных катерах,

---

* В 1970-х годах в Пассемакуодди-Бей в заливе Фанди был создан новый промысел морских свиней для откорма норки в местных питомниках. Статистические данные о его масштабах отсутствуют, но, как полагают, этим промыслом было уничтожено большое количество морских свиней.

чтобы, по словам одного такого «спортсмена», «получить удовольствие от хорошей тренировочной стрельбы по движущимся мишеням и заодно разделаться с хищниками».

За последние тридцать лет мне очень редко попадались живые морские свиньи, зато я часто находил их продырявленные пулями трупы на берегах залива Св. Лаврентия и Новой Шотландии. Особенно памятен мне один летний вечер на внешнем рейде острова Микелон архипелага Сен-Пьер к юго-востоку от Ньюфаундленда. Я в одиночестве нес якорную вахту на своей шхуне у рыбацкого причала. Тепло от заходящего солнца нагрело мне спину, и я решил раздеться и немного поплавать. Вода оказалась прохладной, и я уже было повернул назад, как вдруг мористее появились какие-то воронки, которые прочно завладели моим вниманием. Прямо на меня, рассекая подсвеченную закатом розоватую воду, стремительно неслись, выстроившись в одну линию, два десятка кривых, как турецкая сабля, спинных плавников.

Парализованный от страха при мысли, что атакован акулами, я замер в воде, глядя на приближающиеся живые торпеды. Еще мгновение — и вот они уже поочередно проносятся с обеих сторон так близко от меня, что мне кажется, я чувствую прикосновение их гладких, лоснящихся тел.

Тут я понял, кто они такие, распознав в них морских свиней по мордам и характерным для дельфинов почти черным спинам и белым бокам. Страх покинул меня, и я с интересом ждал, что будет дальше. Описав круг, стоя вернулась, не сбавляя скорости хода. На этот раз вожак, целиком выскочив из воды, словно огромный снаряд, пронесся дугой над моей головой, а его (или ее) ведомые повторно пронесли у меня с боков. После этого они исчезли. Я поплыл обратно к голове пирса и оставался там до самой темноты, но они так и не вернулись. Как сказали бы моряки, они подняли сигнал — и ушли.

В последний раз я видел живых

морских свиней в 1976 году. Это опять было весной, но на этот раз я проезжал по дамбе через Кансо на автомашине. Подъезжая к восточному концу канала, через который теперь проходили в Гат все морские суда, я увидел группу людей, внимательно всматривающихся в воду. Достав бинокль, и я осмотрел близлежащую поверхность залива — и снова увидел их, этих быстрых лоснящихся маленьких китов, с которыми я впервые столкнулся здесь же четверть века назад.

На этот раз их было всего семь и они не рассекали воду с удивившей меня когда-то скоростью движущейся торпеды. Медленно, как будто в нерешительности, они описывали круги метрах в сорока пяти от закрытых ворот шлюза. Пока я с недоумением наблюдал за ними, из своего поста управления вышел и встал рядом со мной начальник шлюза. Это был мой старый знакомый, и после обмена приветствиями я спросил его, чем это там были заняты морские свиньи и часто ли ему случается их видеть?

«Нет. Теперь не часто. Когда Гат перекрыли, на следующее лето целыми сотнями они подходили с моря, а кроме них большие стада гринд и даже несколько крупных китов, ну и конечно, миллионы и миллионы сельдей и макрелей. Но сквозь дамбу ведь не пройдешь. Киты повернули вспять и ушли в море, а вот морские свиньи задержались до августа: они то приходили, то уходили, возвращаясь каждые несколько дней, словно желая проверить, не свободен ли путь в пролив. Однажды, когда были открыты восточные ворота, целое стадо проникло в шлюз и я, пожалуй, пропустил бы их через него, если бы не боялся, что мой начальник учинит мне за это разнос.

После этого они не возвращались сюда долгие годы. Но пару лет тому назад появилось примерно такое же стадо. Может, это было то же самое стадо, не знаю. Как не знаю, что у них сейчас на уме, ведь они определенно чего-то ждут, разве не так?» Он по-

молчал и посмотрел в сторону Гата, туда, где дымили трубы новых промышленных предприятий, построенных после прокладки дамбы. «Во всяком случае, я надеюсь, что эти сукины дети на скоростных катерах на этот раз оставят их в покое. В прошлом году они гоняли их весь уик-энд* и, как я слышал, застрелили парочку — просто так, ни за что, ни про что».

Будут ли обыкновенные гринды и некоторые родственные им формы когда-либо снова плавать в Море Китов — вопрос спорный. Хотя прямое их истребление человеком сократилось, похоже, что мы продолжаем их убивать косвенно и непреднамеренно путем интенсивного загрязнения морей. В водах от Новой Шотландии до Нью-Брансуика в теле обыкновенных гринд были обнаружены чрезвычайно высокие концентрации ядовитых химикатов, и это бедствие, кажется, усугубляется со временем.

Белуха¹⁰⁵

Когда-то в Море Китов водилось множество мелких китов других видов. Одним из наиболее привлекательных было желтовато-белое создание, достигавшее более пяти метров длины и до тонны веса. Будучи весьма общительными, они собирались в большие стаи, насчитывающие сотни особей. Эти создания обладали голосом, который четко воспринимался человеческим ухом, за что и заслужили прозвище «морской канарейки», данное им первыми китобоями. Нам они известны как белые киты, или попросту белухи.

Белуху относят к арктическому виду, поскольку в наше время она обитает значительной численностью только в Арктике. Но так было не всегда. В 1535 году, когда Картье достиг верховьев реки Св. Лаврентия, он обнаружил, что тамошние воды кишат «рыбой неизвестного нам

---

* Week-end (англ.) — дни отдыха в субботу и воскресенье. — Прим. перев.

вида... с белыми как снег туловищем и головою. В этой реке их очень много. [Индейцы] зовут их «адхотуйс» и говорят нам, что они очень хороши на вкус». В 1650 году Пьер Буше встречал белых китов на всем протяжении реки от устья реки Сагены до места, где сейчас находится Монреаль: «От Тадусака до Квебека видишь, как они то и дело выныривают из воды — их здесь исключительно много, они очень длинные и крупные и от каждой можно получить не меньше барреля жира». Шамплейн также отмечал «большое количество белых морских свиней в реке» и отменное качество их жира, за который дают большие деньги.

Хорошие деньги давали и за их шкуры, из которых изготовляли высококачественную сафьяновую кожу. Не удивительно поэтому, что уже с 1610 года французские колонисты убивали белых китов во все возрастающих масштабах. В Новой Франции «промысловые» места обитания белух ценились среди наиболее желанных источников побочного дохода, а первые дарственные феодальным властителям в районе реки Св. Лаврентия обычно включали особые и исключительные права на промысел всех обитающих в ней видов морских свиней, особенно белой разновидности.

Специальным указом губернатора Новой Франции от 1710 года шести землевладельцам на реке Уэйл была предоставлена монополия на промысел белой морской свиньи; другой указ, разрешающий подобную монополию в Пуан-до-Ирокез, возвещал, что «повелением Короля в этом крае будет создано как можно больше таких промыслов». Повеление короля было исполнено с таким энтузиазмом, что к середине столетия между Пуан-де-Монтом и Иль-о-Кудром функционировало не меньше восьми компаний по промыслу белых китов. Вместе они истребляли, наверное, по несколько тысяч белух каждый год.

Индейцы реки Св. Лаврентия с незапамятных времен знали об одной особенности белых морских свиней, которая до недавнего времени оста-

валась неизвестной науке. Речь идет о способности многих китов «видеть» дорогу сквозь мутную воду с помощью своеобразного эхолокатора. Доисторические индейцы открыли, что нарушение системы приема отраженного звука дезориентировало этих животных и облегчало их добычу. Особенно успешно они пользовались этим открытием у острова Иль-о-Кудр, мимо которого огромные стада белух шли за приливом вверх по течению реки в погоне за рыбами, составлявшими их главную пищу, и возвращались обратно с отливом.

Как только эти киты проходили мимо острова на запад, индейцы выходили на лодках к окружающей остров отмели и устанавливали на ней длинные ряды тонких и гибких прутьев на расстоянии нескольких футов друг от друга. Каждый ряд прутьев устанавливался с небольшим наклоном и заканчивался на берегу острова. Когда отлив достигал наибольшей силы, его мощное течение заставляло прутья выбрировать, создавая нечто вроде высокочастотной звуковой преграды, которую плывущие на восток киты, очевидно, принимали за непродоходимую стену или по меньшей мере за опасное препятствие. Пытаясь обойти его, часть китов поворачивали к острову и попадали на быстро мелеющую во время отлива прибрежную илистую отмель. Где их и встречали люди, стоявшие по пояс в воде с гарпунами в руках.

Сия остроумная система исправно снабжала мясом и жиром бесчисленные поколения индейцев; однако она оказалась недостаточно продуктивной для французов, жаждавших заполучить способ убоя животных *en masse**. Один такой способ, который они придумали для уничтожения морских свиней вообще и белой морской свиньи в частности, описал в 1720-х годах Шарлевуа:

«Во время отлива они устанавливают в иле или песке близко друг от друга толстые шесты, к которым при-

* Во множестве (фр.). — Прим. перев.

крепляют сеть в форме кошелька... таким образом, что, если рыба пройдет внутрь, она уже не сможет выбраться наружу... Когда начинается прилив, эти большие рыбы пускаются в погоню за сельдью, которая всегда идет к берегу [и] которую они очень любят, и запутываются в сетях, лишаясь свободы. Когда во время отлива вода спадает, с удовольствием наблюдаешь, как они в смятении тщетно пытаются выбраться из сетей. Короче говоря, столько их оказывается на мели, что они порой громоздятся друг на друга... говорят, что некоторые весят три тысячи фунтов».

Как я уже упомянул, по мнению большинства специалистов по китам, белуха является арктическим видом, а тех, которые встречаются в заливе Св. Лаврентия, они считают не более чем «небольшой обособленной популяцией, представляющей, по всей вероятности, реликтовую форму прошлого, более холодного периода». На самом же деле белуха залива Св. Лаврентия первоначально составляла одну из самых больших самостоятельных популяций существующего вида. Да и ареал ее не ограничивался только устьем залива Св. Лаврентия. В 1670 году Джосселин отмечал присутствие в водах Новой Англии «морского зайца», такого большого, как грампус [орка, или косатка], белого как простыня. Их видели в Блэкпойнт-Харборе и выше по реке; правда, нам не удалось убить ни одного из них, хотя некоторые из нас стреляли в них пулями — напрасный труд». Никола Дени упоминал их среди других видов морских свиней, обитавших в водах острова Кейп-Бретон и залива Шалёр: «Те, что подходят близко к берегу, двух сортов. Которые побольше — сплошь белые, величиной почти с корову... с них получают много жира». В 1720-х годах Шарлевуа сообщал, что видел «многих из них у берегов Акадии в заливе Фанди». Даже в 1876 году английский путешественник Джон Роуан писал: «Белые морские свиньи в большом количестве заходят в залив [Шалёр] ...

Мне сказали, что с одной такой рыбы можно получить жира на сто долларов». Роуан сообщал о них и с берегов острова Кейп-Бретон. В заливе Фанди микмаки, помимо морских свиней, добывали белух с древних времен и вплоть до XIX века, и, по мнению д-ра А. У. Ф. Бэнфилда, какая-то крошечная остаточная популяция могла просуществовать там до 1970-х годов, хотя это и представляется сомнительным. Короче говоря, в Море Китов и его окрестностях белый кит, очевидно, чувствовал себя как дома.

Крупномасштабный промысел у северо-западного берега устья залива Св. Лаврентия и выше по течению реки того же названия по крайней мере до острова Иль-о-Кудр продолжался без заметных пауз до середины XX века. Его конец был вызван знакомой нам безрадостной причиной: слишком мало белых китов осталось, чтобы приносить прибыль.

В том, что этот промысел был в свое время прибыльным, сомневаться не приходится. Еще в 1870-годах за один прилив в сетную ловушку на реке Уэйл попадалось по 500 белух, и до конца прошлого столетия промысловая база на этой реке, действовавшая с 1700 года, добывала в среднем по 1500 белух ежегодно. Однако к 1900 году промысловые издержки уже превышали ассигнования на содержание баз, и к этому времени из них эксплуатировались всего две: один перерабатывающий завод на реке Уэйл и другой — на острове Иль-о-Кудр. Последний закрылся в 1927 году, а тот, что на реке Уэйл, проработал до 1944 года — к этому времени даже в хороший сезон удавалось добыть и разделить всего лишь несколько десятков белух.

Особенно возмутительно, что этот промысел можно было бы прервать по крайней мере десятилетием раньше, и тогда, возможно, выжило бы довольно много белух, чтобы сохранить жизнеспособную популяцию. Однако администрация провинции

Квебек этому воспрепятствовала. В 1932 власти Квебека начали выплачивать поощрительную премию в сумме 45 долларов (весьма приличная сумма в годы Великой Депрессии) за каждого белого кита, убитого в водах провинции. Официальным оправданием этой убийственной щедрости послужили оказавшиеся ложными слухи о том, что белухи наносят вред лососевому промыслу. Истинной же, хотя и скрытой причиной выплаты премий было стремление обеспечить финансирование эксплуатации завода китобойной компании на реке Уэйл в течение еще нескольких лет.

Поскольку лососи действительно попадались все реже там, где прежде они водились в изобилии, официальное провозглашение виновником этого белого кита сильно настроило людей против него. Поэтому даже после прекращения выплаты поощрительных премий промысловые рыбаки, охотники-спортсмены и проводники продолжали, как и раньше, стрелять в белых китов при первой возможности. Анализ опросных листов, распространенных среди рыбаков северного побережья залива Св. Лаврентия в 1955 году, показал, что за предыдущие десять лет было убито до 2000 белых китов под тем предлогом, что они хищнически уничтожают лососей. В 1974 году выпускник биофака Жан Лоран, изучавший остатки стада белух в заливе Св. Лаврентия (по его подсчетам, не более 1000), однажды наткнулся на группу стрелков, расположившихся на отвесных скалах, к которым часто подплывали белые киты, и, как только они всплывали на поверхность, стреляли в них с близкого расстояния. Когда Лоран попытался воспрепятствовать этому бессмысленному преследованию, он встретил отпор со стороны как федеральных, так и провинциальных властей, причем каждая из этих сторон уверяла, что данный вопрос входит в юрисдикцию *другой* стороны, и по этой причине отказывалась предпринимать какие-либо действия в защиту китов.

Правда, не во всех провинциях власти отнеслись к белым китам так жестоко. Как это ни покажется странным людям, не знакомым с ее географией, Манитоба дала приют целой популяции белых китов. Ее стада расположились вереницей вдоль западного побережья Гудзонова залива, где их промыслом в течение более двухсот лет занималась Компания Гудзонова Залива. В начале XX века промысел пришел в упадок в результате падения цен на «морские» жиры, однако после второй мировой войны вновь оживился благодаря усилиям нового поколения предпринимателей. Эти дельцы организовали доходный бизнес, убивая белух в местах их размножения и выращивания потомства на реке Черчилл и отправляя их мясо за две тысячи километров по железной дороге в североамериканские прерии для продажи звероводческим фермам в качестве корма для норок. В период между 1949 и 1960 годами в Черчилле для таких поставок было разделано более 5000 белух. Почти столько же их были убиты, но либо не найдены, либо выброшены, когда маломощное фасовочное производство не справлялось с расфасовкой мяса.

В 1950-х годах я трижды был свидетелем этого кровавого побоища. Большегрузные каноз с подводными моторами крест-накрест утюжили мелководье в устье реки, кишевшее сотнями белых китов; охотники в лодках были вооружены старыми военными винтовками 303-го калибра, стрелявшими пулями с жесткой головной частью. Мишенями, смотря по сезону, служили беременные или кормящие самки с детенышами. Если залп оказывался для белухи смертельным, то ее багрили и буксировали к берегу. Если же рана была не смертельной, белуха обычно спасалась бегством, а стрелки, имея перед собой такое большое количество других мишеней, редко тратили время и силы на преследование покалеченных животных.

Однажды я наблюдал, как три

охотника на двух каноэ выпустили не меньше шестидесяти пуль по сплоченному стаду примерно из тридцати китов, попавших на мелководье и не имевших возможности полностью погрузиться в воду. Хотя белух расстреливали в упор, охотникам достались всего три трупа.

В начале 1960-х годов рынок, поставивший корм для норки, потерпел крах по причинам, которые станут понятны несколько ниже. Не смутившись этим обстоятельством, китобой из Черчилла перешли к консервированию «муктуков» — экзотической закуски из толстого внутреннего слоя китовой шкуры — для продажи таким гурманам, которые угощают своих гостей коктейлями с пчелкой в шоколадной глазури. Этому чревоугодию пришел конец в 1970 году, когда было обнаружено, что белухи Гудзонова залива настолько насыщены ртутью (побочным продуктом горнодобывающих и целлюлозных предприятий на берегах рек, впадающих в залив), что их мясо было признано непригодным для употребления в пищу человеком. И вновь это не обескуражило китобоев Черчилла, которые придумывали всё новые способы извлечения прибыли из китобойного промысла. Одним из них было использование *наружного* слоя китовой шкуры для изготовления модных кожизделий. Однако куда более страшным ударом по китам была попытка создать своеобразный китовый центр для привлечения туристов на Север, но не для того, чтобы они получали удовольствие от знакомства с белухами, а для использования последних в качестве мишеней для «спортивной» стрельбы.

В 1973 году я получил сверкающий глянецом богато иллюстрированный рекламный листок, превозносивший удовольствие от стрельбы по белухам: «Полная приключений, захватывающая дух охота на двухтонное морское чудовище». Я сразу же собрался и поехал в Манитобу к губернатору провинции Эдуарду Шрейеру. Выслушав мои убедительные доводы

в защиту китов, он обещал немедленно провести расследование. Вскоре после этого его администрация, представлявшая Новую демократическую партию, запретила дальнейшую промысловую и любительскую охоту на белух. Это решение было принято в одностороннем порядке, несмотря на возражения федерального правительства Канады (которое, претендуя на юрисдикцию в отношении регулирования численности всех морских млекопитающих, отказалось утвердить упомянутый запрет), а также несмотря на протесты в самой провинции против этого «неоправданного вмешательства в частное предпринимательство».

Прогрессивная акция Шрейера пошла на пользу как белухам, так и населению Черчилла. Популяция белых китов с 1973 года стала более многочисленной, и каждое лето сотни любителей живой природы приезжают туда, чтобы полюбоваться на «морских канареек» в природных условиях. Благодаря такому подходу и местное население, и бизнесмены получают больше доходов, чем они имели в те годы, когда вода в гавани Черчилла багровела от крови убитых китов.

История белых китов залива Св. Лаврентия не знает такого счастливого конца. Летом 1973 года две замечательные женщины, Леоне Пиппард и Хезер Малькольм, предложили свою помощь «Проекту Иона» в деле спасения оставшихся стад китов в канадских водах. Пиппард и Малькольм взялись за изучение белух в заливе Св. Лаврентия, чтобы получить данные, с помощью которых можно было бы организовать кампанию в защиту китов. Они провели несколько летних сезонов в своем крытом грузовичке вблизи устья реки Сагеней, посвящая все свое время, за исключением сна, наблюдениям за китами. Некоторые доктринеры из ученого сословия встретили их усиленно насмешками. Один из них, вспоминает Пиппард, «рассмеялся нам прямо в лицо, когда мы ему сказали,

что собираемся кое-что узнать о белых китах. Он сказал, что мы узнаем о них не больше, чем узнали бы, если бы вернулись домой и обзавелись каждая полдюжиной детей».

Доказательств прежнего изобилия белух было много — один старик сообщил Пиппард, что в годы его юности китов было «столько, сколько белых гребешков на реке Св. Лаврентия», — но к 1975 году найти объекты для их исследований оказалось весьма затруднительно. Когда обе женщины занялись учетом численности белух, они были не на шутку встревожены, узнав, что в живых осталось меньше 350 животных и что число их, по-видимому, продолжает сокращаться из года в год. Пиппард представила федеральному Комитету по изучению состояния запасов исчезающих видов в Канаде отчет о результатах исследований и в июне 1983 года с удовлетворением узнала о его утверждении. Тем временем охота на уцелевших белух в заливе Св. Лаврентия была номинально запрещена с 1979 года, однако действенность этого запрета в то время внушала, да и сейчас внушает, определенные сомнения.

Когда я попытался выяснить, почему столь долгое время этим жалким остаткам опустошенного вида отказывают в помощи, я получил официальный ответ, от которого веяло холодным равнодушием: «Любая исчезающая популяция, которая и так не имела никакой ценности, не создает для нас будущих проблем и не вызывает беспокойства. Больше того, освобождаемая таким видом ниша обычно заполняется другим, который *будет* способствовать благосостоянию и процветанию людей».

Федеральное министерство рыболовства и морской среды, разумеется, не питает чрезмерного оптимизма по поводу перспектив выживания белухи в заливе Св. Лаврентия. Недавно оно признало, что «при современных темпах падения численности [белые] киты могут исчезнуть из залива Св. Лаврентия за какие-нибудь два года».

Хотелось бы знать, какими видами министерство предпочло бы заполнить пустующую нишу?

Нарвал¹⁰⁶

Близкий родственник белухи в арктических и субарктических морях — нарвал, самцы которого знамениты своим длинным торчащим вперед бивнем, за который его прозвали морским единорогом. Инуиты еще в 1860-х годах его постоянно видели, а подчас и охотились на него даже в водах, прилегающих к центральной части Лабрадора. Позже этого времени нарвал уже не встречался так далеко к югу, он исчез из этих вод. Его история была столь же страшной, что и у других видов мелких китов, которым грозит исчезновение. Полностью уничтоженный в арктических водах Европы, где в прошлом он был обычным животным, нарвал в наше время встречается только в водах западной Гренландии и восточной части канадской Арктики. Здесь он подвергается такому хищническому истреблению местными охотниками (в основном из-за бивня, за который любители диковинок, а также лекари из стран Востока платят по 50 долларов за фунт), что его остаточная популяция, состоящая, согласно оценке, из менее чем 20 000 особей, быстро сокращается до невосполнимого уровня.

Чани Джон¹⁰⁷

Это — один из самых удивительных и наименее изученных мелких китов. Западные кланы этого глубоководного вида зимуют в водах побережья Новой Шотландии и Новой Англии, затем мигрируют через Большую Ньюфаундлендскую банку, а лето проводят на севере, заходя до самой кромки льдов. Чаше всего их жизнь проходит вне поля зрения людей, и менее столетия назад род человеческий еще не доставлял им

неприятностей. Первыми их врагами стали британские китобои XIX века, которые по какой-то, ныне забытой причине называли их именем Чани Джон. Сегодня эти киты известны нам под мало привлекательным названием бутылконосов.

Чани Джон — зубатый кит — входит в одно семейство с морскими свиньями и другими дельфинами, но в отличие от них может достигать десяти с половиной метров длины и до 8 тонн веса. Питается он в основном кальмарами, за которыми охотится на большой глубине. Исключительно мощные и подвижные, эти киты, возможно, являются чемпионами мира по глубоководному нырянию среди млекопитающих всего мира. Один загарпуненный бутылконос поставил своеобразный рекорд. Он утащил за собой, погружаясь вертикально, 1300 метров троса и *через два часа* вынырнул почти в том же месте, все еще полный жизни.

Встречавшийся в изобилии в северных водах Чани Джон до 1870-х годов, когда появилась гарпунная пушка, не представлял для китобоев особой потенциальной ценности: мало того что его трудно было убить, он к тому же еще и тонул. И тем не менее он вызывал у них определенный косвенный интерес. Это видно из следующего рассказа Фритьофа Нансена о плавании у восточного побережья Гренландии:

«Мы видели много бутылконосов, часто спокойно плавающих на воде впереди или позади нашего судна. Стая за стайей киты подходили по ветру прямо к борту, затем описывали круги, стараясь разглядеть нас со всех сторон.

С сожалением признаюсь, что мы сделали несколько попыток стрелять в них из скорострельных винтовок, но они не обратили на это никакого внимания. Поэтому мы решили стрелять залпом.

Три бутылконоса шли прямо на нас. Когда они приблизились к корме, один из них остановился и замер на воде ярдах в двадцати от судна. Стрел-

ки выстроились группой на неполной палубе на корме. При счете «три» мы дали залп, но кит, высоко взметнув свой хвост и с силой шлепнув им о воду, тут же исчез. Чайки с видимым удовольствием хватили оставшиеся на воде кусочки подкожного сала. Кит, очевидно, почти не обратил внимания на наши пули, поскольку позже мы увидели его безмятежно плавающим среди других китов. Мы узнали его по неотступно следовавшим за ним чайкам, которые садились на воду, несомненно, для того, чтобы подбирать кусочки его сала и пролитую кровь.

Капитан счел небезынтересным спустить на воду шлюпку и посмотреть, как близко мы смогли бы подойти к китам. Мы так и сделали и принялись грести по направлению к одному или двум животным, неподвижно лежащим на воде. Нам удалось подойти к ним так близко, что, казалось, могли дотянуться до них веслом. Тут они внезапно подняли в воздух хвосты, с силой шлепнули ими о воду, окатив гребцов с головы до ног, и исчезли. Вскоре они снова вынырнули на поверхность рядом со шлюпкой и принялись кружить вокруг нее, стараясь получше нас рассмотреть с разных позиций. Затем они залегли под самой поверхностью воды и, повернувшись в нашу сторону, стали следить за нами своими маленькими глазками.

Раз капитану удалось зацепить хвост одного из них отпорным крюком. Кит высоко взметнул хвост и, с плеском ударив им о воду, ушел в глубину. Пока мы потихоньку двигались на веслах вперед, с полдюжины китов следовали за шлюпкой то сбоку, то слегка впереди или позади нас, но всегда с непосредственной близости: очевидно, ими владело крайнее любопытство.

Не могу отрицать — нам очень хотелось иметь что-нибудь, чем можно было бы зацепиться за одного из наших больших попутчиков и прокатиться на такой беговой лошадке, как это однажды удалось капитану

Маркуссену, «запрягшему» как-то одного такого кита. Вот как он сам рассказал нам об этом на борту «Викинга»:

«Я не мог больше равнодушно видеть всю эту ворвань, год за годом бесполезно торчащую в море вокруг моего корабля. И вот однажды в погожий день, увидев вокруг множество бутылконосов, я взял в шлюпку гарпун и для большей верности три буксирных троса... Немного погодя мы встретили великолепный экземпляр, который подошел к самому носу нашей шлюпки. Когда я вонзил в него мой гарпун, он, подняв целый сноп брызг, ушел под воду. Трос вытравливался с такой быстротой, что можно было чувствовать горелый запах от трения его о борт. Первый трос скоро кончился, за ним последовал второй, а за тем и третий — уходивший в воду так же быстро, как и первые два.

Не успел трос вытянуться на всю длину, как кит тут же, без передышки потащил под воду и саму шлюпку, и вот она уже скрылась в глубине, оставив нас барахтающимися на поверхности.

Люди кричали как безумные — они не умели плавать, но я приказал им замолчать и дал им по веслу, чтобы они могли держаться за него на воде.

К нашему счастью, «Вега» находилась поблизости с разведенными парами и смогла тут же подойти и вытащить нас из воды.

Но эти животные могут дьявольски долго оставаться под водой. Хотя море было гладким как зеркало и мы весь день вели зоркое наблюдение за поверхностью из «вороньего гнезда»* в надежде заметить нашу шлюпку, нам больше не привелось увидеть ни шлюпки, ни утащившего ее кита. Он, конечно, так и не всплыл до самого горизонта.

Мне было очень досадно потерять такую хорошую шлюпку.

Так вот, я не собирался рисковать еще одной шлюпкой, но не терял надежды, что в другой раз я все равно рассчитаюсь с ним за это. В следующем году я взял с собой несколько бочек из-под керосина. Три из них я прикрепил к трем новым буксирным тросам и уложил их на дно шлюпки.

Затем мы опять начали с начала. Я снова прицепился к «рыбе», и кит, как и раньше, сорвался в глубину. Кончился первый трос, и мы выкинули через борт первую бочку. Не останавливаясь, кит потянул ее вниз с той же скоростью. За вторым тросом в море последовала вторая бочка, которая так же быстро, как и первая, ушла на глубину; тем временем третий трос уже уходил в воду, словно в ней вообще не было никаких бочек.

Наконец, мы выбросили в воду третью бочку, и черт меня дер, если она не скрылась под водой так же быстро, как и прежние. Вот так мы потеряли кита, а вместе с ним три троса и три бочки, которых мы уже никогда больше не видели. Насколько мы могли судить, кит так и не всплыл в поле нашего зрения.

Кто бы мог подумать, что у старой «рыбы» столько сил? Как бы там ни было, но после этого я отказался от дальнейших попыток рассчитаться с нею.

Примерно в 1877 году гренландские киты почти исчезли. Тогда кто-то из шотландских китобоев начал охотиться на Чани Джона в северо-западных водах, используя гарпуны и гранаты. Еще Нансен обнаружил, что дружелюбие и любопытство Чани Джона делают его легкой добычей. Больше того, у этих китов были чрезвычайно прочные семейные узы, и они никогда не покидали раненого члена своей семьи, о чем свидетельствовал капитан Дэвид Грей — шотландец, первым начавший охотиться на них:

«Они обладают сильно развитым стадным чувством и держатся стадами по четыре—десять китов, но часто вы можете сразу видеть много отдельных стад. Взрослые самцы не-

* Бочка для наблюдателя на мачте судна.—

рим. перев.

редко плавают сами по себе, а молодых самцов, самок и детенышей иногда видят вместе с вожаком — старым самцом.

Они весьма доверчивы, подходят близко к борту и начинают кружить вокруг судна и подныривать под него, пока не утолят своего любопытства. Стадо ни за что не покинет своего раненого собрата, пока он жив, но немедленно оставляет его после смерти; в случае если удастся загарпунить следующего кита, пока еще не умер предыдущий, мы можем таким образом перебить всю стаю — до десяти, а бывает и десятка полтора, — пока мы не выпустим их из рук».

В 1882 году шотландский китобоец «Эклипс» под командой капитана Грея убил в водах северного Лабрадора 203 Чани Джонов. После этого охота за ним приобрела небывалые размеры. Особенно старались норвежские китобойные суда, оснащенные новым вооружением в виде страшного гарпунного орудия Свена Фойна. К 1891 году в этом промысле уже участвовали семьдесят норвежских судов-китоубийц. Каждый последующий год до начала XX века норвежцы добывали в среднем по 2000 китов и еще больше «поражали» и теряли. Опустошение, причиненное им флотилиями этих стран, было столь велико, что к 1920 году китобои смогли убивать не более 200—300 китов в год. Поэтому от «промысла» пришлось отказаться как от недостаточного прибыльного.

Китобоям не удалось полностью истребить Чани Джонов, поскольку уцелевшие киты, рассеянные на просторах океана, уже не заслуживали их внимания. А между тем эти последние бутылконосы сумели найти друг друга, и в следующем столетии стада бутылконосов стали снова пополняться. Казалось, что со временем они смогут восстановить свою численность до первоначального уровня, но случиться этому не было дано.

Как мы уже знаем, в 1920-х и 1930-х годах норвежские китобои приложили поистине гигантские уси-

лия, чтобы уничтожить крупных китов в южных водах. Однако после того, как это чудовищное кровопролитие достигло своего апогея, а потом пошло на убыль из-за нехватки китов, норвежские промысловики один за другим стали возвращаться к охоте на китов «второго сорта» в водах поближе к своему дому. Главным в этом ряду был кит Минке* (о нем еще речь впереди), хотя чертовски оперативные норвежцы, обнаружив, что в западных водах снова появились Чани Джон, начали охотиться и за этим китом. Вторая мировая война не помешала норвежскому китобойному промыслу, который продолжался под покровительством немцев, однако он был ограничен прибрежными водами, где Чани Джон, будучи пелагическим видом, встречался редко. Ну, а когда война закончилась, норвежские китобои возобновили промысел в открытом море.

Получив в свое распоряжение новое поколение исключительно быстророходных и высокоэффективных малых китоубийц, они принесли смерть и опустошение сначала обитателям вод Шотландии, а затем двинулись на запад к Фарерским островам, Исландии, Гренландии и северо-восточному побережью Америки. По пути норвежцы опустошали и без того немногочисленные уцелевшие стада Чани Джонов.

В 1962 году я побывал на борту одного из малых китобойных судов в гавани Турсо в северной Шотландии. Шкипер, он же гарпунер двадцатитрехметрового китобойца, весело объяснил, чем он занимается:

«Можете называть нас просто мясниками, — сказал он, засмеявшись. — Мы получаем снабжение в Бергене и идем западным курсом до тех пор, пока не наткнемся на китов. Лучший для нас — это Минке, за ним следует бутылконос, однако, если их не хватает, всегда есть косатки и обыкновенные гринды.

* Малый (остромордый) полосатик. — Прим. перев.

Подстрелив кита из нашей пятидесятимиллиметровой пушки, мы подтаскиваем его к борту. Если кит не слишком большой, мы втаскиваем его на палубу. В противном случае мы затягиваем вокруг него петлю стропа и пришвартовываем его к борту; наши парни, обутые в ботинки с шипами, перелезают через борт с разделочными ножами в руках. Понимаете, у нас не слишком много холодильных трюмов для хранения, так что мы, как правило, срезаем с кита лучшие куски мяса на жаркое, филей и бифштексы. Остальное? Что ж, ведь и акулам нужно ужинать».

Я спросил, пользуется ли спросом китовое мясо, и мне ответили, что мясо Минке очень высоко ценится в Норвегии, где некоторые люди предпочитают его говядине, а вот мясо бутылконоса годится только на корм домашним животным. В случае если объем добычи превышает потребительскую емкость местного рынка, мороженое мясо отправляют на японский рынок, который, похоже, не знает насыщения.

Второе опустошение запасов Чани Джона было менее масштабным, чем первое, лишь потому, что не нашлось достаточно китов. Тем не менее в результате более целенаправленного промысла этот вид китов был почти полностью истреблен в Северной Атлантике. В период между 1962 и 1967 годами флотилия Карла Карлсена, базировавшаяся в Бландфорде, Новая Шотландия, истребила восемьдесят семь Чани Джонов, однако за пять последних лет работы базы киты этого вида больше не попадались. В 1969—1971 годах норвежские китобойные суда, плавающие на дальние расстояния и промышлявшие у Атлантического побережья Канады главным образом китов Минке, попутно убили около 400 бутылконосов, но уже в 1972 году им удалось встретить и уничтожить лишь семнадцать китов. В последующие годы — ни одного.

По мнению одного канадского зоолога, Чани Джону, возможно, пред-

назначено судьбою, вторым после атлантического серого кита, погибнуть от рук человека, несмотря на то что с 1977 года бутылконосы Северной Атлантики пользуются «статусом временно охраняемого» вида, дарованным ему Международной Китобойной комиссией.

Кит Минке

Специалисты по китам и эксперты государственных рыбохозяйственных организаций, возможно, полушутя, назвали «квartetом мелких китов» группу китообразных, включающую бутылконоса, косатку, малого полосатика и кита Минке. Последний из четверки был и остается по сей день главным объектом основных истязателей квартета — норвежских китобоев.

Вспомним, что десятиметровый, десятитонный Минке — самый «маленький» член семейства полосатиков. Ученые, крайне консервативные в этих вопросах, допускают, что до 1950-х годов его популяция в южных морях насчитывала более четверти миллиона особей, а популяция в Северной Атлантике — вероятно, более 100 000. До второй мировой войны киты этого вида мало пострадали от коммерческого промысла благодаря своим сравнительно небольшим размерам, однако после окончания бойни человеческой пришел и его черед.

В 1946 году на Ньюфаундленд прибыла группа норвежских дельцов с предложением организовать там промысел мелких китов. Их приняли, что называется, с распростертыми объятиями, и они в течение года создали современный перерабатывающий завод «Арктик Фишериз» у поселка Саут-Дилдо на берегу залива Тринити — огромного морского рукава, веками славившегося изобилием китов. Имея в своем распоряжении два суперсовременных китобойца, завод должен был выпускать «морской жир» для производства

маргарина, а также мороженое мясо для поставок в Европу и Японию. В более поздние годы компания «Арктик Фишериз» вместе с филиалами, созданными и эксплуатируемыми японцами, убивали как крупных, так и мелких китов, но вначале основное внимание уделяли мелким китам. Косатки и бутылконосы попадались редко, но их нехватку с лихвой компенсировало изобилие китов Минке, или малых полосатиков. Киты Минке были значительно крупнее малых бутылконосов, и поэтому китобойцы отдавали им предпочтение.

За годы между 1947-м и 1972-м компания «Арктик Фишериз» перерабатывала чуть больше тысячи китов Минке. Тем не менее предприятие в Дилдо, типичное для данной отрасли, добавило, если так можно выразиться, только каплю в море крови, пущенной китам Минке в Мировом океане. В период с 1953 по 1957 год норвежские охотники за «квартетом мелких китов» добыли 16 000 китов Минке. Затем ежегодный уровень добычи стал сокращаться, и к 1975 году годовая добыча упала до 1800 китов этого вида. И продолжает снижаться по мере того, как на грязные палубы норвежских перерабатывающих судов втаскивают последних китов Минке Северо-Восточной Атлантики.

Трудно подсчитать общую цифру убитых китов, однако известно, что на некоторых норвежских судах потери китов составляют 80%; учитывая данные официальной статистики, согласно которым с 1939 по 1975 год было добыто почти 75 000 китов Минке, общий уровень их промысловой смертности к настоящему времени должен намного превышать 100 000.

Сегодня Северная Атлантика не единственный регион интенсивного промысла китов Минке. В 1969 году морские китобойные флотилии начали промышленно их в Антарктике после того, как в южных водах были истреблены киты более крупных видов. В течение трех последующих лет нор-

вежские, японские и советские плавающие заводы переработали около 20 000 китов Минке. Это было началом последней бойни китов в южных водах. Когда она закончится — а долго ждать этого не придется, — мир снова воцарится в холодных водах тех дальних морей, но уже без жизненных и опустевших.

Промысловое побоище в Море Китов завершилось. Теперь для людей, преданных делу охраны китов, остается, пожалуй, одно — следить в соответствующих местах и в соответствующие сезоны, не покажутся ли в море чудом уцелевшие Минке. И если мы сможем удержаться от того, чтобы снова наброситься на них, киты Минке, возможно, и выберутся из смертельного водоворота.

*Гринда обыкновенная*¹⁰⁸

Примерно в 1592 году картограф по имени Петриус Планциус нарисовал карту Новой Франции и Нового Света. Как многие карты той поры, она была разрисована виньетками на жизненные темы. Одна из них живо и подробно отображала охоту на китов на восточном побережье Ньюфаундленда.

Место действия — нижняя часть глубоководной бухты. На переднем плане — множество шлюпок, в каждой из которых по паре гребцов. Флотилия только что пригнала стаю мелких китов к отлогому берегу, и пока часть гребцов атакует оказавшихся на мели китов, другие на берегу уже срезают пласты китового жира. В отдалении видна жиротопня, выпускающая в небо густые клубы черного дыма. Киты, величиной немного больше шлюпки, выделяются шарообразной головой с выпуклым лбом. Судя по размеру китов и ситуации, в которой они оказались, в них можно опознать обыкновенных гринд. А сама картинка могла бы, с некоторыми небольшими изменениями, одинаково хорошо изображать как то, что происходило не-

сколько тысячелетий тому назад, так и сцену из жизни пятидесятих годов нашего века.

Гладкая черная гринда обладает хорошо развитым стадным инстинктом и живет стадами, или кланами, состоящими порой из нескольких сотен разновозрастных особей обоего пола. Достигая семиметровой длины и двух-трех тонн веса, гринды отличаются оригинальными сизыми пятнами на горле, длинными гибкими грудными плавниками и шарообразным, величиной с арбуз, выростом на лбу, заполненным жиром. Эта специфическая, но не отталкивающая особенность ее внешности, которая связана с эхолокационным аппаратом животного, дает повод к употреблению прозвища «шишкоголоый», особенно распространенного на Ньюфаундленде.

Питается гринда мелкими головоногими моллюсками, образующими в океане невероятные по численности скопления. Эти моллюски большую часть года живут на больших глубинах вдалеке от берега. Преследуя их, гринда ныряет, возможно, в те же мрачные глубины, что и Чани Джон. Однако летом головоногие моллюски отправляются к побережью для спаривания и откладывания икры, подходя к самому берегу, а иногда заходя в солоноватоводные лагуны и даже в пресноводные водотоки. Гринды бесстрашно устремляются вслед за ними, подвергая себя серьезной опасности оказаться на мели.

Наиболее часто такое случается, когда мелкие киты выгоняют этих моллюсков в темные воды илистого мелководья. Возможно, по причине болезни или какого-то физического недуга вожак иногда неспособен воспользоваться своим эхолокационным аппаратом и, лишенный слуха и зрения, налетает на мель. В таком положении киты, как правило, беспомощны, и гринды не являются исключением. Остальные члены стада, рефлекторно следующие за своим «лоцманом» и обязанные помогать попавшему в беду собрату, стараются

подойти поближе. В возникшей суматохе на мели может оказаться все стадо. Во время прилива или при достаточно сильном волнении на море некоторым животным удается спастись. В иной обстановке они погибают.

В доисторические времена такие несчастные случаи должны были особенно радовать животных — любителей падали, а также и людей. Но в конце концов наши предки поняли, что они не должны пассивно ждать, когда небо ниспошлет им подобные дары, а что они могут добывать их собственными силами. Тогда-то и началось наступление на китов.

Когда стадо гринд в погоне за головоногими моллюсками врывалось в фиорд или замкнутую бухту на побережье Северной Европы, с берега устремлялось в море множество обшитых шкурами или выдолбленных из дерева челнов, чтобы отрезать китам путь к отступлению. Люди колотили палками по полым кускам дерева, кричали и визжали, стучали гребками о борт и, поднимая брызги, шлепали ими по воде. Поколения последующих времен дополняли шумовой аккомпанемент звуками гудков, рожков и колоколов.

Этот бедлам должен был посеять панику среди китов и заставить их, пренебрегая опасностью, броситься к берегу. Поднятый шум также способствовал притуплению чувствительности их гидролокатора, и киты врезались в опасные мели, не успевая повернуть назад. Пока киты беспомощно барахтались на мелководье, в их гущу врезались лодки, с которых охотники наносили им яростные удары копиями, пиками и даже мечами, стараясь лишить движения как можно больше несчастных животных.

Европейцы начали промыслять гринду в водах Северной Америки, вероятно, в начале XVI века — во всяком случае, Петриусу Планиусу этот промысел уже представлялся достаточно важным, чтобы отразить его на своей карте. К XVIII веку он

стал традиционным сезонным занятием рыбаков, живших на берегах глубоководных заливов северо-восточной части Ньюфаундленда и других удобных для загона китов мест к югу почти до самого Кейп-Кода. Некоторые ньюфаундлендцы ухитрялись извлекать из этого промысла дополнительную прибыль, продавая ненасытным купцам Сент-Джонса жир гринды под видом более ценного тюленьего жира — классический пример того, как вор у вора дубинку украл.

Промысел гринды, пока он сохранял местный характер и не был слишком интенсивным, не представлял серьезной угрозы для продолжения существования вида, насчитывавшего в одних только водах Ньюфаундленда примерно 60 000 особей. До середины XX века добыча гринд на всем северо-восточном побережье, кажется, редко превышала 2000 особей в год, за исключением нескольких лет в 1880-х годах, когда было обещано поощрительное вознаграждение и указанное количество гринд было добыто в течение промыслового сезона на побережье одного только Кейп-Кода. Даже сравнительно недавно промысел мелких китов норвежцами вначале не слишком подрывал запасы гринд, поскольку они убивали их только в том случае, если под рукой не было китов получше.

В 1950-х годах все это изменилось.

Если вы помните, Ньюфаундленд стал провинцией Канады в 1949 году. Человек, который ставит это себе в заслугу и который стал первым премьер-министром десятой провинции, — это Джозеф Смолвуд, бывший профсоюзный деятель, превратившийся к 1950 году в убежденного сторонника частнокапиталистического предпринимательства. Смолвуд был полон решимости индустриализовать Ньюфаундленд и с этой целью направил своих агентов в страны Запада с обещаниями финансовой поддержки, налоговых льгот и любых других стимулов, которые могли бы содействовать созданию на Нью-

фаундленде новых промышленных предприятий. Пожалуй, наиболее заманчивым было обещание предоставить свободу действий в «освоении» природных ресурсов провинции.

Среди тех, кто прибыл на остров с проектами строительства различных объектов, от пулеметного арсенала до фабрики противозачаточных средств, был один представитель норковых хозяйств на континенте. Он объяснил Смолвуду, что выращивание норки на звероводческих фермах (в то время сконцентрированных в западных провинциях, где сочетание благоприятных климатических условий и доступного дешевого корма из конины обеспечивало высокую рентабельность) столкнулось с определенными трудностями. Дикие лошади были почти полностью истреблены ради добычи мяса для кормления норок, и хозяева ферм были вынуждены закупать мясо белухи, доставка которого из Черчилла была сопряжена с большими затратами. Его предложение заключалось в том, чтобы перебазировать звероводческие фермы по выращиванию норки на Ньюфаундленд и тем самым превратить эту провинцию в мировой центр производства роскошного меха.

Смолвуд прямо-таки загорелся этой идеей, которая, разумеется, выглядела более привлекательно, чем фабрика противозачаточных средств. Когда он поинтересовался, что же потребуется от провинции, ему сказали, что достаточно будет, если Ньюфаундленд оплатит расходы по переезду владельцев норковых ферм на восток, предоставит им бесплатно участки земли, субсидирует создание новых ферм и обеспечит неограниченную поставку мяса для прокорма норок. Смолвуд в целом с радостью принял эти условия, хотя у него зародились все же сомнения в отношении поставок мясного корма. Откуда ему взяться? «Ах, — сказал представитель, — да из источника, который пока никому не приносит никакой пользы, не давая Канаде ни пенса дохода, я

имею в виду обыкновенную grindу».

«Чудесно! — сказал Смолвуд. — Тащите сюда ваших норок!»

Поскольку Ньюфаундленд был теперь частью Канады и морские ресурсы провинции, следовательно, подпадали под юрисдикцию федерального правительства, требовалось проконсультроваться с Оттавой. Федеральное министерство рыболовства с энтузиазмом одобрило это предложение. Оно также дало указание своим научным экспертам оценить состояние «запасов» обыкновенной grindы и составить соответствующий план «сбора урожая».

Дальше все шло как по маслу. Оставалось решить единственную проблему — как наилучшим образом организовать «сбор урожая». К счастью, владельцы перерабатывающего завода в Дилдо проявили полную готовность к сотрудничеству.

Избранный способ уничтожения китов оказался сочетанием старого и нового методов. В свободное время, когда три китобойца, обслуживающие «Арктик Фишериз», не занимались промыслом горбачей, финвалов, сейвалов и китов Минке, они прочесывали бухту Тринити, разведывая скопления grind, — иногда километров за сорок от Дилдо они засекали по семь-восемь стад. Искусно применяемые сигналы ультразвуковых подводных датчиков в сочетании с оглушающим шумом работающего двигателя и винта судна-китобойцы наводили на китов страх и, сбивая их с толку, гнали внутрь бухты Тринити.

Для убоя там были выбраны три береговых участка, примыкающих к морским портам Нью-Харбор, Чапел-Арм и Олд-Шоп. Получив сигнал о начале гона, пестрая флотилия местных рыбаков, состоящая из яликов, моторных плоскодонок, «ярусников» и «спортивных» катеров с подвесными моторами, выходила в море и занимала исходную позицию. По радио им сообщалось об обстановке, и, когда в поле зрения появлялись вспенивающие воду остроносые китобойцы, люди в лодках и на берегу

были уже готовы встретить grind, сбившихся к этому времени в беспорядочную кучу измученных животных, в паническом страхе спасающихся бегством от какой-то неведомой им опасности.

Примерно в двух километрах от выбранного участка берега китобойцы «передавали» окруженных жертв рыбакам, чьи лодки с «загонщиками» выстроились теперь дугой позади китов. По словам одного журналиста, получившего заказ на рекламный листок для министерства рыболовства, «это, пожалуй, самая захватывающая фаза охоты, во всяком случае — самая шумная. Двигаясь взад и вперед позади grind, люди на лодках издают целую какофонию звуков: бьют в барабаны, шлепают веслами о воду, бросают камни, кричат и улюлюкают, причем все это перекрывает стакатто выхлопных труб, лишенных глушителей... гон продолжается до мелководья у кромки берега, где китов, вздымающих тучи застилающего им глаза грязного ила в попытке вырваться с мели... убивают, вонзая в них копыя».

Убийство grind не всегда совершалось так ловко и просто, как описано выше. Отдельные животные получали десятки ударов в спину, которые подчас наносили десятилетние мальчишки, вооруженные привязанными к палкам ножами. Поэтому пропитанные кровью мясники на берегу не очень удивлялись, когда поступающие на разделку киты были еще живы. Почти полностью лишенные движения под тяжестью собственного веса, эти несчастные жертвы, чувствуя, как в их живую плоть вонзаются разделочные ножи, могли в агонии лишь слабо шевелить хвостом.

Еще более отвратительной была практика оставлять живых китов на берегу. Когда их скапливалось на мели так много, что обдирщики не успевали с ними управляться, лишних китов, бывало, «сохраняли живьем», оттаскивая их тракторами или упряжкой лошадей так, чтобы их не смыл прилив, и оставляли валяться на бе-

регу. В прохладную и облачную погоду они могли, умирая медленной смертью, протянуть до трех-четырех дней, пока мясники наконец не добирались и до них.

Первый сезон этого нового промысла — лето 1951 года — был сверх-успешным. Не важно, что к тому времени на Ньюфаундленде успели организовать лишь две норковые фермы и ни одна из них не имела холодильников или погребов для хранения мяса, — эти мелочи не могли затмить достигнутого успеха. К концу лета на побережье в районе Дилдо было убито по меньшей мере 3100 гринд, причем большей частью их оставляли догнивать на месте. Было разделано менее сотни туш, и все равно много мяса протухло прежде, чем оно дошло до норковых ферм.

Все, что удалось выручить и пустить в дело после чудовищной бойни, — это несколько сот галлонов легкого и вязкого масла, извлеченного из выраста на голове гринды. Это масло, как и то, что содержится в голове кашалота, обладает большим запасом стойкости к широкому диапазону температур и продается с наценкой как высококачественная смазка для тонких и точных приборов и баллистических ракет.

Дела наладились лишь к 1955 году. Был построен холодильник, в котором можно было хранить китовое мясо, что вместе с устройством плавучего сетного «загона» для содержания излишка живых китов перед «доставкой их на берег для поточной переработки» позволило по крайней мере сократить потери. Но не масштабы истребления. Они росли с каждым годом, пока не достигли в 1956 году ошеломляющего потолка в *10 000 гринд в течение одного сезона*.

Это был расцвет норковой индустрии, которая приносила такие прибыли, что сам премьер-министр провинции Ньюфаундленд стал совладельцем одной из норковых ферм. Светские дамы и миллионерши всего цивилизованного мира щеголяли в мехах пастельного оттенка из мутан-

та норки ньюфаундлендского происхождения. К сожалению, даже стремительно растущие звероводческие фермы не могли в осужденной мере использовать то количество гринд, которое теперь добывалось промысловиками. Тем не менее их массовое уничтожение считалось оправданным в связи с расширением производства высокосортных смазочных масел.

Казалось, что обыкновенная гринда уже нашла свое место и предназначение в укладе жизни человеческого общества. Но затем дела пошатнулись. В 1957 году китоубийцам удалось добыть только 7800 гринд. А в последующие годы численность стада обыкновенной гринды стала загадочно сокращаться, и в 1964 году было добыто всего 3000 этих китов. Впрочем, как считали эксперты министерства рыболовства, это падение численности было скорее кажущимся, чем реальным. Вероятно, говорили они, оно вызвано не переловом, а временным изменением путей миграций головоногих моллюсков — основной пищи обыкновенной гринды, — которое является следствием «изменения гидрологических факторов». Эксперты предсказывали, что головоногие скоро вернутся и приведут за собой китов. А пока что, предложили они, почему бы не кормить норку мясом китов Минке? Эта игра слов* была признана достаточно забавной для публикации в солидном научном бюллетене, посвященном проблемам динамики численности популяций.

В должное время головоногие моллюски (которые действительно тяготеют к циклическим миграциям) и правда вернулись. Не вернулись, однако, огромные стада обыкновенной гринды. Они и не могли вернуться, потому что их уничтожили еще до возвращения моллюсков. За одно только десятилетие *свыше 48 000 гринд нашли свою гибель у берегов Тринити*. Логично было бы думать, что, располагая

---

* Mink (англ.) — норка — созвучно с Minke (whale) — кит Минке (малый полосатик). — Прим. перев.

этими данными, эксперты министерства рыболовства, ведающие вопросами использования и воспроизводства природных ресурсов, и их научные консультанты могли бы прийти к определенному логическому заключению и призвать, пока не поздно, к прекращению кровавой бойни. Почему они этого не сделали, остается загадкой, тем не менее — это факт.

В 1967 году общий уровень добычи снизился до 739 штук, а к 1971 году он упал до шести!

К тому времени род гринд обыкновенных, которые в прошлом оживляли своим присутствием воды Ньюфаундленда, а во время миграций и более южные воды до Кейп-Кода, был практически истреблен — не волей случая или вследствие просчета, а преднамеренно, во славу самой святой из современных икон — Великого Бога Наживы.

Никто даже не понес наказания за это чудовищное кровопролитие, этот массовый биоцид, возможно потому, что он имел место в одной из самых «развитых» стран мира, где подобным преступлениям охотно дают рационалистическое объяснение, основанное на экономическом детерминизме. Однако, если какая-нибудь из африканских стран вдруг решила бы уничтожить, скажем, 60 000 слонов всего лишь с целью поставки слоновой кости на рынок предметов роскоши, будьте уверены — мы публично заклеим бы это как проявление варварской жестокости.

Вместо эпилога. Ответственные за уничтожение стад диких лошадей в провинции Альберта, запасов белухи в районе Черчилла и за почти полное исчезновение обыкновенной гринды из

вод Ньюфаундленда владельцы норковых ферм снова испытывают трудности в поддержании своих доходов на достаточно высоком уровне. Какое-то время они кормили норок мясом китов Минке, но когда и этот кит оказался на пороге исчезновения, они были вынуждены за неимением других заменителей корма из мяса млекопитающих перейти на кормление норки рыбой. Однако рыбная диета оказалась неспособной обеспечить качество меха, которое удовлетворяло бы вкусы разборчивых женщин, и Великий Ньюфаундлендский Норковый Мыльный Пузырь лопнул, проткнутый, так сказать, фаллосом неумной алчности.

Так заканчивается история о том, как Море Китов стало Морем Кровопролития, как одно за другим, от самых крупных до самых мелких, каждое по очереди в соответствии с их денежной стоимостью, сгорели несколько сообществ китообразных в ревущем пламени всеожжения, питаемом человеческой жадностью.

Сейчас, когда их остатки уже не представляют промыслового значения, пламя, которое поглотило их собратьев, догорает. Но вряд ли — ведь наши инстинкты не меняются — уцелевшие остатки китового племени, даже разбросанные на широком океаническом пространстве, смогут надежно укрыться от нашего хищничества, если только (и пока) они не получают защиты во всем мире.

Это, несомненно, самое малое, что мы можем сделать во искупление зла, которое мы им причинили.

А то, что это *было* зло, — на этот счет обманываться не стоит.

5

Ластоногие

Два больших отряда млекопитающих сделали море своим домом. Один из них — киты. Другой — ластоногие. Последний включает тюленей, моржей и родственников им обитателей водной среды, чьи задние ноги трансформировались в плавники, или ласты. Наземные предки ластоногих переселились в мир океана позже, чем прародители китов, и тем не менее они жили там задолго до того, как на нашей планете появились первые доисторические люди.

Мы знали и знаем о ластоногих гораздо больше, чем о китах, поскольку большинство из них сохранили тесную связь с наземным миром. Названия, которые мы им давали, говорят о том, что мы видели в них сходство с привычными для нас существами: морская лошадь, морская корова, морской волк, морской слон, морской лев и т. д. и т. п.

Когда первые европейские искатели приключений заплыли в северо-западные воды на побережье Нового Света, они обнаружили в здешних морях множество ластоногих, среди которых выделялись пять основных видов. Одним из них был огромный морж. Два других, тевак, или серый (длинномордый) тюлень, и обыкновенный, или пятнистый, тюлень, жили отдельными стадами и были тесно связаны с побережьем и островами, где на лежбищах у них рождалось потомство. Другие два вида — лысун, или гренландский тюлень, и хохлач¹⁰⁹ — жили и все еще живут в различных районах Арктики. В летнее время их можно встретить в высоких широтах арктических морей. Зимой и ранней весной их огромные скопления можно найти в заливе Св. Лаврентия и к северу от Ньюфаундленда, где они на плавающих льдах рожают своих детенышей. Эти два вида — обитатели ледяного царства и редко выходят на сушу по своей воле.

В первобытные времена число ластоногих, по всей вероятности, было удивительно велико. Только постоянных обитателей арктических морей насчитывалось, наверное, не меньше десяти миллионов. С началом промысловой деятельности европейцев на северо-восточном побережье Американского континента все пять основных видов ластоногих стали, если можно так выразиться, зерном для помола на мельнице человеческой жадности. Один вид был полностью истреблен, а численность другого настолько уменьшилась, что одно время его считали исчезнувшим в Северной Америке. Остальные три понесли (и продолжают нести) огромные потери от рук человека, и, если это опустошение не остановить, оно вполне может оказаться для них смертельным. Среди облеченных властью людей, которым общество вверило охрану «наших диких животных», встречаются, как мы убедимся, и такие, кто обязался как раз завершить уничтожение ластоногих.

Глава 16

Моржи

Все острова на свете подернуты дымкой таинственности, но немногие из них столь загадочны, как затерянный в огромной Атлантике, в сотне миль от берегов Новой Шотландии, остров Сейбл. Этот сверкающий белым песком серповидный осколок суши кажется совершенно случайным там, где вроде никакой суше быть не положено. Невидимые глазу отмели на протяжении многих миль огибают концы его полумесяца, образуя парную с берегом косу, собравшую полную жатву людей и кораблей — недаром острову дано злое прозвище «Кладбища Северной Атлантики».

Такова мрачная сторона его истории, но когда перед взором наших европейских предков впервые промелькнул его искривленный берег, остров был полон жизни. Давайте представим себе его таким, каким его открыли в начале 1500-х годов.

...Июньский день. Небесная высь исчерчена веточками перистых облаков. Порывистый северо-восточный бриз предвещает ненастную погоду, но пока что над безымянным островом, на который еще не ступила

нога человека, полыхает жаром яркое солнце.

Тяжелые волны беспокойного океана точат белый песчаный берег; но на сверкающем белизной серпе то там, то здесь проступают какие-то бесформенные пятна, каждое площадью в несколько акров. Если повнимательнее приглядеться, то увидишь, что их образуют тысячи громадных веретенообразных тел, так тесно скучившихся, что они кажутся почти единым целым. Большинство животных растянулось на спине в состоянии сонной апатии, беспечно подставив солнцу уже начавшее розоветь брюхо.

Пучеглазой мордой, колкими усами, толстыми морщинистыми щеками и двойным подбородком они отдаленно напоминают полковника Блимпа*, разве что каждый из зверей, независимо от пола или возраста, наделен парой отполированных,

---

* Нарицательный образ. Blimp (англ.) — толстый, неуклюжий человек, увальнь; то же — крайний консерватор, «твердолобый». — Прим. перев.

изогнутых книзу клыков цвета слоновой кости. Те, что украшают полуторатонных самцов-производителей,— длиной с предплечье, а толщиной (у основания) — с запястье человеческой руки. Сверкая на солнце, они придают их тучным обладателям грозный вид первобытной мощи, таящей страшную угрозу, случись кому-нибудь разозлить этих животных. Вот какие они, «слоны» морской стихии — моржи.

Какими бы грозными ни казались эти живые глыбы, заполнившие длинную полосу песчаного пляжа, словно отдыхающие у моря люди, они все же чем-то вызывают к себе невольную симпатию. Может быть, тем, что они так явно наслаждаются жизнью? Но не все лентяйничают на песке. Сразу за разбивающейся о берег волной расположились, подставляя солнцу свои бока, самки, бдительно наблюдающие за резвящимися в прибое малышками.

В воде эти с виду неуклюжие создания превращаются в гладких и гибких властителей иной стихии, с которой им вообще не стоило бы расставаться, если бы не потребность рожать детенышей, наслаждаться любовью и солнечными ваннами. Вода — вот подлинная среда их обитания, навсегда ставшая ею с тех пор, как их предки покинули сушу несчетные миллионы лет назад.

Достигая четырехметровой длины и обладая развитой мускулатурой, одетые в толстую, прочную как броня шкуру, взрослые моржи не ведают страха в мире океана. Общительные и миролюбивые по натуре, за исключением случаев, когда они защищают своих сородичей, они живут гармоничной жизнью, как и все моржовое племя северного полушария. В былые времена оно было весьма многочисленным в водах Атлантического побережья Северной Америки до самого Кейп-Кода на юге, а также до островов Королевы Шарлотты на ее Тихоокеанском побережье. Они недурно проводили время, легко ныряя на прибрежных банках за устрицами,

мидиями, двусторчатыми и брюхоногими моллюсками или нежась на залитом солнцем берегу.

Так они и жили примерно пятьсот лет тому назад, когда на них впервые натолкнулись пришельцы из Европы.

Несколько лет назад в ленинградском музее Института Арктики и Антарктики мне дали подержать тяжелый кусок древней кости с искусно выполненной резьбой. За хозяина был археолог с Чукотки, который задавал мне загадки. «Что это такое, как по-вашему?» — спросил он меня.

«Слоновая кость? — пробовал я отгадать. — Может быть, бивень слона... или мамонта?»

«Верно, кость. Рукоятка меча из астраханских раскопок на древнем торговом пути в Персию. Возможно, пятый век. Но это — морж... по-вашему — «волрус». А известно ли Вам, что в те далекие времена бивни моржей ценились дороже, чем слоновая кость?»

Мне это не было известно, и я был заинтригован. Чтобы утолить мое любопытство, мой друг показал мне датированное IX веком письмо одного московского князя, плененного татарами, за освобождение которого был назначен выкуп в 114 фунтов золота или ... столько же фунтов моржовых бивней. Я узнал также, что с глубокой древности до 1600 года нашей эры моржовая кость была одним из наиболее ценных и желанных товаров. Небольшие по размеру* и удобные для транспортировки бивни служили расчетной валютой в виде естественных «слитков» или ценным материалом для изготовления резных предметов и украшений.

«Моржовый клык, — рассказывал мой пропутник, — более двух тысячелетий считался «белым золотом» в Северной Европе и во многих частях Азии. Не странно ли, что такому чудищу довелось стать столь значительным источником обогащения?»

---

* До 60 см длины. — Прим. перев.

Извлекать доход можно было не только из «слоновой» кости моржей. Прочную шкуру взрослого самца не брала мушкетная пуля, и кожа из моржовой шкуры лучше бронзовых щитов защищала от секущих и колющих ударов холодного оружия. Именно поэтому в течение многих веков изготовители щитов и их военная клиентура отдавали предпочтение самой дорогостоящей моржовой шкуре.

Находили ей и другое применение. Из шкуры одного моржа можно было выкроить, разрезав ее по спирали, до девяноста метров узкой полосы. Пропитанный моржовым жиром, такой канат не уступал канатам из растительных волокон, превосходя их в гибкости и прочности. С давних пор в течение долгого времени мореходы северных морей предпочитали оснащать свои корабли только такими канатами.

На этих кораблях пользовались еще одним продуктом — смолообразным веществом, получаемым от выпаривания кипящего моржового жира. Эта вязкая черная масса использовалась для шпаклёвки швов и просмолки обшивки, чтобы защитить ее от корабельных древоточцев. Первый известный нам корабль европейцев, успешно пересекший Северную Атлантику, был «Кнорр» исландского купца Бьярни Херельфссона, который достиг Ньюфаундленда в 985 году. По всей вероятности, он был оснащен такелажем из полос моржовой шкуры, пропитанных моржовым жиром.

Не одни северяне добывали моржей для своих нужд. Судя по костям, найденным в холмах из хозяйственных отбросов первобытного человека, моржи в те далекие времена встречались вплоть до Бискайского залива на юге и, похоже, до второго века нашей эры — в водах Ла-Манша. Однако по мере роста населения и совершенствования его умения убивать племя моржей стало нести тяжелые потери, постепенно исчезая из более теплых морей. Последний

морж на Балтике был убит еще в VII веке, а в течение следующего столетия охотники за бивнями и шкурой успели уничтожить моржей Северного моря, а также Фарерских, Оркнейских и Шетландских островов в Атлантике. В IX веке норвежский искатель приключений по имени Октер сообщал, что моржи почти не попадаются в районе Норд-Капа — самого северного мыса в Европе. С уменьшением их числа росла их ценность, а следовательно, и популярность охотников, в результате чего уже в конце X века даже норвежским королям не удавалось найти достаточное количество моржовых шкур для обивки деревянных щитов, которые устанавливались вдоль планширя их барказов, украшенных на носу головой дракона.

К XIII веку в водах около европейского материка моржи появлялись лишь в ледяных туманах Баренцева моря. В то время они уже становились легендой, и церковный летописец писал о них в следующих выражениях: «В [этих] северных водах водятся огромные, размером со слона, существа, которых называют «моржами» или «русскими моржами»... они здорово кусаются: если увидят, что могут поймать на морском берегу человека, они сразу бросаются на него и рвут его зубами... эти звери имеют голову, похожую на бычью, и густую, как солома, шерсть... с помощью своих клыков они, как по лестнице, поднимаются на самые верхушки скал, где питаются росистой травой. На скалах они быстро засыпают крепким сном, после чего рыбаки тут же подбегают к ним, вспарывают часть шкуры у хвоста, отделяя ее от сала; к этому лоскуту шкуры они привязывают очень прочную веревку, конец которой они закрепляют за выступ скалы или за дерево. Потом они мечут из пращи камни в голову спящего моржа, поднимают его от сна и гонят его вниз со скалы, сдирая с него большую часть шкуры, к которой привязана веревка. Обессиленный, испуганный

и полумертвый, он становится богатой добычей, особенно из-за клыков, которые очень высоко ценятся у скифов, московитов, русских и татар».

Хотя европейское стадо моржей и сократилось до количества, которое почти оправдывало столь фантастические истории, клыки и шкуры моржей продолжали появляться на европейских рынках, где цена на них непрерывно росла. Вместе с тем эти товары поступали из таких дальних мест, которые сами по себе казались полумифическими.

Таинственный остров Туле, столетиями смутно мерцавший на западном горизонте Европы до самого начала христианской эры, был в начале IX века захвачен первопроходцами-викингами. В Исландии, как они называли этот остров, они обнаружили огромную популяцию «волрусов», которую с такой алчностью стали превращать в «белое золото», что очень скоро приток его начал иссякать. Посему викинги отправились дальше в окутанные туманами северо-западные моря, где и нашли новые стада моржей на островном «континенте» Гренландии. После 1000 года н. э. именно с этого аванпоста на самом краю известного в то время мира и продолжали поступать изделия из «волруса» на европейские рынки.

Однако гренландские охотники на моржей, неосторожно прильнув к пиршественной чаше запасов западных моржей, не смогли выдержать жестоких штормов и низких температур. Их поселения постепенно приходили в упадок и вымирали, пока в конце XV века не иссякла последняя струйка товаров из «волруса», текущая оттуда в Европу. Как раз в этот критический момент Европа открыла существование множества «волрусов» в «Западном Океане».

Кто первым сделал это открытие — осталось неизвестным. Возможно, это были португальцы братья Гаспар и Мигель Кортес-Риал, которые в 1501 и 1502 годах исследовали воды

северо-восточного побережья Америки. Во всяком случае, некий Педро Рейналь, плававший вместе с ними, нарисовал карту, на которой у побережья Новой Шотландии значится остров под названием Санта-Крус. Это и есть остров Сейбл, и кто бы его ни открыл, не мог не заметить множества моржей, для которых эта кривая песчаная коса была что называется родным домом.

Остров Сейбл имеет около сорока километров в длину и возвышается над морем в центре банки того же названия — огромного подводного плато, примечательного обилием не только рыбы, но и моллюсков, устилающих дно подводных пастбищ. Не многие банки мира могут тягаться с этой по обилию моллюсков. Правда, известна еще одна такая банка (о ней речь впереди), которая до середины XVIII века служила пастбищем для 100 000 моржей. В то же время мы можем предполагать, что остров Сейбл и окружающие его банки служили пристанищем для не меньшего, если не большего количества моржей. Суда древних мореходов волей-неволей должны были плыть мимо острова через воды, изобилующие лоснящимися «бегемотами», высывывавшими из воды свои морды с блестящими от влаги бивнями, чтобы с дерзким любопытством взглянуть на непрошенных гостей.

Открытие моржовых легионов на острове Сейбл сулило «золотое дно» для добытчиков ворвани и породило взрыв алчности, сравнимый с тем, который сопровождал открытие в нашем веке месторождений нефти в Северном море и на Аляске. И эксплуатация запасов моржей началась с заслуживающими того же сравнения энергией и ... жестокостью.

Промысел моржей на острове Сейбл был сопряжен с определенным риском из-за непогоды, поскольку, кроме как в редкие дни со штилем, подходить к нему было исключительно опасно. К тому же там не было гаваней, где корабли могли бы укрыться от штормов. И тем не менее корабли все-таки

отправлялись на Сейбл, рассчитывая прибыть на остров в мае — начале июня, когда основная часть популяции моржей выходит на берег для размножения. Из-за штормов и туманов рейс мог продолжаться целый месяц и дольше. Даже когда впереди уже виднелись очертания низких песчаных дюн, потрепанные штормами суда нередко были вынуждены целыми днями лавировать в море (с риском потерпеть крушение) в ожидании временного затишья, когда можно будет спустить в гремящий прибой небольшие шлюпки, чтобы высажить на берег охотников с их снаряжением. Как только операция по высадке завершалась, корабли спешили уйти из полосы ревущего прибоя и направлялись в безопасные гавани на материке, где они могли заняться летним промыслом трески.

А те, кто высаживался на острове, оказывались в самой гуще кипящей вокруг жизни. Воды, окружающие остров, изобиловали моржами, тюленями, морскими свиньями и китами. Небо оглашалось криками бесчисленных стай морских птиц, Солонководную лагуну, протянувшуюся до центра острова, заполонили утки, чьи гнезда, полускрытые под пучками растущей на дюнах травы, были столь многочисленными, что человек с трудом пробирался между ними. Воды лагуны и внешнего берега кишели омарами, двустворчатыми моллюсками, сельдью и макрелью. Короче говоря, остров и небо над ним были щедро наполнены жизнью, которая до нашего приезда европейцев никогда не знала чертовой хватки кровавой руки человека.

Нельзя сказать, что остров был негостеприимен к людям. На нем отсутствовали жалящие насекомые, считавшиеся сущим бедствием на материке Нового Света; заполняемые во время дождей водоемы обеспечивали людей пресной водой. Правда, на острове не росли деревья, зато за многие тысячелетия ветер нанес груду плавника за линию штормового прилива. Погода могла быть ненаст-

ной, но летом температура воздуха держалась на обычном для этого сезона уровне и часто светило солнце. На острове обильно произрастали ежевика, клюква и люпин. В прежние времена забредшему на него путнику остров мог показаться почти идиллией. Но для тех, кто пришел туда за моржовым жиром, образом жизни была бойня.

Среди переправленных на остров с риском для жизни основных орудий и снаряжения были окованные железом дубинки, топоры, двуручные остроги, разделочные ножи, глиняные кирпичи, медные котлы, связки дубовых бочарных клепок и ивовых прутьев. Котлы устанавливались над ямами для костров, вырытыми в песке и выложенными кирпичом. Бондари делали бочки для ворвани. Под прикрытием редких дюн на берегу сооружались шалаши из парусины и плавника.

Спешно закончив все приготовления, отряды промысловиков отправлялись на пляжи, где всюду, куда ни кинешь взгляд, виднелись плотные ряды моржей.

До нас не дошли рассказы очевидцев о том, как в те давние времена происходила эта бойня на острове Сейбл, зато мы располагаем описанием аналогичной процедуры на острове Медвежий в 300 милях к северу от Норвегии, где в 1603 году судно дальнего плавания Англо-Московской компании обнаружило дотоле неизвестное стадо европейского «волруса». Автором описания того, что за этим последовало, был член экипажа по имени Йонас Пуль.

«Мы увидели песчаную бухту, вошли в нее и бросили якорь. Не успели мы свернуть паруса, как заметили, что рядом с нашим судном плавает множество моржей, и услышали громкий шум — казалось, что ревет сотня львов. Мы были просто поражены, увидев множество морских чудищ, сгучившихся [на берегу] словно стада свиней».

Однако одно дело — увидеть их, и совсем другое — убить. Эти люди поч-

ти ничего не знали о моржах и откровенно побаивались их.

«Наконец мы решились выстрелить в них, не представляя себе, могут ли они быстро напасть на нас или нет».

Но ружья того времени оказались недостаточно эффективными против массивных черепов и защитной брони шкур этих животных.

«Некоторые моржи, получив пулю в тело, приподнимали голову и снова занимали прежнее положение. Другие с пятью-шестью пулями уходили в море — подумать только, какой силой нужно было для этого обладать. Израсходовав весь запас пуль, мы стали выбивать им глаза зарядами мелкой дробы, затем подходили к ослепшим моржам и раскраивали им черепа топором, взятым у нашего плотника. Но, как мы ни старались, мы сумели убить всего пятнадцать штук».

Клыков и жира, добытых с полутора десятков моржей, оказалось вполне достаточно, чтобы возбудить аппетит Московской компании, и команды, направленные в следующем году на забой моржей, очевидно, были проинструктированы, как эта работа делалась в Новом Свете.

«В прошлом году мы убивали их из ружей, не думая о том, что их шкуру пробивает копьё, но теперь мы знаем, что это возможно, если умело нанести удар; в противном случае можно ударить изо всех сил и либо не проткнуть шкуру, либо, попав в кость, повредить копьё; и тогда морж мог передними лапами ударить и согнуть или сломать копьё».

Освоившись с этой работой, команда Пуля убила в тот год около 400 моржей и увезла к своим берегам одиннадцать тонн жира (примерно 2300 галлонов) и несколько бочонков бивней. А на следующий год они уже стали настоящими профессионалами. Как-то раз Йонас Пуль пошел во главе отряда из одиннадцати охотников вдоль берегового лежбища моржей, расставляя людей на расстоянии около 20 метров друг от друга, пока не сблизились с вожакom дру-

гой группы, зашедшей с противоположной стороны. Действуя таким образом, они «отрезали моржей от моря».

Затем охотники двинулись цепочкой в глубь острова, нанося удары копыями в живот или горло всем падавшимися на их пути моржам; несколько животных они убили, но еще больше ранили, сея среди моржей такую панику, что обезумевшие от страха звери бросились прочь от моря — их единственной надежды на спасение, — туда, где их поджидали ножи и топоры охотников.

«Не прошло и шести часов, как мы убили до шести—восьми сотен зверей... После десяти дней усердной работы мы взяли на борт 22 тонны моржового жира и три бочки моржовых клыков».

За восемь сезонов после первого нашествия Пуля стадо моржей на острове Медвежий понесло такие потери, что от первоначальной численности в 10 000—20 000 голов осталось в живых лишь несколько животных, которые уже не представляли промыслового значения. Для сравнения напомним, что первоначальная численность стада моржей на острове Сейбл была столь огромной, что позволила вести прибыльный промысел на протяжении почти двух веков.

Через несколько десятилетий после первого визита португальцев остров Сейбл на время выскользнул из-под их контроля и стал источником каких-то «ценных товаров» для некоего Жана Анго — состоятельного судовладельца из Гавра, который с 1510 по 1515 год снарядил на остров несколько экспедиций. После него остров освоил португальский купец, искатель приключений Жоао Альварес Фагундес, который владел островом до конца 1580-х годов, когда французы снова захватили Сейбл.

Новым «хозяином» острова стал предприниматель из Бретани, носивший высокопарное имя Труалю де Ля Рош маркиз де Ля Рош-Месгуэс. Его главным компаньоном был капитан

дальнего плавани по фамилии Шеф д'Остель, и их совместное предприятие позволяет наглядно судить о том, какого сорта люди участвовали в «открытии» Нового Света и какими методами они действовали.

В обмен на клятвенное обещание во исполнение воли короля Франции открыть, захватить и заселить весь северо-восточный берег нового континента и отправить к праотцам местных дикарей-язычников Ля Рош получил от Генриха Наваррского королевскую грамоту, провозглашавшую его вице-королем и наместником короля на территориях Канады, Ньюфаундленда, Лабрадора, Нoremбеги и — что особенно важно — острова Сейбл.

Одних обещаний великих деяний вряд ли было достаточно для получения столь щедрого дара. Факты свидетельствуют о том, что тут не обошлось без широкого подкупа. Когда Ля Рош получил королевскую грамоту, он был на краю банкротства. Ничуть не смущаясь этим обстоятельством, он воспользовался своими новыми полномочиями вице-короля, чтобы заполучить в свое распоряжение ряд узников из тюрем Бретани и Нормандии якобы с целью сделать из них в Новом Свете колонистов. На деле же он стал отпускать их на волю во Франции за звонкую монету. Эта мошенническая операция так здорово сработала, что Ля Рош еще раз повторил ее, заполучив 250 заключенных. Из них он оставил себе сорок так называемых «подонков общества», предоставив свободу узникам «лучшего сорта» в обмен на достаточное количество золота для... снаряжения экспедиции.

Флотилия, которой предстояли великие свершения, состояла из двух небольших рыболовных смэков*. В темный вонючий трюм одного из них затолкнули сорок закованных в кандалы «колонистов» под присмотром десятка вооруженных мушкетами наемников. Как ни странно, вице-король

не взял курс на огромный материк — главную часть своих новых владений. Вместо этого он пошел на остров Сейбл, где, как только позволила погода, он высадил своих «колонистов», их охранников и надсмотрщиков, и выгрузил скудный запас провианта. После этого Ля Рош и Шеф д'Остель направились к побережью материка, где, вероятно, занялись промыслом трески и откуда осенью вернулись прямо во Францию. Там вице-король нагло заявил, что из-за неблагоприятной погоды он не смог основать колонии нигде больше, как на острове Сейбл! В результате этой вполне удачной махинации Ля Рош достиг своей цели, получив в полное владение остров Сейбл с его богатствами в виде моржового жира и клыков.

О ценности этого «маленького Эльдорадо» можно судить по тому факту, что французское правительство в то время выплачивало субсидию в размере одного экю за каждую бочку ворвани, выгруженную в каком-либо французском порту, и до своей кончины в 1606 году Ля Рош только на одной этой субсидии заработал 24 000 экю. Поскольку для получения одной бочки ворвани нужно было убить от двух до четырех моржей (в зависимости от возраста животного и сезона), невольники Ля Роша за весь восьмилетний период его исключительного владения островом Сейбл, вероятно, уничтожили порядка 50 000 моржей плюс неуставленное число тюленей.

Шеф д'Остель обычно каждый год навещал «колонию», чтобы забрать груз и оставить провиант. В 1602 году он на остров не пришел. На следующий год заключенные подняли мятеж и перебили всех охранников и надзирателей. Когда Шеф д'Остель вернулся на остров в 1603 году, он будто бы застал там в живых только одиннадцать узников, хотя вполне возможно, что он и его головорезы-бретонцы высладили и убили из мести большую часть невольников.

То, что невольники действительно подвергались на острове жестокому

* Смэк — одномачтовое (рыболовное) судно. — Прим. перев.

обращению, подтвердили последующие события. Когда грязных оборванцев, одетых в одежду из самодельных тюленьих шкур, привели в ручных кандалах к королю Генриху для наказания, король был так тронут их рассказами о перенесенных страданиях, что не только выпустил их на свободу, но и выдал каждому по 50 эку в качестве компенсации. История умалчивает о том, как реагировали Ля Рош и Шеф д' Остель на это выражение королевской благотворительности.

Преемники Ля Роша сохраняли французскую монополию на остров примерно до 1630 года, после чего они были вынуждены поделиться сокровищами Сейбла с английскими колонистами — рыбаками из залива Массачусетс. Последние не собирались устраивать собственные береговые предприятия, довольствуясь вылазками на лежбища и французские базы. За один такой набег они добыли в 1641 году 400 пар бивней, выручив за них в Бостоне сумму, равную 10 000 долларов в современном исчислении. Моржовая кость все еще считалась «белым золотом», и жители Новой Англии выходили на добычу своей доли; помимо набегов на Сейбл, они проресывали участки собственного берега, где находились лежбища моржей (возможно, до самого Кейп-Кода на юге), в результате чего примерно к 1700 году моржи были уничтожены, по-видимому, на всем побережье к югу от Новой Шотландии. Последний морж, которого убили в 1754 году в заливе Массачусетс, скорее всего, забрел туда из северных краев.

Даже огромные стада моржей, часто посещавшие банку острова Сейбл, не могли бесконечно противостоять столь необузданному хищничеству. Где-то между 1680 и 1710 годами пришла весна, когда на пляже Сейбла больше не оказалось громадных существ, которые раньше несчетными тысячами собирались на теплом песке. С тех пор никто никогда больше не видел там живого моржа.

В течение последующего столетия полулегендарный Сейбл жил в ореоле пугавшей моряков таинственности. Пока в начале XIX века на острове не построили маяки и не поселили на нем команду спасателей. Теперь одинокий всадник, объезжая пустынный берег на полудиком пони, случалось, натывался на скелеты моржей. Только что обнаженных вечнозыбучими песками. Но эти огромные кости выглядели столь допотопными, будто они появились там задолго до того, как европейцы впервые пересекли «Западный Океан».

Бесчисленные в прошлом легионы моржей, похороненные в песках острова Сейбл, уже исчезают и из нашей памяти. Современная история почти не упоминает о клыкастом племени, когда-то обитавшем на острове, и о том, как и почему оно погибло. Но и в наше время обстановка на Сейбле предвещает недоброе: гигантские бурые вышки на острове и вокруг него вонзают свои стальные хоботы глубоко в дно океана в поисках богатства, которое португальцы впервые нашли там пятьсот лет тому назад и имя которому — горючее.

Стадо моржей на острове Сейбл было хотя и богатой, но всего лишь окраинной колонией племени, главная цитадель которого находилась в заливе Св. Лаврентия. Южную часть этого внутреннего моря образует округлой формы бассейн диаметром более 350 километров, ограниченный островом Кейп-Бретон с востока, островом Принца Эдуарда и проливом Нортамберленд с юга и полуостровом Гаспе с запада. Почти в центре этого бассейна возвышается архипелаг Магдален.

В этом мелководном бассейне многие океанские течения смешиваются с богатыми питательными веществами пресными водами реки Св. Лаврентия и системы Великих озер. В своем первобытном состоянии бассейн являлся одним из наиболее продуктивных в мире пастбищ, населенных бесчисленным множеством беспозвоноч-

ных, в том числе и моллюсками, составляющими почти неистощимый источник основной пищи моржей. Кроме того, окрестные берега на многие сотни километров состояли из песчаных пляжей, достаточно просторных для того, чтобы неисчислимые тысячи моржей выходили на них спариваться, рожать детенышей или просто дремать на летнем солнцепеке.

Но возможно ли, чтобы животное, которого мы сегодня знаем лишь как обитателя холодных арктических морей, когда-то водилось в этих водах, расположенных более чем за 2300 километров к югу от Северного полярного круга и менее чем за 730 километров к северу от города Нью-Йорк? Да, возможно, именно так оно и было: этот район был самым сердцем обители атлантического племени моржей.

Первыми европейцами, нанесшими удар в это сердце еще в первом десятилетии XVI века, были, по-видимому, испанские баски; впрочем, за ними тут же последовали промысловики из других стран. Примерно в 1519 году все тот же Жоао Фагундес, промышленник моржей на острове Сейбл, предпринял с целью разведки вылазку в залив Св. Лаврентия. Далее я попытаюсь воссоздать обстановку, которую он мог застать в регионе в то время.

Проникнув в залив Св. Лаврентия через пролив Кабота или через пролив Кансо, его каравелла с характерным высоким полуютом медленно продвигается на запад проливом Нортамберленд, оставляя за собой по левому борту лесистые берега Новой Шотландии и Нью-Брансуика. С правого борта видны пляжи и илистые, цвета красной охры банки острова Принца Эдуарда. Вокруг — на суше, в воздухе и в море — всюду кипит жизнь.

В водах пролива косяки сельди и макрели. Их миллионы, и они кажутся почти монолитной массой живой плоти. В воздухе над их головами кружатся и большими стаями пикируют на них морские птицы. Мощные фаланги трески гоняются за своей добычей, так взмучивая воду, будто идет извер-

жение подводного вулкана. Тысячи тевяков* с любопытством провожают своими темными глазами проплывающий мимо корабль. Стаи китов, крупных и мелких, столь многочисленны, что временами каравелле приходится уступать им дорогу.

Но, что интересует Фагундеса больше всего, так это легионы моржей — и те, что сгрудились на пляжах, песчаных косах и илистых отмелях, и те, чьи любопытные морды все чаще возникают на поверхности воды вокруг движущегося судна, пока не заполняют все окружающее пространство, делая его похожим на вырубленный лес с торчащими пнями.

По мере того как каравелла выходит из пролива и открывается южный берег залива Шалёр, кланы моржей становятся все более многочисленными. Громадные скопления животных расположились на низких берегах островов Шиппиган и Миску, затемняя своими сонными тушами целые акры желтого песка и зеленой травы.

Теперь лоцман направляет судно на северо-восток, в открытые воды большого бассейна. После дневного перехода наблюдатель замечает на горизонте появление ряда низких, подернутых дымкой бугров. По мере приближения судна они превращаются в цепочку лесистых островов, обрамленных скалами из красного песчаника и соединенных друг с другом многими километрами ослепительно-белых пляжей. Это и есть архипелаг островов Магдален, и их-то Фагундес и должен был считать главной цитаделью западного племени моржей.

Магдалены включают девять наиболее крупных островов, из которых семь соединены между собою широкими пляжами, между которыми простираются обширные соленоводные лагуны. Связанная между собой цепочка островов протянулась на семьдесят с лишним километров, а общая длина ее береговой линии, включая морские и обрамляющие лагуны пля-

* Тевяк — серый (длинномордый) тюлень. — Прим. перев.

жи, составляет более 200 километров. Отделенные от ближайшего материкового берега сотней километров чистой воды, Магдалены, как и остров Сейбл, до вторжения европейцев, видимо, были необитаемы. Это обстоятельство в сочетании с защищенными лагунами, травянистыми лугами, лесистыми холмами и бесконечными пляжами сделали эти острова посреди полного жизни моря настоящим раем для водоплавающих птиц и морских млекопитающих, подобный которому вряд ли можно сыскать где-либо еще в северном полушарии.

Моржи хорошо это уяснили. По самым осторожным подсчетам, стадо моржей в центральной части залива Св. Лаврентия, когда на него впервые наткнулись европейцы, насчитывало не менее четверти миллиона особей. Или, выражаясь особенно доходчивым для захватчиков языком, более трехсот тысяч тонн живого мяса и... жира.

Во время визита Фагундеса баски еще прочно владели Магдаленами, и ему пришлось искать источники прибыли в других местах. В 1521 году он получил от короля Манозля привилегию на основание в родном городе Виана компании по эксплуатации ресурсов в восьми определенных местностях Нового Света. Все восемь были островами или группами островов, и можно с достаточной уверенностью утверждать, что на пяти из них находились крупные лежбища моржей. К ним относились: группа островков Мадам в Чедабукто-Бей на Кейп-Бретоне, Сен-Пьер-э-Микелон и архипелаг Рамеа/Бергео на южном побережье Ньюфаундленда, острова Сейбл и Принца Эдуарда. Хотя в королевской привилегии не было упомянуто, какие именно ресурсы разрешается эксплуатировать (что обычно практиковалось для сокрытия коммерческой тайны), одним из запланированных предприятий называли мыловаренный завод. Нам также известно, что в то время в производстве мыла оливковое масло начала вытеснять ворвань (особенно из моржового жира). Поэтому можно почти не сомневаться, что основную

долю прибыли компании приносили именно моржи.

Фагундес основал на острове Принца Эдуарда круглогодичное поселение — это была первая известная нам попытка европейцев обосноваться в Северной Америке со времен древних скандинавов. Французские источники обвиняют индейцев в разрушении этого поселка через какой-нибудь десяток лет после его основания, но есть сведения, что европейцы просто-напросто перевалили на местных жителей вину за свои собственные кровавые деяния. При этом сильные подозрения падают на самих французов, которые начали агрессивные набеги на «залези белого золота» португальских и испанских басков в заливе Св. Лаврентия.

Я считаю, что заинтересованность французов в добыче «Зверя с Большими Клыками», как называли моржей древние бретонские моряки, была одним из главных побуждений, заставивших Жака Картье совершить его знаменитые рейсы в залив Св. Лаврентия в 1534 и 1535 годах. Взять хотя бы тот факт, что вскоре после того, как он разведал многие крупные лежбища моржей, его соотечественники-бретонцы начали силой вытеснять оттуда португальцев. Еще задолго до 1570 года французы захватили в свои руки лежбища моржей на берегах пролива Нортамберленд, островов Сен-Пьер-э-Микелон и Принца Эдуарда, а также на берегах залива Шалёр и прочно закрепились на Магдаленах. К 1580 году этот богатый архипелаг стал феодальным владением двух племянников Картье, которые в 1591 году предоставили лицензию на эксплуатацию его ресурсов другому предпринимателю из Сен-Мало, по имени Ля Курт де Пре-Равийон, с целью, как было сказано в лицензии, промысла зверя, известного в то время под названием «vaches marines»*.

Именно в тот год англичане с опозданием осознали, какие богатства

---

* Морские коровы (фр.). — Прим. перев.

можно извлечь из промысла морских коров в водах Нового Света. Однажды, когда в начале сентября бристольский капер* «Плеже» крейсировал у островов Силли, его впередсмотрящий засек марсель** двух судов, направлявшихся к входу в Ла-Манш. «Плеже» подошел к ним с наветренной стороны, нагнал меньшее из двух, захватил его и отвел в Плимут.

Выяснилось, что это был «Бонавантюр», принадлежавший Ля Курту де Пре-Равийону и шедший к своим берегам из какого-то неизвестного морякам «Плеже» места в «Западном Океане», которое капитан плененного корабля называл островами Иль-де-Рам. Это был архипелаг Магдален, к которому англичане сразу вспыхнули интересом, как только узнали, что «Бонавантюр» был загружен «сорока тоннами ворвани» и большим количеством «шкур и клыков» — «продукции», добытой там летом в результате убийства 1500 «морских коров». Стоимость груза была оценена в 1500 фунтов стерлингов. Целое состояние по тем временам.

На допросе капитан «Бонавантюра» рассказал о том, что «остров... около 20 лиг в окружности, частью плоский, имеет отмели, и в апреле, мае и июне на его берег выходят многие тысячи морских зверей, чтобы дать жизнь потомству; звери эти очень крупные с парой больших клыков и толстой, как у буйвола, кожей; они не оставляют без присмотра своих детенышей. Мясо детенышей такое же вкусное, как телятина. Из жира пяти зверей получается целый бочонок ворвани, такой душистой, что если бы пустить ее на мыло, то испанский король, наверное, сжег бы часть своих оливковых рощ».

К этому можно добавить следующую запись, сделанную неутомимым летописцем английских путешествий Ричардом Хэклютом: «Эти звери та-

кие же крупные, как быки... и их шкуры такие же большие, как бычьи... кожевники выделывают из них отличную кожу для щитов... клыки продавались ремесленникам для изготовления гребней и ножей по три шиллинга и восемь гроутов* за фунт, в то время как слоновая кость продавалась за половину этой суммы... Некий Александр Вудсон из Бристоля... искушенный лекарь, показал мне один из клыков [с «Бонавантюра»] и уверял меня, что он проверил на своих пациентах целебное действие изготовленного из клыков лекарства и нашел, что оно такое же великолепное средство от отравления, как и лекарство из рога единорога».

Почув запах наживы, англичане прониклись лихорадочным желанием завладеть частью богатства, которое приносила «морская корова», однако никто не мог указать точного местонахождения «острова сокровищ». Проблему решили, наняв лоцмана из французских басков, Стефана Бокля, который должен был провести два судна на острова Магдален весной 1592 года. Одно из них добралось до места назначения, но лишь для того, чтобы убедиться, что «все подходящие места и гавани уже захвачены бретонцами из Сен-Мало и [французскими] басками из Сен-Жан-де-Люза». Капитан судна не отважился пробиться на остров силой и повернул не солоно хлебавши к родным берегам. В следующем году Бокль привел туда еще одно судно, но и его не допустили к острову. Наконец, в 1597 году консорциум лондонских купцов снарядил два тяжелооруженных судна, «Чансвел» и «Хоупвел», с целью захватить Иль-де-Рам, выгнать оттуда французов и основать там постоянное поселение. Во что это вылилось, видно из следующего рапорта (который мы приводим в сокращенном виде) командира «Хоупвела» капитана Лея:

«14-го [июня] мы подошли к Острову Птиц [из группы островов Маг-

* Разбойничье судно, занимающееся каперством.— *Прим. перев.*

** Марсель — второй снизу трапезиевидный парус.— *Прим. перев.*

* Groat (англ.) — серебряная монета (ист.) в 4 пенса.— *Прим. перев.*

дален] и увидели огромные стада моржей, или «морских быков», которые мирно дремали на скалах; однако, когда мы приблизились к ним на шлюпках, они бросились в море и с такой яростью пустились за нами в погоню, что мы были рады, что сумели уйти от них живыми. 18-го мы пришли к Иль-де-Рам и, достигнув гавани Халобалино, направили в нее наши большие шлюпки, которые обнаружили там четыре корабля, два из Сен-Мало и два баскских из Сибибуро. Мы тут же ввели в гавань [наш «Хоупвелл»] и для пущей безопасности предложили им не сопротивляться и отдать нам их порох и оружие, боеприпасы и снаряжение.

Они на это не согласились, и тогда мы направили шлюпку с боевой командой, чтобы забрать у них порох и военное имущество. Когда [наши люди] ступили на борт их судов, они встретили вооруженное сопротивление, но, быстро справившись с ним, принялись тут же грабить басков.

Впоследствии команда нашего судна взбунтовалась, и более половины ее людей решили увести одно из захваченных нами судов. Но им помешало это сделать пришедшие из других гаваней на выручку захваченных судов соотечественники французов, которые на следующее утро сколотили отряд по меньшей мере из 200 французов и бретонцев, установили на берегу три пушки и приготовились драться с нами, [и], как только мы их увидели, они выпустили по нам не меньше сотни зарядов картечи. Кроме того, нас готовы были атаковать около 300 дикарей». Индейцев завезли туда с материка французы, с тем чтобы их руками делать грязную работу — убивать моржей.

Для капитана Лея, которому до этого везло, настала очередь идти на попятную. Когда французы захватили двух его людей, посланных им на берег для переговоров, он был вынужден выкупить их за порох и ядра, которые он раньше сам захватил у французов. Он сделал это с громкими заверениями в исключительной честности его

намерений. Никто ему не поверил, и, когда он попытался вывести свое судно из гавани, французы отказались освободить с берега якорь, отданный на линии прилива, и ему пришлось обрубить якорный канат. Затем он попытался разведать дорогу через подводный бар, но сел на мель, где ему пришлось всю ночь дожидаться утреннего прилива, пребывая в страхе перед возможностью нападения «дикарей». Когда судно наконец снялось с мели, французы с берега проводили его ироническими насмешками.

Рейс капитана Лея ознаменовал конец почти двухвековых попыток англичан вклиниться в промысел моржей в заливе Св. Лаврентия. Впрочем, не столько сопротивление французов заставило англичан прекратить эти попытки, сколько, как мы уже знаем, то, что в первом десятилетии XVII века они обнаружили «собственных» моржей сначала на острове Медвежий и позже — на Шпицбергене.

На протяжении всего XVII века и значительной части XVIII залив Св. Лаврентия оставался, по существу, французским «озером», где промысел моржей был одним из наиболее доходных предприятий. На островах Магдален и Миску были созданы постоянно действующие перерабатывающие заводы с зимующими на островах работниками. В летнее время кипели жироварные котлы на береговых базах пролива Нортамберленд, на островах Принца Эдуарда и Антикости, на Кау-Хед (первоначально Си-Кау-Хед), Порт-о-Шуа и Сент-Джорджес-Бей на западном берегу Ньюфаундленда; на островах Минган и в бухте Севен-Айлендс на северном побережье залива Св. Лаврентия; и даже в верховьях реки Св. Лаврентия до самого острова Иль-о-Кудр в сотне километров от мста, где сейчас находится город Квебек. Регулярно опустошались лежбища моржей и на Атлантическом побережье, и островах Новой Шотландии, и на Ньюфаундленде. Этот кровавый бизнес был настолько прибыльным, что Самюэль де Шамплейн оценивал годовой доход

от добычи «морской коровы» и путного промысла тюленей в сумме полмиллиона ливров, а один ливр был примерно равен одному фунту стерлингов, или месячному заработку рабочего.

Масштабы бойни ширились год от года ... приближая неизбежный финал. Этапы истребления «морской коровы» можно проследить по постепенному исчезновению лежбищ. К 1680 году исчезли лежбища на берегах реки Св. Лаврентия. После 1704 года не осталось моржей на северном побережье одноименного с рекой залива. К 1710 году на острове Сейбл можно было встретить лишь кости «морских коров»; очевидно, та же картина наблюдалась на всех лежбищах Атлантического побережья от пролива Белл-Айл до южной границы размножения моржей.

И только в самом центре района сильно поредевшие стада сумели продержаться до конца первой половины XVIII века. Но уже в середине столетия случайный посетитель находил на острове Миску одни только кости, причем «в таком количестве, что они образовали искусственные морские пляжи... оставив памятник убитым «морским лошадям», переживший память об их убийцах».

Когда после завоевания Канады в 1763 году первый английский губернатор острова Принца Эдуарда приступил к выполнению своих обязанностей, одной из его первоочередных забот было сохранить промысел «морской коровы». Увы, он опоздал: обстановка на пляжах северного берега, где раньше находились огромные лежбища, в корне изменилась, и никому губернатору не было под силу повернуть ее вспять.

Единственным оставшимся плацдармом моржового племени Западной Атлантики были острова Магдален. В 1765 году молодому морскому офицеру, лейтенанту королевского флота Халдимуану поручили посетить этот архипелаг с целью изучения промысла «морской коровы». Его рапорт — единственный сохранившийся доку-

мент, свидетельствующий о том, как эта бойня осуществлялась в заливе Св. Лаврентия. Привожу его в сокращенном и слегка отредактированном мною виде.

«Места, где добывают «морских коров», называют *echoiries** — пространство шириной от 100 до 600 футов вдоль береговой линии до верхней части песчаного берега — естественного склона, подчас такого крутого, что удивляешься, как такие неуклюжие животные вообще могли добраться до гребня.

Способ добычи «морских коров» состоит в следующем. Когда у прибрежной банки их собирается слишком много, вновь прибывающие с моря животные теснят ранее прибывших, слегка подталкивая их бивнями и стремясь занять их место. Давление постепенно нарастает, пока самых дальних от воды животных не выталкивают через банку так далеко в глубь берегового пляжа, что даже для прибывших последними остается место для отдыха; если их на пляже не беспокоят, то они обычно спят беспробудным сном.

Когда лежбище заполняется животными и их набирается столько, что охотники могут отрезать трем-четырем сотням путь к отступлению, тогда в вечерних сумерках десять-двенадцать человек вооружаются колыями длиной до двенадцати футов. Нападают ночью, и главное — это следить за направлением ветра, который всегда должен дуть со стороны животных, чтобы они не могли учуять охотников.

Когда охотники подходят к берегу на расстояние 300—400 ярдов от лежбища, пятеро из них с колыями в руках отделяются от остальных и подбираются на четвереньках поближе к стаду с фланга и со стороны моря, отделяя от него высокую песчаную косу, на гребне которой расположились большая часть «морских коров». Беда, если животные, забравшиеся дальше всех

---

* Отмель, банка, коса (фр.); здесь — лежбище. — *Прим. перев.*

на сушу, почувствуют малейшую опасность,— тогда они все разом развернутся и ринутся в сторону моря. В этом случае люди будут просто не в силах остановить их, и считается большой удачей, если движущаяся масса животных не задавит людей насмерть или не утопит их в море.

Изготовившись к атаке, первый охотник не сильно ударяет концом своего кола по задней части туловища ближней к нему «коровы», по возможности имитируя толкотню, создаваемую самими животными. Таким же образом он поступает со следующей, заставляя ее перемещаться в глубь пляжа. В это время кто-то из его товарищей страхует его с тыла от повреждений, которые ему могут нанести животные, находящиеся ближе к морю.

Так, продвигаясь к противоположной стороне лежища, охотники создают своеобразный коридор, от которого они приступают к так называемым «отгонам». До сих пор они соблюдали полную тишину, но теперь начинают громко кричать и поднимают страшный шум, чтобы напугать и встревожить «морских коров», одновременно сигнализируя своим товарищам, чтобы они шли им на подмогу. И вот уже все люди выстроились вдоль линии отгона и ударами палок начинают гнать животных прочь от моря. «Коровам», повернувшим обратно с гребня песчаной косы, не дают уйти в море их собратья, которых люди гонят им навстречу. Сталкиваясь, обе группы животных наваливаются друг на друга и образуют гору живых тел высотой до двадцати и более футов.

Люди продолжают орудовать кольями до тех пор, пока обессилившие животные не делают больше попыток убежать, после чего их разбивают на группы из 30—40 особей каждая и отгоняют в глубь острова к какому-нибудь месту, в милю от берега, где их убивают и срезают с них жир».

Техническая сторона отгона описана Халдиманом с достаточной точностью, но его описанию явно не хватает эмоциональной насыщенности.

Мы должны дополнить эту картину грохочущим прибоем, пенящимся от падающих в воду, вырвавшихся из окружения моржей и ревом сотен охваченных паникой, отрезанных от моря «бегемотов». Представим себе, что все это происходит в ветреную темень, лишь в конце отгона разрезаемую красными вспышками факелов. Представьте себе душевное состояние берущих отгон, ползущих на четвереньках людей, слишком хорошо понимающих, что в любой момент их может опрокинуть и раздавить черная лавина живой плоти. Представим себе мысленным взором, как, проклиная все и вся, скользят они по покрытому навозом песку, неистово колотя кольями по головам и телам «морских коров», увертываясь от одних и осыпая других легкими, в меру своих слабых человеческих сил, ударами.

Случалось, что люди погибали, хотя в общем-то регистрация несчастных случаев велась редко. И никто не знал, сколько их погибло в далеких краях ради того, чтобы в Европе пополнялись жиротопенные чаны и денежные мешки. Один старый магдаленец вспоминал, что его дед рассказывал об одном случае, когда ветер переменял направление в то время, как охотники проползали сквозь стадо. Семь человек были раздавлены, проткнуты бивнями или унесены с переломанными руками и ногами в море, где и утонули.

Поскольку за один сезон с одного лежища можно было взять до четырех отгонов, необходимо было, учитывая прекрасное обоняние «морских коров», производить фактический убой не менее чем за полтора километра от лежища, с тем чтобы вонь гниющего мяса не отпугивала моржей от пляжей. Как рассказывает нам Халдиман, это достигалось отгоном животных на достаточно удаленные места убоя. Несмотря на свои могучие силы, моржи, вынужденные с мучительным трудом двигаться по твердой почве и вязкому песку, довольно быстро уставали. И как их ни подгоняли удары дубинок и укусы обезумевших

от ярости собак, им требовалось четыре-пять часов, чтобы протащить всю эту долгую смертельную дорогу. Детеныши, уцелевшие в свалке на лежбище, обычно умирали по пути. На это не стоило обращать внимания: они все равно были слишком бедны жиром, чтобы иметь какую-то ценность, хотя случалось, что убийцы пользовались свежим мясом детенышей. К концу гона обессиленные звери достигали места убоя уже совершенно неспособными к сопротивлению, они лежали неподвижно, опустив головы и лишь хрипели от изнеможения.

Отделенное от скелета подкожное сало быстро «портилось» или разжижалось, утекая в почву, поэтому очередного моржа убивали только тогда, когда для его сала освобождалось место в жиротопенном котле. Но даже если два котла кипели круглые сутки, требовалось несколько дней, чтобы перетопить все сало, собранное за один отгон. За это время солнце, сначала выманившее «морских коров» на пляж, становилось их беспощадным мучителем. Оно палило так, что даже толстая шкура моржей давала трещины, сквозя которые по тяжело вздымавшимся бокам стекали вниз ручейки крови и жира. Воды не было, и по мере истончения струйки жизненных соков жажда становилась последней мукой агонизирующих животных.

В конце концов кто-нибудь наносил им последний удар. Во времена Халдмана это делалось выстрелом в голову «морской коровы» железным ядром диаметром в один дюйм из заряжаемого с дула оружия. Часто выстрел оказывался несмертельным и лишь оглушал животное. Не беда — шкуру сдирали заживо. Затем полностью срезали пласт подкожного сала, толщина которого осенью достигала не менее пятнадцати сантиметров, и вилами кидали его в кипящий котел. Голые скелеты бросали на месте, где они оставались до тех пор, пока вместе с сотнями гниющих трупов не разлагались, превращаясь в грязно-сальный песок и оставляя после себя

лишь акры гнилых костей и невыносимую вонь.

В прежние времена бивни тщательно вырубались из черепов, но к 1760 году интерес к ним заметно упал. Массовый приток слоновой кости в Европу из Африки и Индии в конце концов привел к относительной дефляции стоимости моржовой кости. В 1800-х годах скупщик на Магдаленах платил один цент за каждый моржовый бивень приличного размера, который тогда еще можно было найти на островах. До конца лета «магдаленцы» обычно ухитрялись насобирать на бывших местах убоя больше двух тонн моржовых клыков. Однако к этому времени покупателей, заинтересованных приобрести это бывшее сокровище, уже не нашлось, и наш скупщик был вынужден загрузить им одну из своих шхун в качестве балласта.

К 1760 году изменение настроения европейского рынка обесценило и моржовые шкуры, и «овчинка» уже практически не стоила выделки. Не падал в цене один только жир. В 1767 году жир, полученный весной от одного моржа среднего размера, приносил доход, эквивалентный 20 долларам (по ценам 1984 года), а осенью от одного тучного самца можно было добыть жира на сумму до 60 долларов. К концу же следующего десятилетия цена на жир даже удвоилась! В освященном веками стиле петля человеческой алчности затягивалась все туже и туже.

С ростом цен на моржовый жир моржей истребляли все более интенсивно и беспощадно, быстро сокращая их численность. В то же время по мере сокращения количества моржей возрастала стоимость их жира. Спираль уничтожения с каждым витком все теснее стягивалась вокруг своих жертв.

Coup de grâce* был нанесен в 1762 году, когда правительство Великобритании предоставило двум бостонцам — некоему г-ну Томпсону и пол-

* Последний удар (фр.). — Прим. перев.

ковнику Гридли — монополию на промысел моржей на Магдаленах и в близлежащих водах. Впервые Гридли побывал на островах в последние дни войны с Францией, возможно сопровождая вице-адмирала Молиньё Шульдана, который привел туда британскую эскадру и был поражен, увидев «на каждом из островных лежищ по семь-восемь тысяч моржей». За ними предприимчивому Гридли виделись тысячи фунтов стерлингов, готовых наполнить его карманы и карманы его друзей. И к 1765 году он имел все основания рассчитывать на это, ибо то, что ранее сообщал лейтенант Халдиман, было истинной правдой: «Магдалены, кажется, самое лучшее место в Северной Америке для добычи «морской коровы». Количество этих животных просто невероятно, приближаясь, насколько точной может быть такая оценка, к ста тысячам или более».

Людей Гридли в течение первого года пребывания на островах хватило для работы только на трех из одиннадцати постоянных лежищ; тем не менее они в тот год убили около 25 000 моржей и добыли более 1000 бочек жира. На следующий год Гридли привез из Акадии на Магдалены двадцать семей французов, ранее занимавшихся промыслом моржей на острове Принца Эдуарда и в проливе Нортамберленд.

В период между 1767 и 1774 годами его торговая фирма поставила на экспорт в Европу через Сент-Джонс на Ньюфаундленде моржового жира на объявленную стоимость почти в 11 000 фунтов стерлингов, или примерно на четверть миллиона долларов в ценах 1984 года. И это — не считая неизвестного количества жира, вывезенного на экспорт через порты Новой Англии.

Гридли и Томпсон нашли свое Эльдorado, но они все же не были его единственными владельцами. После покорения Новой Франции хищные орды шхун из Новой Англии начали вторгаться в залив Св. Лаврентия, чтобы посмотреть, чем там можно по-

живиться. И вскоре они обнаружили «морских коров». Будучи непреклонными сторонниками принципов свободного предпринимательства, они не побоялись монополии Гридли и приступили к уничтожению моржей не только в окружающих Магдалены водах, но и непосредственно на островных лежищах.

«Суда из Новой Англии подходят близко к берегу и стреляют по лежищам моржей, иногда по недомыслию, а иной раз по злему умыслу, — писал Халдиман. — Капитан одного шлюпа, увидев, что берег острова Брион усеян «морскими коровами», безуспешно испробовал все способы, которые он смог придумать, для того, чтобы их поймать, пока, наконец, ему в голову не пришла несчастная мысль стрелять по ним с отмели перед лежищем. В результате он добыл 18—20 бочек жира на такое же количество своей команды, а «коровы», ранее изобиловавшие на этом лежище, больше никогда там не появлялись».

К 1774 году до ста судов из Новой Англии, занимавшихся в водах островов Магдален в основном промыслом сельди и трески, одновременно добывали моржей при первом удобном случае, и делали это, по словам обиженных «владельцев» островов, «безрасчудным и варварским способом... разгоняя их и не давая им возможности размножаться». Охота со шхун была и на самом деле крайне расточительной. Из каждой дюжины обстрелянных в воде животных добывали всего одного-двух, а большинство оставшихся в живых, если им «повезло», становились калеками или гибли рано или поздно, в зависимости от тяжести полученных ими ран.

Столкнувшись с конкуренцией со стороны охотников с рыболовных шхун, Гридли удвоил собственные усилия, чтобы прикончить тех моржей, которые еще оставались в живых, и с этой целью он стал нанимать или принуждать работать на него дополнительное число людей, пока в его распоряжении не оказались пятьде-

сят семей из Акадии, а также группа правонарушителей из Новой Англии. Последовало поистине кровавое побоище. В 1780 году только с одного пляжа было взято четыре отгона, в которых было убито 2400 моржей.

В 1798 году губернатор Ньюфаундленда направил на Магдалены капитана британского военно-морского флота Крофтона, чтобы проверить слухи о якобы угрожающих масштабах опустошения запасов «морских коров». Рапорт Крофтона был лаконичным и категорическим: «Я крайне сожалею сообщить Вам, что на этих островах «морская корова» полностью уничтожена промыслом».

Двумя годами позже, в начале XIX века, ясным весенним утром несколько рыбаков из Акадии пришли на пляж Ля-Бассак на юге Магдален, чтобы накопать двухстворчатых моллюсков на приманку для ловли трески. Внезапно метрах в ста от пустынной отмели из прибрежной волны показалась чья-то огромная голова. Рыбаки разогнули спины и остолбенело уставились на «*vasche marine*», чьи блестящие бивни показались им длиннее тех, что они видели когда-либо раньше. Хорошо держась на волне, «морская корова», казалось, отвечала на взгляды людей с такой твердостью, что некоторым из них стало не по себе. Помедлив, она затем ушла под воду.

Ни одного ее представителя больше в этой цитадели исчезнувшего племени никогда не видели.

После 1800 года моржи исчезли из всех вод к югу от пролива Белл-Айл, где они прежде постоянно жили. В отчетах о заседаниях парламента Квебека в середине прошлого столетия содержится следующее сообщение безымянного чиновника по поводу их исчезновения:

«Обычно они чувствовали себя совершенно свободно, греясь на песчаных пляжах залива Св. Лаврентия. Но сначала французы, а затем англичане и американцы повели против них такую ожесточенную войну, что в на-

чале нашего века почти полностью их истребили... теперь они почти нигде не встречаются, разве что на побережье Лабрадора, в Гудзоновом проливе и Гудзоновом заливе... Их бивни часто попадают на берегах реки и залива Св. Лаврентия. Это — последние остатки животных, убийство которых помогло сколотить многие состояния. Однако полное и окончательное их исчезновение явилось следствием безразличия и недалековидности властей и алчности торговцев».

В дальнейшем моржам нигде не давали передышки. Во второй половине XIX века даже тех моржей, которые обитали в дальних северных водах, стали преследовать британские и американские китобои. Почти полностью очистив арктические моря от китов промысловых видов, они повернули свои орудия и гарпуны против любых других живых существ, на чьих трупах можно было что-то заработать. Первыми жертвами оказались моржи.

Шкуры моржей снова стали пользоваться спросом, на этот раз как сырье для изготовления велосипедных седел. Увеличился спрос даже на моржовую кость, из которой изготовлялись дорогостоящие предметы дамского туалета. Продолжали расти цены и на ворвань. В результате многие китобои ринулись на север, главным образом в погоне за моржами. Очистив от китов и моржей архипелаг Шпицберген, англичане в 1897 году решились идти дальше на восток и открыли на далекой Земле Франца-Иосифа еще не тронутое стадо моржей. За какие-нибудь десять лет они его полностью уничтожили. В Гренландии, как поведал о том в своей «Живой природе» Оливер Голдсмит*, «китобои за один раз, случилось, убивали по 300—400 [моржей]... на тех

---

* Голдсмит (1728—1774) — английский писатель-сентименталист. Критик буржуазных отношений с идеализацией патриархального уклада. — *Прим. перса.*

берегах можно видеть огромное количество костей этих животных, принесенных в жертву тем, кто выслеживал их только из-за своей жадности и стремления к роскошной жизни».

Не менее бедственным было положение моржей в восточных арктических районах Северной Америки. В период между 1868 и 1873 годами в этом регионе убивали в среднем по 60 000 моржей в год, причем из каждых четырех застреленных в море моржей в руки охотников попадал лишь один. Аналогичные побоища происходили и в западных арктических морях, особенно в Беринговом и Чукотском, а также в море Бофорта, где с 1869 по 1874 год китобой-янки добыли примерно 150 000 «морских коров» (из, возможно, вдвое большего числа убитых), получив с них 40 000 бочек жира.

Эта кровавая бойня принесла голод коренным жителям Севера, ведь для них моржи были основным источником питания. Эти несчастные обрели своего защитника в лице китобоя из Новой Англии капитана Бейкера, который однажды потерпел крушение на побережье Аляски и остался в живых только благодаря пришедшим ему на помощь эскимосам:

«Я хочу заявить агентам по получению и отправке грузов судовладельцам в Нью-Бедфорде, что массовый убой моржей, практикуемый почти всеми их судами, неизбежно приведет к вымиранию местных племен, питающихся этими животными... хотя отказ ради эскимосов от предприятия, которое только за один сезон давало 10 000 бочек жира, может показаться нелепостью и вызвать презрительные насмешки... Но пусть эти насмешники узнают о последствиях этой горькой несправедливости... Я совершенно уверен, что такого рода промысел, которому все равно скоро придет конец, будет осужден каждым христианином, сердцу которого дороги принципы гуманизма».

Капитан Бейкер был близоруким оптимистом. Ничто не могло отравить китобоев и почтенных бюргеров

от погони за прибылью. Их собственные отчеты свидетельствуют о том, что к 1920 году они уничтожили от двух до трех миллионов «морских коров», сократив тихоокеанское стадо моржей до нескольких десятков тысяч. В то же время никто не поинтересовался, какая же смертность была после этого среди местного населения северных берегов. Их агония к делу не относилась.

В бойне моржей северных районов участвовали не только промысловики. Начиная примерно с 1890 года и до конца 1920-х годов от Шпицбергена до острова Элсмир курсировали суда «частных экспедиций» охотников-спортсменов из числа американских и европейских миллионеров. На деле эти «экспедиции» сводились к попыткам набивших руку конкурентов убить столько северных животных, сколько никому пока не удавалось. Джентльмены вели тщательный учет жертвам, павшим от выстрелов их дорогостоящих ружей, причем одной из главных мишеней был морж. Один «спортсмен» с гордостью отметил в своем охотничьем дневнике, что всего за три недели его пребывания на северо-западном берегу Гренландии ему удалось записать на свой счет 84 убитых самца, 20 самок и «порядочное число молодых моржей». По собственному его признанию, он, вероятно, убил много больше, однако этика спортивной чести не позволила ему записать на свой счет тех, чью смерть нельзя было подтвердить с бесспорной достоверностью.

В начале вторжения европейцев в Северную Америку в регионе, который позже станет восточной Канадой и северо-восточными штатами США, существовала остаточная популяция моржей, насчитывавшая по меньшей мере три четверти миллиона голов. Еще не меньше четверти миллиона обитали в прилегающих северных морях. К 1972 году общая численность популяций моржей восточного побережья Северной Америки насчитывала, по-видимому, от 5000 до 10 000 особей, при этом их ареал был

ограничен арктическими и субарктическими водами. Несмотря на официальный статус моржей как охраняемого вида, опустошение их запасов все еще продолжается, главным образом из-за бивней, которые снова стали модным товаром в качестве дорогих сувениров и сырья для резчиков по кости. В 1981 году многие тонны моржовой кости были нелегально вывезены из Северной Америки на международные рынки, где бивни моржей продавались по цене до 150 долларов за фунт. На Аляске агенты федерального Управления охраны диких животных США за один день конфисковали 10 000 фунтов бивней. Для такого количества моржовой кости нужно было убить минимум 750 взрослых животных. На берегах Сибири напротив Аляски море выбрасывало столько обезглавленных моржей, что Советский Союз заявил госдепартаменту США официальный протест против продолжающейся бойни.

И все-таки перспектива выживания моржей не выглядит столь уж безнадежно. Каковы бы ни были мотивы, но СССР взял своих уцелевших моржей под защиту, которая оказалась столь эффективной, что этот вид животных начинает хотя бы понемногу восполнять свою утраченную численность как в Баренцевом, так и в Восточно-Сибирском морях. На острове Врангеля стадо моржей, доведенное в начале XX века до грани вымирания русскими и американскими охотниками, в настоящее время взято под полную охрану и увеличило свою численность почти до 70 000 особей, что, по мнению советских биологов, может приближаться к численности первичной популяции. И даже в водах Аляски, несмотря на «охоту за головами» ради добычи моржовой кости, отмечается некоторое восстановление местного стада¹¹⁰.

Но за пределами арктических вод от моржей в основном остались одни кости.

Древние кости!

Близ поселка Олд-Гарри на острове Коффин группы Магдален есть место,

которое и по сей день зовется «Тропой Морской Коровы». Это — овраг естественного происхождения, пролегающий через дюны сыпучих песков от великолепных пляжей Ист-Кейпа (где раньше располагались самые большие лежбища на архипелаге) до чашеобразной впадины диаметром в полкилометра. Эта ранее сухая впадина теперь заполняется на небольшую глубину водой из соседней лагуны.

Как-то раз солнечным летним днем я, разбрызгивая воду, прошлепал по ней вдоль и поперек, ступая босыми ногами — не по песку, а ... по настилу из костей. Во время отлива я решил выкопать на пробу яму и с метровой глубины все еще продолжал выбрасывать темно-коричневую массу рассыпавшихся бурых костей. То был прах тысяч «морских коров», для которых это место стало концом увечившей их тропы.

Устав, я присел отдохнуть на склоне соседней дюны. Большая голубая цапля прохаживалась по краю лагуны. Вдалеке на пустынном океанском берегу в морской пене плескались линяющие чайки. Из соседней рощи веяло сладким запахом бальзама, вызывая в моей душе чувство радостного благоговения. Ленивым движением руки я просеивал сквозь пальцы горсть горячего песка, как вдруг... ощутил на ладони что-то твердое. Это была разъеденная ржавчиной железная мушкетная пуля величиной с небольшую сливу. Она слегка оттягивала мою ладонь... На мгновение все вокруг заколебалось, смешалось и потемнело...

Маслянистые клубы черного дыма высоко поднимались в мертвенно-бледное небо от пламени, ревающего под закопченными котлами с громко булькающим варевом. Окружающий меня горячий воздух наполнял ноздри липкой вонью от смеси запахов гниющего мяса, разлагающейся крови и прогорклого жира. Уши пронзали визгливые крики тысяч чаек и хриплые голоса сотен бакланов, смешавшихся в одну сплошную живую пеле-

ну, которая то и дело меняла форму и направление, нависая над горой туш, заполнивших впадину под моими ногами. Полуголые дети, тощие мужчины и ссутулившиеся женщины с блестящими от пота и жира телами и перекошенными от удушливого дыма лицами рубили топорами и пластовали ножами зловонное сало, содранное с еще корчащихся в агонии тел. Вот гроыхнул мушкетный выстрел.

Птицы на мгновение взмыли в воздух. крича, описали круг и снова опустились на землю, чтобы продолжить пиршество...

Ржавая мушкетная пуля рассыпалась в моей руке. Цапля оторвалась от земли и присоединилась к стае своих сородичей, медленно пролетавших над дюнами к морю — к пустынным берегам Великого Лежбища, где был взят последний отгон.

Глава 17

Дотары и тевяки

В 1949 году молодой ихтиолог Дин Фишер сделал открытие, о котором мог бы мечтать любой занятый практическими исследованиями биолог. Изучая по заданию федерального правительства Канады лососей реки Мирамиши в провинции Нью-Брансуик, он исследовал взаимоотношения между лососями и обыкновенными тюленями. Выбрав жаркий августовский день, выманивший тюленей поваляться на песчаной косе в устье реки, Фишер с помощью бинокля принялся подсчитывать лежащих животных.

Почти сразу его внимание привлекли отдельные тюлени, непомерно превосходившие величиной своих обыкновенных собратьев. Озадаченный, он подобрался, ближе навел бинокль на одного из этих монстров и, почти не веря самому себе, убедился, что перед ним животное, о котором так долго ничего не было слышно; некоторые биологи считали, что в Северной Америке оно уже исчезло.

Существо, которое Фишер формально вновь открыл в тот летний день, известно науке как тевяк, или серый (длинномордый) тюлень. Первые французские поселенцы окрестили его *loup marin** не за предпола-

гаемый волчий характер, а за его жутковатый вой, издавая напоминающий волчий. Поскольку он встречался чаще других тюленей, это название в качестве родового было распространено на все виды тюленей вообще. Позднее как французы, так и англичане наделили данный вид отличительным прозвищем «лошадиная голова» за характерный лошадиный профиль головы у самцов. По сей день его чаще других называют именно так, и этим же названием в основном буду пользоваться и я.

Из нескольких видов тюленей, наиболее часто встречающихся у американского побережья Северо-Западной Атлантики во время появления там европейцев, следует в первую очередь выделить четырех: хохлача, лысуна, обыкновенного тюленя и тевяка, или «лошадиную голову». Наиболее многочисленными из них были первые два, однако они не представляли для вновь прибывших людей большого интереса, поскольку эти тюлени появлялись только зимой и ранней весной, и то большей частью так далеко от берега, что их вообще редко видели. «Лошадиная голова» и обыкновенный тюлень, напротив, встречались в изобилии круглый год почти повсеместно на северо-восточном побережье континента.

* Морской волк (фр.). — Прим. перев.

Их этих двух видов «лошадиная голова» намного крупнее обыкновенного тюленя. Старый самец достигает 2,5 метров длины и 400 килограммов веса, а самки, хотя и не превышают в среднем длины около двух метров, все же кажутся огромными в сравнении с обыкновенными тюленями, которые, независимо от пола, не превышают полутораметровой длины и веса человека средней упитанности.

Будучи животными стадными и полигамными, «лошадиные головы» обычно в январе и феврале образовывали огромные скопления на многочисленных островах и даже на пляжах континента от Лабрадора до мыса Хаттерас, где их самки давали жизнь новому потомству. Некоторые из этих колоний населяло такое огромное число тюленей, что даже в середине 1600-х годов все еще можно было услышать их характерный «волчий вой» за несколько миль от лежбища.

Они старались держаться вместе и в остальное время года. Большие их группы, в несколько сот особей, ловили рыбу в прибрежных водах или сонно дремали на солнце на песчаных барах солоноводных лагун и речных устьев. Эти привилегии они разделяли с их гигантскими родственниками — моржами, с которыми у них были общие, правда в разное время, места для размножения и выращивания детенышей.

Пятнистые, или, как их называют в Европе, обыкновенные, тюлени, или дотары (так их принято называть на Ньюфаундленде, и я предпочитаю это название), живут обычно небольшими семьями. Некогда они, видимо, были более общительны и их многочисленные колонии встречались в заливах, в устьях рек и бухтах на всем протяжении от Каролин до арктических районов. Они чувствовали себя как дома и в пресных водах. Так, до 1800 года одна колония фактически жила почти все время на озере Онтарио и лишь зимовала ниже больших порогов в верховьях реки Св. Лаврентия. Последний представитель этого

теперь исчезнувшего сообщества был убит в 1824 году у Кейп-Винсента на южном берегу озера. Дотары, несомненно, встречались и в крупных реках, впадающих в Атлантический океан, до тех пор пока нашествие охотников-европейцев не вынудило их покинуть эти места. Их нынешняя склонность к жизни небольшими стадами на широком пространстве и привычка к размножению в уединенных местах, подальше от посторонних глаз, объясняются, по-видимому, сравнительно недавно выработанной защитной адаптацией против хищничества современного человека.

Самая ранняя непосредственная ссылка на «лошадиную голову» принадлежит анонимному писцу из команды Жака Картье. Во время второй экспедиции Картье вдоль побережья северо-западного угла залива Св. Лаврентия в 1535 году его люди заходили на веслах в устье реки с песчаными берегами, которая ныне зовется рекой Муази, чтобы поближе познакомиться с неким «существом, похожим с морды на лошадь... мы видели множество их в водах этой реки», которую, кстати, Картье называл «Лошадиной Рекой». Западнее, в устье реки Пентекост, экспедиция обнаружила «большое число «морских лошадей», причем далее сообщается, что еще больше их видели у поселения индейцев — места, где ныне находится город Квебек.

Писец Картье отметил также и присутствие другого тюленя, размером поменьше, — очевидно, это был дотар. Однако предпринимателя из Сен-Мало в первую очередь интересовала именно «морская лошадь». Он быстро сообразил, какую возможность поживиться сулит добыча жира с этих огромных, тучных животных.

Как мы уже знаем, одним из наиболее ценных продуктов, поступающих из северо-восточной части Нового Света в первые столетия эксплуатации ее ресурсов европейцами, была ворвань. Одни охотники за ворванью сосредоточили свои усилия на промысле китов, другие — на промысле моржей,

то есть на промыслах, требовавших значительного опыта и больших вложений капитала. Тюлений промысел не требовал ни того, ни другого. Тюленей могли убивать самые неопытные новички, а добыча тюленьего жира обеспечивала скромное состояние любому, кто мог наскрести средства на приобретение судна и жиротопенного котла, а также на наем экипажа. Кроме того, немалую ценность представляли и тюленьи шкуры*.

Маленький дотар сначала не шел в счет из-за его размеров и сравнительно небольшого количества получаемого жира. Еще в 1630 году Николя Дени заметил: «Редко кто, кроме индейцев, нападает на них». Их время еще придет. А пока что вне конкуренции шла «лошадиная голова».

Когда в 1580 году сэр Хамфри Джилберт рекламировал свою колонизаторскую авантюру, он издал брошюру, в которой «рыба-лошадь» числилась среди главных потенциальных природных ресурсов на новых землях. В кратком отчете о путешествии в 1593 году английского судна «Мэриголд» упоминается о том, что экспедиция обнаружила «большое число тюленей», особенно на западном берегу острова Кейп-Бретон, где и сейчас обитает остаточная популяция «лошадиных голов». Из портовых справочников Саутгемптона мы узнаем, что к 1610 году на Ньюфаундленде били тюленей каждое лето, а в это время года там не могло быть никаких других видов животных, кроме «лошадиных голов» и дотаров. Несколькими годами раньше Самюэль де Шамплейн, исследуя берега южной части Новой Шотландии и заливов Фанди и Мэн, отмечал, что многочисленные тамошние острова «сплошь

усеяны тюленями» и что он слышал о других местах, где индейцы убивают молодых тюленей в зимнее время. Обе эти ссылки определенно относятся к «лошадиным головам».

Тюлений промысел был одним из первых коммерческих предприятий колонистов Новой Англии, и они вели его с эффективностью, заставившей потомков слагать про это легенды. Пристрастившись к налетам на места размножения «лошадиных голов» (на длинной цепи островов у своего побережья) в период щенки, они убивали всех детенышей и столько взрослых тюленей, сколько были в состоянии убить. Беспощадно уничтожая «лошадиную голову», они скоро очистили собственные берега от этого выгодного товара. Затем они отправились на север, и к середине XVII века Николя Дени уже с горечью жаловался на их вторжение в его феодальные владения на Магдаленах, где в больших лагунах собирались десятки тысяч «лошадиных голов». При этом Дени намекал на то, что он изобрел какой-то новый, более эффективный способ летнего промысла тюленей, но, будучи купцом крайне осмотрительным, воздержался от предания подробностей печати.

Рассказывая о французском промысле «лошадиных голов», Николя Дени дает ясно понять, что французы — первые колонисты южной части Новой Шотландии — обладали не менее волчьим аппетитом, чем промысловики Новой Англии. «Самки [тюленей] прибывают примерно в феврале... и располагаются на островах, где они рожают детенышей... Месье д'Оней посылает на их промысел людей на барказах из Порт-Ройаля. Люди, вооруженные тяжелыми дубинками, окружают острова; родители тюленей ищут спасения в море; детенышей же, пытающихся следовать за родителями, останавливают ударами дубинок по носу, от которых они умирают... Лишь немногим детенышам удается спастись... Бывали дни, в которые убивали по шестьсот, семьсот и восемьсот штук... Из трех-четырех

---

* Даже испанцы, владевшие богатствами Вест-Индии и Мексики, не пренебрегали доходами от промысла тюленей. Уже в первое десятилетие после первого плавания Колумба они убивали на Карибах доверчивых тюленей-монахов ради добычи ворвани, а их наследники продолжали это делать с такой хищнической алчностью, что в настоящее время этот вид тюленя считается исчезающим.

детенышей получали бочку жира, который в свежем виде так же хорош для еды, как оливковое масло, и также хорошо горит.

Г-н де Дьервиль был свидетелем такого же смертоубийства в конце XVII века в Акадии и, взволнованный увиденным, написал об этом поэму. Если не обращать внимания на ее архаичный язык, она вполне могла бы быть написана каким-нибудь современным очевидцем охоты на тюленей в наше время. Вот ее конец:

Охотники с тяжелыми дубинками
в руках
Идут по Острову, и громким шумом
бедных
Вспугивают тварей, которые бегут,
спасаясь,
К морю от тех, кто убивает их...
Куда бы ни пытались убежать,
Всех настигает на пути удар —
Отцов, и матерей, и малышей...
На всех удары сыплются, как град;
Достаточно удару одному
Прийтись по носу, и дело сделано.
Но зверь еще живет. Ударом
Ему сознание отшибло только;
Случается, что за какой-то час
По пять-шесть сотен убивают враз.

Как бы ни изобиловало «лошадиными головами» Атлантическое побережье, их было еще больше в заливе Св. Лаврентия, где всю развернули промысел европейские поселенцы, отобравшие у индейцев древние тюленьи лежбища. Память об одном таком лежбище все еще сохраняется в микмакском названии «Ашнотоган», означающем «Место, где мы преграждали дорогу к морю» (чтобы поймать тюленей).

Шарлевуа дает свою картину этого промысла: «Это животное имеет привычку заходить в реки с приливом. Обнаружив такую реку, посещаемую множеством тюленей, рыбаки перекрывают ее ставными сетями, оставляя в них лишь небольшое свободное пространство для входа тюленей. При полной воде они закрывают это отверстие, так что при отливе животные

остаются на суше, и их быстро отправляют на тот свет... Мне рассказывали, что одному матросу удалось однажды захватить врасплох целое стадо... и вместе с товарищами убить их штук девятьсот».

К середине XVII века поселенцы Новой Франции усовершенствовали индейские методы промысла и стали ставить сетные запруды в стратегически важных местах самой реки Св. Лаврентия — там, где «лошадиные головы» проходили близко к берегам. И промысел стал почти таким же прибыльным, как чеканка собственной монеты.

Однако к концу столетия хищнический промысел настолько опустошил стада «лошадиных голов» в реке Св. Лаврентия, что промысловики были вынуждены отправиться на поиск новых мест для бойни. Часть промысловиков теснили тюленей на восток вдоль северного берега залива Св. Лаврентия. В одной из своих научных статей о проведенном в 1705 году обследовании этого Côte du Nord* от острова Антикости до пролива Белл-Айл г-н де Курtemanш описывает, что представлял собой тогда еще девственный берег с точки зрения перспектив для пришедших промысловиков тюленей. Его сведения дают нам редкую возможность взглянуть на племя «лошадиных голов» в его первобытном состоянии: «[Ватикути-Бей] так же богат тюленями, как и другие места... Не приходится говорить, что в этом месте [реки Карибу] ... множество тюленей... А [в реке Этамаму] тюленей больше, чем в любом из ранее перечисленных мест. [На реке Нетагаму] такое обилие тюленей, что их стада можно видеть на островных мысах и на скалах. [От тех мест до Гранд-Мескатины] все острова кишат тюленями. [В Ха-Ха-Бей] за два дня я убил из мушкетов 200 тюленей».

Учитывая, что плавание происходило в летнее время, и принимая во внимание описанное поведение жи-

* Северного побережья (фр.). — Прим. перев.

вотных, можно с уверенностью сказать, что это были не лысуны или хохлачи, а «лошадиные головы» с примесью дотаров. В 1705 году северный берег залива Св. Лаврентия наверняка кишел десятками тысяч этих животных.

Как и моржи, «лошадиные головы» собирались летом в огромные скопления в излюбленных ими местах, среди которых были прибрежные участки Кейп-Кода, островов Сейбл, Микелон, Миску, Принца Эдуарда и Магдален. Все эти острова имели мелководные лагуны, песчаные пляжи и богатые рыбой банки. Первые европейские пришельцы считали эти огромные стада зверей ниспосланными свыше богатейшими кладовыми жира и распоряжались ими соответственно. Сначала главную тяжесть нападения приняли на себя моржи, но по мере уничтожения одного за другим их лежбищ в южной части района их обитания их место в жиротопенных котлах занимали «лошадиные головы», пока к 1750 году большинство летних скоплений этих крупных тюленей не были опустошены до такой степени, что от их былой численности осталось одно воспоминание.

За некоторыми исключениями. Напоминающий своими очертаниями кривую турецкую саблю, песчаный остров Сейбл был слишком далек и опасен для подхода мелких судов, которыми пользовались большинство промысловиков, и в 1750-х годах в его большой центральной лугуне (тогда еще открытой морю), судя по письменным свидетельствам современников, скапливалось «множество» тюленей. Остров Миску, где с глубокой древности каждую осень собиралось до сотни семей микмаков для заготовки на зиму тюленьего мяса и жира, в то время все еще служил прибежищем для внушительной популяции «лошадиных голов». Однако наиболее крупным, по-видимому, было остаточное скопление тюленей на Магдаленах.

Один офицер британского военноморского флота, направленный туда в 1765 году для оценки состояния

моржового промысла, счел также нужным отметить в своем донесении следующее: «Здесь пока не делалось попыток наладить регулярный тюлений промысел, хотя он, вероятно, мог бы оказаться довольно выгодным, особенно между гаванями Хайвуд и Джу-питер, где имеются весьма подходящие условия для установки сетей и где нередко можно видеть в бухтах сразу по две-три тысячи тюленей, играющих или спящих на отмелях».

Спрос на ворвань продолжал расти на всем протяжении второй половины XVIII века, и по мере опустошения запасов моржей и китов усиливался промысел других поставщиков жира — тюленей. К 1780-м годам охота на «лошадиных голов» приняла такой размах, что некий Джесси Лоуренс, предприниматель из Новой Шотландии, построил на острове Сейбл постоянно действующий перерабатывающий завод с тем, чтобы он и его люди могли промысливать тюленей в период щенки, когда корабли не могли подходить к острову из-за непогоды. Однако Лоуренсу недолго пришлось беспрепятственно заниматься своим прибыльным делом. До-тошные коммерсанты из Массачусетса скоро об этом пронюхали и, как только позволила весенняя погода, направили на Сейбл свои зверобойные шхуны. Зверобой-янки не только убили всех тюленей, которых они смогли обнаружить, но также разграбили базу Лоуренса, захватив накопленные им за зиму запасы жира и шкур, и в конце концов заставили его покинуть остров.

Своего рода правопорядок был установлен на Сейбле в 1820-х годах, когда колониальные власти Новой Шотландии построили на острове два маяка со спасательной станцией. Однако этот гуманный акт не принес облегчения тюленям. По свидетельству Томаса Халибёртона, к 1829 году все смотрители маяков и спасатели превратились в исправных убийц тюленей и остров перестал быть местом летних свиданий «лошадиных голов», хотя моржи все еще посещают остров

для щенки». Халибёртон нарисовал наглядную картину убийства зрителями взрослых тюленей на местах щенки: «Каждый человек вооружен дубинкой пяти-шести футов длиною, в утолщенном конце которой закреплен кусок стали в форме пики с одной стороны и заостренного лезвия с другой... Отряд стремительно вклинивается между тюленями и морем, и бросается в атаку... Каждый выбирает себе жертву и наносит ей несколько ударов по голове, сначала пикой, потом лезвием, пока не свалит животное на землю... После того как их изгоняют [с береговых лежбищ]... они исчезают до следующего года».

Подобным же образом с «лошадиными головами» расправлялись на Магдаленах. Обстановка здесь отличалась лишь тем, что на островах давно поселились промысловики, прибывшие для охоты на моржей, и им не составило труда переключиться на промысел тюленей. К 1790 году каждое из нескольких поселений обзавелось собственной жиротопней, и охота на тюленей превратилась в самое доходное занятие островитян. Они убивали при случае и мигрирующих лысунов и хохлачей, а также дотаров. Однако главным объектом промысла на протяжении десятилетий на Магдаленах оставались «лошадиные головы», которых можно было круглый год убивать в большом количестве в лагунах и на пляжах. Большое число тюленей уничтожалось зимой на лежбищах, где самки и детеныши истреблялись так безжалостно, что вскоре из прежде многочисленных лежбищ уцелели лишь удаленные и подчас недоступные лежбища на островах Бэрд-Рокс и Дедмен.

К началу XIX века жир с одной крупной «лошадиной головы» приносил семь-восемь долларов дохода — по тем временам приличный недельный заработок, — и охота на этих тюленей, конечно, все более расширялась. В 1848 году только с Магдален было отгружено 84 тонны, в основном убитых «лошадиных голов».

К 1860-м годам этот вид тюленей был уничтожен в большинстве прежних районов обитания. Срабатывал зловещий закон спроса и предложения: чем реже встречались эти животные, тем дороже ценился их жир и тем ожесточеннее их преследовали. В 1886 году жир с «лошадиной головы» средней величины стоил на «Северном Побережье» 11—12 долларов, а шкура приносила еще полтора доллара.

Можно почти не сомневаться, что вслед за моржом на северо-восточном побережье континента была бы уничтожена и «лошадиная голова», если бы ее не вытеснил из промысла бедняга лысун, ставший главной добычей охотников за жиром. К середине XIX века на его промысел переключились почти все промысловики, не считая горстки охотников-одиночек. Конечно, при каждом удобном случае продолжали убивать и «лошадиных голов», но к тому времени немногие уцелевшие экземпляры этих тюленей, рассеянные на большом пространстве, стали настолько осторожными, что промысливать их вряд ли имело смысл. Так что в начале XX века они канули в спасительную безвестность.

Трудно сказать с уверенностью, сколько «лошадиных голов» существовало во время их первых контактов с европейскими пришельцами. Тем не менее внимательное изучение всех соответствующих источников — географических и морских карт, письменных отчетов и воспоминаний бывших мореплавателей — убеждает меня в том, что между мысом Хаттерас на юге и заливом Гамильтон на берегу Лабрадора первоначально находилось более двухсот лежбищ и общая численность популяции «лошадиных голов» колебалась в пределах от 750 000 до одного миллиона особей. Еще в 1850-х годах на некоторых из этих лежбищ рождалось по 2000 детенышей в год, и все-таки «лошадиные головы» оказались на грани вымирания, в основном из-за систематического опустошения лежбищ. Этот факт не ускользнул от внимания нового поколения «управляющих природными

ресурсами», в чьих руках находится сейчас окончательная судьба «лошадиной головы».

В первые века вторжения европейцев маленькому дотару повезло больше, чем его крупному родственнику — «лошадиной голове». Небольшие габариты, скромный выход жира и разбросанность на большом пространстве уберегли его от промысла. Хотя и не избавили от потерь. По мере того как все больше европейцев — рыбаков и поселенцев — появлялось на Атлантическом побережье Северной Америки, дотары все чаще подвергались нападениям, поскольку охотникам было нужно мясо для еды, тюлений жир для домашних нужд и шкуры для изготовления обуви и одежды. К тому же люди их окончательно вытеснили из бухт и заливов, где они прежде относительно спокойно жили и размножались. В довершение всего, когда ворвань стала цениться на вес золота, на дотаров стали охотиться ради наживы рыбаки и мелкие промысловики. Так, в 1895 году некий капитан Фархар высадился со своей командой на острове Сейбл, и за одно лето они так успешно уничтожали дотаров, что после этого лет десять ни один тюлень здесь больше не появлялся.

В начале XX века сильно поредевшее стадо дотаров все еще занимало большую часть первоначального района обитания. К этому времени нефть, добываемая из скважин на суше, начала вытеснять животный жир из промышленного производства, и последовавшее за этим падение цен на ворвань обещало продлить существование не только дотарам, но и немногим уцелевшим «лошадиным головам».

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Как только люди перестали видеть в этих двух видах тюленей источник прибыли, они изменили к ним свое отношение и стали видеть в них угрозу прибылям. Дело в том, что к началу XX века некогда астрономическая численность атлантического лосося под натиском грабительского промысла начала убывать с та-

кой катастрофической быстротой, что это вызвало запоздалую тревогу рыбопромысловиков. Забеспокоившись, они решительно потребовали от местных властей принять необходимые меры по спасению промысла, разумеется не ущемляя при этом непосланное свыше право рыбной промышленности и богатых и влиятельных рыболовов-спортсменов продолжать уничтожать столько лососей, сколько им заблагорассудится.

Политиканы поступили так, как они привыкли поступать: они поручили своим подручным найти подходящего козла отпущения, на которого можно было бы свалить вину за сокращение запасов лосося — предпочтительно такого, с которым можно было бы безнаказанно разделаться, сняв тем самым всякую ответственность с истинных виновников печальных последствий их собственной алчности.

Тут-то и подвернулись под руку дотары. В тюленях уже давно видели конкурентов рыбаков, а общественности вовсе не обязательно было знать то, о чем прекрасно знали государственные эксперты: дотары редко разнообразят свой стол лососями по той простой причине, что им трудно поймать эту проворную и ловкую рыбу.

В 1927 году федеральное правительство Канады официально заявило о том, что дотары — вредные животные, уничтожающие лососей, и объявило о выдаче премии за каждого убитого дотара. Первоначальная сумма в 5 долларов была по тем временам весьма щедрым вознаграждением, превышавшим рыночную стоимость самого дотара. А чтобы получить награду, охотнику достаточно было предъявить «морду» убитого тюленя инспектору рыбнадзора или другому местному чиновнику. Большинство этих джентльменов были совершенно не способны установить, кому принадлежит предъявленная им окровавленная морда — дотару или какому-нибудь другому виду тюленя. Понятно, что охотники за наградой, не долго думая, принялись убивать всех тюле-

ней подряд, и в том числе последних уцелевших представителей племени «лошадиных голов».

Война, объявленная дотарам, превратила большинство мужского населения прибрежной полосы в охотников за наградой, предоставив им возможность с пользой проводить свободное время и даже существенно пополнять свои доходы. Наступление Великой Депрессии и вызванное ею обнищание рыбаков восточного побережья способствовали тому, что выгодная охота скоро обернулась настоящим крестовым походом против тюленей с гибельными для них последствиями. К 1939 году обширные участки канадского побережья и побережья Соединенных Штатов были уже настолько опустошены, что некоторые рыбаки жаловались, что не могут добыть к столу хотя бы одного тюленя.

И все же отдельные небольшие стада тюленей обоих видов сумели выжить и продержаться в отдаленных и труднодоступных районах до начала второй мировой войны, которая обеспечила им передышку и возможность восполнить потери. Они воспользовались этим как нельзя лучше, и к 1945 году уже насчитывалось две-три тысячи «лошадиных голов» вместе с несколькими десятками тысяч дотаров, причем оба вида попытались вернуться в места своего прежнего обитания.

Этого нельзя было допустить. Если у кого-то и возникала мысль положить конец недостойной войне против тюленей, ей все равно не суждено было воплотиться в действие, потому что рыбаки восточного побережья привыкли считать премию за каждого убитого тюленя как своего рода постоянную субсидию. Отобрать ее у них значило бы рисковать потерей голосов избирателей. Поэтому премию не только не отменили, но и удвоили. Правда, чтобы получить эти десять долларов, теперь необходимо было представить нижнюю челюсть дотара, так как стало известно, что некоторые предприимчивые охотники за деньгами годами изготавливали тюленьи мор-

ды из других частей тела животного. Реформа привела к непредвиденным последствиям. Поскольку челюсть взрослой «лошадиной головы» заметно крупнее челюсти дотара, любители наживы потеряли интерес к «лошадиной голове», и численность этих тюленей продолжала понемногу увеличиваться.

Повторное открытие Дином Фишером в 1949 году существования «лошадиных голов» не вызвало восторга у руководства Министерства рыболовства в Оттаве, а когда они узнали, что за два последних десятилетия численность этих тюленей увеличилась, это повергло их в ужас. Один из служащих вспоминал: «Это было для нас неприятной неожиданностью. Мы списали серого тюленя со счета и надеялись, что скоро разделимся и с обыкновенным тюленем, как того добывались рыбопромышленники. Возвращение серых тюленей создавало проблему. Мы не сразу решили ее».

Прекрасный морозный февральский день. Большой вертолет кружит над скалистым островком, затерянным среди сверкающих глыб морского льда в десятке километров от берегов Новой Шотландии. С темных скал более сотни одетых в белые шубки тюленьих детенышей тарашатся в немом изумлении на чудевище, нависшее над их головами. Со своих мест рядом с детенышами и из дымящихся разводий между припаем и дрейфующим льдом в страхе задирают лоснящиеся головы их родители — несколько десятков «лошадиных голов».

Вертолет, сбавляя обороты, скользит вниз и приземляется. Настежь распахиваются боковые двери. Четверо мужчин, одетых в громоздкие парки военного образца, прыгивают на мерзлую землю, во главе их — два чиновника в претенциозной форме Управления по охране природных ресурсов Канадского министерства по охране окружающей среды. Вся шестерка вооружена крупнокалиберными ружьями или дубинками для «регулирования» численности тюленей.

Они быстро разворачиваются в цепочку, отрезая тюленей от обломленного льдом берега. Встревоженные самки, лишенные возможности уйти к замерзшей воде, возвращаются к своим жалобно попискивающим детенышам, затем, остановившись, в нерешительности толкуются на одном месте, пока раскатистый грохот ружейных выстрелов не приводит их в состояние панического ужаса. На безвольную плоть обрушивается целый шквал полуоболочечных пуль*. Нескольким раненым самок прорываются к берегу; судорожно изгибаясь, они плюхаются в полыньи и исчезают в темной пучине. Остальные умирают на острове, некоторые — продолжая кормить детенышей.

Детеныши не успевают осмыслить внезапное побагровение их маленького мирка. В разрозненный грохот ружейных выстрелов вплетаются какие-то новые звуки: чак... чак... чак, напоминающие тошнотворные звуки ударов колотушкой о дыню — это государственные служащие и наемные охотники дубинками методично разбивают черепа всех попадающихся им новорожденных тюленят.

Операция проводится быстро и умело — чувствуется твердая рука профессионалов. Вдали от посторонних глаз они занимаются подобными налетами на лежбища «лошадиных голов» с 1967 года с одним заданием — «найти и убить». С тех пор каждый год, за два месяца до начала позорной в глазах всего мира бойни гренландских тюленей в канадских водах, официальные лица, состоящие на службе у федерального правительства Канады, ведут тайную войну против «лошадиных голов» — серых тюленей. Они выполняют эту работу по поручению ведомства, именуемого теперь Министерством рыболовства и морской среды. Она и является частью «решения» проблемы, возникшей из-за неожиданного возвращения серых тюленей от края гибели.

* Их действие подобно разрывным пулям. — *Прим. ред.*

В Северной Америке сохранились лишь пять сколько-нибудь значительных лежбищ «лошадиных голов», все — на канадской территории. Они располагаются у берегов Новой Шотландии на островах Амет, Кемп и Хат, на удаленном от материка острове Сейбл и на паковых льдах, скапливающихся в проливе Нортамберленд. Последнее из них образовалось, по видимому, сравнительно недавно в результате отчаянных усилий тюленей, некогда размножавшихся у западного побережья Кейп-Бретона, найти такое место для рождения потомства, которое Управление по охране природных ресурсов не превратило бы в очередное тюленье кладбище. Существовавшее недавно лежбище на острове Дедмен из архипелага Магдален сейчас практически уничтожено. Серые тюлени все еще обитают на острове Маскигет, но с 1964 года там появилось всего одиннадцать детенышей.

В 1981 году я посетил остров Хат у южного берега Кейп-Бретона и обнаружил, что его голая земля усеяна костями и разлагающимися тушами тюленей. Большей частью это были останки детенышей «лошадиных голов», но среди них попадались и останки взрослых животных, преимущественно самок. Все они погибли от опытных рук или по приказу должностных лиц Управления по охране природных ресурсов, в течение последних семнадцати лет навещавших остров Хат каждую зиму и уничтоживших на нем практически всех новорожденных тюленей. Подобные сцены физической расправы повторялись ежегодно и на всех других лежбищах вплоть до 1983 года включительно, кроме одного, которое поисковые самолеты и вертолеты прозевали на плавающих льдах в проливе Нортамберленд.

И лишь на удаленном почти на двести километров от материка острове Сейбл колонии «лошадиных голов» было позволено производить на свет и воспитывать детенышей в условиях относительной безопасности. Относительной, потому что даже на этой далекой территории спокойствие на-

рушают биологи правительственных служб, которые многие годы клеймили всех попадавших им детенышей; они продолжают метить молодняк и по сей день. Смертность среди детенышей от потрясения, инфекций или от того, что матери бросали своих меченых детей, была высокой, но и этим еще не исчерпывались страдания, выпавшие на долю тюленей на острове Сейбл. Чтобы получить «научные образцы», там регулярно забивается дополнительное число как молодых, так и взрослых тюленей. До весны 1984 года в научных целях были «изъяты» 865 «лошадиных голов».

Колонии тюленей на острове Сейбл разрешено существовать отчасти потому, что она служит научно-исследовательской лабораторией, где ученые могут собирать материал для публикаций, от которых в большой степени зависят их слава и доходы. В то же время этот остров привлекает к себе повышенное внимание общественности тем, что в его окрестностях открыты месторождения природного газа, и в связи с существованием на острове знаменитого стада диких лошадей. Поэтому здесь просто трудно тайно устроить бойню, подобную тем, которые практикуются во время налетов на другие лежбища «лошадиных голов». Она, безусловно, вызвала бы гневные протесты организаций, борющихся за сохранение природных ресурсов. Впрочем, подобная перспектива не очень-то занимает умы чиновников из Министерства рыболовства и морской среды, которое недавно санкционировало «контролируемую отбраковку» «лошадиных голов» на острове в пока еще не установленные сроки — предположительно, когда внимание общественности будет приковано к чему-то другому.

«Логическим» обоснованием этого планируемого мероприятия послужило увеличение численности популяции тюленей. При этом никого не волнует, что это увеличение скорее кажущееся, чем реальное, поскольку возрастание численности тюленей на пляжах Сейбла идет за счет взрослых тюленей,

вынужденных под угрозой гибели покинуть свои исконные лежбища на материке и переселиться на остров.

«Контролируемая отбраковка» — это, несомненно, одна из наиболее отвратительных надуманных формулировок, изобретенных «управляющими охраной и воспроизводством природных ресурсов» с целью скрыть подлинные намерения их политических и промышленных боссов. По отношению к «лошадиным головам» это омерзительно циничный обман, прикрывающий фактически *бесконтрольный* убой, нацеленный на практическое уничтожение этого вида тюленей в канадских водах. Внимательное изучение статистических данных Министерства рыболовства и морской среды подтверждает это с мрачной очевидностью. Я подсчитал, что с начала «контролируемой отбраковки» в 1967 году по крайней мере 90% всех родившихся не на Сейбле детенышей было уничтожено ведомством, по странной случайности названным «Управлением по охране природных ресурсов». В ходе разбойничьих налетов на этих тюленьих лежбищах в период между 1967 и 1983 годами, согласно подтвержденным данным, было убито более 16 000 детенышей и 4000 взрослых особей.

Трудно поверить, что государственное учреждение цивилизованной страны могло пойти на столь грубый обман общественности, чтобы попытаться скрыть вопиющий пример бицида. Какой благородной или полезной цели он мог послужить?

Когда я попросил разъяснений у министра рыболовства и морской среды, существо его ответа заключалось в унылом заявлении, представляющем новый образец заумной тарабарщины: «Тюлени тормозят максимализацию потенциального развития рыбного промысла, отрицательно влияя на рациональное использование этих природных ресурсов, и максимальное развитие процветающей экономики. Такие имеющие неблагоприятные последствия факторы должны устраняться с помощью научно обоснован-

ных программ использования и воспроизводства природных ресурсов, подобных той, которую мы осуществляем в настоящее время».

Для того чтобы обосновать этот по существу смертный приговор, министерство выдвинуло три конкретных обвинения в адрес «лошадиных голов». Первое: они причиняют огромный ущерб орудиям лова и, следовательно, уловам прибрежных рыбаков. Второе: они пожирают огромное количество рыбы, которая в противном случае могла бы стать добычей профессиональных рыбаков. Третье: они распространяют паразита, известного под названием трескового червя, который снижает продажную стоимость трескового филе и сильно обременяет рыбную индустрию. Все эти обвинения носят не только крайне показной, но и откровенно лживый характер. Рассмотрим их одно за другим.

Рыбный промысел является и всегда был рискованным предприятием. Рыбаки соответственно учитывают возможность утраты орудий лова. Однако фактический ущерб, причиняемый уловам и орудиям лова *всеми* видами тюленей в канадских водах Атлантического океана, составляет менее одного процента от их общих потерь, происшедших из-за штормов, встречи с судами, предумышленной порчи орудий лова, встречи с акулами и даже медузами, так забивающими ячею, что сети уносятся в море мощными приливными течениями.

На основании данных, которые сами по себе вызывают сомнение в их достоверности, министерство утверждает, что «лошадиные головы» ежегодно потребляют 50 000 метрических тонн (данные 1980 года) рыб ценных пород, или 10% от 500 000-тонного годового улова рыбы на северо-восточном побережье Канады. Это обвинение приписывает «лошадиным головам» (ничем не доказанное) потребление менее чем 20 000 тонн рыбы даже видов, имеющих высшую продажную цену. Более того, предполагаемый тоннаж представляет *живой* вес, то есть вес рыбы в *целом* виде,

в то время как показатели промысловых уловов учитывают вес продуктов переработки рыбы, то есть только той части рыбы, которая идет на продажу в упаковке. Общий улов канадских рыбопромысловиков в 1980 году составил примерно 1,2 миллиона тонн. Следовательно, количество ценных промысловых рыб, употребляемых в пищу тюленями, не может превышать 1,6% от общего вылова.

Иногда статистические данные используются для сокрытия истинного положения вещей. О том, что приведенные выше цифры, опубликованные Министерством рыболовства и морской среды, преследуют именно эту цель, свидетельствует следующее утверждение ведущих биологов министерства д-ра Артура Мэнсфилда и Брайана Бека в Техническом докладе Управления рыбохозяйственными исследованиями Канады: «[Имеющиеся] данные указывают на то, что два наиболее крупных коммерческих промысла — сельдевый и тресковый — не испытывают большой конкуренции со стороны серых тюленей».

И последнее из предъявленных обвинений. Действительно, часть жизненного цикла нитевидного трескового червя* проходит в пищеварительном тракте тюленя (и некоторых других животных) и в мышечной ткани трески. Сам этот червь не опасен для здоровья людей — он только портит внешний вид готовой продукции. Однако владельцы рыбоперерабатывающих предприятий уже давно успешно справляются с этой проблемой. Используя метод, аналогичный проверке яиц на свет, контролеры удаляют из филе обнаруженных червей.

Насколько тяжелым бременем такая проверка ложится на двухмиллиардную экономику канадской рыбной промышленности, можно судить по тому факту, что в 1978 году на тридцати основных рыбоперерабатывающих предприятиях восточного побережья этой проверкой были заняты всего 65 чело-

---

* Один из видов гельминтов; развивается в мышечной ткани трески. — *Прим. ред.*

век, в основном женщины, работавшие неполный рабочий день. От себя я мог бы добавить, что эти 65 рабочих мест были и остаются остро необходимыми в условиях хронической безработицы в восточных провинциях Канады.

И еще одно. Пользующийся авторитетом Комитет по морским млекопитающим Международного Совета по исследованию моря на своем заседании в Дании в 1979 году рассмотрел все имеющиеся данные по проблеме трескового червя и пришел к следующему заключению: «Мы не можем утверждать, что с уменьшением численности тюленей сократится заражаемость трески [тресковым червем]».

Министерство рыболовства и морской среды выдвигает во многом аналогичный набор обвинений в адрес других видов тюленей: лысуна, хохлача и дотара. Последний из них уже не может представлять какой-либо угрозы благополучию канадской экономике: с 1926 по 1954 год численность популяции дотаров вследствие поощряемой вознаграждениями охоты сократилась с предполагаемого первоначального уровня в 200 000 особей до менее чем 30 000. Не довольствуясь даже таким массовым истреблением, министерство удвоило размер премии, в результате чего, по подсчетам правительственных биологов, в канадских водах восточного побережья уцелело менее 12 700 дотаров. Большинство из них цеплялись за свое ненадежное существование на пустынных участках берега, безлюдных оттого, что люди либо были заняты рыбной ловлей, либо решали, стоит ли там заниматься и тюленьим промыслом.

В 1976 году, спустя полстолетия «регулирования» природных ресурсов, федеральные власти решили, что уничтожение дотаров успешно завершено и что вознаграждение уже не приносит какой-либо физической или политической выгоды, поскольку едва ли найдутся люди, заинтересованные в охоте на немногих уцелевших, к тому же ставших очень осторожными тю-

леней этого вида. Вместе с тем, в силу какого-то удивительного совпадения, власти одновременно пришли к заключению о том, что «контролируемая отбраковка» недостаточно быстро сокращает численность «лошадиных голов»: поэтому, вместо того чтобы отменить вознаграждение, они перенесли его с одного вида на другой.

Такое решение не оставляло дотарам шансов на восстановление их численности, поскольку большинство выплачивавших премии чиновников не могли отличить челюсть молодой «лошадиной головы» от аналогичной челюсти взрослого дотара. К тому же сумма премии была увеличена до 25 долларов. Такая щедрость снова привлекла толпы охотников к участию в воскресней бойне тюленей обоих видов.

В течение 1976 года для получения премии были предъявлены челюсти 584 «лошадиных голов» и неустановленного числа дотаров, однако эта цифра представляет собой всего лишь пятую часть фактически убитых тюленей. Как прекрасно известно консервативному руководству Министерства рыболовства и морской среды, одно из преимуществ применения системы поощрительных вознаграждений состоит в том, что на каждого убитого и вытащенного из воды тюленя приходится несколько убитых и пошедших ко дну или позже умерших от ран животных. В июле 1976 года министерские чиновники беседовали с восемнадцатью рыбаками, которые рассказали, что из попавших под их выстрелы 111 тюленей (считавшихся ранеными или убитыми) удалось вытащить из воды лишь 13%. Эти показатели промысловой смертности, разумеется, отсутствуют в официальной статистике. Очевидно, однако, что выплаченные в 1976 году вознаграждения отражают гибель не менее 1500, а возможно, и 2000 «лошадиных голов».

Но увеличение числа истребляемых в год тюленей за 1977 и 1978 годы показалось, как видно, недостаточным министру рыболовства и морской сре-

ды Канады, и в 1979 году сумма премии за добычу каждого взрослого тюленя была удвоена до 50 долларов. Чтобы еще более разжечь аппетиты охотников, еще 10 долларов доплачивалось за добычу клейменого тюленя и *сверх того* еще 50, если на теле тюленя имелась метка. В том году в ходе розыгрыша этой позорной лотереи смерти было уничтожено более 3000 «лошадиных голов».

Если бы охотников отбирали из самых опытных и добросовестных метких стрелков, то бойня могла бы быть менее кровавой, но охотников не выбирают. И хотя министерство благочестиво настаивает, чтобы тюленей разрешалось убивать только «честным рыбакам, потерпевшим от тюленей финансовый ущерб», правда состоит в том, что охотником за наградой может стать каждый достаточно взрослый, чтобы держать в руках ружье, житель приморских провинций. К примеру, любому жителю Новой Шотландии достаточно приобрести за пять долларов разрешение на любительскую рыбную ловлю, чтобы легализовать приобретенное еще за один доллар разрешение на использование ружья для охоты на тюленей в течение целого года. Этим пользуются сотни охотников, сочетая приятное времяпровождение с пользой для своего кармана. Они без разбора стреляют в *каждого* обнаруженного тюленя любого вида ради спортивного интереса и, чем черт не шутит — а вдруг да попадет *«лошадиная голова»*? Поскольку им разрешено пользоваться своими ружьями даже в сезоны, запретные для охоты на другую дичь, они не упускают возможности потренироваться в меткости на дельфинах, китах и даже — чему я сам был свидетелем — на тунцах.

В 1979 году я пытался уговорить министра рыболовства и морской среды отменить поощрительное вознаграждение, ссылаясь на некоторые примеры связанных с ним злоупотреблений. Мне ответили, что этот вопрос рассматривается. На следующий год я представил подробный доклад об

очевидном биоциде против тюленей ответственному за это лицу — почетному Ромео Ле Бланку, министру рыболовства и морской среды. Через *четыре месяца* он сообщил в ответ, что он и его научные консультанты с удовлетворением отмечают отсутствие причин для беспокойства. Он заключил свое письмо следующим замечательным заявлением: «Нашей политикой является довести запасы промысловых рыб и морских млекопитающих до уровней, обеспечивающих канадцам устойчивый и контролируемый вылов и одновременно гарантирующих благополучное состояние этих ценных природных ресурсов. В намерения Министерства никогда не входило действовать иным образом».

С начала выплат охотникам кровавых денег в 1976 году, вкуче с «отбраковкой» на лежбищах, было уничтожено не меньше 50 000 «лошадиных голов» (и несколько тысяч дотаров). Довольно трудно представить, каким же образом обеспечивается «благополучие» конкретно этих «ценных природных ресурсов».

На очередной сессии постоянной комиссии Международной Конвенции по торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, проходившей в Европе весной 1981 года, представитель Франции указал на угрожающее положение, сложившееся во всем мире с запасами серых и обыкновенных тюленей. Он предложил включить оба этих вида в Приложение II к Конвенции, которое рекомендует «воздерживаться от промысла, несовместимого с выживанием того или иного вида».

Канада соответствующую резолюцию поддержать отказалась.

Что было по крайней мере логично. Канада уже давно отказалась присоединиться к США, которые еще в 1972 году взяли под полную защиту исчезающие виды дотаров и «лошадиных голов». Теперь же Ле Бланк предпочел придерживаться

рекомендаций, принятых в 1981 году Канадским научно-консультативным комитетом по рыболовству в Атлантическом океане. Эта столь громко именующая себя организация видела главную, хотя и необъявленную, цель своего существования в содействии осуществлению правительственной политики. Ее предложение гласило: «В качестве краткосрочной стратегии, направленной на стабилизацию или дальнейшее сокращение популяции серых тюленей, [рекомендуется] добывать в следующие два года от 8000 до 10 000 животных [в год]».

Министерство рыболовства и морской среды приложило максимум усилий для выполнения этой рекомендации. Но несмотря на то, что в 1982 году на лежбищах было «отбраковано» 1846, в 1983 году — рекордное количество — 2690 (в том числе 1627 детенышей и 927 взрослых самок) «лошадиных голов», запланированного уровня достичь не удалось — в прибрежных водах такого количества серых тюленей просто не существовало. Если бы «отбраковка» была распространена на остров Сейбл — последнее прибежище «лошадиных голов», — то плановое задание комитета можно было бы выполнить с большим успехом.

Министерство Ле Бланка, конечно, намеревалось направить на остров Сейбл летучие отряды убийц из своего Управления по охране природных ресурсов, однако, учитывая возникшие тогда трудности с «отбраковкой» лысунов и хохлячей перед лицом нарастающего международного протеста (о чем речь пойдет в следующих главах), оно решило, что в отношении бойни тюленей на Сейбле лучшей доблестью будет проявить сдержанность — по крайней мере на время.

С 1981 года я провожу ежегодную оценку численности популяций дотаров и «лошадиных голов» в характерных местах обитания Восточной Канады. Места, которые я лично не имею возможности посещать, обследуют по моему поручению компетент-

ные натуралисты. Вот пример такого типичного выборочного анализа.

Еще в конце 1950-х годов, посещая остров Микелон, я отмечал скопление там в середине лета до 300 «лошадиных голов» и дотаров (больше — первых). А в 1983 году за два дня наблюдений четыре наблюдателя насчитали там не более 100 тюленей обоих видов, причем некоторых, возможно, просчитали дважды. Дело в том, что до настоящего времени продолжается оживленная торговля челюстями тюленей, добытых на этом французском острове, которые контрабандой привозятся на Ньюфаундленд или в Новую Шотландию, где за них выплачивают вознаграждение, не задавая лишних вопросов.

В 1960-х и в начале 1970-х годов я проводил летом многие часы на Магдаленах, наблюдая за «лошадиными головами». В начале 1960-х годов их более или менее не беспокоили, и они проявляли такую терпимость к людям, что мне даже однажды удалось подплыть к стаду тюленей, лениво нежившихся на пляже. Выбравшись на берег и изображая из себя тюленя, я подполз к ним вплотную. Очутившись почти бок о бок с тремя десятками взрослых «лошадиных голов», которые на таком близком расстоянии показались мне настоящими великанами, я невольно испытывал робость. Это было опасное приключение. Когда испуганное низко летящим самолетом стадо вдруг сорвалось с места и устремилось к воде, я на мгновение окаменел от страха не столько быть покусанным, сколько раздавленным стадом этих «паровых катков». Мои опасения оказались напрасными: они с непринужденной легкостью обходили мое распростертое на земле тело.

Когда я впервые познакомился с Магдаленами, местная популяция «лошадиных голов» насчитывала несколько сот особей, и ее численность постепенно увеличивалась. Однако в результате охоты за вознаграждением и «отбраковки» этот вид тюленей

был там практически уничтожен. Это была настоящая вакханалия убийств, о которой с негодованием отзывался Жак Ив Кусто, посетивший архипелаг в 1979 году.

Уже несколько лет не прекращаются жалобы туристов по поводу смрада, распространяемого мертвыми тюленьими тушами на пляжах острова Принца Эдуарда. Часть этих пляжей стала небезопасной для посещения, поскольку можно было попасть под рикошет пуль, выпускаемых по тюленям. И под давлением местного Управления туризма федеральные власти вынуждены были запретить охоту за вознаграждением на время туристического сезона. Тем не менее в ходе последнего обследования более чем полутораста километровой полосы островных пляжей мы насчитали там всего девятнадцать «лошадиных голов» и пару дотаров, причем пять из этих тюленей были мертвыми — они погибли от пулевых ран.

На протяжении почти всего прошлого столетия индейцы племени микмак каждую осень собирались на острове Миску, чтобы поохотиться на тюленей, обеспечивавших их едой и одеждой. Еще в 1965 году серые тюлени были на острове привычным явлением. Но во время недавнего посещения острова один из моих коллег не обнаружил там ни одного тюленя. Как рассказали ему местные рыбаки, в прошлом году убили «с дюжину» тюленей, и теперь они появляются так редко, что даже не привлекают охотников.

Последние несколько лет я жил на юго-восточном побережье острова Кейп-Бретон. Когда я впервые попал туда, то почти в любой летний день мог видеть из окон моего дома дватри десятка «лошадиных голов». Сейчас я считаю, что мне повезло, если в течение месяца увижу двух-трех живых тюленей.

И все же...

В номере от 26 января 1984 года в торонтской газете «Глоб энд Мейл» появилась статья под заголовком «Тюлени возвращаются — так счита-

ют ученые». Она содержала следующие голословные утверждения: «За последние 10—15 лет популяция серых тюленей разительно увеличилась, заявил эксперт [федерального правительства] г-н Стобо, специалист по серым и обыкновенным тюленям... По его словам, одновременно с сокращением промысла тюленей наблюдается явное уменьшение количества акул в водах Северной Атлантики. Численность тюленей растет... Нарастают требования к руководству рыбной отраслью провести отбраковку в целях регулирования численности популяций тюленей, заявил Дан Гудмэн — старший консультант по перспективному планированию Министерства рыболовства и морской среды. Общая численность популяции серых тюленей оценивается в пределах от 30 000 до 60 000...»

Когда правительства лгут, они это делают с убеждением. Из многих ученых — специалистов по тюленям, с которыми я беседовал, ни один не верил тому, что сегодня остается в живых больше тюленей, чем их было в недавнем или далеком прошлом. Даже по самым оптимистическим оценкам, численность популяции серых тюленей в канадских водах не превышает 30 000, а по мнению некоторых ученых, она составляет даже менее половины этого количества. Один из них не без иронии предположил, что мистер Гудмэн, возможно, «по рассеянности» назвал численность всей мировой популяции серых тюленей!

Светлый луч нет-нет да и пробьет-ся сквозь толщу тьмы. В июле 1983 года парламентская комиссия по тюленям и тюленьему промыслу — официальный консультативный орган Министерства рыболовства и морской среды — рекомендовала Пьеру де Бане (преемнику Ле Бланка) «прекратить отбраковку серых тюленей, ибо комиссия не видит смысла или оправдания ее продолжению. При этом мы снова утверждаем, что система денежных премий, как средство конт-

роля численности, антигуманна и бесполезна».

Эта резкая, без обиняков, рекомендация, казалось, возымела действие на фоне гибельных для Канады последствий развернутой в 1983 году массовой кампании против гренландского тюленя. В начале 1984 года министерство объявило, что на этот год планируется «отбраковка» всего трехсот детенышей. Однако массовая бойня на лежбищах запрещалась только на 1984 год, и выходит, что это был не более, чем тактический маневр, не меняющий стратегию потенциального уничтожения, которой продолжает придерживаться Министерство рыболовства и морской среды. Убийство за вознаграждение будет продолжаться, как и раньше. Больше того, есть основания предполагать, что эта практика снова неофициально будет распространена на дотаров в южной части провинции Нью-Брансуик.

В настоящее время тщательно подготовленные усилия считающихся «независимыми» рыболовных организаций направляются на увеличение размера денежного вознаграждения. Есть и другие предложения, которые, как я полагаю, инспирированы тем же министерством и в настоящее время направляются в его адрес якобы от лица общественности. К таким, в частности, относится предложение последовать примеру Ирландии и организовать для иностранных охотников-спортсменов платные экспедиции типа сафари для охоты на серых тюленей. «Свободной охоты на тюленей» домогаются и рыболовные организации восточного побережья. Специальными призами будут награждаться те добропорядочные граждане, которые запишут на свой счет наибольшее количество очков (читай: убийств), и будут устраиваться празднества в честь тех, кто «помог Канаде справиться с этой нарастающей угрозой нашему рыбному промыслу». Истинные намерения властей выплыли наружу в канадском прессбюллетене от 14 мая 1984 года.

«Оттаве говорят: срочно требуется отбраковка тюленей. Власти Новой Шотландии и федеральное правительство в течение нескольких месяцев рассматривали возможность отбраковки серых тюленей — об этом сообщил министр рыболовства провинции Джон Лифи.

Г-н Лифи заявил в пятницу о том, что тюлени ежегодно пожирают у восточного побережья 1,5 миллиона тонн трески и распространяют паразита, снижающего ценность этой рыбы. Из-за заражения тюленьим червем *раздельщики рыбы отказываются покупать треску, пойманную у острова Сейбл — одного из основных мест размножения серых тюленей* (курсив мой).

Г-н Лифи сообщил, что правительство Новой Шотландии хочет быстро организовать отстрел, однако Оттава не склонна к этому, опасаясь враждебной реакции общественности. Промысловая охота на тюленей у побережья Ньюфаундленда и Квебека привела к тому, что антизверобойные группы организуют среди потребителей в Англии и США бойкот канадской продукции.

Оттава и четыре приатлантические провинции должны принять участие в отбраковке, заявил г-н Лифи.

По его словам, Оттава «была бы в восторге, если бы правительство Новой Шотландии в одиночку справилось с этой проблемой, однако провинция не в силах этого сделать. Г-н Лифи заявил, что популяция серых тюленей, которая двадцать лет тому назад, согласно оценке, насчитывала несколько тысяч особей, ныне увеличилась примерно до 100 000».

Теперь, кажется, предельно ясно, что устойчивое выживание дотаров и тевяков зависит не от просвещенной и честной политики — ее нечего ждать от правительственных министерств и их патронов и прислужников, а от активных действий таких независимых организаций, которые могли бы подняться на борьбу в защиту серых тюленей.

Смерть на льду (старый стиль)

Теперь пора сказать, что корабли Карлсефни под командой Снорри и Бьярни двинулись вдоль побережья на юг. Долго-долго плыли они, пока не пришли к реке, впадавшей в заводь, а оттуда — в море. Они поселились на берегу заводи и прожили там всю зиму.

Когда пришла весна, однажды утром, с юга приплыло множество обшитых шкурами челноков. Их было так много, что казалось, будто кто-то рассыпал в море древесный уголь. Обе стороны сошлись вместе, и начался торг.

Поблизости паслась часть стада скандинавского скота, и из леса выбежал бык и громко замычал. Это напугало скрэлингов, они побежали к своим челнокам и, взявшись за весла, быстро уплыли прочь. Три недели их не было видно, а затем они снова появились с юга. Тогда Карлсефни и его люди вооружились красными щитами и приготовились защищаться. Скрэлинги выпрыгнули из своих челнов, пошли на скандинавов, и началось сражение.

Фрейдис Эриксдотир вышла во двор и, увидев, что Карлсефни и его люди отступают, пыталась присоединиться к ним, но не смогла догнать их, так как была беременна. Затем она увидела перед собой убитого воина, рядом с которым лежал обнаженный меч. Фрейдис схватила его в руки и на глазах у приближавшихся скрэлингов сбросила с себя рубашку и ударила клинком по своим грудям. Увидев это, скрэлинги сильно испугались, убежали к своим челнокам и ушли в море. После этого Карлсефни и его люди поняли, что из-за скрэлингов их жизнь в этой привлекательной стране была бы наполнена страхом и волнениями, поэтому они решили уйти оттуда. Они поплыли вдоль побережья на север и, захватив врасплох пятерых одетых в шкуры скрэлингов, предали их смерти.

Этот сокращенный пересказ древнескандинавской саги описывает событие, случившееся около 1000 года, когда скандинавы из Гренландии попытались обосноваться на западном берегу Ньюфаундленда. Попытка потерпела неудачу из-за столкновения с местными жителями, которых скандинавы называли «скрэлингами». Почти целое тысячелетие оставалось загадкой, что это были за люди.

Теперь мы знаем, что это были не индейцы, как можно было бы думать, а эскимосы так называемой «дорсетской» культуры, переселившиеся из полярных областей в зону относительно умеренного климата залива Св. Лаврентия по той же причине, которая побудила переселиться сюда многих других северных обитателей, таких, как гренландский кит, белуха, морж и белый медведь,— потому что это место отвечало их потребностям.

Скрэлинги охотились на тюленей, и привело их к заливу и заставило поселиться на его берегах невообразимое множество этих животных, населявших окрестные воды, особенно вида, известного нам под названием лысун, с которым так неразрывно сплелась их жизнь.

Скрэлинги благополучно жили на всех берегах Северной Америки, прилежащих к морям, в которых в изобилии водились тюлени. Места их обитания все еще можно обнаружить на берегах моря Баффина, Девисова пролива, на восточных островах Канадского Арктического архипелага и далее к югу по берегам Лабрадора и залива Св. Лаврентия, по крайней мере до пролива Кабота. Их легко узнать по характерным микролитовым орудиям* каменного века, найденным в кучах из кухонных отходов первобытного человека, и прежде всего — по составу самих отходов, содержащих разложившееся органическое вещество и остатки костей тюленей. Отдельные наслоения, например в Англе,

Порт-о-Шуа и на мысе Рей на Ньюфаундленде, столь обширны, а слагающие их черные, жирные слои давно сгнивших отходов так густо насыщены тюленьими костями, что создают впечатление последствий колоссальной бойни. Однако это не более чем иллюзия: эти образования являются продуктом восьми-девятивековой охоты многих поколений людей, для которых лысун был, что называется, хлебом насущным.

Взрослый лысун — тюлень средней величины, весом около 150 килограммов и длиной 1,7 метра, по своим размерам находится где-то посередине между маленьким дотаром и огромной «лошадиной головой». Этот типичный житель северных широт проводит большую часть своей жизни среди (или около) плавучих льдин или дрейфующего пака. Лысун — превосходный пловец и может нырять на глубину около 200 метров и оставаться под водой или льдом до получаса.

Популяция лысунов состоит из трех обособленных стад. Одно обитает в Белом и Баренцевом морях на севере Европы, второе — в Гренландском море восточнее гигантского острова Гренландия, и третье, самое многочисленное, населяет воды Северо-Западной Атлантики. Последнее, которое интересует нас больше других, проводит лето на севере в водах бассейна Холла в 700 километрах от Северного полюса, но рождает детенышей у северо-восточного побережья Ньюфаундленда и в заливе Св. Лаврентия. В процессе ежегодного миграционного цикла тюлени этого стада должны совершать путешествия длиной не менее 9000 километров.

За несколько недель до начала замерзания арктических вод лысуны этого западного стада начинают свою осеннюю миграцию на юг; вдоль побережья Лабрадора плывет почти непрерывный поток из тысяч и десятков тысяч тюленей, а когда-то в этой процессии участвовало несколько миллионов особей. К концу ноября передовые отряды достигают пролива Белл-

---

* Мелкий каменный инструмент, изготовленный из осколков или из отщепов более крупных камней.— *Прим. ред.*

Айл, где поток тюленей раздваивается. Более мощная ветвь проходит через пролив и движется на запад вдоль северного берега залива Св. Лаврентия. Какое-то представление о силе этого потока можно получить из рассказа одного французского торговца, который осенью 1760 года был очевидцем миграции лысунов у северной оконечности Ньюфаундленда. По его словам, тюлени десять дней и ночей подряд заполняли все морское пространство от берега до горизонта. Они, бывало, доходили на запад до самого Иль-о-Кудра в нескольких милях от города Квебек, хотя сегодня те, что от них остались, редко добираются дальше реки Сагеней.

Другая ветвь от пролива Белл-Айл, похоже, уходит на юго-восток и... исчезает. По мнению некоторых биологов, она достигает Большой Ньюфаундлендской банки, где тюлени остаются на зиму, однако убедительных доказательств этому нет. Наиболее вероятно, что тюлени, которые известны как хорошие пловцы, огибают Ньюфаундленд с востока и входят в залив Св. Лаврентия через пролив Кабота. После чего они предположительно направляются на север вдоль западного берега Ньюфаундленда, где их появление было когда-то чудесным даром для поджидавших их скрэлингов.

Но это, в общем, из области предположений. Подумать только: в наш век электронных глаз и ушей, когда моря полны промысловыми судами, местообитание огромных стад лысунов с января до второй половины февраля все еще остается, по существу, неизвестным!

В зимние месяцы гигантский язык полярного пака шириной более полутора километра выносится к югу Лабрадорским течением, пока в середине февраля одни его «отроги» не покроют северо-восточное побережье Ньюфаундленда, а другие не прорвутся через пролив Белл-Айл в залив Св. Лаврентия, чтобы встретиться и смешаться с зимним льдом, родившимся в заливе.

Для глаз неискушенного человека этот мир плоских и торосистых льдин, трескающихся и громоздящихся друг на друга под напором тяжелых океанских волн, терзаемый выюгами и штормами и окутываемый туманами, представляется белой, отрезанной от жизни пустыней. И все же именно в этом царстве ледяного хаоса в конце февраля — начале марта снова появляются огромные полчища лысунов.

Пролетая низко над паковым льдом в редкий для середины февраля солнечный день, не видишь ничего, кроме сверкающей белизной безжизненной пустыни, разве что то в одной, то в другой, не заткнутой льдом, полынье промелькнет что-то живое, и бледный солнечный свет вдруг замерцает на мокрых спинах нескольких резвящихся на воде тюленей. Но через несколько дней здесь происходит настоящее чудо.

Однажды в конце февраля 1968 года я с борта легкого самолета смотрел вниз на бесконечную ледяную панораму, испещренную таким количеством лежавших в одиночку и кучками тюленей, что на мой вопрос, сколько их здесь, по его мнению, летевший со мной биолог только пожал плечами.

Даже с помощью аэрофотосъемки ученые могут дать лишь приблизительную оценку числа тюленей на крупной залежке, где они рождают детенышей. Рабочей оценкой считается плотность залегания около 3000—4000 производителей на квадратную милю (2,59 км²), в основном маток, и почти столько же детенышей, в зависимости от темпа деторождения. Количество половозрелых самцов подсчитать невозможно, поскольку в большинстве своем они находятся в воде или под водой. Ядро лежки, над которой мы пролетали в тот день, казалось, имело километров двадцать в длину и не менее десяти в ширину; от него во все стороны тянулись, словно ложноножки какой-то гигантской амебы, цепочки тюленей. По нашим подсчетам, скорее похожим на догадку, на этой лежке на-

ходилось полмиллиона животных.

Тем не менее их численность была ничтожной по сравнению с той, которой когда-то отличались тюленьи лежки.

Весной 1844 года более ста зверобойных шхун добывали тюленей на ценной залежке¹¹, имевшей не меньше 90 километров в длину и 35 в ширину, на северо-восточном побережье Лабрадора. По самым скромным подсчетам, эта залежка включала более пяти миллионов тюленей. *Доподлинно* известно, что зверобойи добыли тогда 740 000 шкур, причем большая их часть была содрана с новорожденных тюленят.

Лысуны западного стада размножаются в двух частях региона: на обширных ледяных полях, дрейфующих у северо-восточного побережья Ньюфаундленда — этот район известен под названием «Ледового Фронта», — и в заливе Св. Лаврентия. В первом из них находятся обычно две хорошо изолированные ценные залежки, во втором — еще не меньше двух. На каждой залежке самцы либо резвятся группами в полыньях, либо компанейски отдыхают на кромке ближайших льдин, в то время как самки рассредоточиваются по ледяному полю, каждая претендуя на собственную территорию, где она рождает и выкармливает своего единственного детеныша*.

Описывать, как выглядит новорожденный щенок, или, как его называют, белёк, пожалуй, излишне, ибо его изображение появлялось столь часто, что мало кто из людей не знаком с ним. Это большеглазое, ластящееся к матери создание стало символом надежды для людей, проникшихся убеждением, что человек должен обуздать свое стремление к уничтожению животного мира, и в этом смысле выбор символа никак нельзя считать неудачным.

Бельком тюлень остается примерно две недели. Затем ему приходится самому заботиться о себе, когда его мамаша (которая так щедро снабжала его жирным молоком, что щенок не только утроил свой вес, но и накопил пятисантиметровый слой сала) покидает его и уходит на спаривание к поджидающим ее самцам.

Теперь его роскошная мягкая белая шубка начинает линять. На этой стадии щенка называют хохлушей. Через несколько дней линька заканчивается и тюлененок одевается в пепельно-серую шубку с темными пятнами. Пяти-шестинедельный серка — так называют вылинявшего тюленя — решается впервые окунуться в воду и очень скоро начинает плавать и, расходуя накопленные жир и белки, начинает понемногу учиться добывать пищу из моря.

Весна продолжается, и взрослые тюлени, с удовольствием выполнив свои обязанности, вторично собираются в огромные скопления, так называемые линные залежки. В течение нескольких дней и даже недель полчища черно-серебристых лысунов держатся вместе, вылезая на лед, чтобы погреться на солнышке, сбросить старый волос и, как мы можем думать, пообщаться. Этот ежегодный праздник лысуны отмечают в конце «тюленьего» года, точка отсчета которого идет от рождения молодняка.

К концу апреля, когда огромный язык льда начинает таять под весенним солнцем, празднество кончается и взрослые тюлени отправляются обратно в долгий путь к арктическим морям. Месяцем-двумя позже туда же устремляются орды вылинявших молодых тюленей, каждый из них повинувшись, по-видимому, лишь какому-то внутреннему голосу, направляющему их самостоятельное путешествие к родовым местам летовок.

Первыми европейцами, узнавшими про существование западного стада лысунов, были, наверное, баскские китобойи, наблюдавшие массовые миграции тюленей через пролив Белл-Айл в те зимы, когда китобойи были

* Очень редко самка рождает двух бельков. — *Прим. перев.*

вынуждены оставаться в гаванях Нового Света.

Первыми же европейскими зверобоями стали, по-видимому, французские колонисты, начавшие в середине XVII века селиться по берегам нижнего течения реки Св. Лаврентия. Вначале, как мы уже знаем, они охотились на «лошадиных голов», но по мере заселения берегов восточной части эстуария взялись и за тюленей другого вида, появлявшихся там в январе в невероятном количестве.

Поскольку эти серебристые животные с черным верхом головы и темными пятнами по бокам, очертаниями слегка напоминающими арфу*, никогда не заходили глубоко в устье реки и не выходили на берег или на речные утесы, как это делали «лошадиные головы», единственным возможным способом охоты на них была стрельба с небольших лодок. Малоэффективные мушкеты и забитое льдами море не только снижали продуктивность такой охоты, но и делали ее весьма опасной. Тем не менее некоторые считали, что она стоит риска, поскольку каждый добытый тюлень имел такой толстый слой подкожного сала, что из него можно было получить почти столько же жира, сколько из гораздо большего размера «лошадиной головы». За это таких тюленей очень высоко ценили колонисты, называвшие их *loup marin brasseur*** в отличие от первого вида *loup marin*, или «лошадиной головы».

Невероятное множество *loup marin brasseur* при их относительной недосыгаемости, должно быть, вызывало у французских колонистов немалую досаду, пока они, в конце концов, не додумались, как убивать их «en masse». В первой половине XVII века какой-то искатель приключений, исследуя *terra incognita* в восточной части северного бе-

рега залива Св. Лаврентия, наткнулся на самых искусных в мире зверобоев — инуитов. В те времена инуиты оставались зимовать на западе по крайней мере до острова Антикости и питались главным образом тюленями, из которых лысун был их главной добычей. Они не имели ружей и добывали тюленей с помощью сетей, сплетенных из полос тюленьих шкур и устанавливаемых поперек узких проливов между прибрежными островами.

Французы, всегда быстро схватывавшие охотничьи приемы местных жителей, без промедления стали плести и ставить собственные сети для лова тюленей. Этот сетной промысел скоро оказался настолько прибыльным делом, что власти в Квебеке и Париже быстренько занялись продажей участков новым феодалам. К 1700 году их владения протянулись на восток до самых островов Минган, и в каждой дарственной четко указывалось на то, что самым ценным из предоставленных ею прав является местная монополия на промысел тюленей.

Проникновение французских колонистов приостановилось не вследствие недостатка тюленей, а из-за враждебности инуитов, вызванной французами, связавшими свои интересы с различными индейскими племенами. Вражда вылилась в жестокие кровавые столкновения, и до начала XVIII века ни французы, ни даже индейцы не отваживались зимовать на берегу залива Св. Лаврентия восточнее Мингана.

Выход из положения был найден, когда к этой проблеме подошли с другого конца. В районе пролива Белл-Айл, где уже долгое время господствовали промышлявшие треску рыбаки из Франции, тоже происходили кровавые стычки с инуитами, однако отряды французских зимовщиков держались стойко, отступая при необходимости в безопасные деревянные блокаузы под защиту корабельных пушек. В 1689 году были созданы два таких опорных пункта,

* Harp (англ.) — арфа; harp seal — лысун, или гренландский тюлень. — Прим. перев.

** Морской волк из пролива (фр.). — Прим. перев.

главным образом для промысла тюленей на всем лабрадорском и ньюфаундлендском побережье пролива Белл-Айл.

К тому времени тюлений промысел стал настолько прибыльным, что французы собрали войско своих индейских союзников и повели успешную войну против инуитов за контроль над «Северным Берегом». К 1720 году цепь феодальных владений протянулась по всему северному побережью залива от Тадуссака до пролива Белл-Айл, затем дальше на север вдоль Атлантического побережья Лабрадора до самого залива Гамильтон. Еще несколько баз тюленьего промысла возникло на западном берегу Ньюфаундленда, отчасти в тех самых местах, которые когда-то занимали ушедшие затем оттуда скрэлинги.

Промысел тюленей изменялся и усложнялся по мере того, как французы все яснее постигали годовой цикл развития тюленей. Восточнее острова Антикости охота теперь велась в течение двух сезонов: в начале зимы, когда стада тюленей устремлялись через пролив Белл-Айл на запад вдоль «Северного Берега», и весной, после начала миграции взрослых тюленей на север к линным лежкам. Сетные орудия лова также претерпели изменения. Вместо того чтобы использовать, как и прежде, исключительно обьечаивающие сети, в которых тюлени запутывались и тонули, теперь одновременно стали применять и ставные, которые вскоре достигли таких размеров и такой степени сложности, что для работы с одной ставной сетью требовалось до дюжины людей. Поднимая и опуская с помощью береговых лебедок деревянные щиты, можно было отсекал в ловушках целые группы мигрирующих тюленей, чтобы затем не спеша убивать их.

К середине XVIII века промыслом тюленей занимались сотни поселенцев в Новой Франции, и эта колония ежегодно экспортировала до 500 тонн тюленьего жира; для получения та-

кого количества жира нужно было убивать примерно 20 000 взрослых тюленей в год. Требования расширить этот приносящий уйму денег промысел нарастали с такой быстротой, что один инспектор, посетивший Новую Францию, посчитал своим долгом выступить с письменным предостережением:

«Сомнительно, чтобы расширение тюленьего промысла пошло бы на пользу колонистам... напротив, логично думать, что умножение промыслов привело бы вскоре к уничтожению этого вида животных. Они производят на свет всего лишь одного детеныша в год; промысел ведется весной, то есть в сезон размножения, или осенью, когда самки беременны, поэтому нельзя добывать большое количество тюленей, не разрушая вида и не рискуя оскудением промысла».

Можно было заранее предсказать, что это мнение будет проигнорировано. На деле стремлению добывать как можно больше тюленей способствовала конкуренция, возникшая со стороны англичан. В начале XVIII века английские поселенцы из Восточного Ньюфаундленда, обычно промышлявшие летом на легких судах треску и лосося у северного побережья, обнаружили, чем занимались французы на «Пти-Норд» (Большой Северный полуостров Ньюфаундленда), и сами приступили к промыслу тюленей. Вскоре они стали создавать постоянные поселения близ Фого и в заливе Нотр-Дам, где можно было вести зимний промысел тюленей и летний — трески и лосося.

Англичане даже прибегли к новой уловке. Обнаружив, что весной, через несколько недель после ухода взрослых тюленей, в северных заливах появляются орды вылинявших хохлушей и подростков, которых они прозвали «бедламерами» (искаженное от *bêtes de la mer**), они стали стрелять в них с небольших гребных лодок посреди тающих льдин.

Этот, а также сетный промысел

---

* Морские звери (фр.). — Прим. перев.

оказались настолько успешными, что уже в 1738 году немногочисленное население острова Фого отгрузило тюленьего жира и шкур на 1200 фунтов стерлингов — итог ежегодного уничтожения более чем 7000 тюленей. Жребий был брошен. Почувствовав, какие деньги можно заработать на промысле лисунов, англичане поспешили прибрать к рукам этот кровавый бизнес.

На этом этапе ни французы, ни англичане не имели четкого представления о фактической численности популяции лисунов, да и мало что знали о самом лисуне. Долгое время они даже не знали, что «бедламеры» и хохлуши принадлежат к одному и тому же виду. И им ничего не было известно о том, чем занимаются тюлени за пределами видимости земли. Мир дрейфующих ледяных полей казался им столь враждебным, что они и не пытались его познать. Пока ледовая цитадель тюленей оставалась неприкосновенной, хищничество людей, каким бы масштабным оно ни казалось его участникам, затрагивало только периферию, не оказывая большого влияния на популяцию в целом. Однако, учитывая превратности судьбы и звериную сущность человеческой природы, так не могло продолжаться слишком долго.

Однажды в самом начале весны в середине XVIII века (возможно, это произошло в 1743 году) не по сезону продолжительная оттепель, сопровождаемая обильными дождями, затронула огромный язык льда, спускающийся вдоль побережья Лабрадора и рождающий плавучие ледяные поля, на которых большая часть лисунов производит на свет своих детенышей. Когда миллион или больше беременных самок добрались до этих полей, разломанные льды настолько разрушились и подталяли, что тюлени не могли найти подходящего места для щенки. Однако пришла пора родить, и самки в отчаянии выходили на любые льдины, способные выдержать их вес, чтобы

произвести на свет потомство. На этот раз они шенились не на обычных гигантских залежках, а на разбросанных, словно солома ветром, на тысячах километров разрушенных плавучих льдинах.

Через день-другой после массового рождения детенышей над льдинами завыл норд-ост. Открытый за паком океан вздыбился крутой волной, которая, подкатываясь под плавучие льдины, кидала их в беспорядочную круговорот, сталкивая друг с другом. Погибло много новорожденных бельков и немалое количество их матерей, а многие уцелевшие детеныши, еще не научившиеся плавать, были смыты волной и утонули. Оставшиеся в живых оказались на быстро таявших осколках льдин, которые ветром и течением быстро тащило на юг. В середине марта эти льдины с десятками тысяч бельков начали скапливаться вдоль западного берега залива Бонависта.

На этом скалистом, изрезанном рифами берегу горстка англичан уже создали постоянный плацдарм для зимней охоты на взрослых лисунов и весенней — на хохлушей. Англичан охватила тревога, когда льды заполнили залив настолько, что с берега за ними уже не просматривалась открытая вода. Промысел с лодок нельзя было вести до тех пор, пока ветер снова не задует в сторону моря. Вот в этой-то ситуации, наверное, и нашелся смельчак, отважившийся бросить вызов адской ледяной мясорубке. Ему показалось, что он увидел там какие-то признаки жизни, и вскоре на самом деле обнаружил разбросанных на льдинах маленьких белых тюленят.

Не прошло и несколько часов, как все здоровое мужское население карабкалось по опасному хрупкому ледяному паку. До того как ветер потянул к югу и льды, ослабив напор, отступили от берега, англичане успели приволочь на берег тысячи окровавленных «скальпов» (шкур со слоем подкожного сала), где от них отделили толстый слой сала и отправили

его в жиротопни, чтобы сварить много бочек первосортной ворвани.

Известно, что прибрежные поселенцы Бонависта-Бей даже не понимали, что за животных они убивали, пока кто-то из них не заметил присосавшегося к матери белька и не пришел к очевидному выводу.

Каждая подобная «бельковая весна» становилась вехой в истории Ньюфаундленда. В 1773 году льдины с новорожденными тюленями забили залив Нотр-Дам, и местные рыбаки убили там 50 000 детенышей. В 1843 году паковым льдом были забиты заливы Тринити и Концепши, что дало возможность прибрежным жителям добыть около 80 000 тюленей. Но самое кровавое побоище из всех произошло в 1861 году, когда в проливе Гамильтон были уничтожены в заливах 60 000 бельков и еще 150 000 — в заливе Бонависта. И даже горожане Сент-Джонса в 1872 году получили возможность выйти на лед за пределы гавани и убить почти 100 000 маленьких тюленят.

Плохо было то, что подобного рода ветры случались лишь примерно раз в двадцать лет. Поэтому ослепленные блеском «белого золота» ньюфаундлендцы неизбежно должны были удариться в поиски «основного пласта».

Когда начались эти поиски, рыбакам было известно лишь, что тюлени размножаются где-то севернее, в безбрежной ледяной пустыне. Не имея представления о том, где могли находиться ценные залежки, некоторые из них еще в 1770-х годах начали исследовать кромку огромных ледяных полей на своих беспалубных судах, на которых они обычно ходили на промысел трески. Убедившись в том, что они слишком неуклюжи и непрочны для прохода через плавающие льдины и неудобны для перетаскивания через блинчатые льды, рыбаки сделали легкий плоскодонный ялик с обшивкой «край на край», который было под силу тащить по льду его экипажу из двух человек. Такие приспособленные для плавания

во льдах ялики предназначались главным образом для ружейной охоты на хохлушей, однако со временем зверобой уходили на них все дальше в полярные льды, постепенно овладевая искусством опасной ледовой навигации.

Наконец в 1789 году группа таких ледовых охотников наткнулась на ценную залежку, которую отнесло намоное южнее того места, где ей полагалось бы находиться в обычных условиях. За несколько дней экипажи флотилии приспособленных для плавания во льдах яликов обобрали 25 000 бельков, и стремление найти «главную залежку» получило новый импульс.

Поднакопив опыт, эти упорные и выносливые мореходы поняли, что главной залежки им, вероятно, не достичь, кроме как на судах, достаточно прочных для прохода в паковых льдах и достаточно больших, чтобы защитить экипаж от несущих гибель снежных бурь. Поэтому они создали утолщенный ял — первоклассное прочное судно с тупыми обводами носовой части и с палубой по всей длине, вмещающее команду из двенадцати зверобоев.

Эти ялы могли находиться в море неделю-другую, то есть столько времени, сколько могли бы выдержать даже такие закаленные непогодой люди. Но хотя эти ялы и проходили в разреженном льду 30—40 лиг до кромки сплоченного пака и находили случайные места обитания бельков, родившихся за пределами главной залежки, они так и не смогли добраться до своего Эльдорадо.

Для его поиска строились более крупные суда. К 1802 году на север плавали уже пятнадцатиметровые полнопалубные шхуны с двойной ледовой обшивкой. И хотя главная залежка продолжала ускользать от них, тем не менее с их помощью сколачивались целые состояния. Весной 1804 года из северных заливов Ньюфаундленда на промысел вышли 149 ялов и шхун. Правда, зверобой убили мало бельков, но зато они застре-

лили 73 000 хохлушей и взрослых лысунов. В том же году сетным промыслом было добыто еще 40 000 тюленей.

С самого начала поиски главной залежки обходились дорого в смысле потери людей и судов. Особенно трагическим оказался 1817 год, когда свирепый шторм, из тех, что порой уничтожали ценные залежки, разрушил ряд северных прибрежных портов. В том году зверобои добыли всего 50 000 «скальпов», заплатив за них страшную цену: в паковых льдах потерпели крушение и погибли не менее 25 судов, унеся в ледяную могилу почти 200 человеческих жизней.

Но тех, кто уцелел, потери не утрашили. Более крупные и прочные суда все дальше вгрызались в большой ледниковый язык, пока в 1819 году они наконец не нашли то, что искали. В тот год лед был исключительно разреженным, и преобладавшие нордосты продвинули главную залежку на 180 километров от берега Ньюфаундленда. Здесь-то ее и увидели зверобои на судах нового типа: стотонных шхун-бригов с ледовыми креплениями, каждое с экипажем в 50—60 человек. Этот вступительный акт в последовавшую кровавую драму, похоже, прошел незамеченным. Поэтому полезно будет для примера познакомиться с отчетом одного очевидца, профессора Дж. Б. Джукса, который в 1840 году ходил к главной залежке на бригантине «Топаз». Я привожу его отчет несколько сокращенным.

«Мы проходили через разреженные льды, на которых отдельными пятнами выделялись молодые тюлени, и почти все зверобои выходили на лед, чтобы убивать, свежевать и тащить добычу на борт. Затем мы попали в свободный ото льда водоем и спустили на воду 5 плоскодонных яликов. [Их экипажи] присоединились к тем, кто уже находился на льду, и потащили туши убитых тюленей или «скальпы» к яликам, которые доставляли их на судно. Таким путем до наступления темноты,

вынудившей нас прекратить работы, мы доставили на борт 300 тюленей, и наша палуба превратилась в сплошной хаос.

Собранные в кучу, молодые тюлени напоминали груду забитых телят, и когда из этой кроваво-грязной массы туш поднимало дергающуюся голову какое-нибудь несчастное, еще живое существо, я не мог больше этого выдержать и, схватив в руки гандшпуг*, наносил удары по головам, освобождая от мучений тех, в ком я видел признаки жизни. Один из зверобоев подцепил тюлененка острой, и малыш совсем заходился от крика, точь-в-точь как кричал бы благим матом, прерываемым судорожными рыданиями, маленький ребенок, корчащийся от мучительной боли. Я видел, как с другого, еще живого тюлененка содрали шкуру и его голое тело, обливаясь кровью, билось в предсмертных конвульсиях... во сне меня часто преследовало видение: [другое] корчащееся от боли тельце в белоснежном меху с головой, обливающейся кровью, сквозь которую малыш, тщетно лоя ртом воздух, пытается разглядеть, что же это происходит...

На следующее утро, как только рассвело, все зверобои сошли на лед и принялись направо и налево убивать молодых тюленей, которые, лежа поодаль друг от друга, грелись на солнышке. Иногда шесть-восемь тюленей располагались на пространстве в двадцать квадратных ярдов. Зверобои, вооружившись острой и перекинув через плечо связку буксирного каната, подходили к лежащим тюленям и наносили им удары по голове. Убив или по крайней мере оглушив одного за другим всю группу, они тут же сдирали с них «скальпы» и, зацепив багром несколько штук, волокли их по льду к судну. Тащить полдюжины шкур по разреженному и торосистому льду, перепры-

* Гандшпуг (голл.) — деревянный или железный рычаг для подъема и передвижения тяжестей на корабле.— *Прим. перев.*

взрослых тюленей, поскольку расход запасов жира у них меньше и они сохраняют большую плавучесть; и все же количество тонущих «бедамеров» весьма значительно. Высок процент промысловых потерь и в восточной части канадской Арктики, а также в западной Гренландии, где в 1940-х годах местные охотники добывали в год до 20 000 лысунов; при этом на воде терялось до семи из каждых десяти пораженных выстрелом тюленей. В последние годы добыча лысунов в этих регионах сократилась примерно до 7000 в год.

Столь же расточительна и ружейная охота на лысунов на льду. Чтобы добыть тюленей у кромки льда, где в сезон щенки собираются самцы, а в сезон линьки — тюлени обоего пола, *необходимо* убивать их наповал. Но даже и в этом случае судорожное сокращение мышц тела сбрасывает многих из них в море, где труп безвозвратно уходит в пучину. Однако редко кому удастся сразить зверя с первого выстрела. Даже такой энтузиаст тюленьей охоты, как шестьдесят семь весен выходивший на лед ньюфаундлендский капитан Абрахам Кин, которому приписывают добычу свыше миллиона «скальпов» (за что он был удостоен ордена Британской империи), признал, что его люди, чтобы добыть на льду одного тюленя, должны были убить не меньше трех взрослых особей. Д-р Гарри Лилли, который в конце 1950-х годов предпринял путешествие к Ледовому Фронту, сообщал, что ньюфаундлендские зверобои, которых он сопровождал, добывали всего лишь одного из каждых пяти попавших под их выстрелы тюленей. В апреле 1968 года я сам с целью собрать образцы с линной залежки ходил к Ледовому Фронту на борту норвежского судна, зафрахтованного для канадских ученых, состоящих на государственной службе. Несмотря на то что тюленей для них отстреливали опытные норвежские зверобои, соотношение пораженных выстрелом и добытых тюленей было пять к од-

ному. Остается еще прибавить промысловые потери в ходе убоя бельков, но к этому вопросу мы специально вернемся на следующих страницах.

Пока же ясно одно: объем добычи никогда не соответствовал и сейчас не соответствует объему фактического убоя — факт, о котором нужно помнить, читая дальнейшие страницы.

После 1819 года Ньюфаундленд прямо-таки помешался на тюленях. Еще жизнеспособные, сетный и судовой прибрежные промыслы отошли в тень и были почти забыты коммерсантами и судовладельцами из Сент-Джонса и нескольких небольших городов в заливах Тринити и Консепшн, неистово разрабатывавшими главную залежку. Они набросились на нее с целеустремленностью, которую могла породить только неуемная алчность. Новые суда начали сходить со стапелей с такой быстротой, что к 1830 году каждую весну выходили во льды почти 600 бригантин, барков и шхун, имея на борту примерно 14 000 ньюфаундлендских зверобоев — число, которое, вероятно, представляло большинство трудоспособного населения северного побережья.

Результатом явилось невиданное и невозполнимое уничтожение. Учитывая, что главной целью была добыча жира (в то время шкуры бельков ценились очень дешево), зверобои могли бы в своих собственных интересах воздержаться от убийства детенышей, пока те не накопят наибольшее количество жира в возрасте от десяти дней до двух недель. Можно было бы также ожидать, что зверобои будут щадить самок, по крайней мере до того времени, пока они не родят детенышей и не выкормят их до возраста «промысловой зрелости».

Они не сделали ни того, ни другого.

Капитан каждого зверобойного судна, настойчиво подгоняемый судовладельцем, стремился первым добраться до главной залежки. В ре-

зультате с каждым годом суда все раньше и раньше выходили на промысел, пока они не стали приходить в район предполагаемой главной залежки за две недели до того, как самки начинали производить на свет свое потомство. Не имея другого занятия, зверобой охотились на взрослых лысунов, собиравшихся в полыньях или вылезавших на кромку плавучей льдины. В ходе поголовного истребления погибли несчетные десятки тысяч взрослых самок и детеныши, не только те, которые находились в утробе матери, но и те, которых она могла бы произвести на свет за свою оставшуюся жизнь.

С самками, успевшими родить, обращались не лучше. Яростная конкуренция между командами судов вынуждала зверобоев выходить на лед и убивать детенышей, которым от роду было всего один-два дня, лишь бы они не попали в чужие руки. Чтобы компенсировать потери жира в результате этой варварской (и, добавим, идиотской) практики, зверобой убивали дубинами или выстрелами всех попадавшихся им самок, беременных, щенных или кормящих — не важно.

«Черта с два оставлять чужим» — было девизом каждого зверобоя, чьи собственные жалкие доходы рассчитывались на основе стояночного или промыслового времени, затраченного на максимальную загрузку судна. Естественно, что каждый зверобой прилагал все усилия к тому, чтобы «чужие» суда уходили домой «порожняком» или с «видимостью жира» в трюмах.

Однако не менее разорительной вследствие жестокой конкуренции была практика «заготовки скальпов» на льду. Вместо того чтобы заставлять каждого зверобоя таскать свою добычу на судно после каждого «сбора», капитаны разбивали свою команду на боевые отряды, в задачу которых входило пройти как можно дальше и быстрее по ледяному полю. Часть людей должны были снимать «скальпы», что они и делали почти на бегу. Другие собирали дымящиеся шкуры

с каждого участка убоя и собирали их в кучу на какой-нибудь подходящей плавучей льдине, отмечали принадлежность шкур флагом компании, привязанным к бамбуковому шесту, и спешили к следующему участку. Такие отряды могли за 10—12 часов работы пройти по льду многие километры, оставляя за собой кричащий кровавый след, тянущийся от одной груды «скальпов» до другой.

Теоретически плавучая база должна была бы пробираться через льды своим ходом или буксируемая рабочим подразделением, чтобы почти по пятам следовать за зверобоями, подходить возможно ближе к льдинам и подбирать сложенные на них «скальпы». На практике такая задача часто была невыполнима даже для новейших паровых зверобойных судов ледокольного типа. В 1897 году пять паровых зверобойных судов оставили на главной залежке около 60 000 «скальпов», сложенных на льдине, к которой они не могли подойти. В 1904 году одно только паровое судно «Эрик» оставило на льду 86 партий «скальпов», насчитывавших в общей сложности примерно 19 000 штук. Во времена парусного флота зверобойные шхуны часто теряли половину своих партий и для них было обычным явлением, когда из-за налетевшего шторма они вообще не могли забрать ни одной из партий, сложенных зверобоями на удаленных участках. Такие потери считались несущественными: под рукой всегда было много больше бельков, ожидавших своего смертного часа.

Теряли не только партии «скальпов», но и суда. Они тонули, затертые и раздавленные льдами, и вместе с ними часто шли на дно тысячи тюленей «скальпов». Подобные случаи не доставляли особых неприятностей промышленным магнатам, которые контролировали и управляли тюленьим промыслом из своих счетовых контор в английских городах и ньюфаундлендских городках. По сравнению с гигантскими прибылями от промысла подобные потери счи-

тались не более чем досадными пустяками.

В период между 1819 и 1829 годами среднегодовой уровень добычи составлял чуть меньше 300 000 «скальпов»; однако если подсчитать нерегистрируемый убой, то мы обнаружим, что в ходе этой бойни ежегодно уничтожалось не менее 500 000 тюленей. В 1830 году к Ледовому Фронту ходили примерно 558 судов, которые вернулись с 559 000 «скальпов». Весной следующего года добыча выросла до 686 000 (по данным одного авторитетного источника, было добыто 743 735). Даже меньшая из этих двух цифр означает фактический убой, превышающий миллион тюленей. Уничтожающее пламя человеческой алчности ревело теперь во всю мочь.

До сих пор настоящей главой прочно владели лысуны. Однако они были не единственным тюленьим племенем, населявшим мир плавучих льдов. Они делили это царство, мирно сосуществуя, с видом более крупных тюленей, известных зверобоям как «хохлачи» — по названию, данному им из-за наполненного воздухом мешка*, имеющегося у каждого самца на верхней части головы.

Если лысунов можно считать своего рода «горожанами», живущими по преимуществу плотными скоплениями, то хохлачи скорее напоминают сельских жителей. Обычно их щенные залежки состоят из разбросанных, не смешивающихся друг с другом семей, каждая из которых состоит из самца, самки и единственного детеныша. Залежки хохлачи предпочитают устраивать на неровной поверхности многолетнего арктического пака, гораздо более сплоченного и торосистого, чем относительно плоский однолетний лед, которому обычно отдают предпочтение семьи лысунов.

---

* Своеобразный полый кожистый вырост, сообщающийся с носовой полостью. При возбуждении эта полость наполняется воздухом. — Прим. ред.

Хохлачи моногамны, привязаны к своему месту обитания и яростно защищают свое потомство. Ни самец, ни самка не отступят перед врагом. Когда зверобой подходит к ним слишком близко, один из взрослых членов семьи или оба могут броситься на пришельца. И если учесть, что взрослый самец достигает более 2,5 метра длины и веса 400—500 килограммов, обладает клыками, которым мог бы позавидовать волк, и способен нести свою огромную тушу по льду со скоростью бегущего человека, он действительно представляет немалую опасность. Тем не менее, как считает д-р Уилфред Гренфель, ему не под силу состязаться с современными зверобоями.

«[Хохлачи] выказывают большую силу, мужество и любовь, защищая свое потомство, и я был свидетелем гибели всей семьи целиком. Убили семью четыре зверобоя специальными деревянными дубинками, но не раньше, чем самец схватил одну дубинку в пасть и, размахивая ею из стороны в сторону, согнал с льдины своих врагов. Чтобы не задерживать судно, этого старого самца решили поднять на борт. Казалось, он совершенно мертв. Однако, когда его туша уже была над поручнем, строп оборвался, и она упала обратно в море. Холодная вода, видимо, оживила тюленя, и я видел, как он вернулся к той же льдине, заметной по кровавым следам недавней битвы. Край льдины возвышался над водой почти на два метра, но тюлень выпрыгнул из воды и, не задев края, приземлился почти в том же месте, где его семья встретила свою трагическую судьбу. Зверобой тут же спустился на льдину и пристрелил самца».

Прошли годы после начала XIX века, а зверобой добыли очень небольшое количество хохлачей. Эти животные были слишком крупными и мощными, чтобы их могли удерживать сети, и их было почти невозможно застрелить на открытой воде из огнестрельного оружия того времени. И поскольку добывали их редко, отдельные био-

логи пришли к заключению, что хохлачей, должно быть, всегда было мало. В действительности же хохлачи были чрезвычайно многочисленны. Правда, по абсолютной численности они никогда не приближались к лысунам, но, возможно, не слишком уступали им по биомассе — до того дня, когда они стали с лысунами товарищами по несчастью, попав в кровавую баню.

Черные дни наступили для хохлачей, когда ньюфаундлендцы приступили к поискам их семейных лежбищ. Поскольку эти лежбища располагались в углублениях под краевой частью ледникового языка, свисающего с юго-восточного берега Лабрадора, и с внешней стороны были защищены барьером торосистых льдин арктического пака, деревянные зверобойные суда могли проникнуть в убежища хохлачей, только когда ветер и погода разрежали лед. Естественно, что суда целыми днями были вынуждены маячить у внешней кромки арктических льдов; там-то они и встретили хохлачей.

Хохлачи сушили немалую прибыль убийцам, обладающим достаточной силой духа, чтобы справиться с ними. Прежде всего, спинка детеныша хохлача покрыта блестящим нелиняющим иссиня-черным мехом (отсюда его название*), а брюшко — серебристо-серым, который в отличие от меха бельков надолго сохранял свою окраску при способах дубления, применявшихся в то время. Поэтому шкура детеныша хохлача ценилась довольно высоко. Кроме того, из его «скальпа» получали в два раза больше жира, чем из «скальпа» белька. А с обоих родителей, которых обычно убивали вместе с детенышем, получали такое же количество жира, как с нескольких взрослых лысунов.

Уже в начале 1850-х годов ньюфаундлендские зверобои развернули регулярную интенсивную охоту на хохлачей и повели ее с таким разма-

хом, что в последние годы XIX века, судя по результатам исследований Гарольда Хорвуда, на долю хохлачей приходилось до 30% всех «скальпов».

Размножались хохлачи и на плавающих льдах в заливе Св. Лаврентия, где более благоприятная ледовая обстановка делала их еще более беззащитными перед зверобоями. Весной 1862 года зверобойные шхуны с Магдален за пять дней уничтожили 15 000—20 000 этих тюленей. Несколькими годами спустя одна ньюфаундлендская баркентина* привезла из рейса в залив Св. Лаврентия полные трюмы хохлачей.

Именно для хохлачей массовый промысел оказался особенно губительным. Когда зверобой опустошали ценные залежки лысунов, большинство самцов и немалая часть самок успевали спастись и могли по крайней мере восполнить потерю щенков. Но при нападении зверобоев на ценную залежку хохлачей, как правило, ни один из ее обитателей не уходил от них. Залежка уничтожалась раз и навсегда.

В современной научной литературе хохлачи упоминаются как «сравнительно редко встречающийся вид», «малочисленный и разбросанный», «значительно уступающий и всегда уступавший по численности лысунам», однако тщательное изучение истории тюленьего промысла подтверждает их прежнее изобилие, а также то, что их нынешняя редкая встречаемость объясняется почти исключительно нашим хищническим к ним отношением.

Период между 1830 и 1860 годами все еще ностальгически вспоминают на Ньюфаундленде как «славное время тюленьего промысла». За те тридцать лет было добыто 13 миллионов тюленей из возможно вдвое большего количества убитых. То было действительно славное время для промышленных магнатов. Безобразное побоище

* Blueback (англ.) — «синеспинка». — Прим. перев.

* Типа шхуны, шхуна-барк. — Прим. перев.

помогло нажить целые состояния многим торговым династиям, существующим и по сей день.

В характере охоты в то время произошли многие перемены, разумеется не в пользу тюленей. Прежде всего ранее игнорируемые, а может быть, и неизвестные ценные залежки лысунов и хохлачей в заливе Св. Лаврентия стали местами постоянных набегов неуклонно растущего промыслового флота Ньюфаундленда.

С другой стороны, шкуры взрослых тюленей, особенно хохлачей, приобрели исключительную ценность в качестве сырья для выделки кожи, использовавшейся в основном для изготовления ременных передач. Шкурки молодых хохлачей раньше всегда давали хорошую выручку в торговле дорогостоящими предметами одежды, а в наше время стало возможным реализовывать на рынке и шкурки бельков, но не в силу какой-то новой технологии дубления, а благодаря зловещему открытию, что мех новорожденных или еще не рожденных бельков, которых зверобой называют «котятками», устойчив сам по себе. В начале 1850-х годов какой-то ньюфаундлендский предприниматель отправил в Англию партию шкурок таких «котят», и, когда там из них изготовили муфты, палантины и прочие роскошные предметы верхнего дамского туалета, богатые покупательницы не смогли устоять перед соблазном приобрести готовые изделия из мягкого белого меха. Это положило начало спросу на шкурки бельков, торговля которыми на рынке модных меховых товаров превратилась в мультимиллионный бизнес. Однако до конца второй мировой войны, пока одной норвежской фирме не удалось найти способ укрепления волоса *всех* подросших бельков, рынок должен был довольствоваться в основном мехом бельков, извлекаемых из утробы матери. Что, разумеется, резко увеличивало убой беременных самок лысунов.

Всем хорошо известно, что современный экономический прогресс зави-

сит от непрерывного совершенствования путей и способов извлечения прибылей из имеющихся сырьевых ресурсов. К 1860-м годам в «разработку изделий» из тюленьего сырья было вложено столько выдумки, что спрос на них опережал предложение. Меха и шкуры продавались в виде таких совершенно различных по своему назначению товаров, как дамские жакетки и кузнечные мехи. Тюлений жир также находил множество применений, начиная от машинной смазки и кончая заменителем оливкового масла. Торговля этими товарами поистине делала деньги, и хотя большая часть их прилипала к рукам торговых магнатов, что-то перепадало и простым промысловикам: некоторые из них становились, хотя бы на время, весьма состоятельными людьми. Д-р Гренфель рассказал нам об одном таком случае с бывшим траппером, занявшимся сетным промыслом тюленей в уединенном заливе Лабрадора:

«В небольшом поселке траппер по имени Джоунс так разбогател за счет постоянно обильной добычи тюленей, что даже выписал из Квебека карету с лошадьми и проложил дорогу для выездов; еще он нанял в Канаде на всю зиму личного музыканта, чтобы тот играл на его непрерывных пиршествах... Недавно меня попросили помочь прикрыть одежкой наготу его внуков».

Опустошение коснулось не только тюленей, обитавших в арктических районах Северной Америки. В начале 1700-х годов шотландские и английские китобой, плывшие на запад в арктических водах Европы, обнаружили гигантскую популяцию ценных лысунов и хохлачей на так называемых плавучих льдах восточного побережья Гренландии в окрестностях необитаемого острова Ян-Майен. Пока люди в этих водах занимались промыслом многочисленных гренландских китов, они не обращали особого внимания на тюленей, но ближе к середине XVIII века популяция ки-

тов к востоку от Гренландии была уже настолько опустошена, что редко-му китобойцу удавалось оправдать затраты на промысловый рейс. Именно в это время внимание китобоев привлекли полчища лысунов и хохлачей на плавучих льдах у восточного побережья Гренландии и в Девисовом проливе.

Как и ньюфаундлендцы, они не сразу освоили ледовую охоту на тюленей, но тем не менее к весне 1768 года дюжина английских китобойцев добыла на «западных» плавучих льдах около 2000 лысунов и хохлачей. Вскоре к разработке этих живых залежей жира подключились немцы, датчане, голландцы и вездесущие норвежцы, которые все вместе добывали там четверть миллиона «скальпов» в год еще задолго до начала XIX века.

Массовое опустошение популяций лысунов и хохлачей, развернувшееся во второй половине XIX века у Ньюфаундленда, сопровождалось аналогичной вакханалией убийств на плавучих льдах у восточного побережья Гренландии. В 1850 году оттуда было отгружено около 400 000 тюленей, а в следующем, 1851 году общая добыча тюленей у Ньюфаундленда и на «западных» плавучих льдах перевалила за миллион особей.

Людская алчность собирала на этих плавучих льдах свою дань как тюленьями, так и зверобоями. Весной 1854 года шкипер британского зверобойного судна «Орион» послал своих зверобоев в труднодоступные торосы на добычу тюленей в месте, показавшемся ему залежкой лысунов. «Залежка» обернулась замерзшими трупами семидесяти потерпевших кораблекрушение датских зверобоев, разделивших компанию с сотнями трупов молодых хохлачей, из которых обреченные на смерть датчане пытались соорудить баррикаду, чтобы защититься от жестокого полярного шторма.

Как и на ньюфаундлендском Ледовом Фронте, растущая конкуренция между добытчиками шкур и жира вынуждала постоянно уменьшающихся в числе тюленей плавучих льдов ухо-

дить все дальше и дальше под защиту арктического пака до тех пор, пока они не стали почти недостижимыми даже для самых отчаянных шкиперов. С ростом потерь судов и людей началось падение уровня добычи. На время показалось, что золотой век тюленьего промысла подходит к концу.

Найти выход из этой тупиковой ситуации суждено было именно англичанам. В 1857 году гулльский китобоец «Диана», незадолго до этого оборудованный вспомогательными паровыми двигателями, бесстрашно направился к плавучим льдам, чтобы вернуться оттуда с полными трюмами жира. Попутно ему удалось спасти восемьдесят зверобоев с двух парусных судов, затертых в безветрии льдами и затонувших. Итак, проблема была решена. Каким бы несовершенным и малоэффективным ни был двигатель «Дианы» мощностью в сорок лошадиных сил, вращавший громоздкий чугунный винт, именно он послужил технологическим решением проблемы господства над ледяными полями, куда по следам «Дианы» устремился поток парусных судов, оснащенных вспомогательными паровыми двигателями.

В водах Ньюфаундленда первыми попытались счастья «Кампердаун» и «Полынья» — зверобойно-китобойные суда такого типа, совершившие в 1862 году пробный рейс к Ледовому Фронту. Тогда они добыли всего несколько тюленей в исключительно неблагоприятной ледовой обстановке, когда было раздавлено и затонуло около пятидесяти парусных судов. Паровые суда по крайней мере сумели выбраться из ледового плена, и этот урок не прошел мимо внимания магнатов тюленьего промысла из Сент-Джонса. Окончательно этот урок был усвоен ими после того, как в такой же неблагоприятный сезон в 1864 году были раздавлены льдами еще двадцать шесть ньюфаундлендских зверобойных парусников.

После этого суда с вспомогательным паровым двигателем быстро возглавили промысел и столь же быстро

доказали свою высокую эффективность. В течение весны 1871 года восемнадцать из них выгрузили на засаленные причалы Сент-Джонса четверть миллиона «скальпов», доведя общий объем выгруженных в том году «скальпов» за полумиллионную отметку на сумму двенадцать миллионов долларов в нынешней валюте.

К тому времени тюлений промысел уступал только тресковому, занимавшему первое место в экономике Ньюфаундленда. Нередко какое-нибудь паровое судно, обладавшее высокой скоростью хода и способностью плавания во льдах, делало в течение одного весеннего сезона несколько рейсов к Ледовому Фронту: в первый рейс оно загружалось бельками и взрослыми лысунами; во второй — «синеспинками» и взрослыми лысунами и хохлачами; в третий, а то и четвертый рейсы — линными лысунами. Однажды из трех таких рейсов «Эрик» привез 40 000 тюленей.

Применение паровых двигателей значительно повысило эффективность судового промысла, но его существо оставалось неизменным, что подтверждают следующие строки, написанные преподобным Филипом Токэ в 1877 году: «Тюлений промысел — это сплошная кровопролитная бойня. Тут вы видите множество тюленей, корчащихся от ран, нанесенных колющими орудиями, и перекатывающихся с боку на бок в предсмертной агонии, окрашивая лед своей кровью. А вон там — другая куча тюленей: в них еще теплится последняя искра жизни, а с них уже сдирают шкуру с салом, и неопытная рука с ужасом отдергивается от случайного прикосновения к дрожащему и стонущему от боли существу».

В то время как паровые суда разоряли прибежища тюленей в глубине языка Ледового Фронта и на ледовых полях в заливе Св. Лаврентия, остающиеся парусные суда прочесывали внешние границы паковых льдов. Одновременно жители береговой полосы занимались ружейной охотой на тюленей в прибрежных водах

со своих лодок и проводили налеты на любые ценные залежки, которые им удавалось обнаружить; наконец, сетной промысел давал до 80 000 взрослых лысунов в год, в основном во время миграций на юг, когда самки несли в своем чреве детеныша.

Тотальный характер убоя являлся устрашающей данью гениальности современного человека как мастера биоцида. В то же время он выявил поразительную жизнестойкость западно-арктических стад тюленей, которые в период между 1871 и 1881 годами уничтожались в количестве более миллиона особей в год и *все-таки сумели выжить*.

Выжить-то выжили, но запасы тюленей обоих видов быстро сокращались. В период с 1881 по 1891 год среднегодовая добыча снизилась почти наполовину и продолжала падать до начала текущего столетия, когда, с точки зрения промысловиков, положение изменилось к лучшему благодаря решительному применению основного принципа эксплуатации ресурсов, согласно которому сокращение добычи компенсируется все более беспощадной интенсификацией промысла.

После 1900 года «добыча на промысловое усилие»* значительно возросла с появлением на промысле действительно крупных паровых судов ледокольного типа со стальным корпусом, оснащенных механическим двигателем, а также с применением современных магазинных винтовок. С помощью радиотелеграфа, позволившего зверобойным флотилиям координировать десантные операции, ньюфаундлендские промысловики перед первой мировой войной добывали примерно по 250 000 тюленей в год. Однако к этому времени зверобой уже полстолетия только и делали, что непрерывно истощали запасы тюленей. Через каких-нибудь несколько лет отрасли грозил неминуемый крах, но... вмешалась война.

* За единицу времени. — *Прим. перев.*

К моменту подписания перемирия большинство судов со стальным корпусом были потоплены в результате враждебных действий, а оставшиеся на плаву суда с вспомогательными паровыми двигателями настолько устарели, что вряд ли у кого хватило бы смелости снова выйти на них во льды. Кроме того, цены на тюлений жир, взлетевшие до небес во время войны, теперь упали ниже предвоенного уровня, а вскоре, с началом Великой Депрессии, обеспечивали лишь минимальную прибыль. Тюлений промысел еще продолжался, но с гораздо меньшей интенсивностью, чем в прошлом веке. Конец ему фактически пришел с началом в 1939 году второй мировой войны.

Пока в Европе и Северной Атлантике бушевала война, тюлени имели пять сезонов для производства на свет и выращивания потомства в относительной безопасности. К 1945 году самки, рожденные в начале войны, уже сами приносили щенков, в результате чего впервые за сотню лет запад-

ные стада лысунов и хохлачей показали скромное увеличение численности.

С окончанием войны интерес к возобновлению коммерческого промысла тюленей в Северной Америке не возродился. К этому времени от зверобойного флота Ньюфаундленда оставались лишь два судна и местные капиталисты предпочитали вкладывать капиталы в воссоздание рыболовного флота для промысла на Большой Ньюфаундлендской банке.

Хотя Великая Тюленья Охота принесла огромные состояния правившей островом торговой аристократии, она мало что дала простым людям, из которых тысячи нашли свою гибель вместе с десятками миллионов загубленных ими арктических тюленей. Теперь, казалось бы, настала пора, предав забвению погибших, забыть старые счеты и сделать так, чтобы массовая гибель людей и тюленей осталась не больше чем воспоминанием о канувшем в прошлое мрачном времени, когда хищничество человека не знало границ.

Глава 19

Смерть на льду (новый стиль)

Примерно через тысячу лет после того, как скандинавский искатель приключений Карлсефни вошел на своем судне в воды Нового Света в надежде поживиться их несметными богатствами, у него нашелся еще один последователь, побуждаемый все той же страстью к обогащению. С ним мы уже встречались, когда рассказывали о его подвигах на поприще китобойного промысла. Карл Карлсен сумел добиться таких успехов в достижении своей цели, о каких не смел и мечтать его далекий предшественник.

В опустошенной войной Европе нехватка животных жиров взвинтила до небес цены на ворвань, и норвежцы — самые расторопные из всех разбойников морской дороги — быстрее других воспользовались новой обстановкой. Как только на море прекратились военные действия, они стали направлять в соседнее Белое море любые подвернувшиеся под руку суда, приспособив их для охоты на гренландских тюленей. Они столь энергично взялись за дело, что Советский Союз в конце концов вы-

нужден был положить конец их разбою. Однако (как мы узнали в главе о китах) предусмотрительные норвежцы одновременно и спешно строили новые зверобойные суда, предназначенные для охоты на морских млекопитающих в любых, даже самых отдаленных от берегов их страны, морях Мирового океана.

Те из них, что предназначались прежде всего для тюленьего промысла, двинулись на запад, к плавающим льдам у восточного побережья Гренландии, где еще в 1860-х годах норвежские зверобои первенствовали в боине тюленей. Но они столь безжалостно уничтожали там вплоть до 1939 года лысунов и хохлачей, что даже вызванная войной передышка не помогла стадам этих животных ощутимо восстановить свою численность. Новый шквал огня моментально прикончил уцелевших.

Быстро утопив в крови остатки двух из трех стад лысунов, современные викинги направили свои суда дальше на запад, откуда доносились запахи жира и наживы. И вот в 1946 году в Новой Шотландии поч-

ти незаметно и под безобидной вывеской возникла «Судоходная компания Карлсена». Мало кто знал, что это норвежская фирма и что истинные ее интересы заключались совсем не в судоходстве, а в уничтожении китов и тюленей в канадских водах. И вряд ли кто мог предполагать, какое страшное бедствие она принесет морям Нового Света, уже столько претерпевшим от рук европейцев.

Вывеска канадской компании дала Карлсену много преимуществ, включая получение федеральных и провинциальных субсидий, но, главное — она позволяла норвежцам вести неограниченный промысел китов и тюленей в канадских территориальных водах, в том числе, и это особенно важно, в изолированных от океана водах залива Св. Лаврентия.

Вскоре компания Карлсена уже располагала в Блэндфорде в провинции Новая Шотландия целой флотилией норвежских судов с норвежскими же экипажами опытных китобоев и зверобоев. Эта флотилия специализировалась на промысле тюленей в заливе Св. Лаврентия. Одновременно еще одна норвежская зверобойная флотилия, базировавшаяся в Норвегии, появилась у Ледового Фронта в водах Ньюфаундленда. Поскольку ценные и линные залежки в этих водах обычно находились в международных водах, она была свободна от каких-либо ограничений или контроля.

Подхлестнутые присутствием чужестранцев на своих традиционных местах тюленьего промысла и запоздало пробудившейся алчностью, вызванной ростом цен на тюлений жир, ньюфаундлендцы также решили вернуться к ледовой охоте. К 1947 году они вновь сколотили небольшую флотилию, в основном из малых самодвижущихся зверобойных судов, обычно используемых для лова трески или для каботажного плавания. Они по всем статьям уступали четырнадцати новейшим норвежским зверобойным судам, которые к 1950 году уже опустошали воды Ледового

Фронта, в то время как флотилия Карлсена занималась тем же в заливе Св. Лаврентия. Вместе обе эти норвежские флотилии добыли в том году более 200 000 тюленей. А годом позже их добыча удвоилась, такой бойни не видели с 1881 года. Пламя смертоубийства разгоралось с новой силой.

Не довольствуясь добычей молодняка и взрослых самок на ценных залежках, а также взрослых тюленей обоего пола на линных лежбищах, норвежская флотилия занялась преследованием стад, мигрирующих на север, убивая тюленей на всем их пути вплоть до вод Западной Гренландии. Тюлени, которых они убивали, следующей весной должны были вернуться на юг, чтобы дать жизнь потомству. Большинство из них не получили этого шанса. За один только год новоявленные викинги добыли 60 000 «скальпов» тюленей, а всего они добыли на льду и в воде, наверное, 300 000 взрослых тюленей.

Такое кровопролитие быстро свело на нет скромный прирост поголовья лисунов и хохлачей после 1919 года. По данным д-ра Дэвида Сарджента, западное стадо лисунов сократилось к 1961 году до 1 750 000 особей, то есть примерно вдвое по сравнению с 1951 годом.

Встревоженные протестами д-ра Сарджента и некоторых других лиц, таких, как ньюфаундлендец Харольд Хорвуд, чья журнальная статья «Трагедия на ценных залежках» была одним из ранних предупреждений о том, что происходит с тюленими, правительства Канады и Норвегии сделали свой первый шаг во имя «защиты и рационального использования» арктических тюленей*. Установив дату начала охоты на тюленей

---

* До 1949 года Ньюфаундленд был независимой территорией¹¹². Начиная с 1949 года, когда он стал провинцией Канады, федеральное правительство страны несет ответственность за тюлений промысел в прибрежных водах острова, так же как и в заливе Св. Лаврентия.

с таким расчетом, чтобы обеспечить появление на свет максимального количества бельков, они объявили о прекращении охоты на взрослых тюленей с 5 мая. Однако эта мера была совершенно бесполезной, поскольку к этому сроку норвежцы обычно и так прекращали преследование уплывающего на север стада. К тому же взрослые тюлени уже не интересовали зверобоев.

В конце 1950-х годов норвежские химики наконец открыли секрет обработки шкурки бельков, при которой мягкая шелковистая шерсть бельков не вылезала. Мех, обработанный новым способом, привел в восторг любителей модных товаров в богатых странах Запада. Если в 1952 году «скальп» убитого белька, доставленный в порт, стоил не больше доллара, и то в основном из-за жира, то к 1961 году его цена поднялась уже до пяти долларов, из которых четыре стоила сама шкурка. Поскольку один зверобой мог за день беспрепятственно убить и освежать на лежбище до сотни бельков, этот промысел сулил воистину баснословные прибыли. В 1962 году, когда модные салоны пустились в безумную погоню за тюленьим мехом, пытаясь удовлетворить ненасытный аппетит цивилизованных модниц Европы и Америки, цена на белька подскочила до семи с половиной долларов. В результате массы охотников устремились на ледовый промысел и устроили на лежбищах лысунов и хохлачей в водах восточной Канады кровавую бойню: в ту весну зверобой освежали 330 000 хохлачей и лысунов, в том числе 200 000 бельков.

В свете последующих событий справедливости ради надо отметить, что до этого времени канадцы играли сравнительно незначительную, обычно подсобную роль в послевоенном истреблении тюленей. Чаще всего их использовали как мясников и тягловую силу. В качестве таких низкооплачиваемых исполнителей они и помогали иностранцам грабить свою страну. В этом не было ничего но-

вого. Канада всегда охотно раздавала налево и направо свои природные богатства, чтобы обеспечить своих граждан работой дровосеков и водозовов.

Канадские власти, федеральные и местные, изо всех сил старались помогать норвежцам. Они предоставляли их флотилиям самолеты для ледовой разведки. В помощь зверобоям были выделены ледоколы. Но, вероятно, наибольшую пользу они извлекли из отказа федерального правительства наложить запрет на необузданный промысел тюленей во льдах.

В 1960-х годах так называемая охота на тюленей превратилась в настоящую оргию истребления: на плавающие льды слетались, точно грифы, стаи предприимчивых дельцов, жаждущих быстрого обогащения. И это вполне уместное сравнение, поскольку весной 1962 года некоторые суда стали использовать вертолеты для переброски охотников на дальние льдины и доставки добычи на суда. А в следующем году, когда цена на шкурку белька подскочила до 10 долларов, в залив Св. Лаврентия высадились многочисленные десанты с легких самолетов, снабженных лыжами или шинами низкого давления для посадки на лед.

Самолеты в большинстве случаев принадлежали самим пилотам; эти воздушные разбойники ничего, или почти ничего, не смыслили в тюленьем промысле, но зато безошибочно чувствовали, где можно поживиться за его счет. Пилоты — владельцы самолетов набирали местных жителей на островах Магдален или на острове Принца Эдуарда, доставляли их на рассвете на лежбища, а затем целый день переправляли добытые «скальпы» на берег, где были проложены временные посадочные полосы.

Жестокое соперничество между воздушными, береговыми и морскими охотниками превратило льды Канады в одно кровавое поле сражения. Здравый смысл, правила приличия — все было отброшено в сто-

рону. Воздушные пираты даже похищали «скальпы», заготовленные на льдинах командами зверобойных судов, и немало самолетов возвращались на береговые базы с пулевыми пробоинами в крыльях и на фюзеляже. Места размножения лысунов превратились в вызывающие ужас побоища. О том, как все происходило, красноречиво поведал мне один из пилотов, летавший на промысел в залив Св. Лаврентия в 1963 году:

«Нам нужно было набрать зверобоев. В дело годился любой, лишь бы у него хватало сил, чтобы размахивать дубинкой или орудовать ножом. Я слетал в Шарлоттаун, обошел местные пивнушки и сколотил компанию бездельников, которые ни черта ни в чем не смыслили и которым было на все наплевать, лишь бы только побыстрее заработать несколько долларов.

Над заливом, словно в кино про войну, кружилось множество самолетов... Они плюхались на первую попавшуюся льдину, лишь бы поддержала. По-моему, со льдины сразу же прогнали всех тюленей, даже тех, у которых были щенки. Всем было на это начхать. Нам-то нужны были только малыши, и этих жирненьких тюленят там было видимо-невидимо.

Я высадил свою компанию около восьми утра и стал ждать, когда они мне забьют первую партию. Господи, что за идиоты мне достались! Размозжить щенку дубиной голову — это пожалуйста, ну, а снять шкуру? Наверное, ни один из них толком апельсин-то очистить не умел. Я пол-утра учил их, как это делается, и все равно половину шкур испортили.

Торопились, как в лихорадке. Лишь бы обогнать других. Некоторые даже не останавливались, чтобы снять шкуру, — трахнут по голове одного щенка и бегом к другому, чтобы тот не достался кому-нибудь еще. Кто не видел сам, не поверит.

Однажды я приземлился на подтаявшую льдину и чуть не угробил самолет. Пришлось пулей взлететь

и садиться где-то в стороне, где орудовала чужая банда. Они мне махали, чтобы я не садился, но я все же сел. В жизни такого не видел. Они даже и не думали убивать бельков. Прижав его ногой к земле, они вспарывали шкуру на брюхе и начинали сдирать с него шкуру. Ну и дела! Щенок извивался как ошпаренный, шкуру протыкали местах в десяти и, конечно, портили. Что за беда? Пырей следующего, может, повезет...

Такое не забудешь по гроб жизни. Вам лично не приходилось видеть, как *освежеванный* тюлененок пытается выбраться из воды, куда его спихнул охотник? Что уж там говорить, в тот сезон я загреб кучу денег, только на следующий год я туда не вернулся. Это мне не по душе».

Но большинство пилотов возвращались, да еще с большим пополнением — новичками. Ведь за две недели тяжелой и довольно рискованной работы можно было заработать больше 10 000 долларов. В 1964 году цена за одну шкуру белька подскочила до двенадцати с половиной долларов, что подлило масла в огонь, и чудовищная вакханалия пережестилась все мыслимые пределы. Той весной в заливе Св. Лаврентия на тюленей охотились не менее 65 легких самолетов и несколько вертолетов, сотни жителей побережья и норвежская зверобойная флотилия. Соперничество не знало границ, охотники не знали жалости. Даже лучшие из них превратились в роботов, калечащих и убивающих множество детенышей в слепой жажде опередить конкурентов.

Восемьдесят одну тысячу бельков добыли в ту весну на льдах залива. Мы никогда не узнаем, сколько всего убили детенышей, но те, кто там был, считают, что новое поколение тюленей в тот год было уничтожено, что называется, под корень. На Ледовом Фронте, где нельзя было использовать легкие самолеты, наблюдалась почти такая же зловещая картина. Норвежская флотилия уничтожила там примерно 85% новорожденных тюленей.

Некоторым утешением, если, конечно, это можно считать утешением, было то, что там по крайней мере работали профессиональные зверобой, и потери были сравнительно невелики.

Шло время, и тюленьи шкуры находили все новое применение: домашние женские туфли, которые особенно приятно надеть после лыжных прогулок, мужские башмаки и спортивные куртки, изготовленные из серебристого меха взрослых тюленей. Поэтому после уничтожения бельков и «синеспинок» вновь началось уничтожение взрослых животных. Возобновилась и ловля тюленей сетями, особенно на южном побережье Лабрадора. Рыбаки, никогда прежде не проявлявшие к тюленям ни малейшего интереса, начали ловить «бедламеров» и взрослых тюленей на огромные крючки с наживкой. Хуже того, много мужчин и подростков выходили в море на любых подвернувшихся лодках, чтобы пострелять в «бедламеров» и хохлуш из малокалиберных винтовок. Убить из такой винтовки хотя бы хохлушу, и то при большой удаче, можно было только прямым попаданием в голову. Счетовод с рыбзавода на севере Ньюфаундленда, заразившийся охотничьей лихорадкой, сказал мне, что, по его подсчетам, примерное соотношение между добытыми и убитыми тюленями составляло один к десяти.

Столь жестокого преследования арктические тюлени не знали с середины XIX века. Согласно опубликованным данным, в 1963 году в Северо-Западной Атлантике было добыто 352 000 тюленей, и это по «официальным» данным, которые, по общему убеждению, всегда сильно занижаются норвежцами по сравнению с фактическими. Следовательно, приняв во внимание минимальный коэффициент промысловых потерь, общее число уничтоженных в том году тюленей следует считать близким к полумиллиону. Весной следующего года тюлени понесли примерно такие же потери.

К лету 1964 года все, кто занимался

этим промыслом, с сожалением поняли, что его судьба решена, а тюлени могут вообще кануть в небытие. Потому что от первоначальной примерно десятимиллионной численности (оценки расходятся) популяции западного стада лысунов осталось немногим более миллиона. Что же касается популяции, обитающей на плавучих льдах к востоку от Гренландии, то от нее осталось не более 200 000 тюленей. Советский Союз также способствовал эпидемии неудержимой алчности, разрешив массовое истребление бельков в Белом море, чтобы извлечь выгоду из охватившей западный мир мании приобретения художественных изделий из тюленьей кожи.

В Норвегии, Канаде и Советском Союзе ведомства, ведающие вопросами регулирования рыболовства и охраны природных ресурсов, были полностью в курсе событий. Ученые этих стран подробно докладывали о создавшемся положении, и, отдавая им справедливость, следует признать, что большинство из них предупреждало о катастрофе, грозившей популяциям лысунов и хохлачей, если немедленно не прекратить это кровопролитие.

Норвегия и Канада проигнорировали эти предупреждения. Советский Союз осенью 1964 года запретил судовой промысел тюленей в Белом море. В ответ на предложение последовать этому примеру представитель канадского министерства рыболовства утверждал, что численность лысунов не только не уменьшается, но даже увеличивается. К тому же, добавил он, недопустимо даже думать о каком-либо покушении на право свободного предпринимательства извлекать законную прибыль из «рационального использования природных ресурсов страны, чрезвычайно важных для канадской экономики».

Норвежцы со своей стороны указали на то, что, поскольку промысловые лежбища тюленей Ледового Фронта и плавучих льдов у восточ-

ной Гренландии находятся в международных водах, никто не имеет права вмешиваться в действия их зверобоев. И Норвегия не потерпит никаких посягательств на ее право промысливать тюленей в открытом море.

До этого времени широкая публика пребывала в неведении о том, что происходит с тюленями. Вполне возможно, что при сложившемся положении западноатлантические популяции лысунов и хохлачей так и прекратили бы свое существование, если бы не неожиданный поворот судьбы. В 1964 году небольшая монреальская компания «Артек» заключила с квебекским управлением по туризму контракт на съемку серии рекламных телевизионных фильмов, расхваливающих красоты «Прекрасной Провинции». Отсняв традиционные достопримечательности, режиссер-постановщик вдруг решил, что картинам не хватает «изюминки», которая внесла бы в нее свежее дыхание жизни. Один из его помощников, уроженец островов Магдален, упомянул о том, что там каждую весну охотятся на тюленей, и режиссеру показалось, что это как раз то, что нужно. И вот в марте 1964 года съемочная группа компании «Артека» приезжает на острова и снимает фильм, чтобы показать древнюю и тем не менее волнующую историю битвы человека с природой в суровом мире ледяных полей — так сказать, старый Квебек во времена первых поселенцев.

Фильм получился довольно волнующий, но чересчур кровавый. Он запечатлел не только белую ледяную пустыню с алыми пятнами на талом снегу — следами тюленьей бойни, но и душераздирающие сцены убийства самых, пожалуй, трогательных малышей в царстве животных, которых зверобой косили направо и налево ударами окованных железом дубинок, к тому же крупным планом было показано, как с одного из этих прелестных созданий живьем сдирают шкуру.

Показ фильма по франкоязычной программе канадского телевидения произвел на зрителей столь ошеломляющее впечатление, что было решено показать его по общенациональной программе, снабдив английскими субтитрами. Впрочем, о субтитрах можно было и не беспокоиться. Показанные на экране ужасные сцены были красноречивее всяких слов.

Буря протестов против жестокого обращения с животными поднялась после того, как многие зрители, включая американцев, посмотрели программу канадского телевидения. Местные отделения Общества борьбы против жестокого обращения с животными и Общества в защиту животных приобрели копии фильма, устраивали просмотры для широкой публики в подсобных помещениях церквей, зданиях муниципалитетов и школах. На членов парламента и федеральное министерство рыболовства обрушился шквал негодующих писем тысяч простых граждан, требующих немедленно прекратить избиение тюленьих детенышей. Туристическое бюро Квебека в панике попыталось изъять фильм из обращения. Но было уже поздно.

Копии фильма попали за океан, где их размножили и разослали во все концы Европы. В ФРГ д-р Бернгард Гржимек, прославленный зоолог и директор Франкфуртского зоопарка, не только организовал показ его для всех европейских стран, но и стал инициатором всемирной кампании, требовавшей, чтобы правительство Канады «прекратило это кровавое зверство». Растерянные сотрудники канадских посольств оказались в кольце блокады пикетчиков и под дождем гневных писем. Как сказал один раздосадованный поборник тюленьего промысла, которому, разумеется, было совсем не до смеха, «пошла потеха».

Действительно пошла. Хотя правительства Канады и Норвегии поддерживали дельцов, поскольку сами пользовались их поддержкой, все их по-

пытки заглушить всеобщее возмущение лишь подливали масла в огонь. Потому что, как пояснил чиновник одного федерального ведомства, «образ прелестного тюлененка плохо уживался в сознании людей с видом кучи выброшенных на лед окровавленных потрохов... факты и цифры тут не помогут. Если бы, скажем, речь шла об убийстве только что появившихся на свет кальмаров, тогда мы, возможно, и отстояли бы свои позиции. Но тюлени детеныши?»

Взбешенные канадские чиновники перешли в яростное контрнаступление, называя тех, кто возмущался уничтожением тюленей, обманутыми простофилями, слютями и любителями саморекламы. Министерство рыболовства мобилизовало своих специалистов, приказав им опубликовать «подлинные факты». Гневно отрицая обвинения в жестокости, якобы сопровождающей коммерческий промысел тюленей («подобные обвинения порочат честных тружеников-рыбаков»), представители министерства продолжали упорно утверждать, что тюлений промысел является жизненно необходимым и непреходящим элементом канадской экономики и что он ведется на разумных и гуманных началах.

«Промысел тюленей должным образом регулируется», — заявил distinguished Х. Р. Робишод, федеральный министр рыболовства, поспешивший ввести первые в истории страны правила, регламентирующие тюлений промысел. Он объявил, что с весны 1965 года участие в охоте на тюленей будет ограничено введением системы лицензий, согласно которой каждый владелец судна или самолета должен уплатить 25 долларов за право «собирать урожай» лисунов или хохлачей. Кроме того, в целях охраны тюленей в заливе Св. Лаврентия министерство установило квоту на добычу не более 50 000 тюленей в год и назначило своих чиновников для контроля за промысловыми операциями и соблюдением законов. Наконец, чтобы опровергнуть обвинения в жестокости, представителей обществ защиты жи-

вотных пригласили посетить ледяные поля залива Св. Лаврентия, чтобы они воочию смогли убедиться и убедить всех других в том, что тюленей убивают, проявляя всяческое к ним уважение.

Введение лицензий было чистым фарсом. Даже если бы эти взносы действительно взимались, они мало что изменили бы в сложившейся ситуации, так как лицензии выдавали в неограниченном количестве. Надзор министровских чиновников за промыслом тюленей состоял в подсчете шкур, доставленных с мест промысла самолетами и промысловыми судами, причем подсчет этот был весьма приблизительным, и в 1965 году упомянутая квота была превышена примерно на 4000 бельков. Посещение ледяных полей представителями обществ защиты животных было умышленно запланировано в том сезоне на вторую неделю «сбора урожая» и поэтому не состоялось: квоту, как и следовало ожидать, выбрали за первые четыре дня десяток больших судов и не менее шести десятков самолетов, быстро опустошивших лежбища в заливе.

Наконец, квота в 50 000 бельков распространялась *только* на залив Св. Лаврентия и касалась *только* больших судов и самолетов. Жители побережья, владельцы малых судов, охотники, вооруженные ружьями и сетями, были по-прежнему вольны убивать где угодно всех тюленей подряд, молодых и старых. Что же касается промысла тюленей на Ледовом Фронте, то по взаимному соглашению между Канадой и Норвегией он продолжался без надзора и без каких бы то ни было — фиктивных или реальных — ограничений.

Мошеннические уловки мистера Робишода, вероятно, принесли бы свои плоды, если бы не стойкость и непримиримость одного единственного человека, Брайана Дэвиса — тридцатипятилетнего иммигранта из Уэльса, который в 1964 году зарабатывал на жизнь в качестве студента-практиканта в школе и одновременно подрабатывал по совместительству

в ньюбрансуикском отделении Общества защиты животных.

Дэвис видел фильм, сделанный компанией «Артек», и был глубоко потрясен, хотя и не до конца поверил в то, что подобные ужасы могли совершаться в усыновившей его стране. Как же установить истину? Для этого был только один путь, и Дэвис самостоятельно отправился во льды.

«Может быть, это прозвучит высокопарно, но то, что я там увидел, перевернуло мою жизнь,— сказал он мне несколько лет спустя. Вы сами там были и видели, что происходит. Нет слов, чтобы описать подобное варварство. Нельзя было допустить, чтобы оно продолжалось. Я твердо знал, что мне надо было делать».

Долгие годы после этого правительственные чиновники, дельцы и многие журналисты выставляли Дэвиса на осмеяние, называя его корыстолюбивым фанатиком с сомнительными морально-этическими принципами. В то же время любители животных боготворили его, и в их глазах он был современным Франциском Ассизским. Дэвис боролся за спасение тюленей, используя главным образом средства массовой информации, и делал это практически в одиночку, но так умело, что ему удалось превратить образ темноглазого, вызывающего глубокое эмоциональное сочувствие детеныша-белка в международный символ протеста против традиционно безжалостного и эгоистического отношения человека к жизни всех остальных существ на земле.

Избегая умозрительных доводов, Дэвис открыто взывал к чувствам людей, понимая, что у него нет другой возможности одолеть своих могучих противников. Эти враждебные силы не только отвечали злобными поношениями его самого, но и его сторонников. Они пытались утопить их, а заодно и правду о бойне тюленей в потоке издевательских насмешек.

Лицензионные сборы в 25 долларов оказались пустой затеей. Это по-

казал 1966 год, когда в заливе Св. Лаврентия сосредоточилось не менее сотни самолетов и вертолетов. Вместе с промысловыми судами они моментально выбрали квоту в 50 000 тюленей. Весной того года в заливе было добыто около 86 000 бельков и 18 000 взрослых животных.

На этот раз группа официальных наблюдателей добралась до места промысла в день открытия охотничьего сезона. В состав группы входили правительственные чиновники во главе с г-ном Робишодом и представители Общества гуманного обращения с животными провинции Онтарио; ее также сопровождал не состоящий на государственной службе биолог д-р Дуглас Пимлотт из Торонтского университета. Несмотря на сообщение Пимлотта о том, что он видел, как три зверобоя свалили ударами дубинок и бросили на льдине 59 детенышей, группа наблюдателей сделала следующее совместное заявление: «[Мы проверили] черепа сотен бельков... убитых зверобоями, доставленными как судами, так и самолетами. Проверкой туш установлено, что большинство бельков были нанесены удары по голове каким-то специальным орудием с силой, достаточной, чтобы проломить череп. По нашему мнению, эти животные сразу теряли сознание и не могли чувствовать никакой боли».

Однако той весной на льду находились не только официальные наблюдатели. Там был и Брайан Дэвис, который захватил с собой эксперта, квалифицированного ветеринара д-ра Элизабет Симпсон. Она засвидетельствовала, что *до половины* осмотренных ею убитых бельков имели признаки того, что во время «скальпирования» они были еще живыми.

Это было началом разногласий между различными организациями по гуманному отношению и защите животных. Одни из них энергично отстаивали официальную версию, что бельки если и не умирали счастливыми, то, во всяком случае, не чувствовали боли, другие уверяли, что мно-

гие из них погибали мученической смертью.

Пока внимание прессы и общественного мнения занимала эта сторона бойни на лежбище залива Св. Лаврентия, в других местах она шла своим чередом. В течение весны 1966 года в водах Ледового Фронта тринадцать норвежских судов и семь судов из флотилии Карлсена погрузили на борт 160 000 бельков. Кроме того, они добыли не меньше 45 000 взрослых лысунов и 25 000 хохлачей, то есть одну треть из предполагаемой общей численности местной популяции хохлачей.

Осенью 1966 года канадское правительство, справедливо опасаясь, что общественность неизбежно узнает о чудовищном истреблении тюленей на Ледовом Фронте, договорилось об организации номинального контроля за зверобойным промыслом в этом районе силами Международной комиссии по рыболовству в Северо-Западной Атлантике (ИКНАФ) — организации, в которой были представлены чиновники и ученые государственных учреждений Канады, Норвегии и Дании, снискавших печальную известность тем, что они не принимали никаких или почти никаких мер по охране природных ресурсов, если эти меры могли отрицательно повлиять на коммерческий рыбный промысел.

Министерство рыболовства распорядилось также и о некоторых дополнительных ограничениях на промысел тюленей в заливе Св. Лаврентия, включая запрет на охоту в темное время суток (когда даже самый безрассудный зверобой не рискнул бы выйти на лед), а также на промысел взрослых самок тюленей на ценных залежах, за исключением случаев необходимой самообороны (что практически означало убийство самок по усмотрению зверобоев). «Эффективность» этих мер наглядно подтвердили результаты «охоты» в 1967 году. Хотя квота убоя бельков оставалась на уровне 50 000, в действительности было добыто значительно больше

100 000 тюленей, в основном детенышей лысунов. Этот год был свидетелем самой кровавой бойни в заливе Св. Лаврентия за все послевоенные годы. В том же году на Ледовом Фронте погибли 232 000 лысунов и хохлачей. И опять это были главным образом детеныши.

После окончания бойни 1967 года г-н Робишод выступил с заявлением для средств массовой информации. Он начал с отзыва о деятельности противников тюленьего промысла, ряды которых полнились, а голос становился все более слышимым: «Нельзя не поражаться упорству, с которым группа людей во главе с Брайаном Дэвисом порочит представление о Канаде как дома, так и в других странах». Затем он пустился уверять репортеров в том, что «в 1967 году канадский промысел тюленей был самой регулируемой операцией такого рода в мире. Применялись ограничения в отношении типов и технических характеристик дубинок, используемых для добычи молодняка, а также огнестрельного оружия и патронов, применяемых для отстрела тюленей старших возрастов. Было четко указано на недопустимость свежеевания животных, пока они сохраняют видимые признаки жизни. Кроме того, была введена система выдачи лицензий и удостоверений личности охотников. Помимо прочего, на капитанов промысловых судов и на пилотов самолетов была возложена особая ответственность за соблюдение установленных правил».

В заключение министр рыболовства заявил: «Я твердо придерживаюсь основного принципа, заключающегося в том, что при использовании для нашего блага любых животных необходимо уделять максимум внимания самому гуманному обращению с ними и продлению существования каждого вида. Такую задачу мы поставили перед собой, и мы выполняем ее в процессе эксплуатации наших запасов тюленей в Атлантике».

Весной 1968 года мы с фотографом Джоном де Виссером отправились в

залив Св. Лаврентия, чтобы понаблюдать за этой «самой регулируемой операцией такого рода в мире». Это было тяжелое испытание. В одном случае де Виссер наблюдал, как один из доставленных самолетом охотников прокладывает дубиной путь сквозь группу из трех десятков детенышей; убив шестерых и ранив еще несколько, он перелетел на другую льдину, бросив свои жертвы на произвол судьбы. В двух случаях я видел, как к освеженным живьем детенышам возвращалось сознание. Когда я сделал замечание одному судовому зверобою за то, что тот убил дубиной самку, пытавшуюся защитить своего детеныша, он, усмехнувшись, ответил: «Нам же необходимо защищаться, не так ли? Что мы и делаем».

Я беседовал с членами группы Брайана Дэвиса и соперничающей с ней группой «официальных» наблюдателей во главе с Томасом Хьюджесом из Общества гуманного отношения к животным провинции Онтарио. Хьюджес твердо стоял на том, что эта, как он ее называл, «охота» была «столь же гуманной, как всякая другая хорошо организованная бойня». Беседовал я и с чиновниками министерства рыболовства, научными экспертами и рядовыми зверобоями. В результате всех этих бесед я пришел к выводу, что это побоище является собой почти бесконтрольную оргию опустошения, совершаемую людьми и для людей, готовых осуществить или санкционировать чуть ли не любое насилие ради поддержания высокого уровня прибылей. Несомненно, однако, что вина за самые ужасные зверства лежит на совести зверобоев, доставляемых на места охоты самолетами.

Когда я спросил у одного из руководящих работников министерства, почему оно не запретило эту охоту, вызывающую столько критики со стороны широкой общественности, он ответил «не для печати», что такой запрет был бы неразумным. Владельцы самолетов, сказал он, являются независимыми канадскими бизне-

сменами, и любая попытка не допустить их на лед залива Св. Лаврентия вызвала бы нежелательную политическую реакцию.

Как бы там ни было, норвежцы сумели избавиться от воздушных контрабандистов, добившись этого весьма просто — снизив цену на шкурки бельков, благо что они были единственными их покупателями. В 1967 году они понизили цену до 6 долларов за шкурку, рассчитывая, что такая цена, будучи достаточно низкой, не позволит воздушным пиратам получать стоящую прибыль. Эта мера дала определенный результат, но не тот, на который рассчитывали ее инициаторы, поэтому было объявлено, что на следующий год максимальная цена будет установлена в размере всего лишь двух долларов за шкурку. С введением этой цены почти все воздушные охотники вышли из промысла. Тем не менее после того как квота для судов и самолетов на 1968 год была выбрана (в основном — судами), покупатели стали платить жителям побережья до 6 долларов за шкурку. Таков был конец воздушного пиратства, или «участия в сборе урожая», как изящно назвала это одна из шарлоттаунских газет.

Посетив залив Св. Лаврентия, я убедился в том, что, помимо проблемы жестокого обращения с тюленями, главным вопросом остается выживание этих животных перед лицом громадного и фактически неконтролируемого опустошения их запасов.

В это время Робишод уступил свой пост министра рыболовства достойному Джеку Дэвису, политическому деятелю, взгляды которого выходили за рамки непробиваемых предубеждений. Казалось, что его можно убедить пересмотреть позицию, занятую министерством в отношении тюленей. Я несколько раз встречался с его заместителем Робертом Шоу, который вселил в меня некоторую надежду на успех. В начале 1969 года мне сообщили, что ми-

нистр собирается предпринять определенные меры с целью прекращения опустошения стада арктических тюленей, которые весной не досчитались около 300 000 особей.

Дэвис создал специальный Консультативный комитет по проблеме тюленей, и, когда группа входящих в него ученых подтвердила, что численность как лысунов, так и хохлачей быстро уменьшается и что они срочно нуждаются в защите, он предложил запретить в 1970 году промысел бельков в заливе Св. Лаврентия и воздержаться от их добычи на Ледовом Фронте на основе какого-нибудь действенного соглашения с норвежским правительством.

Тут-то под его ногами и разверзлась бездна.

Положение Дэвиса под огнем нападок промысловиков, с одной стороны, и политических деятелей приатлантических провинций, с другой, было подорвано. Ему оказали сопротивление даже руководящие чиновники его собственного министерства и некоторые научные консультанты, ставшие на сторону ИКНАФ (где они также числились консультантами): последняя отказалась санкционировать даже сокращение промысла бельков, не говоря уже о его запрете. Окончательный удар был нанесен отказом Норвегии от договоренности о запрещении ее подданным вести промысел на Ледовом Фронте. Загнанный в угол, Дэвис отменил меры по охране запасов и, по выражению его заместителя, «отправился зализывать раны».

В 1970 году бойня продолжалась в обычном порядке. Квота в 50 000 особей, установленная для больших судов в заливе Св. Лаврентия, осталась неизменной и (в отсутствие воздушных убийц) выбиралась в основном норвежскими промысловиками. Для Ледового Фронта никаких квот не было, как не было и ограничений со стороны ИКНАФ. Вместе с тем численность тюленей там настолько упала, что норвежская флотилия (единственная тогда в тех водах) добыла только

257 000 «скальпов» тюленей разного возраста обоих видов.

Но теперь Брайан Дэвис и его сторонники стали пользоваться такой горячей поддержкой как за границей, так и в Канаде, что наиболее консервативные участники движения в защиту животных, отмежевались от их требований. Не смутившись этим обстрельством, Дэвис (который еще раньше создал собственную организацию — Международный фонд защиты животных) с удвоенной энергией принялся поднимать общественность на борьбу с продолжавшимся избиением морских млекопитающих. К середине 1970-х годов он достиг уже таких успехов, что «тюлений вопрос» стал своего рода притчей во языцех для правительственных кругов Оттавы. В это время министерство рыболовства, которое, разумеется, являлось главным объектом общественной критики, вошло в состав вновь созданной организации, получившей целомудренное название «Министерство по охране окружающей среды», и, маскируя мнимое отступление, выпустило новые «Правила охраны тюленей».

Согласно этим правилам, ни один самолет не имел права без разрешения пролетать на высоте ниже 600 метров над ценными залежками лысунов и хохлачей или садиться на лед ближе чем за морскую милю от мест размножения тюленей. Потом это правило трансформировалось в запрещение приземляться не ближе указанного расстояния от *любого* тюленя того или иного вида в период щенки. Представитель министерства разъяснил, что последнее распоряжение правительства (сделанное без обсуждения в парламенте) имело целью не только положить конец охоты на тюленей с использованием самолетов, но и оградить животных от беспокойства в период щенки или выращивания потомства.

Непосвященным в Канаде и за границей указанное правило казалось весьма похвальным, но по существу это был циничный обман. Дело в том, что охота при помощи самолетов пре-

кратилась еще в 1968 году и не имела перспектив для возрождения, поэтому единственными самолетами, посещаемыми ценные залежки, были те, что везли туда либо правительственных ученых, официально назначенных наблюдателей и чиновников министерства, либо противников тюленьего промысла, представителей прессы и беспристрастных ученых и наблюдателей. Получалось, что тем, кто относился к первой группе, разрешалось «беспокоить тюленей», где и когда им вздумается. Второй же категории лиц, как правило, запрещался доступ не только к ценным залежкам, но, по существу, и ко всему региону, поскольку одиночные тюлени встречались в заливе Св. Лаврентия и на Ледовом Фронте почти повсеместно.

Короче говоря, сие деспотическое ограничение имело целью защитить не тюленей, а зверобоев (которые, надо думать, не беспокоили ни бельков, ни их матерей, когда стреляли им в череп), а также зверобойный промысел и правительство Канады, скрывая от общественности правду о том, что происходит на льду.

Приходится только удивляться тому, что министр по охране окружающей среды, которым стал теперь Джек Дэвис, еще не смирился с политическими реалиями, четко обозначенными руководящими чиновниками его собственного министерства. В том же году, когда были введены в действие новые «Правила защиты тюленей», он официальным порядком учредил Консультативную комиссию по тюленьему промыслу (КОСС) при Палате общин канадского парламента. В ноябре 1971 года эта комиссия, в состав которой вошли два авторитетных независимых ученых, рекомендовала парламенту объявить незаконной любую охоту на тюленей не позже чем до 1974 года и затем избавить лысунов и хохлачей от произвола зверобоев еще по крайней мере на шестилетний срок, чтобы дать возможность тюленям хотя бы частично восстановить свою численность. Дэ-

вис дал добро на осуществление этих рекомендаций.

Многое из того, что происходило потом в недрах правительственных учреждений, покрыто мраком неизвестности. Тем не менее общий исход дела не вызывал сомнений. Заметно сникший министр объявил, что в конце концов Канада не чувствует себя вправе предпринимать односторонние действия в решении проблемы, представляющей международный коммерческий интерес, поэтому она передает судьбу *всех* заходящих в ее воды лысунов и хохлачей в руки ИКНАФ. По существу, это ничего не меняло.

ИКНАФ, которая ровным счетом ничего не сделала для сохранения или защиты тюленьих стад Ледового Фронта или исчезающих остатков тюленей восточного побережья Гренландии, оказалась на высоте положения, возвестив о намерении ввести в действие «Правила добычи лысунов и хохлачей», предусматривающие общую квоту на убой западноатлантических тюленей. Квота должна была определяться на основе точных биологических данных и применяться в качестве инструмента «научно обоснованного использования и воспроизводства», не только препятствуя дальнейшему истощению запасов лысунов и хохлачей, но, напротив, способствуя их восстановлению до уровня, близкого к их прежнему изобилию.

В 1971 году ИКНАФ установила первую квоту для залива Св. Лаврентия в размере 200 000 лысунов для судового промысла и 45 000 — для прибрежных охотников; суммарная квота оказалась на 18 000 особей меньше объема фактической добычи в предшествующем году. К концу промыслового сезона 1971 года зверобои добыли 231 000 тюленей — все, что они смогли добыть, несмотря на большие старания выбрать установленную квоту и узаконить ее на будущее. Поскольку сделать этого не удалось, ИКНАФ ничего не оставалось, как сократить квоту. На 1972 год она была уменьшена до 150 000

особей. Однако в том году зверобоям удалось добыть и доставить на берег всего 136 000 тюленей! Не сумели они выбрать установленную квоту и в следующем, 1973 году.

Объем поставок бельков уменьшался, а спрос на них увеличивался. В 1974 году цена за шкурку белька поднялась до 12 долларов. Это побудило зверобоев увеличить количество судов и людей на промысле, что позволило в том году превысить квоту и добыть 154 000 тюленей. В 1975 году цены на бельков снова резко подскочили до 22 долларов за шкурку, и, согласно официальным данным, в этом году было добыто 180 000 арктических тюленей, включая 15 400 хохлачей, против вновь установленной квоты в 15 000 особей этого вида.

В 1975 году аэрофотосъемка показала, что общая численность взрослых лисунов составляет уже менее одного миллиона голов, а по данным доклада д-ра Лавиня, опубликованного Организацией по вопросам продовольствия и сельского хозяйства ООН, популяция лисунов насчитывала не более 800 000 особей в возрасте от одного года и старше. Тревога организаций, выступающих за охрану живой природы и против зверобойного промысла, вынудила ИКНАФ пойти на значительное снижение квоты убоя тюленей до 127 000 в 1976 году.

Промысловики эту квоту проигнорировали. Приплывшая прямо из Норвегии флотилия из восьми больших зверобойных судов плюс семь судов флотилии Карлсена воспользовались вторым подряд «благоприятным ледовым сезоном» и вместе с охотниками побережья превысили установленную квоту на 40 000 тюленей. Нет нужды добавлять, что никакого наказания виновные не понесли.

Теперь даже самым тупоголовым стало ясно, что ИКНАФ является прислужницей промысловиков Норвегии и Канады. Ее главная роль заключается в том, чтобы отвести гнев общественности от правительств этих двух стран, ответственных за ограни-

чения промысла и защиту оставшихся популяций тюленей.

Возмущение общественности нарастало. В то время как правительства Канады и Норвегии вкуче с промышленниками своих стран лезли из кожи вон, чтобы скрыть масштабы биоцида, совершаемого против арктических тюленей, их противники не щадили усилий, чтобы привлечь к нему внимание широкой общественности. Одним из свидетелей действий противников зверобойного промысла был журналист Сильвер Дон Камерон — редактор «Уикенд Мэгезин», отправившийся на Ледовой Фронт весной 1976 года. Он был приглашен туда вместе с другими журналистами Брайаном Дэвисом, решившим проверить действительность «Правил охраны тюленей». В мае 1976 года Камерон опубликовал свое сообщение о результатах под заголовком: «Охота на тюленей: Моралитэ». Даю его в сокращении.

«Правилами использования вертолетов,— сказал мне один из членов отряда Дэвиса,— предусматривается охрана спокойствия тюленей путем запрета посадки в пределах полумили от того места, где их забивают. Поскольку ни одна чартерная компания не пошла бы на риск конфискации ее дорогостоящего вертолета, основанный Дэвисом «Международный фонд защиты животных» (МФЗЖ) был вынужден приобрести собственный аппарат, и Дэвис научился им управлять. В его планы входило посадить [четыре других арендованных вертолета] на безопасном расстоянии от места охоты и затем на своем вертолете переправить пассажиров непосредственно к месту убоя. В случае, если его остановят, он скажет, что наряду с канадским, он обладает гражданством Соединенного Королевства и что, действуя в международных водах за пределами 12-мильной прибрежной зоны, находится, следовательно, вне досягаемости канадских законов.

В 7 часов 30 минут, когда замерзшие гавани и заснеженные леса побе-

режья заливает золотистый свет солнца, вертолеты взмыли в воздух и направились на север, пролетая над крохотными рыбацкими поселками, разбросанными на самом северном «пальце» Ньюфаундленда. И вот под нами открылось великолепное зрелище: округлые льдины, кружащиеся в приливных течениях, гряды ледяных торосов, разбвдя и покрытые тонкой ледяной коркой, словно обернутые в пластиковую пленку, полыньи.

Утро просто великолепное: безоблачное, безветренное и солнечное. В кабине вертолета нам с Дэвисом тепло, как в парнике. Севернее пролива Белл-Айл Дэвис снижает вертолет, чтобы получше рассмотреть во льдах пару судов, но мы не видим никаких тюленей. Летим дальше; четыре других наших вертолета, словно москиты, висят над ледяными полями в прозрачном безбрежье неба.

Наконец на горизонте появляются силуэты трех кораблей, отстоящих друг от друга до предела видимости. Они «жируют» — убивают тюленей. Наши арендованные вертолеты садятся на лед на почтительном расстоянии от ближайшего судна. Брайан подлетает поближе к месту охоты, и мы различаем внизу темные туловища самок, корчащиеся тельца бельков и тянущиеся к судну ярко-красные полосы на белом льду.

Брайан сажает вертолет ядрах в двухстах от «Арктик эксплорера» [одного из судов Карлсена] из Галифакса. Воздух полнится криками тюленей. Длинные красные следы ведут к месту, откуда груды шкур поднимались лебедкой на борт судна... А в десяти футах от меня горюет несчастная тюлениха.

Раскачивая взад и вперед свою трехсотфунтовую тушу, она ритмично поднимает вверх голову и протяжно воет от горя: у ее брюха лежит темно-фиолетовая куча мяса — все, что осталось от ее детеныша. Пока я смотрю на нее, рев прекращается; кажется, что она еще пытается выть, но голос пропал, и она лишь не переставая раскачивается взад и вперед.

Картина напоминает поле битвы. Насколько хватает взор, лед вокруг забрызган кровью. Громко кричат пока живые бельки, чьи матери ушли под воду. На горизонте видны освещенные солнцем темные силуэты размахивающих дубинками охотников. Наша группа, тяжело ступая по льду, подходит к проруби и останавливается, чтобы взглянуть, как мимо нас с грандиозностью балерины проплывает тюлениха. Крохотные тельца бельков — размером не больше куска жаренного мяса после того, как с них содрали шкуру и жир, — жутковато прячутся на нас вылезшими из орбит глазами из черепов, разможенных дубинками зверобоев.

То тут то там полощатся на ветру красные флажки на собранных в кучи «скальпах». В этом месте на льдине орудуют четверо зверобоев. Когда они приближаются к бельку, его мать один-два раза метнется в их сторону, но потом соскользнет с льдины в воду. Словно бейсбольная бита, взлетает вверх пропитавшаяся кровью дубина зверобоя. Слышится глухой удар — будто колотушкой по большому барабану — это бита раскалывает череп тюлененку. Из глаз, носа, и рта белька струями течет темно-красная кровь. Белек судорожно дергается и корчится от боли, передаваемой мышцам умирающей нервной системой, а зверобой спокойно достает длинный нож и начинает точить, на оселке стальное лезвие. Продольным разрезом он вспарывает брюхо белька от подбородка до задних лап: тюлененок раскрывается, будто кошелек с молнией, его жир колышется словно желе; на холодном воздухе от внутренностей идет пар.

Мы направляемся к ближайшему флагу и по дороге видим действительно кошмарное зрелище: еще живую тюлениху с разможенным черепом, мелко дышащую скошенной набок мордой. Наши женщины кричат, некоторые плачут, другие выходят из себя от ярости. Они бегут к ближайшим зверобоям.

«Пожалуйста, добейте ее, избавьте

ее от страданий», — кричит им Лиза.

Зверобой отказываются выполнить просьбу. По закону им не разрешается убивать взрослых тюленей на этой ранней стадии охоты, но они могут «обороняться», если тюлениха мешает им работать. «Возьмите флагшток, — говорит Лизе один из зверобоев, — и добейте ее сами».

Слышется клекот мотора снижающегося вертолета министерства рыболовства. Лиза бежит к нему, махая руками чиновнику службы охраны. «Там тюлениха...»

«Ничем не могу помочь, — говорит ей чиновник. — У меня нет оружия. И я не доктор». Он подходит, смотрит, затем садится в вертолет и улетает. Делать нечего, мы идем дальше за охотниками, оставляя позади агонизирующую тюлениху.

То, что мы наблюдаем, похоже скорее на убийство котят молотком-гвоздодером. Это никак нельзя назвать «охотой». Сегодня, словно нарочно, льдины спаяны вместе и с неба ярко светит теплое солнце. Как зрелище, тюленье стадо просто незабываемо: куда хватает глаз, бельки и тюленихи забили во льдах все углы и щели. Черные лоснящиеся головы то и дело высовываются из прорубей и полыней, осматриваются вокруг и затем все вместе разом исчезают под водой. Безбрежная пустыня просто кишит жизнью».

Когда группа Камерона вечером вернулась на сушу, канадская конная полиция конфисковала вертолет Дэвиса, обвинив его в нарушении «Правил охраны тюленей». Конфискованы были и два вертолета, принадлежавших движению протеста «Гринпис». После опубликования статьи Камерона новый министр рыболовства Ромео Ле Бланк заявил в одном из своих интервью, что он преисполнен решимости соблюдать законы страны и охранять тюленей. В этих целях он планирует запретить охоту на тюленей для всех лиц, кроме зверобоев, действующих на законных основаниях.

Его дела не разошлись со словами. В июне 1977 года вышли новые «Пра-

вила охраны тюленей», провозгласившие незаконным и наказуемым арестом любое действие, мешающее зверобоям заниматься своим настоящим делом. Одновременно было объявлено, что отныне чиновники службы охраны наделяются полицейскими полномочиями и будут вооружены для проведения «Правил» в жизнь.

В том же году Канада провозгласила ограниченный суверенитет над прилежащими морями на расстоянии в 200 миль от берега, включив в свою юрисдикцию и распространив канадское законодательство на всю западноатлантическую популяцию арктических тюленей и, само собой, на весь тюлений промысел.

Присвоив себе функцию «использования и воспроизводства» тюленей, министерство Ле Бланка опубликовало заявление с изложением своих намерений. «Политика Канады в вопросе использования и воспроизводства тюленей совместима с аналогичной политикой в отношении других живых морских ресурсов. Эти ресурсы используются гуманным образом на уровне, обеспечивающем непрерывную устойчивую продуктивность на основе разумных принципов сохранения запасов, гарантирующих выживание стада и *учитывающих межвидовые связи конкурентов, хищников и жертв*». Я выделил курсивом эту заключительную фразу потому, что она явилась первым публичным объявлением реальной, но скрытой политики, проводимой министерством в отношении тюленей. Завуалированная ссылка на такую политику уже появлялась в предыдущем году в одной из министерских публикаций. Написанная одним из руководящих чиновников министерства М. К. Мерсером, она включала намеки на будущие действия: «Со стороны рыбной промышленности могут появиться доводы в пользу сокращения популяции [лысунов] до более низкого уровня».

Вопреки провозглашенным целям тайная политика фактически была направлена на сокращение всех видов

тюленей, населявших рыбопромысловые воды, до остаточных уровней.

Мы уже видели, как эта политика проводилась и продолжает проводиться в отношении серых и обыкновенных тюленей. Что же касается лысунов и хохлачей, то министерство рыболовства *преднамеренно* использует зверобойный промысел для достижения своей истинной цели.

Не все сотрудники министерства были сторонниками такой политики. Один из ее противников, который по вполне понятным причинам не захотел огласки своей фамилии, счел нужным заявить по этому поводу: «Министр — это обычно политик средней руки, выполняющий то, что говорят ему эксперты, но полагающий, что он делает то, что ему надлежит делать. Его заместители и помощники заместителей — вот кто при поддержке подобострастных ученых действительно делает политику министерства. Не забывайте, что это министерство *рыболовства*, а тюлени никогда не могли сравниться с рыбой по своей экономической значимости. Вам следует помнить также о том, что с 1960-х годов все рыбопромысловые запасы в западной части Атлантического океана истощались столь интенсивно, что их убыль уже не могла восполняться за счет естественного воспроизводства, и численность популяций основных видов промысловых рыб продолжает снижаться.

Рыбоперерабатывающая промышленность и власти приморских провинций уже давно кричат караул и сваливают вину за снижение рыбных запасов на некомпетентность федеральной администрации. Их надо было как-то успокоить, но в любом случае мы не могли снижать канадский уровень добычи рыбы, чтобы не навредить на министерство еще больше недовольства. Какое-то время мы обвиняли советский рыболовный флот и рыбопромысловые флотилии стран восточного блока, но после введения нами 200-мильной зоны эти обвинения уже никого не убеждали.

И вот тут-то и подвернулись тюле-

ни. Мы так долго ставили им в вину сокращение запасов лососей и сельди, что кое-кто из нас, наверное, даже поверил тому, что они действительно были главными виновниками. Во всяком случае, нам было нетрудно выставлять их таковыми. Тюлени были удобными козлами отпущения, поскольку не многих трогала их судьба, пока вокруг них не разжег страсти Брайан Дэвис. Для Ле Бланка это был вынужденный выбор. Если он не убедит рыбаков, что делает все, что может, для сохранения рыбных запасов, то ему и партии либералов в восточных провинциях, откуда он сам родом, грозят большие неприятности. С другой стороны, если бы ему действительно удалось убедить рыбаков в том, что война с тюленями решит проблему, ему несдобровать от сторонников охраны природы.

Мне думается, что он выбрал меньшее из двух зол, рассчитывая выдерживать любой бунт любителей живой природы и позволяя зверобоям действовать в открытую. Некоторые из нас были недовольны этим решением, но что было делать? Это была его игра, и мы вынуждены были ему подыгрывать».

Я спросил его, считалась ли когда-либо раньше, и если да, то остается ли крайне поредевшая популяция тюленей одним из факторов снижения уловов рыбы.

«Вы можете доказать это, если слегка передернете статистические данные. С таким же успехом можно доказывать необходимость истребления птиц, как представляющих опасность для гражданской авиации, когда, как это бывает, их засасывает в реактивный двигатель. Твердых доказательств, что тюлени когда-либо представляли главную проблему, нет. Напротив, имеются убедительные свидетельства тому, что в качестве составной части морской биоты* их присутствие оказывает заметное влияние на успешное размножение ряда

---

* Совокупность организмов определенного района.— *Прим. перев.*

видов промысловых рыб. Взгляните-ка на это вот с такой стороны: в девятнадцатом веке даже старыми способами вылавливали вдвое больше трески, чем мы можем поймать сейчас. А ведь в то время в морях водились миллионы тюленей».

Успех политики истребления тюленей подтверждался данными министерства, указывавшими на снижение рождаемости в западноатлантическом стаде лысунов до уровня ниже 230 000. Это означало, что численность способных к воспроизводству самок не превышает 250 000 особей. Лысунам грозило бы фактическое вымирание, если бы ежегодное истребление большого числа бельков и хохлуш (в тот период, когда популяция взрослых самок перестала быть репродуктивной) сделало бы невозможным восполнение или замещение этого фонда производителей. Отдельные эксперты предсказывают, что такой «окончательный исход» может быть достигнут уже в 1985 году — *при условии*, если промысел тюленей будет продолжать свою роль истребителя.

Однако это было бы возможно лишь при наличии выгодного рынка для сбыта тюленьей продукции. В том-то и загвоздка, поскольку антизверобойное движение за бойкот этой продукции, особенно меха бельков, приобретало (с возрастающим успехом) поистине международный размах.

Как мы видели, Ле Бланк и его предшественники пытались усмирить это движение произвольным установлением правил, ограничивающих убой квотами и «отбраковками». Теперь же министерство рыболовства развернуло массовую кампанию за счет государственных средств по дискредитации действий и мотивов сторонников движения протеста, стараясь одновременно убедить весь мир в том, что «сбор урожая» — это не что иное, как гуманное, хорошо организованное и законное использование «устойчивых природных ресурсов».

Под прикрытием этого шквала пропагандистского огня ведомство

Ле Бланка своим первым решением после возобновления прямой юрисдикции над тюленьим промыслом *увеличило* квоту выбоя, установленную ИКНАФ на 1976 год в объеме 127 000, до 170 000 в 1977 году (запомните, что эти квоты отражают количество добытых, а не фактически уничтоженных тюленей). Указанное решение было принято в обход рекомендации парламентского Консультативного комитета по тюленям и тюленьему промыслу, подтверждавшей, что добыча 140 000 особей является абсолютным максимумом, который способна выдержать популяция лысунов.

По официальным данным, в 1977 году было добыто 155 143 тюленя, что, видимо, подтверждает обоснованность рекомендации КОСС. И тем не менее Ле Бланк снова увеличил квоту на 1978 год до 180 000 тюленей. В 1978 году, как и в следующем 1979-м, зверобой не смогли добыть больше 160 000 тюленей, но это не остановило Ле Бланка. В 1980 году зверобой «поработали» лучше, добыв 172 000 тюленей. Кстати сказать, большинство этих «урожаев» составили детеныши лысунов.

Увеличившиеся размеры добычи в 1980 году не свидетельствовали об увеличении численности популяции тюленей, как утверждали министерство рыболовства и морской среды и недавно созданная Организация по вопросам рыболовства в Северной Атлантике — НАФО (перевоплощение основательно дискредитировавшей себя ИКНАФ). Это был результат роста интенсивности промысла под давлением ведомства Ле Бланка (которое также расширило свою морскую юрисдикцию и отныне высокопарно именовалось министерством рыболовства и морской среды). С помощью федеральных ассигнований министерство стимулировало строительство десятков рыболовных судов многоцелевого назначения, пригодных для зверобойного промысла. Это привлекло к участию в охоте на тюленей в открытом море еще

большее число рыбаков Ньюфаундленда, островов Магдален и северного берега залива Св. Лаврентия и расширило масштабы бойни. Кроме того, в конце 1970-х годов правительство усилило содействие зверобойному промыслу, снабжая его техникой. Применение новых методов прогнозирования и оповещения о ледовой обстановке, а также воздушной разведки позволяло с большой точностью определять и указывать расположение крупных залежек тюленей и наводить на них зверобоев. Дополнительное число патрульных судов Канадской береговой охраны получили предписание также оказывать содействие зверобоям.

Между тем утверждение министерства рыболовства и морской среды о том, что численность арктических тюленей непрерывно увеличивается, встретило решительные возражения. В начале 1979 года два старших научных сотрудника министерства, д-р У. Д. Боуэн и д-р Д. Е. Сарджент, выразили протест по поводу того, что НАФО (и руководство ведомства Ле Бланка) проявляет чрезмерный оптимизм. В том же году завершили самостоятельное исследование специалисты в области динамики численности популяций животных д-р Джон Беддингтон и Х. А. Уильямс из Йоркского университета Англии, проведенное по поручению американской Комиссии по морским млекопитающим. В своем докладе о результатах исследования эксперты пришли к выводу о том, что ученые ИКНАФ/НАФО постоянно завышали уровень рождаемости детенышей лысунов примерно на треть!

В ответ на эти сообщения министерство рыболовства и морской среды бесцеремонно увеличило квоту убоя на 1980 год.

В соответствии с заданием план уничтожения тюленей выполнялся, несмотря на упорное противодействие противников зверобойного промысла. Организация Брайана Дэвиса по-прежнему была на переднем крае борьбы, но теперь ее поддерживали

почти все крупные организации по защите животных, исключая, заметьте, Канадскую Федерацию охраны диких животных, открыто вставшую на сторону промысловых кругов. Все большее число ученых, озабоченных вольным обращением НАФО и министерства рыболовства и морской среды с научными методами и принципами, присоединяли свой голос к буре общественного возмущения.

К концу 1980 года Ле Бланк, кажется, понял, что ему не удастся ни подорвать, ни сдержать движение протеста и что в конце концов оно сможет подвести черту под зверобойным промыслом в канадских водах. О силе этого движения можно было судить по резкому сокращению спроса на тюленьи шкуры на рынках европейских стран благодаря скандальной славе, приобретенной там зверобойным промыслом. И даже в самой Канаде неофициальные опросы населения показали, что не менее половины канадцев высказываются против ежегодного убоя тюленей.

Учитывая эти обстоятельства, Ле Бланк и его чиновники-бюрократы решили наилучшим образом распорядиться оставшимся временем. В 1981 году министерство рыболовства и морской среды развязало, что называется, тотальную войну на уничтожение арктических тюленей.

Изобретательные статистики НАФО и министерства (одни и те же лица) превзошли самих себя, опубликовав цифровые данные, которые якобы показывали, что рождаемость детенышей лысунов увеличилась примерно вдвое и достигла около полу-миллиона бельков в год, несмотря на огромный урон, нанесенный лысунам за последние годы. Публикация этой статистики сопровождалась зловещим предсказанием «тюленьего демографического взрыва», могущего причинить серьезный экономический ущерб рыбному промыслу по всей Северо-Западной Атлантике, если этот популяционный «взрыв» не будет приостановлен. Для предотвращения надвигающегося бедствия ре-

комендовалось принять самые крутые меры.

И они не заставили себя ждать.

Хотя **НАФО** установила на 1981 год достаточно щедрую квоту в 183 000 тюленей для уоя в районах Ледового Фронта и залива Св. Лаврентия, зверобои прекрасно понимали, что их не заставят ее соблюдать. Зверобоев умышленно подстрекали «идти на перевыполнение» квоты, и как норвежцы, так и канадцы старались полностью использовать открывшиеся возможности. В результате они добыли намного больше *четверти миллиона* арктических тюленей, в основном — детенышей. Согласно опубликованной **НАФО** официальной статистике норвежского и канадского зверобойного промысла, в 1981 году в заливе Св. Лаврентия и контролируемых Канадой водах у Ньюфаундленда и Лабрадора было добыто 201 162 тюленя. В то же время в канадском статистическом обзоре «Канада Статистикс» сообщалось, что в 1981 году *одна только* Канада экспортировала не меньше 224 000 тюленьих шкур, огромное большинство которых составляли шкуры лисунов. Ни один из приведенных показателей не учитывал количества убитых, но потерянных тюленей. Масштабы истребления были столь велики, что норвежским заказчикам перепоставили не менее 20 000 шкур, которые они были вынуждены распродать по демпинговым ценам. Тем не менее они не понесли при этом финансовых потерь, получив «компенсацию» от канадского правительства. Есть основания полагать, что министерство рыболовства и морской среды в течение ряда лет субсидировало таким образом зверобойный промысел фактически за счет денег налогоплательщиков, по существу гарантируя плату за шкуры, добытые сверх рыночных потребностей.

«Отбраковка», чрезвычайно успешная в иных условиях, была, с точки зрения Ле Бланка, дискредитирована, когда часть льдов со ценными залежками в заливе Св. Лаврентия при-

било штормовым ветром к берегам территории национального парка острова Принца Эдуарда; льдины с детенышами тюленей начали подплывать к берегу, и служащие министерства рыболовства и морской среды спешно выдали местным рыбакам примерно двести лицензий на убой тюленят. Большинство этих мужчин и юношей раньше никогда не приходилось убивать или свежевать убитых тюленей, а данные им инструкции были до крайности упрощены.

До того как блюстители закона и порядка успели оцепить зону действий и очистить ее от представителей средств массовой информации и противников зверобойного промысла, некоторым из них довелось наблюдать фактически бесконтрольное убийство белков (включая свеживание живых детенышей), равносильное открытому побоищу. Когда эти зверства были показаны на телеэкранах мира, разразилась настоящая буря протестов.

Брайан Дэвис успешно использовал эту скандальную рекламу кровавой расправы с тюленьями для развертывания новой яростной кампании протеста против коммерческого зверобойного промысла. В сотрудничестве с несколькими другими организациями по защите природы он сколотил влиятельное лобби с целью убедить состоящее из десяти государств-членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС) запретить импорт в Европу шкурок детенышей арктических тюленей. К концу 1981 года было похоже, что замечательная инициатива Брайана Дэвиса сможет принести определенные плоды, и правительство Канады, которое сначала не придавало этому делу большого значения, было не на шутку встревожено. Положению, сложившемуся в 1982 году, посвятил свою статью в газете «Торонто Стар» Барри Кент Мак-Кей:

«Парламент Европейского экономического сообщества... [в ближайшее время] займется рассмотрением предложения о введении эмбарго на

импорт продукции, полученной из шкурок детенышей лысунов и хохлачей... Правительство Канады направило в ЕЭС своих представителей, освободив их от уплаты пошлин, с целью убедить членов Европейского парламента, что тюлений промысел пользуется поддержкой большинства канадцев, составляя важную часть национальной экономики, и что любое эмбарго мы будем рассматривать как враждебное отношение к Канаде.

Это, конечно, чистейший вздор. Охота на тюленей вызвала больше протестующих писем в адрес федерального правительства, чем любой другой злободневный вопрос, несмотря на выгодность этой охоты. В стране никогда не проводилось плебисцита на предмет выяснения отношения населения к тюленьему промыслу. Сторонники промысла, с которыми я встречался, поддерживают его, исходя из нелогичных, чисто эмоциональных побуждений или искренне веря правительственной пропаганде в пользу тюленьего промысла, не сознавая ее часто обманчивый, а то и просто лживый характер.

Чтобы подготовить почву для своих лоббистов, федеральное правительство недавно увеличило квоту убоя... Это создает впечатление, что запасы тюленей увеличиваются, но можете не сомневаться, что канадское лобби и не подумает сообщить непредвзятое мнение канадских и иностранных ученых, которые расходятся с федеральным правительством в оценке запасов тюленей и считают, что эти запасы сокращаются...

Лоббисты, несомненно, будут и дальше болтать по поводу того, что тюлени, дескать, поедают слишком много рыбы, нанося ущерб канадской рыбной промышленности, хотя на деле сокращение рыбных ресурсов было вызвано алчностью коммерческого промысла.

Подозреваю, что канадская делегация забудет упомянуть о том, что в период щенки [арктические] тюлени не питаются, а в другое время едят главным образом рыб непромысло-

вых пород вдали от рыбопромысловых банок Ньюфаундленда. Сами по себе лысуны и хохлачи не оказывают заметного влияния на запасы промысловых рыб.

Не услышат европейцы и о том, что наше правительство отказывается огласить, во что нам обходится регулирование, контроль и стимулирование тюленьего промысла.

Никто не узнает, что полная (валовая) стоимость, создаваемая тюленьим промыслом для Канады, экономически эквивалентна той, что создается парой ресторанов Макдональда.

ЕЭС не услышит о канадских гражданах и иностранцах, у которых налетевшая на них полиция похитила отснятые пленки о промысловой охоте на тюленей; вряд ли оно услышит о канадцах, подвергнутых тюремному заключению и крупным денежным штрафам за попытки наблюдать и фотографировать эту охоту или протестовать против нее.

Европейцы не узнают, что регулирующие промысел правила издаются от имени правительства, но принимаются без обсуждения в парламенте и что их главная цель — не допустить к местам охоты общественных наблюдателей. За нарушение правил всегда наказываются филантропы, а зверобои — никогда.

Европейцам могут даже предложить принять на веру чепуху, подобную той, что была произнесена устами канадского верховного комиссара в Лондоне, заявившего, что «тюлени убивают одним ударом и, поскольку из него сразу же вытекает вся кровь, освежать тюленя живо физически невозможно».

11 марта 1982 года, уже в самом начале ежегодной бойни, парламент ЕЭС на сессии в Страсбурге проголосовал 110 голосами против 10 в поддержку запрета для государств-членов ЕЭС импорта шкур как лысунов, так и хохлачей. Поскольку Европейский парламент выполняет в основном роль консультативного органа, вопрос о том, вводить ли в действие эту резолюцию, был оставлен на ре-

шение уполномоченных членов и Совета министров ЕЭС. Последний с решением не спешил. Тем не менее одна эта резолюция привела Ромео Ле Бланка в такую ярость, что он, забыв об осторожности, заявил, что в случае прекращения «коммерческого промысла» арктических тюленей правительственные организации будут сами руководить «отбраковкой» тюленей во имя защиты рыбного промысла, даже если арктическим тюленям придется разделить участь серых и обыкновенных тюленей.

Наконец-то он проговорился.

Не знаю, была ли его гневная вспышка вызвана именно той злополучной резолюцией — возможно, Ле Бланка просто изнурило сопротивление противников. — но вскоре после этого его заменил на посту министра рыболовства и морской среды достопочтенный Пьер де Бане.

Весной 1982 года бойня, которую иные участники движения протеста уже также бессознательно называли «отбраковкой», продолжалась, как и прежде. Но вот незадача: зверобоям удалось обнаружить, убить и отгрузить на берег всего лишь 69 000 бельков из того полумиллиона, который в том году появился на белый свет согласно подсчетам ученых НАФО и министерства де Бане. Столь явное несоответствие вызвало определенное замешательство, как и результаты социологического опроса Института Гэллапа, подтвердившего, что 60% канадцев настаивают на прекращении истребления тюленей.

Еще больше беспокоила нового министра возможность осуществления странами — членами ЕЭС рекомендации европейского парламента о запрете импорта тюленьих шкур. Высшие канадские чины в не слишком светских выражениях намекали на то, что эта мера могла бы привести к сокращению, а то и к отмене квот на вылов рыбы, установленных для европейских стран, занимающихся рыбным промыслом в канадских водах. Цитировали также слова

премьер-министра Трюдо, который заявил, что Канада подумает об ответных мерах. Члены Комитета ЕЭС по охране окружающей среды оказались в щекотливом положении, получив петиции, подписанные пятью миллионами граждан из своих избирательных округов, с требованием запретить импорт тюленьих шкур. Под нажимом представителя Канады Карла-Хейнца Нарьеса комитет отложил решение, которое предполагалось принять в июле, до сентября 1982 года. Это была лишь первая из серии подобных проволочек.

С самого начала 1983 года члены ЕЭС испытывали нарастающее давление со стороны международного сообщества в лице таких организаций, как «Еврогруппа по защите животных», «Друзья Земли», «Гринпис», «Международный фонд защиты животных», «Общественный трест по защите вымирающих видов», «Международное общество по защите животных»* и «Королевское общество по борьбе с жестоким обращением с животными». С другой стороны, на ЕЭС оказывали нажим Норвегия и Канада. Положение осложнялось тем, что отдельные страны-члены ЕЭС, особенно Франция и Великобритания, начинали склоняться в сторону поддержки позиции канадского правительства.

Наконец 28 февраля 1983 года Комитет ЕЭС по охране окружающей среды отважился рекомендовать государствам-членам ЕЭС запретить импорт шкур бельков лысунов и «си-неспинок» хохлачей на территории их стран. Правда, этот запрет сопровождался двумя оговорками, выторгованными Норвегией и Канадой. Первая — запрет не вступит в силу до октября 1983 года, и вторая — он будет действовать всего лишь в течение двух лет.

Министерство рыболовства и морской среды имело все основания ис-

---

* Очевидно, имеется в виду Международный Союз охраны природы и природных ресурсов. — *Прим. ред.*

пытывать удовлетворение, если не радость, от такого исхода. Во-первых, это решение не затрагивало «отбраковку» 1983 года, и, во-вторых, это был временный запрет. Больше того, как мы убедимся, он заключал в себе специально задуманную лазейку, сводившую на нет все его ограничения.

Ведомству г-на де Бане больше досаждали действия некоторых своих союзников. Главный европейский заказчик и обработчик тюленьих шкур Христиан Риебер из Бергена объявил, что в связи с преднамеренным бойкотом этой продукции по всей Европе и накопившимися в результате этого бойкота запасами непроданных изделий еще от прошлых сезонов он в 1983 году закупит не более 60 000 шкур хохлуш и взрослых тюленей, а шкурки бельков не будет приобретать вообще. Канадские поставщики Риебера — компания Карлсена и компания «Карино» по заготовке шкур — подтвердили, что они закупят у зверобоев не больше указанного количества шкур, да и те за полцены по сравнению с 1982 годом.

Несмотря на это осложнение, ведомство де Бане сделало все, что было в его силах, чтобы обеспечить той весной максимальную добычу арктических тюленей. Соблазнив зверобоев квотой в 186 000 лысунов и 12 000 хохлачей, министерство убеждало их убивать как можно больше тюленей в расчете на улучшение конъюнктуры существующих и отыскание новых рынков сбыта. Зверобоям островов Магдален дали понять, что объявленные компаниями «Карлсен» и «Карино» лимиты не более чем уловка и что каждая доставленная на берег шкура будет куплена за приличную цену, даже если для этого потребуются государственная дотация. Министр рыболовства Ньюфаундленда Джим Морган настойчиво призывал зверобоев своей провинции отстаивать их «жизненные и культурные традиции». Мало того, он сказал им, что они *должны* до-

быть не меньше 100 000 тюленей, чтобы спасти от разорения промысел трески. Одновременно он предложил выделить 500 000 долларов на «субсидирование» заготовки шкур компанией «Карино».

Как и каждый год со времени его основания, «Международный Фонд защиты животных» Брайана Дэвиса направил группу своих наблюдателей на место тюленьего промысла в заливе Св. Лаврентия. Группа включала представителей торонтского Общества гуманного обращения с животными и американского Института защиты животных. Со своей базой в Шарлоттауне — столице острова Принца Эдуарда — эта группа несколько раз до начала промыслового сезона посетила места ценных залежек. Несмотря на то что эти экспедиции, проводимые до начала охоты, носили законный характер, они послужили поводом для нападков на их участников со стороны должностных лиц из управления охраны рыболовства.

Утром 8 марта членов группы разбудил шумный скандал, устроенный толпой, собравшейся у их мотеля в Шарлоттауне. Группу зверобоев, специально доставленную на это представление самолетом из Ньюфаундленда, поддерживала толпа от шестидесяти до ста рыбаков острова Принца Эдуарда. Участники этого собрания угрожающе потребовали: или члены группы МФЗЖ (среди которых было несколько женщин) добровольно уберутся с острова Принца Эдуарда до пяти часов утра, или их придется «выместить оттуда, как сор». Кто знает, может быть, это была пустая угроза, но через несколько дней, когда группа МФЗЖ попыталась спустить на воду небольшой катер в заливе Сэвидж-Харбор, ее атаковала другая толпа и нанесла серьезные повреждения катеру и грузовику.

Были и другие столкновения. 22 марта зверобойные суда «Честер» и «Текновенчур» вошли во льды залива Св. Лаврентия, где находились ценные залежки, и начали убивать тю-

лений. «Честер» принадлежал Судовой компании Карлсена, а «Текновенчур» промышлял тюленей для компании «Карино». Но уже через два дня с начала «жировки» зверобоев на сцене появилось третье судно. Это был старый траулер «Си Шеперд-II»* с экипажем из 16 мужчин и 5 женщин, членов общества по охране природы под тем же названием — организации радикалов во главе с Полем Уотсоном, который уже приобрел достаточно широкую известность своими прямыми действиями против пиратствующих китобоев. Рано утром 24 марта «Си Шеперд» продрался сквозь плавучие льды к «Честеру»; покинувшие его зверобои работали на льду, оставляя на талом снегу одной залежки за другой рубиново-красные пятна, сверкающие в лучах восходящего солнца, — свидетельства убийства и свежевания тюленей.

Прибытие «Си Шеперда» не было неожиданным. Несколько днями раньше Уотсон говорил, что его группа готова непосредственно воспрепятствовать промыслу, если узнает, что зверобои убивают детенышей. Находясь под наблюдением неотступно следовавших за ним канадских правительственных судов, «Си Шеперд» сначала блокировал выход из гавани Сент-Джонса, а затем, убедившись, что из нее не вышло ни одно судно, взял курс на залив Св. Лаврентия. Вечером 23 марта «Честер» и «Текновенчур» получили предупреждение о подходе «Си Шеперда». «Текновенчур», несмотря на неполадки в двигателе, поспешил уйти в Галифакс, а «Честер» остался на месте.

Под косыми взглядами зверобоев, многие из которых были ньюфаундлендцами, старый рыболовный траулер Уотсона, подавая сигналы сиреной, упорно надвигался на «Честера». Когда расстояние между судами сократилось до длины корпуса, Уотсон переложил руль и, выйдя на крыло

ржавого мостика, выкрикнул свой ультиматум: «Честер» должен немедленно прекратить промысел тюленей, или же ему придется отвечать за последствия, когда траулер протаранит льдину, на которой звероловы убивают детенышей.

Видавший виды норвежский капитан решил не провоцировать Уотсона и включил собственную сирену, по сигналу которой его зверобои быстро поднялись на борт «Честера». И пока треск морзянки разрывал весенний эфир, несколько мелких рыболовных судов с островов Магдален со зверобоями на борту благоразумно вернулись в свой порт.

Утреннее солнце ярко освещало мирную картину: среди паковых льдов безмятежно отдыхают два корабля, царящий вокруг покой нарушается разве что блеянием тюленят, призывающих своих матерей. Но вот уже воздух сотрясается от настывного грохота вертолетных винтов.

Следующие сутки над «Си Шепердом» ревели и грохотали вертолеты министерства рыболовства и канадской конной полиции (ККП), а также самолеты слежения канадских ВВС. Появившись на горизонте, громадный ледокол канадской береговой охраны «Джон А. Макдональд» быстро пробился через пак и занял позицию в непосредственной близости от судна Уотсона. Уотсон не подчинился устным, зрительным и радиосигналам, приказывавшим его судну отправиться в магдаленский порт Кап-о-Мёле, — пока «Честер» остается у льдины с залежкой, «Си Шеперд» также не уйдет отсюда. Один из полицейских вертолетов попытался высадить вооруженный десант на судно Уотсона, но тут же отвернул в сторону, как только увидел на его палубе заграждение из колючей проволоки.

В воскресенье 26 марта это «неразумное вмешательство в права простых канадцев зарабатывать себе на жизнь» было быстро пресечено. Пока громада корпуса стометрового «Макдональда» встала поперек у носа

* "Sea Shepherd" (англ.) — «морской пастырь». — *Прим. перев.*

«Си Шеперда», мешая ему уйти, к месту действия подошел второй ледокол, «Сэр Уильям Александер», с отрядом сил «быстрого реагирования» канадской конной полиции на борту. Вот как описывает последовавшие события один из добровольцев «Си Шеперда»:

«Задев край кормы «Си Шеперда», «Сэр Уильям Александер» прошел по правому борту и снес подвешенным к подъемной стреле грузом наше проволочное ограждение. На палубу полетели канистры со слезоточивым газом, а на окна ходового мостика и на выхлопные трубы были навешены брандспойты водяных шлангов. По спущенной сходне на палубу «Си Шеперда» сбегала группа людей, вооруженных ножами, ломami и огнестрельным оружием. На высившемся над нами носу «Джона Макдональда» выстроилась шеренга полицейских ККП с автоматическими винтовками в руках. Над местом проведения операции зависли два вертолета. Через пять минут всех нас выстроили на палубе в наручниках».

В неотопляемом трюме ледокола пленников доставили в порт Сидни в Новой Шотландии, откуда их на военно-транспортном самолете переправили в Гаспе, где и посадили в тюрьму за нарушение «Правил охраны тюленей». 21 декабря 1983 года провинциальный судья Квебека Ивон Мерсьер предъявил Уотсону и его жене обвинение в совершении ряда «страшных» преступлений, среди которых было и противозаконное нахождение в пределах полумили от места тюленьего промысла. Уотсон был оштрафован на 5000 долларов и приговорен к пятнадцатимесячному тюремному заключению. Его старший механик был оштрафован на 4000 долларов и получил три месяца тюрьмы. Остальные члены экипажа были оштрафованы на 3000 долларов каждый. «Си Шеперд-II» стоимостью 250 000 долларов был конфискован.

Для сравнения приведем другой пример преступления и наказания. Той же весной восемь рыбаков из

Новой Шотландии, занимавшиеся ловом омаров, согнали работников рыбоохраны с их двух катеров, которые они потом подожгли и потопили. Этим восьмерым, обвинив их в пиратских действиях, вынесли условный приговор, предусматривающий принудительные общественно полезные работы, вместо того чтобы заставить их уплатить штраф или покрыть причиненный ущерб.

Результаты весенней «отбраковки» в 1983 году не сулили успеха политике министерства рыболовства и морской среды в области «использования и воспроизводства тюленей». Впервые с 1946 года в район промысла не вышло ни одно из суперклассных судов норвежского регистра. Лишь два канадских судна, одно из которых было арендовано для министерства рыболовства и морской среды, достигли ценных залежек тюленей. Никаких новых рынков не появилось. Теперь всем стало ясно, что многолетние протесты противников уничтожения бельков воспитали у общественности столь глубокое отвращение к этой бойне, что в ближайшем будущем нечего было и думать ни о поисках новых рынков, ни о возрождении старых. Склады норвежцев были забиты непроданными шкурами. Норвежцы хорошо оценили создавшееся положение — они не зря предупреждали, что в 1983 году будут платить за шкуру тюленя вдвое меньше, чем платили в 1982-м. В конечном итоге общий объем добычи лысунов в заливе Св. Лаврентия и на Ледовом Фронте едва перевалил за треть от количества, добытого в 1982 году*.

Несмотря на все это, Пьер де Бане делал вид, что с тюленьим «промыслом» все в порядке. Упрямо утвер-

---

* Что касается хохлачей, численность которых даже по признанию большинства ученых-специалистов министерства приближалась или уже достигла критически низкого уровня, то провал тюленьего промысла на Ледовом Фронте в 1982 году, когда там в канадский водах было добыто всего 129 шкур хохлачей, пошел им явно на пользу.

жда, что весной 1983 года не был добыт ни один белек, он выразил уверенность в том, что ЕЭС не ратифицирует свое постановление о запрете импорта шкур. Более того, теперь, когда противники зверобойного промысла лишились стереотипа — окровавленного детеныша-беляка, с помощью которого они разжигали негодование общественности и получали финансовые пожертвования, — он ожидал, что движение протеста наконец-то выдохнется и иссякнет. Со своей стороны федеральное правительство готовилось компенсировать канадских зверобоев одним миллионом долларов за низкие цены, полученные ими за продажу шкур в 1983 году. Де Бане не объяснил канадским налогоплательщикам, что такая щедрость была вынужденной, поскольку рыбаки северо-восточного побережья постепенно утрачивали интерес к зверобойному промыслу, а без них потеряла бы всю свою правдивость самая сильная аргументация министерства рыболовства и морской среды в поддержку продолжения ежегодной бойни — она заключалась в том, что для многих жителей прибрежных провинций этот промысел якобы имеет жизненно важное значение. Здесь я должен заметить, что в 1982 году средний доход одного канадского зверобоя от промысла тюленей не превышал 800 долларов.

Несмотря на показной оптимизм их высказываний в отношении будущего зверобойного промысла, де Бане и его научные консультанты не могли отделаться от дурных предчувствий. Первого октября 1983 года вопреки отчаянным усилиям канадского лобби, предпринятым в последнюю минуту, вступила в силу сроком на два года директива ЕЭС о запрещении импорта шкурок белеков гренландских тюленей и «синеспинок» хохлачей. Между тем на горизонте вырисовывалась еще более серьезная угроза планам министерства в отношении «окончательного решения» тюленьей проблемы.

Еще в марте 1982 года Брайан Дэвис и руководство МФЗЖ пришли к неприятному выводу, что даже фактический запрет ЕЭС на импорт шкур сам по себе может оказаться недостаточным средством для прекращения промысла. Поэтому они начали готовить новое выступление, такое дерзкое и широкомасштабное по замыслу, что даже многие их сторонники не были убеждены, что это осуществимо. Они решили начать потребительский бойкот импортируемой в Великобританию канадской рыбной продукции.

«Великобритания, — объяснял мне представитель МФЗЖ, — является вторым по значению потребителем канадской рыбы. В среднем валовой объем ее сбыта в эту страну составляет сотню миллионов долларов в год. Мы решили, что мы сможем, если надо, изменить всю эту картину. Если Канада будет продолжать промысел тюленей, мы заставим ее дорого поплатиться».

Они никогда не скрывали своих намерений. В сентябре 1982 года Дэвис объявил правительству, что они намереваются сделать, если тюлений промысел не будет прекращен. Вначале оттавские деятели, по-видимому, отнеслись с презрением к этой, как кто-то из них выразился, «неуклюжей попытке шантажа». Они даже не реагировали на то, что британские сторонники МФЗЖ в январе 1983 года направили около 150 000 почтовых открыток министрам рыболовства приатлантических провинций Канады с обещанием поддержать бойкот канадской рыбы в случае, если запланированная на весну охота на тюленей не будет запрещена. Оттава отмахнулась от этого, как ей казалось, очередного блефа.

Когда в 1983 году «отбраковка» началась в объявленные сроки, МФЗЖ взялась за дело, взаимодействуя в Великобритании с так называемой «Группой защиты тюленей», состоящей из представителей восьми главных организаций по охране природы и защите животных. Особое

возмущение противников тюленьего промысла вызывало продолжавшееся убийство бельков, несмотря на опровержения де Бане.

«Невзирая на «Правила защиты тюленей», — рассказал мне один из членов МФЗЖ, — нашей группе, организации «Гринпис», а также организации «Си Шеперд» удалось получить доказательства продолжающегося убийства бельков. Сколько бельков убивали, мы не знали, но думаем, что много. Так что бойкоту был дан «полный вперед». И мы были преисполнены решимости нанести канадской экономике удар такой же силы, с которой дубинка зверобоя обрушивается на череп тюлененка».

Первоначально на проведение операции бойкота ассигновали один миллион американских долларов — это был наилучшим образом организованный бойкот среди всех подобных акций, когда-либо предпринятых организациями защиты животных. Начало положила в сентябре 1983 года кампания бойкота занесенных в черный список британских фирм, занимающихся оптовой торговлей рыбой, импортируемой из Канады. В октябре началась вторая фаза бойкота: в розничную сеть главных бакалейно-гастрономических магазинов хлынул поток писем и открыток. Обе акции сопровождались широкой рекламой, уличными выступлениями и умелым использованием средств массовой информации.

Поэтапное проведение кампании бойкота было задумано с целью попытаться на каждом этапе убедить канадское правительство прекратить коммерческий промысел тюленей. Шел месяц за месяцем, а де Бане не только не проявлял уступчивости, но становился все более агрессивен. Пришлось усилить нажим, и, когда в декабре министр рыболовства Ньюфаундленда объявил о том, что в 1984 году «отбраковка» будет проводиться как обычно, МФЗЖ нажала, что называется, на все педали.

7 февраля 1984 года «Теско» — крупнейшая в Англии компания в

сфере торговли бакалейно-гастрономическими товарами, контролирующая 465 розничных магазинов, — решила пойти навстречу желаниям покупателей, выраженным в десятках тысяч открыток протеста. «Теско» согласилась вывезти со складов все запасы канадской рыбной продукции и воздержаться от дальнейших закупок, пока не прекратится промысел тюленей. Это был настоящий прорыв; стало ясно, что вскоре примеру «Теско» последуют другие крупные британские фирмы.

Вот тогда-то Канада, не на шутку встревоженная весьма серьезной угрозой сбыту ее рыбной продукции в Англии, наконец бросилась в контратаку. В то время как канадский верховный комиссар в Лондоне категорически отрицал факт продолжающегося убийства молодых тюленей, де Бане обвинил руководство МФЗЖ в преднамеренном «распространении лжи» о якобы продолжающейся охоте на бельков, хотя министру было хорошо известно, что такая охота давно прекращена.

Под напором требований найти оправдание текущей «отбраковке» министерство рыболовства и морской среды разразилось потоком сообщений для прессы, большинство из которых послушно повторило сообщения средств массовой информации. Типичным примером явилась статья, напечатанная в конце января в газете «Глоб энд Мейл» под заголовком «Тюлени возвращаются — так считают ученые». Начиналась она так: «Сегодня множество тюленей устилают берега и плавучие льды Восточной Канады, и это вынуждает рыбаков настаивать на ежегодном убое тюленей, чтобы сдерживать их растущую численность». В остальном статья состояла из голословных утверждений, инспирированных организацией, называющей себя «Канадской ассоциацией зверобоев» (КАЗ). Существовавшая на субсидию, выделенную администрацией Ньюфаундленда в сумме 500 000 долларов плюс 50 000 долларов, полученных из федеральных

источников, КАЗ открыто провозгласила своей задачей «оказывать давление на федеральное правительство с целью добиться регулярной отбраковки тюленей».

Приводилось, например, такое высказывание представителя министерства рыболовства Ивона Бюро: «Канадские тюлени пожирают ежегодно около четырех миллионов тонн рыбы, что эквивалентно объему промыслового улова рыбы у канадских берегов». При этом не было дано никакого научного обоснования этой страшной цифры, не указаны виды тюленей, о которых идет речь; ничего не было сказано о том, имела ли предположительно потребляемая тюленями рыба промысловое значение или нет, и даже о том, в каком океане ее пожирали тюлени — Атлантическом, Тихом или Северном Ледовитом. Характерно, что, несмотря на заголовок, статья ни словом не обмолвилась о выводах ученых-специалистов по тюленям, например состоящего на государственной службе д-ра Сарджента, который отрицал, что лысуны наносят сколько-нибудь ощутимый вред канадскому рыболовству.

В начале февраля представитель де Бане объявил о том, что весенняя «отбраковка» в 1984 году состоится в соответствии с намеченными планами и что компания «Карино» вновь согласилась закупить не менее 60 000 шкур, в числе которых не должно быть *ни одной шкурки белька*. Несмотря на отсутствие прямых доказательств, имеются основания полагать, что на этот раз «Карино» должна была получить денежную субсидию непосредственно из правительственных фондов.

В конце февраля, всего лишь за несколько дней до начала «отбраковки», МФЗЖ взорвала еще одну мощную бомбу. Дэвис заявил, что, если тюлений промысел не будет прекращен, начнется еще один бойкот канадских рыбопродуктов, на этот раз на огромном рынке США. Уже лежали в ожидании отправки американским потребителям пять

миллионов открыток протеста, содержавших просьбу направить их в адрес крупнейших торговых фирм, продающих большое количество канадской рыбы. Главными среди них были сети розничных магазинов Макдональда и Берджера Кинга.

На этот раз угроза была воспринята всерьез и вызвала глубокие распри среди членов канадского кабинета министров. Два из них — министр иностранных дел и министр торговли — советовали раз и навсегда покончить с тюленьим промыслом. На карту был поставлен сбыт рыбной продукции на сумму, значительно превышающую миллиард долларов, и в этой ситуации де Бане начал ощущать вокруг себя все большую пустоту.

5 марта Аллан Макичин — заместитель премьер-министра и министр иностранных дел — открыто заявил о том, что Канада рассматривает вопрос о прекращении коммерческого промысла тюленей на восточном побережье. «Мы пока не приняли конкретного решения, но мы обсуждаем, что мы должны предпринять», — сказал он. Де Бане выступил с ответным заявлением от собственного имени, утверждая, что запрещение промысла означало бы «уступку шантажистам и лжецам». В заключительной части информационного бюллетеня по этому поводу содержалось следующее любопытное откровение: «По мнению других правительственных чиновников (читай: бюрократов министерства рыболовства и морской среды), запрещение тюленьего промысла могло бы создать для правительства трудности в проведении ежегодной отбраковки стада тюленей по мере увеличения его численности».

Борьба внутри кабинета министров продолжалась несколько дней, и только назначенные на второе полугодие 1984 года выборы в федеральный парламент и острая необходимость правящей партии либералов бороться за каждое место в парламенте от приатлантических провинций заставили большинство министров позволить де Бане поступать по-своему.

Теперь тон его выступлений становился все более подстрекательским. По сообщениям, появившимся в прессе, он заявил в адрес сторонников движения протеста: «Те, кто прибегает к лжи и шантажу, являются в моем понимании самыми презренными преступниками, и то, что они стараются лишить наших рыбаков средств к жизни, есть еще одно преступление, за которое они понесут ответственность». Чтобы подбодрить упавших духом зверобоев, он сообщил о том, что ведутся переговоры о новом рынке сбыта тюленьих шкур в Японии, и заверил, что цена на тюленьи шкуры будет снова субсидироваться правительственными организациями.

Вероятно, самым невоздержанным было его заявление от 8 марта, в котором де Бане утверждал, что эмбарго ЕЭС на импорт тюленьих шкур излишне, поскольку убой бельков все равно заканчивается. Затем он заключил свое заявление следующим предостережением: «Не будем забывать, с кем мы имеем дело [в движении протеста]; мы имеем дело с шантажистами, лжецами и фанатиками, и очевидно, что никакими разумными доводами фанатиков не убедить!»

На следующий день, как раз за день до начала «отбраковки», он сообщил Палате общин, что располагает заверениями всех крупнейших торговых фирм США в том, что они не поддадутся нажиму сторонников бойкота канадских рыбопродуктов. В который раз опровергнув факт убоя бельков в 1983 году и заявив, что их не будут убивать в 1984-м, де Бане снова обозвал лжецами сторонников движения протеста. Как это ни странно, ни министр, ни кто-либо из его подчиненных не смогли назвать хотя бы одну иностранную торговую фирму, которая дала заверения, что будет продолжать закупать канадскую рыбу, несмотря ни на какой бойкот. Напротив, две ведущие британские фирмы сети розничной торговли собирались убрать со своих полок канадские рыбопродукты.

Теперь министра стали покидать да-

же самые близкие его союзники. Председатель Рыболовной ассоциации Британской Колумбии, который прежде открыто поддерживал зверобойный промысел, направил ему телекс с просьбой запретить добычу *всех* щенков тюленей любого возраста, ибо бойкот канадских рыбопродуктов в Великобритании уже заметно подрывает экспорт лососевых консервов из Британской Колумбии. Даже Канадская ассоциация зверобоев, с болью сознавая, что основные доходы большинство ее членов получают от продажи рыбы на экспорт, продемонстрировала черную неблагодарность своему кормильцу, предложив министру запретить дальнейший убой всех детенышей тюленей. Де Бане со злостью отверг обе просьбы.

9 марта его предали еще раз. В этот день вертолет МФЗЖ вылетел с острова Принца Эдуарда к центральной части залива Св. Лаврентия, чтобы проверить поступившие сообщения о том, что охотники с островов Магдален снова убивают бельков. Для вертолета, на борту которого, кроме пилота, находились три фотографа, это был весьма протяженный маршрут. Когда вертолет повернул обратно на базу, в баках оставалось мало горючего, и поэтому было решено дозаправиться в аэропорту на островах Магдален.

Приземлились они без приключений, однако начальник заправочной станции компании «Эссо» отказался заправлять вертолет горючим. Когда пятеро оказавшихся поблизости мужчин направились к вертолету, угрожая ему и его пассажирам обрезками железных труб, пилот поспешно поднял машину в воздух и направил ее на одну из прибрежных плавающих льдин, откуда он радировал о случившемся руководству министерства транспорта, попросив выделить сопровождение на обратную стовосьмидесятикилометровую дорогу по льду и воде.

Чиновники Федерального министерства транспорта ответили, что пилоту необходимо договориться

с квебекской провинциальной полицией на Магдаленах, чтобы она обеспечила безопасную дозаправку на месте, и рекомендовали ему лететь обратно в магдаленский аэропорт. Не имея другого выбора, он так и сделал. Приземлившись, он обнаружил там двух неприветливых полицейских и враждебно настроенную толпу из трех десятков мужчин, которую полицейские и не думали сдерживать. В топливо было снова отказано, а когда люди из толпы начали дубасить железными прутьями по бортам вертолета, его экипажу пришлось укрыться в здании аэровокзала. Там их продержали в осаде несколько часов. В конце концов после того, как их вынудили отдать толпе отснятую в тот день фотопленку и записанную магнитофонную ленту, им разрешили покинуть Магдалены на арендованном местном самолете.

Вертолет остался на месте. И хотя его должны были охранять восемь провинциальных полицейских и пятеро констеблей ККП, тем не менее ночью вертолету были нанесены серьезные повреждения. На этом дело не кончилось: следующей ночью на него снова напала толпа примерно из сотни мужчин и молодых парней, вооруженных цепями и железными прутьями. Они-таки доконали машину стоимостью 350 000 долларов вместе с фотоаппаратурой ценой около 25 000 долларов.

Некоторые из тех, кто помогал превратить вертолет в груды лома, добровольно признались представителям прессы в своем участии в инциденте, но лишь два месяца спустя полиция предъявила кое-какие обвинения, и 9 июня пятнадцать человек были признаны виновными в нанесении вреда имуществу, запугивании экипажа и краже из вертолета аварийного радиомаяка. Все обвиняемые не признали себя виновными, и им приказали явиться на предварительное слушание дела в сентябре.

Г-н де Бане отнесся к виновникам происшествия с мягкой снисходительностью. «Я прекрасно понимаю

реакцию наших рыбаков, которые увидели, как подрывают их средства к жизни люди, которые приходят на неделю попротестовать... а весь остальной год блаженствуют в роскошных отелях на деньги рядовых налогоплательщиков».

Однако общественность многих стран Запады отреагировала на упомянутый инцидент с чувством глубокого негодования. В Оттаве многие члены кабинета сплотились в оппозицию против министра рыболовства и морской среды, тщетно стараясь убедить несговорчивого де Бане прекратить тюлений промысел. Но тот, пользуясь поддержкой премьер-министра, на уговоры не поддавался. Один из обозревателей отметил, что прекратились даже ставшие привычными дебаты в пользу тюленьего промысла как средства сокращения популяций тюленей ради спасения рыболовства. «Министрам сказали, что движение протеста должно быть подавлено, поскольку правительство не может допустить прецедента, когда посторонние лица берут верх над внутриминистерскими решениями. Иными словами, мы не могли признать, что министерство рыболовства ошиблось, и потому не считали возможным пойти на попятный».

Что министерство рыболовства и морской среды глубоко ошибалось, с предельной ясностью обнаружилось 16 марта, когда д-р Давид Лавинь, занимавшийся по поручению федерального министерства рыболовства изучением состояния популяции тюленей, дал интервью газетному репортеру. На вопрос репортера, убивали ли бельков в 1983 году, Лавинь отослал его к отчету, составленному на Ньюфаундленде чиновниками министерства рыболовства и морской среды, согласно которому в том году были добыты «скальпы» 5609 бельков, а также примерно 35 000 хохлуш и 25 000 взрослых тюленей.

Это разоблачение показало, что в наложенном ЕЭС эмбарго на импорт тюленьих шкур существуют лазейки. Хотя 5609 щенков были в том

возрасте, который как НАФО, так и министерство рыболовства и морской среды в любом предшествующем году относили к категории бельков, на этот раз они были переклассифицированы в «переростков», «хохлуш» и «серок». К несчастью для г-на де Бане, кто-то позабыл проинформировать чиновников Сент-Джонса об этом «переодевании».

Горькая правда была в том, что, несмотря на новую номенклатуру, канадские зверобой продолжали сдирать «скальпы» с детенышей, которым было меньше трех недель и большинство из которых были еще сосунками, не успевшими сменить свой белоснежный наряд новорожденного. Что же касается «хохлуш» — этим термином называют всех молодых лысунов в возрасте от трех недель до одного года, — то большинство из них были убиты в 1983 году если не трехнедельными, то в возрасте чуть постарше трех недель. После такого печального исхода противники тюленьего промысла горько шутили: «Отгадайте, когда белёк — не белёк? Когда де Бане говорит, что он — не белёк».

Отвечая на другой вопрос репортера, Лавинь сказал, что, по его мнению, «большая часть дезинформации [в отношении охоты на тюленей] за последние два года исходит не от противников зверобойного промысла». Прямо-таки шедевр вынужденного откровения.

Положение де Бане продолжало ухудшаться. 20 марта Рон Балмер — президент влиятельного «Рыбохозяйственного совета Канады», в состав которого входят компании, отвечающие за 90% канадского экспорта рыбопродуктов, — повторил требование, чтобы Канада запретила убийство детенышей тюленей. «Времена меняются», — заявил мистер Балмер.

Времена действительно менялись. Оценка министерством торговли возможных убытков от организованного МФЗЖ в США бойкота была без всякого преувеличения обескураживающей, особенно в свете дополни-

тельных трудностей с реализацией рыбопродуктов на мировом рынке, которые рыбная промышленность Канады уже испытывала в силу других причин. Уничтожение вертолета МФЗЖ на глазах у канадских полицейских наряду с подтверждением, что именно министерство рыболовства и морской среды, а не противники промысла, мягко выражаясь, кривило душой по поводу продолжающейся бойни новорожденных детенышей тюленей, отнюдь не способствовали усылению общественного мнения ни в Канаде, ни за границей.

Хотя правящая либеральная партия все еще пребывала в нерешительности, оппозиционная консервативная партия, очевидно, уже поняла, в чем дело. Ее представитель, критикуя позиции министерства рыболовства, потребовал, чтобы парламент объявил о полном запрете уничтожения всех тюленей в возрасте до одного года. «Пора признать», — сказал он, — что движение противников тюленьего промысла набрало слишком большую силу, что борьба за общественное мнение проиграна и настало время запретить убийство неполовозрелых тюленей».

Его призыв, разумеется, был отвергнут находившимся у власти правительством. 17 марта чиновники министерства рыболовства, отвечая на вопросы репортера газеты «Нью-Йорк таймс» на острове Принца Эдуарда, признали, что на островах Магдален по-прежнему продолжают убивать новорожденных бельков нескольких дней от роду. Однако представитель министерства утверждал, что их убивают не на продажу, а для пропитания населения. Тут же он вызывающе заявил, что канадским зверобоям не запрещается и никогда не запрещалось убивать бельков, если им нужно.

Это подлило масла в огонь. Чувство негодования вызвал и другой случай. 28 марта два члена движения «Гринпис» пролетели на легком самолете над льдами залива Св. Лаврентия, пытаясь сфотографировать то, что там происходило. Сразу после полета их арестовали, а их самолет конфискова-

ли, хотя они и пытались доказать, что не снижались ниже предусмотренной «Правилами охраны тюленей» высоты в 600 метров.

Казалось, сама природа содействует провалу программы министерства рыболовства и морской среды по «использованию и воспроизводству тюленей». Сжатием льдов были затерты в пределах видимости берега одиннадцать зверобойных судов, вышедших на промысел тюленей из северных портов Ньюфаундленда. В течение шести недель беспомощную флотилию вместе со льдами прижимал к берегу упрямый норд-ост. Пактовый лед оказался настолько сплоченным, что даже ледокол береговой охраны не смог освободить суда флотилии, и им на помощь пришлось выслать за казенный счет вертолеты. Но льды их отпустили из плена только в середине мая. Весной 1984 года ни одно судно не смогло добраться до ценных залежек Ледового Фронта.

Кончилось тем, что к фактическому сроку закрытия охотничьего сезона в конце мая из почти двухсоттысячной квоты было добыто всего лишь около 23 000 шкурок. Большинство из них чиновники министерства рыболовства посчитали шкурками хохлуш, однако есть сильные подозрения, что многие жертвы, если не все, были детенышами в возрасте всего нескольких недель.

Весна 1984 года запомнится как наихудший год для зверобоев более чем за полтора столетия и наилучший год для тюленей.

Не может быть никакого сомнения в том, кому принадлежит заслуга или, в зависимости от точки зрения, кто виноват в столь огромном сокращении масштабов бойни арктических тюленей. Добились этого те несколько преданных своему делу организаций по охране природы и защите животных, которые подняли мощную волну протеста международной общественности против зверобойного промысла и поддерживающих его правительственных органов. После долгих лет

упорной борьбы движение протеста победило.

Г-н де Бане, его чиновники и сторонники потерпели унижительное поражение. И все-таки война между защитниками тюленей и их противниками далеко не кончена. Канадское министерство рыболовства и морской среды считает, что оно всего лишь проиграло одно из сражений, и уже планирует новые наступательные операции. Чтобы добиться передышки, во время которой, как надеялся де Бане, движение протеста, набравшее огромную силу и уверовавшее в окончательную победу, поутихнет и уляжется, он объявил в июне 1984 года о создании специальной комиссии по изучению тюленьего промысла, его нужд и проблем (с тех пор де Бане ушел в отставку и в награду за свои заслуги получил место в канадском сенате, как и его предшественник Ле Бланк).

Создание подобной комиссии — пример привычной тактики проволок и отвлечения внимания, к которой часто прибегает канадское правительство, когда его загоняют в угол. Такие комиссии обычно тратят целые месяцы, а то и годы на проведение исследований, конечные результаты которых либо не имеют отношения к делу, либо успевают безнадежно устареть. Можно с уверенностью предсказать, что и эта комиссия, возглавляемая судьей квебекского апелляционного суда Альбертом Малуфом и состоящая из девяти членов, из коих шесть представлены «незаинтересованными» лицами, не нарушит сложившейся традиции. Пока комиссия занята своими бесконечными дебатами, министерству рыболовства и морской среды нет нужды реагировать на требования ограничить тюлений промысел. Более того, когда комиссия наконец объявит о своих выводах и рекомендациях, министерство будет само решать, принимать ли их к исполнению в целом или только частично.

Нет никакого сомнения, что Канада и впредь намерена проводить «отбра-

ковку» не только лысунов (и хохлачей, если они начнут восстанавливать свои поредевшие ряды), но и обыкновенных, а также серых тюленей. Министр рыболовства Ньюфаундленда Джеймс Морган, с благословения Оттавы, отправил пробную партию в 250 тюленьих шкур на Дальний Восток для «оценки заинтересованными компаниями». По его словам, еще до начала весеннего сезона тюленьего промысла в 1985 году на Дальнем Востоке должны возникнуть устойчивые рынки (имеется в виду главным образом Япония), где осенью 1984 года можно будет заключить торговые соглашения о закупке шкур.

Министерство рыболовства и морской среды будет продолжать кампанию злостной клеветы на тюленей, обвиняя их в том, что они якобы вредят рыбному промыслу. Оно будет отвергать авторитетные суждения таких независимых ученых, как, например, известного морского биолога д-ра Сиднея Холта — бывшего директора Отдела рыбных ресурсов ФАО ООН, который недвусмысленно заявил: «В мире нет ни одного случая, когда научные данные, объективно оцененные независимыми экспертами, подтвердили бы, что

уничтожение морских млекопитающих благотворно сказывается на рыбных ресурсах».

Когда я сдавал эту книгу в печать, правящей партией в Канаде были либералы, но удержатся они у власти или нет, не имеет значения. Министерство рыболовства и морской среды все равно будет следовать своему собственному курсу, пока его действия не станут настолько невыгодны канадским политикам, что они будут вынуждены лишить министерство его имперских амбиций.

Что действительно спасет остатки тюленьих стад у северо-восточного побережья Америки — если их еще придется спасать, — так это непрерывная, упорная борьба таких организаций, как Международный фонд защиты животных¹¹⁴. Сейчас он проводит кампанию по бойкоту канадской рыбы, пытаясь помешать ее ввозу в Соединенные Штаты, и полон решимости продолжать этот бойкот до тех пор, пока канадское правительство не согласится прекратить бойню, которая так долго окрашивала в багряный цвет ледяные поля Моря Кровопролития.

На этом пока завершается кровавая история арктических тюленей.

Взгляд в будущее

Я сижу у окна своего дома на берегу Атлантического океана. Моя работа над книгой близится к концу. Перевернуто много черных страниц кровавой летописи. Вопрос, с которого начиналась книга, получил свой ответ.

Мир живой природы погибает у нас на глазах.

Мой взор устремлен к югу, туда, где беспокойные воды залива сливаются с небом, — там дальше Северная Атлантика гонит свои волны на восточное побережье материка. Я уношусь мыслями в прошлое, стараясь представить себе, как это было...

Стая за стаей проплывают, фонтанируя, большие и малые киты через воды, повсюду подернутые рябью от множества рыбы. Небо темнеет от туч кружащихся в воздухе олуш, моевок и подобных им пернатых созданий. Каменный палец, которым оканчивается длинный пляж за моими окнами, усеян отдыхающими тюленями. В глубине бухты, на дне, царствуют моллюски и омары, а среди живых плавучих островков из обыкновенных гаг внезапно появляется множество массивных голов. На изогнутых, как турецкая сабля, клыках отсвечивают солнечные блики... Видение исчезает.

И вот я вижу мир таким, как он есть.

В необъятном просторе неба, моря и прибрежной полосы — ни души, только высоко в синеве парит одинокая чайка — единственное живое пятнышко на всей этой огромной, почти пустой сцене.

Когда наши предки начинали осваивать Американский континент, им казалось, что богатства животного мира в Новом Свете неисчислимы и неистощимы. Уязвимость этой живой структуры, сложность и хрупкость ее легко ранимых компонентов были за пределами их понимания. Но в их защиту можно сказать только одно — они не представляли неизбежных последствий своего чудовищного хищничества.

Нам же, живущим сегодня людям, нет оправдания за осуществляемый нами биоцид и его ужасающие последствия, ибо современный человек имеет все больше и больше возможностей видеть сложную взаимосвязь всего живого в этом мире. Считать, что в наше время незнание может служить оправданием, могут только те, кто умышленно хочет оставаться в неведении.

Из истории нашего континента не выкинешь пять веков, когда мы сея-

ли смерть на земле. И все-таки у нас, видимо, начинает пробуждаться совесть и появляется желание подумать не только о наших ближайших нуждах и потребностях. Пусть с опозданием, но мы, кажется, пытаемся снова вступить в сообщество живых существ, от которого мы так давно отвернулись и превратились в его смертельных врагов.

Однако всемогущие органы управления все еще руководствуются в своих действиях и поступках отнюдь не благоразумием. Гораздо чаще благоразумие обнаруживают отдельные личности. Возмущенные чрезмерной жестокостью людей по отношению к животному миру, они начинают восставать против превращения человека в зверя-убийцу.

Объединяясь в группы, влияние которых непрерывно возрастает, они бросают вызов сильным мира сего, выступая против опустошения живой природы ради политических соображений, наживы или развлечения. Чтобы убедиться в эффективности борьбы этих групп, достаточно вспом-

нить об успехах, достигнутых ими лишь за последние несколько лет. Один из ярких примеров — их активная за последние годы деятельность в защиту арктических тюленей. Несмотря на яростное сопротивление сторонников прежнего порядка промысла, защитники тюленей постепенно обретают все большую уверенность в своей победе.

Я связываю свои собственные надежды на возрождение и продолжение жизни на Земле с вновь возникшей решимостью человечества восстановить нашу неразрывную связь с живой природой, со стремлением признать обязанности, возложенные на нас как на самый сильный и совершенно уникальный из когда-либо существовавших видов на Земле, с тем что мы готовы начать возмещать колоссальный ущерб, который причинили природе. Если мы не свернем с этого нового пути, то, возможно, нам удастся сделать человека человеческим... в конце-то концов.

И тогда Море Кровапролития сможет снова стать Морем Жизни.

Библиография

- Adams, A. L. *Field Notes and Forest Rambles with Notes and Observations on the Natural History of Eastern Canada*. London: H. S. King & Co., 1873.
- Alexander, J. *Salmon Fishing in Canada, by a Resident*. London: Longman. Montreal: B. Davison and Son, 1860.
- Allen, Elsa G. "Nicolas Denys, A Forgotten Observer of Birds". *The Auk*, 36 (1919).
- Allen, G. M. *Dogs of the American Aborigines*. Bull. Mus. comp. Zool. Harv. 63 (1920).
- Allen, G. M. *Extinct and vanishing mammals of the Western Hemisphere with the marine mammals of all oceans*. Special Publications of the American Committee on International Wildlife Protection No. 11 (1942).
- Allen, J. A. "The Extinction of the Great Auk at the Funk Islands". *American Naturalist*, 10, 48 (1876).
- Allen, K. R. "A note on baleen whale stocks of the Northwest Atlantic". Int. Whaling Commission Report 20 (1970).
- Allen, R. L. *A life table for harp seals...* International Council for the Exploration of the Seas (1974).
- Allinghman, E. G. *A Romance of the Rostrum*. London: H. F. and G. With-erby, 1924.
- Anderson, R. M. *Catalogue of Canadian Recent Mammals*. Bulletin of the National Museum of Canada No. 102. Ottawa, 1946.
- Anspach, L. A. *A History of the Island of Newfoundland: containing a Description of the Island, the Banks, the Fisheries, and Trade of Newfoundland, and the Coast of Labrador*. London, 1819.
- Aubert de la Rue, E. "Le territoire de Saint-Pierre et Miquelon, étude de géographie physique et humaine". *J. Soc. Américanistes*, 29 (1937), pp. 239—372.
- Audubon, J. J. *Ornithological Biography*, 6 vols. 1835.
- Audubon, J. J. "The Eggers of Labrador".
- Banfield, A. W. F. "The distribution of barren-ground grizzly bear in northern Canada". Bulletin of the National Museum of Canada No. 166 (1961), pp. 47—59.
- Banfield, A. W. F. *The Mammals of Canada*. Toronto, 1977.
- Banfield, A. W. F. and N. S. Novakowski. *The Survival of the Wood Bison... in the Northwest Territories*. National Museum of Canada, Natural History Papers 1, 8 (1960).
- Bangs, O. Appendix IV, List of mammals of Labrador, in W. T. Grenfell et al., *Labrador, the Country and the People* (New York: Macmillan, 1909).
- Banks, J. *Journal of a Voyage to Newfoundland and Labrador commencing April ye Seventh, and Ending November ye 17th 1766*. See Lysaght A. M. Barbeau, Marius. *The Language of Canada in the Voyages of Jacques Cartier*. Ottawa, 1959.
- Belanger, René. *Les Basques dans l'estuaire du Saint-Laurent: 1535—1635*. Montreal: Les Press de l'université du Québec, 1971.
- Benjaminsen, T. "On the biology of the bottlenose whale". *Norwegian Journal of Zoology*, 20 (1972).
- Bent, Arthur Cleveland. "Notes from Labrador". *Bird Lore*, 15 (1913), pp. 11—15.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Diving Birds*. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 107, Washington: Government Printing Office, 1922.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Petrels and Pelicans and their Allies*. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 121. Washington: Government Printing Office, 1922.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Wildfowl*. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 126. Washington: Government Printing Office, 1923.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Shore Birds*, part 1. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 130. Washington: Government Printing Office, 1925.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Marsh Birds*. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 135. Washington: Government Printing Office, 1926.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Shore Birds*, part 2. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 146. Washington: Government Printing Office, 1929.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Birds of Prey*, part 1. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 167. Washington: Government Printing Office, 1937.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Birds of Prey*, part 1. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 167. Washington: Government Printing Office, 1937.

Bent, Arthur Cleveland. *Life Histories of North American Birds of Prey*, part 2. Smithsonian Institution, United States National Museum Bulletin No. 170. Washington: Government Printing Office, 1938.

Biggar, H. P. *The Early Trading Companies of New France*. Toronto: University of Toronto, 1901.

Bishop, Morris. *White Men Came to the St. Lawrence*.

Bollan, W. *The Importance and Advantage of Cape Breton*. 1746.

Bonner, W. Nigel. "Man's Impact on Seals". *Mammal Review*, 8 (1978).

Bourne, A. G. "Exploitation of small whales of the North Atlantic". *Oryx*, 8 (1965).

Brodie, Paul F. *The Growth of the White Whale*. Government of the Northwest Territories, Department of Information, 1972.

Cabot, W. B. *Labrador*. Boston: Small, Maynard, 1920.

Cahalane, V. H. *Mammals of North America*. New York: Macmillan, 1947.

Cahalane, V. H. *A preliminary study of distribution and numbers of cougar, grizzly and wolf in North America*. New York Zoological Society, 1964.

Cameron, Austin W. *A Guide to Eastern Canadian Mammals*. Ottawa: National Museum of Canada, 1956.

Cameron, Austin W. *Mammals of the Islands in the Gulf of St. Lawrence*. National Museum of Canada Bulletin No. 154. Ottawa: Queen's Printer, 1958.

Cartwright, G. *A Journal of Transactions and Events, during a Residence of Nearly Sixteen Years on the Coast of Labrador; containing many interesting Particulars, both of the Country and its Inhabitants, Not Hitherto Known*. 3 vols. London: Allen and Ridge, 1792.

Chafe, L. J. *Chafe's Sealing Book. A history of the Newfoundland seal fishery from the earliest available records down to and including the voyage of 1923*. St. John's: Mosdell, 1923. Newfoundland Fisheries Board, 1940.

Champlain, Samuel de. *Works* (Biggar, ed., vols. 1—6).

Chappel, E. *Narrative of a Voyage to Hudson's Bay*. London, 1817 (Coles Canadian Collection).

Chappel, E. *Voyage of His Majesty's Ship Rosamond to Newfoundland and the Southern Coast of Labrador*. London: Mawman, 1818.

Charlevoix, Pierre de. *Journal of a voyage to North America*, English translation, 1761. Readex Microprint Corp., 1966.

Chartraine, P., and J. Y. Cousteau. «Cousteau: "Plus de capelan, plus de baleines..."» *L'Actualité* (mars, 1981).

Christensen, G. "The stocks of blue whales in the northern Atlantic". *Norsk Hvalfangsttid*, 44 (1955), pp. 307—315.

Clermont, Norman. "Le contrat avec les animaux bestiaire sélectif des Indiens nomades du Québec au moment du contact". *Recherches Amérindiennes au Québec*, X, 1—2 (1980), pp. 91—109.

Collard, Edgar Andrew. "Of Many Things... Buffalo Robes". *Montreal Gazette*, May 10, 1980, pp. 2.

Collins J.W. "Notes on the habits and methods of capture of various species of sea birds that occur on the fishing banks off the eastern coast of North America, and which are used as bait for catching codfish by New England fishermen". *Smithsonian Misc. Collection* 46, 22, XIII (1882), pp. 311—338.

Comeau, Napoleon. *Life and sport on the North Shore of the Lower St. Lawrence and Gulf...* Quebec, 1909, 1954.

Cormack, W.E. *Narrative of a Journey across the island of Newfoundland in 1822*. *Edinburgh Philosophic Journal*, 10 (1823). Bruton, 1928.

Cowan, Ian McTaggart. "Threatened species of mammals in north America", in J.A. Moore, ed., *Proceedings of the 16th International Congress of Zoology*, Vol. 8. Washington, 1964.

Crespel, M. *Travels in North America...* London: Sampson Low, 1797. Québec: A. Côté et Cie., 1884.

Dagg, Anne Innis. *Canadian Wildlife and Man*. Toronto: McClelland and Stewart, 1974.

Dawson, S.E. *The Saint Lawrence*. New York: Frederick A. Stokes Co., 1905.

Davis, R.A., K.J. Finley, and W.J. Richardson. "The present status and future management of arctic marine mammals in Canada". Science Advisory Board of the N.W.T. Report No. 3, 1980.

Deane, R. "Audubon's Labrador trip of 1833". *The Auk*, 27 (1910), pp. 42—52.

De Loture, R. *Histoire de la Grande Pêche de Terre-Neuve*. Paris: Gallimard, 1949. English translation, Special Scientific Report, U.S.Fish and Wildlife Services Fisheries No. 213, 1949.

Denys, Nicolas. *Description géographique et historique des côtes d'Amérique septentrionale avec l'histoire naturelle du Pays*. Paris, 1672. Edited by W.F. Gagnon. Toronto: Champlain Society, 1908.

Dey, Wendy. "The Great White Bear". *Imperial Oil Review*, no. 2 (1976).

Diéreville, Sieur de. *Relation of the Voyage to Port Royal in Acadia or New France*. Edited by Mr. and Mrs. C. Webster. Toronto: Champlain Society, 1933.

Du Creux, Father François. *The History of Canada or New France*.

Dudley, P. "An essay upon the natural history of whales with a particular account of the ambergris found in the *Sperma Ceti* whale". *Philosophical Transactions of the Royal Society*, Series B. 33 (1725).

Dunbar, M.J., et al. *The Biogeographic Structure of the Gulf of St. Lawrence*.

Durant, Mary and Michael Harwood. *On the Road with John James Audubon*. New York: Dodd, Mead & Co., 1980.

Duro, Cesareo Fernandez. *La Pesca de los Vascongados y el Descubrimiento de Terranova: Arca de Noe*. Libro sexto de las Disquisiciones Nauticas. Madrid, 1881.

Elson, Paul, and H.H.V. Hord. *Fisheries Fact Sheet: The Atlantic Salmon*. Ottawa: Fisheries and Environment Canada.

Elton, Charles S. "Further evidence about the barren-ground grizzly bear in northeast Labrador and Quebec". *Journal of Mammalogy*, 35 (1954), pp. 345—357.

Elton, Charles S. *Labrador Barren-Ground Grizzly Bear: State of the Evidence in 1976*.

Erskine, J.S. "The Archeology of some Nova Scotian Indian Campsites". *Proceedings of the Nova Scotian Institute of Science*, 27 (1970—71), part one, pp. 1—9.

Fisher, H.D. "Seals of the Canadian east coast". Fisheries Resource Board of Canada, 1950.

Fisher, J. and H.D. Ververs. "The breeding, distribution, history and population of the North American Gannet". *Journal of Animal Ecology*, 12 (1943), pp. 173—213.

Fitzhugh, Bill. "Labrador Grizzly Bear." *Kinatuinamot Illengajuk (Nain)*, 1, 37 (September 9, 1976).

Fowle, David C. *A preliminary report on the effects of phosphamidon on bird populations in central New Brunswick*. Canadian Wildlife Service Report Series No. 16. Ottawa: Information Canada, 1972.

Gabarra, L'Abbé J.-B. *Anciens Marins de Cap Breton*. 1922.

Gagnon, François-Marc. "«Gens du pays» ou «Suiviages». Note sur les designations de l'Indiennes chez Jacques Cartier". *Recherches Amérindiennes au Québec*, X, 1—2 (1980).

Ganong, W.F. "The Walrus in New Brunswick". *Bulletin of the Natural Histo-*

ry Society of New Brunswick, Vol. V, No. XXII, pt. II (1904).

Ganong, W. F. "The Identity of the Animals and Plants mentioned by the Early Voyagers to Eastern Canada and Newfoundland". *Transactions of the Royal Society of Canada*, 3 (1909), pp. 107—242.

Gilbertson, Michael and Lincoln Reynolds. *A Summary of DDT and PCB in Canadian Birds, 1969—1972*. Canadian Wildlife Occasional Paper No. 19. Ottawa: Environment Canada, 1974.

Gilpin, J. Bernard. "The Warlus". *Proceedings and Transactions of the Nova Scotian Institute of Natural Science for 1867—70*, vol. II, pp. 8—10.

Gilpin, J. Bernard. "On the Seals of Nova Scotia". *Proceedings and Transactions of the Nova Scotian Institute of Natural Science, 1871—1874*, vol. II, part IV, pp. 377—384.

Godfrey, W. E. *Birds of Canada*. Bulletin of National Museum of Canada No. 203. Ottawa: Queen's Printer, 1966.

Godfrey, W. E. "Rare or Endangered Canadian Birds". *Canadian Field Naturalist* (January/February, 1970).

Gosling, G. W. *Labrador, its Discovery, Exploration and Development*. Toronto: Musson, 1910.

Greene, J. Orne. "September among the Game Birds of Miscou Island". *Bulletin of the Natural History Society of New Brunswick*, Vol. V, No. XXIV, pt. IV (1906), pp. 553—558.

Greene, W. H. *The Wooden Walls Among the Ice floes: telling the romance of the Newfoundland seal fishery*. London: Hutchinson, 1933.

Greenway, J. C. *Extinct and Vanishing Birds of the World*. New York: Peter Smith, 1967.

Grenfell, W. T., et al. *Labrador, the Country and the People*. New York: Macmillan, 1909, 1922.

Grieve, S. *The Great Auk or Gargafowl*. London: T. C. Jack, 1885.

Haig-Brown, Roderick. *The Salmon*. Ottawa: Environment Canada, 1974.

Hakluyt, Richard. *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*. London, 1599—1600.

Harper, F. *Land and freshwater mammals of the Ungava Peninsula*. Misc. Publications of the Museum of Natural History, University of Kansas, 27, 1961.

Harrington, C. Richard. "The

Life and Status of the Polar Bear." *Oryx*, VIII, 3 (1965).

Harrington, C. Richard. *Dennings Habits of the Polar Bear (Ursus Maritimus, Phipps)*. Canadian Wildlife Service Report Series No. 5. Ottawa: Queen's Printer, 1968.

Harrington, Lyn. "Penguins of the North Atlantic". *North/Nord*, XXV, 6 (November/December, 1978).

Harrisse, Henry. *Jean et Sebastian Cabot, leur origine et leurs voyages*. Paris: Ernest Leroux, 1882.

Herbert, H. W. (pseud. Frank Forester). *Frank Forester's Field Sports of the United States, and British Provinces, of North America*. New York: Stringer and Townsend, 1849.

Hoffman, B. G. *Cabot to Cartier*. Toronto, 1961.

Howley, James P. *The Beothuks or Red Indians. The Original Inhabitants of Newfoundland*. Cambridge: The University Press, 1915.

Innis, Harold A. *The Cod Fisheries. The History of an International Economy*. Toronto: University of Toronto Press, 1940.

Innis, Harold A. *The Fur Trade in Canada*. Toronto, 1930.

Jangaard, P. M. *The Capelin (Malotus Villosus)*. Fisheries Bulletin No. 186. Ottawa: Department of the Environment, 1974.

Jenkins, J. T. *A History of the Whale Fisheries: From the Basque Fisheries of the Tenth century to the Hunting of the Finner Whales at the Present Date*. London: Kennikat Press, 1971.

Jomard, E. F. *Les Monuments de la Géographie*. Paris, 1854—1862.

Josselyn, John. *The Voyages to New England*.

Jukes, J. B. *Excursions in and about Newfoundland during the years 1839 and 1840*. London: Murray, 1842.

King, Maj. W. Ross. *The Sportsman and Naturalist in Canada*. London: Hurst and Blackette, 1866. Toronto: Coles, 1974.

Laborde, J. "La Pêche à la baleine par les harponneurs basques". *Gurre Herria*, Bayonne (1951).

Lahontan, Baron de. *New Voyages to North America*, vols. 1, 2. London, 1703. Reuben Gold Thwaites, ed., Chicago, 1905. New York: Burt Franklin, 1970.

Laird, Marshall. *Bibliography of the Natural History of Newfoundland*

and Labrador. London: Academic Press, 1980.

Lavigne, D.M., and W.W. Bar-
chard. "Notes, Interpretation and Eval-
uation of Harp Seal Census Data". *Polar
Record*, 19, 121 (January, 1979), pp. 381—
385.

Le Clercq, Father Chres-
tien. *New Relation of Gaspesia*.

Lescarbot, Marc. *Histoire de la
Nouvelle France*. Paris, 1609—1611. Ed-
ited by W. L. Grant. Toronto: Champlain
Society, 1907.

Levet, Christopher. *Voyage
into New England, begun in 1623 and
ended in 1624*.

Lindroth, C.H. *The Faunal Con-
nections between Europe and North Amer-
ica*. New York: Wiley, 1957.

Lloyd, F.E.J. *Two Years in the
Region of Icebergs and what I saw there*.
London, [1886].

Low, A.P. "List of Mammalia in the
Labrador Peninsula, with short notes on
their distribution, etc.". *Report on explo-
rations in the Labrador Peninsula, along
the East Main, etc. etc.*, Reports of the
Geological Survey of Canada (n.s.)
8 (1896).

Lysaght, A.M. *Joseph Banks in
Newfoundland and Labrador, 1766*. Lon-
don: Faber, 1971.

Mann, K.H. "The Impact of Man on
Environmental Systems in the Maritimes",
in *Environmental Change in the Maritimes*,
J.C. Ogden II and M.J. Harvey, eds. Ha-
lifax: Nova Scotian Institute of Science,
1975.

Mansfield, A.W. "The Walrus in
Canada's Arctic". *Canadian Geographic
Journal*, 72 (1966), pp. 88—95.

Mansfield, A.W. *Seals of Arctic
and Eastern Canada*. Fisheries Research
Board of Canada, Bulletin No. 137 (Se-
cond edition, revised). Ottawa, 1967.

Mansfield, A.W. "Occurrence of
the Bowhead or Greenland Right Whale
(*Balaena mysticetus*) in Canadian Arctic
Waters".

Mansfield, A.W. "The Atlantic
Walrus (*Odobenus rosmarus*) in Canada
and Greenland". *IUCN Publications New
Series*, Supplementary Paper 39 (1973),
pp. 69—79.

Mansfield, A.W. and B. Beck.
The Gray Seal in Eastern Canada. Fishe-
ries and Marine Services Technical Re-
port No. 704. Ottawa: Department of Fi-
sheries, 1977.

Marsden, Joshua. *The Narrative*

*of a Mission to Nova Scotia, New Brun-
swick and the Somers Islands*. 1816.

Mason, John. *A Brief discourse of
the New-Found-Land*. Edinburgh, 1620.

Mathiesson, Peter. *Wildlife in
America*, New York, 1959.

Mercer, M.C. "Records of the At-
lantic walrus, *Odobenus rosmarus rosma-
rus*, from Newfoundland". *Journal of the
Fisheries Resource Board of Canada*, 24
(1967).

Millais, J.S. *Newfoundland and its
Untrodden Ways*. London: Longmans Gre-
en & Co., 1907.

Milne, L. and M. *The Cougar Does-
n't Live Here Anymore*. Englewood
Heights, N.J.: Prentice-Hall, 1971.

Montizambert, Edward Lo-
uis. *Canada in the Seventeenth Century*.
(Translation of Pierre Boucher: True and
Genuine Description of New France, com-
monly called Canada, and the Manners
and Customs and Productions of that Coun-
try. Paris: Florentin Lambert, 1664.)
Montreal: George E. Desbarats and Co.,
1883.

Moreau, Jean-François. "Ré-
flexions sur les chasseurs-cueilleurs: les
Montagnais, décrits par Le Jeune en 1634".
Recherches Amérindiennes au Québec,
X, 1—2 (1980), pp. 48—49.

Nero, Robert W. *The Great
White Bears*. Winnipeg: Provincial Depart-
ment of Renewable Resources and Trans-
portation Services, 1976.

Nettleship, D.N. "Breeding suc-
cess of the common puffin... on different
habitats at Great Island, Newfoundland".
Ecol. Mongr., 42 (1972).

Northcott, Tom H. *The Land
Mammals of Insular Newfoundland*. New-
foundland Department of Tourism (Wild-
life Division).

Novakowsky, N.S. "Rare or En-
dangered Canadian Mammals". *Canadian
Field Naturalist* (January/March, 1970).

Olaus Magnus. *Histoire des lays
septentrionaux*, tr. Plantin, 1560.

Patterson, Rev. George. "The
Portuguese on the North-East coast of
America, and the first European attempt
at Colonization there. A Lost chapter in
American History". *Transactions and Pro-
ceedings of the Royal Society of Canada*,
VIII (1890), pp. 127—173.

Patterson, Rev. George. "Sable
Island: Its History and Phenomena".
*Transactions and Proceedings of the Royal
Society of Canada*, XII (1894), pp. 3—49.

Patterson, Rev. George. "The

Magdalene Islands". *Proceedings and Transactions of the Nova Scotian Institute of Science*, 1890—94, vol. VIII, vol. I of Second Series, pp. 31—57.

Pearson, Arthur M. *The Northern Interior Grizzly Bear Ursus Arctos L.* Canadian Wildlife Service Report Series No. 34. Ottawa: Information Canada, 1975.

Pelletier, Gaby. "From Animal Skins to Polyester: Four Hundred Years of Micmac and Maliseet Clothing Styles and Ornamentation". *Papers of the Tenth Algonquin Conference*, 1978.

Peterson, Randolph L. *The Mammals of Canada*. Toronto: Oxford University Press, 1966.

Pichon, *Lettres et Mémoires pour Servir à L'Histoire naturelle, civile et politique du Cap Breton, depuis son établissement jusqu'à la reprise de cette île par Les Anglois en 1758*.

Pinhorn, A. T. *Living Marine Resources of Newfoundland-Labrador: Status and Potential*. Bulletin No. 194. Ottawa: Department of the Environment, 1976.

Prance, G. T., and Thomas S. Elias. *Extinction is Forever*.

Privy Council (G. B.). In the matter of the boundary between the Dominion of Canada and the Colony of Newfoundland in the Labrador Peninsula, vol. 3 (Court-manche's memoir and the 1715 anonymous memoir are included).

Prowse, D. W. *A History of Newfoundland from the English, Colonial and Foreign Records*. London: Macmillan, 1895.

Purchas, S. *Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. Contayning a History of the World in Sea Voyages and Land Travells by Englishment and Others*. London, 1625. Reprint Glasgow: Maclehose, 1905—1907.

Reade, John. "The Basques in North America". *Transactions and Proceedings of the Royal Society of Canada*, First Series, VI (1888), pp. 21—39.

Reeves, R. "White whales of the St. Lawrence". *Canadian Geographic Journal*, 92, 2 (March/April, 1976).

Reid, John. "The Beginnings of the Maritimes, a Reappraisal". *The American Review of Canadian Studies*.

Rostlund, Erhard. "Freshwater Fish and Fishing in Native North America". *University of California Publications in Geography*, Vol. 9 (Berkeley, 1952).

Rowan, John J. *The Emigrant and Sportsman in Canada, Some Experiences of an Old Country Settler with Sketches of Canadian Life, Sporting Adventures and*

Observations on the Forests and Fauna. London: Edward Stanford, 1876. Toronto: Coles Publishing Company, 1972.

Sagard, Father Gabriel. *The Long Journey to the Country of the Hurons*.

Saint-Cyr, D. N. "The Pinniped Mammalia of the River and Gulf of St. Lawrence". *Quebec Legislature Sessional Papers*, III (1886), pp. 39—65.

Schmidt, John L., and Douglas L. Gilbert. *Big Game of North America*. Harrisburg, Pa.: Stackpole Books, 1978.

Scisco, L. D. "Lescarbot's Baron de Lery". *Transactions of the Royal Society of Canada* (1911).

Schorger, A. W. *The Passenger Pigeon*. University of Oklahoma Press, 1977.

Scoresby, William. *An Account of the Arctic Regions with a History and Description of the Northern Whale-Fishery*, vol. 2.

Scott, W. B., and E. J. Crossman. *Freshwater Fishes of Canada*. Fisheries Bulletin No. 184. Ottawa: Fisheries Research Board of Canada, 1973.

Sergeant, D. E. and P. F. Brodie. *Identity, Abundance, and Present Status of Populations of White Whales, Delphinapterus leucas, in North America*. Ottawa, Fisheries Research Board of Canada, 1975.

Sergeant, D. E. and P. F. Brodie. "Current Status of Seals in the Northern Hemisphere". *Seals: Proceedings of a working meeting of Seal Specialists on threatened and Depleted Seals of the World*, held under the auspices of the Survival Service of IUCN, pp. 113—124.

Seton, Ernest Thompson. *Life Histories of Northern Mammals*. New York, 1909.

Slaterry, Brian. "French Claims in North America, 1500—59".

Spiess, Arthur. "Labrador Grizzly (*Ursus Arctos L.*): First Skeletal Evidence". *Journal of Mammalogy*, 57, 4 (November, 1976).

Spiess, Arthur, and Steven Cox. "Discovery of the Skull of a Grizzly Bear in Labrador". *Arctic*, 29, 4 (December, 1976), pp. 194—200.

Stewart, Darryl. *Canadian Endangered Species*. New York: Gage, 1974.

Stewart, Darryl. *From the Edge of Extinction*. Toronto: McClelland and Stewart, 1978.

Stirling, E. "The Grizzly Bear in Labrador". *Forest and Stream*, 22 (1884).

Swenk, Myron H. "The Eskimo Curlew and its Disappearance". *Annual Report*, Smithsonian Institution (1915).

Tanner, V. *Outlines of the Geography, Life and Customs of Newfoundland-Labrador*, 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1947.

Thevet, André. *Les Sinlaritez de la France Antarctique, autrement nommé Amérique E de plusieurs Terres E Iles découvertes de nostre temps*. Paris, 1557.

Thevet, André. *La Cosmographie universelle*. Paris, 1575.

Thwaites, Reuben G. *The Jesuit Relations and Allied Documents*, vol. 2. Cleveland: The Burrow Brothers Co., 1896.

Tocque, P. *Newfoundland as it was and as it is in 1877*. London and Toronto, 1878.

Tuck, J. A. "Basque Whalers in Southern Labrador, Canada". *Proceedings of the International Symposium on Early European Exploitation of the Northern Atlantic*, 800—1700.

Tuck, L. M. *The murre: their distribution, populations and biology. A study*

of genus Uria. Canadian Wildlife Service Monograph Series 1, 1960.

Waters, J. H., and C. E. Ray. "The Former Range of the Sea Mink". *Journal of Mammalogy*, 42, pp. 380—383.

Warburton, A. B. "The Sea-Cow Fishery". *Acadiensis*, III (1902), pp. 116—119.

Whitbourne, Richard. *A Discourse and Discovery of New-Found-Land...* London, 1920.

Williamson, G. R. *The bluefin tuna in Newfoundland waters*. Newfoundland Tourist Office, 1962.

Wood, Thomas, and Stanley A. Munroe. *Dynamics of Snowshoe Hare Populations in the Maritime Provinces of Canada*. Canadian Wildlife Service Occasional Paper No. 30. Ottawa: Supply and Services Canada, 1977.

Working Party on Marine Mammals (United Nations), *Mammals in the Sea*, vol. I, Report of the FAO Advisory Committee on Marine Resources Research, FAO Fisheries Series No. 5. Rome: Food and Agricultural Organization of the UN, 1978.

Послесловие

Фарли Мак-Гилл Моуэт — канадский писатель, натуралист, исследователь — хорошо известен в нашей стране. И не только потому, что «Трагедии моря» далеко не первая его книга, переведенная на русский язык и издающаяся в Советском Союзе. Он неоднократно приезжал к нам, бывал в Сибири, на Чукотке, конечно, в Москве, Ленинграде, и с ним лично знакомы многие советские писатели, ученые да и коренные северяне-оленоводы, охотники.

Фарли Моуэт родился в 1921 году, в городке Белвилл, в канадской провинции Онтарио. В 1935 году вместе с дядей-биологом он впервые попал на Крайний Север, и эта поездка определила его дальнейший жизненный путь. Во время второй мировой войны он служил в американской армии, участвовал в высадке союзных войск в Сицилии, воевал с фашистами в Западной Европе и в 1945 году — на Эльбе — встречался с советскими солдатами. После войны Моуэт окончил биологическое отделение Торонтского университета, и с этого времени продолжались его путешествия по Северу. Наверное, найдется не много мест на севере Канады, где не побывал бы Моуэт. Его пути пролегали также по Аляске и, как уже говорилось, по северным окраинам Советского

Союза. Несколько лет он прожил на острове Ньюфаундленд. Отсюда глубокое знание им природы и людей Заполярья, отсюда глубокая жизненная правда в его статьях и книгах.

Моуэт заявил о себе как литератор уже в первые послевоенные годы. В начале это была повесть «Полк», навеянная впечатлениями и переживаниями военных лет. Однако подлинную известность ему как писателю принесли книги «Люди оленьего края» (1952) и «Отчаявшийся народ» (1959)*, проникнутые тревогой и болью за судьбу малых народов канадского Севера, произведения, со страниц которых звучит страстный призыв о помощи губнущим народам. За выдающиеся заслуги в укреплении межнациональных отношений в 1953 году ему была присуждена весьма почетная премия Анисфелда-Вулфа. Впоследствии Моуэту были присвоены ученые степени доктора юридических наук и почетного доктора литературы.

Его перу принадлежат в общей сложности более двадцати книг. Среди них есть и большие документальные труды — «Канадский Север» (1967) и «Канадский Север сегодня» (1976) и увлекательно написанные исследо-

---

* Опубликовано на русском языке Издательством иностранной литературы в 1963 г.

вания, посвященные истории открытия и изучения севера Северной Америки, например «Путешествие на Копермайн» (1958)* или трилогия «Вершина мира» (1961—1973)**. Книга Моуэта «Не кричи, волки» (1959)*** — рассказ натуралиста о жизни тундровых волков и их окружении. Как уже говорилось, большое место в творчестве писателя занимают книги о малых народностях канадского Севера, размышления об их судьбе, призыв к помощи им, к их спасению. Результатом двух поездок по нашей стране, состоявшихся в 1966 и 1969 годах, стала его книга «Мое открытие Сибири» (1971), — книга, которую многие считают лучшей из написанных об СССР иностранными авторами и которая выдержала невиданно большой тираж для подобного рода изданий. Вместе с тем, особенно в последние годы, Моуэт все чаще обращается к мысли о будущем живой природы — источнике существования человечества, о взаимоотношении современного человека с природой, особенно с животным миром, о путях сохранения редких и исчезающих видов фауны.

«Человек потерял контакт с природой планеты, построил свою жизнь на хитрости и изобретательности и поэтому рассматривает животных сквозь лупу человеческих знаний, а она увеличивает перышко или шерстинку, но образ в целом искажает. Мы относимся к животным свысока, полагая, что судьба их достойна сожаления — ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся, жестоко заблуждаемся. Ибо нельзя к животным подходить с человеческой меркой.

Их мир старше нашего и совершеннее, и сами они — существа более законченные и совершенные, чем мы с вами. Они сохранили многие из чувств, которые человек растерял, и живут, прислушиваясь к голосам, которые недоступны нашему слуху. Животные — не меньшие братья наши и не бедные родственники; они — иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, в сеть времени; такие же, как и мы, пленники земного великолепия и земных страданий».

Эти слова, принадлежащие канадскому публицисту Генри Бестону, Фарли Моуэт предпослал одной из первых своих книг такого рода — «Кит на заклание» (1972)*, повествующей о драматической судьбе кита, заброшенного прибоем в небольшую бухту на острове Ньюфаундленд и ставшего жертвой человеческой жестокости, человеческой алчности. Книга «Кит на заклание» служит яркой иллюстрацией к процитированному выше эпиграфу. В полной мере эпиграф относится и к книге «Трагедии моря», написанной Моуэтом уже в восьмидесятые годы (первое ее издание вышло в Канаде в 1984 г., второе издание — в 1985 г.), книге — пока самой большой из принадлежащих его перу и, быть может, наиболее страстной, наиболее остро сюжетной.

Описываемые здесь события развиваются главным образом на северо-востоке Северной Америки, причем не только в море, как этого можно было бы ожидать, судя по названию книги, но и на суше. Место действия избрано автором, конечно, не случайно. Оно особенно знакомо и близко ему; Моуэт сроднился с ним и во время своих здесь путешествий, и за годы оседлой жизни на острове Ньюфаундленд. Но дело не только в этом. Именно отсюда началось проникновение европейцев на Американский континент.

---

* На русском языке опубликована издательством «Мысль» в 1985 г.

** Первая часть трилогии, «Испытание льдом» (1961 г.), была опубликована на русском языке издательством «Прогресс» в 1966 г. Вторая ее часть, «Полярные страсти», и третья часть, «Тундра», изданы в Канаде соответственно в 1967 и 1973 годах.

*** Опубликована на русском языке издательством «Географгиз» в 1963 г.

---

* На русском языке опубликована издательством Гидрометеоиздат в 1977 (первое издание) и 1979 годах (второе издание).

нент (одними из первых были здесь древние скандинавы, приплывавшие из Гренландии и Исландии еще в X веке, задолго до «официального» открытия Нового Света). Именно здесь европейцы впервые встретились с почти девственной, мало измененной человеком природой Северной Америки, с ее несметно богатым животным миром. И именно здесь наиболее откровенно, наиболее ярко проявились алчность «белого человека», губительные последствия его хищнического отношения к живой природе.

Перед европейцами, сначала древними скандинавами, а позже — исландцами и португальцами, англичанами и французами, Новый Свет предстал, в полном смысле слова, краем изобилия плодов, дичи, рыбы. В степях, утопая в пышной траве, бродили несметные стада бизонов и антилоп, непроходимые леса давали приют множеству оленей, лосей, пушных зверей. Сучья деревьев гнулись и ломались под тяжестью заночевавших стай странствующих голубей. Реки, озера, морские воды кишели рыбой, гладь морей оживляли многочисленные киты и дельфины. Необыкновенное богатство здешнего животного мира легко объяснимо. Человек появился в Америке намного позже, чем в Евразии (более вероятно — лишь около 35 000 лет назад). Ко времени открытия Америки коренное население оставалось немногочисленным и по уровню своего социально-экономического развития значительно уступало европейцам. Поэтому влияние человека на природу Нового Света той поры было еще слабым. Впрочем, считается, что и первобытные охотники внесли свою лепту в оскудение животного мира Америки. Во всяком случае, именно они сыграли роковую роль в исчезновении здесь таких крупных млекопитающих, как мамонт, или длиннорогий бизон.

Однако роль белого человека несопоставима в этом отношении. Первой его жертвой в Новом Свете стала

беспомощная перед людьми нелетающая гагарка — «копыенос». Вслед за ней в траурный перечень вошли странствующий голубь и эскимосский кроншнеп, лабрадорская гага и вересковый тетерев... Впрочем, не станем пересказывать содержание книги, об этом взволнованно, опираясь на колоссальное количество фактов, и пишет в ней Фарли Моуэт.

Дополнить повествование Моуэта уместно лишь некоторыми сведениями общего порядка. По данным Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), с начала XVII века (факты подобного рода, относящиеся к предшествующему периоду, отсутствуют) на нашей планете вымерли 74 вида птиц (1,23% общего их числа) и 63 вида (1,43%) млекопитающих. Данные МСОП свидетельствуют также о том, что с каждым столетием обеднение животного мира планеты убыстрялось. Если в XVII веке вымерли 9 видов птиц и 3 вида млекопитающих, и в XVIII веке соответственно — 9 и 8 видов, то в XIX веке — 34 и 26 и в период с 1900 по 1975 гг., то есть за неполное столетие, уже 22 и 34 вида. Немалую долю печального перечня составляют представители фауны Северной Америки, и в том числе описываемой Моуэтом ее части.

В подавляющем большинстве случаев прямо или косвенно виновником этого процесса был человек. Также по данным МСОП, среди современных причин гибели животных на первом месте стоит разрушение или деградация их местобитаний — вырубка на больших пространствах лесов и распашка целинных земель, осушение болот и регулирование стоков рек, строительство городов, поселков, промышленных предприятий, загрязнение среды обитания живых организмов разного рода отходами человеческой жизнедеятельности.

Чрезмерная добыча, то есть прямое истребление животных, в прошлом было главной причиной сокра-

щения их численности и исчезновения; множество примеров такого рода мы находим в книге. Однако в последние десятилетия этот фактор по значимости отошел на второе место. Немало животных исчезли с лица Земли под влиянием вселиенных человеком в те или иные местности новых их видов. Вселенцы оказывались конкурентами аборигенов из-за пищи и убежищ, а то и прямыми их врагами, становились виновниками разрушения или деградации их местообитаний. Далее среди причин исчезновения видов следуют: потеря, сокращение или ухудшение (под воздействием человека) их кормовой базы, уничтожение человеком некоторых из них (в первую очередь хищников, а также хищных птиц, тюленей, выдр) для защиты сельскохозяйственных растений и животных, а также промысловых видов, хотя подчас это была всего лишь «дымовая завеса», маскирующая истинные, корыстные цели подобных действий. Наконец, к исчезновению животных вела их случайная добыча (например, морских черепах и некоторых тюленей при ловле рыбы).

Заканчивая свою книгу, Фарли Моуэт высказывает надежду, что во взаимоотношениях человека и природы, человека и животного мира все-таки возобладает разум, здравый смысл, что человек в конце-то концов «станет человечнее». И тогда «Море Кровопролитий» может снова превратиться в «Море Жизни».

Насколько это возможно, осуществима ли эта надежда?

В той или иной мере, очевидно, осуществима. Залогом тому служит рост в мире, в том числе в Канаде, экологизации человеческого сознания. Все более широкий круг людей, а не только специалисты, как это было еще недавно, начинает понимать, что живые ресурсы планеты ограничены и исчерпаемы, что природа во всем ее многообразии, по сути дела, незаменимая и абсолютно необходимая часть нашей жизни,

что ее охрана означает сохранение условий жизнедеятельности самого человека. Ведь разве не убедительным примером роста экологического сознания людей, новых подходов к использованию ресурсов живой природы служат — как рассказывает Моуэт — успехи канадских ее защитников в нелегкой, но все-таки небезуспешной борьбе с чиновниками (а по существу, с теми, кто получал от зверобойного промысла большие доходы) за спасение арктических тюленей? Такие усилия отдельных активистов и обществ тем более важны, что они вынуждают правительство страны предпринимать и меры по охране природы общего порядка.

На нашей планете едва ли не в первую очередь вызывает тревогу судьба живой природы Крайнего Севера — региона, где в основном и развиваются описываемые Моуэтом события. И тому есть веские причины.

В последние десятилетия здесь были открыты и стали разрабатываться месторождения нефти и газа, каменного угля, железа и цветных металлов. Здесь быстро растет население, появляются все новые поселки, даже города, на сотни и тысячи километров протянулись от них шоссейные и железные дороги, трубы нефте- и газопроводов. На Крайнем Севере усиленно развивались не только новые, современные отрасли промышленности, энергетика, транспорт, но и традиционные отрасли хозяйства — зверобойный и охотничий промысел, рыболовство.

В эти же десятилетия стало особенно очевидным, что северная природа очень хрупка, что «нормальная» для более южных районов нагрузка, такие же формы и размах человеческой деятельности вызывают в ней глубокие, а часто и необратимые изменения. При этом особенно страдает органический мир — животные и растительность.

Как эхо докатываются до Крайнего Севера последствия человеческой деятельности в других краях, и преж-

де всего потому, что там проводят зиму большинство зверей, а тем более птиц-«северян». В мире повсеместно растет число охотников, и это, конечно, ощущают на себе тундровые утки и гуси, главным образом во время своих миграций и зимовок. А такие пернатые, как тундровые кулики, по сути дела, считаются дичью лишь за пределами их родины. Даже значительная часть песцовых шуток, несмотря на то что песцы размножаются только в тундрах, добываются в лесотундре и лесной полосе.

Еще сильнее «северяне» ощущают косвенное воздействие человеческой деятельности. Изменение ландшафтов на местах зимовок арктических птиц — распахка земель, осушение болот или, наоборот, обводнение земель, неумеренное применение здесь химических средств борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства, как уже было замечено, нередко ведет к резкому уменьшению численности или даже к полному исчезновению пернатых. Так случилось, например, с эскимосскими кроншнепами. Эти кулики из канадских тундр — со своей родины — улетали зимовать в Южную Америку. По пути, особенно в Соединенных Штатах, их нещадно истребляли охотники. Жирные, отъевшиеся на тундровых ягодах, они пользовались среди гурманов славой «сдобных птичек». К тому же с каждым годом сокращались и площади целинных степей в Аргентине — их зимних местобитаний. Еще в середине прошлого столетия эту дичь привозили на американские рынки фургонами. В конце прошлого века они стали редкостью, а в 1932 году на Лабрадоре была убита последняя одиноко летевшая птица. Гораздо подробнее эту печальную историю описывает в своей книге Фарли Моуэт*.

---

* Много лет спустя опять видели одиночных эскимосских кроншнейпов, но это уже не меняет сути дела.

Ядохимикаты, особенно ДДТ, так же как и продукты их распада, подчас наносят большой урон дикой фауне. На Крайнем Севере они практически не применяются, но их заносит сюда речные воды, морские и воздушные течения. Яды накапливаются в организме «северян» (как и антарктических животных) в наибольших количествах у видов, занимающих последние, высшие ступени «пищевой пирамиды». В Арктике от них особенно страдают питающиеся рыбой тюлени и белые медведи. Как и хищные птицы, накопив в организме определенное количество ядов, они перестают размножаться или даже погибают.

Ядохимикаты и продукты их распада «северяне» накапливают и в местах своих зимовок и миграций. Именно так случилось с хищными птицами — о чем только что было сказано, в том числе с тундровыми соколами — сапсанами. Вначале, еще в 48-х годах, зоологи стали отмечать падение их плодовитости; пернатые стали откладывать меньше яиц, вырощивать меньше птенцов. Следующий симптом был еще более тревожным. Птицы перестали доводить до конца насиживание яиц, поскольку скорлупа их стала ненормально тонкой и хрупкой. Численность сапсанов продолжала сокращаться до середины 70-х годов; в тундрах Северной Америки и Гренландии к этому времени оказывались занятыми лишь около трети известных гнезд этих птиц. В последующие годы в связи с запретом или ограничением использования в большинстве стран мира ДДТ и сходных с ним препаратов положение с хищными птицами на Крайнем Севере, как и повсеместно, несколько улучшилось.

Одно из последствий хозяйственной (по существу, конечно, бесхозяйственной) деятельности человека — гибель птиц от нефти, мазута и других загрязнений морских вод. Авария лишь одного танкера «Герд Марск» в 1955 году, в устье Эльбы, привела к гибели примерно пятисот

тысяч птиц, преимущественно тундровых уток. В 1957 году вблизи шведского острова Готланд, в Балтийском море, погибло, попав в нефтяное пятно (а сколько таких пятен плавают сейчас на поверхности морских вод!), более тридцати тысяч зимующих уток-морянок. Неудивительно, что в последующие годы заметно уменьшилось число этих птиц на их родине, в шведской Лапландии. Еще больше птиц гибнет в море не при авариях танкеров, а при «хроническом» загрязнении морских вод. Лишь в Северном море и в Северной Атлантике такая гибель пернатых ежегодно исчисляется сотнями тысяч.

Намного сильнее человек наносит урон животному и растительному миру непосредственно на Крайнем Севере. И не только потому, что здесь тоже растет число охотников. Невольный ущерб наносят местным животным люди, даже полные самых добрых чувств к «братьям меньшим», но незнакомые с их нравами. Здесь особенно сильно проявляются вредные последствия так называемого «фактора беспокойства»: достаточно вспугнуть населяющую птицу, и гнездо пропало — тут оно в большинстве случаев на виду у хищников. Часто находятся любители сфотографировать вблизи лежбище моржей, вообще подробнее рассмотреть этих гигантов, а то и потрогать их. Между тем не требуется больших усилий, чтобы вызвать панику на моржовом лежбище, а она нередко заканчивается тем, что животные давят друг друга, и на месте залежки остаются десятки их трупов. Панику на моржовом лежбище может вызвать также низко пролетающий самолет или гудок проходящего мимо парохода.

Нередко оказывают «медвежью услугу» и белым медведям и, конечно, себе сердобольные полярники и моряки; подкармливая зверей, человек «развращает» их, способствует появлению среди медведей вначале назойливых попрошайек, а затем настоящих, опасных для людей «громил».

Человек двинул на Крайний Север могучую технику и использует ее, часто не учитывая особенностей местной природы. Там, где распространена вечная мерзлота, проехавший летом трактор или вездеход оставляет на земле десятилетиями не заживающий шрам. Гусеницы сдирают с мерзлого грунта моховую дернину, мерзлота быстро протаивает в колеях, в них зарождаются и отсюда растут овраги. С этого начинается эрозия почв. Подсчитано, что один вездеход или трактор, пройдя всего три километра, уничтожает гектар тундровой растительности — пастбищ северных оленей, овцебыков, гусей.

Гораздо больший урон, чем в средних широтах или на юге, наносят здешней природе, животному и растительному миру загрязнения среды промышленными и бытовыми отходами. При низких температурах, продолжительном залегании снега и ледоставе их распад оказывается здесь очень медленным, а вредное воздействие на растительность и животных — продолжительным. Если, например, в средней полосе загрязненная бытовыми стоками река очищается на участке в двести-триста метров, то на Крайнем Севере для ее самоочищения недостаточно и полутора километров. Большой урон северной природе наносят также загрязнения нефтью и нефтепродуктами, ядовитыми веществами, входящими в состав буровых растворов.

Выбросы в атмосферу сернистого газа и окислов азота заводами, газовыми и нефтяными скважинами здесь, при повышенной влажности воздуха, оборачиваются выпадением «кислотных дождей» — растворов серной и азотной кислоты, наносят большой урон лишайникам, а тем самым вообще растительному покрову.

Даже если в том нет большой нужды, человек нередко изреживает северные леса, хотя здесь, на пределе произрастания древесной растительности, эти леса не только украшают

пейзаж, дают приют пернатым и четвероногим обитателям, но и смягчают климат. На Севере, как и повсеместно, пожары чаще всего возникают по вине человека — от непогашенного костра, брошенного окурка, искры от неисправного двигателя — и охватывают подчас громадные площади. Не меньший урон, чем лесу, они наносят тундре. Больше того, в отличие от леса, сожженные здесь ягельники часто уже не восстанавливаются, а на их месте образуются скудные пятнистые тундры.

С развитием промышленности и транспорта на Крайнем Севере возникают и неожиданные проблемы. Так газо- и нефтепроводы оказываются препятствием на пути мигрирующих оленьих стад, попытки же строительства специальных переходов через трубы больших успехов пока не принесли. Или — совсем «свежий» факт. С каждым годом все более продолжительной становится навигация в арктических морях, ледокольные корабли все легче преодолевают льды и все чаще оставляют в них полосы открытой воды. Эти каналы в свою очередь привлекают морских зверей, особенно тюленей; и, поскольку каналы быстро закрываются, они становятся ловушками для животных. Как предотвратить заход сюда тюленей и их гибель, пока не ясно...

Словом, природа, и особенно живая природа Крайнего Севера, оказывается очень хрупкой, и проблемы ее охраны привлекают к себе в мире все большее и вполне обоснованное внимание.

Во всех странах, владеющих Крайним Севером, предпринимаются те или иные шаги к их решению. В Советском Союзе, хотя в этом отношении и здесь остается немало пробелов, были осуществлены важные общегосударственные меры по охране природы, фауны, например, в 1980 году принят закон «Об охране и использовании животного мира СССР». Закон рассматривает животный мир как один из основных компонентов

природной среды, важную составную часть природных богатств государства, как источник получения промышленного и лекарственного сырья, пищевых продуктов и других материальных ценностей. Согласно этому закону, животный мир СССР используется также в научных, культурно-просветительных и эстетических целях, а меры по его охране и научно обоснованному, рациональному использованию осуществляются в соответствии с государственными планами экономического и социального развития страны при активном участии государственных, общественных организаций, а также граждан. Советское законодательство, отмечает закон, призвано способствовать эффективной охране животного мира и его рациональному использованию, воспитанию советских людей в духе хозяйственного и гуманного к нему отношения.

Особую тревогу и в мире, и в нашей стране вызывает судьба редких и исчезающих видов фауны, в том числе «северян». Одно из проявлений такой тревоги — учреждение Красных книг МСОП (международной Красной книги), СССР и РСФСР. Эти книги не имеют силы закона, и включение в них тех или иных животных и растений еще не означает начала охраны их самих или их местобитаний. Однако это основа для издания законодательных актов, научно обоснованная программа практических действий по спасению редких видов и подвидов, это, наконец, одно из средств воспитания людей, пропаганды разумного, бережного их отношения не только к редким представителям фауны и флоры, но и вообще к природе.

Существенную роль в охране и рациональном использовании животных играют и правила охоты, действующие, в частности, на Крайнем Севере СССР. Эти правила определяют допустимые сроки, нормы и способы охоты, перечисляют виды животных, добыча которых здесь запрещена (естественно, что в первую очередь

это виды и подвиды, включенные в Красные книги, а также особо ценные или традиционно охраняемые птицы, как, например, журавли, лебеди, гаги). Правилами охоты повсеместно в СССР запрещаются разорение гнезд птиц и нор зверей, а также промысел во время линьки птиц.

Помимо общегосударственных мер, в Советском Союзе были приняты специальные постановления правительства, направленные на сохранение природных комплексов именно северного региона.

Еще в 1921 году В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море». Как следует уже из его названия, этот декрет был направлен на защиту интересов государства в рыбных и зверобойных промыслах Севера, на охрану здешней промысловой фауны.

В 1956 году Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «О мерах охраны животных Арктики». Оно предусматривало полный запрет в СССР охоты на белых медведей, промысла моржей и диких северных оленей, обитателей птичьих базаров.

В 1959 году в целях упорядочения использования лесных ресурсов в северной части притундровых лесов была установлена ширина защитных полос от 30 до 150 км при общей ширине лесотундровой зоны 30—300 км. Специальные законодательные акты предусматривали также меры по сохранению оленьих пастбищ.

В 1984 году Верховным Советом СССР был принят Указ «Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР», ставший основным нормативным актом, регулирующим проблемы охраны природы региона. В отличие от документов, принятых раньше, Указ направлен на охрану не отдельных компонентов природы Севера, а всего ее комплекса: он также впервые уста-

навливает ряд норм. Так, в Указе подчеркивается, что для сохранения и восстановления природных комплексов, разработки научных основ охраны природы в регионе создается система заповедников и заказников (особо охраняемые участки природы, в том числе заповедники «Остров Врангеля» и Таймырский, были учреждены здесь в предыдущие годы), что в нее должны входить материковые и островные участки, а также участки морского дна и водного пространства.

В соответствии с этим документом плавание судов в пределах заповедников и заказников может осуществляться только по специальным коридорам, а передвижение транспортных средств по ледовой поверхности в зоне заповедников и заказников возможно лишь по определенным трассам. Кроме того, Указ предусматривает установление особых требований при плавании в Арктике судов, полетах самолетов и вертолетов, при проектировании, строительстве и эксплуатации разного рода предприятий, сооружений и установок.

Указом вводятся также более строгие правила по охране здесь земель и растительности, вод и воздуха, животного мира, предусматривается необходимость восстановления на Крайнем Севере возобновимых природных ресурсов, которым причинен ущерб при строительных, геологоразведочных и иных работах, ограничивается посещение Арктики туристами.

В решении проблем охраны природы, фауны важная роль принадлежит и международному сотрудничеству. На сохранение животных «северян» так или иначе были направлены заключенные Советским Союзом советско-японская и советско-американская конвенции об охране перелетных птиц, соглашения с Канадой, США, Данией и Норвегией о международной охране белого медведя, международные соглашения и конвенции по регулированию рыбо-

ловства, китобойного и зверобойного промыслов.

Специальные конвенции и соглашения, заключенные при участии СССР, направлены на сохранение видов и подвидов животных и растений, внесенных в Красные книги. В 1973—1976 годах восемьдесят стран мира, в том числе Советский Союз, подписали Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Этот документ определяет списки таких животных и правила международной торговли ими. Виды, вошедшие в списки первой категории (например, кречет или сокол-сапсан), могут быть проданы или куплены только в исключительных случаях и лишь по согласованию со специальными научными учреждениями.

В списки животных второй категории, торговля которыми строго регламентируется, а экспорт и импорт их требует специального заключения научных экспертов, вошли, например, белый медведь и тундровый лебедь. Конвенция предусматривает также составление списков животных и растений третьей категории, включающих виды, охрана которых определяется национальными интересами государств и регламентируется законами этих стран.

Как и во многих других государствах, в СССР была торжественно оглашена Всемирная стратегия охраны природы, подготовленная в 1978 году Международным союзом охраны природы и природных ресурсов. Цель этого документа — выявить экосистемы, а также виды животных и растений, требующие особого внимания, разработать требования по охране живой природы, обосновать и предложить меры по их осуществлению.

«Трагедии моря» Моуэта — повествование о многих и многих потерях, понесенных от человека фауной Канады, особенно фауной ее северо-востока. Однако в последние десятилетия и здесь были пред-

приняты меры по упорядочению использования и охране животного мира, как и вообще природных ресурсов, природных комплексов. Из таких общих мер в первую очередь можно назвать принятые федеральным правительством страны закон о предотвращении загрязнения арктических вод, прилежащих к континенту и островам канадской Арктики и закон о землях Территорий (Северо-Западные Территории и Территория Юкон), наряду с принятыми во исполнение закона правилами землепользования на Севере.

Управление ресурсами диких животных здесь разграничено между федеральными и местными органами власти (администрациями отдельных провинций и Территорий Канады). В частности, мигрирующие и исчезающие виды находятся под опекой федеральной Службы диких животных Канады, входящей в Министерство охраны окружающей среды. Одним из практических действий этой Службы была организация на севере Канады пятнадцати орнитологических заказников, наиболее крупные и экологически важные из которых располагаются на островах Банкс, Кэнделл, Сеймур, на побережье залива Королевы Мод. В их пределах охота для всех; за исключением местных коренных жителей, запрещена, разведка полезных ископаемых разрешается лишь под контролем инспекторов из Службы диких животных, ограничен и круг лиц, которые могут посещать заказники.

Одно из положений закона о землях Территорий оговаривает создание заказников также на участках, где происходит размножение диких животных. К таким заказникам местного значения относятся, например, резерваты крупной дичи Мак-Артур и Тэлон, резерват бизонов Маккензи. Уместно, впрочем, отметить, что разделение полномочий в управлении особо охраняемыми природными территориями между центральными органами власти и местной админи-

страцией нередко становится причиной острых противоречий между ними. Нередко решения федерального правительства об организации на севере Канады национальных парков или заказников встречали противодействие местной администрации, идущей на поводу у промышленных корпораций, видящих в мерах по охране природы ограничения для своей деятельности.

Существенная роль в системе мер по сохранению природных комплексов уделяется в Канаде национальным паркам. Парки, находящиеся в северных районах страны, подчиняются федеральному министерству по делам индейцев и развития Севера. Среди них наибольшей известностью пользуется Вуд-Баффало (парк лесных бизонов), организованный еще в 1922 году, где обитает самое крупное из сохранившихся стад лесных бизонов и располагается единственное в мире гнездовье американских журавлей.

Парки Клуэйн, Наханни и Баффинова Земля были организованы в 1972 году. Первый из них — царство ледников и тундр, альпийских лугов и тайги. На его территории находятся высочайшие горные пики Канады и обитает большинство представителей канадской фауны. Национальный парк Наханни, учитывая уникальность его ландшафтов, включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. У национального парка Баффинова Земля есть и второе, эскимосское название — Аукиттук («место, где никогда не тает снег»). В нем представлены ледники и снежники полуострова Камберленд Баффиновой Земли, обитают дикие северные олени и песцы, устраивают залежки моржи и залегают в берлоги белые медведи.

В последние годы на севере Канады были организованы или организуются и другие национальные парки. Достопримечательности парка «Залив Батерст-Инлет» включают, например, места отела овцебыков, обитания диких северных оленей, раз-

множения водоплавающей дичи, соколов и других пернатых. Национальный парк «Остров Банкс» призван охранять стада овцебыков и северных оленей, места размножения песцов. Основная задача национального парка «Залив Уэйджер-Бей» — охрана стад диких северных оленей, белого медведя, белухи, нарвала, арктических тюленей. Национальный парк «Остров Элсмир» — самый северный в Канаде. Здесь обитают, уже на пределе своего распространения, овцебыки, северные олени, песцы.

Ресурсами оседлых животных, не относящихся к категории исчезающих видов, распоряжаются на севере Канады особые местные советы, возглавляемые, однако, комиссарами, назначаемыми федеральным правительством. С ведома и согласия местного совета комиссар утверждает указы о порядке использования животного мира, а также правила охоты. На местах за соблюдением указа и правил охоты следят назначенные для этой цели инспекторы. Комиссару предоставлено право присвоения статута заказника, «критического местообитания» или «особо управляемого участка» территориям, имеющим исключительно важное значение как среды обитания диких животных.

В правилах охоты, действующих на севере Канады, кроме того, есть ряд общих положений. Это — запрет использования ядов, обездвигивающих средств, некоторых типов оружия, применения на охоте моторизованного транспорта, отлова без особого на то разрешения живой дичи, разорения нор зверей, гнезд птиц и т. д.

И здесь, следовательно, существуют ограничения в использовании ресурсов животного мира, живой природы. По канадским законам нарушители охотничьего законодательства, лица, уличенные в браконьерстве, караются денежным штрафом до тысячи долларов или тюремным заключением сроком до года. И действительно, браконьеров ловят, на-

казывают. Но это всего лишь «мелкая рыбешка». «Акулы», заправи́лы рыболовной, китобойной, зверобойной индустрии, пушного промысла часто браконьерствуют безнаказанно. А они-то и есть главные расхитители богатств здешней природы. Да и сама деятельность по охране природы официальных лиц здесь зачастую — лишь политическая игра, погоня за приобретением политического (впрочем, нередко и вполне материального) капитала. Об этом подробно, с гневом и страстью рассказывает Фарли Моуэт.

В своей книге он поднимает также проблему морально-этическую. Нельзя без волнения читать о том, с какой жестокостью человек когда-то расправлялся с последними «копье-носцами» и как он расправляется теперь с тюленями, особенно с их детенышами. И конечно, Моуэт совершенно прав, называя первопричиной подобного варварства жажду наживы, а истоком зла — «право свободного предпринимательства», развязывающее руки заправи́лам рыболовных, зверобойных и иных канадских или норвежских компаний. Моуэт гневно обличает жестокое обращение с животными, призывает к гуманному отношению к ним.

Как и все его книги, «Трагедии моря» читается с большим интересом. В то же время это и капитальный труд, осуществленный в соответствии с нормами научных исследований. Моуэт проанализировал колоссальный фактический материал — литературные источники, ведомственные данные, конечно, и собственные наблюдения, приводит здесь множество цифр и других объективных показателей, чем эта книга ценна для специалистов — биологов и экологов (по этой причине мы сочли необходимым привести в примечаниях латинские названия упоминаемых в тексте видов животных). Следует, правда, отметить, что кое-где автор не вполне точен или приходит к выводу, с которым трудно согласиться; конкретно об этом тоже говорится в примечаниях.

За короткое время «Трагедии моря» выдержали два издания на английском языке (в 1984 и 1985 гг.), что свидетельствует об успехе книги, интересе к ней широких кругов читателей. Не вызывает сомнений, что с не меньшим интересом она будет встречена и в нашей стране.

Профессор С. М. Успенский

Комментарии

- ¹ Бескрылая гагарка — *Alca impennis*. Как надклювье, так и подклювье ее были мощными, острыми, уплощенными, испещренными по бокам косыми бороздками.
- ² Северная олуша — *Sula bassana*.
- ³ Буревестники — представители рода *Puffinus*. В описываемом автором районе наиболее обычны два вида: большой — *P. gravis* — и малый — *P. puffinus* — буревестники. Глупыш — *Fulmarus glacialis*.
- ⁴ Обыкновенная (речная) крачка — *Sterna hirundo*.
- ⁵ В описываемом автором районе встречаются два вида качурок: северная — *Oceanodroma leucorhoa* — и Вильсона — *O. oceanicus*.
- ⁶ См. примечание 2.
- ⁷ Большой баклан — *Phalacrocorax carbo*.
- ⁸ Ушастый баклан — *Phalacrocorax auritus*.
- ⁹ В описываемом автором районе обитают четыре вида «черноголовых» крачек:
арктическая крачка — *Sterna paradisaea*,
обыкновенная (речная) крачка — *Sterna hirundo*,
розоватая крачка — *Sterna forsteri*,
каспийская крачка — *Hydroprogne caspia*.
- ¹⁰ Черноголовая чайка — *Larus philadelphia*,
смеющаяся чайка — *Larus atricilla*.
- ¹¹ Серебристая чайка — *Larus argentatus*,
делавэрская чайка — *Larus delawarensis*,
большая (морская) чайка — *Larus marinus*,
чайка-моевка — *Rissa tridactyla*.
- ¹² Гагарка — *Alca torda*.
- ¹³ Атлантический чистик — *Cephus grylle*.
- ¹⁴ Тонкоклювая кайра — *Uria aalge*.
- ¹⁵ Толстоклювая кайра — *Uria lomvia*.
- ¹⁶ Тупик — *Fratercula arctica*.
- ¹⁷ Пестициды — ядохимикаты, применяемые для борьбы с вредителями и болезнями растений в сельском и лесном хозяйстве. Ряд их, особенно хлороорганические соединения, вызывает отравления животных, в частности птиц; хроническое отравление ими ведет к тому, что птицы прекращают размножаться (например, несут яйца с истонченной скорлупой, непригодные для насиживания). Несколько подробнее автор говорит об этом ниже.
- ¹⁸ Эскимосский кроншнеп — *Numenius borealis*.
- ¹⁹ Американский длинноклювый кроншнеп — *Numenius americanus*.
- ²⁰ Средний (гудзонский, морской) кроншнеп — *Numenius phaeopus*.
- ²¹ Пятнистый веретенник — *Limosa fedoa*.
- ²² Канадский (гудзонский) веретенник — *Limosa haemastica*.
- ²³ Перепончатопалый улит («знаменосец») — *Catoptrophus semipalmatus*.
- ²⁴ Кулик-сорока — *Haematopus ostralegus*.
- ²⁵ Чернозобик — *Calidris alpina*.
- ²⁶ Исландский песочник — *Calidris canutus*.
- ²⁷ Американский бекасовидный веретенник — *Macrorhamphus griseus*.
- ²⁸ Гаршнеп — *Capella gallinago*.
- ²⁹ Желтоногий улит — *Totanus flavipes*.
- ³⁰ Пегий улит — *Totanus melanoleucus*.
- ³¹ Песочник-крошка — *Erolia minutilla*,
перепончатопалый песочник — *Ereunetes pusillus*,
перепончатопалый зуек — *Charadrius semipalmatus*,
полюший зуек — *Charadrius melanotos*,
песочник — *Charadrius ap-*

- 33 Лебедь-трубач — *Cygnus buccinator*.
- 34 Американский лебедь — *Cygnus columbianus*.
- 35 Канадская казарка — *Branta canadensis*,
черная казарка — *Branta bernicla*,
белый гусь — *Chen caerulescens*.
- 36 Каролинская утка (каролинка) — *Aix sponsa*.
- 37 Зеленокрылый чирок — *Anas carolinensis*.
- 38 Североамериканский нырок — *Aythya valisineria*,
американская красноголовая утка — *Aythya americana*.
- 39 Чернеть — *Aythya marila*, *Aythya affinis*,
черная американская утка — *Anas rubripes*.
- 40 Лабрадорская утка (гага) — *Campторhinchus labradorius*.
- 41 Гага (обыкновенная гага) — *Somateria mollissima*.
- 42 Гагары полярные:
темноклювая — *Gavia immer*,
белоклювая — *Gavia adamsii*.
- 43 Белый ибис — *Eudocimus albus*.
- 44 Краснокрылая колпица — *Ajaia ajaia*.
- 45 Голубая цапля — *Ardea herodias*.
- 46 Американский журавль — *Grus americana*.
- 47 Канадский журавль — *Grus canadensis*.
- 48 Странствующий голубь — *Ectopistes migratorius*.
- 49 Дикая индейка — *Meleagris gallopavo*.
- 50 Воротничковый рябчик — *Bonasa umbellus*.
- 51 Вересковый тетерев (номинальный подвид степного тетерева) — *Tympanuchus capido capido*.
- 52 Тундровая куропатка — *Lagopus mutus*,
белая куропатка — *Lagopus lagopus*.
- 53 Беркут (орел беркут) — *Aquila chrysaetos*.
- 54 Белоголовый орлан — *Haliaeetus leucoccephalus*.
- 55 Скопа — *Pandion haliaetus*.
- 56 Ширококрылый канюк — *Buteo platyterus*.
- 57 Ястреб Купера — *Accipiter cooperii*.
- 58 Мнение о том, что еще в историческое время белые медведи постоянно обитали в Балтийском море и на Курильских островах, спорно.
- 59 На основании осуществленного в последние 15—20 лет массивного мечення белых медведей (в том числе — при помощи радиопередатчиков и сле-

жения за перемещениями медведей с искусственных спутников земли), а также применения других методик исследований было установлено, что в Арктике обитает ряд относительно самостоятельных и географически изолированных популяций этих зверей (в Советской Арктике — три, на Шпицбергене — одна, в Гренландии — две, в Арктической Канаде — десять и у побережья Аляски — две). Говоря о том, что мех белого медведя летом темнеет, автор не прав. Темнеют звери, оказавшиеся летом на суше и испачкавшиеся в земле.

В СССР меры по охране белых медведей начали предприниматься в 1938 г. (была запрещена охота на зверей с судов и без крайней необходимости на полярных станциях). В 1954 г. специальным постановлением Совета Министров РСФСР была полностью запрещена охота на белых медведей в Советской Арктике. В 1950—1970 гг. Советский Союз активно выступал за международную охрану вида; эти усилия завершились подписанием в 1975 г. пятью странами (СССР, США, Канадой, Данией и Норвегией) такого соглашения.

60 Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (SITES), предусматривает запрет торговли шкурами белых медведей.

61 Гризли — *Grizzly* — по-английски означает «седой», или «серый».

62 Моравы (моравские братья) — члены одноименной религиозной секты, возникшей в XV в. в Чехии. Принадлежавшие к ней миссионеры активно действовали на северо-востоке Канады. Они не только распространяли среди здешних эскимосов и индейцев христианство, но и вели с ними торговлю (главным образом выменивали пушнину).

63 Барibal (американский черный медведь) — *Ursus (Euarctos) americanus*.

64 Американская куница — *Martes americana*,
куница-рыболов (пекан) — *Martes pennanti*,
горноста́й — *Mustela erminea*,
американская (канадская) выдра — *Lutra canadensis*,
американская норка — *Mustela vison*.

65 Систематика выдр разработана недостаточно, однако очевидно, что речь

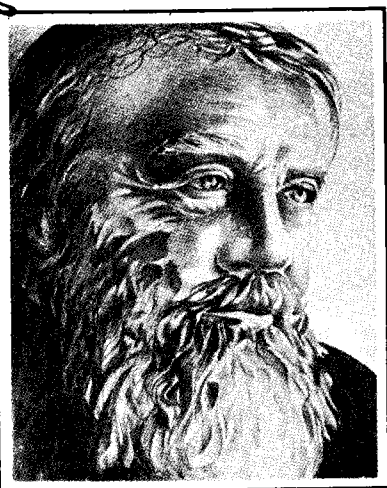

- здесь идет именно о речных выдрах, представителях рода *Lutra*, а не о морской выдре, или калане (род *Enhydra*).
- 66 Речь идет о так называемой морской, или гигантской, норке [*Mustela macrodon*], обитавшей на северо-восточном побережье Северной Америки (особенно многочисленной она была у побережья штата Мэн) и полностью истребленной в прошлом веке.
- 67 Росомаха — *Gulo gulo*.
- 68 Более принято выделять три подвида бизонов: восточный (пенсильванский) бизон — *Bison bison pennsylvanicus*; к этому подвиду принадлежал и описываемый автором орегонский бизон, степной бизон — *Bison bison bison* и лесной бизон — *Bison bison athabascæ*.
- 69 Олень-вапити — самый крупный представитель так называемых благородных оленей — *Cervus canadensis*. Лесной карибу — так американские зоологи называют несколько подвидов лесных диких северных оленей — *Rangifer tarandus*, американский лось — *Alces americana*. Пума (кугуар) — *Felis conguar*.
- 70 Канадская рысь — *Lynx canadensis*.
- 71 Американский полярный заяц — *Lepus arcticus*.
- 72 Американский заяц-беляк — *Lepus americanus*.
- 73 Короткохвостая рыжая рысь (бобкэт) — *Lynx rufus*.
- 74 Мнение автора о том, что песцы постоянно обитали в тех районах, где они появляются теперь только зимой, спорно. Песцам свойственны протяженные сезонные миграции. Часть их мигрирует осенью на юг, и по долинам рек они нередко проникают далеко в глубь лесной зоны. Часть песцов откочевывает осенью на север, на морские льды. В таком случае песцы нередко становятся зимой спутниками белых медведей.
- 75 Койот — *Canis latrans*.
- 76 Макрель — *Scomberomorus cavalla*. Кефаль — *Mugil curema*. Каменный окунь — *Centropristes striatus*. Тунец — *Euthynnus quadripunctatus*, Угорь — *Conger conger*, Минога — *Petromyzon marinus*, Лосось — *Salmo salar*, Щука — *Esox lucius*, Форель — общее название нескольких видов пресноводных рыб сем. лососевых [*Salmonidae*],
- Лещ (американский лещ) — *Notemigonus chryssoleucas*.
- 78 Голубой окунь — *Tautoglabrus adspersus*, Чоп — *Lagodon rhomboides*, Треска — *Gadus morhua*, Менек — *Bromse bromse*, *Hippoglossus hippoglossus*, Палтус (атлантический палтус) — *Hippoglossus hippoglossus*, Скумбрия (атлантическая скумбрия) — *Scomber scombrus*, Скаты — несколько видов, главным образом представители родов *Raja* и *Dasyatis*, Осетр (атлантический осетр) — *Acipenser sturio*.
- 79 Сельдь — *Clupea harengus*, Камбалы — представители родов *Etropus*, *Paralichthys*, *Glyptocephalus* и некоторые другие, Шэд — *Alosa sapidissima*, Корюшка — *Osmerus mordax*, Сиги — представители рода *Coregonus*, Атлантический лосось — *Salmo salar*.
- 80 Пикша — *Melanogrammus aeglefinus*.
- 81 Морской окунь — *Sebastes marinus*.
- 82 Атлантический палтус — *Hippoglossus hipoglossus*, камбала-ерш — *Hippoglossoides platessoides*, желтохвостая камбала — *Limanda ferruginea*, длинная камбала — *Glyptocephalus cynoglossus*.
- 83 Полосатая зубатка — *Anarhichas lupus*, Сельдевая акула — *Lamna nasus*, Ключая акула — *Squalus acanthias*, Звездчатый скат — *Raja radiata*, Макрурус — *Macrourus berglax*.
- 84 Макрель — *Scomberomorus cavalla*, Атлантическая сельдь — *Clupea harengus*, Пузанковая сельдь — *Brevoortia tyrannus*, Мойва — *Mallotus villosus*.
- 85 Атлантический лосось — *Salmo salar*.
- 86 Стеллерова морская корова (капустник) — *Hidrodamalis gigas*. Обитала на Командорских островах. Последняя была убита в 1768 г. Обитание в прошлом родственного ей вида в Гренландии маловероятно.
- 87 Ложная каретта — *Caretta caretta*, кожистая черепаха — *Dermochelys coriacea*.
- 88 Осетры: озерный — *Acipenser fulvescens*,

- короткорылый — *Acipenser brevirostrum*,
атлантический — *Acipenser sturio*.
- 89 Полосатый морской окунь — *Roccus saxatilis*.
- 90 Синий (обыкновенный тунец) — *Thunnus thunnus*.
- 91 Меч-рыба — *Xiphias gladius*.
- 92 Гигантская акула — *Cetorhinus maximus*.
- 93 Устрица — *Ostrea edulis*,
мидия — *Mytilus edulis*,
морской гребешок — представители морских двухстворчатых моллюсков семейства *Pectinidae*.
- 94 Омар — *Homarus americanus*.
- 95 Криль — промысловое название мелких планктонных морских рачков отряда эуфазиевых. По мнению специалистов, запасы криля, в частности в морях Антарктики, велики и его промысел весьма перспективен, тем более что количество китов — основных потребителей рачков, резко сократилось.
- 96 Серый кит — *Eschrichtius gibbosus*. В наши дни сохранился лишь на севере Тихого океана.
- 97 Черный (гладкий, бискайский) кит — *Eubalaena glacialis*.
- 98 Кашалот — *Physeter catodon*.
- 99 Спермацет — жировоск, содержащийся в особом мешке, расположенном в голове кашалота. Применяется в фармацевтической, парфюмерной и некоторых других видах промышленности.
- 100 Московская компания — английская торговая компания (1154—1649 гг.), торговавшая с русским государством и странами Востока.
- 101 Гренландский кит — *Balaena mysticetus*.
- 102 Синий кит (блювал) — *Balaenoptera musculus*,
Сельдяной полосатик (финвал) — *Balaenoptera physalis*,
Сайдяной полосатик (сейвал) — *Balaenoptera borealis*,
Малый полосатик (кит Минке) — *Balaenoptera acutorostrata*,
Полосатик Брайда — *Balaenoptera edeni*. Близок к сейвалу, наиболее теплолюбивый из полосатиков.
- 103 Горбатый кит (горбач) — *Megaptera nodosa*.
- 104 Морская свинья — *Phocaena phocaena*.
- 105 Белуха — *Delphinapterus leucas*.
- 106 Нарвал — *Monodon monoceros*.
- 107 Чани-Джон — местное название высколобого бутылконоса, представителя семейства клюворылых китообразных — *Hyperoodon ampullatus*.
- 108 Обыкновенная гринда — *Globicephalus melas*.
- 109 Морж — *Odobenus rosmarus*,
Тевяк (серый, длинномордый) тюлень — *Halichoerus grypus*,
Обыкновенный тюлень — *Phoca vitulina*,
Лысун (гренландский тюлень) — *Histriophoca groenlandica*,
Хохлач — *Cystophora cristata*.
- 110 В пределах своего ареала, в арктических и субарктических водах, моржи образуют несколько самостоятельных стад. Наиболее крупное из них обитает в Беринговом и Чукотском морях. Второе стадо моржей круглый год обитает в море Лаптевых и Восточно-Сибирском. Третье стадо населяет моря, примыкающие к Атлантическому океану, — Баренцево, Карское, прибрежные воды Гренландии и Восточной Канады. Представителей этих трех стад зоологи соответственно относят к трем различным подвидам: тихоокеанским моржам (они достигают наибольших размеров, и у них самые длинные и толстые клыки), лаптевским и атлантическим моржам. Два последних подвида включены в международную Красную книгу и Красную книгу СССР.
- 111 Залежки, лежбища — скопление тюленей на суше или льдах для размножения (щенные залежки) или линьки (линные залежки).
- 112 Ньюфаундленд в 1713—1917 и в 1934—1939 гг. был английской колонией, в 1917—1934 гг. имел статус доминиона, с 1949 г. — одна из провинций Канады.
- 113 Здесь автор противоречит себе, поскольку ниже он сообщает о том, что в 1964 г. в СССР (в Белом море) судовой промысел гренландских тюленей был полностью запрещен.
- 114 Международный фонд защиты животных (WWF) был создан в 1961 г. Фонд — неправительственная международная организация, участники которой — национальные комитеты в Австрии, Бельгии, США и некоторых других государствах. Фонд сотрудничает с Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (МСОП) и финансирует мероприятия по охране живой природы.

Оглавление

	Как и почему возникла эта книга	5
1	<i>Морская дичь: Бескрылая и крылатая</i>	Глава 1. Копьенос 13 Глава 2. Морская дичь 31 Глава 3. Быстрокрылые 40 Глава 4. Охотничий азарт 49 Глава 5. И прочие крылатые 59
2	<i>Мясо, шкуры и мех</i>	Глава 6. Белый призрак 71 Глава 7. Бурые и серные 87 Глава 8. Носители мускуса 96 Глава 9. Смертный час бизона 105 Глава 10. Дикие кошки и собаки 114
3	<i>Море без рыбы</i>	Глава 11. Королева треска и царственный лосось 131 Глава 12. В море стало больше рыбы? 148
4	<i>Исчезнувшие морские исполины</i>	Глава 13. Лучшие из них 165 Глава 14. Киты-полосатики 196 Глава 15. Мелкие киты 219
5	<i>Ластоногие</i>	Глава 16. Моржи 241 Глава 17. Дотары и тевяки 261 Глава 18. Смерть на льду (старый стиль) 274 Глава 19. Смерть на льду (новый стиль) 295 Взгляд в будущее 327 Библиография 329 Послесловие 336 Комментарии 347

"История человеческого общества... была и в основе своей остается историей эксплуатации живой природы. Именно поэтому я избрал ее своей центральной темой... Эта книга повествует о кровавой драме прошлого, фиксируя то, что мы натворили в одном регионе за пятьсот лет господства человека — самого смертоносного хищника из тех, что когда-либо существовали на нашей опустошаемой планете. Но может быть, если мне будет сопутствовать удача, сия летопись... "Моря Кровопролития" поможет нам осознать пагубные последствия нашей необузданной жадности, с которой мы респравляемся с миром животных. Быть может, она поможет изменить наши взгляды и действия, с тем чтобы в будущем мы окончательно не превратились в разрушителей мира живой природы, чеством которого являемся сами."

Фарли Моузт